МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА»

ИНГУШЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗА

(К 90-ЛЕТИЮ ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА)

Материалы Международной научной конференции.
г. Магас, 14-16 ноября 2016 г.

МАГАС – 2016

УДК 93/94/908
ББК 63.8
И59

РЕКОМЕНДОВАНО К ИЗДАНИЮ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ ГБУ «ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА»

Редакционная коллегия:
Барахоева Н.М., Долгиева М.Б., Дударов А-М.М.,
Киева З.Х., Матиев М.А.

Ответственный редактор:
П.Х. Акиева

И59 **Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института).** Сборник статей Международной научной конференции (14-16 ноября 2016 г.) – Магас, 2016. – 228 с.
ISBN

Сборник составлен по материалам, представленным на Международной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института)». В фокусе внимания авторов сборника оказались проблемы кавказоведения. Авторы рассматривают широкий круг вопросов, связанных с изучением истории и археологии, культурных и этнографических традиций, социальных, конфессиональных и языковых аспектов народов Кавказа. В научный оборот вводятся новые источники, архивные документы, предлагаются современные интерпретации проблем кавказоведения.

Сборник предназначен для научных работников, занимающихся исследованиями в области истории, этнологии, лингвистики, культурологии, этнографии, литературы, фольклористики и нартоведения, для аспирантов, студентов и широкого круга читателей, интересующихся Кавказом.

УДК 93/94/908
ББК 63.8

Текстовые материалы даются в авторской редакции. Редакционная коллегия сборника может не разделять мнение и аргументы авторов.

ISBN ……

© ГБУ «ИнгНИИ», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

Акиева П.Х.
ПРЕДИСЛОВИЕ 6

Барахоева Н.М.,
д. филол. н., профессор, директор ГБУ «ИнгНИИ»
Ингушский научно-исследовательский институт:
история и современность 7

РАЗДЕЛ I. ИНГУШЕВЕДЕНИЕ В ЛИЦАХ 10
Агиева Л.Т.
Роль русской интеллигенции в становлении ингушской науки 10
Акиева Х.М.
Истоки ингушской науки и музейного дела (1920-1940 гг.) 13
Аккиева С.И., Акиева П.Х., Шавлаева Т.М.
Кавказоведение в научных трудах профессора Х.А. Акиева (1942-2009) 14
Албогачиева М.С.-Г.
Этнограф, археолог, краевед кавказа, исследователь ингушско-чеченского народа,
просветитель «Нахаа сидар» Ф.И. Горепекин 21
Алмазов И.Г.
Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (хроника первого
1926/1927 академического года) 24
Генко Г.А.
Кавказовед Анатолий Несторович Генко 28
Дзарахова З.М.-Т.
Их имена вписаны в историю народа (о героях социалистического труда) 41
Дзуматова З.Р.
К вопросу о деятельности кавказской археографической комиссии 44
Долгиева М.Б., Акиева П.Х.
Мамайхан Агларов и актуальные проблемы кавказоведения 46
Матиев М.А.
Всегда быть первым (к 75-летию В.-Г. Танкиева) 47
Нанаева Б.Б.
Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт: вехи истории 51
Рамазанлы Н.Х.
Классификация наук и проблемы их взаимодействия (в контексте эволюции
естественных, технических, общественных и гуманитарных наук) 55
Шадиев С.А.
И.А. Дахкильгов – ученый, писатель, педагог 59

РАЗДЕЛ II. ИНГУШЕТИЯ И КАВКАЗ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ 63
Акиева П.Х.
Нарты-великаны ингушского эпоса 63
Алиев Н.А.
Зарождение военного дела, оружие и вооружение воина в Азербайджане
в древний период 70
Алиева С.И.
Стратегические отношения Азербайджана с Россией на примере
Республики Ингушетия как субъекта РФ 74
Арапханова Л.Я.
Политический аспект практики подготовки и проведения депортации ингушей:
причинно-следственные факторы 80
Гасанов Г.Н., Магеррамов Э.А.
Социально-экономическая жизнь г. Дербента в первой половине XIX века 84
Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С.
О роли и месте вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи
(некоторые аспекты) 87
Гумба Г.Д.
Соаны страбона 90

Джанкёзова М.А.-А.
Историзация сюжетов карачаево-балкарских песен в пост-нартском эпосе 93
Джапуа З.Д.
Первое монографическое исследование поэтики нартского эпоса 97
Дмитриев В.А.
Монеты в памятниках бытовой культуры народов Северного Кавказа из собрания Российского этнографического музея 100
Дударов А.-М.М.
К вопросу о динамике расселения народов Кавказа в древности 106
Картоев М.М.
Динамика численности ингушей в XIX – начале XX вв. 108
Кямиль М.А.
Подготовка и претворение в жизнь рескрипта от 6 декабря 1846 г. в северном Азербайджане 111
Матиев Т.Х.
Образовательный аспект как фактор общественного развития Ингушетии в XX веке 113
Муртазалиев А.М.
Представители рода имама Шамиля за рубежом. Личности и судьбы 116
Салсанова А.И.
Женские образы в художественных произведениях Ахмета Бокова 119
Султанбеков Р.М.
Сюргинцы в известиях западно-европейских и русских дореволюционных авторов XVIII – XIX вв. 122
Танкиев В.-Г.Х.
К вопросу о Каспийском походе Петра I 124
Цароева М.Г.
Следы христианства у ингушей 132

РАЗДЕЛ III. ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВ КАВКАЗА 139
Атаев Б.М., Атаева М.Б.
Этноязыковые проблемы народов Дагестана 139
Гандалоева А.З.
Структурно-семантические особенности паремиологических и фразеологических единиц в ингушском языке 141
Гишаев Н.Т.
Зависимость типологии предложения от валентности его членов 144
Кафар-заде Л.Р.
Этноязыковая ситуация в азербайджанском государстве Сефевидов: миф и реальность (по материалам англоязычной историографии) 146
Киева З.Х.
Фразеологические единицы ингушского языка, обозначающие характер человека 149
Костоева Ф.М.
Лексические параллели ингушского и ашуйского (абхазский, абазинский, убыхский) языков 152
Кубанова Л.В.
Этноязыковые проблемы малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике 153
Магомедов Д.М.
Сохранение языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания 156
Магомедов М.И.
Проблемы сохранения, функционирования и развития дагестанских языков на современном этапе 159
Магомедханов М.М.
К изучению современной этноязыковой ситуации на Северном Кавказе 163
Ситимова С.С.
К вопросу о фонетических особенностях западных диалектов адыгейского языка 165

Султыгова М.М.
Имени числительному в ингушском языке быть…? (или к вопросу о влиянии русского языка на ингушский)....168
Султыгова М.М.
Региональный государственный язык: проблемы и перспективы его развития (по результатам анализа современного состояния ингушского языка)....171
Хайрова Р.Р.
Несобственно-прямая речь как один из способов передачи чужой речи в ингушском языке....173

РАЗДЕЛ IV. ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ....176
Аккиева С.И.
Исторические основы доверия в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев....176
Анчек С.Х.
Пословицы и поговорки адыгов: функционирование в других жанрах, их философский подтекст....179
Атажахова С.Т.
Своеобразие языковых повторов в поэзии адыгейских поэтов....181
Биданок М.М.
Разнообразие стиля в языке прозы Хазрета Ашинова....185
Борокова Л.А.
Приметы как малый фольклорный жанр абазин: опыт классификации....188
Гасанова У.У.
Кайтагская вышивка – искусство для жизни....190
Гарсаев Л.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М., Гарасаев А.М.
К вопросу о похоронно-поминальной обрядности чеченцев и ингушей....194
Капланова А.И.
От обрядового фольклора к нравственному идеалу....196
Кукаева С.А.
Названия традиционных мучных изделий в ногайском языке....199
Нифталиев Р.Ю.
Из истории зорхана в Азербайджане....201
Рамазанова З.Б.
Этикет питания народов Дагестана....205
Сефербеков Р.И.
Влияние процессов модернизации на эволюцию традиционного жилища народов Дагестана в советский и постсоветский периоды....209
Харсиев Б.М.-Г.
Регламентация семейных отношений ингушей....212
Хуако Ф.Н.
Исповедь и ее вариативность в северокавказской прозе (на примере ингушских и адыгских авторов конца XX – начала XXI вв.)....218
Шаманова Ф.Д.
Авторское начало в фольклорном наследии....221
Яндиева Т.У.
Жизнь и деятельность ученого-богослова Усмана Муцольгова....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ....225

ПРЕДИСЛОВИЕ

В представленный сборник вошли материалы Международной научной конференции, прошедшей 14-16 ноября 2016 г. в городе Магас «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института)». Постановка и обсуждение проблем истории, культуры, этнографии, фольклора и литературы народов Кавказа на различных научных площадках, в том числе и данной конференции, которые являются местом дискуссий и обмена мнениями, позволяют наметить основные направления дальнейшего развития кавказоведения и содействовать всестороннему изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием.

Парадигма культурного многообразия накладывала отпечаток на формы исторического развития и репрезентации прошлого и настоящего Кавказа, которые окутаны множеством легенд и мифов. «Кавказ – бесценный по богатству и разнообразию музей этнографических, археологических и естественно-исторических сокровищ всякого рода. Путешествие на Кавказ, живое знакомство с ним лицом к лицу – в состоянии доставить глубокое наслаждение и глубокое поучение наблюдающему и мыслящему человеку».[1] Имея продолжительную историю и богатую культурную мозаику, Кавказ издревле привлекал к себе внимание путешественников и ученых.

Современное кавказоведение многоаспектно, оно включает в себя совокупность исторических дисциплин, занимающихся исследованием различных сторон жизни кавказского социума. Дебатный формат конференции позволил представить проблемы кавказоведения в историко-сравнительном контексте, обсудить пути решения актуальных проблем. Материалы конференции, несомненно, будут содействовать изучению Кавказа в его тесной вовлеченности в общемировое развитие и популяризацию научных знаний и достижений современного кавказоведения.

В предлагаемом читателю сборнике материалов представлены наиболее интересные статьи специалистов из различных научных центров страны и зарубежья: Института истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку), Абхазского института гуманитарных исследований Академии наук Абхазии (Сухум), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Дагестанского Государственного университета (Махачкала), Дагестанского государственного педагогического университета (Махачкала), Дагестанского научного центра РАН (Махачкала), Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики РАН (Грозный), Чеченского государственного университета (Грозный), Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (Майкоп), Майкопского государственного технологического университета (Майкоп), Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (Черкесск), Ингушского Государственного университета и Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева (Магас).

Исследовательские интересы авторов обусловили широкий и многоплановый охват научных проблем современного кавказоведения. В результате внимание исследователей было сфокусировано на исторических сюжетах развития научной кавказоведческой мысли, в том числе и ингушских научных центров с начала XX века. Рассматриваются проблемы историографии, представлены различные аспекты истории и этнографии, нартоведения и фольклора, литературы и этноязыкового разнообразия Кавказа, а также социально-экономической жизни региона. Достаточно широкое поле обсуждения в контексте общего концептуального подхода предопределило рубрикацию сборника, в который вошли разноообразные статьи, частью совпадающие по тематике, частью расположенные в разделах относительно автономно.

Несомненно, что изучение актуальных вопросов кавказоведения требует новых подходов, широких междисциплинарных и общерегиональных исследований, глубокого анализа и нестандартных решений. Считаем правомерным и актуальным сегодня выделить фундаментальные основы, объединяющие такой многоликий, разноязыкий и многоцветный Кавказ.

Глубина и широта тематического охвата представленных в сборнике материалов позволяет увлеченному этим уникальным краем читателю найти для себя интересный и содержательный материал. Уверены, что сборник материалов Международной научной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа», посвященный 90-летию Ингушского научно-исследовательского института, станет важным и полезным источником для дальнейших исследований самобытного, поликультурного Кавказа.

П.Х. Акиева

[1] Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории //Кавказ: музей мировой истории. Нальчик. 2011. Вып. IX. С. 5

Н.М. Барахоева
д. филол. н., профессор,
директор ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева»

ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В статье рассматривается история становления и проблемы развития Ингушского научно-исследовательского института, представлена периодизация процесса становления и формирования ингушской науки.

Ключевые слова: Ингушский научно-исследовательский институт, наука, реорганизация, объединение, депортация, воссоздание, современное ингушеведение.

N.M. Barakhoeva
Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Director of State Budget Establishment the Ingush Scientific Research Institute of the Humanitarian Sciences named by Chakh Ahriev

INGUSH SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE: HISTORY AND MODERNITY

Abstract: The article considers the history of formation and development problems of the Ingush Research Institute, presented the periodization of the process of becoming and the formation of the Ingush science.

Key words: Ingush Research Institute, Science, reorganization, the union of, deportation, the creation of new, modern ingushevedenie.

В 2016 г. Ингушскому научно-исследовательскому институту гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева исполняется 90 лет. За этот период в истории ингушской науки произошли колоссальные перемены. С момента своего основания и до сегодняшних дней Институт был и продолжает оставаться центром научной жизни Ингушетии, где исследуются различные проблемы истории, языка, литературы, этнографии ингушей.

Наука во все времена была и продолжает оставаться одним из самых важных направлений в общественном развитии, которое отражает уровень и степень развития этого общества.

Ингушская наука в своем развитии прошла достаточно сложный путь, для которого присущи периоды активной научной деятельности и забвения, как это было в период с 1944 г. по 1956 г.

Институт был основан в декабре 1926 г. Его созданию предшествовала реорганизация Северо-Кавказского института краеведения, в результате которой он и был преобразован в Ингушский научно-исследовательский институт. Институт начал осуществлять свою деятельность в г. Владикавказ, где появились первые научные труды по истории, филологии, культуре ингушского народа.

Историю Ингушского научно-исследовательского института можно разделить на несколько этапов.

Первый и начальный этап относится к 1926 – 1934 гг. Этот период характеризуется становлением науки. Первым директором Института был О.С. Ахриев. Заместителем директора был Г. К. Мартиросиан.

Научные изыскания, осуществленные учеными института в эти годы, нашли отражение в многочисленных исследованиях, которые являются ценным вкладом в изучение целого ряда проблем в истории, языкознании, культуре ингушского народа. Они стали основой для дальнейших исследований и разработок следующего поколения ученых.

Здесь проводились семинары по различным актуальным вопросам. В рамках научной деятельности сотрудниками Института осуществлялись экспедиции, в составе которых были видные ученые Кавказа и других регионов страны: Л.П. Семенов, И.П. Щеблыкин, Е.И. Крупнов.

В начале 30-х гг. XX столетия при Институте была создана аспирантура, которая осуществляла подготовку научных кадров.

Научные статьи сотрудников Института в этот период публиковались в «Известиях Ингушского научно-исследовательского института».

Следующим этапом в истории ингушской науки был период с 1934 по 1944 гг. Именно в этот период происходит объединение Ингушского научно-исследовательского института с Научно-исследовательским институтом Чечни. В течение 10 лет в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка, литературы и искусства велись исследования в области гуманитарных наук.

Депортация, осуществленная в отношении ингушского народа в 1944 г., коренным образом изменила жизнь людей. Была прекращена деятельность Института, и лишь в 1956 г. Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства возобновил свою научную деятельность. Именно с этим периодом связана научная деятельность в Институте Д.Д. Мальсагова, М.М. Базоркина и мн. др., чьи труды внесли весомый вклад в развитие ингушской науки.

Период, последовавший после воссоздания Института, характеризуется активной исследовательской работой в области истории, языка, литературы. Научная работа осуществлялась в различных областях видными учеными. Среди них: М.М. Базоркин, А.К. Куркиев, И.А. Дахкильгов, М.Б. Мужухоев, Ф.Г. Оздоева, Х.А. Акиев, А.О. Мальсагов, З.А.-Г. Гойгова, З.К. Джамбулатова, О.В. Чапанов и др.

В начале 90-х гг. XX в., после восстановления ингушской государственности, при активном содействии ингушских ученых был восстановлен Ингушский научно-исследовательский институт под руководством Х.А. Акиева. В последнее десятилетие XX в. ингушская наука переживала достаточно сложный период в своем развитии. Однако, несмотря на различные трудности, научная деятельность Института продолжала осуществляться известными не только в Ингушетии, но и за ее пределами учеными: М.Б. Мужухоевым, И.А. Дахкильговым, Т.Х. Муталиевым, Ф.Г. Оздоевой, Х.А. Акиевым, Б.С. Садулаевым, Л.Д. Мальсаговой, А.М. Мартазановым, Э.Д. Мужухоевой, М.У. Картоевым, Д.Ю. Чахкиевым, Л.М. Паровой, Б.А. Кодзоевым и др.

С 2001 г. в развитии Ингушского научно-исследовательского института наступает новый этап, который характеризуется значительными успехами во всех направлениях научной деятельности. Именно тогда Институт стал называться в честь одного из выдающихся просветителей ингушского народа Чаха Эльмурзиевича Ахриева.

Сегодня Институт включает в себя пять отделов: древней и средневековой истории, новой и новейшей истории, ингушского языка, фольклора и литературы, этнологии.

Отдел ингушского языка был основан в 2001 г. С этого времени отделом достигнуты значительные успехи в изучении различных проблем в ингушском языковедении. Среди научных работ, опубликованных сотрудниками отдела: «Грамматические формы и категории глагола (на материале нахских языков)», «Наречие в ингушском языке», «Междометия в ингушском языке», «Актуальные вопросы отраслевой терминологии ингушского языка» и мн. др. Весомым вкладом в изучение ингушского языка стало коллективное исследование – «Современный ингушский язык. Морфология». Эта работа является одним из разделов большого проекта – «Современный ингушский язык». В настоящее время отдел ингушского языка продолжает работу над этим проектом.

Из числа работ, подготовленных и изданных сотрудниками отдела, следует отметить: «Ингушско-русский словарь», «Орфографический словарь ингушского языка», «Словарь синонимов ингушского языка», «Ингушско-русский словарь терминов» и др. Сегодня сотрудники отдела ингушского языка Ингушского НИИ продолжают свои исследования и разработки, способствуя более глубокому анализу различных аспектов ингушского языкознания.

Отдел фольклора и литературы был создан в 2001 г. Результатом деятельности сотрудников отдела является издание многотомного труда «Антология ингушского фольклора». Большой вклад в изучение ингушского фольклора внес Ибрагим Абдурахманович Дахкильгов, который возглавлял ИнгНИИ в период с 2004 по 2013 гг. И.А. Дахкильгов – профессор, кандидат филологических наук, относится к числу выдающихся ученых России. Его научная деятельность многогранна. В сферу его интересов входили вопросы истории, языка, этнографии, фольклора и мн. др. Результаты его изысканий нашли отражение в его многочисленных трудах, которые являются ценным вкладом в кавказскую науку. Под его руководством сотрудниками института осуществлены и реализованы различные научные проекты.

В настоящее время сотрудниками отдела ингушского фольклора и литературы проводятся изыскания по сбору и систематизации фольклорного материала, его анализ, что находит отражение в их научных публикациях.

Отдел занимается также и изучением проблем ингушской литературы. К числу важнейших исследований, над которыми работал отдел в последние годы, следует отнести «Современную ингушскую литературу» в 4-х томах. Это первый обобщающий труд, в котором отражены этапы развития ингушской литературы, на основе всестороннего анализа творчества ингушских поэтов и писателей современности.

Отдел ингушской истории был основан в 2004 г. Результаты научных исследований сотрудников отдела нашли отражение в многочисленных работах, в которых исследуются различные вопросы древней, средневековой, новой и новейшей истории Ингушетии. Одним из важных проектов, над которым работал отдел истории, стал коллективный труд «История Ингушетии», опубликованный в 2011 г.

В числе важнейших вопросов, изучением которых занимается отдел ингушской истории – вопросы социально-экономического, политического, культурного развития ингушей. Различным проблемам истории Ингушетии посвящены монографии научных сотрудников отдела: М.Б. Долгиевой «Общественная мысль и просвещение Ингушетии второй половины XIX – начала XX вв.», Т.Х. Матиева «Малгобекская оборонительная операция (сентябрь – октябрь 1942 г.). Ход. Этапы. Значение», А.-М. М. Дударова «Земледелие ингушей (XIX – первая половина XX вв.)», Акиевой П.Х. «Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей» и др.

В 2016 году отдел истории был преобразован в два отдела: новой и новейшей истории и древней и средневековой истории.

Отдел этнологии был сформирован в 2009 г. Сотрудниками этого отдела изучаются вопросы этногенеза ингушей, проводятся историко-этнографические исследования. Этнографические исследования, проводимые в отделе, нашли отражение в работах: «Этнография ингушей», «Вопросы ингушской вендетты», «Ингушское гостеприимство», «Вековые устои ингушской семьи», «Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX в. до середины XX в.» и др.

Исследования и материалы сотрудников Института публикуются в научных сборниках, журналах. Научная периодика Института представлена целым

рядом изданий: «Вопросы истории Ингушетии», «Ученые записки». С 2013 г. Институт стал издавать журнал «Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева». В настоящее время готовится к изданию первый выпуск «Вестника Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева».

Важным событием в жизни Ингушского НИИ стало строительство нового здания института в г. Магас. Улучшилась материально-техническая оснащенность ИнгНИИ, что, несомненно, способствует созданию предпосылок для успешной работы научных сотрудников Института. И в настоящее время руководством Института уделяется большое внимание созданию условий для плодотворной деятельности ученых.

Сегодня научный потенциал Института представлен 37 сотрудниками, из которых 7 докторов и 16 кандидатов наук.

Сотрудниками Института поддерживаются связи с научными центрами других регионов страны и зарубежья. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева подписал соглашение о сотрудничестве с Институтом истории Национальной Академии наук Азербайджана, а также осуществляет взаимодействие с образовательными учреждениями республики. Совместно с Архивной службой РИ, Ингушским государственным университетом проводятся научные мероприятия, осуществляется публикация научных материалов.

В рамках деятельности Института проводятся семинары, круглые столы, конференции, в работе которых принимают участие представители Ингушетии, Кавказа и России в целом, а также Ближнего зарубежья. ИнгНИИ проводятся всероссийские и международные конференции.

В 2014 г. Институтом совместно с Архивной службой РИ была проведена международная конференция «Россия и Кавказ в Первой мировой войне 1914-1918 гг.: основные военные кампании, геополитические и социокультурные итоги». В работе конференции приняли участие сотрудники различных научных центров России и зарубежья. 245-летию вхождения Ингушетии в состав России была посвящена Всероссийская научная конференция, которая состоялась весной 2015 г. Летом 2015 г. была организована и проведена международная научная конференция «Вторая мировая война 1939-1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа».

Ингушский научно-исследовательский институт носит имя известного ученого Чаха Эльмурзаевича Ахриева. В Институте проводятся «Ахриевские чтения», в рамках которых обсуждаются актуальные проблемы в истории, культуре, этнографии. В 2015 г. в Ингушском научно-исследовательском институте прошла международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке», посвященная 165-летию со дня рождения Ч. Э. Ахриева. В работе конференции приняли участие видные ученые Кавказа, России, Азербайджана, Грузии.

За последние годы Институтом выполнен большой объем научно-исследовательской работы, что нашло отражение в многочисленных работах по истории, языку, этнографии, фольклору ингушей. В настоящее время перед учеными Ингушетии стоят задачи по поиску новых концептуальных подходов в изучении актуальных вопросов истории, филологии, этнологии и более глубокому их исследованию.

РАЗДЕЛ I
ИНГУШЕВЕДЕНИЕ В ЛИЦАХ

Л.Т. Агиева

РОЛЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ИНГУШСКОЙ НАУКИ

Аннотация: В статье прослеживается роль историко-краеведческого изучения Северного Кавказа и Ингушетии русской интеллигенцией и офицерами царской армии, служившими на Кавказе.

Ключевые слова: наука, ингушский институт, ученый, экспедиция, научные труды, развитие, культура, просвещение.

L.T. Agieva

THE ROLE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN FORMATION OF INGUSH SCIENCE

Abstract: The article traces the role of historical and local lore study of Northern Caucasus and Ingushetia of the Russian intelligentsia and the Imperial Army officers who had served in the Caucasus.

Key words: Science, Inguch Institute, scientist expedition, scientific works, development, culture and education.

Образование автономной Горской Республики отразило не только многовековые чаяния горцев на национальное самоопределение, но и национальные особенности всего северокавказского края. Это явилось актом большой политической значимости, важным фактором национально-государственного возрождения регионов Северного Кавказа. Несомненно, оно также способствовало консолидации горцев Терской области, как между собой, так и с другими народами России после кровопролитной гражданской войны.

В ноябре 1920 года делегатами съезда народов Терека (г. Владикавказ) была провозглашена идея, строительства нового национально-государственного образования народов Терской области. В следующем 1921 году она была воплощена в реальную действительность: Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) СССР от 20 января 1921 г. «Об автономной Горской Социалистической Советской Республике». В состав Горской республики вошли шесть административных национальных округов: Ингушский, Чеченский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Столица Горской Республики г. Владикавказ и второй по значимости административный центр г. Грозный одноименным постановлением были выделены в самостоятельные административные единицы с подчинением ЦИК и СНК ГССР [1, с. 124-125].

В далеком прошлом, как и многие народы, ингуши не знали науки в ее сегодняшнем понимании, однако это не означает, что предки не стремились познать и изучить окружающий мир. Эмпирически народ достиг определенных высот в развитии народной медицины, этнопедагогики, в словесном искусстве, зодчестве, этике и обычном праве. Но как самостоятельная отрасль человеческой деятельности наука восходит к 20-м годам XX столетия. Так, 1920 – 1925 гг. были первыми шагами культурного строительства Ингушетии. За эти пять лет количество грамотных возросло в Ингушетии с 3 до 8,8% [2, с. 30].

Развитие русско-кавказских отношений в XVIII веке стимулировало научный интерес к этому краю российских и европейских ученых, а середина XIX века была в истории Кавказа переломным периодом, к этому времени завершилось присоединение Кавказа к России и Кавказский край в административном отношении сложился как часть Российской империи. Во второй половине XIX века в крае был проведен целый ряд реформ, направленных на закрепление здесь царского самодержавия в политическом, экономическом и культурном отношениях. В этих условиях значительно возрос интерес к истории Кавказа и отдельных народов, его населяющих, следствием которого явилась активизация археологической деятельности в крае [3, с. 6].

Среди археологических учреждений Кавказа самое видное место занимала Кавказская Археографическая комиссия. Она была создана при Главном управлении наместника Кавказа для выявления и издания документов, а в дальнейшем и написания исследования по истории присоединения Кавказа к России. В комиссии работали увлеченные историей Кавказа люди. В течение 22 лет, с момента создания, ее возглавлял А.П. Берже, под его руководством были подготовлены и изданы X томов Актов Кавказской Археографической комиссии (АКАК), а XI и XII тома были подготовлены и изданы Д.А. Кобяковым, Е.Д. Фелициным, Е.Г. Вейденбаумом. Так, из документальных публикаций пореформенного времени заслуживают особого внимания двенадцать томов «Актов Кавказской Археографической комиссии», самая обширная коллекция документов по истории народов Кавказа в XVIII-XIX вв. Документы содержат ценные сведения о расселении ингушей, их взаимоотношениях с соседними народами [4, с. 8-9].

Одним из нравственно-образовательных заведений на Северном Кавказе стал учебный дом «Аманат», который находился в г. Владикавказе. Он был открыт в период Кавказской войны и предназначался для воспитания мальчиков-заложников – детей чеченцев и ингушей [5, с. 8]. О горцах Кавказа и ингушах было написано много в разных периодических изданиях и очерках путешествий по Кавказу, но систематическое научное изучение истории народов Север-

ного Кавказа начинается с развитием национальных автономий в составе Советского государства в 20-х гг. прошлого столетия.

Первыми учеными, посетившими отдельные районы Северного Кавказа, в том числе и Ингушетию, были академики Российской Академии наук И.А. Гильденштедт (1770-1773гг.), П.С. Палас (1793-1794 гг.), Ю. Клапрот (1807-1880 гг.) и др. Систематическое историко-краеведческое изучение Северного Кавказа началось в 60-70-х годах XIX века. Прогрессивная часть русской интеллигенции – историки, этнографы, лингвисты, литературоведы, а также офицеры царской армии, служившие на Кавказе, проявляют живой интерес к нравам, быту, устному народному творчеству горцев. Они записывают их песни, сказания, легенды [6, с. 6].

Авторами первых записей и публикаций устной поэзии о кавказских народах стали А.П. Берже, Г.А. Вертепов, Н.Ф. Грабовский, П.И. Головинский [7]. К плеяде прогрессивно мыслящей интеллигенции относился и Н.И. Воронов. С 1954 г. по 1856 г. он преподавал в Ставропольской гимназии, в связи с чем, много путешествовал и бывал на Тереке. А. Воронов и П. Услар издали в Тифлисе два издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о Кавказских горцах».

В 80-х годах XIX века в горных и плоскостных районах края проводили археологические разведки и раскопки В.Б. Антонович, П.С. Уварова, А.А. Бобринский. Стоит отметить экспедицию Московского археологического общества под руководством кавказоведа В.Ф. Миллера в 1886 году.

По обычному праву Кавказа в 1882-1883 гг. был опубликован труд «Адаты кавказских горцев» профессора В.И. Леонтовича, который представляет собой богатый материал для изучения общественного строя горцев. Большой архивный материал на тему русско-кавказских взаимоотношений собран в трудах академиков П.Г. Буткова («Материалы по новой истории Кавказа») и Н.Ф. Дубровина («История войны и владычества русских на Кавказе»). Много путешествовал и собрал богатый фактический материал, касающийся, прежде всего, правовых отношений народов Северного Кавказа – кавказовед Максим Ковалевский. В итоге исследований появились такие труды как «Современный обычай и древний закон» (1886) и «Закон и обычай на Кавказе» (1890), в которых подробно освещаются социальные отношения горцев.

В специальных работах И.Д. Попко «Терские казаки с стародавних времен» (1880) и В.А. Потто «Два века терского казачества» (1912) содержатся важные сведения об историческом пути русского населения (казачества) бассейна Терека и его притоков [8, с. 300].

Большой вклад в дело изучения горцев внесло и «Русское географическое общество» (в частности, его Кавказский отдел этнографии), которое с 1872 по 1917 гг. издавало «Известия Кавказского отдела»

Реализация первых научно-исследовательских проектов в Ингушетии началась уже в 1920-1922 гг. и связана с именем известного ученого, лингвиста профессора Н.Ф. Яковлева. В работе экспедиций принимали участие З.К. Мальсагов, Х.-Б. Ахриев, Л.П. Семенов, З.М. Шиллинг, В.И. Пожидаев, И.П. Щеблыкин, В.Ф. Раздорский и др.

Важную роль в становлении просвещения в Ингушетии сыграл Фома Иванович Горепекин. Им в 1918 году была написана статья под названием: «О существовании в отдаленном прошлом у предков ингушей индийской письменности «Магадги». Предпосылкой для написания этой статьи послужило обнаружение знаков древней мировой письменности у ингушского народа в могилах Мага-те, близ селения Салги. Горепекин утверждал, что предки ингушей имели свою письменность, и привел знаки этого письма, обнаруженные им на сосудах, найденных при раскопках в с. Салги.

Ф.И. Горепекин также составил азбуку ингушского языка, которая была принята к изданию в 1922 году Правительством Горской республики, но из-за вмешательства местных партийных и советских органов была отвергнута, как непригодная. Он написал ряд трудов по истории ингушского народа. В том числе и по языку. Всего у него насчитывается 37 рукописных работ, посвященных различным сторонам жизни ингушей. Выучив ингушский язык, общаясь с народом, на основе собственной азбуки, он записывал ингушский фольклор. В 1909 году в газете «Терские ведомости» он опубликовал статью «Маги-ерды-языческий бог – покровитель у ингушей». Затем вышел его «Путеводитель по горам Терской области». Ингушский народ высоко оценил заслуги Ф.И. Горепекина и в 1918 году ему было присвоено имя «Наха сийдар» (просветитель народа), объявленное 60-ю депутатами от имени ингушского народа [9, с. 140-141].

Значительный вклад в исследовании ингушского языка и этнографии внесли такие крупные ученые-лингвисты, как А.Н. Генко, М.Я. Немировский, Н.Ф. Яковлев и др. Работали рядом с ними и национальные кадры языковедов: З.К. Мальсагов, М.А.-К. Цокиев, Д.Д. Мальсагов и др. В те же годы вышла в свет и одна из интереснейших работ А.Н. Генко – «Из культурного прошлого ингушей».

Одним из старейших сотрудников института (с 1921 г.) был Леонид Петрович Семенов, который много сил отдал изучению истории Ингушетии. Профессор Леонид Петрович Семенов был членом Ингушского литературного общества, одно время он руководил ингушским краеведческим музеем в г. Владикавказ. От Ингушского НИИ краеведения в конце 20-30-х годов были организованы археологические, фольклорно-этнографические экспедиции в горную Ингушетию. Результаты этих экспедиций им были опубликованы в первых четырех томах «Известий Ингушского НИИ». В 1963 году Е.И. Крупновым были переизданы эти работы в книге «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930-1932 гг.».

В 1928-1929 гг. археологические и этнографические исследования проводились в горных районах Ингушетии, включая Дарьяльское ущелье. В них принимали активное участие сотрудники Ингушско-

го института краеведения Л.П. Семенов, И.П. Щеблыкин, Х.Б. Ахриев, Е.И. Крупнов, А.М. Шадиев и другие.

Наибольший интерес представляют следующие работы Л.П. Семенова: «Ингушская и чеченская народная словесность»; «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928-1929 гг.; «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930-1932 гг.»; «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин». Эти работы, проводившиеся им систематически из года в год, были направлены на осуществление комплексных комплексным изучением средневековых памятников и ознаменовались важнейшими научными достижениями. По материалам своих экспедиций Л. Семенов подверг научному изучению древнюю ингушскую башенную архитектуру, святилища и храмы, верования ингушей, древние циклопические постройки, мавзолей Борга-Каш и многое другое. Так, Л. Семенов, производя археологические раскопки, обнаружил в Ингушетии оригинальной формы височные кольца, нигде более в регионе подобные кольца не были найдены.

О них Л. Семенов пишет: «Изделия эти представляют большую археологическую ценность, так как имеют заметное сходство с височными кольцами вятичей; от них они отличаются меньшей изысканностью и числом лопастей (8 вместо 7). А.В. Арциховский датирует вятические семилопастные кольца эпохой XII-XIII вв. Л. Семенов ссылаясь на А. Арциховского, отмечая несомненную близость ингушских колец с кольцами вятичей, говорит о культурных сношениях этих двух народов еще в XII – XIV вв.

Проводя свои археологические и этнографические разыскания, Л. Семенов попутно интересовался и фольклором. Он первым ученым, взявшим на себя труд по изучению ингушского фольклора. Ему посвящены его работы: «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев», «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин», «Ингушская и чеченская народная словесность», «Фригийские мотивы в древней ингушской культуре». Работа Л. Семенова «К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев» ценна, прежде всего, тем, что она доказывает культурно-этнографические связи далеких предков ингушей с древними народами Передней Азии.

Касаясь анализа сказания о Колой-Канте, Л. Семенов обнаруживает в нем параллели о древневавилонской (идущей от шумеров) поэмой о Гильгамеше. Герой этой поэмы, как и ингушский Колой-Кант, путем обольщения врагами лишается своей телесной силы. Одновременно с обольщенным Колой-Кантом Л.Семенов сближает и другого древнего героя – библейского Самсона. Также прослеживается связь этого ингушского мотива со средневековым романом «Тристан и Изольда» [10, с. 237].

С каждым годом работы научных экспедиций углублялись. Круг научных сотрудников, принимавших участие в полевых изысканиях, увеличивался. В экспедициях 1928-1929 гг. участвовали Л.Б. Беме, Г.К. Мартиросиан, профессор Г.Д. Потапов, профессор В.Ф. Раздорский, археолог Е.И. Крупнов. Значительная часть собранных материалов была обработана и издана в «Известиях Ингушского института краеведения». До 1934 г. вышло 4 выпуска «Известий» Ингушского НИИ.

Г. Мартиросиан, помимо ряда статей, впервые написал труд «История Ингушии». М. Немировскому принадлежит ценный лингвистический труд «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики». Б.Алборов обратился к ингушско-осетинским мифологическим связям в труде «Ингушское Галь-Ерды и осетинское Аларды». Архитектор Иван Щеблыкин изучал памятники ингушской древней архитектуры и опубликовал работу «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры». Ему же принадлежит «Путеводитель по горной Ингушетии». Иваном Щеблыкиным были подготовлены материалы по реставрации храма Тхаба-Ерды, но начавшаяся война прекратила эту работу.

Со дня основания Ингушского литературного общества, а затем и НИИ, плодотворно с ними сотрудничал талантливый историк, фольклорист и лингвист Михаил Слободский. Владея ингушским языком, он многое сделал для записи местного фольклора и переводов его литературных произведений на русский язык. В одном из своих сочинений он прямо написал: «Я люблю тебя, Ингушетия» [11, с. 112-113].

Таким образом, русские ученые по различным вопросам истории, археологии, лингвистики, этнографии очень много дали зарождавшейся местной интеллигенции и науке.

Список литературы

1. Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Вып. 3. Магас, 2005. Раздел: Материалы II. С. 124-125; ГАРФ. Ф.Р-5677, оп.2, д.267, л.35.// ГАРФ. Ф.Р-5677, оп. 4, д.360, л.22. Подготовил И.Г. Алмазов.

2. Журнал Революция и горец. 1930. № 9-10.

3. Акты Кавказской Археографической комиссии об Ингушетии и ингушах (Сборник документов). Сост. Парова Л.М. Назрань, 1995.

4. Указ. раб.

5. Нанаева Б.Б. Чечено-Ингушский научно-исследовательский… Грозный, 2015.

6. Известия Российского Географического общества. 1872; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1896; Нанаева Б. Б. Чечено-Ингушский научно-исследовательский… Грозный, 2015.

7. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Вертепов Г.А. Ингуши. Терский сборник. Вып. 2. Кн. 2. Владикавказ, 1892; Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа. ССКГ. Т. 3. Тифлис, 1870; Головинский П.А. Чеченцы. Терский сборник. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

8. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Грозный, 1967.

9. Чентиева Л.Д. История Чечено-Ингушской письменности. Грозный, 1958.
10. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Нальчик, 2007.
11. Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Ред. Н.Д. Кодзоев. Вып. 6. Магас, 2007.

Х.М. Акиева

ИСТОКИ ИНГУШСКОЙ НАУКИ И МУЗЕЙНОГО ДЕЛА (1920-1940 гг.)

Аннотация: В статье показана история формирования ингушской научной и музейной деятельности, проиллюстрирована картина структурных изменений, вызванных политическими веяниями советской власти.

Ключевые слова: Терский музей, Дом науки и краеведения, Ингушская автономная область, Северо-Кавказский институт, фонды, Ингушский областной краеведческий музей

H.M. Akieva

ORIGINS OF INGUSH SCIENCE AND MUSEUM OF THE CASE (1920-1940 gg.)

Abstract: The article shows the history of the formation of the Ingush scientific and museum work, illustrated with a picture of the structural changes brought about by the political trends of the Soviet regime.

Key words: Tesrky Museum, House of Science and Local History, Ingush Autonomous Region, North-Caucasus Institute, foundations, Ingush Regional Museum

История становления и развития ингушской науки, формирование светской творческой элиты ингушского народа начинает отсчет с конца XIX века, а точнее, с 17 февраля 1842 года, когда было открыто подготовительное отделение для детей горцев при Ставропольской гимназии. С нее начинается процесс зарождения просвещения в Ингушетии [1, с. 291]. Здесь в разное время получили свое образование первые ингушские просветители – этнограф и историк Чах Ахриев, народоволец Саадулла Ахриев, первый литератор Асланбек Базоркин, общественные деятели Инал Бекбузаров, Адиль-Гирей Долгиев, Кураз Мальсагов, Сай Мальсагов, полковник Пшемахо Дахкильгов, генерал Тонт Укуров и др. [2, с. 74]. Часть из них затем продолжила свое образование в Москве, Санкт-Петербурге, Тифлисе и других городах России [3, с. 457].

Именно представители первой профессиональной светской ингушской элиты стали учениками и сподвижниками основателей Терского музея, ставшего впоследствии фундаментальной научной базой для создания института краеведения. Дореволюционный Терский областной музей, существовавший во Владикавказе, после Октябрьской революции в 1918 году перешел в ведение комиссариата народного просвещения и стал называться «Дом науки и краеведения» [4, с. 4].

В 1920 году в мае на базе музея с широким привлечением научных сил был создан Северо-Кавказский институт краеведения, а сам музей стал называться Государственным научным музеем города Владикавказ [5, с. 29]. Подчиняясь Музейному отделу Главнауки, с момента создания и до января 1928 года данный музей функционально охватывал своей деятельностью одновременно две автономные области – Ингушскую и Осетинскую.

Наличие среди сотрудников Северо-Кавказского института большого количества научных кадров не могло не сказаться на работе музея. В числе таковых следует назвать Л.П. Семенова, проводившего с 1921 года в течение почти десяти лет археологические и этнографические изыскания в Ингушетии и Осетии. Помимо научных исследований, ученые проводили экскурсии в музее, например, Г.К. Мартиросиан, А.К. Вильямс, И.П. Щеблыкин [6, с. 9].

В 1922 году 20 ноября Чечня получает самостоятельную автономию, а двумя годами позже в июле 1924 года Ингушетия также выделяется из состава Горской Республики, получив самостоятельную автономию. «И уже в 1924-1925 гг. начинается процесс создания музеев» [6, с. 5]. 7 ноября 1924 года отделом Народного образования г. Грозного был открыт окружной музей по истории культуры и религии [7].

«Северо-Кавказский институт краеведения, находившийся в городе Владикавказе, 5 декабря 1926 г. был преобразован в Ингушский научно-исследовательский институт» [8]. После реорганизации Северо-Кавказского института краеведения в конце 1926 года фонды научного музея были разделены: часть институт увезит с собой в Ростов, и там был создан краевой музей горских народов Северного Кавказа, часть была передана Ингушскому научно-исследовательскому институту (археологическая коллекция, чучела, гербарии), третья часть – Осетинскому научно-исследовательскому институту. В конце 30-х годов оба института располагались в здании бывшего Константиновского училища в Музейном переулке, а рядом в здании бывшего Терского музея разместили Осетинский музей [5, с. 40].

Несмотря на перераспределение фондовых материалов, Ингушский научный музей имел актуальность в научной среде, как средоточие основных документальных свидетельств по истории, культуре, археологии и этнографии ингушей. «Областные научные музеи Чечни и Ингушетии, как и научно-исследовательские институты, проделали значительную работу по сбору, обобщению и широкой популяризации материалов, содержащих сведения о природных

богатствах, историческом прошлом, материальной и духовной культуре горских народов, чеченцев и ингушей в частности» [9, с. 121].

В это время музейная экспозиционная работа, по сути, была отражением научно-исследовательской деятельности института. Так, научные сотрудники оказывали помощь музею в издании трудов, подготовке экспозиций, обработке коллекций и т.д. Посетивший Ингушский музей в 1928 году профессор Кембриджского университета Е.Н. Миннз отметил найденное в Джейрахском ущелье Л.П. Семеновым бронзовое изображение оленя, а профессор Гельсингфорского университета археолог А.М Тальгрен получил возможность описать отдельные предметы из коллекции музея [9, с. 114].

Описывая состояние музейного дела в крае, Е.И. Крупнов пишет: «Ингушский областной… более отвечает своему названию “краеведческий”. Выставленный материал дает, если не полное, то, во всяком случае, хорошее представление о производительных силах края. Выносится довольно четкое представление о геологии, флоре, фауне, недалеком культурно-историческом прошлом… Видна работа по собиранию новых материалов по всем разделам выставок. Чувствуется живая связь с научно-исследовательским институтом краеведения» [10, с. 74].

Чуть позже, в 1936 году, Е.И. Крупнов в статье «Музеи Северо-Кавказского края», отмечает, что, несмотря на то, что Ингушский музей располагается в трех комнатах, он «имеет приличную экспозицию, в музее отлично поставлен учет и хранение экспонатов… Сама тематика всей экспозиции и выставленный материал вполне отвечают задачам краеведческого музея» [11, с. 108]. В этот период в музее работают Л.П. Семенов, Б.В. Скитский, М.Я. Немировский, Л.Н. Пламеневский и др. [6, с. 14].

В 1934 году Чеченская автономная область была объединена с Ингушской, но музеи продолжали работать автономно вплоть до 1940 года. В 1936 году согласно принятой новой Конституции Чечено-Ингушская область преобразуется в автономную республику. С этого времени происходит объединение окружного музея по истории, культуре и религии г. Грозного с фондами Ингушского музея. В 1940 году коллекция бывшего областного Ингушского музея, насчитывавшая 4000 экземпляров фонда была перевезена в г. Грозный [6, с. 15]. Так бывший окружной Чеченский музей стал называться Чечено-Ингушским музеем, а Ингушский областной в г. Орджоникидзе приобрел статус музея Пригородного района.

Список литературы

1. История Ингушетии. Магас, 2011.
2. Мужухоева Э.Д. Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии // Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983.
3. Албогачиева М.С.-Г. Народное образование и культурно-просветительная история и современность // Образование через всю жизнь. Непрерывное образование для устойчивого развития: труды международного сотрудничества. Т. 6 (под ред. Н.А. Лобанова и В.Н. Скворцова). СПб., 2008.
4. Семенов Л.П. Государственный научный музей г. Владикавказа при Северо-Кавказском институте краеведения. Владикавказ, 1925.
5. Семенов Л.П., Кастуев А.Г. Музей краеведения Северной Осетии. Дзауджикау, 1947.
6. Пономарева З.И. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975.
7. См: «Грозненский рабочий», 13 декабря 1924 г.
8. 85 лет ингушскому научно-исследовательскому институту гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Назрань. 2011.
9. Джамбулатова З.К. Из истории научно-исследовательской работы в ЧИАССР в 190-1941 гг. // Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Грозный, 1964.
10. Подгорнова В., Крупнов Е.И. Краеведческие музеи Северного Кавказа // Советский музей. №2 от 1933 г.
11. Крупнов Е.И. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. №1 1936 г.

С.И. Аккиева, П.Х. Акиева, Т.М. Шавлаева

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ПРОФЕССОРА Х.А. АКИЕВА (1942-2009)

Аннотация: В статье проводится анализ научной деятельности историка, профессора Х.А. Акиева, выявляются основные направления его исследовательских работ, определяется научно-исследовательский вклад, внесенный историком-кавказоведом в историческую науку.

Ключевые слова: историк, кавказовед, Хасолт Акиев, направления исследования, становление, научное наследие, племена-автохтоны, Центральный Кавказ, малоазийская основа, ингушские символы, язычество.

S.I. Akkieva, P. H. Akieva, T.M. Shavlaeva

THE CAUCASIOLOGY IN THE SCIENTIFIC WORKS PROFESSOR H.A. AKIEV (1942-2009)

Abstract: The article analyzes the scientific work the professor H.A. Akieva, revealed the main directions of its research work, the research determined the contribution made by historian-caucasiologists in the historical science.

Key words: historian, kavkazoved, Hasolt Akiev, research direction, formation, scientific heritage, tribes, aborigines, Central Caucasus, Asia Minor of basis, Ingush symbols, paganism

Сегодня все больше и больше внимания уделяется историческому наследию того или иного народа многонациональной России, формируются новые взгляды, новые прочтения, ведется поиск новых источников по тем или иным проблемным вопросам.

Кавказ, являющийся одной из первых колыбелей человеческой цивилизации, местом соприкосновения многих древних народов и культур, «хранящий и ныне мощные исторические традиции», [1, с. 23] а также являющийся точкой пересечения геополитических интересов многих держав, всегда привлекал и привлекает внимание исследователей различных научных областей. Это целая «планета народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями» [2].

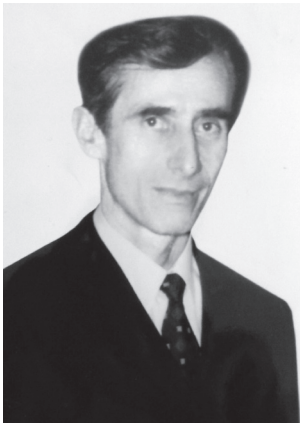
Беспрецедентные политические и социальные катаклизмы, практически постоянно сопровождавшие историю этого региона, оказали воздействие на историческую науку, в которой нашлось место как исследованиям в духе установленных политико-идеологических клише, так и работам ученых, опирающихся на принципы научной объективности и беспристрастности.

Целый ряд авторов-кавказоведов, с разных позиций обращавшихся к анализу истории и культуры народов Северного Кавказа, оставили огромное научно-культурное наследие. Достижения историографии определенных эпох продолжают влиять на развитие современной исторической мысли, а «изучение жизни и деятельности историков минувших столетий помогает лучше понять и адекватно оценить современную историографическую деятельность» [3, с.1].

Одним из ярких представителей историков рубежа советского – постсоветского времени был известный историк-кавказовед, идеи которого до настоящего времени не потеряли свою актуальность, Хасолт Алхастович Акиев.

Х. Акиев был человеком талантливым, разносторонним, обладал широким историческим мышлением и потому его заслуженно причисляют к числу многогранных ученых историков. Обладал он тонким поэтическим чутьем и художественным воображением. Он – автор стихотворных и прозаических произведений, свыше 200 живописных полотен. Ученый историк, поэт, художник и ко всему этому он был лектор, учитель, педагог от бога, который привил любовь к знаниям, научил думать и анализировать сотни молодых людей, которые до настоящего времени вспоминают с теплом и глубокой признательностью своего педагога.

Научное наследие ученого (в количественном выражении это более 100 работ разного объема и значимости) отличается разнообразием, широтой и глубиной научного поиска. Оно активно осмысляется представителями различных направлений кавказоведения. Основные пункты творчества Х.А. Акиева, вокруг которых концентрируется научно-исследовательский интерес, древняя и средневековая история кавказских племен-автохтонов, а также динамика расселения народов Центрального и Северного Кавказа, семантика традиционной культуры ингушей и определение ее истоков, аспекты военного искусства и история формирования военной элиты из числа кавказских национальных кадров царской России.



Х.А. Акиев (1942-2009)

Еще при жизни исследователя его работы высоко оценивались кавказоведами-современниками. «Этот удивительно разносторонний человек, – пишет доктор филологических наук, ректор Ингушского госуниверситета А.М. Мартазанов, – сумел в своем творчестве объединить музы живописи, поэзии и науки. Он поражает стихийной мощью и органической цельностью своего удивительного дара…» [4, с. 4]. Доктор философских наук А.Г. Плиев отмечает «глубоко этнографические черты творчества» Хасолта Акиева, который «предстает перед читателем как подлинный энциклопедист» [5, с. 2].

Современные историки отмечают большой вклад в историографию формирования горской военной элиты, внесенный профессором Х.А. Акиевым. В частности, выводы исследователя о «способах рекрутирования царской властью горской военной элиты из числа крещенных горцев (аманаты, пленные, сироты); горцев, проходивших службу в конвое императора, командующих войсками и административных начальников; горцев, служивших в разных милиционных формированиях, регулярных и казачьих войсках; представителей духовенства и влиятельных горцев, служивших в гражданском и военном управленческом аппарате переводчиками, депутатами судов и т. д.» [6, с. 61-62], стали не только опровержением «измышлений зарубежных буржуазных историков и социологов об извечном “антагонизме” между народами Северного Кавказа и России» [7, с. 11], но и отправной точкой для последующих исследователей, разрабатывающих военную тематику. «В конце 70-х гг. впервые в советском кавказоведении, – пишет Кулешин М.Г., – появились работы историков Х.А. Акиева, М.П. Санакоева и В.Б. Вилинбахова, посвященные боевому содружеству горского и славянского народов». Далее, конкретизируя свою мысль, М.Г.

Кулешин продолжает: «Авторы справедливо отмечали, что естественным стимулом вступления в ополчение и участия во внешних войнах России стало материальное вознаграждение и традиционное уважение горцев к военному делу» [8].

Разрабатывая военную тематику, Х. Акиев собрал богатый фактический материал об участии северокавказцев в войнах, которые вела Россия с Турцией за свои геополитические интересы. В 1980 г. А. Акиев защищает кандидатскую диссертацию под руководством доктора исторических наук, профессора Х.М. Ибрагимбейли на тему «Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877 – 1978 годов» в Санкт-Петербургском государственном университете им. Жданова. Разработанные в исследовании научные задачи: определение роли боевого вклада народов Северного Кавказа в войнах России, социального состава, образовательного уровня и мотивации северокавказских национальных воинских иррегулярных формирований, форм интегрирования тактики способов ведения войны и горских боевых традиций в регулярные части русских войск были признаны академической наукой и получили высокую оценку.

Вместе с тем, надо сказать, что тема исследования и постановка проблемы были встречены неоднозначно и вызвали оживленную полемику во время защиты, имевшую значительную политическую подоплеку. По этой причине рукопись кандидатской диссертации, «рекомендованная к публикации Ученым Советом Ленинградского университета еще в 1980 году, двадцать два года пролежала под сукном. Правду об участии народов Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов официоз слышать не хотел. Ученого обвиняли в отсутствии пафоса, нежелании показать «массовый патриотизм» народов Северного Кавказа, принявших участие в войне с единоверцами на стороне России, которая совсем недавно была палачом и карателем этих народов» [9]. «Меня упрекали в ... превышении значения меркантильных интересов ... требовали, чтобы я не выявлял истинных сторонников войны...» [7, с. 4], – напишет ученый в предисловии к своей монографии, которую пришлось выпустить на свои сбережения в 2009 году после рекомендации к изданию Ученым советом Ингушского государственного университета.

Официальной защите диссертации предшествовала долгая и упорная борьба, коснувшаяся как всего ингушского народа (ведь Хасолт Акиев был ребенком депортации, которому пришлось пережить все тяготы жизни детей «врагов советского народа»), так и личная, связанная со стремлением найти свою жизненную стезю.

Своим первым призванием Хасолт Акиев считал живопись. Его пробы на этом поприще начались с лета 1961 года, когда после окончания Текелийской средней школы № 5 Талды-Курганской области Казахской ССР, он поехал в г. Тбилиси в надежде поступить в Тбилисскую художественную академию. Однако отсутствие соответствующего специального образования, которое в принципе было невозможно получить в провинциальном городке представителю репрессированного народа, не позволило стать профессиональным художником. «Как впоследствии вспоминает сам художник, впечатления от поездки обратно навсегда отложились в его памяти. “Мы ехали по Дарьяльскому ущелью. Где-то глубоко внизу шумел Терек. Невозможно было оторвать взгляд от этой красоты, и, одновременно, было страшно смотреть. Потом мы ехали по горной Ингушетии. Я прожил уже много лет, но никогда больше такого волнения не испытывал, такой красоты и изящества не было нигде. Эти горы, покрытые лесами, травой сочно-зеленого цвета, эти скалы буро-коричневого цвета и ясное голубое небо поразили меня до глубины души”» [10].

Х.А. Акиев самостоятельно постигает азы живописи, пронеся любовь к этому искусству через всю свою жизнь. Отметим, что первая выставка Хасолта Алхастовича состоялась во время его учебы на первом курсе исторического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института благодаря поддержке А.И. Хасбулатова. Впоследствии Х.А. Акиев становится признанным художником всероссийского уровня, организатором и первым руководителем художественно-графического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института, преподавателем, воспитавшим целую плеяду национальных художников-профессионалов. «Только благодаря работе Акиева Х.А. в 1990 году в ЧИГПИ был открыт художественно-графический факультет, где он стал заведующим кафедрой эстетического воспитания и исполнял обязанности декана. Открытие художественно-графического факультета Акиевым Х.А. положило начало формированию творческой интеллигенции нового поколения. Среди выпускников факультета, ставших продолжателями идей и замыслов своего учителя всероссийского и мирового уровня, стали Мутусханов С., Муртазалиева З., Булгучева А., Хамхоев М., Хамхоева Ф., Хамхоева М., Хашиев М., Ярыжев Д., Ижаев О. и др.» [10].

Если живопись, а впоследствии и поэзия, стали для Хасолта Акиева средством выражения душевных исканий, то научное поприще явилось основным жизненным призванием. С 1969 года Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей, с 1975 года Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, а с 1994 года Ингушский научно-исследовательский институт и Ингушский государственный университет были теми научными площадками, с которых Акиев Хасолт в разные годы своей жизни презентовал свои исследования, посвященные самым актуальным и спорным вопросам истории и культуры народов Северного Кавказа.

С начала 90-х годов прошлого века – времени политико-экономической неразберихи и миграционного хаоса, случившегося после этнической чистки ингушей в Пригородном районе и Владикавказе, военных событий в Чеченской Республике – Акиев Хасолт Алхастович занимается лоббированием вопроса открытия Ингушского научно-исследовательского института на территории только что образованной Республики Ингушетия. Учитывая, что Ингушский НИИ был создан 5 декабря 1926 года в г. Владикавказ, а в 1934 году в результате присоединения Ингушетии к Чечне был создан объединенный Чечено-Ингушский

научно-исследовательский Институт истории, языка, литературы и искусств, начало постсоветского этапа существования Ингушского НИИ можно назвать его воссозданием. 3 сентября 1993 года директором Научно-исследовательского института краеведения был назначен кандидат исторических наук Хасолт Алхастович Акиев. Воссоздание института является одним из важнейших событий в общественно-политической жизни Республики Ингушетия и началом нового этапа изучения истории, культуры, фольклора ингушского народа. Была получена возможность изучения сложнейших и находящихся фактически под запретом тем. Хасолту Алхастовичу время дало возможность определить наиболее актуальные темы, требующие изучения, и заложить вектор развития института на несколько лет вперед.

«Под руководством Акиева Х. А. впервые была затронута трагическая для ингушского народа и актуальная в политико-правовом смысле до сегодняшнего дня тема депортации: в 1994 году была проведена IV Всероссийская научно-практическая конференция “Репрессированные народы: история и современность” (к 50-летию депортации ингушей и чеченцев). В том же 1994 году выходит распоряжение об упразднении Научно-исследовательского института гуманитарных и прикладных наук им. Ч.Э. Ахриева, явившееся последствием несовпадения политических и научных принципов Хасолта Акиева с задачами руководства» [10].

Специфика авторского научного взгляда также шла вразрез устоявшемуся в советской науке мнению, например, об ираноязычности алан и асов, об этнической принадлежности древних племен-автохтонов Центрального Кавказа – санов, овсов, сарматов и др. к индоевропейскому корню, о религиозной составляющей ингушских символов, петроглифов и архитектурного декора и элементов орнамента, ритуально-обрядовых практик, имеющих не христианскую, а языческую малоазийскую основу [11; 12; 13; 14; 15; 16;17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

«Следует отметить, что во всех, так называемых христианских храмах и святилищах Ингушетии, – пишет Х. А. Акиев, – проводились весенние праздники, посвященные богине плодородия. Об этом говорят хранившиеся в святилищах Ингушетии камни с выемками (лункой) в середине…, каменная чаша в языческом храме Тхаба Ерды, фаллический памятник у селения Кек, воздвигнутый легендарным Колой-Кантом» [15]. Также «абсурдными» автор называет версии облачения в прокруст «голгофы» многочисленные антропоморфные изображения на башнях и склепах в Чечне и Ингушетии. Так, Х.А. Акиев пишет: «Не секрет, что крестообразные постройки Византии, Грузии, Армении с куполом в центре возникли в бывших языческих центрах... Вокруг этих святилищ проводились оргические танцы. Рисунки таких танцев мы находим в орнаменте греческой «меандры», в спиралеобразных «лабиринтах» на центральных столбах старых дагестанских домов, и на камне в селе Махческ в Северной Осетии, и на стенах башен Ингушетии... В конечном счете, центральное место, будь-то светодымовое окно в потолке помещения, либо ставка-юрта хана, либо классический греческий храм и т.д. – персонифицировалось в главное божество Арт / Эрт / Орд / Ерт, имевшее форму человека, креста, шеста или просто столба». [25]

Активные научные поиски Хасолт Алхастович проводил в области анализа языческого мировоззрения ингушей, нашедшего отражение в орнаментальном искусстве, символике пространственных представлений, архитектурных строений и декора, ритуально-обрядовых практик, которое «шло в общем ключе общечеловеческого развития и возникло не за счет заимствований, а имеет глубокие самобытные корни и восходит к очагам древних цивилизаций народов Востока» [26]. Определяя генетическую связь древнейшего религиозного центра Грузии города Мцхета с названием соседнего с джайраховцами ингушским обществом «Мяцхал», Х.А. Акиев доказывает единую основу этих топонимов: в них «легко угадываются имя верховного бога урартийцев Хал» [13; 14]. Историк последовательно проводит линию генетического родства кавказских теонимов и имен божеств племен Малой Азии: например, имя балкарской Чоппай/Цоппай – от имени хеттского бога Цапарны, имя богини источника и священной горы «Цалину, Лама Тауриса» перекликается с ингушским термином «лом» – лев» [14].

Определяя как древненахские племена гелов, магов и будуртов, которые во время «нашествия хазар были вытеснены с территории Центрального Кавказа за гору Казбек в направлении к Трусовскому ущелью», исследователь приходит к выводу о распространенности в их среде верований в египетского бога Осириса. «Нам думается, что имена Оси, Овси и Уобос произошли от имени египетского бога плодородия земли и покровителя умерших Осириса… Культ бога Осириса в указанное время был широко известен жителям Египта, Малой Азии, Греции и Кавказа. Если учесть, что «аланы-ассы», по данным древнегреческих авторов были расселены «по всему берегу Меотиды» (Азовского моря) и в низовьях Дуная, то можно допустить, что они ходили поклонятся богу Осирису на гору Оссу» [25], располагавшуюся «на границе Фессалии и Македонии» [27, с. 25; 28, с. 167,196].

Подвергая сомнению гипотезу, разработанную лингвистами В.Ф. Миллером и В.П. Абаевым и поддержанную большей частью российских и европейских исследователей, которые в «ираноязычной» Скифии и Персии обнаружили прародину своих народов, приведшую к отнесению «к славянским, германским или осетинским древностям всего, что находилось археологами в местах проживания скифов (сколотов), сарматов (савроматов), аланов (аорсов, роксоланов, сираков, асов, ясов, языгов, саков, массагетов и др.)» [29; 30], Х.А. Акиев отмечает, что «благодаря стараниям ученых – представители семьи индоевропейских языков, предки русских, германцев, скандинавов, осетин и др. превратились в героев – ариев и атлантов» [25]. «Название аланы-ассы, – пишет Х.А. Акиев, – отражает верование народа». Ссылаясь на сведения Гернот Вильхельма о взаимосвязи богини подземного мира Аллани и известной в период III династии Ура богини Аллатум… имя Аллании легко увязывается с хурритским словом «allai»

(госпожа, владычица)» [31, с. 91] точно так же, как оно связывается с ингушским словом аьла – князь/повелитель [11, с. 69-70].

Применительно к античной эпохе историк Х.А. Акиев в своих работах акцентировал внимание на территориальной динамике расселения нахоязычных племен, миграционных процессах, определении этимологии кавказских этнонимов и их этнической принадлежности [32; 21]. Х.А. Акиев локализует часть дзурдзуков (нахов) в III в. до н.э. «в Мтиулетии и на территории от границ Дагестана до Колхиды» и утверждает, что они «в указанное время… являлись ведущей политической силой» на Кавказе [33]. Далее Х.А. Акиев определяет, как принадлежащую дзурдзукам в III-II вв. до н.э., территорию верховьев «реки Терек и его притоков на его Северном склоне Главного Кавказского хребта, там, где ныне живут мтиулетцы, хевы и юго-осетины». Соглашаясь с Л.Ю. Маргошвили, Х.А. Акиев считает, что к этому времени относится и проживание в Кахетии родственных дзурдзукам чарталов [33]. Западные границы проживания нахов Х.А. Акиев определяет Черным морем. «…Предания армян и грузин, антропологические работы, проведенные на Кавказе, данные языка и документы говорят о том, что чеченцы и ингуши занимали с III в. до нашей эры вплоть до XIV в. н. э. обширную территорию как на равнине, так и в горах, сначала на Запад от реки Терек до Черного моря, а затем на Восток от той же реки до границ Дагестана» [33, с. 29]. Таким образом, ареал проживания нахоязычных племен-автохтонов Кавказа профессор Х.А. Акиев определяет Центральным Кавказом, как севернее от Главного Кавказского хребта, так и южнее.

Часть работ Х.А. Акиева опубликована, и многие из них вызывают широкий общественный резонанс, становясь предметом научных дискуссий [33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43;44]. Так, в статье «Этническая карта Северного Кавказа в середине XVI в.» ученый излагает свою, особую точку зрения по вопросу ногайско-русско-кабардинского похода во главе с Темрюком в 1562 г. [45]. Анализируя эту работу А-М. М. Дударов выделяет два ключевых момента участие ногайцев в походе вообще и направление основного удара [46, с. 96-134]. Х.А. Акиевым впервые доказывается версия, согласно которой основной район боевых действий этого похода был сфокусирован на территории, прилегающей к Дарьяльскому ущелью, где жили «нахи-ингуши» [45, с. 6], именно Дарьяльское ущелье являлось единственным направлением военного удара [45, с. 7]. Ученый пришел к выводу, что к середине XVI века уже более ста лет после походов Тимура ингушский народ жил на заново освоенных своих равнинных землях. И именно ингушские общества были, как выразился И.Х. Калмыков, «остатки древнего населения предгорий Центрального Кавказа», которых кабардинские племена «включили в себя». Впоследствии эта версия о завоевательном ногайско-русско-кабардинском походе против ингушей стала разрабатываться другими исследователями А-М. Дударовым, [46] Б.Д. Газиковым [47, с. 59 – 64], Н.Д. Кодзоевым [48, с. 3-13], Я.З. Ахмадовым [49, с. 294, 295] и др.

В документе Посольского приказа Русского государства указывается, что Темрюк «воевал Татцкие земли близ Скиньских городков и взяли три городка: Мохан, город Енгир, город Казан, и мирзу Телишку убили и людей многих побили… И воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака и Дудыля» [50, с. 10-11]. Усилиями отечественных специалистов (Е.Н. Кушевой, Л.И. Лаврова, В.Б. Виноградова, Магомадовой Т.С. и др.), – отмечает Ф.Х. Гутнов, – установлено соответствие топографических названий первой части сообщения летописи Дигорскому и Куртатинскому обществам Северной Осетии. Под «сонскими землями» следует понимать Ксанское эриставство» [51, с.113-115]. Исследователи Е.Н. Кушева и Х.А. Акиев дают более точные сведения о нахождении и принадлежности «сонских и «татских» земель: «Сонские и “Татские” земли находились между Кабардой и Грузией, здесь вероятно подразумевались западнонахские (ингушские) общества, контролировавшие Дарьяльское ущелье и частично осетинские аулы (Юго-Осетия и Северная Осетия)» [52, с. 240; 43]. Х.А. Акиев считает, что под «Сонской землей» подразумевается конкретно Дарьяльское ущелье [45].

Нужно отметить достаточно устойчивый интерес историографической литературы к работе Х.А. Акиева «Мухаджиры», в которой впервые в ингушеведении анализируется проблема добровольно-принудительной миграции ингушей, вызванной российской колонизацией северокавказского региона. Автор фокусирует внимание на причинах миграции, в числе которых видит искусственно созданные угрозы принудительной христианизации, рекрутирования в солдаты, переселения во внутренние районы России, а также определяет ее как последствие Кавказской войны, где главным для царской России считалось максимальное освобождение территории от мусульманского населения. Х.А. Акиевым была сделана попытка определить направление, способы и численность переселенческих потоков [53, с. 391 – 401].

Х.А. Акиев, прошедший серьезную ленинградскую школу, принадлежа к классической школе кавказоведения, был и в науке, и в жизни предельно объективен. Историк всегда открыто высказывал свое мнение. Так, он был активным участником общества «Кавказ», которое развернуло критику официальной концепции «добровольного вхождения» и методов группы профессора В.Б. Виноградова. На общественно-политическую жизнь Чечено-Ингушетии огромное влияние оказал журнал «Справедливость» – «первое неформальное издание в республике (первый номер вышел в январе 1989 года)» [54], в котором активно сотрудничали «будущие деятели неформального движения ЧИАССР – Дадаш Алиев, Рамзан Гойтемиров, Беслан Костоев, Хасолт Акиев, Иса Арсамиков и др.» [55]. Значимым событием для будущего ингушского народа явилось проведение Второго съезда ингушского народа в г. Грозном, на котором состоялось выступление Хасолта Акиева о фактах исторических угроз, перед которыми оказывался ингушский народ в разные эпохи, а также фор-

мах и перспективах его будущего развития [56, с. 161; 57]. «Хасолт Акиев являлся культовой фигурой своего времени. Взращенный в суровых условиях депортации, он привык буквально пробиваться к заветной цели, не поступаясь своими принципами реализовывать свои мечты и желания» [9].

К сожалению, часть работ Х.А. Акиева не опубликована, остальная малоизвестна [12; 14;16;19; 20; 24; 25; 32; 58; 60; 61; 62]. В целом, вклад исследователя в развитие науки и его исторические взгляды не были достаточно проанализированы, возможно, в силу изолированного рассмотрения его научных работ, возможно, в силу прогрессивности версий, понимание которых приходит по прошествии определенного времени.

Однако даже данный краткий анализ научного наследия Х.А. Акиева позволяет уверенно утверждать, что им были открыты новые направления, новые ракурсы исследования истории кавказских народов в общем и ингушей, в частности, актуальность и правильность которых подтверждает историческая наука последних десятилетий. С позиций сегодняшнего дня видится правильным и своевременным увековечение памяти об этом удивительном человеке, достойном сыне ингушского народа, профессоре Хасолте Алхастовиче Акиеве – общественном деятеле, историке, художнике, поэте.

Список литературы

1. Жданов Ю.Л. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп. 1999.

2. Волова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. №12. 2005 URL:http://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-na-severnom-kavkaze Дата обращения 06.07.2015

3. Тихонов В.В. Историк «старой школы». Научная биография Б.И. Сыромятникова. M-Pisa University Press. 2008.

4. Мартазанов А.М. Приобщить человека к процессам творчества // Кристалл искусства, лик земной. К 65-летию со дня рождения и 40-летию научной и творческой деятельности Х.А. Акиева. Назрань. 2007.

5. Хасолт Акиев. Историк, художник, поэт // Каталог художественных работ Х.А. Акиева. Автор-составитель Х.М. Акиева. Предисловие А.Г. Плиев. Магас. 2010.

6. Бабурин А.Ю. Офицеры-чеченцы на службе в русской армии во второй половине XIX века // Военно-исторический журнал. №9. 2003. №9. С. 61-62.

7. Акиев Х.А. Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Магас. 2009. С.11

8. Кулешин, М.Г. Интеграция горского населения Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в рамках Терской области. Дис… канд. ист. н. Ставрополь 2009. //http://cheloveknauka.com/integratsiya-gorskogo-naseleniya-severo-vostochnogo-kavkaza-v-sostav-rossiyskoy-imperii-v-ramkah-terskoy-oblasti#ixzz4CacRZItX (Дата обращения 10.06.2016)

9. Итсмиолорд З. Научное и творческое наследие Х. Акиева 1942 – 2009 // proza.ru/2012/12/28/1707 (Дата обращения 6.06.2016)

10. Хасолт Акиев // http://druzya.com/forum/threads/xasolt-akiev.31160/ (Дата обращения 13.06.2016)

11. Акиев Х. А. К вопросу об этимологии Ассы, Яссы, Осы // Ингушетия на пороге нового тысячелетия. Тезисы докладов научно-практической конференции 29 апреля 2000 г. Назрань. 2000.

12. Акиев Х. К вопросу этнонимов арды, арты, эрты, орты // Ингушетия. №199. от 27 апреля 2006 г.

13. Акиев Х. Клеточный орнамент в системе языческого мировоззрения вайнахов // Искусство народных промыслов Северного Кавказа. Тезисы докладов на региональной научно-практической конференции. Нальчик 16-19 октября 1989 г.

14. Акиев Х. Культура земледелия ингушей. Его символика // Газ. «Ингушетия» от 11 января 1997 г.

15. Акиев Х.А. О чем говорят рельефы храма Тхаба-Ерды // Нравы, традиции и обычаи народов Северного Кавказа. Тезисы общероссийской конференции 23 – 25 сентября 1997 г. Пятигорск. 1997

16. Акиев Х. Семантика креста // Газ. «Сердало» от 24 января 1995 г.

17. Акиев Х. Символика орнамента ингушского ковра, нагрудника и «древа жизни» // Газета «Ингушетия» от 5 июня 1997 г.

18. Акиев Х. Символика орнамента надмогильных стел вайнахов //Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тезисы докладов на республиканской научной конференции. 18-20 октября 1990 г.

19. Акиев Х. Символика плодородия в духовной культуре вайнахов // Газ. «Костры на башнях» от 27 мая 1993 г.

20. Акиев Х. Фаллические символы храма Тхаба-Ерды // Газ. «Сердало» от 13 августа 1996 г.

21. Акиев Х. Этимология слова «каш» // Топонимика и ономастика Северного Кавказа. Тезисы I общекавказской конференции. 16 – 18 апреля 1997. Пятигорск. 1997 г.

22. Акиев Х. Языческие представления о душе и их отражения в орнаменте. Грозный. 1990.

23. Акиев Х. Языческие символы надмогильных плит. Грозный. 1990.

24. Акиев Х. Символика орнамента ингушского ковра. // Газ. «Ингушетия» от 24 мая 1997 г.

25. Акиев Х.А. Малая Азия и Северный Кавказ. Рукопись монографии. Архив Х.М. Акиевой

26. См.: Акиев Х. Языческие представления о душе и их отражения в орнаменте. Грозный. 1990.

27. Геродот. История // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов на Дону. 1990.

28. Страбон. География // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов Ростов на Дону. 1990.

29. Акиев Х. Кто такие аланы? // Газ. «Сердало» от 28 декабря 2004 г.
30. Акиев Х. Проблема происхождения ингушей – миф и реальность. // Сборник научных статей Ингушского государственного университета. Вып.1. (Гуманитарные и исторические науки). Магас. 2002.
31. Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М. 1992.
32. Акиев Х.А. Что означает слово «Таргим»? // Газ. «Ингушетия» от 20 июня 1997 г.
33. Акиев Х.А. К вопросу о происхождении и географии расселения ингушей. Лаг1аш, №1, 1989 г.
34. См.: Акиев Х. К вопросу о расселении гребенских казаков на Тереке //ЛагIаш. №2, 1991 г.
35. Акиев Х. Изучение своеобразия феодальной собственности в Чечено-Ингушетии и роль естественно-географических факторов (до XIX в.) //Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва 30 октября – 1 ноября 1985 г. М. 1985.
36. Акиев Х. К политической ситуации на Тереке в 1651-1652 гг. // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный. 1990.
37. Акиев Х. К вопросу формирования земледельческой знати и военного сословия горцев (XIX в.) // Генезис, основные этапы и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов на региональной научно-практической конференции. Махачкала. 1980.
38. Акиев Х. Материалы Кизлярской таможни 1825 – 1828 гг. как источник изучения торговых связей Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – XIX вв.) Грозный. 1986.
39. Акиев Х. Мюридизм – детище Кавказской войны // Газ. «Костры на башнях» от 27 мая 1993 г.
40. Акиев Х. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877 – 1878 гг. // Вопросы истории. №1. 1980 г.
41. Акиев Х. Формирование иррегулярных частей из горцев Северного Кавказа для участия в русско-турецкой войне 1977-1878 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный. 1977.
42. Акиев Х. Формы и методы борьбы горцев в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 – 50 гг. XIX в. Всесоюзная научная конференция . 20-33 июня. Махачкала. 1989.
43. Акиев Х.А. К вопросу о расселении вайнахов в Дарьяльском ущелье в XVI в. в исторической литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Выпуск 3. Материалы всероссийской научной конференции 10 – 12 мая 1982 г. Грозный. 1985.
44. Акиев Х.А. К вопросу о походе кабардинского князя Темрюка и царских войск против Пшеабшоко Кайтукина в 1563 – 1565 гг. // Тезисы докладов на республиканской научно-практической конференции. Грозный. 1988.
45. Акиев Х.А. Этническая карта Северного Кавказа в середине XVI в. (К вопросу о поселениях ингушских племен в Дарьяльском ущелье) // Точка зрения. Сборник статей. Назрань. 2006.
46. Дударов А-М. М. К вопросу о расселении ингушей в позднем средневековье: Г1алг1ай коашке; Дударов А-М. М. Вопросы расселения древних ингушей и наличия у них собственной государственности // Дударов А-М. М. Кодзоев Н.Д. К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик. 2011.
47. Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань. 2002.
48. Кодзоев Н.Д. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. Вопросы истории Ингушетии. Вып. 5. Магас. 2006.
49. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М. 2001.
50. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. М. 1957.
51. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе. 1989.
52. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М. 1963.
53. Акиев Х. Мухаджиры // Ингушетия и ингуши. Сборник статей. 1999. Для сохранения нации //http://www.mngz.ru/russia-world-sensation/777140-dlya-sohraneniya-nacii.html03.10.14 (Дата обращения 10.06.2016)
54. Источник: ИИЦ «Панорама» http://www.chechnya.ru/view_all.php?offset=18&part=hist (Дата обращения 17.06.2016)
55. Выступление на Втором съезде ингушского народа. Грозный. 9 – 10 сентября 1989 г. Грозный. 1990.
56. Акиев Х. К вопросу об аннексии исконных ингушских территорий // Второй съезд ингушского народа. Грозный. 1980.
57. Акиев Х. Семантика газырей в военном костюме //Тезисы докладов и сообщений IV Всесоюзной конференции востоковедов. Махачкала. 1 – 5 октября 1991.
58. Акиев Х. Священный город Магас // Газ. «Ингушетия» от 13 и 18 мая 2000 г.
59. Акиев Х. У истоков. Культура и жизнь (об ингушском художнике Х-Б. Ахриеве) // Газета «Грозненский рабочий» от 22 февраля 1977 г.
60. Акиев Х. Мир художника П.З. Захарова // Газета «Ингушетия» от 14 мая 1994 г.
61. Акиев Х. Творчество Г-М.А. Даурбекова. Саратов. 2000.
62. Акиев Х. Этнограф-энциклопедист Л.И. Мусукаев // Вестник Пятигорского лингвистического университета. Пятигорск. 2001.

М.С.-Г. Албогачиева

ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ, КРАЕВЕД КАВКАЗА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИНГУШСКО – ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА, ПРОСВЕТИТЕЛЬ «НАХАА СИДАР» Ф.И.ГОРЕПЕКИН

Аннотация: Статья посвящена жизнедеятельности Фомы Ивановича Горепекина – известного кавказоведа, положившего начало комплексному изучению ингушского и чеченского народов. Показаны этапы творческого пути ученого, дан краткий анализ его многолетних исследований, по его методу и программе, путем критики сравнительного рассмотрения вопросов в восьми этнографических областях, позволивших сделать сенсационные открытия в области ингушеведения.

Ключевые слова: Фома Иванович Горепекин, ингуши, чеченцы, Кавказ, история, этнография, фольклористика, археология, языкознание, религия, рукопись.

M.S.-G. Albogachieva

F.I. GOREPEKIN – THE ETHNOGRAPHER AND ARCHAEOLOGIST THE CAUCASUS, RESEARCHER AND ENLIGHTENER «NAHAA CEDAR» OF THE INGUSH AND CHECHEN PEOPLES

Abstract: Article is devoted to Foma Ivanovich Gorepekin's activity – the famous caucasiologist who laid the foundation to complex studying of the Ingush and Chechen people. Stages of creative growth of the scientist are shown, the short analysis of its long-term researches, on its method and the program, by criticism of comparative consideration of questions in eight ethnographic is given to the areas which allowed to make sensational discoveries in the field of an ingushevedeniye.

Key words: Foma Ivanovich Gorepekin, Ingushs, Chechens, Caucasus, history, ethnography, folklore studies, archeology, linguistics, religion, manuscript.

В истории кавказоведения есть немало ярких и выдающихся личностей с именами, которых знаком каждый исследователь, однако есть и такие, которые в силу ряда обстоятельств не известны даже в кругах специалистов, одним из таких является Фома Иванович Горепекин.

Горепекин Ф.И. родился 7 июня в 1874 году в станице Ессентукской Терской области в семье станичного учителя. В 1891 году Фома Иванович закончил Владикавказское 4 – классное городское Николаевское училище, но так как высших учебных заведений в Терской области не было, в 1893 году он поступает в Тифлисский учительский институт. Он успешно выдерживает вступительные экзамены, однако учиться ему там не пришлось в виду отказа в казенной стипендии.

Отсутствие средств вынуждает его вернуться домой. По возвращении Горепекин поступает во Владикавказскую классическую гимназию, но бедность родителей не позволяет продолжить учебу и здесь. Стремление получить хорошее образование и вместе с тем его большая любовь к природе Кавказа определили во многом поиски его будущей специальности. С открытием Владикавказского лесного училища в 1894 г. в числе первых был зачислен и через два с половиной года; когда ему уже было 22 года, он окончил его.

Будучи молодым специалистом, Фома Иванович активно включился в общественную жизнь и с открытием в 1896 во Владикавказе воскресной школы «грамотности» начал обучение в ней детей и взрослых. Несколько позднее при его личном участии была образована общественная библиотека в городе Владикавказе, он также безвозмездно привел в порядок библиотеку Областного статистического комитета и музея, (всего 27 тысяч томов).

Фома Иванович работал на различных должностях лесной службы в Терской области, начав с должности помощника лесничего, дослужившись до ревизора лесов Горской республики. Его служебное положение позволяло ему проводить разнообразные научные исследования в области сельского хозяйства, ботаники, зоологии, этнографии, археологии, он проводил большую краеведческую и исследовательскую работу. Разносторонняя научная деятельность Фомы Ивановича была замечена в лесном департаменте, и по личной просьбе уполномоченного Министерства земледелия на Кавказе ботаника Я. С. Медведева на него была возложена обязанность по сбору пескоукрепляющих растений на Арарате, а также сбор древесных семян редких растений. Изучив литературу по Кавказу, он начал свою краеведческую и научную деятельность в 1901 году; открыл сталактитовую пещеру под Владикавказом, провел ботанические исследования от Кизлярских песков до ледниковой области гор Главного Кавказского хребта и от реки Сулака до Эльбруса. Выявил 154 вида дикорастущих и кустарниковых пород. В период с 1910 по 1914 год с горных высот, достигавших 14 тысяч футов, перенес на себе около 1500 живых растений разных видов в Тифлисский ботанический сад, с тем, чтобы образовать там отдел кавказских высокогорных растений. Во Владикавказе он 12 лет заведовал казенным плодовым питомником и читал лекции по садоводству и огородничеству.

Ф.И. Горепекин в течение 4-х лет состоял членом-корреспондентом Юрьевского и Тифлисского ботанических садов, был членом Владикавказского туристического общества, для которого составил в 1912 году первый «Путеводитель по горам Терской области».

18 лет Фома Иванович состоял действительным и почетным членом Терского областного статистического комитета, который был единственным учреждением, проводившим научно-исследовательскую работу в крае, в том числе и по этнографии. По поручению комитета составил план города Владикавказа, который был издан картографическим отделом Ильи-

на, оригинал находился в Терском областном музее. Учитывая его опыт и знания в данной области, статистический комитет поручил ему составление карты расположения могильных курганов и других древних объектов.

Своими разнообразными экспонатами, накопленными в ходе исследования области, он вместе с секретарем статистического комитета Г.В. Вертеповым положил начало созданию Терского областного музея в городе Владикавказе и лично участвовал в сборе пожертвований на его постройку.

В 1921 году при музее образовался Северо-Кавказский институт краеведения, многие экспонаты и коллекции по этнографии ингушского и осетинского народов были собраны лично Фомой Ивановичем. Для пополнения музейных коллекций и археологических знаний о древностях Терской области Горепекину Ф.И. было предоставлено право на самостоятельные раскопки.

В результате археологических исследований Горепекин обнаружил фундамент церкви и каменный крест IV века близ селения Заманкул, также каменные гробы-ящики близ станицы Курской, им найдено золотое изображение головы лошади с рыбьим телом близ Нальчика и прочее. Но самым главным своим открытием Фома Иванович считал обнаружение в могилах Магатэ, близ селения Салги, а затем и в других местах, знаков которые, он интерпретировал как знаки древней письменности ингушского и чеченского народов. По этому поводу Горепекин писал: «Факт открытия знаков древнего письма у ингушей есть сенсация в науке – как 3-й случай открытия на Кавказе, т.е. через 2225 лет после первой находки, во время правления царя Грузии – Фаронаваза, и через 1500 лет после второй находки Месропом, просветителем Армян» [1]. По мнению Ф.И. Горепекина, результаты исследований этого вопроса должны были составить особый раздел этнографических материалов. К сожалению, научная интерпритация этого материала отсутствует до сих пор.

Такие личности, как Фома Иванович Горепекин, всем интересующиеся, увлекающиеся широкими обобщениями и глобальными построениями, с той или иной степенью фантазии, нередко встречаются в краеведении и в науке в целом [2, с. 110-118].

Исследовав различные курганы и могильники в пределах Терской области, Фома Иванович все найденные экспонаты передал в Терский музей. Особенно ценными представлялись ему предметы, связанные с культом языческого бога Мага-Ерды, в частности, железная цепь, древко от знамени, кубки, черный камень и т.д. Культ этого божества был широко распространен среди ингушей в недавнем прошлом, в домусульманский период. Фоме Ивановичу посчастливилось встретиться с бывшим жрецом, в свое время совершавшим культовые действия при жертвоприношении в честь Мага-Ерды. На основании музейных материалов и рассказов очевидца он написал статью «Мага-Ерды», которая в виде брошюры первоначально была выпущена тиражом в три тысячи экземпляров и впоследствии опубликована в газете «Терские ведомости» в 1909 г. Оба эти издания являются на сегодняшний день библиографической редкостью, а потому практически недоступны не только широкому читателю, но даже и специалистам, в первую очередь этнографам и религиоведам.

За годы исследовательской работы у ученого накопился огромный рукописный архив. В августе 1918 г. многие документы были переданы для обозрения и доклада на Съезде депутатов от всех Северо-Кавказских горских народов, комиссару и председателю только что образованной Терской республики Ю. Пашковскому и комиссару народного просвещения Якову Маркусу. Заслушав представленные документы, депутаты в числе 60 человек удостоили Горепекина Ф.И. почетным званием «Нахаа-сидар» т. е. «просветитель ингушей». После съезда документы были оставлены в кадетском корпусе, где проходили заседания. В ночь после заседания начались волнения, которые продолжались в течение 13 дней, и рукописные документы, переходя из рук в руки, были найдены автором лишь в 1920 г. Именно из этих материалов оригинал первого ингушского букваря попал в руки профессора Н.Ф. Яковлева, который впоследствии в своих работах опирался на материал Ф.И. Горепекина как на источник в своих исследованиях [3].

Большое внимание Фома Иванович уделял разработке грамматики ингушского языка, им были составлены первый букварь и первый алфавит, сделан прямой и обратный словарь с энциклопедическим объяснением 5000 тыс. слов, а в 1922 году власти Горской республики за проделанную работу выдали Ф.И. Горепекину премию в размере 1500 рублей золотом [4, л. 11]. О своей работе Фома Иванович Горепекин отзывался так: «20 лет назад, исполнив общее описание Терской области, поставил я своей жизненной задачей выяснить истину происхождения ингушей и чеченцев, тем более, что о них за предыдущие годы накопилось много лично мной собранного материала и т. к. этнографическая сторона народов области до этого времени не достаточно освещалась. Для исполнения этой цели я подготовил себя самостоятельно, получив специальные знания из необходимых отделов науки, т.к. таковые целиком нельзя получить ни в каком университете, путем многолетних исследований, по собственному методу и программе, путем критики сравнительного рассмотрения вопросов в восьми этнографических областях – языкознание, религия, фольклор, общая культура, археология, география, история, личное открытие древнемировой письменности и на основании собранных материалов об ингушско-чеченском народе и народах всего Кавказа. Создал самостоятельно новые работы в количестве 11 томов и много статей по этим областям» [5, л. 36]. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что Ф.И. Горепекин рассматривал этнографию как комплексную науку, включающую в себя и некоторые другие науки.

Изучению ингушского народа посвящены многие рукописные труды, оставшиеся неопубликованными. Для удобства они сгруппированы мною по темам.

Этнография: альбом рукоделий ингушских женщин; о развитии сыроварения и ткацкого промысла в ингушской стороне; тавро и знаки у ингушей; объ-

яснение ингушских топографических названий на территории Закавказья, Северного Кавказа, в Тибете, Англии и Скандинавии; домашняя жизнь, семейный уклад, вооружение и т.п. у ингушского народа с древнейших времен; причины развития разбойничьих шаек у ингушей, способы грабежа и сокрытия следов; этнологическая карта древних народов на Кавказе; альбом типов, видов, древностей и т.п. ингушского района; о древней религии ингушей; список древнейших языческих божеств и значение их в жизни ингушей; Мага-тэ или Мага-ерда – языческий бог – покровитель у ингушей; участие священной лошади в религии ингушей и выражение этого божества в амулете на стекле из погребалища в Магатэ; лошадь, барашек и фигурки человека в могильных находках на Кавказе; древнейший ингушский языческий календарь; о происхождении ингушского народа; исторические исследования об ингушах на основании работ древних историков и географов, археологических, лингвистических и др. исследований; страна Амазония (по Геродоту) на Кавказе – страна ингушей; древнейшие народы Северного Кавказа и ингуши; Асы и осы (осетины и ингуши) на Северном Кавказе; карта путей передвижений древних народов из Азии в Европу.

На фольклорные сюжеты: народный эпос ингушей; нарты ингушей, кабардинцев и осетин; предание ингушского народа о своем происхождении.

Лингвистические работы: Азбука (алфавит) для графического изображения ингушской народной речи; энциклопедически разработанный русско-ингушский и ингушско-русский словарь; грамматика ингушского языка; сравнение корней и значений слов англичан, древних поселенцев Армении (прото-армян), узбеков Туркестана, китайцев с языком ингушей; толкование ингушских слов, одинаковых по произношению и начертанию, но разных по значению; основной закон употребления в ингушской речи вспомогательно-указательного глагола – в, б, д, й; правописание ингушской речи; первая родная азбука (букварь) современных ингушей; открытие существования в отдаленное время у предков ингушей индийской письменности Магадги [6].

Археологические интересы ученого позволили создать следующие работы: разгадка Кобанских могильников; о сохранении археологических памятников в ингушской стороне от ограбления и самовольных раскопок ввиду ценности их для науки; о сохранении памятников природы и животных в ингушской стороне.

Увлечение ученого в области ботаники позволили написать о сборе лекарственных и промышленных трав, листьев и цветов в ингушской стороне; древнейшие виды растительности в ингушской стране.

Подводя итоги своих трудов, Ф.И. Горепекин писал: «По своим первоисточникам материалов и фактов охватил первоосновы этнографических сторон, а на сем основании результаты не есть гипотеза, не есть попытка заглянуть в неизвестный вопрос, а есть совершившийся факт, почему и дан всем работам общий заголовок: «От проблем к фактам». Грубые и несбыточные выводы и блуждания в понятиях о народах Кавказа и о народах Азии и Европы до сего времени произошли именно от незнания основ и законов Кавказской этнографии. В разрешении этих вопросов до сего времени главным образом опирались на лингвистику, но плохо усматривали те положения, что она одна, без знания других основ этнографии, также не может дать истины» [7, л. 25, 26]. Не имея возможность публиковать свои работы в России, автор стал пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию наук, в надежде, что к ним будет проявлен интерес там. Его надежды оправдались, и с его трудами ознакомился представитель Лондонской Королевской Академии сэр Ричмонд, который писал по этому поводу: «Народ этот – ингуши, стал для честного труженика, человека русского, его родственным. Стал он родственным не по плоти, а по тем заботам о бытии этой темной народной большой семьи, которая ущемила крепкими клещами мозг скромного кропотливого труженика и которая не дает покоя ему ни днем, ни ночью уже в продолжение не менее 15 лет, в то время как народ ингушский, погорячившись на вечерних сходках, уходил мирно спать, то он не знает того, что существует у них безызвестный печальник, об их существовании, который зажигает в это время огонь в своем сердце и в своей лампе и с карандашом в руках пишет… Близко зная его неутомимую деятельность и исполненный им труд, я довожу до сведения Академии: труженик теряет уже физические силы в борьбе за свое существование, вследствие общего расстройства организма, постоянной 24 часовой работы. Его попытки обращения за помощью к правящей власти в крае не нашли сочувствия, автор все же продолжал работать не покладая рук, и работа его носит академический характер. Эти обстоятельства побуждают автора пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию, а не печатать их на родине. Труды автора занимают до 6-ти тысяч писаных страниц и отчасти потребуют специального ингушского печатного шрифта» [8].

В 1929-1930 гг. Ф.И. Горепекин, в связи с ухудшением состояния здоровья и находясь в стесненных материальных условиях, обратился к директору Музея археологии и этнографии в Ленинграде академику Е.Ф. Карскому с просьбой опубликовать его работы. В своем письме в 1929 году он, в частности, писал: «Я, как автор оглашаемых трудов, выражаю надежду, что центральные правительственные органы СССР окажут полное содействие к осуществлению издания представленных работ, также найдется всесторонняя поддержка развития интереса у научных работников СССР к продолжению всесторонних этнографических и археологических работ на Кавказе, равно также, чтобы я лично, до конца своей жизни, при обеспечении правительства, перестал быть голодным и нашел бы возможность жить и работать дальше на пользу науке, на культурное благо ингушского народа, т.е. того народа, кому были отданы мои лучшие силы, мысли, здоровье и радости жизни, и кого я, с момента оглашения сего, выдвигаю в глазах всего мира из ничтожества и бесславия на сцену мировой известности и славы, как осколка общих предков народов белой расы.

Такое положение результатов моих научных достижений наиболее заставило меня поднять крик на весь Союз ССР, чтобы труды мои не ушли со мною в голодную могилу, а были бы достоянием мыслящего потомства всех и в частности, ингушского народа. В осуществлении этой идеи была цель моей жизни, она при жуткой и необычайной обстановке и мучениях голода давала мне энергию для борьбы за жизнь и за науку.

Этнограф, археолог, краевед Кавказа,
исследователь ингушско-чеченского
народа, просветитель этого народа
«Нахаа сидар» Ф.И.Горепекин» [9].

Цитируемое письмо из МАЭ препроводили директору Яфетического института академику Марру Н.Я., который, в свою очередь, наложил на рукопись следующую резолюцию: «Ф.И. Горепекин не имеет и не может иметь ничего общего ни с Н.Я. Марром, ни с руководимым им Яфетическим институтом, для этого достаточно взглянуть хотя бы на текст рукописи – страницы 1-7, где говорится об «отпадении необходимости в теории Марра. Теория эта потерпела свое крушение еще 10 лет тому назад, когда выяснилась сумма результатов исследований на Кавказе». Потому-то, надо думать, и неправильно, по недоразумению нам пересланная записка в МАЭ, ныне возвращается.

Если же спрашиваете все-таки мнение Яфетического института, то тут не может быть двух мнений: Яфетический институт не считает записку подлежащей его компетенции. По личному же мнению Н.Я. Марра, записка – бред сумасшедшего.

Директор яфетического института
академик Н.Я. Марр» [10, л. 30].

В тот исторический период еще сильна была теория Марра и надо было иметь определенную смелость, чтобы заявить о ее несостоятельности.

Возможно, жизнь Горепекина Н.Ф. сложилась бы иначе, если бы не резолюция Марра Н.Я., который росчерком пера решил судьбу энтузиаста кавказоведения: он умер в полном забвении, дата его кончины неизвестна.

К сожалению, труды Фомы Ивановича Горепекина до сих пор используются в работах исследователей реже, чем они того заслуживают, в то время как они вполне смогли бы пролить свет на некоторые стороны этнографии Кавказа, в частности на этнографию еще мало изученного ингушского народа.

Список литературы

1. ПФА. РАН. ф. 142, оп. 2, д. 27, л. 35. об.
2. Примером такого ученого, например, является А.Р. Зифельд – Симумяги, эстонец по национальности, тюрколог по интересам, работавший в Азербайджане и даже в 1935 – 1937 гг. возглавлявший Институт Языка и Литературы Азербайджанского филиала АН. Увлекшись урало-алтайскими языками, он относил к ним самые разные языки – от шумерского до славянских и латышского. См.: Ашнин Ф.Д, Алпатов В.М., Масилов Д.М. «Репрессированная тюркология» Москва, 2002 г.
3. Подтверждением тому являются материалы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук в фонде 800, оп. 6, д. 574, где Н.Ф. Яковлев несколько раз ссылается на работы Ф.И.Горепекина.
4. ПФА РАН, Ф. 142, оп. 2, д. 27, л.11.
5. ПФА РАН, Ф. 142, оп. 2, д. 27, л. 36
6. ПФА РАН, Ф. 800, оп. 6, д.154, л.1,1 об, 2.
7. ПФА РАН, Ф.142, оп. 2, д.27, л. 25, 26.
8. ПФА РАН, Ф. 800, оп. 6, д.154, л.6, 6 об.
9. ПФА. РАН, Ф.142,оп. 2, д. 27, л.17. об.
10. ПФА РАН, Ф.142, оп. 2, д. 27. л. 30

И.Г. Алмазов

ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ (ХРОНИКА ПЕРВОГО 1926/1927 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА)[1]

Аннотация: В статье освещаются зарождение и первые шаги в общероссийскую науку Ингушского научно-исследовательского института краеведения, созданного в конце 1926 года на основе Северо-Кавказского института краеведения, а также культурно-просветительская деятельность научного Музея при институте в первый год его деятельности. Рассматриваются первые успехи разносторонних научных экспедиций сотрудников института в горную Ингушетию летом 1927 года.

Ключевые слова: горная Ингушетия, Ингушский научно-исследовательский институт краеведения, научные экспедиции, научный музей, г. Владикавказ, Ингушское литературное общество, Северо-Кавказский институт краеведения.

I. G. Almazov

INGUSH RESEARCH INSTITUTE FOR REGIONAL STUDIES (CHRONICLE OF THE FIRST 1926/1927 ACADEMIC YEAR)

Abstract: Origin and the first steps in the all-Russian science of the Ingush research institution of the study of local lore created at the end of 1926 on the basis of the North Caucasian institute of study of local lore, and also

cultural and educational activities of the scientific Museum in case of institute in the first year of its activities are covered in article. The first progress of versatile scientific expeditions of staff of institute to mountain Ingushetia is considered by summer of 1927.

Key words: mountain Ingushetia, Ingush research institute of study of local lore, scientific expeditions, scientific museum, Vladikavkaz, Ingush literary society, North Caucasian institute of study of local lore.

История возникновения Института

Ингушетия ещё с древности была объектом планомерного, систематического изучения многими путешественниками и учеными разных стран. Особенно сильный всплеск профессионального и разностороннего интереса ученых и географов к Ингушетии и ингушам отмечается со второй половины XVIII в. и продолжается вплоть до середины XX в. Большинство из них, побывав в Ингушетии, оставили свои впечатления об ингушах, о многогранном ингушском обществе в многочисленных письменных трудах по истории, этнологии, лингвистике, географической экономике, археологии, работах, содержащих, в своей первоисточниковой основе, весьма ценные и значимые для современной мировой, кавказоведческой и ингушской науки богатые сведения о многогранной материальной и духовной культуре, традициях и обычаях ингушей, об ареалах расселения древних ингушей, о международных политических, культурных и экономических связях с окружающими народами.

После окончания гражданской войны научный интерес ученых к Северному Кавказу, и в частности, к Ингушетии, вновь возродился. В наиболее широких масштабах научно-исследовательская деятельность зародилась в Ингушетии начале 1924 года. Именно в это время, в апреле 1924 года, заведующим Ингушским отделом народного образования З.К. Мальсаговым было учреждено «Ингушское Литературное Общество». За короткое время оно пробудило среди широких масс населения интерес к родной письменности: лишь за первый год существования Общества его членами было произведено около 20 печатных листов записей ингушского словесного творчества. На их основе Общество составило «Словарь ингушского языка», включавший до 5000 слов, выполнило ряд работ по переводу и изданию школьной и научно-популярной литературы.

В 1927 году состоялась 1-я практическая конференция членов Общества, в ходе работы которой было избрано правление, ревизионная комиссия и намечены планы дальнейшей деятельности Общества.

Ингушский научно-исследовательский институт краеведения учрежден в конце 1926 года при следующих обстоятельствах.

С мая по 17 ноября 1926 года во Владикавказе функционировал Северо-Кавказский институт краеведения. В заседании от 16 ноября 1926 года Малый Совет народного комиссариата постановил организовать Северо-Кавказский Горский научно-исследовательский институт краеведения в Ростове-на-Дону с принятием его на государственный бюджет путем перевода ему государственных кредитов бывшего Северо-Кавказского института краеведения.

Так как Северо-Осетинская автономная область к этому времени имела уже свой научно-исследовательский орган, то неизбежно должен был встать вопрос об учреждении Ингушского института краеведения. Вопрос этот на заседании Малого Совета народных комиссаров 16 ноября не рассматривался, так как новый институт мог быть открыт только при условии содержания его на местных средствах.

Ранее, 11 ноября 1926 г., состоялось совещание Учено-Консультационной комиссии Главнауки СССР по вопросу об организации нового Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Совещание это поручило А.В. Сегалю и У. Алиеву переговорить с председателем Исполнительного комитета Ингушской автономной области А.И. Горчхановым о принятии Ингушского института краеведения на местный бюджет.

Кроме того, постановлено было поручить У. Алиеву, О.С. Ахриеву и Г.А. Дзагурову представить план работ, положение и штаты Ингушско-Осетинского музея (бывшего Государственного Владикавказского музея) и Ингушского института краеведения на обсуждение и утверждение Учено-Консультационной комиссии Главнауки. До представления плана, положения и штата совещание решило образовать временное правление Ингуше-Осетинского музея в составе: директора О.С. Ахриева, заместителя директора Г.А. Дзагурова и члена правления Г.К. Мартиросиана, а также временное правление Ингушского института краеведения в составе: директора О.С. Ахриева, Г. К. Мартиросиана и представителя «Ингушского Литературного Общества».

Пункт 6-й постановления гласил, что научными работниками Института желательно сохранить персонально: Л.Б. Беме, Г.К. Мартиросиана, Л.П. Семенова и профессора В.Ф. Раздорского.

4 декабря 1926 г. директор Музея и Института О.С. Ахриев на основании указанного постановления Учено-Консультационной комиссии научного отдела Главнауки принял от бывшего директора Северо-Кавказского института краеведения управление Научным музеем и вступил в исполнение обязанностей первого директора новообразованного Ингушского научно-исследовательского института краеведения и Ингуше-Осетинского музея в г. Владикавказе.

Первые шаги Института

4 декабря 1926 года состоялось заседание коллектива работников Института и Музея, в ходе которого была заслушана информация о состоянии научного и хозяйственного имущества Музея, об индивидуальной деятельности научных работников в бывшем Северо-Кавказском институте краеведения, о проекте штатов, о заработной плате, о распорядке текущей работы. Обязанности заместителя директора Института, по предложению О.С. Ахриева, были возложены на научного сотрудника Г.К. Мартиросиана, а третьего члена правления – на научного сотрудника Л. П. Семенова.

На заседании Ученой коллегии Института, состоявшемся 11 декабря 1926 г., рассматривался вопрос об организации экспедиций по Ингушской автономной области летом 1927 г. Коллегия высказалась за снаряжение экспедиций: под руководством профессора В.Ф. Раздорского *по ботанике* – в район селения Салги, Л.Б. Беме *по зоологии* – туда же, Л.П. Семенова *по археологии* и Г. К. Мартиросиана *по экономике* – в Джераховское ущелье. Кроме того, коллегия выразила пожелание о командировках научных работников Института в центр и по Северо-Кавказскому краю.

На этом же заседании Ученой коллегии Института было принято решение об учреждении периодического печатного научного издания (журнала) Института – «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения» для публикации научных работ и достижений работников Института, с периодичностью выпуска одного номера год. Редакторами издания единогласно были избраны Г.К. Мартиросиан, профессор Е.Ф. Раздорский и Л.П. Семенов. В издании также допускалась публикация научных работ ученых всего Северо-Кавказского края.

Материальное положение Института и служащих его в течение первых нескольких месяцев было неопределенным: сотрудники не получали заработной платы, учреждение не имело твердой, определенной финансовой основы. В связи с этим 24 и 27 декабря 1926 г. состоялись заседания Ученого совета Института. Смета, рассмотренная последним 27 декабря, подверглась всестороннему обсуждению в Ингушском исполнительном комитете 2 февраля 1927 г. и была утверждена полностью. После этого Ученому совету Института представилась возможность распределить поступившие в ее бюджет финансовые средства на экспедиции, издательство и командировки.

Разработанный Г.К. Мартиросианом и Л.П. Семеновым устав Института выслан был на утверждение Главнауки СССР.

14 февраля 1927 года Ученый совет Института принял первый календарный план работ Ингушского научно-исследовательского института краеведения на 1927 год.

Научные экспедиции

Летом 1927 года совершены были научные экспедиции для естественно-исторического, экономического и этнолого-археологического обследования Ингушской автономной области.

ФИТОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

Фитогеографическое обследование Ингушетии производилось с 24 июля по 24 августа и в середине сентября 1927 года в течении трех дней. Руководил работами экспедиции профессор В.Ф. Раздорский; участвовали в обследовании студентка-выдвиженка 4 курса Горского педагогического института М.Н. Бородич и студентка 4 курса того же института В.Н. Преображенская.

Работа производилась в районе горных селений Салги, Пуй, Эгикал, в долине р. Армхи. Кроме того, от селения Бейни был совершен специальный подъем на вершину Столовой горы (Мят-Лоам) к древним языческим храмам Маьт-Сели, Сусан-Даьли и Мятер-Даьли.

Экспедицией был собран большой и ценный гербарий, содержащий более 400 видов растений горной флоры, относящихся к 75 семействам.

По окончании обработки и систематизации собранного материала профессором В.Ф. Раздорским был опубликован во II выпуске «Известий», ботанико-географический и флористический очерк обследованного Джерахского ущелья, причем были отмечены растения, которые можно было, предположительно, использовать для тех или иных практических целей.

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Зоологическая экспедиция, состоявшая из старшего зоолога Академии наук СССР А.Н. Кириченко, научного сотрудника Института зоолога Л.Б. Беме и студента Горского педагогического института Д.Б. Красовского, работала в нагорной Ингушетии около 25 дней – в районах селений Салги, Хамхи, Эгикал, Фуртоуг и собрала целый ряд видов фауны сосновых и лиственных лесов и горной степи: А.Н. Кириченко собрано около 160 видов *hemiptera* и много других насекомых, Л.Л. Беме и Д.Б. Красовским – около 100 видов плодящихся птиц и млекопитающих.

ЭТНОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В состав этнолого-археологической экспедиции Института вошли: З.К. Мальсагов (лингвист), Л.П. Семенов (археолог), И.П. Щеблыкин (художник-этнограф).

Этнографическое обследование заключалось в наблюдении над изменениями быта горных ингушей под влиянием переустройства жизни страны на новых началах, а также в изучении материальной культуры: жилище (сакли, башни), общая структура селений, предметы домашнего обихода, одежда, кустарные изделия, музыкальные инструменты и др.

Археологическое обследование состояло во внешнем и внутреннем осмотре памятников старины (башен, замков, святилищ, надземных и полуподземных склепов, пещерных погребений, подземных погребений) и в разведочных раскопках в селениях Фуртоуг и Пхамат. Вскрытые шесть древних захоронений оказались женскими. В погребальном инвентаре преобладали предметы частного быта из бронзы (браслеты, кольца, пуговицы, небольшие пряжки и пр.), но встретились и железные изделия (ножи, круглые пряжки), бусы (из стекла и пасты), остатки дерева (на рукояти ножа, обломок сосуда), остатки кожи (от одежды).

ЛИНГВИСТИКА

Работа по лингвистике выразилась в сборе свыше 250 словарных единиц, в значительной части уже выпавших из языкового обиходаплоскостных жителей и представляющих большой интерес для лингвистов и специалистов ингушской словесности, как с точки зрения звукового и формального состава, так и со стороны тех поправок и дополнений, которые они вносят в топографию диалектических характеристик некоторых ингушских наречий в горной Ингушетии.

Выдающийся интерес представили, кроме того, выявленные свыше 60 названий – Джераховской и Мецхальской географической топонимики.

Ритуал языческих молений на Маьт-Лоаме (Столовой горе) З.К. Мальсагову удалось записать со слов непосредственного участника экспедиции – старика 80 лет, исполнявшего в ранней своей молодости при этих обрядах обязанности помощника жреца. Записаны: полностью молитва, с которой жрец обращался к божеству Сели, а также технические термины языческого культа.

Записям генеалогии горских родов придавалось важное значение, как одному из немногих источников для восстановления прошедшей жизни ингушского народа.

ЭКОНОМИКА

В области экономики Институт наметил монографическое описание ряда ингушских селений. Институт, в первую очередь, приступил к изучению Джераховского общества (нагорная Ингушетия) по следующим основаниям: а) район этот является природно-горным; б) он расположен у Военно-Грузинской дороги – исторического пути, соединяющего Владикавказ с Тифлисом; в) наличность медных и железных месторождений; г) наличность санатория; д) благоприятные условия для развития туризма; е) массовое переселение жителей на плоскость в связи с предоставлением им там земель.

В итоге работ по экономике имеются: поселенные данные, посемейные списки жителей Джераховского общества за 1927 год с кратким указанием имущественного положения их, путевые записи участников экспедиции, описание крестьянских сельскохозяйственных орудий, фотографические снимки и зарисовки экономического быта (зарисовки сделаны первым художником из ингушей, сотрудником Института Х.-Б. Ахриевым).

СБОР ЭКСПОНАТОВ

По итогам первой экспедиции Института в горные районы Ингушетии участниками ее были доставлены и переданы в Ингушский научный музей более 16 предметов сельскохозяйственного характера (соха, маслобойка), ткацкие станки со всеми составными частями и др.

ДОКЛАДЫ

Научная деятельность Института за отчетное время выразилась, помимо устройства горно-полевых научных экспедиций, в чтении докладов и их обсуждении. Так, в связи с 200-летием со дня смерти выдающего ученого-физика Исаака Ньютона, научным сотрудником Института М.К. Вильямсом сделан был доклад 21 апреля 1927 г. «О жизни и деятельности великого мыслителя И. Ньютона». Затем состоялись доклады: Г.К. Мартиросиана на тему: «Терская область в революции 1905 года»; 5 мая, в День печати, его же другой доклад: «Горская периодическая печать в прошлом и настоящем»; доцента В.Р. Берга: «К вопросу о поднятии производительности сельского хозяйства в Ингушии»; Л.П. Семенова: «О командировке в Москву на III-й Всероссийский краеведческий съезд»; профессора И.Н. Бороздина: «Памяти Михаила Павловича» и «Задачи Научной Ассоциации востоковедения»; Л.П. Семенова и Г. К. Мартиросиана: «Краеведческая работа в ингушской школе» (на 1-й Конференции ингушей-преподавателей 7 августа 1927 г.).

17 августа в открытом заседании Совета были заслушаны доклады членов научной экспедиции Л.П. Семенова, Г.К. Мартиросиана, И.П. Щеблыкина об итогах работ экспедиции. На заседании присутствовали: председатель Исполнительного комитета Ингушской автономной области А.И. Горчханов; председатель Краевой комиссии Ингушского областного комитета ВКП(б) М. Банхаев; председатель Ингушского областного суда Ю. Албогачиев; профессор Н.Ф. Яковлев; заведующий учебной частью ингушской советско-партийной школы П.Е. Никифоров; преподаватели школы В.И. Оатул, С.П. Ахриев и другие; всего около 35 человек.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА

Что касается научного музея, то последний вел большую культурно-просветительскую работу среди широких городских и горских крестьянских масс. Музей был доступен для посещения местным посетителям три раза в неделю, иногородним – ежедневно. Группам посетителей читались научно-популярные лекции о населении и природе Ингушетии и Северо-Кавказского края, а также по истории революционного движения на Тереке.

ПОСЕЩАЕМОСТЬ НАУЧНОГО МУЗЕЯ ИНСТИТУТА

Статистические сведения о посещаемости научного Музея с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 года следующие:

Учащихся	5170
Красноармейцев	1727
Рабочих	1313
Учителей	821
Служащих	332
Одиночных посетителей	1121
Одиночных платных посетителей	4096
Итого: 14.580 чел.	

ПОПОЛНЕНИЕ НАУЧНОГО МУЗЕЯ ИНСТИТУТА НОВЫМИ ЭКСПОНАТАМИ

После возвращения экспедиции Музей пополнился многими новыми археологическими, этнографическими, художественными и др. экспонатами.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА Главнаукой СССР выразилась в следующем: Институт, в научном отношении подведомственный Главнауке, поддерживает с нею живую связь, согласовывая свою работу с ее авторитетными пожеланиями и указаниями.

Деятельность Института и его научного Музея за первый отчетный год признана была Главнаукой, на специальном научно-методическом заседании, вполне *удовлетворительной*, как в научно-исследовательской, так и в культурно-просветительской областях.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТОВ ИНГУШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ИНСТИТУТ

В заключение нельзя не отметить чрезвычайно внимательного и благожелательного отношения к развитию научно-исследовательского и краеведческого дела в Ингушской автономной области со стороны Ингушского Исполнительного комитета ВКП(б).

Благодаря материальной и моральной поддержке Исполнительного комитета, Ингушский научно-исследовательского институт краеведения получил возможность существования и дальнейшего ведения полноценной научно-исследовательской, краеведческой и музейной работы на созидание и приумножение документального культурного наследия ингушского народа.

СОТРУДНИКИ ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ И ЕГО НАУЧНОГО МУЗЕЯ

Штатные: *О.С. Ахриев* – директор Института и Музея; заведующий Ингушским отделом народного образования; *Г.К. Мартиросиан* – заместитель директора (экономика); *Л.П. Семенов* – ученый-секретарь (археология, история литературы); профессор *В.Ф. Раздорский* (ботаника); *Л.Б. Беме* (зоология); *А.К. Вильямс* (география); *Х.-Б. Ахриев* (художник).

Почетный член Института – академик *Н.Я. Марр*

Члены-корреспонденты: профессор *Н.Н. Бороздин* (г. Москва), профессор *С.А. Гатуев* (г. Ленинград, Академия наук СССР), *А.Н. Кириченко* (г. Ленинград, Академия наук СССР), *Б.К. Далгат* (г. Махачкала), профессор *А.А. Захаров* (г. Москва).

Нештатные сотрудники: профессор *Б.А. Алборов*, доцент *В.Р. Берг*, *К.А. Корниевский*, *З.К. Мальсагов*, доцент *М.Я. Немировский*, *П.Е. Никифоров*, доцент *Л.Н. Пламеневский*, профессор *В.П. Смирнов*, профессор *Д.А. Тарноградский*, профессор *С.С. Туров*, доктор *Н.П. Чеботаев*, художник-этнограф *И.П. Щеблыкин*.

Список литературы

1. Статья подготовлена на материалах: а) //«Известий Ингушского научно-исследовательского краеведения» / под ред. Г.К. Мартиросиана, профессора Е.Ф. Раздорского и Л.П. Семенова. Выпуск I. Владикавказ, 1928 г.; //Известия Ингушского научно-исследовательского краеведения. Под ред. Г.К. Мартиросиана, Е.Ф.Раздорского и Л.П. Семенова. Выпуск II. Владикавказ, 1929 г.; ПМА собранных на основе заметок ученых бывшего Северо-Кавказского института краеведения, хранящихся в фондах Государственного архива Ростовской области (ГА РО, г. Ростов-на-Дону).

Г.А. Генко

КАВКАЗОВЕД АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ ГЕНКО

Аннотация: В статье описывается жизнь и деятельность известного кавказоведа А.Н. Генко, раскрывается спектр его научных исследований, излагаются события арестов и обвинений, предъявленных А.Н. Генко и в 1938 и в 1941 годах, приведших к ранней кончине исследователя.

Ключевые слова: кавказовед, Генко, история рода, годы учебы, научная деятельность, арест, доносы, реабилитация.

G.A. Genko

CAUCASIANIST ANATOLY NESTEROVICH GENKO

Abstract: The article describes the life and work of the famous Caucasianist A.N. Genko, reveals the spectrum of its scientific research presents events of arrests and charges against A. Genko, and in 1938 and 1941 that led to the early death of the researcher.

Key words: Caucasianist, Genko, the history of pedigree, years of study, research activities, arrest, denunciation, rehabilitation.

4 (16) ноября 2016 г. исполнится 120 лет со дня рождения Анатолия Несторовича Генко – известного учёного кавказоведа: лингвиста, историка, этнографа, первого исследователя абазин, убыхов, хыналугцев, цахур, востоковеда широкого профиля. В данной статье, посвящённой этому юбилею, содержатся сведения об истории старинного рода Генко, начиная с XVI века, а также информация о ближайших родственниках А.Н. Генко и его друзьях.

Научно-производственная деятельность Генко изложена в статье несколько схематично, поскольку не раз рассматривалась в ранее изданных работах (Л.И Лавров, С.А. Арутюнов, Н.Г. Волкова, Г.А. Сергеева, А.А. Сумбулатов, Ю.Д. Анчабадзе, В.О. Бобровников, И.Ю. Крачковский, Г.А. Генко, А.М. Решетов, Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина).

А.Н. Генко был дважды (в 1938 и 1941 г.г.) арестован по доносам своего сослуживца ираниста Е.Э. Бертельса. Выдержки из следственных дел публикуются по материалам архива УФСБ по СПБ и Ленинградской области. Тексты следственных дел и знаки препинания полностью соответствуют содержанию

оригиналов. Незначительные отрывки текста, которые не удалось разобрать (оригинал рукописный), обозначены квадратными скобками. Прописное С означает слово «Следователь». Воспоминаниями о совместном пребывании в тюрьме поделились арабист Т.А. Шумовский и геолог-географ М.М. Ермолаев.

Распад СССР, появление на Кавказе «горячих точек» значительно осложнили подготовку публикаций о деятельности А.Н. Генко. Основная причина – ухудшение доступа к материалам из местных фондов. Но очень хочется отметить, что именно на Кавказе об А.Н. Генко не забывают: в самый сложный период жизни Чеченской республики из г. Грозного преподавателем русского языка Чеченского государственного университета прислана статья, посвященная А.Н. Генко – лингвисту [II-16]. А в 2012 г. во вновь образовавшейся Республике Ингушетия в центральном парке А.Н. установлен памятник.

I. История рода Генко

О роде Генко имеются сведения, согласно которым в XVI–XVII вв. в Торне (Польша) проживала семья патрициев немецкого происхождения, член которой Александр-Ян Хенко (Heynke – Heinke– Heynko – Henko) в составе польского войска участвовал в войнах против Турции. За талантливое руководство и проявленную храбрость в битве при Чатиме Ян Хенко постановлением рейхстага в 1673 г. был возведен в дворянство с присвоением герба Корчак. В 1848 г. Сенатом Российской империи наследственное дворянство рода было подтверждено и родоначальником семьи назван Иван Иосифович (Ян Йозефович) фон Генко, проживавший в Литве.

Праправнук Ивана Иосифовича Нестор Карлович (1839 – 1904) – известный ученый-лесовод. В период русско-турецкой войны с 1876 г. по 1880 г. участвовал в штурме Шипки, а по окончании военных действий способствовал устройству гражданского правления в Болгарии. Имел многочисленные награды от Управления уделов, орден и медаль «За отличие в делах против турок при переходе через Балканы» и Высочайше утверждённый знак «За устройство гражданского управления в Болгарии». По пути с войны домой он женился на дочери знакомого лесовода Марии Александровне Гарф (1861–1909). В семье появились на свет шесть сыновей и четыре дочери. В 1903 г. Н.К. был отпущен на лечение в г. Ментон (Франция), где скоропостижно скончался. Судьба сыновей сложилась не лучшим образом.

Старший сын Нестор (1881–1937) известен как этнограф-краевед. Попутно преподавал гуманитарные дисциплины в школах. Кирилл (1889–1937) преподавал в школах немецкий и географию, Евгений (1892–1937) стал топографом и строителем. Все трое по разным выдуманным поводам расстреляны в 1937 г. и впоследствии реабилитированы. В 1935 г. была арестована также жена Кирилла Екатерина Михайловна (1896–?), дальнейшая судьба которой неизвестна. Петр (1886–1913) – лесовод, покончил жизнь самоубийством. Александр (1894–?) в 1914 г. был зачислен во Владимирское военное училище. Следы его затерялись в период мировой войны. Сестры Людмила (1883–1929), Мария (1887–1920), Татьяна (1891–1921) скончались в 20-х годах, и только Елена (1898–1979) дожила до 1979 г.

Младший сын Анатолий родился 4 (16) ноября 1896 г. С 1906 г. жил в интернате при гимназии и как круглый сирота был освобождён от платы за обучение. С 1914 по 1919 г. учился на классическом отделении историко-филологического факультета и одновременно на армяно-грузинском отделении факультета восточных языков.

II. Годы учебы

Анатолий Несторович (1896–1941) поступил в гимназию в 1906 г., с 1908 по 1914 г. жил в интернате при гимназии; с 1909 г. как круглый сирота был освобожден от платы за обучение. С 1914 по 1919 г. А. Н. проходил обучение на классическом отделении историко-филологического факультета и одновременно на армяно-грузинском отделении факультета восточных языков.

III. Работа, научные исследования, преподавательская деятельность

В связи с материальными затруднениями в тяжелое послереволюционное время в 1917–1921 гг. А. Н. подрабатывал частными уроками, преподавал историю и географию в 9-летней школе, служил переводчиком при Политотделе 7-й армии, был техническим сотрудником редакции газеты «Северная коммуна». С весны 1919 до весны 1923 г. Генко – хранитель библиотеки классического семинара Петроградского университета, находившегося в ведении проф. С. А. Жебелева. В это же время (1920–1921) он состоял слушателем курса новоармянского языка в Петроградском институте живых восточных языков.

С 1922 г. Генко начал работать над подготовкой к печати академического издания древнегрузинской версии Библии. С декабря 1922 г. по июнь 1923 г. как представитель Российской Академии наук он принимал участие в деятельности Полномочной Комиссии по передаче Грузии ее древних художественных и исторических памятников, хранившихся в Азиатском Музее РАН и Российской Публичной Библиотеке. В этом качестве А. Н. Генко пришлось за короткий срок подробно просмотреть свыше 700 грузинских рукописей. Благодаря обоснованному, высоко квалифицированному заключению, им подготовленному, в книгохранилищах Петрограда удалось сохранить свыше половины из названного выше числа рукописей.

Тем временем Н.Я. Марр, И.А. Орбели и С.А. Жебелев ходатайствовали о приеме А.Н. на работу в систему Академии, сопроводив ходатайство следующей характеристикой: «Анатолий Несторович Генко, прошедший классическую школу у М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева и др., восполняет пробел в составе Разряда Археологии Кавказа и Яфетического мира, в котором он является и сейчас далеко не рядовым работником, усвоив дополнительно яфетидологическое направление науки о языке и проявляя в ней интерес с уклоном к палеонтологии речи и органическим связанным с нею древностям Средиземноморья, не только словарно-звуковым, но и вещевым и общественным…».

В результате с марта 1922 г. А.Н. – сотрудник АМ (с 1930 г. – ИВ). В 1924 г. Генко вместе с Н. Я. Марром и К.Д. Дондуа командирован в Сухуми для участия в Первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, на котором выступил с содержательным докладом на историко-этнографическую тему [I-1]. В 1926 г. в Баку на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде, где с докладами выступали лидеры отечественного востоковедения академики В.В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург, профессора А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. Н. Поппе, С. И. Руденко, Генко делает доклад «Об отношении турецких языков к яфетическим языкам» [I-2].

В 1930 г. Генко назначен на пост заведующего Кавказским кабинетом ИВ АН СССР. Здесь его усилиями был создан работоспособный коллектив кавказоведов, в который вошли В. Г. Башинджагян, К. А. Ракитина, К. Д. Дондуа, В Д. Дондуа, Р. Р. Орбели, А. Гусейн-заде, С. В. Тер-Аветисян, Б. Т. Руденко, С. Г. Арешян, А. Г. Галстян. Кабинет установил тесные научные связи с учеными учреждениями Кавказа, стал центром по подготовке молодых специалистов через аспирантуру по языкам, литературе, истории, этнографии народов всего обширного кавказского региона. Как представитель Кабинета и Института А. Н. Генко был избран членом Центрального Комитета нового алфавита при президиуме Совета национальностей Центрального Исполнительного Комитета СССР, по линии которого провел большую работу по созданию алфавитов, словарей и грамматик для ранее бесписьменных малых народов Кавказа.

При самом деятельном участии А. Н. Генко усилиями сотрудников Кабинета в 1934 г. была создана при ИВ Ассоциация кавказоведов, которую последовательно возглавляли Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, а членами правления были избраны И. А. Орбели, А. Н. Генко и А. Г. Башинджагян. В Ассоциации регулярно читались доклады на темы кавказской лингвистики, истории, этнографии, фольклора, искусствоведения.

Круг научных интересов А. Н. Генко простирался далеко за пределы кавказоведения. Свидетельство этого – его участие в создании в 1935 г. Ассоциации арабистов и в ее деятельности. Вместе с главой советских арабистов академиком И. Ю. Крачковским он подготовил и опубликовал одну из самых значительных своих работ – «Арабский язык и кавказоведение» и «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии» [I-32, I-33]. Высоко оценил эти труды академик И. Ю. Крачковский: «Болезненно коснулись арабистики утраты в некоторых сопредельных областях. Особенно это надо сказать о кавказоведе А. Н. Генко, умершем в декабре 1941 г. За последние годы он уделял большое внимание арабским источникам по новой истории Кавказа и дал ряд изданий с очень основательным комментарием, равно как и вдумчивую программную статью об этих источниках, которая может служить руководящей в дальнейших изысканиях» [II–11].

Многие годы А. Н. Генко занимался преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях. С 1924 г. по 1932 г. он последовательно состоял преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой горских кавказских языков в ЛГУ, ЛИЛИ, ЛИФЛИ. В 1925 – 1930 гг. преподавал в ЛВИ, где также входил в состав постоянно действовавшего Президиума Совета семинария, в котором работали Н. Я. Марр (председатель), Б, Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович и др. Отдельные курсы по кавказоведению он читал в МГУ и Ростовском государственном университете, а в 1926–1930 гг. руководил работой аспирантов, специализировавшихся по истории и языкам народов Кавказа, в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока СССР в Москве.

25 октября 1935 г. по представлению Квалификационной комиссии по общественным наукам, Института востоковедения АН СССР и отзывам академиков И. Ю. Крачковского, И. И. Мещанинова и С. А. Жебелева за разностороннюю научно-исследовательскую, преподавательскую, научно-организационную деятельность и капитальные работы по языкам кавказских горцев Президиум АН СССР присудил ему без защиты степень доктора языковедения. В этом же году в ЛВИ Генко избран профессором.

В трудах А. Н. Генко красной нитью проходит мысль о нерасторжимой связи между лингвистикой и этнографией. Еще в начале 20-х гг. он начал преподавать на этнографическом отделении Географического института (в дальнейшем географического факультета ЛГУ), где позднее возглавлял кавказский цикл. Студенты-этнографы, помимо слушания обязательных и по выбору лекционных курсов и работы в семинарах, немало времени проводили в экспедициях. Студенческие статьи печатались в собственном журнале «Этнограф-исследователь», издававшемся в 1927–1928 гг. Из студентов А. Н., получивших под его руководством специальное этнографическое образование, особо следует назвать К. Г. Данилину, Е. Н. Студенецкую и Л. И. Лаврова.

В марте 1936 г. А. Н. Генко по совместительству возглавил впервые образованный в ИАЭ Кабинет Кавказа. Период кратковременного (до конца 1936 г.) пребывания Генко во главе Кавказского кабинета ознаменовался быстрым разворотом работ. В состав кабинета были включены Л. Б. Панек и Л. И. Лавров, которые занимались выполнением своих индивидуальных тем и написанием статей о народах Кавказа для четырехтомника «Народы СССР». Генко помогал им материалами и советами. Сам он готовил к переизданию труды М. М. Ковалевского. Вопросы этнической, социальной и культурной истории народов Кавказа рассмотрены А. Н. Генко в статье «Из культурного прошлого ингушей» [I-18]. Л. И. Лавров назвал эту работу А. Н. Генко «лучшим сочинением по истории ингушского народа до XIX в., которая пользуется признанием как образец серьезного и обстоятельного исследования» [II-4]. На многочисленных примерах А. Н. Генко показал настоятельную необходимость разобраться в сложных переплетениях эндо– и экзоэтнонимов конкретных этносов. В этом аспекте А. Н. Генко как лингвист при изучении языка большое внимание уделял выявлению и анализу его

диалектов [I-25]. В языковых материалах он видел надежнейший источник для изучения этногенеза, этнической истории, миграции и современной культуры и быта народов Кавказа.

При достаточно разнообразных научных интересах Генко сознавал себя прежде всего лингвистом и именно в этой области им сделан наибольший научный вклад. С. А. Арутюнов, Н. Г. Волкова, Г. А. Сергеева отмечают: «Лингвистические познания Анатолия Несторовича были феноменальны. Он владел грузинским, армянским, азербайджанским, абхазским, адыгейским, черкесским, кабардинским, абазинским, убыхским, чеченским, ингушским, бацбийским, лезгинским, рутульским, цахурским, табасаранским, хыналыгским, свободно переводил с арабского, знал персидский, турецкий, немецкий, французский, английский, древнегреческий и латынь. При этом он обладал удивительной способностью быстро осваивать новый язык, овладевая произношением даже очень сложных звуков. Академик Щерба высоко ценил в Генко такое фонетическое чутье» [II–4].

Взгляды Генко как лингвиста формировались под сильным влиянием его учителя Н. Я. Марра. Увлечение было, но Генко, как пишет Л. И. Лавров, «никогда не разделял крайних взглядов своего учителя…, он … не пользовался четырехэлементным анализом, который предложил Н. Я. Марр, и не поверил в учение последнего о так называемом “стадиальном” развитии языков» [II–12]. Уже в начале 30-х годов «марристы» отмечали, что Генко «тормозит развитие яфетической теории» [II–3].

Расхождения Генко и Марра по научным вопросам не повлияли на их дружбу. А. Н. продолжал относиться к своему учителю с уважением и нежностью, в немалой мере подпитываемой уверенностью в серьезной болезни Николая Яковлевича. В речи памяти Марра, произнесенной А. Н. в 1935 г., медицинский аспект проблемы «нового учения» не отражен. Не позволили специфика жанра и любовь к тому Марру, который умер задолго до своей физической кончины.

Одной из постоянно исследуемых А. Н. Генко проблем было источниковедение Кавказа. Владение многими языками, знание западноевропейской литературы, изучение архивных материалов служили надежной основой его ценных изысканий в этой области. Публикаций по источниковедению у Генко немного. Неопубликованные материалы хранятся в архиве ИВР более 30 лет. Немало этих материалов передано А.А. Сумбулатову, но они, в связи с военными действиями в Чечне, сохранились лишь частично.

Многие кавказоведческие труды А. Н. Генко носят новаторский характер, поднимают неизученные пласты лингвистики, этнографии и истории народов региона. Он первый исследователь абазин, убыхов, хыналыгцев, цахур. Открытие им средневековой цахурской письменности в корне изменило представления о грамотности в средневековом Дагестане. Благодаря трудам Генко сформировалось и получило импульс для дальнейшего развития чрезвычайно важное направление в кавказоведении – исследование горских народов, которые до 20-х годов нечасто были предметом специального изучения.

Большим вкладом в этнографическое кавказоведение являются полевые материалы А. Н. Генко, собранные им в 20–30-х годах во многих районах Кавказа – Адыгее, Черкесии, Кабарде, Абхазии, Дагестане, Азербайджане, Грузии. Экспедиционные поездки обычно в сложных условиях бездорожья и неустроенности быта длились месяцами. О трудностях некоторых своих путешествий А. Н. пишет в письме к своему другу востоковеду Ф. А. Розенбергу: «Пятнадцать дней понадобилось нам, чтобы добраться до рутульцев. Испробовали все средства передвижения, ехали в поезде, на грузовике вместе с керосиновыми бочками, в телеге, верхом и ходили пешком. Нас поливал дождь, на перевале падал большими хлопьями снег и потом палило жгучее солнце». Здесь же приписка жены А. Н. этнографа Лидии Борисовны Панек, которая участвовала в экспедиции: «Анатолий работает с семи утра до 10 вечера» (с. Рутул).

Генко были собраны уникальные лингвистические, этнографические, исторические и фольклорные материалы, сохранившиеся, увы, далеко не полностью. Фольклорным материалам Генко уделял большое внимание, считая их весьма важным источником информации при изучении этнографических реалий. Изданные в 2001 г. «Абхазские фольклорные тексты [I-37] – ценный вклад Абхазского Института гуманитарных исследований в проблемы, которым посвятил свою жизнь Анатолий Несторович.

В 1939–1940 гг. в ИЭ велась подготовка статей для однотомника “Народы СССР”. Отзыв о статьях, посвященных народам Кавказа, в 1940 г. дал А. Н. Генко. По его мнению, основной недостаток статей состоял в том, что собственно этнографический материал, который должен был по замыслу издания доминировать, оказался отодвинутым на задний план, будучи заслонен обилием статистических, экономических данных и исторических справок. Он возражал также против сомнительных этногенетических экскурсов, сокращения мелких этнических единиц Кавказа, особенно Дагестана, преувеличенных и неверных эпитетов, неуместной конкретики о деятельности партийных организаций и т. д. Чтобы написать столь откровенный и подробный отзыв в то время, надо было обладать большой гражданской смелостью и принципиальностью. С отзывом ознакомились директор института академик В. В. Струве и ученый секретарь С. М. Абрамзон, которые рекомендовали редколлегии справочника принять меры к доработке статей по замечаниям рецензента.

В 1940 г. А. Н. Генко был приглашен возглавить кавказоведческий центр на филфаке ЛГУ. В том же году состоялся набор студентов в кавказскую группу, среди которых были Э. Г. Торчинская, Л. А. Молчанова, Н. П. Соболева и др. А. Н. Генко прочитал первокурсникам «Введение в этнографию Кавказа» и начал преподавать лезгинский язык. Это была его последняя работа.

IV. Генко в кругу семьи и друзей

В 1929 г. А. Н. женился на Лидии Борисовне Панек (1896–1984) – этнографе-кавказоведе, сотруднице ИЭ. В 1930 г. у них родилась дочь. Сначала се-

мья жила раздельно и лишь с трудом совершенный в 1934 г. квартирный обмен позволил им воссоединиться по адресу пр. Огородникова (с 1990 г. (?) – Рижский пр.), 35–29.

В памяти близких А. Н. остался человеком, для которого главным делом жизни была работа. Придя со службы, он почти сразу садился за свой рабочий стол и трудился без перерыва до половины ночи и более. Однако такой режим не помешал ему обрести многочисленных друзей, в основном связанных с его служебными интересами.

Самым давним другом А. Н. был востоковед-иранист Федор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867–1934). Друзья часто встречались и в служебной и в домашней обстановке, а в дополнение к встречам непрерывно обменивались записками на разных языках Востока и Запада. Эти шедевры эпистолярного творчества были арестованы вместе с А. Н.

Близкие отношения связывали Генко с Федором Артуровичем Фиельструпом, для друзей – ФАФ'ом (1889–1933). Этнограф широкого профиля, в том числе тюрколог, в 1923 г. Ф. А. работал в Крыму вместе с Г. А. Бонч-Осмоловским, а в 1933 г. ездил в экспедицию на Кавказ совместно с Генко. В 1933 г. был арестован и через несколько дней скончался на допросе. Реабилитирован в 1958 г.

Большими друзьями семьи Генко были Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) и его супруга Ольга Георгиевна (1895–1975). Глеб Анатольевич – известный археолог, антрополог, этнограф Ольга Георгиевна – художник, педагог, писатель (публиковалась под девичьей фамилией Морозова). В их доме на 8-й линии В. О., 31 нередко собиралась большая компания. Встречи сопровождались бурными дебатами на политические темы, преимущественно между Генко и Бончом. Глеб Анатольевич, в свое время восторженно встретивший революцию, к середине 30-х годов уже признавал наличие «перегибов» в разных областях жизни, но настаивал на том, что с главной идеей все нормально. Его уверенность в том, что Сталин не знает о происходящем в стране, вызывала со стороны Анатолия Несторовича ядовитые шуточки о «всевидящем». Подробности баталий описаны в статье Н. И. Платоновой [II–14. С. 3, 133–134, 139]. Несмотря на различие позиций в оценке генеральной линии партии и роли Сталина в жизни страны, репрессиям подверглись оба спорщика.

Бонч отбывал срок в Воркутлаге (1933–1936). После освобождения в связи с запретом на проживание в Ленинграде и Москве он поселился на хуторе в Ленобласти (район ст. Оредеж), где работал по договору с издательством АН СССР и Институтом антропологии МГУ (1936–1941). В Ленинград приезжал тайком и останавливался в доме Генко. Политические воззрения друзей не претерпели изменений, и яростные споры продолжались до очередного ареста А. Н. (1941). Бонч уехал в эвакуацию в Казань, где в 1943 г. скончался. О. Г. Бонч-Осмоловская вплоть до своей смерти поддерживала тесную связь с сохранившимися членами семьи Генко.

Всегда радостным событием было появление в доме Василия Ивановича Абаева (1900–2001). А.Н. и В.И., поговорив о работе, обсуждали трагические события в Академии и малоутешительные новости с Кавказа. А меня Василий Иванович учил петь «Нам не страшен серый волк…». Уже после кончины отца В. И. многие годы согревал вниманием и заботой нашу осиротевшую семью. Он скончался в 2001 г., пережив свой 100-летний юбилей и до последних дней поражал всех ясностью мыслей.

Из кавказских друзей Генко нельзя не упомянуть Заурбека Куразовича Мальсагова (1894–1935), лингвиста и литератора, который оказывал А. Н. большую помощь в организации экспедиций, а также Дошлуко Доховича и Тамару Тонтовну Мальсаговых, которых я пыталась разыскать в 1957 г. в Киргизии, куда ингуши были депортированы. Старших Мальсаговых мне найти не удалось: они уже уехали, но молодёжь ещё оставалась и мы пообщались, В дальнейшем моя мать Л. Б. Панек много лет переписывалась с ними, а я посылала Тамаре Тонтовне книги из библиотеки отца.

Неизменно радостно принимал А.Н. двух сотрудниц Кавказского кабинета ИВ, посещавших его всегда вдвоем. Людмила Филипповна Векслер (1909–1965), иранист-литературовед, собирательница и талантливая рассказчица анекдотов (преимущественно политически невыдержанных) и Ксения Александровна Ракитина (1909–1979) – грузиновед, которая по окончании ВОВ немало способствовала поискам и систематизации рабочих материалов Генко, оставшихся на службе после его ареста в весьма хаотичном состоянии.

Нередко посещал дом Генко пышущий энергией сотрудник кабинета Кавказа ИЭ Леонид Иванович Лавров (1909–1982), считавший себя учеником Анатолия Несторовича, он на бегу сообщал: «Вот опять принес Вам работенку на ночь!». Я спрашивала: «Леонид Иваныч! А Вы каким спортом занимаетесь?». Из запаса шуток-прибауток он быстро извлекал: «По трамваям я скакаю, рысаков перегоняю!». Л.И. стал вторым после академика И. Ю. Крачковского человеком, прервавшим молчание вокруг опального ученого [II–12].

V. Аресты

Первый арест А.Н. Генко (9.04.1938–10.01.1940). ДЕЛО №44537 Векслер Л.Ф. по статье 58-10 (общий объем 300 с.)

При первом аресте А. Н. Генко выступал в качестве «однодельца» Л. Ф. Векслер, с которой был связан служебными и дружескими отношениями.

В начале ночи раздался звонок. Отец работал. Мама готовила завтрак.– Кто там? – спросила она. Голос дворника дяди Васи сказал: «Откройте, пожалуйста». Три человека стремительно влетели в открывшуюся дверь. Их напор был странно неуместен: никакого сопротивления они не встретили.

– Где Анатолий Несторович? – спросил высокий. – Работает, – сказала мама. На работе?! В кабинете, – сказала мама. Я громко закричала: «Папа, к тебе пришли!». – Уберите ребенка, – сказал высокий. – Покажи, где у тебя игрушки, – сказал дядя Вася и потащил меня в комнату.

Пришельцы трудились до позднего утра. Перед уходом хотели опечатать кабинет, но на обеих дверях не было замков. Хором завозмущались: «Почему замков нет?». Отец сказал: «Нам-то они зачем?». Прилепили веревочку пластилином.

1. Из Протокола допроса Бертельса Евгения Эдуардовича 19 мая 1938 г. (л. 53).

С.: Вы знаете Векслер Людмилу Филипповну?

Бертельс: Да, [...]

С.: Дайте [...] об антисоветской деятельности Векслер Л. Ф.

Бертельс: [...] высказывала полное негодование моим выступлением и этих троцкистов-зиновьевцев назвала мучениками, которые пострадали невинно. Мне также неоднократно приходилось слышать, когда Васильев Б.А., Казакевич В.А. и Щуцкий Ю.К., ныне арестованные, вместе с Векслер Л.Ф. в Институте Востоковедения рассказывали антисоветские анекдоты. Векслер Л.Ф. всегда являлась инициатором и застрельщиком антисоветской пропаганды.

Далее в показаниях свидетеля Бертельса отмечается также, что у Векслер дома собирались вместе Васильев Б. А., Казакевич В. А. и Щуцкий Ю. К. Векслер Л. Ф. полностью подтвердила это, сказав, что они «вместе выпивали».

2. Из Протокола допроса Генко А.Н. 1 ноября 1938 г. (л. 55).

Генко А.Н. делает признание в том, что занимался антисоветской деятельностью: *«В связи с арестом ряда научных сотрудников я утверждал, что Советская власть разрушает научные кадры, уменьшает научный вес научных работ в управлении страной и тормозит развитие науки. Лично я также заявлял, что сам факт ареста научных сотрудников объективно льет воду на мельницу [...] обостряет внутриполитическое положение в стране, ускоряя момент развязки, который встанет при неизбежном столкновении в войне с другими государствами... Основной вывод, который я делал в этом вопросе, сводился к следующему: процессы являются политической игрой, рассчитанной на то, чтобы переложить на обвиняемых ответственность за неудачи и нехватки, которые имеются в культурном и хозяйственном строительстве страны в результате неправильной политики ЦК ВКП(б)».*

3. Из Обвинительного заключения 17 декабря 1938 г. (л. 63).

В IV отд. УГБ УНКВД ЛО поступили данные о том, что профессор Ленуниверситета и научный сотрудник Института Востоковедения Генко А. Н. и переводчица Гидрографического Управления г. Ленинграда Векслер Людмила Филипповна занимаются антисоветской деятельностью.

На основании вышесказанного 9.IV.38 был арестован Генко А.Н., а 30.IV с. г. – Векслер Л.Ф.

Следствие установило:

– Обвиняемый Генко на протяжении ряда последних лет вел антисоветскую пропаганду, клеветнически утверждал о том, что Советская власть разрушает научные кадры, сознательно тормозит развитие науки в СССР и не создает нормальных условий для научной деятельности.

Тогда же обвиняемый Генко А.Н. распространял антисоветские клеветнические измышления о якобы неправильной политике ВКП(б) и Советского правительства в управлении страной (л. 11–18).

Обвиняемая Векслер Л.Ф. на протяжении с 1934 по 1938 гг. вела контрреволюционную пропаганду среди своих знакомых и распространяла клеветнические измышления о руководстве ВКП(б) и Советском правительстве и в особенности против Сталина. Также установлено, что обвиняемая Векслер высказывала сожаление о расстрелянных троцкистах и зиновьевцах и одобряла их контрреволюционную деятельность (л. 8, 13–16, 18–22, 24–25, 27, 29, 33, 35).

4. Из Протокола допроса Векслер Л.Ф. 14 марта 1939 г. (л. 75).

С.: По вопросу вашей контрреволюционной работы, которую вы на протяжении ряда лет проводили вместе с Генко, вам были даны очные ставки со свидетелями. Есть ли смысл вам дальше запираться? Предлагаем вам дать правдивые показания по существу предъявленного вам обвинения.

Векслер: Я на предыдущих допросах следствию заявляла и сейчас повторяю, что кроме антисоветских анекдотов, которые я рассказывала в кругу своих знакомых, а также и Генко, ничего больше преступного не проводила.

5. В деле имеются поразительные материалы:

– рапорт следователя, ведшего допрос Векслер, об избиении ею сотрудника НКВД, вошедшего в кабинет во время допроса;

– объяснительная записка Векслер о том же инциденте.

Из этих документов следует, что во время допроса Векслер сидела, закинув ногу на ногу. Вошедший начальник потребовал от нее сесть, как полагается. Векслер выразила желание ознакомиться с инструкцией о том, как должен сидеть заключенный. Разгневанный начальник скинул ее ногу, за что она надавала ему пощечин так, что он с воем вылетел в коридор. Никаких неприятностей по поводу происшедшего у Векслер не было. Следователи, ведшие ее дело, как об этом рассказывала она сама, откровенно радовались посрамлению своего начальника.

Своих следователей Людмила Филипповна развлекала анекдотами, пара которых изложена (для примера) в протоколах допросов. (Один из них: – Как живете? – Как в автобусе: одни сидят, другие трясутся, третьи очереди поджидают). Необычную обстановку на допросах можно объяснить лишь растерянностью следователей в момент начавшихся повальных арестов в их собственной среде («бериевцы» расправлялись с «ежовскими» кадрами НКВД).

6. В деле сохранилось заявление Панек Л.Б. (жена Генко) прокурору Хайкиной от 20.X.39 с просьбой вызвать свидетелей с других мест работы А. Н. Генко (л. 119).

7. Из Постановления о прекращении следственного производства и освобождения из-под стражи Генко А. Н. (л. 276).

[...] на основании поступивших материалов об антисоветской деятельности 9.IV.38 был арестован Генко А. Н.

В процессе следствия обвиняемый Генко А. Н. дал показания о том, что он с 1934 г. по день ареста распространял антисоветскую агитацию среди своих знакомых, Векслер (арестована) и других.

Допрос свидетелей также подтвердил, что Генко А. Н. действительно распространял антисоветскую агитацию. Так, на допросе от 5.III.39 свидетель Верховский Юрий Павлович показал, что «Генко мне известен как антисоветски настроенный элемент» (л. 12–15).

В подтверждение своих слов свидетель Верховский Ю. П. не показал конкретно фактов антисоветской деятельности Генко А. Н., поэтому свидетель Верховский был передопрошен 27.XII.39 и показал следствию: «О контрреволюционной деятельности Генко А. Н. мне ничего не известно, антисоветского за ним я ничего не слыхал и считал его честным человеком» (л. 81–82).

Свидетель Пономарев Александр Иванович 3.III.39 по делу Генко А. Н. дал следующие показания: «Мне известно, что Генко А. Н. является антисоветски настроенным человеком... Генко А .Н. мне в 1937 г. заявлял, что в наших условиях отсутствуют всякие стимулы к научной работе, ибо работа как таковая никем не оценивается и, более того, маринуется» (л. 84, 136, 137).

Перепроверяя показания свидетеля Пономарева, он был передопрошен 27.XII.39, где заявил: «Каких-либо контрреволюционных высказываний со стороны Генко А.Н. я никогда не слыхал... Я помню, как Генко А. Н. в 37–38 г.г. на производственном совещании заявлял, что его труды не печатаются, но эти высказывания относятся к руководству нашего института... Предыдущая моя оценка Генко А. Н. была вызвана тем, что после ареста Генко А. Н. в институте говорили, что он разоблачен как вредитель, а поэтому я расценивал Генко А.Н. как несоветски настроенного» (л. 133–134).

Свидетель Штакельберг Ольга Васильевна также показала на допросе от 7.VI.38, что ей известно от Векслер Л. Ф. (арестована) о Генко А. Н., который при разговоре с Векслер Л. Ф. клеветал на вождей ВКП(б) и Советского правительства (л. 46). На допросе же от 17 июля 39 г. Штакельберг Ольга Васильевна заявила, что «она не помнит разговора Генко А. Н. с Векслер и что передавала ей Векслер Л. Ф. о Генко А. Н. она рассказать не может».

Таким образом, свидетели, проходившие по делу Генко А.Н., давшие впервые свои показания о Генко А.Н. как об антисоветском человеке, распространявшем контрреволюционную агитацию, от своих показаний отказались и заявили, что антисоветского за Генко они ничего не знают.

Обвиняемый Генко А.Н. от данных им ранее показаний отказался как несоответствующих действительности, других данных о контрреволюционной агитации со стороны Генко А.Н. следствие не имеет, а поэтому, в порядке ст. 204 п. «б» УПК

постановил:

Следственное производство в отношении Генко А. Н. прекратить. Генко А. Н. за недостаточностью улик из-под стражи освободить.

8. Из Частного определения (л. 279).

За дачу ложных показаний возбудить уголовное преследование против Штакельберг Ольги Александровны, Штакельберг Ольги Васильевны и Смирновой Ольги Ивановны.

8 января 1940 г. был освобожден А. Н. Генко, а 25 марта 1940 г. – Л. Ф. Векслер. А. Н. был выпущен из тюрьмы без копейки в кармане и отправился домой извилистым путем, стыдливо избегая людных мест. К концу пути он взбодрился, обнаружив, что его замызганный вид, пиджак с пуговицами из хлеба и небритая физиономия глубоко безразличны прохожим, воспринимавшим его как человека из другого социального слоя. Некоторое представление о его облике дает фотография из следственного дела.

Много лет спустя на расстрельном полигоне «Левашовская пустошь» (Ленинградская область) я познакомилась с человеком, встретившимся в 1938 г. с А.Н. Генко в тюремной камере «Крестов». Этот замечательный человек – известный арабист Теодор Адамович Шумовский – прекрасно помнил все подробности первой встречи с А.Н. и дальнейшей их жизни в тюремном коллективе, о чем поведал в своей книге «Свет с востока». А еще через несколько лет Интернет принес мне воспоминания еще одного сидельца той же камеры – Михаила Михайловича Ермолаева.

Второй арест А. Н. Генко (1.09.1941–26.12.1941) ДЕЛО №4433-41

Ночь на 1 сентября отец провел на Васильевском острове (поближе к работе). Его поисками занимались трое. К середине дня нашли и привезли домой. В квартире перевернули все вверх дном. Проклиная обилие книг и бумаг, нагребли пару чемоданов. Я прижалась к отцу. Один из троих сказал: «Не плачь, девочка, папа скоро вернется». Отец подчеркнуто внятно произнес: «Моей дочери ваша ложь не нужна!». Забрав отца и чемоданы, они ушли. Нам с матерью спуститься вниз не разрешили. Пока открывали окно, машина тронулась.

1. Из Постановления на арест (1 сентября 1941 года).

Генко А. Н. в 1938 году привлекался органами НКВД за антисоветскую деятельность. Будучи враждебно настроен к советской власти, распространяет клеветнические измышления и провокационные измышления о мероприятиях, проводимых ВКП(б) и сов. правительством, о руководителях ВКП(б) и сов. правительства, о действиях органов НКВД. С начала войны СССР с фашистской Германией высказывает пораженческие измышления о Красной Армии, о сообщениях Сов. Информбюро, восхваляет фашистскую армию.

На основании вышесказанного, руководствуясь ст.128 УПК РСФСР

Постановили:

Генко А. Н. подвергнуть аресту, по месту его жительства произвести обыск, на имущество наложить арест, а площадь опечатать.

Андреев Пинчук Ефимов (подписи)

2. Постановление от 1 октября 1941 года об избрании меры пресечения.

Я, оперуполномоченный мл. лейтенант госбезопасности Андреев, рассмотрев поступившие в УНКВДЛО материалы о преступной деятельности А. Н. Генко, ***нашел:***

*Генко, будучи враждебно настроенным к Сов. власти, совершил преступление, предусмотренное ст. 58-10, II УК. Принимая во внимание, что дальнейшее нахождение на свободе Генко А. Н. является социально опасным, руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК****, постановил:***

мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении Генко избрать содержание под стражей во внутренней тюрьме УНКВД, о чем в [...] ст. 146 УПК объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

3. Из Протокола обыска от 2 октября 1941 г. (с. 9).

При обыске изъято:

[...] 8) записных книжек 7 шт. с адресами и записями, фотокарточек 7 шт.: 2 шт. групповых и 5 одиночных; 9) писем 62 шт., принадлежащие Генко; 10) открыток 9 шт.; 11) телеграммы и др. переписка на 29 л.

4. Акт об уничтожении изъятого при обыске (с. 13).

5. Акт об опечатании комнаты 10 м^2 (с. 14).

а) Протокол допроса свидетеля обвинения Е. Э. Бертельса от 22 сентября 1941 года;

б) Протокол допросов обвиняемого А. Н. Генко от 5 октября, 15 октября, 20 октября и 13 ноября;

в) Протокол очной ставки А. Н. Генко и Е. Э. Бертельса от 20 октября 1941 года.

Выписки из части документов приводятся ниже.

6. Из Протокола допроса Е.Э. Бертельса от 22 сентября 1941 года 10 ч. 55 м., следователь Андреев (с. 15).

С.: На допросе 21 сентября вы назвали ряд лиц известных вам как антисоветски настроенных. Расскажите подробно, что вам известно об антисоветской деятельности перечисленных вами лиц и охарактеризуйте их с политической стороны.

Б.: Генко совершал многочисленные поездки по глухим местам Кавказа и возвращаясь рассказывал о «бедственном положении», в котором находится их население якобы вследствие притеснения со стороны Сов[етской] власти и бесчисленных произвольных арестов. Был заключен под стражу в 38 году и примерно через 1,5 года освобожден и снова приступил к работе в институте. С самого начала Отечественной войны распространял в институте панические слухи о якобы имевших место тяжких поражениях, понесенных Красной Армией, и об успехах, одержанных фашистскими войсками. По мере приближения фашистских войск к Ленинграду количество распространяемых им слухов все возрастало. После каждого налета фашистских стервятников на Ленинград он на другой же день подробно сообщал, что такие-то заводы оборонного значения во время этого налета были почти полностью уничтожены. Утверждал, что наблюдал собственными глазами, как были уничтожены заводы «Красный треугольник» и им. Марти. Высказывал мнение, что германская авиация может действовать беспрепятственно, так как огонь зенитной артиллерии не эффективен, а у нас якобы нет достаточного количества истребителей. Уже до ареста был настроен антисоветски, утверждал, что в Сов[етском] Союзе наука не может свободно развиваться, будучи связана с политикой. Колхозный строй, по его словам, привел горцев Кавказа к полному разорению, в результате чего они непрерывно голодают. Национальная политика Сов[етской] власти создавала, по его словам, невыносимое положение для малых народов, страдавших от великодержавного шовинизма грузин и азербайджанцев. Чрезвычайно резко отзывался о грузинской общественности, которая, по его словам, ненавидит все русское, но при этом сама не способна к государственному строительству. Советовал востоковедам остерегаться актуальных тем в научной работе, ибо всякое соприкосновение с жизненно важной тематикой (особенно словарная работа в области национальных языков народов Союза) якобы неизбежно повлечет за собой для ее авторов репрессии...

(Далее Бертельс охарактеризовал как антисоветчика Рапгофа Бориса Евгеньевича).

7. Из Протокола допроса А.Н. Генко от 5 октября 1941 года, 17.30–19.15, следователь Андреев (с. 23).

Генко: «[...] социальное происхождение "из дворян", отец был из сословия личного дворянства... С арестованным сводным братом Нестором Несторовичем Генко связи практически не имел».

8. Из Протокола допроса А.Н. Генко от 15 октября 1941 года, 0.35–7.00 (с. 26).

С.: [...] ваши знакомые?

Генко: По Академии [...]: Крачковский Игнатий Юлианович, Алексеев Василий Михайлович, Козин Сергей Андреевич, Беляев Виктор Иванович, Семенов Даниил Владимирович, Разумовская Евгения Александровна, Дондуа Варлаам Дариспанович, Тихонов Дмитрий Иванович, Пономарев Александр Иванович; по Институту этнографии: Винников Исаак Натанович, Абрамзон Саул Матвеевич, Попов Андрей Александрович, Дыренкова Надежда Петровна, Липская Нина Александровна, Ольдерогге Дмитрий Алексеевич, Юзепчук Тамара Леонидовна; по Университету: Ларин Борис Александрович, Жебелев Сергей Александрович, Дмитриев Николай Константинович, Щерба Лев Владимирович, Пещерева Елена Михайловна, Бандштев Александр Васильевич, Разумовский Константин Иванович, Поппе Николай Николаевич, Бауэр Николай Павлович, Уразов, Фрей-

ман Александр Арнольдович; по ИВАНу: Крауш Ольга Александровна; еще знакомые, с которыми нет близких дружественных отношений – Бертельс Евгений Эдуардович, Гинцбург Иона Иосифович, Зюзина Зоя Еремеевна.

С.: Как именно вы давно знакомы с Бертельсом?

Генко: С Бертельсом я знаком с первых дней Октябрьской революции, так как мы с ним учились в одном университете, то есть с 1918 года примерно. Затем на протяжении ряда лет мне приходилось с Бертельсом работать в одних учреждениях.

С.: Каковы были ваши взаимоотношения с Бертельсом?

Генко: Отношения мои с Бертельсом на протяжении многих лет совместной работы в ряде научных институтов были внешне корректными, но по существу враждебные. Причиной скрытой враждебности между нами служило не скрывавшееся мной отрицательное отношение ко всей линии поведения Бертельса, которое я ему в лицо характеризовал как соглашательское и беспринципное, что служило причиной плохого отношения его ко мне.

С.: Что вам известно о политических убеждениях Бертельса?

Генко: К сожалению, ввиду тщательной маскировки Бертельсом своих взглядов и убеждений вообще, политических, в частности, затрудняюсь ответить точно на поставленный вопрос. Прямых и ясных антисоветских высказываний, тем более контрреволюционных действий Бертельса, мне не известно.

С.: (с. 29). Вы заявляете о том, что свидетель Бертельс на вас клевещет, а, следовательно, вы хотите сказать, что антисоветской агитацией вы не занимались.

Генко: Да, это так.

С.: Объясните следствию, какой же смысл свидетелю говорить на вас неправду.

Генко: Смысл заключается в том, чтобы [...] легким и выгодным для себя образом быть полезным НКВД. Бертельсу было хорошо известно о том, что я подвергался недавно 2х-годичному следствию и что его клевета может поэтому, с обывательской точки зрения, иметь некоторое правдоподобие; во-вторых, называя меня, человека ему чуждого и враждебного, он избавляется тем самым от необходимости называть кого-либо из более близких ему и лучше известных с политической стороны антисоветски настроенных людей.

Клевета Бертельса меня не удивляет, ибо он давно мне известен на основании ряда примеров (в частности, следственное дело 38 года, касавшееся одновременно меня и гр-ки Векслер), как человек, способный на клевету со своей корыстной целью.

9. Из *Протокола допроса А.Н. Генко от 20 октября 1941 года, 0.50–3.25*.

Генко: [...] Виновным себя в предъявленных обвинениях я не признаю.

10. Из Протокола очной ставки А.Н. Генко и Е.Э. Бертельса 20 октября 1941 года, 13.00–13.45 (с. 32).

Следователи Челноков, Ефимов, стенографистка Колбеева.

С.: Расскажите о ваших отношениях с Бертельсом.

Генко: Линии нашего поведения, как служебная, так и общественная, во многом расходились.

С.: В чем именно расходились?

Генко: По многим вопросам общественно-административного порядка. У нас бывали резко противоположные позиции в оценке разных научных мероприятий, например, в вопросе работы над словарем.

С.: [...] к чему сводились ваши расхождения по служебным вопросам?

Генко: Они сводились к различию установок, которые давались нами по тем или иным вопросам.

С.: Какая разница была в ваших установках и в установках Бертельса?

Генко: Позиция Бертельса всегда была соглашательской, каждый данный момент он занимал такую позицию, чтобы не вступать в конфликт.

С.: Какова была ваша позиция?

Генко: Моя позиция исходила из принципиальности, которая казалась мне правильной в данный момент в каждом данном вопросе, независимо от тех трудностей, которые возникали.

С.: Расхождения между вами и Бертельсом имели в своей основе политический характер или же являлись следствием разницы в методологическом подходе к разрешаемому вопросу?

Генко: Как мне кажется, эти расхождения были не политического характера.

С. (к Бертельсу): Расскажите, что вам известно о политических настроениях и антисоветских высказываниях Генко.

Б.: Я могу сказать, что последнее время главным источником информации для меня являлся А.Н. Генко. Относительно успехов немецкого оружия, относительно приближения того или иного участка боев и так далее – каждый раз, когда он приходил, я получал новые сведения по этим вопросам.

С.: Какой характер имела эта информация?

Б.: Эта информация имела панический характер. Как конкретный пример этому, могу привести такой случай, когда он рассказывал о том, что он собственными глазами видел, как немецкие аэропланы разрушили какой-то завод, кажется, завод им. Марти, а со стороны нашей авиации никакого сопротивления не было и «немцы спокойно бомбили, как хотели». Затем я помню, как он сказал, когда я спросил у него о сводке (я в этот день сводки не читал), что «в сводке никогда ничего нет» [...]

С.: Подобного рода беседы, распространяющие панические сведения, Генко вел только с вами или же и с другими сотрудниками Академии Наук?

Б.: Думаю, что со многими сотрудниками [...]

С. (к Генко): Правильно показывает Бертельс?

Генко: Нет, я решительно протестую против этого. Прежде всего, я должен сказать, что разговоров лично с Бертельсом, наедине, с глазу на глаз, на военные темы со времени начала войны у меня не было. Я не помню ни одного случая, когда бы я разговаривал лично с Бертельсом и одновременно при

этом не присутствовал бы целый ряд лиц. Это одно обстоятельство. Надеюсь, что он отрицать этого не будет...

Я считаю, что Бертельс или роковым для меня образом ложно воспринимал то, что я говорил об этом заводе в этих разговорах, или же это злостная интерпретация моих слов, не соответствующая действительности.

С. (к Генко): Какие разговоры вы вели о перенесенном вами во время ареста?

Генко: Почти никаких разговоров я не вел, я говорил лишь о характере предъявленного мне обвинения.

С. (к Генко): О мучениях каких-либо вы говорили?

Генко: Нет, об этом я не говорил ничего.

С. (к Бертельсу): Говорил Генко о каких-либо мучениях, которые он перенес во время ареста?

Б.: Нет, конкретно ничего не говорил.

С. (к Бертельсу): А как он говорил?

Б.: Прямо он ничего не говорил, а намеки делал.

С. (к Бертельсу): Какие антисоветские высказывания о национальной политике со стороны Генко вам известны?

Б.: По вопросам национальной политики мне известно, что Анатолий Несторович указывал, что мелкие национальности, имеющиеся на Сев[ерном] Кавказе, страдают от великодержавного шовинизма Грузии и Азербайджана и в результате этого страдают их языки, культура, что им не дается возможность свободно развиваться. Относительно Грузии он говорил, что это самые ярые шовинисты, которые ненавидят все русское, русскую культуру, а сами в свою очередь не особенно сильны в научных областях.

С. (к Бертельсу): Но вы хорошо помните, что смысл высказываний Генко по вопросам национальной политики Сов[етской] власти на Сев[ерном] Кавказе сводится к тому, что национальная политика Сов[етской] власти на Сев[ерном] Кавказе создавала невыносимое положение для мелких народностей?

Б.: Да [...]

С. (к Бертельсу): Он клеветал [...] о грузинской общественности?

Б.: Да [...]

С. (к Бертельсу): Какие антисоветские высказывания со стороны Генко имели место по вопросу колхозного строительства?

Б.: Генко говорил, что колхозное строительство приводило к обнищанию крестьянства и к голоду.

С. (к Бертельсу): Как относился Генко к научной работе в условиях Сов[етского] Союза?

Б.: Он неоднократно высказывался, что эта работа поставлена в очень тяжелые условия, что эта работа связана с целым рядом политических требований, для удовлетворения которых нельзя удовлетворительно разрешать научные задачи. Конкретно в целом ряде случаев бывает так, что при наиболее серьезных исследованиях по вопросам языкознания сталкиваешься с репрессиями. Был такой разговор, что какой смысл заниматься такой работой, если она приводит к аресту или еще к чему-либо в таком роде.

11. Из протоколов допросов свидетелей:

а) *7 ноября 1941 года – Шастиной Нины Павловны, заведующей библиотекой ИЭ*;

б) *7 ноября 1941 года – Липской Нины Александровны*;

в) *8 ноября 1941 года – Беляева Виктора Ивановича*;

г) *23 декабря 1941 года – Абрамзона Саула Матвеевича, заместителя директора ИЭ*;

д) *24 декабря 1941 года – Попова Андрея Александровича*.

Все эти лица отозвались об А. Н. Генко как о выдающемся ученом, об антисоветских настроениях и высказываниях которого им ничего не известно.

12. Записка Винникова Исаака Натановича, директора ИЭ, 8 ноября (?) 1941 года. Подробно характеризует А. Н. Генко как незаурядного ученого и человека.

13. Из Протокола обвинения об окончании следствия и предъявлении[...] обвинения от 24 ноября 1941 года.

[...] Со следственными материалами ознакомлен полностью, виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и считаю нужным и необходимым заявить, что признаваемое мною и отмеченное некоторыми свидетелями показывает активное участие мое в обществ[...]

14. *Акт медицинского освидетельствования А.Н. Генко от 4 октября 1941 года*. (Диагноз – порок сердца.)

15. *Акт наружного осмотра трупа А.Н. Генко от 26 декабря 1941 г.* Отмечено «резко ослабленное питание». Врач Грилихес.

16. Рапорт врача Грилихеса*:*

[...] находился в больничной камере с 18 декабря с низким упадком питания и заболеванием сердца в форме грудной жабы. Состояние в течение последних дней резко ухудшилось. 25 декабря был приступ грудной жабы. Принятые меры были безрезультатны. При явлениях нарастающей сердечной слабости в 10.30 А.Н. Генко скончался.

К делу прилагались 2 фотографии: первая – со служебного пропуска в ИВ, вторая – сделанная в тюрьме (фас и профиль), убедительно говорящая о сильном истощении. Об этом же свидетельствует недавно обнаруженная в Деле № п14-41 записка:

Генко Анатолий Несторович
I корпус, камера 224
22 ноября 1941 г.

Заявление

Теряя по недостатку питания последние силы, обращаюсь к гуманности советского следствия. Прошу разрешить передать мне из дому сахар (или что-либо замещающий таковой) и 2–3 коробка спичек. Одновременно прошу дать мне возможность представить собственноручные письменные показания по существу предъявленного обвинения пока я еще в состоянии писать, а не заболел окончательно.

А. Генко

2 декабря разрешение было дано, о чем мы узнали 15 декабря. 19 декабря сделали передачу из того немногого, что удалось выменять на толкучке.

В период следствия А.Н. Генко содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы УНКВД (ул. Воинова, ныне – Шпалерная, 25). 18 декабря был переведен в больничную камеру, где скончался 26 (или 25?) декабря. Место захоронения неизвестно.

Обвинения, предъявленные А.Н. Генко и в 1938 и в 1941 годах, привлекают внимание отсутствием бредовых измышлений, столь характерных для следственной практики того периода. Многое из вменявшегося ему в вину соответствовало его убеждениям и высказываниям. Искажения усматриваются в двух свидетельствах Е. Э. Бертельса:

– Разговоры о бомбежках города, которые вел отец, не носили панического характера ни по форме, ни по содержанию. В них проявлялась лишь деловая обеспокоенность, побуждавшая его принимать практические меры к сохранению рабочих материалов и книг на службе и дома.

– В Грузии у отца было немало друзей. Негативные высказывания касались исключительно деятелей партийно-правительственного аппарата этой республики.

VI. Послесловие

После кончины А. Н. Генко его труды и его имя оставались объектом преследования. Так, для опубликования статьи, написанной им в соавторстве с академиком И. Ю. Крачковским, издательству потребовалось разрешение НКВД. Оно было дано. Однако в 1949 г. И. Ю. Крачковскому вновь пришлось добиваться разрешения упомянуть имя А. Н. в своих «Очерках по истории русской арабистики».

В немалой мере задержка в опубликовании работ опального ученого связана с желанием некоторых бывших коллег использовать материалы Генко, особенно подготовленные к изданию, но еще не изданные. Весьма показательна история, произошедшая с работой по абазинскому языку, первым исследователем которого А. Н. был. После ряда поездок в места проживания абазин он составил в 1934 г. обстоятельную грамматику наиболее распространенного наречия тапанта. Рукопись работы была передана для издания в Горский Научно-исследовательский институт (г. Ростов-на-Дону) Г. П. Сердюченко. И вот в 1952 г. в планах издательства в г. Черкесске появилась монография Г. П. Сердюченко «Язык абазин». Ряд специалистов, ознакомившись с этой работой, квалифицировали ее как плагиат, что зафиксировано в 1949 г. в акте экспертной комиссии в составе проф. Чемоданова, Е. А. Бокарева и Л. И. Лаврова, которые сверили монографию Сердюченко с рукописью Генко. В акте отмечено, что «в работе Г. П. Сердюченко оказались различные материалы и соображения А. Н. Генко, использованные без соответствующих ссылок» [II-12]. В личном письме К. В. Ломтатидзе от 8.05.1951 г., адресованном Л. Б. Панек (семейный архив Генко), особенности «труда» Сердюченко конкретизируются: «Мне стало ясно, как работал “уважаемый” Георгий Петрович. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже ошибки, допущенные покойным Анатолием Несторовичем, повторяются в статьях Г. П. Сердюченко». И все же работа Сердюченко была издана! С большим трудом и при поддержке коллег, в первую очередь К. В. Ломтатидзе, Л. Б. Панек добилась того, что труд А. Н. Генко в 1955 г. [10] тоже увидел свет. Материалы переписки о присвоении проф. Г, П. Сердюченко работы проф. А. Н. Генко «Абазинский язык» хранятся в архиве ИВ, с 2009 г. – ИВР РАН.

Из-за сложностей упоминания имен лиц, пострадавших от репрессий, имя Генко на мемориальной доске в Институте востоковедения названо в числе сотрудников, погибших в Отечественную войну.

В 1950 г. я обратилась в НКВД с просьбой сообщить о выводах следствия по делу отца. Письмо осталось без ответа. Уже в период хрущёвской «оттепели», в 1956 г. мать получила из органов справку о том, что отец, «находясь под следствием, умер от грудной жабы». В 1991 г. я получила справку о его реабилитации, а в 2001 г. – о собственной реабилитации.

Начиная с 1998 г. опубликовано четыре работы А. Н. Генко. Вместе с тем, новые времена принесли новые осложнения. Издание в 1998 г. в Сухуми «Абхазско-русского словаря» [11] можно считать чудом: готовый в 1992 г. набор словаря сгорел вместе со зданием Института во время грузино-абхазского конфликта. По окончании боевых действий в 1993 г. с трудом собранная рукопись словаря была реанимирована по первичным полевым материалам.

Весьма ценные материалы по источниковедению, хранившиеся в личном архиве доцента кафедры русского языка Чеченского гос. университета А. А. Сумбулатова (г. Грозный), пропали (?) вместе с самим Сумбулатовым, что произошло в период очередных военных действий в Чечне.

А. Н. проработал на научном поприще всего чуть более 20 лет. Тем не менее, его литературное наследие насчитывает свыше 50 работ, из которых 39 изданы.

«Энциклопедические знания, глубокое владение материалом, умение верно ориентироваться в лингвистических и этнографических наблюдениях и, самое главное, неисчерпаемая любовь к Кавказу и кавказцам позволили А.Н. оставить богатое, но, к сожалению, до конца не оцененное научное наследие, которое, несомненно, скоро займет достойное место в возрождающемся кавказоведении» (А.А. Сумбулатов).

В статье, посвященной Генко, С. А. Арутюнов, Н. Г. Волкова и Г. А. Сергеева пишут: «Историк, лингвист, этнограф, редчайший пример полиглота, яркий педагог, организатор науки, человек большого таланта, для которого наука всегда была главным смыслом жизни, – таким видится Анатолий Несторович в воспоминаниях учеников, коллег, родных, в его письмах и трудах. Где бы ни работал А. Н. Генко, – всюду он являл пример удивительной целеустремленности, воли и самоотверженности» [II-4]. Ю. Д. Анчабадзе добавляет: «Однако А. Н. Генко был отпущен слишком короткий жизненный срок. Как и сотни других

русских талантов, он был грубо и жестоко остановлен на самом взлете творческого пути. Многое из задуманного осуществить не удалось, еще больше нераскрытых идей, мыслей, озарений осталось в годах непрожитой жизни. Однако оставленное наследие предопределило место А. Н. Генко в ряду самых выдающихся представителей отечественной… науки» [II-2].

VII. Приложения

I. Основные работы А. Н. Генко

А. Изданные работы

1. Свидетельство Геродота о колхах // Абхазское научное общество. Бюллетень № 3 Распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. Сухум, 1924. С. 26.

2. К вопросу о языковом скрещении: (Два случая с греческим языком) // Яфетический сборник. Пг., 1923. Т. II.

3. Грузинская версия “Хосро и Ширин” Хосро Дехлеви // Доклады РАН. Пг., 1924, июль–сент., сер. В.

4. Лидийское palmuz // Там же.

5. Ликийское qa // Там же, окт.–дек.

6. Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1925. Т. 1.

7. По поводу работы проф. И.А. Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами // Тексты и разыскания по кавказской филологии. Л., 1925. Т. I.

8. Ахтинские тексты // Доклады РАН. Л., 1926, март–апрель, сер. В.

9. Об отношении турецких языков к яфетическим языкам // Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 28.II–5.III 1926 г.: (Стенографический отчет). Баку, 1926.

10. Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества // Восточные записки. Л., 1927. Т. I.

11. Азиатский музей // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г.: Отчет о научных командировках и экспедициях. – [Без подписи]. Л., 1927. Т. 2.

12. Об изучении хиналугского языка. Материалы проф. Генко // Власть труда, 1927, № 170.

13. Сообщение о результатах поездки в Хиналуг // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Тифлис, 1928. № 1–3.

14. Абхазский вокализм // Известия АН СССР, 1928. Сер. VII, № 1.

15. О языке убыхов // Там же. № 3.

16. Отчет научного сотрудника АМ А.Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ // Там же. № 8–10.

17. Материалы по лезгинской диалектологии: Кубинское наречие // Там же. 1929, № 4.

18. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. V.

19. О названиях «плуга» в северокавказских языках // Доклады АН СССР. 1930, № 7.

20. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения. Л., 1933. Т. 2, вып. 2.

21. Шегрен А. М. // БСЭ. М., 1933. Т. 62.

22. Чеченский язык // Там же. М., 1934. Т. 61.

23. Цахурский (цахский) алфавит / С предисл. В. Хулуфлу. Баку, 1934.

24. То же на азерб. яз.

25. Из области чеченской диалектологии // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований под ред. Г. П. Сердюченко. М.-Л., 1935. Т I.

26. Литературные языки Южного Дагестана // Революция и письменность. М., 1936, сб. 2.

27. Задача этнографического изучения Кавказа // Советская этнография. 1936. № 4–5.

28. Об издании этнографических и социологических трудов М. М. Ковалевского // Там же. [Подписано А. Г.].

29. Кабардинский язык // БСЭ. М., 1937. Т. 30.

30. Кавказоведение // Там же.

31. Лев и заяц: Пер. с табасаранского / Запись и пер. А. Н. Генко // Сказки народов Востока. М.-Л., 1938.

32. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Труды Второй сессии Ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.

33. Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии // Советское востоковедение. М.-Л., 1945. Т. 3. [В соавт. с акад. И. Ю. Крачковским].

34. Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.

35. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков // Труды Абхазского Ин-та языка, литературы и истории. Сухуми, 1957. Т. XXVIII.

36. Абхазско-русский словарь. Сухуми, 1998.

37. Абхазские фольклорные тексты (материалы А. Н. Генко). Под ред. З. Ч. Чэпуа. Сухуми, 2001 (на абх. яз.).

38. Речь памяти Н. Я. Марра, читанная 6 января 1935 г. в Большом конференц-зале Академии Наук в Ленинграде // Кавказоведение. М., 2004. № 5. С. 41–48.

39. Табасаранско-русский словарь. М., 2005.

Б. Неопубликованные работы А. Н. Генко

Материалы по лезгинской диалектологии // Рукописный фонд Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН).

О вновь открытой письменности средневековья Азербайджана (1941 г.) // Архив Института истории АН Азербайджанской Республики.

Отчет о работе Рутуло-цахурского отряда Дагестанской экспедиции (1933 г.).

Рутульско-русский словарь // Архив ИВР РАН

Рутульские тексты-переводы (1938 г.) // Архив ИВР РАН

Отчеты о работе Табасаранской экспедиции (1934 г.) // Архив ИВР РАН

Табасаранские тексты// Архив ИВР РАН

Об орфографии и терминологии табасаранского литературного языка// Архив ИВР РАН

Лезгинско-русский словарь (1934–1938 гг.) // Архив ИВР РАН

Лезгинские тексты-переводы// Архив ИВР РАН

Цахурско-русский словарь// Архив ИВР РАН

Материалы по источниковедению Кавказа // Личный архив доцента кафедры русского языка Чеченского государственного университета А. А. Сумбулатова, г. Грозный – после второй чеченской войны нахождение архива установить не удалось.

II. Литература о А. Н. Генко

1. *Алпатов В. М.* Послесловие к воспоминаниям О. М. Фрейденберг // Восток. М., 2004. № 4. С. 138.

2. *Анчабадзе Ю. Д.* А. Н. Генко – этнограф-кавказовед // Кавказоведение. М., 2004. № 5. С. 15–16.

3. *Аптекарь В. Б., Быковский С. Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Изд. ГАИМК. Л., 1931. Т. X, вып. 8–9. С. 25.

4. *Арутюнов С. А., Волкова Н. Г., Сергеева Г. А*. Вклад А. Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. 1987, № 3. С. 61–72.

5. *Бобровников О. В.* А. Н. Генко как востоковед // Кавказоведение. М., 2004. № 5. С. 17–22.

6. *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

7. *Волкова Н. Г., Сергеева Г. А*. Трагические страницы востоковедения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы. Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. Вып. I. М., 1999. С. 101–133.

8. *Генко Г. А.* (составитель). Анатолий Несторович Генко (1896–1941). Памяти ученого-востоковеда // Восток. М., 2004. Вып. 2. С. 126–150.

9. *Генко Г. А.* Кавказовед: лингвист-полиглот, этнограф, историк А. Н. Генко // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб, 2005. Т. III. С. 371–384.

10. Книга памяти Ленинградского–Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. Вып. 2. С. 32–36.

11. *Крачковский И. Ю*. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950. С. 245.

12. *Лавров Л. И*. Памяти А. Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 213–222.

13. *Милибанд С. Д*. Генко А.Н. // *Ее же*. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 136–137.

14. *Платонова Н.И.* Г.А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историограф. очерки. Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». СПб., 1995. Вып. 1. С. 133-134, 139.

15. *Решетов А.М*. А.Н. Генко как этнограф (к 100-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 13. СПб., 2003. С. 318–332.

16. *Сумбулатов А.А.* А.Н. Генко – лингвист // Кавказоведение. М., 2004. № 5. С. 11–14.

17. *Фрейденберг О. М*. Воспоминания о Н. Я. Марре // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 182.

18. *Шумовский Т.А*. Голос памяти (воспоминания сокамерника). //Кавказоведение. М., 2004, N 5.

III. Местонахождение архивных материалов, связанных с А. Н. Генко

Архив ИВР РАН: ф. 74.

Архив Института этнологии и антропологии РАН (М.): фонд А.Н. Генко.

Архив МАЭ РАН (СПб.): ф. 20, оп. 1, № 127 (1934 г.); KV, оп. 1, № 33; KI, оп. 4, № 6 (1940 г.), 12 л.

С.-Петербургский филиал Архива РАН: ф. 4, оп. 2, № 4994; ф. 302, оп. 2, № 56, л. 4 об.; ф. 820, оп. 2, № 124; ф. 850, оп. 3, № 34, л. 7, 10 (1927–1933 гг.).

Архив РАН (М.): ф. 679, оп. 9, д. 47.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (СПб): ф. 2, оп. 3, № 143, л. 3–5 (1920–1922 гг.).

Архив Института истории АН Республики Азербайджан (Баку): ф. 1, оп. 2, д. 1024 (1940 г.).

Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (Тбилиси): ф. 1505, оп. 1, д. 120.

Рукописный фонд Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН (Махачкала): ф. 3, оп. 4, д. 48 (ч. 1–2).

Личный архив доцента кафедры русского языка Чеченского государственного университета А.А. Сумбулатова (Грозный) – после второй чеченской войны нахождение архива установить не удалось.

Российский государственный исторический архив (СПб.): Арх. 63970, № 187.

IV. Список сокращений

АМ – Азиатский музей, с 1930 г. ИВ, с 2009 г. – ИВР
АН – Академия науквосточных рукописей РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИНБУК – Институт буддистской культуры
ИЭ – Институт этнографии АН СССР
ИЯ – Институт языкознания АН СССР, с 2009 г.
ИЯМ – Институт языка и мышления АН СССР
ЛВИ – Ленинградский восточный институт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт, с 1933 г. – ЛИФЛИ
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии и лингвистики
МГУ – Московский государственный университет
РАН – Российская академия наук
УНКВД ЛО – Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел Ленинградской области
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЯИ – Яфетический институт
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры, с 1937 г. – ИИМК
ГИН – Геологический институт
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИАЭ – Институт антропологии и этнографии, с 1937 г. ИЭ АН СССР
ИВ – Институт востоковедения АН СССР

З. М.-Т. Дзарахова

ИХ ИМЕНА ВПИСАНЫ В ИСТОРИЮ НАРОДА (О ГЕРОЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА)

Аннотация: В статье говорится о Героях социалистического труда, представленных к высокому званию за трудовые успехи в разных областях народного хозяйства.

Ключевые слова: труд, ордена, ветеран, колхоз, завод, рабочий.

Z.M-T.Dzarahova

THEIR NAMES ARE INSCRIBED IN THE HISTORY OF THE PEOPLE (A HERO OF SOCIALIST LABOR)

Abstract: This article refers to the Hero of Socialist Labor, presented to a high rank for his outstanding achievements in various fields of national economy.

Key words: work orders, veteran, farm, factory, worker.

Вся жизнь человека наполнена трудом. О важности труда в человеческой жизни писали многие великие люди: «Труд препятствия преодолевает» (М.Ломоносов); «Без труда не может быть чистой и радостной жизни» (А.Чехов); «Вдохновение рождается от труда и во время труда» (П.Чайковский); «Труд делает – человека красивым» (А.Твардовский).

Высокие результаты труда оценивались в истории нашей страны разными орденами и наградами. Термин «Герой труда» появился в 1921 году. Так были названы сотни лучших рабочих Петрограда и Москвы. В 1922 году словосочетание «Герой Труда» было помещено на знаке ордена «Трудовое Красное Знамя» РСФСР. В 1927 году было учреждено Звание «Герой Труда». И лишь в 1938 году было учреждено звание Героя Социалистического Труда. Герою Социалистического Труда, помимо грамоты, вручался орден Ленина – высшая награда СССР. Звание Героя Социалистического Труда являлось высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально – культурного строительства.

Наградами и орденами за высокие показатели в труде были награждены и 13 человек из Малгобекского, Назрановского и Сунженского районов Ингушетии.

Был отмечен труд первооткрывателя Малгобекского нефтяного месторождения Кабира Тайзетдиновича Тайзетдинова. В августе 1933 года на скважине №13 с глубины 1180 м., пробуренной его бригадой, ударил мощный фонтан нефти. Правда, в то время ещё не было учреждённого ордена «Герой Социалистического Труда».

В тяжёлых условиях шла работа по бурению. В тревожном ожидании проходили сутки за сутками.

И только Кабир Тайзетдинов верил, что добьётся результата. Долгожданное событие произошло 24 августа 1933 года, когда из скважины № 13 в небо взметнулся фонтан нефти. Первый промышленный приток стратегического сырья стал вообще днем открытия Малгобекского нефтяного месторождения. К. Тайзетинову удалось внести неоценимый вклад в развитие нефтяной промышленности СССР, обеспечивая на своем участке работы сверхплановую добычу нефти [13].

Позже Указами Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги, достижение высоких технико-экономических показателей и самоотверженную работу на Малгобекских нефтяных промыслах были удостоены звания Героев Социалистического Труда Колесников Федор Львович (1960 г), Левшин Александр Иванович (1965 г.), Паук Марина Яковлевна (23 мая 1966 г.), Лологоев Ахмед Бибердович (1971 г.).

В юном возрасте начал свою работу в г. Малгобеке Фёдор Колесников. За короткий срок стал передовиком производства, одним из лучших нефтяников, был назначен мастером по добыче нефти. Он имел некий дар руководителя, умел увлекать своим трудом коллег и добиваться высоких результатов. В 1941 году Колесников Ф.Л. за трудовые успехи был награжден орденом «Знак почета». Ветеран Великой Отечественной войны, Колесников Федор Львович самоотверженно работал на Малгобекских нефтяных промыслах. Много сил отдал он восстановлению скважин после изгнания фашистов с Кавказа [1, с. 48-52].

Начало трудовой биографии Александра Левшина пришлось на первые послевоенные годы. Буровой мастер конторы глубокого бурения №1 «Малгобекнефть» ЧИАССР Александр Иванович Левшин, вспоминая о своей бурной молодости, говорил: «Главным источником всех наших производственных побед являлись творческое вдохновение, энтузиазм и самоотверженный труд на благо нашей великой Родины...» [7].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 года за выдающиеся заслуги в выполнении заданий семилетнего плана по добыче нефти и достижение высоких технико-экономических показателей в работе Марине Яковлевне Паук было присвоено звание Героя Социалистического труда. Марина Паук окончила Грозненский нефтяной техникум. Начала работу в 1938 году. В годы Великой Отечественной войны работала на нефтяных скважинах. В 1953 году она начала работать на нефтепромыслах НПУ «Малгобекнефть». Марина Яковлевна неустанно заботилась о внедрении новой техники и технологий, способных увеличить прирост производительности труда. Своим отношением к делу ей удалось добиться повышения производительности труда и получения нефти в 10 раз больше. В 1966 году её труд был отмечен [2, с. 32-42].

С 1962 г. Ахмед Лологоев начал трудиться на нефтяных промыслах г. Малгобек, где прошёл путь от рабочего до бурильщика и получил всесоюзное признание за свой самоотверженный и безупречный труд. За все это время Лологоев А. Б. показал себя ответственным и квалифицированным специалистом. Он брался за самые сложные участки работы, как, к примеру, подземный ремонт. Многие годы работал он оператором, пропуская тысячи тон нефти в сутки. [12, с. 53-61]

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1971 года за выдающиеся успехи в развитии сельскохозяйственного производства было присвоено звание Героя Социалистического Труда Мады Джамалдиновичу Бахмадову жителю Малгобекского района Ингушетии. Орден Ленина и Золотая медаль «Серп и молот» стали достойной оценкой его многолетнего самоотверженного служения Родине. Работал чабаном от зари до зари. Как хороший труженик и общественный деятель был всегда в кругу людей. Был делегатом различных форумов, в том числе партийных конференций. Он был обладателем 4-х медалей ВДНХ, юбилейной медали «За доблестный труд», ордена «Знак Почёта» [4, с. 184-191].

Героями Социалистического Труда стали жители Сунженского района Ингушетии – Кузнецова Вера Яковлевна – звеньевая колхоза «Пролетарская победа» (19 марта 1948 г.), Катасонов Андрей Дмитриевич – мастер по сложным работам Карабулакской конторы глубокого разведовочного бурения нефтепромыслового управления «Сунжанефть» (23 мая 1956 г.), Емельянов Василий Ильич – председатель колхоза «Победа» (23 июня 1966 г.).

Вера Кузнецова в юные годы пришла в колхоз ст. Нестеровской. Она умела ставить цель и добиваться результатов. С энтузиазмом работала и вдохновляла других на труд. Ей были хорошо известны народные знания о земле, времени посева, сбора урожая и уходе. «Главное для хлебороба – не упустить благоприятный момент. Начать сев раньше – опасно, запоздать с севом – еще хуже», – считала она. Вручение ей высокого звания Героя Социалистического Труда состоялось в Нестеровском Доме культуры 19 марта 1948 года [10, с. 234-242].

Андрей Катасонов, ветеран войны и защитник Ленинграда, пришёл на работу в Карабулакскую контору в 1948 году. Это был большой труженик-нефтяник, новатор и талантливый организатор. Он стал мастером по сложным работам Карабулакской конторы глубокого разведочного бурения нефтепромыслового управления «Сунжанефть». За достижение высоких технико-экономических показателей в работе Президиум Верховного Совета СССР Указом от 23 мая 1956 года присвоил ему звание Героя Социалистического труда. Помимо работы, был общественным деятелем, любил народную культуру казаков и поддерживал ее [5, с. 9-16].

Василий Емельянов пришёл в сельское хозяйство после окончания Назрановского зоотехникума. Работал зоотехником в колхозе «Сунженский пахарь» с 1946 года, был начальником отдела с 1951 года, стал председателем колхоза «Победа» в 1953 году. Колхоз под его руководством стал добиваться больших успехов в производстве продуктов сельского хозяйства. За высокие успехи, достигнутые в увеличении производства зерновых и кормовых культур, 23 июня 1966

года он был удостоен звания Героя Социалистического труда [3, с. 152-160].

Высокие трудовые результаты тружеников Назрановского района были отмечены государственными наградами СССР. Указами Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги, достижение высоких экономических показателей и самоотверженный труд были удостоены звания Героев Социалистического Труда Лемка Эльбускиевна Барахоева – доярка молочно-товарной фермы Альтиевского отделения совхоза «Назрановский» (24 декабря 1965 года), Албогачиев Артаган Орцхоевич – звеньевой совхоза «Экажевский» (8 апреля 1971 г.) и Кодзоев Багаудин Госпоевич – звеньевой механизированного звена совхоза «40 лет Октября» (29 августа 1986 г.).

Лемка Барахоева была первой и единственной женщиной из ингушей, ставшей Героем Социалистического Труда. Она работала дояркой в колхозе «Назрановский» в 1957 – 1976 гг. В 1964 году Лемка стала рекордсменом по надоям молока в СССР. Со временем её участие в общественной жизни стало частью её жизни. Она была делегатом XXII, XXIII, XXIV, XXV съездов КПСС. Была депутатом Верховного Совета СССР VII созыва (1966 – 1970 гг.) и VIII созыва (1970 – 1974 гг.). Лемка Барахоева являлась членом Центрального Комитета профсоюзов СССР – Высшего исполнительного органа профсоюзов СССР. В архиве Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова хранятся награды и многочисленные грамоты на имя Л. Барахоевой. Она была награждена высшими наградами СССР – орденом Ленина, Орденом Трудового Красного Знамени, Орденом Октябрьской Революции и многими другими. Незадолго до смерти была представлена к званию дважды Героя Социалистического Труда [8, с. 201-208].

Албогачиеву Артагану экажевские просторы были знакомы с ранних лет. Он стал хлеборобом, работая в совхозе «Экажевский». Он быстро прославился как опытный мастер-кукурузовод, возглавил кукурузоводческое механизированное звено. Добился увеличения площадей обрабатываемых посевов почти в четыре раза и снижения себестоимости. В 1968 году Артаган Орцхоевич возглавил картофелеводческое звено во вновь организованном специализированном совхозе «Экажевский». И снова он сумел превзойти все ожидания. С картофельного поля он собирал урожай в четыре раза больше, чем было запланировано. Его поле называли «Артаганово поле» и удивлялись результатам. В знаменательные дни работы XXIV съезда КПСС Артаган Албогачиев был удостоен высокого звания Герой Социалистического Труда [9, с. 226-233].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1986 года за выдающиеся производственные достижения, успешное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки и социалистических обязательств и проявленную трудовую доблесть звеньевому механизированного звена совхоза «40 лет Октября» Назрановского района Чечено-Ингушской АССР Кодзоеву Багаудину Госпоевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Кодзоев Багаудин трудовую деятельность начал в 1945 году, когда народ находился в депортации. В 1959 – 1960 годах возвратился на родину, в родное село Кантышево, работал трактористом 2-го отделения и машинистом-трактористом 1-го класса. 49 лет работал Багаудин Кодзоев (1960 – 2009 гг.) звеньевым механизированного кукурузоводческого звена совхоза «40 лет Октября». Избирался депутатом Кантышевского сельского Совета, депутатом Назрановского райсовета, членом бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС, в 1985 году был избран депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Избирался делегатом XXVII съезда КПСС. Багаудин Кодзоев был награждён орденами Ленина (1986 г.), Октябрьской Революции (1981 г.), Трудового Красного Знамени (1976 г.), «Знак Почёта» (1972 г.), медалью «Ветеран труда» (1984 г.) и серебряной медалью ВДНХ СССР, знаками «Отличник Социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР» (1984), «Ударник X пятилетки» (1980 г.) и «Ударник XII пятилетки» (1990). [6]

Высокого звания Героя Социалистического Труда был удостоен в 1988 году Наурбиев Умат-Гирей Каумбатович. Трудовую деятельность ему, как и многим его сверстникам-ингушам, пришлось начинать вдали от Ингушетии, где народ находился в депортации. Так и Умат-Гирей Наурбиев начал свой трудовой путь в 1949 году в Киргизской ССР, затем работал в г. Червоноград (Украина), осваивал целинные земли в Кустанайской области, возводил г. Зарафшан (Узбекская ССР), город-порт Находку. В 1969 году в г. Набережные Челны участвовал в строительстве 1-й и 2-й очередей заводов на площадке Камского автогиганта и Заинского завода колёс, взлетной площадки аэропорта Бегишево (1972), Нижнекамской ГЭС (1978), второго термогальванического корпуса, завода транспортного электрооборудования, картонно-бумажного комбината, газокомпрессорных станций в гг. Можга, Набережные Челны, Заинск, посёлке Камские Поляны; прокладывал автомобильные дороги Татарстана. Его трудовой коллектив ставил рекорды: в 9-й пятилетке (1971 – 1975) плановые показатели были выполнены за три года, в 10-й (1976 – 1980) и 11-й (1981 – 1985) – по два пятилетних задания.

У. Наурбиев был генеральным директором частного дорожно-строительного предприятия «Контракт» (1991 – 2003 гг.). У. Наурбиев – автор программы «Строительство дорог и благоустройства сел Татарстана». За свою трудовую и новаторскую деятельность он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награждался тремя орденами Ленина, орденом «Знак Почёта», серебряной и бронзовой медалями ВДНХ СССР и другими медалями. У. Наурбиев является Заслуженным строителем Татарской АССР (1976) [11].

Герои Социалистического Труда были и остаются высокими образцами человеческого и трудового подвига. Их имена вписаны в историю народа, республики, страны. В 1991 году, звание Героя Социалистического Труда было навсегда упразднено вместе с наградной системой СССР.

Список литературы

1. Ершов Г. Всегда в строю (о Ф.Колесникове) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
2. Жуков В. Волшебный ключ (о М. Паук) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
3. Жуков В. Штурман (о В. Емельянове) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
4. Жуков В. Чабаны бывают разные (о М. Бахмадове) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
5. Калита Л. След в «другом сердце» (о А. Катасонове) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
6. Кодзоев Б. // Архив Ингушского государственного музея краеведения им.Т.Мальсагова.
7. Левшин А.И. Герой Социалистического Труда // Архив М.Илиевой. Малгобек.
8. Михайлов Г. С открытым сердцем (о Л. Барахоевой) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
9. Михайлов Г. Испытание (о А. Албогачиеве) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
10. Михайлов Г. С чего начинается урожай (о В. Кузнецовой) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
11. Наурбиев У-Г. Герой Социалистического Труда // Архивная служба РИ.
12. Носонов Г. Восхождение (о А. Лологоеве) // Герои труда Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
13. Солтукиева З. Незабываемое время (о К. Тайзетдинове) // Газ. «Сердало», 2013.

З.Р. Дзуматова

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Аннотация: Статья посвящена деятельности Кавказской археографической комиссии по изданию «актов Кавказской археографической комиссии». Рассматриваются учреждение комиссии, основные этапы ее работы, деятельность историков, этнографов, археологов, общественных деятелей в составе Археографической комиссии.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская археографическая комиссия, Акты Кавказской Археографической комиссии, А.П. Берже, Д.А. Кобяков, Е.Д. Фелицин, Е.Г. Вейденбаум, Г.Н. Прозрителев

Z.R. Dzumatova

TO THE QUESTION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE CAUCASIAN ARCHAEOGRAPHIC COMMISSION

Abstract: The article is devoted to the activity of Caucasian Archeographic Commission on issuing “The Acts of CAC”. It considers the establishment of the commission, the main periods of its work, the activity of historians, ethnographers, archeologists, social figures as part of the archeographic commission.

Key words: Caucasus, Caucasian archeographic commission, Acts Caucasian archeographic Commission, A.P. Berzhe, D. A. Kobyakov, E. D. Felitsyn, E. G., Feigenbaum, G. N. Prozritelev.

Огромную роль в сохранении архивных документов по истории Кавказа X-XVIII вв. сыграла Кавказская археографическая комиссия, созданная 7 апреля 1864 г. в Тифлисе по инициативе начальника Главного управления Кавказского наместника и председателя Закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян, барона Александра Павловича Николаи. Проект устава комиссии получил одобрение наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича: «Вполне сочувствую этому полезному учреждению и одобряю этот проект». На созданную комиссию возлагалась:

– подробная разработка главных архивов Кавказского и Закавказского края, извлечение и обнародование отдельными выпусками важнейших исторических памятников и документов, представляющих интерес;

– составление подробных исследований о развитии в Кавказском крае гражданского управления под русским владычеством;

– составление и издание отдельной книгой, как необходимого подспорья для пользования изданием этой Комиссии, общей для всех томов описи документов, предметного и алфавитного указателей и списка указаний, относящихся к Кавказскому краю;

– распределение дел архива бывшего Главного управления наместника кавказского по трём категориям – подлежащих:

– немедленному уничтожению;

– временному хранению;

– постоянному хранению.

Свою деятельность Комиссия начала с разбора архива Главного Управления Кавказского Наместника. Ранее подобная работа проводилась комиссией под председательством главноуправляющего Закавказским краем генерала А.И. Нейдгарта. Отчет комиссии показывал, что в архиве хранится 43514 дел и 877 переплетённых книг, из которых желательно оставить четвертую часть, а остальные уничтожить в силу их не востребованности. Однако Нейдгарт оставил все дела в сохранности, и количество их с каждым годом все увеличивалось. Кавказская Археографическая комиссия, отбирая документы для публикации, уничтожила 34792 дела.

Возглавлял комиссию в течение 22-х лет один из первых кавказских археологов и археографов Адольф

Петрович Берже. Эти 22 года жизни Берже посвятил фундаментальному многотомному труду «Актам Кавказской археографической комиссии». Тома выходили в следующей последовательности: 1 – 1866 г.; 2 – 1868 г.; 3 – 1869 г.; 4 – 1870 г., 5 – 1873 г.; 6 – в двух частях – 1874 и 1875 гг.; 7 – 1878 г.; 8 – 1881 г., 9 – ?

В 1885 году под редакцией Берже вышел последний, 10-й том; 11-й том, хотя и был почти полностью подготовлен Берже, вышел уже под редакцией Д. Кобякова. Последний, 12-й том был издан в 1904 году. В I томе помещены гуджары и другие акты на грузинском, арабском, персидском и турецком языках, с 1398 – 1799 гг. Каждый акт сопровождается русским переводом. Вторая часть этого тома – «Кавказ и Закавказье во второй половине XVIII в. за время управления генерал-лейтенанта К. Ф. Кноринга» (1762 – 1802). Как эта часть, так и в последующих томах материалы для управления Кавказом помещаются в сыром виде. Акты, документы и т. д. помещаются без изменений и всегда с переводом на русский язык. Во II томе помещены акты и документы за время управления Кавказом кн. П. Д. Цицианова (1802 – 1806). В приложении к этому тому напечатаны Кайтахские рукописи на арабском (4 рук.), персидском и турецком языках. 1. Древнейшая рукопись, на арабском языке, списана в 1620 году с хроники, составленной в 922 году, на персидском языке 48 фирманов и древнейший из них 1462 г. и на турецком языке 13 фирманов – самый древний из них относится к султану Махмеду (1730 – 1754); 2) Документы на персидском и татарском языках (1562 – 1747); 3) Документы на русском, грузинском и армянском языках (1733 – 1803); III том, «Кавказ и Закавказье в управление графа И.В. Гудовича» (1806 – 1809); IV том, «Управление генерала от кавалерии А.П. Тормасова (1809 – 1811); V том, о времени управления Кавказом маркиза Ф.О. Паулуччи и генерала от инфантерии Н.Ф. Ртищева (1811 – 1816). В приложении к этому тому напечатана замечательная статья Д. З. Бакрадзе «Кавказ в древних памятниках христианства». Автор собрал все, что касается древнейших храмов на Кавказе. Многие из этих памятников им изучены на месте. Продолжение этого весьма важного труда напечатано в VI томе актов. Кроме того, к этому тому приложены родословные таблицы ханов ширванских, бакинских, текинских и елисуйских султанов; том VI, в 2 частях, заключает в себе время управление Кавказом генерала А.П. Ермолова (1816 – 1827); том VII – управление генерала-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича-Эриванского (1827 – 1831); т. VIII – управление барона Г. В. Розена I (1831 – 1837); том IX – управление генерал-адъютанта Е. А. Головина (1837 – 1842); том X – за время управления кн. М. С. Воронцова (1842 – 1854) и том IX – управление генерал-адъютанта Н. Н. Муравьева (1854 – 1856) [4].

Вот как описывал «Акты…» Михаил Семевский – общественный деятель, историк, основатель журнала «Русская старина»: «Этот сборник перед нами; в него вошли акты за все время владычества русских на Кавказе и за Кавказом… Каждый том заключает в себе от 1000 до 1200 страниц в два столбца; каждому тому предпослано весьма обстоятельное предисловие; в каждом томе превосходный указатель личных и географических имен. Документы помещены, где нужно, с надлежащими переводами с языков: арабского, армянского, грузинского, французского и с объяснениями, и каждый том украшен несколькими портретами главнейших деятелей на Кавказе: военных, гражданских и духовных. Есть портреты и наиболее замечательных кавказских женщин… Выбор актов сделан замечательно хорошо; здесь, действительно, приведены самые существенные документы, имеющие значение для истории Кавказа… Тщательность издания и изящество его выполнения, прямо сказать, необыкновенные» [2, с. 8].

Кроме того, Адольф Петрович написал целый ряд работ, переводов и рецензий. Наиболее известные среди них «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (1858), «Материалы для описания нагорного Дагестана» (1859), «Чечня и чеченцы» (1859), Краткий каталог Тифлисской публичной библиотеки (1861 г.; продолжение его вышло в 1866 г.), «Записка об археологии Кавказа» (1876), «Командиры Кавказской армии в их приказах, 1802 – 1812» (1876), «Этнографическое обозрение Кавказа» (1879), «Живописный альбом народов России (гл. кавказские жители: черкесы, абхазцы, ногайцы…)» (1880) и др. Публиковался Берже на страницах газеты «Кавказ», в «Трудах Московского Археологического Общества», «Трудах второго Археологического съезда», «Записках Общества любителей Кавказской Археологии», «Географическом Словаре», «Живописной России».

После смерти А. Берже, в 1886 – 1892 годах председателем комиссии был один из организаторов архивного дела в Кавказском крае – Дмитрий Аркадьевич Кобяков, под редакцией которого вышли 11-й и 12-й тома «Актов…». Ему же принадлежит и ряд интересных публикаций: «Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях» (1879), «Климат города Тифлиса за 18 лет (1861 – 1878 гг.) по наблюдениям Тифлисской метеорологической обсерватории» (1880), «Сборник сведений о Кавказе: Т. 6. Тифлис по однодневной переписи 25-го марта 1876 года» (1880) и т.д.

В 1892 г. Кавказскую археографическую комиссию возглавил Фелицин Евгений Дмитриевич, историк-кавказовед, этнограф и археолог. Его интересовали прошлое Кавказа и его народов, а также история покорения Кавказа Россией. Кроме того, Фелицын собирал биографические сведения о видных военных деятелях на Кавказе, а также сведения о частных случаях героических подвигов, как русских воинов, так и горцев, при этом лично посещая те места, где происходили интересовавшие его события [4, с. 71].

С 1904 г. председателем археографической комиссии был Евгений Густавович Вейденбаум, известный историк, кавказовед, общественный деятель, литератор и этнограф. В начале 1870-х годов Е.Г. Вейденбаум служил на Кавказе в Кавказском горском управлении в Тифлисе, затем в учреждениях высшего управления, в том числе в должности члена совета наместника.

Многочисленные работы Евгения Густавовича имеют свою научную и познавательную ценность для истории Кавказа. В 1888 г. в Тифлисе вышел «Путеводитель по Кавказу», состоящий из двух частей, в которых дается общее обозрение края и описание его главных пунктов, расположенных по маршрутам. Особый интерес в путеводителе вызывает очерк об этнографии народов Кавказа и исторический очерк о распространении русской власти на Кавказском перешейке, колонизации края казачеством. Путеводитель украшают иллюстрации, исполненные цинкографическим способом в заведении Мейзенбаха в Мюнхене по оригиналам художника Стаховского [3, с. 26].

Григорий Николаевич Прозрителев – краевед и общественный деятель, становится председателем Кавказской археографической комиссии в 1916 г. Именно по его инициативе в 1884 г. была открыта первая на Кавказе частная газета «Северный Кавказ», а в Ставрополе краеведческий музей.

В Кавказской археографической комиссии работал Мирза Фатали Ахундов – азербайджанский писатель, просветитель и общественный деятель. «Как хорошо обученный языкам: арабскому, персидскому, турецкому и татарскому», ему было поручено перевести все восточные документы, впоследствии вошедшие в первый том «Актов». За эту работу он был всемилостивейше пожалован бриллиантовым перстнем.

Грузинские жалованные грамоты – гуджары, вошедшие в первый том «Актов» были переведены И.Г. Берзеновым, сотрудником газеты «Кавказ» и автором двух монографий: «О грузинской медицине» и «Тифлис в этнографическом отношении». Большой вклад в составление «Актов Кавказской Археографической комиссии» внес грузинский историк и археолог Д.З. Бакрадзе, автор крупных трудов: «История Грузии» (1889), «Грузия и грузины» (1854); «Кавказ в древних памятниках христианства» (1875).

Благодаря деятельности кавказской Археографической комиссии были опубликованы дошедшие до наших дней многочисленные документы, отражающие историю Кавказа, повествующие о жизни и быте населения, о созидательной его деятельности в период освоения кавказских земель.

Список литературы

1. Н. Милкадзе. Нерукотворный памятник // Электронный журнал «Русский клуб» [Электронный ресурс]. (Дата обращения 13.04.2016).

2. URL:http://www.rcmagazine.ge/component/content/1298.html?task=view (Дата обращения 13.04.2016).

3. Семевский М. Адольф Петрович Берже // Кавказская старина / Сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск, 2011.

4. Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1.

5. Шамрай В.С. Евгений Дмитриевич Фелицын: биографический очерк // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества / Под. ред. Д.Д. Пагирева. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1907. Т. 19, № 1. С. 71-88.

М.Б. Долгиева, П.Х. Акиева

МАМАЙХАН АГЛАРОВ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются работы одного из представителей кавказоведческой историко-этнографической науки – Мамайхана Агларова.

Ключевые слова: кавказовед, этнограф, Агларов, классическая школа, научные направления.

M.B. Dolgieva, P.H. Akieva

MAMAYKHAN AGLAROV AND THE TOPICAL ISSUES OF CAUCASIOLOGY

Abstract: In the article discusses researches of one of the representatives of kavkazovedcheskoy historical and ethnographic science – Mamaykhan Aglarova.

Key words: the Caucasus, the ethnographer, Aglarov, the classical school, scientific areas

Дагестан – полиэтничный регион Северного Кавказа с наибольшим языковым и культурным разнообразием, отличающийся своей толерантностью и дружественным отношением ко всем народом Кавказа. Кавказ всегда был и остается местом взаимодействия многих культур и народов. Точнее всего передают впечатление о Кавказе метафоричные слова Ю.А. Жданова, подчеркивающие многоцветье и уникальность этого края – Кавказ – это солнечное сплетение Евразии. Этот край никогда не оставлял человека равнодушным: он заставляет любить или ненавидеть.

Именно изучению этого «многоцветия» посвящены все труды Мамайхана Агларовича Агларова. Являясь одним из видных представителей кавказоведческой историко-этнографической науки, Мамайхан Агларов в своих работах не только открывал и доказывал новые научные направления в кавказоведении, но главное – сумел научно показать красоту и величие истории и культуры народов, населяющих Кавказ. Любая из его работ, посвящена ли она феодальным отношениям или союзам сельских общин, земельно-правовым отношениям или государственно-политической системе, исторической географии или просто истории дагестанского аула – это словно мазок художника в общей картине кавказских народов. Детально прорисовывая каждый цвет средневековой истории народов Дагестана, каждый оттенок

исторических преданий и памятников Мамайхану Агларову всегда удавалось выйти за рамки установленных научных парадигм и аксиом.

Ни для кого не секрет, что становление кавказоведения проходило в условиях сначала кавказской войны, когда доминировало сочетание стратегического и природно-ресурсного изучения края, затем в русле идеологии межцивилизационных отношений, основанных на стремлении укрепить отечество и сблизить народы, а позднее приняло вектор научной «распыленности» и разобщенности, когда наука стала использоваться в узконаправленных политических интересах отдельных групп. Мамайхан Агларов, прошедший серьезную научную школу в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР, принадлежа классической школе кавказоведения (учителем и наставником был известный ученый Л.И. Лавров), и в науке и в жизни выступает как истинный кавказец: честен, мудр и предельно благороден. Ведь именно в этничности, как высшей категории человеческого бытия, «кавказец» видит идеальную модель своей жизнедеятельности. Этот реально существующий феномен, категория не только личностной идентичности, он выражен и в социальных ценностных ориентирах (истина, честь, справедливость и т.д.). Соответствуя этому ориентиру в жизни, Агларову удалось в своих работах выразить особенности этничности, как регулятора общественной жизни, деятельности, поведения и общения в кавказской культуре. В этом видится нам одна из ключевых проблем кавказоведения, которому сегодня стоит уделять пристальное внимание.

Следующим узлом в кавказоведении является антитеза: Кавказ – это контактная зона культур или все-таки существует кавказская цивилизация [1], или мы можем говорить о сосуществовании нескольких региональных цивилизаций [2, с. 13]. Почти в каждой работе Агларова красной нитью проходит вывод о демократической основе исторического пути развития Кавказа, что Кавказ это одно из мест, где зародилась такая форма политической организации как гражданская община – полис. Это мнение коррелируется с утверждением о существовании единой «кавказской цивилизации», главной характерной чертой которой является взаимодействие многих уникальных культур и почти всех мировых религий [3, с. 56].

Стратегически важным в исследовании истории Кавказа и народов, его населяющих, является определение места Кавказа в генеральном разделении мира на два плюса: Восток – Запад. Работа над этой проблемой, естественно, требует системного подхода в исследовании, а также общерегионального дискурса. Одна из ступеней в этом восхождении была пройдена в работе М. Агларова «Этногенез в свете полиантропологии и этнонимии в Дагестане: Politica-etnica» [4].

Особенное, можно сказать, трепетное отношение М. Агларова в дело изучения демократических и аристо-демократических форм политических организаций, существовавших на Кавказе, заставляет обратить внимание на многовековой опыт совместной жизни и действий в вопросах межкультурного взаимодействия. В принципе каждый из научных интересов Мамайхана Агларова: этногенез и этнические процессы, общественный строй, правовая и политическая антропология горных народов, проблемы этнолингвистического плюрализма, историко-культурологические аспекты взаимодействия Кавказа и внешнего мира – как невозделанное научное поле.

Несомненно, что изучение актуальных вопросов кавказоведения потребует новых подходов, широких общерегиональных исследований и т.д. Считаем правомерным и архиважным сегодня выделить фундаментальные основы, объединяющие такой многоликий, разноязыкий и многоцветный Кавказ.

Список литературы

1. Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация // Научная мысль Кавказа. 2000 №2.
2. Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур //Научная мысль Кавказа. 2000 №2.
3. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.
4. Агларов М. Этногенез в свете полиантропологии и этнонимии в Дагестане: Politica-etnica. Махачкала. 2013.

М.А. Матиев

ВСЕГДА БЫТЬ ПЕРВЫМ (К 75-ЛЕТИЮ В.-Г. ТАНКИЕВА)

Аннотация: В статье говорится о жизни и творчестве известного ингушского историка, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева Висин-Гирея Танкиева. В.-Г. Танкиев автор более 150 научных работ, заслуженный деятель науки Ингушетии.

Ключевые слова: Висин-Гирей Танкиев, научные исследования, история Ингушетии, военная служба, общественная деятельность, педагогическая деятельность.

M.A. Matiev

ALWAYS BE THE FIRST (TO THE 75TH ANNIVERSARY V.-G.TANKIEVA)

Abstract: the article describes the life and work of well-known Ingush historian, candidate of historical Sciences, leading researcher of the Ingush Institute of Humanities them.H.Akhriev Wisin Giray Tankiev. V.-G. Tankiev author of over 150 scientific works, honored worker of science of the Republic of Ingushetia.

Key words: Wisin Giray Tankiev, research, the history of Ingushetia, military service, social activities, educational activities.

Недавно в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук имени Чаха Ахриева проходила очередная международная научно-практическая конференция. Герою данной статьи Висин-Гирею Хасановичу Танкиеву, ведущему научному сотруднику отдела новой и новейшей истории Ингушетии НИИ, предстояло выступить с докладом на пленарном заседании, а затем руководить работой одной из секций. Выяснилось, что В.-Г. Танкиев всего час назад приехал с другой научной конференции, которая проходила в Ростове-на-Дону. Ехал с пересадками, и оргкомитет по проведению конференции предложил ему отдохнуть, подыскать замену. Однако Танкиев заявил, что справится. Он блестяще выступил с докладом на пленарном заседании и руководил секцией. И как руководил! Гости, маститые ученые из разных регионов, были восхищены его эрудицией, тактом, умением формулировать и выражать мысли. И поздним вечером, когда даже многие молодые участники конференции выглядели усталыми, 74-летний Висин-Гирей продолжал шутить, был бодрым, веселым и жизнерадостным.

Мне захотелось рассказать об этом человеке, которого я знаю давно и которого я с гордостью называю своим другом, с одной целью – чтобы показать молодому поколению, что даже в неимоверно трудных условиях нельзя отчаиваться, надо верить в мечту (и иметь мечту), идти вперед, много трудиться, и тогда ты обязательно добьешься успеха.

Родился Висин-Гирей Танкиев 22 июля 1941 года в селе Шолхи Пригородного района. Он был пятым ребенком в семье. Отец его когда-то был урядником и служил во Владикавказе. Мать была домохозяйкой, занималась воспитанием детей.

С 1944 г. по 1959 г. вместе с родителями Висин-Гирей находился в депортации в Кустанайской области, что в Северном Казахстане. Здесь он потерял отца, троих братьев, сестру, многих родных и близких людей. «Великую трагедию пришлось пережить народу, – вспоминает Висин-Гирей. – Голод, холод, нищета, эпидемии тифа не обошли и нашу семью. За первые два года ссылки умерли мой дедушка, бабушка, отец, два старших брата, младший брат и сестра. Все эти тяготы и лишения стойко переносила мать. В семье нас осталось трое – мать, старший брат, которому было семь лет, и я – трехлетний ребенок. Сказать, что нам было тяжело, значит, ничего не сказать. Было невероятно тяжело всем. От голода, холода, эпидемии вымирали целые семьи переселенцев. Но самым тяжелым для представителей старшего поколения был моральный гнет. Все задавали друг другу один и тот же вопрос: “За что страдает наш народ?”» [3, с. 141]. Всю свою любовь, сострадание, все нежные чувства к матери Висин-Гирей изложил в обращении к ингушским женщинам: «Всем было неимоверно трудно. Но особых слов признательности и сыновней благодарности заслуживают женщины-матери. Диву даюсь, как они, простые ингушские женщины, недоедая и недосыпая, умудрялись сводить концы с концами. Никогда не забуду: как они готовили суп из крапивы, лебеды, бурака, как умудрялись, собрав мерзлую, оставшуюся в земле прошлогоднюю картошку, высушив и перемолов ее, печь из нее лепешки, как под страхом ареста собирали после уборки урожая оставшиеся на поле колоски пшеницы. Милые, гордые, душевно красивые ингушские женщины! Сколько мучений и невзгод выпало на вашу долю в трагическом 20-м веке. Сколько вас осталось лежать на чужой земле! Сколько ушло в мир иной чистыми, честными, благородными, предпочтя смерть унижению? Какой мерой измерить ваши страдания? Вам бы только за это воздвигнуть невиданный памятник» [3, с. 143-144].

В 1959 году семья вернулась в Ингушетию и поселилась в Назрани. В 1960 г. окончил СШ №2 в г. Назрань (кстати, лишь с двумя четверками в аттестате, остальные – пятерки) и поступил в Чечено-Ингушский педагогический институт. Два года работал учителем. В 1962 году был призван на действительную военную службу, которую проходил в ракетных войсках. В 1967 году экстерном окончил Ставропольское военное училище связи. Как одного из лучших выпускников его оставили для прохождения дальнейшей службы в данном училище. Там он проходил службу с 1967 по 1970 гг. сначала в должности секретаря комитета комсомола батальона, факультета и два с половиной года в должности помощника начальника политотдела училища по комсомольской работе.

Вот лишь один факт из биографии лейтенанта В.-Г. Танкиева, касающийся его службы в училище. В 1970 году в горах Карачаево-Черкесии к 25-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне состоялось важное мероприятие: открытие мемориального памятника-музея, посвященного защитникам перевалов Кавказа. На данное мероприятие были приглашены известные партийные, советские работники, прославленные участники Великой Отечественной войны, партизаны, подпольщики, прославленные участники боев за Кавказ, в том числе и из Чечено-Ингушетии. Среди гостей, удостоенных чести участвовать в данном мероприятии, был и молодой лейтенант, комсомольский работник лейтенант В.-Г. Танкиев.

В 1971 году в издательстве «Советская Россия» в Москве вышла в свет большая книга В. Гнеушева и А. Попутько «Тайна Марухского ледника», в которой авторы на большом фактическом материале расска-

зали о героической обороне Марухского перевала в годы Великой Отечественной войны, доблести советских бойцов и командиров, не пропустивших фашистов через Кавказский хребет. Есть в книге и страницы, посвященные открытию памятника защитникам перевалов Кавказа. На 454 странице этой книги есть слова и о комсомольском вожаке Ставропольского военного училища связи В.-Г. Танкиева, который выступил на данном митинге. Вот эти слова: «Он рассказал о своих друзьях-курсантах, о нынешних воинах Советской Армии, вооруженных не только сверхсовременным оружием, но и оружием старым, испытанным, проверенным в боях и походах – традициями отцов, их доблестью и славой, полученным в наследство вместе с боевыми знаменами, пробитыми пулями и хранящими кровь тех, кто сражался под ними» [1].

Работая в училище, Висин-Гирей прошел хорошую школу воспитания подрастающего поколения. Под его руководством и при личном участии в военном училище был создан и успешно работал несколько лет комсомольско-молодежный клуб будущего офицера «Честь». В заседаниях клуба принимали участие известные писатели, поэты, композиторы, художники, ветераны войны, труда, интересные, заслуженные люди. На работу комсомольско-молодежного клуба обратили внимание даже в Политуправлении Ракетных войск в Москве, и лейтенант В.-Г. Танкиев был удостоен чести 1967 году принять участие во Всесоюзной конференции «Клубы и молодежь». Выступая на конференции, он поделился опытом своей работы.

Однако молодой лейтенант понимал, что для успешного продвижения по службе его знаний недостаточно. И он решил готовиться к поступлению в известное в то время военно-учебное заведение – Военно-Политическую академию имени В.И. Ленина в Москве. Выдержав серьезные испытания, Висин-Гирей в 1970 году поступает в этот прославленный военный ВУЗ. Здесь ему довелось учиться вместе с Суламбеком Осканом, который позже станет первым героем России. В годы учебы, в январе 1972 года в назрановской районной газете была опубликована статья С. Осканова «Один из комиссаров» о своем друге В.-Г. Танкиеве. Там есть такие слова: «За отличную учебу, образцовое выполнение служебных обязанностей офицер неоднократно поощрялся командованием. Танкиев уверенно идет к намеченной цели, а цель – стать военным педагогом» [2].

1974 году с отличием окончил военно-педагогический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1974 по 1993 год проходил службу в Харьковском высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск им. Маршала Советского Союза Н.И. Крылова в должностях преподавателя, ст. преподавателя, заместителя начальника кафедры и последние 8 лет – начальника кафедры данного училища и в Харьковском военном университете. Полковник запаса.

В 1980 году в Харьковском государственном университете защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Взаимодействие партизан и подпольщиков с советскими войсками при освобождении Украины». В 1982 году получил ученое звание доцента. С 1995 года по 1998 год работал помощником-советником Президента РИ, министром по делам печати и информации. С 1998 года по 2010 год работал проректором по учебной и научной работе в Институте экономики и правоведения в г. Назрань.

Общий педагогический стаж работы В.-Г. Танкиева составляет более тридцати лет. В его работе удачно сочетаются черты ученого-исследователя, педагога-новатора и целеустремленного воспитателя. Большую часть своей сознательной жизни он посвятил благородному делу обучения и воспитания подрастающего поколения.

С 2011 года Висин-Гирей Танкиев работает ведущим научным сотрудником в отделе истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

Он опубликовал более 150 работ. Круг научных интересов В-Г.Х. Танкиева весьма широк и разнообразен: военная история; конституционно-правовые основы деятельности органов государственной власти РФ и зарубежных стран; проблемы развития высшего образования в РФ; международное гуманитарное право; история Ингушетии. Опубликовал ряд монографий, в том числе «Возникновение конфликтных ситуаций в воинских коллективах и пути их предупреждения»; «Ракетный щит Родины»; «Навечно в строю. Очерки о героях Советского Союза, навечно зачисленных в списки ракетных частей»; «Международное гуманитарное право» и множество других, одно перечисление которых займет слишком много времени [4, 5, 6, 7, 8, 14].

Значительная часть его научных работ посвящена истории партизанского движения на Украине во время Великой Отечественной войны [4, 5, 6, 7, 8]. Судя по работам В.-Г.Танкиева, его очень волнует судьба его малой Родины – Ингушетии [16, 17, 18, 19, 20]. С большой теплотой и любовью пишет он о нелегкой судьбе, выпавшей на долю ингушской женщины [9, 10]. Одной из редких удач для любого автора можно считать его прекрасную книгу о прекрасном человеке «Миг генерала Осканова» [3].

В.-Г. Танкиев часто выступает на международных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях с интересными докладами и сообщениями. Наряду с научной деятельностью активно участвует в общественной работе. Он является членом Общественной палаты РИ, членом штаба Общероссийского народного фронта по РИ, член штаба сторонников «Единой России» и ряда других общественных организаций. Регулярно выступает в печати и на телевидении.

За достигнутые успехи в научно-педагогической области В.-Г.Х. Танкиев награжден тремя орденами: Орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени; Орденом «За заслуги перед соотечественниками» I степени; Орденом Республики Ингушетия «За заслуги» и десятью медалями. За активную организаторскую, общественную и педагогическую работу неоднократно поощрялся Министром

обороны, Главкомом ракетных войск стратегического назначения, Главой Республики Ингушетия, награжден более 40 почетными грамотами. Награжден знаком «Отличник высшей школы СССР»; нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»; нагрудным знаком «Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия».

От большинства наших современников он отличается тем, что на всех должностях, на любой работе, в любом деле он всегда стремится быть первым, сделать свою работу как можно лучше, качественнее. С уверенностью можно сказать, что Висин-Гирей Танкиев является человеком, на которого может равняться подрастающее поколение.

Список литературы

1. Гнеушев В.Г., Попутько А.А. Тайна Марухского ледника. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Советская Россия». 1971.
2. Осканов С.С. Один из комиссаров // Знамя Ленина. Назрань. 25 января 1972 г.
3. Висин-Гирей Танкиев. Миг генерала Осканова. Воспоминания и размышления. Магас. 2010.
4. Танкиев В.-Г.Х. Деятельность Коммунистической партии по организации взаимодействия партизан и подпольщиков с советскими войсками при освобождении Левобережной Украины // На страже завоеваний Великого Октября, Харьков, 1978.
5. Танкиев В.-Г.Х. Вклад партизан и подпольщиков в Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. // Харьков, ХВВКИУ, 1982.
6. Танкиев В.-Г.Х. Партийное руководство организацией взаимодействия партизан и подпольщиков с частями Красной Армии во время освобождения Левобережной Украины (на украинском языке) // Сборник статей Харьковского университета №188, вып. 14, Харьков, Вища школа, 1979
7. Танкиев В.-Г.Х. ХВВКИУ РВ им. Маршала Советского Союза Крылова Н.И. – 50 лет. Краткий исторический очерк // Харьков, ХВВКИУРВ, 1991.
8. Танкиев В.-Г.Х. Проблемы гуманизации и гуманитаризации высшей школы // Информационный бюллетень №12/156/ Харьков, ХВВКИУРВ,1990.
9. Танкиев В.-Г.Х. Образ ингушской женщины в исторической литературе // Сб. научных трудов. Выпуск II. Назрань, ИЭиП, 2003.
10. Танкиев В.-Г.Х. К вопросу об этике ингушей // Сборник статей профессорско– преподавательского состава. Выпуск V. Назрань, ИЭиП, 2008.
11. Танкиев В.-Г.Х. Международное гуманитарное право и право прав человека: их сходство и различие (на русском и английском языках // Российский ежегодник международного гуманитарного права Санкт-Петербург, 2010.
12. Танкиев В.-Г.Х. Обычное право и обычные нормы международного гуманитарного права (на русском и английском языках) // Российский ежегодник международного гуманитарного права 2009. Специальный выпуск. Санкт-Петербург, 2010.
13. Танкиев В.-Г.Х. Об историографии имперской политики царизма на Северном Кавказе в ХУШ – XIX вв. // Вопросы истории Ингушетии, Вып. 8. Магас, 2011.
14. Танкиев В.-Г.Х. Ингуши и чеченцы в политике царизма на Северном Кавказе в ХУШ – Х1Х вв. // Вестник Орловского госуниверситета. № 5. Орел. 2013.
15. Танкиев В.-Г.Х. К вопросу об историографии депортации ингушского народа в Казахстан в 1944 г. // 70 лет депортации ингушского народа. Сборник научных статей. Магас. 2014.
16. Танкиев В.-Г.Х. В поисках достойного будущего (к 245-летию единения ингушей с Россией) // Материалы Всероссийской научной конференции «245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди». Назрань, 2015.
17. Танкиев В.-Г.Х. К вопросу о Кавказском походе Петра 1 // Вестник ИнгНИИГН им. Ч.Ахриева №2, 2016.
18. Танкиев В.-Г.Х. К вопросу о политике царизма по отношению к чеченцам и ингушам на Северном Кавказе в ХУШ – Х1Х вв. (На русском и турецком языках) // Журнал «Новая Турция». Анкара. 2015.
19. Танкиев В.-Г.Х. Кавказ и кавказцы в произведениях русских писателей и поэтов // Вестник Инг.НИИ ГН им. Ч.Ахриева №1, 2015.
20. Танкиев В.-Г.Х. Навеки вместе (к 245-летию единения Ингушетии с Россией) // Материалы III международного форума историков-кавказоведов 16 ноября 2015 г. «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства». Ростов-на-Дону, 2015.

Б.Б. Нанаева

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ: ВЕХИ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье показано значение Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы в интеллектуально-духовном развитии чечено-ингушского общества в эпоху социализма. Раскрыт весомый вклад, сделанный коллективом института в развитие гуманитарной науки советской страны.

Ключевые слова: Чечено-Ингушетия, научно-исследовательский институт, история, язык, литература, чеченцы, ингуши, советское государство.

B.B. Nanaeva

CHECHEN-INGUSH RESEARCH AND DEVELOPMENT INSTITUTE: MILESTONES IN THE HISTORY

Abstract: In the artical is revealed importance Checheno-Ingushskogo research institute to histories, language and literature in intellectual-spiritual development чечено-ингушского society in epoch of the socialism. Reveal open Weighty contribution, made by group of the institute in development of the humanitarian science of the soviet country.

Key words: Checheno-Ingushetiya, research institute, history, language, literature, soviet state.

История научно-исследовательского института – это история развития общества. Научные достижения института – это отражение уровня самосознания народа. Сегодня без Чечено-Ингушского научно-исследовательского института трудно представить себе историю чеченского и ингушского народов.

Научно-исследовательские институты в СССР были государственными учреждениями, в которых проводились научные исследования и разработки. Решение новых проблем нового советского государства потребовало организации коллективного труда учёных разных специальностей. Собираемые под эгидой института, они брали на себя – в рамках каждого сектора (отдела) – всестороннюю разработку проблем того или иного направления, а каждый сотрудник – в рамках своей специальности. Поэтому в НИИ были возможны и углубленная специализация исследований, и, одновременно, сотрудничество ученых, интеграция их научного потенциала. Кроме того, НИИ открывали для желающих возможности более быстрой, нежели в вузах, научной карьеры.

Эти преимущества сделали НИИ преобладающей формой организации научной работы в стране, основной структурной единицей в системе организации научной деятельности. Поэтому на территории СССР, в каждой автономной и союзной республиках была создана сеть НИИ, одним из звеньев которой являлся Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

Вместе с тем, финансирование государством и построение их деятельности на основе государственных планов создавали возможности для централизованного контроля науки со стороны тоталитарного государства. Особенно это касалось гуманитарных наук, задача которых заключалась в обосновании государственной коммунистической идеологии.

У истоков научно-исследовательской деятельности в Чечне и Ингушетии стоял Северокавказский институт краеведения, созданный в 1920 году. Он располагался в г. Владикавказе и проводил исследования в масштабах всего края.

5 декабря 1926 г. решением Народного комиссариата просвещения РСФСР, на базе этого института, а так же Ингушского литературного общества, созданного З.К. Мальсаговым в 1924 г. для объединения ингушской интеллигенции, и располагавшегося там же, в г. Владикавказе, образуется Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. После реорганизации Северо-Кавказского института краеведения, фонды научного музея, имевшиеся при институте, были разделены: часть фондов Института краеведения увезли в Ростов-на-Дону и на их основе был создан краевой музей горских народов Северного Кавказа, а часть была передана Ингушскому научно-исследовательскому институту. Ему так же была передана научная библиотека с уникальной литературой по кавказоведению.

Директором института был назначен О.С. Ахриев, к тому времени работавший заведующим Ингушским областным отделом народного образования. Его заместителем стал Мартиросиан Г.К., ученым секретарем – Семенов Л.П. В том же 1926 году при институте были созданы Ингушский научный музей и Ингушское литературное общество, бессменным руководителем которого продолжал оставаться З.К. Мальсагов. Музей и НИИ размещались в здании бывшего Константиновского училища в Музейном переулке г. Владикавказа, что способствовало успешной плодотворной деятельности института и музея.

Институт активно сотрудничает с ведущими научными центрами страны и коллектив ИНИИ являл собою многонациональную интеллектуальную элиту: проф. В.Ф. Раздорский, Х-Б. Ахриев, Л.Б. Беме, А.К. Вильямс. Почетными членами института были: академик Н.Я. Марр, члены-корреспонденты, профессора И.Н. Бороздин (г. Москва), проф. С. А. Гатуев (г. Ленинград), Б.К. Далгат (г. Махачкала), проф. А.А. Захаров (г. Москва), А.Н. Кириченко (г. Ленинград).

Штатными сотрудниками института являлись З.К. Мальсагов, Т.Д. Беков, М.Я. Немировский, В.А. Васильев, А.В. Аушев, И.А. Мальсагов, М.Ф. Аушев, Ф.К. Мальсагова, Д.Д. Мальсагов, С.З. Альдиев и др.

В 1930 году Народным Комиссариатом Просвещения РСФСР было принято постановление о реорганизации научного общества и краеведческого музея Чеченской автономной области в Чеченский научно-исследовательский институт краеведения имени

«Десятилетия Советской власти в Чечне».

Объединение Чеченского краеведческого общества и Грозненского научного общества, состоявшееся в 1929 году, обобщение материалов экспедиций, их издание и т.д., подготовили условия для создания научно-исследовательского института в Чечне. Уже в начале 1930 года правительством Чеченской автономной области было принято постановление о реорганизации научного общества и краеведческого музея Чеченской автономной области в научно-исследовательский институт краеведения с присвоением ему имени «Десятилетия Советской власти в Чечне» [1, с. 183; 2]. При институте были сформированы отделы: общественно-экономический, историко-археологический, этнолого-лингвистический, естественно-производительных сил [2]. Директором института был назначен М.А. Мамакаев [3].

7 сентября 1932 года Чеченский научно-исследовательский институт был реорганизован в научно-исследовательский институт национальной культуры Чеченской области с отделами истории, языка, литературы и искусства [4].

Первым шагом в создании Чечено-Ингушского научно-исследовательского института стало объединение 15 января 1934 года Чеченской и Ингушской автономных областей и создания Чечено-Ингушской автономной области. В том же году произошло объединение и научно-исследовательских институтов этих областей и создание Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и искусства.

В 1934 году создается Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства. [4] Филиал Ингушского института с научной библиотекой, насчитывавшей около 7000 томов книг, остался в г. Орджоникидзе (бывший г. Владикавказ) и работал по плану вновь организованного института.

Директором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института был назначен Заурбек Куразович Мальсагов. З.К. Мальсагов оставался в этой должности до своей скоропостижной смерти 14 мая 1935г. Затем директором института был назначен Саид-Бей Арсанбекович Арсанов, который проработал в этой должности до своего ареста в ноябре 1937 года.

5 декабря 1936 года стало новой вехой в истории чеченского и ингушского народов – Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в Чечено-Ингушскую автономную Советскую Социалистическую Республику, что стало новым этапом в развитии научно-исследовательской работы [5].

Но уже в 1938 году в период ожесточенных репрессий против интеллигенции республики работа института была приостановлена и возобновилась лишь в начале 1940 года. В 1944 году в связи с депортацией чеченского и ингушского народов в Среднюю Азию и Казахстан, институт прекратил свое существование.

9 февраля 1957 года Чечено-Ингушская АССР была восстановлена и 20 июня того же года в Грозном начал свою работу Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР [6].

4 мая 1994 года Указом Президента Чеченской Республики НИИ был расформирован [7], но уже через год – 24 мая 1995 года – восстановлен, [8] а с октября 1996 года существовал номинально до 2000 года [9].

После образования Республики Ингушетия в целях углубленного изучения материальной и духовной культуры, истории, языка, фольклора, литературы и экономики ингушского народа в 1993 году был открыт научно-исследовательский институт гуманитарных наук [10]. Он так же пережил сложный период, но эти трудности имели иной характер и имели иные причины. Прежде всего, они были обусловлены становлением института как самостоятельного научного учреждения. В условиях постсоветского «безвременья» необходимо было определить приоритеты научных направлений, решить проблемы комплектования кадров, сформировать команду не только способных, но и преданных делу возрождения республики научных работников.

В должности директора Ингушского института Гуманитарных наук в период с 1993 по 2014 гг. работали: Чахкиев Джабраил Юрьевич, Акиев Хасолт Алхастович, Мужухоев Макшарип Багаудинович, Муталиев Тамерлан Хаджибикарович, Куркиев Ахмет Бесланович, Дахкильгов Ибрагим Абдурахманович, Тангиев Бахаудин Батырович. С 2014 года директором ИнгНИИГН имени Ч. Ахриева работает Барахоева Нина Мустафаевна.

В разные периоды своего существования Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт назывался по-разному:

1934 – 1944 гг. – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства [1, с. 189; 11, с. 122].

1957 – 1975 гг. – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР [12].

1975 году институту присвоено почетное звание «Орден «Знак Почета» и назывался Чечено-Ингушский «Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР [13].

В 1977 году приказом Совета Министров ЧИ АССР от 20 августа 1977 г. институт был переименован в Чечено-Ингушский «Ордена «Знак Почета» институт истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР [14].

1988 – 1991 гг. – Чечено-Ингушский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии [15].

1992 – 1996 гг. – институт Гуманитарных исследований Чеченской Республики [16].

1993 – Ингушский научно-исследовательский институт Гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева.

Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт возглавляли:

в 1934 – 1935 гг. – Заурбек Куразович Мальсагов;

в 1935 – 1938 гг. – Саид-Бей Арсанбекович Арсанов;

в 1938 – 1940 гг. – работа института приостановлена;

в 1940 – 1944 гг. – институт восстановлен, но директор не был назначен, и периодически обязанности директора исполняли: Осман Даутович Долаков, Марьям Джац Чентиева, Ибрагим Абдураскиевич Оздоев, Дошлуко Дохович Мальсагов;

в 1957 – 1958 гг. – Дошлако Дохович Мальсагов;

в 1958 – 1970 гг. – Абдул-ХалимАсхабович Саламов;

в 1970 – 1972 гг. – Надирбек Керимович Байбулатов;

в 1972 – 1978 гг. – Сайд-Адлан Абдул-Халидович Сангариев;

в 1978 – 1985гг. – Надирбек Керимович Байбулатов;

в 1985 – 1991 гг. – Абубакар Ахмедович Манкиев;

в 1991 – 1996 гг. – Вахит Хумидович Акаев.

Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт – это колыбель национальной интеллигенции, которую с полным правом можно назвать интеллектуальной элитой чеченского и ингушского народов. При этом мы отличаем ее от элиты номенклатурной – административно-партийной прослойки чечено-ингушского общества, имевшей свои характерные черты и основания, отличные от элиты интеллектуальной.

Под национальной интеллектуальной элитой мы имеем в виду немногочисленную социальную группу научной интеллигенции, функциональная особенность которой определила духовное развитие чечено-ингушского общества в XX в., и продолжает определять в XXI в.

Несмотря на то, что институт родился в сложное для советского государства время и всегда оставался сугубо идеологическим учреждением, он был ориентирован на исследование стратегически важных для судьбы чечено-ингушского общества проблем. В первые годы советской власти – это становление письменности, выбор графики языка, определение диалекта как основы литературного языка, сбор и анализ краеведческого материала.

Затем акценты переносятся на разработку проблем Кавказской, Гражданской и Отечественной войн, восстановление исторической памяти народа и обоснование автохтонности чеченцев и ингушей. Как своеобразная дань за эту возможность изучения своего края – проблемы борьбы с т.н. «пережитками прошлого», к каковым были отнесены традиции и обычаи, составляющих код культуры любого этноса.

Рост кадров научной интеллигенции республики проходил через научные центры г. Москвы, Ростова-на-Дону, Дагестана, Грузии и т.д. Так, в институтах г. Москвы защитили диссертации на соискание ученых степеней сотрудники института – М.Д. Чентиева, А.И. Шамилев, В.Б. Виноградов, С.Ц. Умаров, М.Б. Мужухоев, С.-М.А. Хасиев, Ш.Б. Ахмадов, К.З. Чокаев, С.А. Исаев, Т.А. Исаева, А.А. Каратаев, З.И. Хасбулатова, Х.А. Акиев, В.Ю. Гиреев, И.Б. Мунаев, В.Х. Акаев, З.А. Мадаева, Х.А. Хизриев, Т.С. Магомадова, Р.К. Ужахова, Б.А. Кодзоев, Х.М. Мамаев, Э.Д. Мужухоева, Т.У. Кадырова.

Тесные творческие связи сложились между Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом и Грузинской Академией наук имени Шота Руставели. Научные сотрудники института всегда ощущали поддержку ученых Грузии. Научная деятельность многих сотрудников института связана с именами известных грузинских ученых: языковеда, академика АН Грузинской ССР с 1941 г. Чикобава Арнольда Степановича, специалиста в области кавказоведения, картвельских, нахско-дагестанских языков и общего языкознания, лексикографа, академика Грузинской АН ССР Ивана Вахтанговича Имнаишвили, языковеда, доктора филологических наук Давида Сильвестровича Имнаишвили, член-корреспондента Грузинской АН ССР, этнографа Алексея Ивановича Робакидзе, академика Академии наук Грузинской ССР Георгия Александровича Меликишвили, и др.

В Грузии защитили диссертации на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук по истории, языку, этнологиии т.д. И.Ю. Алироев, К.З. Чокаев, З.К. Джамбулатова, И.М. Саидов, А.А. Исламов, А.Х. Танкиев, О.В. Чапанов, А.Т. Карасаев, С.М. Джамирзаев, Х.В. Туркаев, Ю.А. Айдаев.

Большую поддержку в росте национальных кадров оказывали научные центры Дагестана. Так, в 1959 г. для Чечено-Ингушетии было выделено 8 мест в аспирантуры филиала, в том числе: три – физикам, два историкам, куда были приняты З.А.-Г. Гойгова и И.М. Саидов, три лингвистам, куда поступили И.Ю. Алироев, А.У. Мальсагов, М. Чапанов. Особо следует сказать о дагестанских ученых, которые в трудные годы восстановления республики помогали чечено-ингушскому народу обретать свою научную нишу. Это президент Дагестанского филиала АН ССР академик Хабибула Ибрагимович Амирханов, вице-президент филиала, доктор исторических наук Хаджи-Мурат Хашаев, директор Института истории, языка и литературы, профессор Гаджи-Али Даниялович Даниялов. Здесь защитили диссертации А.У. Мальсагов, Ю.А. Айдаев, А.А. Манкиев, Х.Ю. Саидова, М.М. Мустафинов, Д.Д. Межидов, Я.З. Ахмадов, Б.Б. Нанаева.

Большую роль в подготовке дипломированных кадров для Чечено-Ингушетии сыграли научные центры г. Ростова-на-Дону. Здесь защитили диссертации Х.Ш. Нальгиева, Г.А. Ерещенко, Я.З. Ахмадов, Ш.Б. Ахмадов.

В Кабардино-Балкарском госуниверситете в г. Нальчике защитила диссертацию М.А. Каратаева, в институте АН Азербайджанской ССР г. Баку – В.Ю. Гадаев.

Научная интеллигенция, работавшая в стенах научно-исследовательского института, представляла собой узкий круг генераторов научных идей, так необходимых для формирования самосознания чеченцев и ингушей. Их отличали широта знаний, креативное творчество, высокогуманные личностные качества, а в условиях тоталитарного режима – и личное мужество. Они были одержимы стремлением к этнической самоидентификации, защите интересов своего народа.

Процесс формирования этнокультурной элиты народов в эпоху социализма – процесс неоднозначный, противоречивый. С одной стороны – политика центра, направленная на централизацию и построение вертикали власти, и, в итоге, к деэтнизации многонационального государства, затрудняла возможность выполнения своей первоочередной задачи: отстаивания интересов своих этносов. С другой стороны – это период необычайных успехов в развитии национальной культуры и науки. Поэтому эти поколения интеллигенции испытали на себе не только тяжелый груз горьких разочарований, но и познали радость высокого творческого подъема. Неповторимый дух эпохи наполнен, с одной стороны, воодушевленным энтузиазмом ученых и верой в значимость своего труда, и, с другой, зависимостью, несвободой этого духа.

Но, тем не менее, коллектив института внес весомый вклад в развитие гуманитарной науки страны. В этот период была создана чечено-ингушская письменность, национальные литературы, налажена сеть печатных изданий на национальных языках, система школьного и вузовского образования, культурных учреждений и т.д. Показателем этих успехов стали достижения в развитии общественных наук: истории, языкознания, литературоведения, этнографии, археологии.

Таким образом, обращение к духовному потенциалу своего народа необходимо, чтобы найти ресурсы его дальнейшего развития. Процесс становления гуманитарных наук, формирование научной элиты чечено-ингушского общества не могут быть правильно поняты и оценены без знания тернистого пути, пройденного Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы. В самой истории института, в его взлетах и падениях отразилась история чеченского и ингушского народов – со дня создания советского государства и до последнего дня его существования.

1920-1991 годы советской власти – это время необычайного взлета культуры и просвещения чеченского и ингушского народов. Несмотря на строгую цензуру и идеологический диктат со стороны советского государства, Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы внес достойный вклад в развитие гуманитарной науки страны, и стал стартовой площадкой для ученых, которые обеспечили заслуженную славу этому институту и достойно представляют миру гуманитарную науку чеченцев и ингушей.

Список литературы

1. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920 – 1940 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974.
2. ЦГА ЧИАССР, ф. 586, оп. 1, ед. хр. 75, л. 10.
3. ЦГА ЧИАССР, ф.310, оп.1, ед. хр. 9, л. 1.
4. ЦГА ЧИАССР, ф. 586, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3-4.
5. В 90-е годы XX в. после распада СССР, а затем и Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики, на ее территории образовались два субъекта Российской Федерации: Чеченская Республика (1991 г.) и Республика Ингушетия (1992 г.).
6. Постановление Совета Министров ЧИАССР от 20 июня 1957 года.
7. Указ Президента Республики Ичкерия, № 90 от 4 мая 1994 года «О расформировании НИИ Гуманитарных наук».
8. Постановление Правительства ЧР, № 261 от 24 мая 1995 года «О восстановлении НИИ Гуманитарных наук».
9. Акаев В.Х. – директор института в 1991 – 1996 гг.
10. Постановление Совета Министров ИР от 27 мая 1993 г., Приказ №43 Министерства образования и науки ИР.
11. Джамбулатова З.К. Из истории научно-исследовательской работы в Чечено-Ингушетии (1920-1941 годы) / Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при Совете Министров ЧИАССР, Т. IX. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1964. С. 122.
12. Постановление Совета Министров ЧИАСС // Грозненский рабочий. 21 июня 1957 года.
13. Постановление Совета Министров ЧИАССР № 651 от 18 августа 1975 года.
14. Постановление Совета Министров ЧИАССР №4 от 20 августа 1977 года.
15. Постановление Совета Министров ЧИАССР № 320 от 29 сентября 1988 года.
16. Акаев В.Х. – директор ЧИ НИИ с июня 1991 года: институт переименован в июне 1992 года.

Н. Х. Рамазанлы

КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК И ПРОБЛЕМЫ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ТЕХНИЧЕСКИХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы взаимодействия гуманитарных и фундаментальных наук.

Ключевые слова: взаимодействие, эволюция, естественные, технические, общественные и гуманитарные науки, научно-теоретическое творчество.

N.H. Ramazanli

CLASSIFICATION OF SCIENCES AND PROBLEMS OF THEIR INTERACTION (IN A CONTEXT OF EVOLUTION OF NATURAL, ENGINEERING, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES)

Abstract: The article considers the problem of interaction between the humanities and basic sciences

Key words: cooperation, evolution, natural, technical, social sciences and humanities, scientific and theoretical work

Совокупность любых научно обоснованных особенностей, свойств, связей является системой знаний, которая составляет объект познания, в том числе, проявляет объективность в отношении познания исторических форм деятельности и коммуникабельности людей, считается философской категорией, подчиняется социально-общественной, общей хронострати графической шкале, и выступает таксономической единицей, воссоединяющейся вокруг указанной шкалы, отражает этапы развития общества на различных ступенях, которое делится на века, полувека, хронозоны, которые составляют геохронологический эквивалент, непосредственно распространенный на единые планетарные, а иногда на одну или на несколько биогеографических областей, соблюдает на современном этапе временной интервал анализов, которые составляют процесс разложения целостности на различные составные части, касательно путей всестороннего исследования вопросов анализа, изучения, познания, освоения понятий общества, являющихся совокупностью индивида – человека, который стремится к совместной деятельности и к воссоединению общественно-экономической формации, благодаря которой укрепляется материально-нравственная база.

И при этом целесообразными считаются научно-теоретическое творчество, которое охватывает деление труда, практику, профессиональную специальность за счет знаний и способностей, познания истории Земли, естественных наук, факторов, благодаря которым демонстрируются часть или вся реальность проявления самой ситуации, составляющей объект познания – действия на основе приобретенных объектов, познания актуальных, реальных, ведущих методов, которые обусловлены с познанием прошлого, и мудрости, признанием тех проблем, которые обладают возможностью предотвращать трудности, противоречия благодаря знаниям и навыкам.

За нынешнее, хаотическое время все объективные факты искусственной и цепной среды принуждают выступать с мнением, касательно совокупления всех познавательных направлений глобальной макро (большие, крупногабаритные) и микро (мелкие, сложный словарный состав) среды, которая всецело охватывает бесконечное и общее, по сути, составляющие системную форму и находящиеся во взаимодействии [4, с. 3-8]. Несмотря на отсутствие отдельного совокупления различных процессов, событий, материально-нравственной жизни, объективного и субъективного мира, в окружении которых человек-индивид старается непосредственно и убедительно доказывать факты практики, единых, современных отраслей науки, интеграцию единых наук, и наук, примыкающих к социально-экономическим процессам, к числу которых относятся газы, составляющие атмосферу, водяные пары, аргон, различные газовые пары, азот, кислород, благодаря которым формируется сама жизнь, которая заключается из высокого качества и односторонности физических и химических факторов, движения живой материи при этом, содействуя к передаче на передний план благоприятных условий, владеющих удельным весом в процессе бесконечности для сближения важнейших особенностей, касательно самой сути синтеза, из чего состоят процессы воссоединения отдельных частей всего целого, которое входит в сферу взаимного воздействия среды с организмом и при взаимодействии плотного объема и компонентов, которые выступают составными частями фаз, физических и химических компонентов в связи с факторами и понятиями, что существуют в физике, химии и в геологии, и в связи с научными факторами и составной частью любого тела, благодаря чему оживляются научные факторы, которые принимаются в качестве процесса развития в человеческом мышлении, в качестве научного и объективного факта, которые являются частью действительности определенных факторов проявления тех событий, из коих состоит объективность человеческого сознания и человеческой деятельности.

Теория, которая обеспечивает применения реальных факторов в науке, классификации, логического подхода, сути и понятия предмета способна формировать в пределах науки главнейших методологических вопросов, гипотез, задач и единую теорию, познать анализируемые объекты, и создавать благоприятные условия с целью оказания сильнейшего стимула для возникновения связи между отличительными и схожими чертами по поводу того вопроса, когда речь идет об отношениях к составу, для языка классифицируемой теории, ее системы, биологической систематизации, и для систематики химических элементов [13] В рамках базы теоретической классификации с

помощью знаков, символов, таблиц и диаграмм выражается системная форма двух факторов:

а) логическим путем; б) еще больше уточняются смысловые особенности процесса построения на основе операций, если конкретизация происходят в трехмерном порядке, что выясняет тенденцию к практике, которая по сути, либо изучает универсальность в первой системе, либо классифицирует функций терминов по единой систематизации, либо уточняет процесс их использования;

К процессу конкретизации в трехмерном порядке относятся следующие:

а) классная система; б) операция структур; в) исследуемый предмет.

При всестороннем исследовании теоретических вопросов, ведущего проблемного характера, число которых не превышает трех, следует указать, что здесь первой средой является «глобальность», которая оказала содействия ускорению всех областей науки, вторая среда приняла всех неразумных условий времени, а третья среда, однозначно, после обеспечения взаимоотношений по другим научно-теоретическим вопросам, приобретает возможность ориентации к точкам оборотного движения, и, в конечном счете, взаимообусловленность переходит от общего к частному, отсюда к личности и в заключении к единому этапу и наконец, в объективной форме формирует общечеловеческое историческое развитие и закономерностей, благодаря которым возникает неизбежное повторное движение [2, с.114-136]. При решении формальных этапов, которые базируются не на изложенные научные содержания, а только на форму, и которые во многих случаях считаются концепцией аксиоматического метода, первые из них синтезируют процесс общего развития и его внутреннюю логику. То есть, любая отрасль науки непосредственно обеспечивает общечеловеческие характеры, тогда как вторые добиваются раскрытия психологического характера, который считается сферой научного поведения о закономерностях развития и сферы действия психики, которая выступает специальной формой жизни и деятельности, принадлежности – особенностей созревания благоприятных условий для исторического воссоединения конкретности развития локальных направлений и факторов путем синтеза изменения важнейшего значения в зависимости от понятий и обозначений. Взаимодействие наук направлено на определение их последовательных действий и определенных целей и на их взаимное дополнение во время того процесса [5, с. 3-10.] что считается совокупностью основного понятия. Несмотря на то, что при этом научно – теоретические вопросы являются многочисленными и многогранными, все – таки при этом рекомендуется эффективность подхода к нему с точки – зрения пяти аспектов:

а) когнитивность в ходе психологических процессов, полностью опровергающие бихевиоризм, одновременно в поведении людей, в том числе, при ведущей роли знаний;

б) популизм, охватывающий процесс заселения определенной территории определенным народом;

в) коммуникативность того направления, что определяет процесс обеспечения взаимопонимания и социального общения;

г) социальная организованность;

д) социальная психология

Аспект, который привлекает, совокупляет и формирует воззрения с понятиями или с теми или с другими сторонами какого – либо предмета, взаимно дополняющего друг друга на современном этапе, воссоединяет в системном порядке ведущие принципы, а также три руководящие идеи – общечеловечности, поведения и коммуникации:

а) геология, которая считается комплексом наук о Земляной коре и слоях Земли, минералогия, которая исследует минералы, их состав и кристаллическую структуру, свойства, и условия их возникновения в природе, биология, являющаяся учением о жизни, филология, которая подтверждает суть, историю нравственной культуры того или другого общества на основе проведения анализов с точки – зрения языка, стиля, содержания гуманитарной научной дисциплины, которая изучает памятники письменности устной народной литературы; механика, которая считается научной дисциплиной о взаимодействии и механическом действии любого тела;

б) физика, которая повествует о веществах материальных движущих сил и об их отраслевых свойствах, о законах движения, о физической и химической структуре атомов, о гравитации, электромагнитных взаимодействиях;

b) математика, которая действует как ведущая научная дисциплина о количественных соотношениях и пространственных формах реального мира, география, которая входит в систему общественных и естественных наук, которые изучают панораму Земли, ее природные и территориальные производственные комплексы, а также компоненты, химия, которая как научная дисциплина изучает химические элементы, и формирующие их вещества, химические реакции и законы, которым подчиняются эти реакции, геохимия, которая считается наукой о процессах миграции и распространения элементов, химического состава Земного шара, естествознание, которая совокупляет в единой системе многочисленные вспомогательные предметы в качестве небесных наук, занимающих важнейшее место в системе научных дисциплин о развитии и структуре Вселенного, систем и космических тел, технические науки: методология, которая является совокупностью средств, методов и способов познания, которые применяются через систему определенных наук, изучает принципы и действия регулятора познавательного характера, и составляет основу всей отрасли знаний; сопротивление материалов, которое является наукой о конструкции и прочности, деформации (условности) и стойкости; металловедение, которое является научной дисциплиной, изучающей состав и структуру металлов и их сплавов, взаимосвязи между их свойствами, их защиту от тепловых, механических, химических воздействий и закономерностей их изменчивости; химическая технология, которая является научной дисциплиной о природном сырье, полуфабрикатах, и о совокупности

средств и способов химической обработки; тепловая техника, которая является отраслью, занимающейся получением тепла, и их применением в промышленности, аграрном хозяйстве и в быту; в том числе, общественные науки: философия [9] – логика, которая способна размещать и анализировать самые общие закономерности, которым подчиняется процесс познания не только человеческого мышления, но и бытия (природы – общества); социология, психология, которые отражают научную совокупность, теорию, воззрения о структуре знаний, всецелом об обществе и о различных сферах общества; история, которая является той наукой, что всесторонне и конкретно изучает процесс развития природы и общества, прошлое Вселенной, Земного шара, химии, физики, математики, искусства, человеческого общества; наука археологии, изучающая прошлое истории на основе материальных и нравственных источников; технология, которая повествует о средствах и способах обработки реальных материалов и полная совокупность других научных дисциплин и предметов естествознания, а также само естествознание, которое считается теоретической основой и научной основой одного из трех важнейших сфер человеческого мышления (общество, мышление, промышленность – техника), техника – совокупность всех средств, оказывающих содействия высокой продуктивности человеческого труда и средств производства, общественные науки, взаимообусловленность отраслей производства, считающихся коэффициентом стоимости услуг или рыночного и нерыночного продукта, выпускаемого во всех отраслях экономики излагаются П.Н. Федосеевым[12], который в свою очередь, указывает, что он является одним из показателей качества и служит трем основным направляющим ориентирам интеграции, применимой для изложения изученного мнения: а) экономика; б) производство; в) технические изменения. Заключительным этапом всех этих изменений является техника. Периодические технические революции, возникшие с социальной точки– зрения вытекают из широкомасштабного развития процесса познания, которое, всецелом, является познанием самого общества, а в отдельности социальных групп, индивидов и, несмотря на их взаимосвязь, прошлые и современные научные отраслевые комплексы вынуждены делиться на две ведущие и решающие категории: проблемы, принадлежащие к первой категории являются локальными проблемами с ограниченным профилем. Оттого, что проблемы второй категории охватывают научно– теоретические сферы, они носят универсальный–всесторонний характер, и одновременно действуют по методологическим, функциональным направлениям прошлых и настоящих этапов. Но раскрытие сущности вопроса и удовлетворение человека моральными и материальными субъективными научными сферами непосредственно ощущает потребность к всестороннему синтетическому вмешательству в случае достижения им предела аналитической невозможности и в последнем этапе завершается классификацией наук, то есть, в это время наряду со всеми научно–теоретическими сферами возникает сильная потребность по поводу анализа таких ведущих отраслей, как логика, психология, наука и техника, история литературы и искусство. Здесь также требуется эволюция наук и их взаимное сближение, вегетация, гибридизация, генетическая связь и более чем сплоченное приближение многочисленных научно-теоретических возможностей. Во время гибридизации наук на передний план выходит процесс механического сближения те самые сферы, чьи многочисленные научные методы переживают большой кризис. Здесь возникают благоприятные условия для формирования этапов проектирования новейших знаний благодаря агрессии, в результате чего увеличивается активная роль технологической сущности. Основная роль технологии таких отраслей производства, как гончарное дело, сплав фаянса, стекла, руды, металлургия приводит в Северном Азербайджане к созерцанию социального управления и культурного воззрения и функций, с помощью которых осуществляется управление на научной основе общественной жизни, технологии[11, с.15-20] – техники производства, необходимого для развития общества, концентрации всех трех ведущих сфер, указывающих на концентрацию капитала и производства в одной сфере или у одного человека. Естественные социальные законы составляют субъективную сторону познания человеком природы и факторы, которые воздействуют на процесс познания, а также составляют объективность, которая находится в объективном движении и тесно связана с субъективностью, и направлена на реальную сторону предмета и специфическую [6, с.183-188] методологию технических наук [8], относится к предмету технических наук [7, с. 83-94] и различает их от других научных дисциплин. Несмотря на то, что химические системы составляют научную дисциплину, изучающую массовый характер естествознания, превращений химических элементов и законов, коим они подчиняются, но все-таки прирастает склонность проблем к непосредственной гуманности недавно возникших технических сфер, точнее благоприятные условия создаются для изучения природы и потребности к творческому труду человека[1, с.48-50]. Индивидуальные возможности всех трех ведущих отраслей достигает уровня, который равняется $3^3 = 27$.

Внесение понятий о гомогентетерогенности международного взаимного действия для обеспечения полного завершения и полного отражения взаимного подхода, непосредственно обеспечивает полного освоения сущности его познания. Если в первом случае, повышается роль одинаковых компонентов во внутренней структуре наук, то во втором случае повышается ценность научно-теоретических информаций и в конечном результате в системе участвуют различные компоненты, но в это время состав однородных свойств, три процента гомогенных образований в форме газа и жидкости равняется 24% гетерогенных образований, которые считаются основанием для химических реакций между нефизическими веществами и материями, неоднородному по составу.

При этом велика роль полезных ископаемых, полученных и применимых в производстве фарфоровых – фаянсовых предметов[3, с.141-146], которые

считаются одним из отраслей древнего гончарного дела в Северном Азербайджане и других природных ресурсов, изготовленных из них, материала-сырья с последующей повторной обработкой, а также применения угля, горючих сланцев, руды и гидравлической энергии, которые составляют основу трех производственных компонентов, что повышают удельный вес тепловой энергии, которая всесторонне и тесно связана с техническими и химическими науками. Многовековые практические анализы доказывают, что благоприятные условия созданы для углубления взаимного развития, благодаря чему выявляются закономерности тепловой энергии, и близкие связи с другими научными дисциплинами, содействуют организационной способности ведущих факторов производственной базы общества[10].

Если начиная с самых древних времен и продолжая до 30-50-х годов XX века, процесс ускоренного развития возникло в результате проникновения в глубины природы, то оно всегда уступало первому, когда дело касалось вопросов технологического аспекта. В целом, известно, что все науки естествознания, в том числе, химическая технология слишком тесно связаны с материальным производством. Люди на протяжении всей истории пользовались важнейшими пяти факторами для получения от природы таких необходимых материалов, как фарфор, фаянс, клеящие растворы, фаянс – стекло, красящие порошки, минералы, металлы, вещества фармакологии, каучук, пластмасс, искусственные волокна, удобрения и многочисленные ценнейшие материалы: первые особенности генезиса возникновения предметов, охватывая два тысячелетия, прошел длинный путь от натуралистической философии до Р. Бойля. Связь различных сфер искусства с натуральными философами в течение всего процесса развития оказались слишком слабыми и односторонними, химия искусства оказывает сильное воздействие на философов, занимающихся этой отраслью в отличие от натуралистов. При этом противоречия возникали по поводу факторов пользования растворами «микиш» взамен механических факторов, и это противоречие самостоятельно развиваясь до II-III веков новой эры, замещалось структурной химией, уже начиная с XIX века.

В древние времена, в том числе в период античности – в археологические времена наука удовлетворялась внутригрупповыми процессами, составляющими единое целое вокруг философии, их позицией, статусом членов общества, тогда как дифференциальная социальная форма с помощью, которой осуществлялись социометрические методики, удовлетворялась совокупностью направлений внутренней (материальной) и внешней (нравственной) деятельности в состоянии синтеза.

Но во времена исторической античности в этих ведущих областях начали ощущаться положительные прогресс и оживление. Например, стоики считали, что единая научная система классификаций подчиняет процесс определения специфической природы культуры к возможностям трех факторов:

а) отправлена как реальная информация;

б) каким образом должна доставляться информация;

в) какова должна быть суть информации, когда она доставляется реципиенту.

Для осуществления всех вышесказанных, требуется сущность информации – сведения, многочисленные взаимосвязанные элементы, объективные методы, не владеющие принудительной структурой или широкие анализы факторов и особенностей интуитивных систем. Так как, согласно вторым, символы, используемые в качестве шифры, состоят из атрибутов. Здесь информация дается в обязательной форме, то есть, в состоянии отсутствия любого направления. В составленной диаграмме все вопросы, о коих идет речь, основаны на одни или несколько аксиом по его оформлению. Здесь большое преимущество дается третьему этапу системы трех аксиом: идентификации (объект между другими объектами); прерыванию отношений, указывающих на громадность маркированных объектов. В конечном результате столики были вынуждены делить систему единой классификации на три части: а) мнение, логика, этика – мораль; б) о мире. Аристотель (384-322), Абу Али ибн Гусейн ибн Абдуллах (?-980), Сина, Хай Плений Секунд (Маиор) Большой (23/24-79), пытающие доказать, что мнение не несет научно-философский, а несет эмпирический (практический) характер, в произведении «История природы» (состоящего из 37 книг), разделили научные знания на тесные и неотделимые части:

а) по небесным наукам и астрономии: геофизика, геология, физика, химия; б) по географии: страна и народоведение; в) по антропологии: анатомия, физиология человека; г) по истории культуры: этнология; д) по экономике; е) по зоологии: животноводство и использование его изделиями; и) по ботанике: культивация растений и пользование его продуктами; з) информация о формации и фармакологии, о медицине; ж) по металлографии: металловедение, металлургия, обработка металла; к) по горнопромышлен-ным методам; л) по живописи и изобразительному искусству; м) по минералогии, силикатам; н) технология и минералогия камней; о) по смешанным материалам: цветные металлы, камни и краска для стекла.

Во времена раннего и развитого исторического и археологического средневековья больше всего выбираются программы, создающие угрозу для изложения и объявления путей разрешения любых вопросов, активной деятельности, проблем по содержанию и сущности, а также путей познания формы. В период развитого средневековья Абу Юсиф ибн Исхаг Аль-Кинди (800-870), Аль-Фараби Абу Наср Мухаммед ибн Тархан (870-950), Юмал Мухасиб, Аль-Хаваризми Абу Ханыд Мухаммед ибн Мухаммед Ат-Туси Аль Газали (1058-1111), Абу Али Гусейн ибн Абдуллах ибн Сина (-980), Абдульгасан ибн Марзбан Бахманяр (?-1066)[14], Джамал (Низами), Ад-Дин Абу-Мухаммед Ильяс Юсиф ибн Зеки Муаяд Низами Гянджеви (1141-1209) [15] Сейид Али Имададдин Насими (1369-1417), Насраддин Туси Абу Джафар Мухаммед ибн Гасан ибн Али (1201-1274)[16] и многие другие с большим воодушевлением стремились к развитию взаимосвязи между научными и искусственными знаниями и всегда считали, что большие стратегии являются главной целью.

Список литературы

1. Викторова В.Д. Археологический факт. // ВАУ, 1975, вып. 13.
2. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // ЖСА, 1973, №1.
3. Давыдова Л.Г. О некоторых методологических основаниях историко-технических исследований. Материалы конференции 3-4 июня 1971. Вып.1, Л.: ИИЕТ. Типогр. №2,1972.
4. Деопик Д.В. Керамический комплекс и культурный слой // КСИА, вып. 148,1977.
5. Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая. Сбор. // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
6. Казаков А.П. О закономерностях сближения общественных и технических наук. Сбор. (Материалы конференции 3-4 июня 1971). Вып.1. Л.: ИИЕТ. Типогр. №2,1972.
7. Каменецкий И.С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. Сбор. М.: Наука,1970.
8. Кедров Б.М. Взаимодействие наук. Теоретические и практические аспекты. М.: Наука, 1984, 319 с.
9. Косолапов В.В.Методология и логика исторического исследования.К.: Вища школа,1977, 382 с.
10. Курно А.О. Auqustin A. Cournot sein Beitrad zur exsacen wirtschaftwiessens chaft. Tubunqen,1954. («Исследование математических принципов теории богатсва»).Париж, 1938; Из кн.: Аникин А.В. Юность науки. М.: Политическая литература, 1981, 382 с.
11. Мелещенко Ю.С. О некоторых объективных основах взаимосвязи общественных и технических наук. Сбор. (Материалы конференции 3-4 июня 1971). Вып.1. Л.: ИИЕТ. Типогр. №2, 1972.
12. Федосеев П.Н. Мировоззрение философ. Наука (Новое в жизни науке и технике). Серия «Философия». М. Знание, №1, 1979, 64 с.
13. İsmayılov Ə.N. Üzvi kimya. B.: Maarif, 2005, 439 s.
14. Məmmədov Z.C. Bəhmənіyarın fəlsəfəsində «ilk səbəb» və «nəticə» anlayışlarına dair. AEA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə, hüquq seriyası. 1973 №3, s.106-116; Bəhmənіyar ibn Mərzban (Əbülhəsən). Təbiət-Mabədət-Metafizika elminin mövzusuna dair traktat. 1851. Leypsiq nəşri,1911.
15. Nizami Gəncəvi. Poemalar (Tərtib. Ş.Mikayılov., A.Bəşirova. Redaktor Ə.Naxçıvanlı) B.: Maarif, 2002, 240 s; Əlimirzəyev X.X. Nizami Gəncəvinin insan konsepsiyası. B.: Elm və Təhsil, 2001, 354 s ; Kərimli T.H. Nizami və tarix. B.: Elm,2002, 244 s; Низами Гянджеви. Собр. соч. в пяти томах.М.: Художественная литература, том, I. 1965,382 с; Его же. Том II. 1985, 478 с; Его же. Том III. 1985, 365 с; Его же. Том. IV. 1985 365с.
16. Tusi Xacə Nəsirəddin (Redaktor C.V.Qəhrəmanov., M.S.Sultanov). Əxlaqi Nasiri. AMEA, Əlyazmalar İnstitutu. II nəşri. B.: Elm,1989, 256s; Quliyev A.İ. Nəsirəddin Tusinin siyasi görüşləri. B.: Azərnəşr,1995, 148 s; Rzayev A.Q. Nəsirəddin Tusi: Həyatı, elmi, dünyagörüşü. B.: İrşad,1996, 266s.

С.А. Шадиев
И.А. ДАХКИЛЬГОВ – УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

Аннотация: Автор статьи рассказывает о жизни и творчестве известного ученого, писателя, педагога и бывшего директора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева Дахкильгова Ибрагима Абдурахмановича, о его личном вкладе в дело развития науки, литературы и просвещения Ингушетии.

Ключевые слова: педагог, фольклор, нартские сказания, писатель, монография, литература.

S.A. Shadiev
I.A. DAHKILGOV – SCIENTIST, WRITER, TEACHER

Abstract: the author of the article tells about the life and work of a famous scientist, writer, teacher and former Director of the Ingush Research Institute of humanitarian Sciences. H Ahrieva Dahkil′gove Ibragim Abdurahmanoviče, of his personal contribution to the development of science, literature and education in Ingushetia.

Key words: teacher, folklore, legends, nartskie writer, monograph, literature.

Герой этой статьи является одной из замечательных личностей Ингушетии. Писать о нем легко, потому что есть о чем писать, но вместе с тем и не так просто, ибо трудно охватить и осмысленно поведать о его большом жизненном пути и богатом и разнообразном научном и литературном творчестве. А оно проявилось у него в науке, просвещении, фольклористике, литературоведении и журналистике.

Мне, автору этой статьи, приходилось и раньше писать о творчестве Ибрагима Дахкильгова. На правах давнего друга и коллеги позволю себе далее называть его просто по имени. Я писал предисловие к его книге «Ингушские сказания, предания, сказки и пословицы», изданной в 1988 году. Однако рамки предисловия не позволили мне остановиться на его творчестве обстоятельнее, как этого хотелось бы.

С 1957 года по 1962 год я учился с Ибрагимом в одном ВУЗе и в одной группе. Я, как редактор со стажем, редактировал его некоторые книги, и, наконец, мы не один десяток лет сотрудничали в одной писа-

тельской организации и в одном научно-исследовательском институте гуманитарных наук Ингушетии. Он в должности директора института, я в должности старшего научного сотрудника этого института.

Многолетнее дружеское и творческое содружество позволяет лучше узнать и понять человека. Конечно же, писать о нем при этом значительно легче. И все же, приступая к написанию этого очерка, я вновь и вновь вспоминаю детали истории его семьи, всплывают в памяти его рассказы о своих предках, некоторые подробности из их родословной.

Род Дахкильговых принадлежит к древнему и сильному братству Богатыревых из древнего Эгикала. Потомки прародителя Дахкильга были в числе тех, кто к восьмидесятым годам XVIII века из Ангушта (ставшего уже новой столицей Ингушетии) переселились к местности Назрань. Потомки этих сыновей и стали называть себя Дахкильговыми.

Внук Дахкильга по имени Г1айтакх (по-русски Гайтуко) был среди тех именитых мужчин, которые подписали исторический повторный договор о единении Ингушетии с Россией в 1810 году. Под этим договором его имя Кайтуко стоит четвертым в фамилии «Агиевых» т. е. «эгикальцев». Внук этого, весьма прославленного Гайтака, Боскар, с детства отличавшийся среди своих сверстников, был дедом отдан на воспитание в какую-то (уже забытую) знатную кабардинскую семью. В этой семье он воспитывался пять лет. Сам же Гайтак руководил одним из отрядов ополченцев (как тогда называли, «горской милицией»).

Боскар знал осетинский, кабардинский и русский языки. Сам был осетинским зятем. Знал на уровне общения и кумыкский язык. Благодаря знаниям языков, стати и мужеству, со временем стал личным адъютантом по связям с населением генерала Слепцова. По его воспоминаниям автор Кулебякин в 1911 году написал и издал книгу под названием «Сипсо». Боскар имел исламское образование и уже в преклонном возрасте совершил паломничество в Мекку, приобрел сан «хаджи». Но сыну своему он решил дать светское образование. Хусейн (такое имя было у него) учился в Ставропольской гимназии. Многие годы (до 1918 г.) он был судебным чиновником. Был знаком с осетинским поэтом Коста Хетагуровым. «Дерево сильно корнями», − говорят в народе. И потому интересно «зреть в корень». Тогда открываются какие-то интересные страницы из жизни человека. Сын Хусейна, Абдурахман, отец Ибрагима Дахкильгова, по образованию был педагог и работал вначале своей трудовой деятельности директором Балтинской школы, сейчас это село под юрисдикцией СО АССР. Его супруга, мать Ибрагима, тоже была учительницей этой школы. Жили они во Владикавказе, в доме, построенном Боскаром, т.е., дедом. В этом доме в 1937 году и родился их сын, которого они назвали Ибрагимом. Мальчик рос любознательным и умным. Ибрагим вспоминал свои детские годы, рассказывал как в первые годы Отечественной войны в их доме поселилась съемочная группа, которая снимала художественный фильм «Суворов». Ибрагиму казалось странным, почему актеры этого фильма клеили себе усы и бороды, а женщины одевали какую-то странную одежду, которую тогда никто не носил.

Отец Ибрагима, Абдурахман, как директор школы имел бронь, т.е. не призывался в армию. Однако он решил оставить школу и пошел служить во внутренние войска. Отряд, которым он руководил как офицер, нес службу в Гехчинском ущелье и дальше по этой горной зоне. Туда ночью забрасывались диверсанты. Перед ними стояла задача отлавливать их или уничтожать. Семья его, вместе с Ибрагимом перебралась в селение Гехи. Утром 23 февраля 1944 года Абдурахман находился на задании в горах, а его семья была вывезена в Урус-Мартановскую мечеть. Абдурахман был спешно отозван с задания, ему предложили сдать табельное оружие и документы. Офицер, руководитель всей боевой операции, Тарабанов выразил ему свое сожаление и помог соединиться с семьей. С грустной задумчивостью вспоминал Ибрагим длинную дорогу по бескрайним завьюженным степям Казахстана и тяжелейший год депортации в глухой станции.

В тяжелые годы войны, когда обострилась криминальная ситуация, органы внутренних дел крайне нуждались в специалистах. Учитывая боевое прошлое и опыт оперативной работы, отца Ибрагима, работавшего в те годы грузчиком на станции, взяли на работу в органы местной милиции следователем и перевели вместе с семьей на станцию Чу Казахской ССР. Здесь и пошел в школу Ибрагим в первый класс. Он совершенно не знал русского языка. Хорошо, что его мать была учительницей начальных классов. Он с ее помощью в течение полгода освоил учебную программу начальной школы. Однако не долго пришлось ему учиться в сельской школе. Отца по службе перевели на работу в г. Алма-Ата.

В 1951 году кто-то в руководстве органов милиции республики Казахстан заинтересовался национальной принадлежностью Абдурахмана. Он в тот период уже работал на ответственной должности. Возмущенные его ингушской национальностью руководители, дабы избежать последствий сверху, издают два приказа: один об увольнении из органов милиции и второй о депортации его из города вместе с семьей. В течение двух суток Дахкильгова Абдурахмана увольняют из органов МВД и вместе с семьей привозят в селение Чилик, которое находилась далеко за Алма-Атой, в одном из дальних глухих районов области.

Отец Ибрагима вновь стал преподавать в местной школе уже подзабытый им предмет географию. Мать устраивается на работу воспитателем детского сада. Ибрагим целые дни коротает вместе с бабушкой Гошмоахой (мать отца), не считая времени, которое он проводил в школе. Бабушка знала множество народных преданий, сказок, песен, притчей. Она оказала большое влияние на его будущее, привила любовь к родному языку, к его мудрости. Брат ее был известным в Ингушетии поэтом, фольклористом и педагогом. Тембота Бекова знала вся Ингушетия и уважала за его бескорыстный труд и участие в борьбе за ликвидацию неграмотности среди населения. Это была их семейная традиция – знать народную мудрость,

его обычаи и распространять свои знания среди народа. Ибрагим слишком поздно стал записывать от своей бабушки устные сокровища, но он все же успел записать от нее широко известное сейчас нартское сказание о том, как прославленный в народном эпосе Сеска Солса, предводитель нартов, и простой трудовой юноша Бятар совершили полное приключений путешествие в подземный мир мертвых. В целом же, семена любви к фольклору были заложены в душу Ибрагима с детских лет и позднее эти семена дали хорошие всходы.

С детских лет Ибрагим имел большую склонность к рисованию. Благодаря этому в школе, где он учился, за ним закрепилось прозвище «художник». Во всей школе висели написанные им маслом картины, на которых были изображены пейзажи и портреты известных хрестоматийных личностей. Дома все решили, что он будет художником.

В 1954 году, окончив восьмой класс, Ибрагим берет с собой несколько написанных им картин, документы и едет поступать учиться в художественное училище им Гоголя, которое находилось в г. Алма-Ата. Успешно сдает вступительные экзамены, но при зачислении в училище обнаруживается его национальность. Ибрагим вспоминал с горечью, как его отозвал в сторону один из членов комиссии и, чтобы избежать неприятность себе и им, порекомендовал самому забрать документы и быстро уехать домой из г. Алма-Аты. При обнаружении органами НКВД, что он представитель депортированного народа принят в городское училище, грозила опасность руководству училища и ему самому, что он без разрешения органов нарушил режим депортации. Видимо, это была его судьба – не связывать свою жизнь с художественным искусством.

В 1957 году, окончив среднюю школу, Дахкильгов Ибрагим, по совету своих родителей, приезжает в г. Грозный и поступает учиться в Чечено-Ингушский (к тому времени он имел этот статус) пединститут на отделение: «Русский язык и литература, ингушский язык и литература» историко-филологического факультета. Тут следует сделать пояснение: русский язык и литературу ингушские абитуриенты, поступившие учиться по этому профилю образования, знали прекрасно, так как в те годы в школах Казахстана и Киргизии, откуда они приехали, давали хорошие знания по этим предметам, но ингушский письменный язык и литературу еще не могли знать по известным причинам. Первый год учебы в пединституте всей ингушской группе давался трудно. Русскоязычные предметы не составляли труда, сказывалась хорошая школьная подготовка. Сложными для усвоения студентами был ингушский язык и литература. Не было учебников ни по ингушскому языку и ни по ингушской литературе. Весь учебный процесс по этим предметам вел один человек – Дошлако Дохович Мальсагов, позднее ему было присвоено звание профессора. На втором курсе к преподаванию ингушского языка подключился второй преподаватель – автор и соавтор учебников ингушского языка для учащихся школ 5-7 классов и 8-9 классов ингушских школ Ибрагим Абдураскиевич Оздоев.

Он был автором этих учебников, вышедших до выселения ингушей, в 1939 − 1940 годах. Их обоих, давших для студентов-ингушей большой путь в ингушеведение, мы все и сегодня вспоминаем с большой теплотой и любовью.

В 1962 году, как выпускник, проявивший себя в студенческой научной работе и окончивший вуз с отличием, Ибрагим был оставлен в институте работать в качестве ассистента кафедры чеченской и ингушской филологии. С того года и началось его восхождение как педагога и ученого.

Первые годы работы в институте были самыми тяжелыми. Он читает лекции студентам по ингушскому фольклору и литературе. Курсы эти совершенно не были разработаны. Ему приходилось самому изучать эти предметы, анализировать и затем преподносить студентам. Он использует время отпусков и каникул в библиотеках, ходит по селам и записывает фольклор. Об аспирантуре думать не приходилось – некому было вести занятия со студентами по его предметам. Ибрагим избирает другой путь: сдает кандидатские экзамены, пишет диссертацию и идет на защиту. Тема его научных исследований была обширной – «Становление ингушской литературы». В 1969 году он защищается в Институте мировой литературы в г. Москве. Защита прошла успешно. Через два года после защиты Дахкильгову присваивают звание доцента. После этого наука уже сама подхватила и понесла его по безбрежному океану своей стихии.

Дахкильгов Ибрагим начал активную работу по сбору материалов ингушского народного творчества. В альманахе «Утро гор» из номера в номер начинают публиковаться его материалы, по телевидению идут передачи с его участием. В сборниках «Ингушский фольклор», вышедших в период с 1967 года по 1991 год, помещено значительное количество его личных записей. Для ингушских школ им составлены и изданы программы по литературе, хрестоматии для десятого и одиннадцатого классов, учебник для педучилищ. Он пишет учебник по ингушской литературе для десятого класса, учебное пособие для студентов вуза. Ибрагим является составителем сборников избранных произведений З. Мальсагова и Х-Б. Муталиева. Участвует в составлении Чечено-Ингушского эпоса под названием «Илли», пишет предисловие к нему.

Главное и наиболее ценное в его научной копилке – четыре научных монографии. Монография «Ингушская литература» является первой в своем роде в ингушском литературоведении. В ней прослеживается развитие ингушской литературы из самых фольклорных глубин, и вплоть до начала Отечественной войны [1]. Вторая его монография «Устное народное творчество вайнахов» охватывает весь наш фольклор в целом [2]. Третья монография «Исторически фольклор чеченцев и ингушей» оригинальна по своему содержанию. Она отражает историю народа в художественных образах [3]. Содержательна четвертая монография «Мифы и легенды вайнахов». Первая ее часть посвящена исследованию этих жанров эпоса, во второй части дается приложение народных текстов. При советском режиме об ее издании не могло

быть и речи, так как ее предметом были неземные высшие и низшие мифические силы. В книге было привлечено 315 текстов. Они впервые подвергнуты большому и глубокому научному исследованию. Большой интерес у читателя вызвала его очередная книга под названием «Мудрые наставления наших предков», изданная в 2001 году.

После восстановления ингушской государственности Дахкильгов Ибрагим совмещает свою трудовую деятельность в ингушском университете с должностью руководителя вновь созданного Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Здесь наряду с научной деятельностью раскрывается и его большой талант как руководителя научного учреждения. Благодаря инициативе и настойчивости Дахкильгова в Ингушетии построено прекрасное современное здание института, где созданы все условия для работы научных работников его.

Кроме педагогический и научной деятельности Дахкильгов Ибрагим известен в республике и как писатель. Он – член Союза писателей СССР. В его первую книгу «Мужество Куки» [4] вошли рассказы для детей. Вторая книга «Шутар» состоит их двух повестей и рассказов. Третьей книгой стал роман «Берд». Эти произведения вошли в учебные хрестоматии для учащихся школ.

На мой вопрос: «Что ты считаешь самым значимым в своей творческой деятельности?» – не задумываясь, Ибрагим ответил:

– Самым значимым для себя я считаю, что являюсь автором изображения знамени Ингушетии.

К сожалению, мой друг Ибрагим Дахкильгов в 2014 году ушел из жизни. Мы были с ним ровесники по возрасту, он был старше меня на одну неделю. Его жизнь была насыщена трудом, он был уважаемым человеком всеми, кто его знал. Успел сделать много полезного для Ингушетии и для нас. Его имя осталось навечно в его научных и художественных книгах.

Список литературы

1. Дахкильгов И. А. Ингушская литература (годы развития до 40-годов XX века). Грозный, 1975.
2. Дахкильгов И. А. Устное народное творчество вайнахов: (Для студентов вузов). Грозный, 1977.
3. Дахкильгов И. А. Исторический эпос чеченцев и ингушей: (Учебное пособие). Грозный, 1978.
4. Дахкильгов И. А. Мужество Куни. Повесть. Грозный, 1976.

РАЗДЕЛ II
ИНГУШЕТИЯ И КАВКАЗ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

П.Х. Акиева

НАРТЫ-ВЕЛИКАНЫ ИНГУШСКОГО ЭПОСА

Аннотация: В статье проводится анализ функциональных и семантических характеристик персонажей эпохи железа – нартов-великанов, определяются исходные смыслы жизни и смерти культурного героя эпического времени.

Ключевые слова: этногенетические предания, мифический герой, солнце, медь, пастух, обмельчение всего, Шам, эпический герой, Саниба, железо, горец, равнинник, смерть.

P.H. Akieva

NARTS-GIANTS IN THE NART EPOS OF THE INGUSH PEOPLE

Abstract: This paper analyzes the functional and semantic characteristics of the characters in the Iron Age – Narts-Giant, determined by the initial meaning of the life and death of the culture hero of the epic time.

Key words: ethnogenetic legends, mythical hero, the sun, the copper, the shepherd, the disappearance of the grace, Sham, an epic hero, Saniba, iron, a resident of the mountains, a resident of the plains, death Narts

Выступая в нартском эпосе духовным фундаментом, ингушские мифы являются одновременно «логической и образиндуцирующей парадигмой» [1, с. 6-67]. Согласно концепции Э. Дюркгейма, древние мифы стали инструментами демонстрации универсальных принципов социальной организации, в которой известные архетипические образы и имагиналии [2] выступают у него как важнейшие факторы, укрепляющие социальную солидарность. Пространственная система играет важную роль в эпосе, так как определяет логику действий, взаимоотношений и атрибутов его героев. В традиционной концепции пространства можно вычленить горизонтальную и вертикальную оси координат, явившейся итогом взаимодействия мифологического моделирования Космоса и представлений эпического времени.

В нартском эпосе ингушей прослеживается троичная вертикальная система строения Вселенной. По мнению А. Голана, эта первобытная космогоническая концепция, связующее миры древо (а в ингушском варианте – спущенная с неба цепь), «существовала еще в палеолите» [3, с. 82], дожила в нартском эпосе и фольклоре ингушей до нашего времени.

Мифологическая картина космоса в виде космического центра (образы горы и небесной цепи), и неорганизованной периферии (иной/потусторонний мир) продолжает свое развитие в нартском эпосе. Так, горизонтальная ось в пространственной системе координат в нартских сказаниях кавказских народов манифестируется «в образе Мировой горы, как реальной – Эльбрус, Бештау, так и мифической – Черная гора, Харама-гора, Мирового древа – Золотое Дерево нартов, Драконья чинара и др., а периферия воплощена в виде инварианта Иного мира, также либо мифологического характера – Страна мертвых, Гумское ущелье, либо псевдореального – лес, дальняя горная гряда» [4, с. 18].

Именно в таком центре расположена эпическая страна нартов – Саниба. Всем известно, что писал о родине ингушских нартов Л.П. Семенов: «Санибанское ущелье, по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартов и самих ингушей» [5, с. 27]. По сведениям Ч. Ахриева, который также постоянным жительством ингушских нартов называл Санибу [6, с.2] в Даргавском ущелье [7, с.6], локализует действия нартов в «западной части Галгаевского ущелья, по которому протекает река Асса» [8, с. 50]. В одном из сказаний указывается, что предводитель нартов Сеска Солса «жил со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цейлам» [9, с. 83].

Имеются множество исторических, этнографических и археологических свидетельств, иллюстрирующих принадлежность с древнейших времен данной территории, и, соответственно, культурного наследия предкам современных ингушей [10; 11; 12; 13]. Именно Саниба являлась тем центром обитания ингушских обществ, откуда ведут свое происхождение ингушские роды. Духовная значимость этой земли прослеживается в топониме Саниба, который этимологизируется с ингушского языка как «для души» (инг.: са – душа; «ни» – суффикс принадлежности, «ба» – есть/является).

Отметим, что в научной литературе часто указывается бытование этногенетических преданий о приходе предков ингушей на Кавказ из Аравии. Так, в ингушских нартских сказаниях упоминается, что нарт Кинда Шоа происходил из Шамы [9, с. 90]. Ч. Ахриев сообщает сведения о родоначальниках ингушских обществ, в частности, о том, что Кист, родоначальник Кистинского общества, считается выходцем из Сирии, а Джерахмат, родоначальник Джейрахского общества – из Персии [14, с. 127-128]. Еще У. Лаудаев в 1872 г. писал об одном из них: «...какой-то шамский князь (Шам – Сирия), заслужив гнев своего повелителя, бежал и поселился на Кавказе». И далее делает вывод, что «предание это ничем не подтверждается и есть, скорее всего, выражение тщеславия молодого народа, желавшего иметь своим родоначальником княжеского сына …» [15, с. 78-79].

Возможно, и стоило бы согласиться с этнографом Лаудаевым в части отсутствия каких-либо подтверждений такого рода связей ингушей с Арабским Востоком, однако, с «тщеславием» данные предания не связаны. Возникновение данной интерпретации можно объяснить двумя обстоятельствами, проходившими параллельно друг другу: во-первых, это потеря ингушского древнейшего центра обитания – Санибы – произошедшая во второй половине XVI века (в связи с походом в 1562 году кабардинского князя Темрюка на Центральный Кавказ), и, во-вторых, распространение ислама. Ингуши, как и арабы, сегодня называют всю территорию Ближнего Востока – Сирию, Иорданию, Ливан и Палестину – «Шам». Знакомство с исламом ингушей произошло еще в средневековье (а, возможно, и ранее, учитывая некоторые сообщения древних и средневековых авторов [16], или обнаруженную в Горной Ингушетии в ауле Эрзи Джейрахского района бронзовую фигуру орла первой трети VIII в. с куфической надписью на шее на арабском языке [17, с. 1]). Начало распространения ислама частью исследователей связывается «с пребыванием монголо-татар в плоскостных районах» Ингушетии, в частности «между Тереком и Сунженским хребтом» [18, с. 317-330]. М.Г. Джанашвили сообщает о покорении страны ингушей Тимуром и обращении их в ислам с назначением мулл среди них [19, с.51]. В любом случае, к концу XVI – началу XVII веков можно говорить о широком бытовании ислама с фрагментами древних традиционных представлений в большинстве ингушских обществ. Так, посещая в 1745 году Ангушт, Вахушти Багратиони оставил такую запись: «Ангусти – большое селение… жители Ангусти похожи на черкесов и они по вере магометане суннитского толка и имеют свои мечети» [19]. Именно в это время ислам становится той религией, которая, накладываясь на языческие представления, формировала духовный облик ингуша.

Возможно, что потеря Санибы – духовного центра Ингушетии – с усилением мусульманского вероучения привела к переносу сакральности, святости этой земли на Шам – территорию, где жили и проповедовали много известных пророков. Сообщения о родоначальниках ингушей, пришедших из Шама, т.о. следует рассматривать не в русле некоего «тщеславия», а в контексте желания иметь некую точку духовной опоры, обладающей священностью.

Позволим себе выдвинуть еще одну версию, заслуживающую внимания, о соотнесении прародины ингушей – Шам с землей «Шум» или «Шумер». Тождество между словами «Шам» и Шум(ер) имеет два осложнения: разные корневые гласные, а также выпадение конечного «ер». Однако, «клинописное “у” часто переходит в “е”… что касается второго затруднения (выпадения конечного “ер”), то теперь это можно объяснить посредством шумерского правила:… шумерские конечные согласные могли выпадать и не произноситься, если за ними не следовала грамматическая частица (или слово), которая начиналась с гласного (звука)» [20]. Соответственно, слово Шумер должно звучать как Шуми или, скорее всего, Шем/Шам. [21] Неспроста, такое наименование территории современных Сирии, Иордании, Ливана и Палестины – Шам – используется и арабами, и ингушами.

Периферия пространства или край земли представлен в эпосе потенциально опасным. Несмотря на это, эпический герой отправляется именно на край света/потусторонний мир, чтобы добыть/украсть благо: найти правду, украсть атрибуты благодати, либо просто встретиться с родными. Так поступают в ингушском сказании нарты Сеска Солса и Бятар, которые отправляются к Элда (владыка, хозяин мертвых), чтобы узнать, кто из них сильнее: «Перейдя реку, пошли они дальше. Перешли семь гор и семь морей… пришли они на край света… увидели они лестницу, уходящую вниз от края земли…» [9, с. 68-81]. Измерение до края земли, широко представленное в ингушском эпосе, связано с преодолением сакрального числа «семь»: «перешли они семь гор и семь морей… пришли они на край света…» [9, с. 68-81], «за теми семью горами находится невиданно страшный вепрь… через семь лет, сожрав семь гор, он доберется до нашей горы» [9, с. 193] и т.д.

Будучи чуждым для нарта и, одновременно, хранящим благодать, являлся именно подземный мир, в противовес которому небесный мир был божественно нейтрален, и, собственно, земной/солнечный – привычен.

Картина границ миров в эпосе ингушей прослеживается через такие категории-символы как река, пещера, лестница, отверстие в земле, синее озеро. Так, например, увидели однажды нарты «отверстие в земле, заглянули в него – одна темнота…» [9, с. 59]. В другом нартском сказании говорится о том, как «весело покатилась коляска куда-то к уходящей в землю пещере и сквозь нее привезла их (Селу Сату и Боткий Ширтка – Авт.) в подземный мир» [9, с. 129]. Через отверстие в земле попадает Бийдолг Бяре вместе с нартом Оршма, сыном Орзми, в подземный мир: «а затем на коне въехал в отверстие в земле» [9, с. 172]. Боткий Ширтка обладает способностью перемещаться из солнечного мира в подземный через «синее озеро»: «нырнул в Синее озеро и скрылся в его воде», или через глубокие проемы в земле: «прыгнул в нору и скрылся под землей» [9, с.65].

Причем перемещения в эпосе возможны не только из солнечного мира в потусторонний, но и в небесный/божественный. Так, в нартском сказании «Нарт Тох, Мялха Аза и их сын Моказ» есть следующее указание: «тут с неба спустилась золотая лестница, по ней ушла Мялха Аза». Причем этим же правом обладал сын богини Мялха Азы и нарта Тоха, Моказ, который мог каждый «год взбираться на небо и навещать свою мать» [9, с. 188].

Вертикальная пространственная ось в эпосе воплощает мифологические представления, а горизонтальная (Центр-Периферия) в большей степени приближена к социальной сфере. Так, интересен сюжет о женитьбе Сеска Солсы на дочери Кинда Шоа, в котором Шоа разрешает прийти жениху в гости, при этом указывая: «По верху идти я тебе не разрешаю. По низу, вдоль реки, иди». Данное указание иллюстрирует социальное верховенство, как ни странно, Кинда Шоа над Сеска Солсой. «Повсеместно в селе-

ниях верхние кварталы являлись более престижными участками селитьбы, чем нижние» [23]. Человек, шедший со стороны гор, пользовался большим уважением, чем поднимавшийся [24, с. 36].

Приоритетность верха – горы, истока реки, центра башни, поселения и т.д. – его особая сакральная ценность продемонстрирована в указании о наличии верхних нартов – одноглазых великанов и нижних нартов, «которых Тга поселил у подножия горы в тесной долине…» [25, с. 93]: «Кроме них, обыкновенных людей-нартов, Великий Тга ранее создал необыкновенных одноглазых великанов и поселил их между собою и людьми… Он (Курюко – Авт.) не подозревал, что кроме нижних нартов, на свете существуют еще и нарты верхние, которые ближе к Тга, чем сородичи Курюко» [9, с. 99].

Такой же приоритет обнаруживается в сюжетах о противостоянии Колой-Канта и Сеска Солса. Мотив, по которому необыкновенной силы герой одиноко живет в пещере и пасет овец, впервые зафиксирован Ч. Ахриевым в сказании «О Колой – Канте» [26, с. 12]. Колой-Кант пасет на своей горе большое стадо овец и каждую ночь, загоняя его в пещеру, прикрывает вход большим камнем, который Соска Солса со своими шестидесятью Нарт-Орхустхой «не могут даже сдвинуть с места». Другом Колой-Канта является говорящий козел, которого тоже зовут Калой.

Образ пастуха является одним из самых древних и связан с мифом об умирающем и воскресающем боге, как, например, боге-пастухе Думузи (Таммуз), муже Иштар, который исследователями связывается с ингушским богом Тамыж-Ерда с теми же характеристиками.[26, с. 30-35] Символ возрождения и умирания природы имеет прямую генетическую связь с главной мифологической чертой солнца – умирание и воскрешение. Именно поэтому плодородие является милостью солнца, а его отсутствие – его негодованием и карой.

М. Цароева связывает персонаж Калой-Канта с культом пастушечьего божества Козла-Тура, который «низведен народным воображением в ранг полубожества, а затем и эпического героя, сохранив при нем его прежнюю сущность в виде ближайшего друга и атрибута – говорящего и всевидящего козла» [27, с.303]. Не вызывает сомнения наличие в прошлом ингушей культа бога Козла-Тура, что данные животные были тотемизированы. Возражением в части низведения «в ранг полубожества, а затем и эпического героя» Козла-Тура являются сведения из самого сюжета сказания – Калой-кант семь лет прожил за счет своих братьев, укрепляя «свои телесные силы», а когда почувствовал «в себе значительные силы, тогда взялся за работу… и потому сделался пастухом» [15, с. 12-13].

Указание на то, что для управления овцами нужно учиться семь (снова сакральное число) лет и необходимы «значительные силы»; что за двенадцать лет, которые Колой провел вдали от дома «увеличилось овец настолько, что их нельзя было сосчитать, и если обозревать пространство, которое было занимаемо ими во время пастьбы, то невозможно было видеть конца стада», а также символическая ничья – обмен сестры Сеска Солсы на половину баранты – показывают значимость этого божества-предводителя и защитника своего племени. Солнечная ипостась образа пастуха-козла/первобытного быка/тура определяет его причастность к магии ритмов жизни, идеи времени. Отметим, что крылатый бог солнца Тамаж-Ерды представлялся также, как и Колой – в виде белого козла, говорящего человеческим языком и превращающегося в эфир.

О такой же силе и магии пастуха говорится в сюжете сказания «Как победили черного вампала Неге», в котором герой Берза Дог (волчье сердце) получает обучение у трех братьев – медведя, кузнеца и их старшего брата пастуха. Именно пастух превращается в коня, который «с ветром споря» поднимался «в поднебесье, приникал к земле, словно проливной дождь» [9, с. 161-163]. Представленные в этом отрывке образы – пастух, конь, дождь – также обладают солярной символикой.

Способом, с помощью которого Соска Солса удалось добиться такого породнения с обладающим огромной силой Калой-Кантом, подсказанный лаской Батоко Ширтка – была женщина. Данный мотив потери силы титаном посредством женского обольщения / приобщения к цивилизации аналогичен шумеро-аккадскому Энкиду, который преображается, окончательно приручен женщиной [28, с. 215; 29, с. 64; 27, с. 304]. Огромная сила Колой-Канта («Колой кант размахнул свои плечи и ударил всех орхустойцев о стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь» [9, с. 213]) роднит его с образом мифических великанов, в победе над которыми также использовалась хитрость. Таким образом, Калой-Канта следует связывать с верхними нартами, мифическими великанами и считать олицетворением солнечного бога Тха (Тамаж-Ерда) в виде белого козла.

В ингушском эпическом варианте прямо указывается основная сущность Сеска Солсы – он добытчик, что характерно для эпохи железного века, в то время как Калой – предводитель-пастух: «Как-то Соска Солса крикнул в дыру, уходящую в землю:

– Выходи. Поедем за добычей!

Вышел оттуда Боткий Ширтка и сказал:

– Я не добытчик. Мое дело ходить в подземный мир мертвых, возвращаться в этот мир живых и посредничать между этими мирами. Также я могу предвидеть будущее…» [9, с. 64-65].

Таким образом, в данном сказании выделяется еще один срез – борьбы старого «благодатного» времени и новой эпохи военной демократии. «Возникающий на этой ступени героический эпос расцветает в условиях военной демократии, так как война и организация для войны становятся регулярными функциями народной жизни, а воинская доблесть и воинские подвиги приобретают небывалые ранее значение и почет» [30, с. 29].

Образ нартов складывался в эпоху военной аристократии в постмифологическую эпоху более высокого уровня производства и знаний. Центральный Кавказ, предстающий перед нами в нартском эпосе, характеризуется наличием совершенными железны-

ми орудиями, кузнечными лемехами, мельницами, повозками, башенными замковыми укреплениями, обладающими искусством виноделия и т.д. (например: имя одного из нартов Эшк этимологизируется как «железо»; «Из твоего сына (Сеска Солса – Авт.) вырастет доселе невиданный нарт. Телом он булатный и потому неуязвимый», «мальчик одной рукою раздувал меха, а другою бил молотом по наковальне. К вечеру мальчик становился красным, что железо, накалившееся в горне» [9, с. 28]; «железные клюв и когти огромного как туча» орла [9, с. 176-177]; «собрав всю имеющуюся силу, ударил он (Сеска Солса – Авт.) Ешап своим большим мечом. Раздался звон, будто меч ударился о твердый камень, издав “зоу”» [9, с. 53]; «у него (Бортка Ширтка – Авт.) была чудесная коляска из латуни. На ней он отправлялся то в подземный мир, то возвращался вновь в этот солнечный мир» [9, с.128]; «оседлав коня и взяв свой терсмайльский меч…» [9, с.104]; «захмелела Ешап, разыгралась… А ведь это была не жидкая каша, а непроцеженное пиво» [9, с. 130]; «выбежал из пещеры железных дел мастер…» [9, с. 162] и т.д.

Типологически эпос разделяют на архаический тип, который характерен для раннеклассового, догосударственного общества и классический – формировавшийся в условиях рабовладельческого и феодального государств. В ингушском нартском эпосе, несомненно, обладающем элементами архаики мифологических представлений, присутствуют формы классицизма.

В противовес персонажам эпохи железа – нартам Сеска Солсе, Хамчи Патарзе, Нясарг, Эшка, Майра, Тох, Моказ, Орзми и т.д. Калой Кант является образом мифического медного времени. «Красная медь, олицетворяющая цвет солнца, почиталась у ингушей до конца XIX века» [27, с. 252]. У.Б. Далгат отмечает наличие характерного перечня медных предметов в сказаниях о гибели нартов. «Женщина наполняет мукой медный наперсток, в селе проживает не кузнец, а медник, нарт-орстхойцы пьют расплавленную медь и т.д. По всей вероятности, – пишет она далее, – сюжет о смерти эпических героев от выпитой расплавленной меди уходит в глубину истории человечества задолго до железного века… Тема гибели нартов от расплавленной меди, настойчиво развиваемая в вайнахском (ингушском – Авт.) эпосе, совершенно уникальная и у других народов Кавказа не встречается» [31, с. 128]. М. Цароева также отмечает факты широкого почитания медных предметов. Приводя этнографические сведения обязательного наличия медных предметов в части «урду», использования медной утвари в обряде открытия Нового года, (когда начищенную до блеска посуду «выставляли и развешивали во дворе, чтобы привлечь Солнце, вышедшее из лона Матери-Земли»), а также использования понятия «медь» в обрядовых песнях свадебного цикла, она определяет взаимосвязь ингушского «урду» с шумерским «урду (urdu)» в значении меди. [27, с. 251-255] «Древнеингушское название меди “урду”, – пишет М. Цароева, – было впоследствии заменено, возможно, с периода появления железа, на “цIаста”, на термин, состоящий из двух лексем “цIе” (красное) и “аьста”» («аста» альтерация «“аьшка” (железо), обозначавшего одно из племен скифов, “ашкеназ”, производителей железа») [27, с. 275]. Однако автор упускает из вида, что в ингушском термине «цIаста» – медь, присутствует одна из самых архаичных, принадлежащих «к доисторическому языку» [32, с. 45-46] лексем «цIи» (кровь/огонь/дом/красный/святой и т.д.). А вторую лексему «аьста» совсем необязательно сводить к «аьшка» и тем более к скифам-ашкеназам, так как неясно, во-первых, зачем это, собственно, предкам ингушей было нужно объединять два разновременных понятия («кровь/красный» – первобытное время и «железо» – начало I тыс. до н. э) для обозначения материала, обладающего огромной сакральностью. Во-вторых, лексему «аьста» можно связать с «йист», в значении «около/рядом/крайняя часть», таким образом «цIаста» будет означать – «часть красного», часть божественного, красного Солнца.

Связь ингушского «урду» в значении «калым» с шумерским «урду», все-таки имеется, в части жертвенной составляющей богу Солнца. Об этом говорит факт «красного» Солнца, открывавшего Новый год, выходя из моря/хаоса/иного мира, перед которым женщины расставляли только посуду из меди, медные врата в ином мире, которые стережет Ешап, и то, что и само Ешап было из меди. Так, в эпосе балкарцев и карачаевцев дано описание эмегенши: «...рот ее был в один аршин, нижняя губа отвисла до грудей, на лбу у нее один глаз, а на затылке ярко блестел другой глаз, величиной с человеческую голову. На красной, как медь, голове не было волос. Она была громадной, словно девять буйволов вместе. Ногти ее были длинными и острыми, как клюв орла» [33, с. 401].

Взаимосвязь шумеро-ингушского «урду» в значении калым-медь видится в элементе жертвенности: плата за невесту приносилась в качестве жертвы богу Солнца в его потусторонней версии. Так, чтобы умилостивить бога Елия, во власти которого были урожай и погода, осетинами приносились в жертву самые красивые девушки: «после купания самой высокой… (девушке – Авт.) связывали косынкой руки, поднятые над головой…» [34, с. 409, 410, 421, 422]. Данные действия были символическим жертвоприношением, имитацией существовавшего ранее принесения жертвы. Отголосками таких действий являются обычаи поедания ритуальных хлебов, например, на осетинском весеннем празднике «хоры бон» поедали хлебные фигурки людей и животных, конические абхазские хлеба [35, с. 125], треугольные ингушские «боджольг» (инг.: «бодж» – козел) и т.д.

Первоначально в жертву подземным богам приносились рабы и пленные, которые на шумерском назывались также «урду» (вариант «эра (д)»), что означало примерно «нисшедший», «низведенный» (с гор). [36, с. 187] Таким образом, ингушское «урду» следует связывать с понятием божественной красной/кровавой жертвы, которое согласуется с шумерскими понятиями «медь» и «жертва богам».

Уже впоследствии человеческая кровь / жир были заменены символическими ритуалами, жертвенными животными и, конечно, медными предметами, характерными для женской сферы деятельности.

Таким образом, медь, отмечаемая в нартском эпосе и фольклоре ингушей только в связи с женскими персонажами, являлась символическим эквивалентом принесенной «металлом эпохи божественной благодати», времени господства неолитической карающей и рождающей богини-матери.

Возможно, поэтому железные, закаленные в огне нарты умирают, выпив чаши с расплавленной медью. Соотнесение двух судьбоносных для человечества металлов разных эпох, а также гендерно отличающихся – медь соотносилась с женским началом (как в древнеингушской культурной традиции, так, впрочем, и культурах древних народов Малой Азии этот металл связывался, например с шумерской Инанной), а железо – с мужским веком военной аристократии. Это сведение разных времен/эпох в одну новую символическую точку отсчета прослеживается и в определении причины принятия нартами решения умереть. Согласно ингушским нартским сказаниям, такой причиной стал голод. Так, в одном из сказаний Жер-Баба, у которой остановились Сеска Солса и нарты-орхустойцы, говорит: «Я готовлю пищу из той муки и из того мяса, которые были на земле до появления на свет Сеска Солсы и его нарт-орхустойцев. Тогда на земле еще не было ветра, и была одна благодать. Кто не видел Сеска Солсу – да не увидит его, кто однажды видел – путь не увидит больше! Появившись со своими нарт-орхустойцами, он унес благодать с нашей земли…» [9, с. 255-256]

Символично и то, что Сеска Солса (вариант Соска Солса) ищет спасения в камне и в водяной мельнице, являющихся маркерами нижнего мира: «Мать посоветовала Соска Солсе попросить пропитание у камня, из которого он вышел… Сколько бы нарты не ели не пили, на камне все не иссякала пища. Но прошло два года, камень перестал кормить нартов… Спустился Соска Солса в тот (подземный – Авт.) мир и увидел Батига Ширтку, сидящего у водяной мельницы… Мельница была чудесной. Она без зерна давала помол, и какое-то время кормила Соска Солсу и его нартов… Наконец голод окончательно одолел нартов…» [9, с.261-262]. Решением нартов было принять благородную смерть: «Пришли они к некой большой пещере… “Чем будут наши трупы валяться по земле, чем будут о нас злословить, что скончались мы от голода, выпьем расплавленную медь и все помрем в этой пещере”» [9, с.261-262].

Напомним, что такая же скудость или просто голод упоминается в сюжетах о вымирании мифических вампалов – верхних нартов. Мотив смещения благодати в иной мир в мифическое время связывается с появлением ветра, за которым последовал необратимый процесс обмельчения всего. Вторым временным рубежом земного оскуднения, можно считать появление эпических нартов эпохи военной аристократии, которым также стало нечем питаться.

Отметим главную особенность этого процесса обмельчения/оскуднения: «Должно быть, плохо на свете, – сказал большой человек (вампал – Авт.), – если вам на один раз идет столько хлеба, сколько нам шло на четыре месяца» [9, с. 42]. Из приведенного фрагмента становится понятным, что благодать земли понималась в некотором социальном разрезе: появление и индивидуализация собственно самого героя эпических сказаний, который уже не удовлетворялся небольшими прежними благами, а требовал/захватывал все больше и больше. Т.е. обмельчение человеческого мира в нартском эпосе следует рассматривать в прямой взаимосвязи с увеличением потребностей человека.

Возможно, что поэтому, в отличие от шумеро-аккадского эпоса, в ингушской нартиаде именно равнинников Сеска Солсу и нарт-орхустойцев боги решают уничтожить, оставив в живых горца-пастуха-мифического козла Калой-Канта и его племя.

Стоит отметить значение самого понятия настоящего «мужества», которое раскрывается в в сказании «Спор, разрешенный в царстве мертвых». Так, в споре между Бятаром и Сеска Солсой владыка иного мира Элда отдает предпочтение Бятару, сыну вдовы: «Если судить о мужестве по-твоему, то мужественнее тебя никого нет. По вашим ответам я понял, что слово «мужество» Бятар понимает вернее. Не из одной храбрости состоит оно, и многое вбирает: рассудком определяется мужество» [9, с. 55]. Таким образом, хитрость, а отнюдь не мужество является еще одной существенной чертой эпического героя равнинника Сеска Солса.

Несмотря на то, что нарты названы в эпосе людьми-великанами [25, с. 93], они обладали полубожественным статусом. «Ингушская версия эпоса о нартах позволяет обнаружить в эпических героях-титанах древние божества, утратившие свои культы. Имена и деяния ингушских Нартов напоминают часто анатолийских и месопотамских мифических героев, паредрию “античных” божеств. Можно даже сказать, что древние шумеро-хурритские божества Нарата (“Паредрия божеств”) продолжили свою жизнь на Кавказе. Они нашли надежное убежище в мифологии ингушей, наиболее консервативных из кавказских народов, где со временем были низведены в ранг эпических героев, сохранивших, однако, свою долю божественности» [37, с. 12-13].

Причастность к божественному генетическому коду прослеживается в сопряжении нартов с понятием «великаны», в деятельностном проявлении, а также в их функциональных способностях. Так, в сказании «Спор между Села Сатой и Мялха Азой» имеется прямое указание на их символическое местопребывание: «Его шестьдесят три нарта столь долго ходили в походы *по бескрайнему небу*, что их одежда основательно пообносилась» [9, с. 131]. Некоторые из нартов обладают способностью характерной, например, для бога Тха или Малха Азы ослеплять/убивать солнечным лучом: «Берза Дог направил солнце из-под мышки на черного Неге и тот ослеп от его сияния» [9, с. 163].

Часть из нартов роднятся с женщинами-вампалами, либо с дочерьми представителей потустороннего мира. Так, нарт Хамча женится на единственной дочери «князя вампалов» Коке. Она хоть и относительно небольшого роста, как сам Хамча, которого «издали можно было принять за гору», [9, с.149] но обладала огромной силой: давши «слово, что выйдет замуж

только за того, кто ее одолеет в борьбе», она поддается «а так никогда бы Хамча ее не одолел» [9, с. 150]. Известно, что Села Сата считается «матерью нартов» (возможно символической предводительницей) [9,с. 128], однако упоминаемые в эпосе женщины, как, например, мать нарта Эшка или мать Кинда Шоа, также обладают особыми характеристиками. Они не только большого роста, но и силачки, ломающие «у человека любую часть тела, стоило только прикоснуться в нему» [9, с. 88] («от прикосновения ломают плечевую кость Сеска Солсе» [9, с. 210]; «Мать Шоа положила руку на плечо Солсы и сломала ему ключицу. Произнесла второе слово и сломала вторую ключицу») [9, с.93]. Указанные черты позволяют соотнести эти образы с образами женщин-вампалов.

В этом же ключе семантической связи с мифическими существами-вампалами стоит рассматривать сюжет о дочери Сеска Солсы, которая «срезала свои длинные косы и, с помощью друзей возлюбленного, крепко связала ими сонного отца (Сеска Солса – П.А.)… при малейшем усилии волосяные путы впивались в его крепкое тело и причиняли невероятную боль. И понял Соска Солса, что он обречен на медленную и голодную смерть» [9, с. 83]. В силу природной возможности регенерироваться, а также нетленности, принадлежности к иной, нежели остальное тело, потусторонней субстанции – волосы (как ногти и зубы) имели в архетипических представлениях ингушей ритуальный характер. Интерпретация устойчивых универсальных представлений о волосах связана с такими идеями, как душа, как некий эквивалент жизненной силы. Именно это представление вылилось впоследствии в обычай связывания проходов в могильники косами вдов. Отметим, что ингушский образ рыбозмеедраконообразных Ешап или Ешпор – бог жертв – мифическое существо с преувеличенными грудями, прядущее шерсть, существо, вырывающее «из своей бороды волосы», которого герой привязывает «за усы… во дворе к столбу» [47].

Родственник нарта Сеска Солсы – Оршма – женится на сестре «всадника величиною с локоть и бородой с копну» Бийдолг-Бяре, который на коне «въезжает в отверстие в земле» и туда же просит привести свою сестру, «если она в чем-то провинится» [9, с.172]. Отметим, что ребенок от этого союза обладает теми же характеристиками, что и «закаленный» Сеска Солса: «он положил мальчика в полу бурки – она сгорела» [9, с.173]; «Кока была в положении. Лишь только она родила мальчика, как он кубрем залетел в очаг, стал посередь него и начал нагребать на себя горячие угли» [9, с.152]. Во всех ингушских нартских сказаниях с рождением нарта Хамчи Патарза связан мотив потери благодати на земле. И хотя нартом предпринимаются всяческие попытки умереть (путем сожжения или утопления) [9, с.134], дабы исправить эту ситуацию, однако они не заканчиваются успехом. Думается, что функциональные особенности образа нарта Хамча Патарза объясняются основным его предназначением – убить дракона. Семантика дракона, как подателя вод и плодородия, хранителя небесной страны мертвых обуславливает, таким образом, скудость, пришедшую на землю от руки Патарза. Солярная сущность Патраза проявляется также и в том, что этот герой женится на Мялхе Азе – дочери бога Солнца [9, с. 139].

Таким образом, в эпическом повествовании представлена трехчастная вертикальная (небесный/солнечный/подземный миры) и горизонтальная (Центр/точка отсчета – периферия/запад) оси пространственной системы координат. Вертикальная ось пространства соответствует мифологическим представлениям, а горизонтальная – социальной сфере. Измерение расстояния от Центра до края земли, широко представленное в ингушском эпосе, равнозначно числу «семь». Пространственные границы, которые пересекают нарты в эпосе, очерчиваются такими категориями-символами, как река / пещера / лестница / синее озеро / отверстие в земле.

Одной из основных функций нартов является посредничество, через их действия осуществляется связь между различными уровнями пространства. В ингушском эпосе действие происходит в обществе нартов, обладающих полубожественными чертами.

В данной модели структурирования мира особой сакральной значимостью наделен Центр – в виде образов горы и небесной цепи, эпической страны нартов – Санибы и неорганизованной периферии. Данное представление оформилось в приоритетность верха – горы, истока реки, центра башни, поселения и т.д. – в том числе в указании о наличии верхних нартов – одноглазых великанов и нижних нартов. Эта идея прочитывается в символической борьбе горца-пастуха-козла первобытного медного времени Калоя, олицетворяющего умирающее и воскресающее Солнце и равниника-добытчика железного Сеска Солсы.

Соотнесение двух существенных для человечества металлов разных эпох – меди и железа – в мотиве гибели нартов в одну символическую точку отсчета нового времени – времени людей, объясняет как сам выбор способа смерти – питие расплавленной меди – донартовского металла, т.е. символического красного карающего Солнца, так и постоянный процесс обмельчения / деградации / оскуднения. Главный герой Сеска Солса происходит на свет уже после исчезновения благодати (инг.: «фарал»), «жира» земли. Смена эпохи первых существ благодатного времени – великанов – на эпоху нартов, а затем на эпоху людей, в нартском эпосе ингушей демонстрируется достаточно четко. При этом само появление нартов на свет явилось основой нового витка оскуднения земли. И в первом и во втором случае причиной смены героев явился голод. Понятие благодати рассматривается теперь больше в социальном конексте и связана с возрастающими потребностями человека, который уже не может удовлетвориться прежними благами. Именно поэтому в эпосе «последующие поколения становились все мельче и мельче, но хитрее» [38, с. 13]. Именно поэтому «… люди пришли к убеждению, что нужно смириться, тем более, что нарты из поколения в поколение делались все мельче и слабее, пока не выродились в обыкновенных людей…» [39, с. 162].

Приведенные аналогии и примеры взаимосвязи сюжетов и теонимов из ингушского нартского эпоса

с древними мифологиями народов Малой Азии «свидетельствуют об отсутствии оснований для придания излишне большого значения сторонним влияниям на культуру собственно кавказского населения» [40, с. 155], а также о «прочных узах, которые связывают нартские предания с хуррито-урартской мифологией» [41, с. 73]. Историчность же нартского эпоса признается многими исследователями [41; 7; 43; 44; 45]. В эпосе о нартах отражена история кавказских племен, населявших склоны Кавказского хребта. В нем отражены реально имевшие место исторические события в жизни носителей кобанской, колхидской и прикубанской культур [45, 14; 46, с. 77].

Список литературы

1. Хоконов М.А. Онтологические элементы в художественно-эстетическом пространстве адыгского нартского эпоса // Вестник Адыгейсткого государственного университета. Серия 1. Выпуск №8. 2008. С. 61-67
2. Имагиналии – рисунки и записи на полях книг, рукописей, писем, содержащие комментарии, толкования, мнения относительно фрагментов текста или мысли, вызванные ими.
3. Голан А. Миф и символ. М. 1993.
4. Луговой К.В. Ритуал в нартовском эпосе народов Северного Кавказа. Автореф. дис... кандид. ист. наук. М. 2006.
5. Семенов Л.П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный. 1963.
6. Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 4. Отд. 2.
7. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис. 1871. Вып. 5.
8. Из кабардинских сказаний // ССКГ 1871. Вып. 5. Отд. 2.
9. Сказание о нарте Соска Солсе // Антология ингушского фольклора (далее АИФ). Нальчик: ООО Тетраграф. Т.4. 2006.
10. См.: Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный. 1963.
11. См.: Акиев Х.А. К вопросу о происхождении и географии расселения ингушей. Лаг1аш, №1. 1989.
12. См.: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М. 1977.
13. См.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. 2007.
14. Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья //Избранное. Составитель А. Мальсальгов. Назрань. 2000.
15. Чечня и чеченцы. Элиста. 1990.
16. См.: Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М. 2003.
17. Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья //ССКГ. Вып. VIII. Отд. 1. Тифлис, 1875.
18. Албогачиева М.С-Г. Ислам // Ингуши (Серия «Народы и культуры»). М. 2014.
19. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. 22. 1897.
20. Так, слово «поле» («ашаг»), взятое отдельно, произносилось как «аша» (без конечного «г»). Но выражение «в поле» («ашаг-а») уже звучало как «ашаг» // Зильберман М. Истоки. История, мифология и религия предков древних евреев // Альманах «Еврейская старина. №3 (39) 2006 /http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer3/Zilberman1.htm Дата обращения 20.03.2016
21. Ингуши и сегодня произносят корневой гласный звук данного термина срединным звуком между «е» и «а», который на письме обозначается как Шаьм.
22. Ингушский нартский эпос. Сост-ль И.А. Дахкильгов. Нальчик. 2012.
23. Дмитриев В. А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа // Автореферат дис. докт. ист. н. СПб. 2010 //kunstkamera.ru›files/doc/autoreferat_dmitriev.doc Дата обращения 2.05.2016
24. Чеснов Я. В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.
25. Семь сыновей вьюги // Антология ингушского фольклора. Нальчик. Т.1. 2003.
26. Цароева М.Г. Тушоли – последняя богиня-мать Кавказа. Ростов-на-Дону. 2011.
27. Цароева М. Древнейшие мотивы ингушской мифологии //Нартоведение в 21 веке: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научно-практической конференции. Магас. 2016.
28. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре //Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т.1. В.1. Серия: История. Грозный. 1959.
29. Мальсагов А.О. Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М. 1983.
30. Шапиро А.Л. Архаическая мифология и архаический эпос – предшественники историографии // Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л. 1982. // http://readbookz.com/books/207.html Дата обращения 10.11.2015
31. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М. 1972.

32. Туманов К.Д. О доисторическом языке Закавказья. Из материалов по истории и языкознанию Кавказа. Грозный. 2011.
33. Алауган и Зинзиуар // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М. 1994.
34. Алробов Б.А. Ингушское «Галь-Ерды» и осетинское «Алорды» // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. I. Владикавказ. 1933
35. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе. 1990.
36. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М. 1983.
37. Цароева М.Г. Об ингушских полубожествах нартах //Кавказ: перекресток культур. СПб.: МАЭ РАН. 2015.
38. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов. 1997.
39. См.: Мифы и легенды вайнахов / Сост. Дахкильгов. Грозный. 1991.
40. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб. 1996.
41. Бакаев Х.З., Дударев С.Л. К вопросу об истоках нартского эпоса // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе. 1989.
42. Инал-Ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях // ТАИИЯЛ. Сухуми, Т. XXIII. 1949.
43. Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали. 1977.
44. Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный. 1978.
45. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа.
46. Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси. 1976.
47. Чайтонг – сын медведя // Антология ингушского фольклора. Т. 2. Нальчик. 2003.

Н.А. Алиев

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА, ОРУЖИЕ И ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД

Аннотация: В статье проведено исследование зарождения военного дела Азербайджана в древнейшие времена, и в особенности в III-II тыс. до н.э. На основе анализа широкого круга источников показан долгий и сложный путь появления, а также совершенствования различных видов оборонительных и наступательных вооружений. Раскрывается вооружение и защитные снаряжения древнего воина, искусство производства оружия и его эволюции в Азербайджане.

Ключевые слова: военное дело и военное искусство, вооружение и защитные снаряжения.

N.A. Aliev

THE ORIGIN OF MILITARY AFFAIRS IN AZERBAIJAN IN ANCIENT PERIOD

Abstract: In paper the origin of military affairs in Azerbaijan in ancient period, in particular during III-II millenniums BC, is investigated. On the basis of the analysis of wide sources the long and complicated way of origin and improvement of various kind of defense and offensive weapon is shown.

The weapon and protective equipment of ancient soldier, the weapon production art and its evolution in Azerbaijan are described. The various tactics of battle on the territory of ancient Azerbaijan.

Key words: military affair and military art, arms and protective equipment, fortress and fortifications

Азербайджан, будучи одним из очагов зарождения человеческой цивилизации, является страной с богатой и древней историей. Территория Азербайджана входила в зону прародины человечества и здесь происходило становление человека как биосоциального и социального существа. Наглядным тому подтверждением являются археологические находки и, прежде всего останки азыхантропа, обнаруженные в конце 60-х годов прошлого века в Азыхской пещере (вблизи города Физули) и относящиеся к 400-350 тыс. до н.э. [1, с. 59-65].

История зарождения военного дела и военного искусства в Азербайджане берет свое начало еще в Древний период. Щедро наделенная природными богатствами, благодаря своему выгодному географическому расположению и благоприятным климатическим условиям, Азербайджан обладал всеми предпосылками для успешного зарождения и усовершенствования военного дела.

В период первобытнообщинного строя специальной военной организации еще не было. Роды и племена сами собой представляли вооруженную организацию. Охотясь на диких животных, воюя с соседними племенами, человек создал и постепенно усовершенствовал различные тактические приемы ведения боя: засады и преследования, окружение и внезапные нападения. Постепенно усовершенствовалось и его оружие, прошедший долгий и сложный путь эволюции.

Разнообразные виды оружия каменного века, начиная еще с мустьерской эпохи (100 – 35 тыс. до н.э.) и до начала эпохи железа (начало I тыс. до н.э.), обнаружены во многих районах Азербайджана – Мингечауре, Гобустане, Нахичевани, Мугани, Карабахе, в

районе озера Урмия и других [1, с.78-79]. Именно в этот период завершается формирование современного человека – человека разумного (лат. Homosapiens) и человеческое стадо постепенно заменяется племенной общиной.

Самыми первыми видами оружия человека были поднятые с земли камень и дубина, которые спустя много сотен лет превратились в палицу и другие ударные виды оружия. Защищаясь от диких зверей или добывая себе пищу, человек использовал камни, стараясь при этом подбирать небольшие по размеру, круглые и гладкие камни, чтобы их было легче и удобнее бросать. Но такой камень не всегда можно было найти. Чтобы его не потерять, человек стал привязывать камень к длинному тонкому ремню и после того, как такой снаряд достигал цели, притягивал его к себе. Так появилось первое метательное оружие – **болас.** Однако камень, брошенный рукой человека, не обладал достаточной силой и дальностью.

Стремление увеличить дальность полета камня и силу удара привело человека к изобретению **пращи**. Праща представляла собой веревку или ремень с открытым специальным «гамачком» в середине для вкладывания камня. Один конец пращи с петлей надевали на кисть руки, другой же, гладкий конец держали этой же рукой. В уширение вкладывался камень и при сильном размахе гладкий конец пращи выпускался и камень вылетал из пращи с большой скоростью. Помимо веревочной или ременной пращи, применялись еще так называемые праща-бич и праща – расщепленная палка. Праща была повсеместным, наиболее простым и дешевым видом метательного оружия. Для того, чтобы попасть в цель камнем, брошенным из пращи, требовались большое умение и сноровка [2, с. 6].

В каменном веке оружие изготовлялось из дерева, камня, костей и рогов животных и т.д. Топоры, ножи, кинжалы и другие виды оружия ближнего боя люди изготавливали из различных каменных пород, обладавших достаточной прочностью и твердостью – гранита, обсидиана, кремня, базальта, полевого шпата, сланца и даже нефрита.

Символом оружия каменного века является тщательно отполированный **боевой топор.** Учитывая тот фактор, что рукопашный бой был основным видом ведения боевых действий, большую популярность с древнейших времен приобретают боевые топоры, что было связано с их огромной эффективностью в ближнем бою [3, с.4]. Тяжелая и массивная боевая часть, сочетающая с малой, концентрирующую силу удара поверхностью поражения и большим рычагом – рукояткой, а также простота изготовления, универсальность, возможность за счет дополнительных элементов увеличивать боевые возможности – все это делало боевой топор излюбленным оружием воинов Азербайджана с древнейших времен [2, с. 6].

Следующими видами оружия, изобретенными человеком каменного века, была **пика** в виде длинной заостренной палки, затем **копье**, **дротик** и, наконец, **лук со стрелами**, появившиеся еще в эпохи среднего и нового каменного веков – **мезолита и неолита** (XIII – VI тыс. до н.э.).

Изобретение лука и стрел является одной из выдающихся достижений человека в военном деле. Оно способствовало дальнейшему развитию тактики ведения боевых действий. Лук со стрелами стал неизменным атрибутом вооружения воина многих народов и эпох на протяжении нескольких тысячелетий [4].

Первый простой лук представлял собой симметрично обточенную палку длиной около двух метров из дерева какой-либо твердой породы. Концы этой палки затачивались более тонко, чтобы при ее сгибании и натягивания тетивы средняя часть, испытывающая наибольшее напряжение, имела большую толщину и соответственно большую крепость. Тетива лука изготавливалась в основном из жил животных, а наконечники стрел – из камня или кости и имели, как правило, треугольную форму. Само же древко стрелы делалось из дерева и тростника. Обнаруженные в Мингечауре в ходе археологических раскопок каменные наконечники были изготовлены из обсидиана и кремня и имели миндалевидную форму длиной до 5-7 см и шириной до 3-4 см с выемкой в середине их основания [3, с. 6].

Со временем было введено еще одно дополнение к стреле – для устойчивости в полете к концу древка стали крепить перья птиц. Само древко делали из легкого материала, на оперенном конце древка вырезали углубление для упора в тетиву при натягивании лука [2, с. 7].

Копье – древковое оружие, состоящее из прочного, толстого древка и наконечника, а дротик – специальное метательное копье с облегченным древком и наконечником. Наконечники копий и дротиков также изготавливались из камня или кости. Поразить врага дротиком можно было на расстоянии до 25 м [2, с. 7]

Наконечники стрел крепились к древку стрелы, копья или дротика простым привязыванием или же вставлением в расщеп древка наконечника с последующим привязыванием. Например, обнаруженные в Мингечауре наконечники стрел вкладывались в расщепленные тростинки камыша, в прутики ветвей дерева или кустарника редких пород и закреплялись плотной обмоткой сыромятного ремня или тонких прутьев [5, с. 78-80].

Археологические находки в различных районах Азербайджана показали, что наши далекие предки постоянно совершенствовали искусство обработки используемого оружия. Так, например, наконечники стрел со временем приобретают более обтекаемую форму, на нем появляются зубья для застревания в ране. Чтобы боевая часть топора не болталась, отверстие, куда насаживалось древко, высверливают не круглой, а продолговатой формы [2, с. 8].

Со временем оружие, изготовленное из камня, постепенно уступает место оружию из металла. Открыв металл, человек совершил гигантский скачок в создании многочисленных видов боевого оружия. Это повлекло за собой и дальнейшее развитие всего военного дела в целом.

В период разложения родового строя в IV-III тысячелетиях до н.э. в Азербайджане выделяются особые группы людей, занимающиеся непосредственно

военным делом. Появляется острая потребность в изготовлении и усовершенствовании различных видов вооружения как оборонительного, так и наступательного характера.

Большое значение при изготовлении вооружений имели материалы и технология – от обработанных в зависимости от прочности камней, кости, дерева периода мезолита и раннего неолита, до металла – меди, бронзы и железа.

Первым металлом, открытым человеком, была медь. Разрабатывались залежи медных руд, находящиеся ныне на территории Кедабека, Дашкесана и Нагорного Карабаха. Этот металл, имеющийся в природе в достаточном количестве, легко плавился, ковался и обрабатывался. Считается, что именно здесь, на низменной части Южного Кавказа, человечество впервые изобрело металлургию. На территории древнего Азербайджана уже в VI тысячелетии до н.э., т.е. в эпоху **энеолита** (медно-каменного века), продолжавшегося до середины IV тыс. до н.э., начинают изготавливаться оружие из меди – боевые ножи, топоры и т.д. [6, с. 161] Однако мечи, кинжалы, наконечники копей, стрел из мягкой и ломкой меди не обладали требуемыми рубящими, проникающими и режущими свойствами – они гнулись и быстро теряли остроту заточки [7, с. 56].

Между тем, опыт скоро подсказал, что для большей прочности к меди необходимо добавлять олово (10 %). Так была открыта **бронза** – сплав меди и олова.

Бронза, будучи легкоплавким металлом и одновременно более твердым и крепким по сравнению с медью, сразу же занимает ведущее место при изготовлении оружия. В эпоху поздней бронзы происходит дальнейшее усовершенствование бронзового оружия и технологии его изготовления. Это наглядно прослеживается в виде многочисленных археологических находок различных видов бронзового оружия в Ходжалах, Кедабеке, Шамкире, Габале, Барде, Мингечауре, Гобустане, Нахичевани, Ленкорани и во многих других районов страны.

Вооружение древнего воина – каменное, медное и бронзовое, можно подразделить на оружие дальнего, среднего и ближнего боя.

Основным видом оружия **дальнего боя** были лук и стрелы. Возможно, что именно в эту эпоху появляется так называемый **сложный лук** [8].

Материалом для изготовления этого вида лука служили рог, вареные сухожилия крупных животных и дерево особых пород. Сложный лук, благодаря наличию в нем роговых пластин, обладал большей упругостью и соответственно большей силой. Эти роговые пластины вырезались из целого рога и склеивались с другими частями таким образом, что их естественная погнутость направлялась кверху, и поэтому лук всегда был изогнут в обратную сторону. Для приведения его в боевое положение, лук должен был быть выгнут наружу, и тогда на него надевалась тетива. Такое устройство лука гарантировало долгое сохранение в нем достаточной для стрельбы упругости. Поэтому стреляя на расстояние свыше 200 метров, сложный лук был намного эффективнее, чем копье или дротик, а по поражающим свойствам мощнее, чем праща [2, с. 8-9].

Что же касается наконечников стрел, то они изготавливались вначале из камня, а затем из меди и бронзы. Однако каменные наконечники не исчезли полностью, они остались и, наряду с металлическими, продолжали использоваться вплоть до XIII в. до н.э.

На территории Азербайджана, в особенности в ходе археологических раскопок в Мингечауре, обнаружены многочисленные образцы различных видов наконечников стрел. Например, бронзовые наконечники стрел из Мингечаурского собрания имеют общую форму так называемого «закавказского» типа – они двукрылые, черешковые, имеют треугольную форму, с усиками на крыльях. Всего же имеется семь разновидностей этих наконечников стрел. Самой ранней формой являются наконечники, имеющие короткий лист с короткими усиками длиной 3 см и шириной до 2 см и прямоугольный в сечении черешок, длиной около 8-10 см. Наконечники этой разновидности вырубались целиком из пластинчатого металла и обрабатывались путем дополнительной ковки и заточки. У другой самой поздней разновидности наконечников стрел имеются у основания крылья с обеих сторон полукруглые выемки.

Позже, уже в VII в. до н.э., в Азербайджане появляются так называемые «скифские» наконечники стрел, обладающие большой ударно-пробивной силой из-за своей трехгранной, трехлопастной и втульчатой конструкции. Имеющееся на поверхности наконечника отверстие издавало своеобразный свист стрелы при полете, что оказывало психологическое воздействие на противника. Помимо этого, стрела с таким наконечником была «трассирующей», указывающей в каком направлении необходимо стрелять.

Существуют многочисленные разновидности «скифского» типа наконечников стрел, определяемых их назначением. Большинство же из них составляют двух и трехлопастные черешковые наконечники [2, с. 9].

В целом, не только формы, но и размеры наконечников стрел всецело зависели от их прямого назначения – дальности полета стрелы, ее убойной силы и точности поражения цели.

Праща, дротики и боласы в эпоху бронзы также не теряют своего значения как оружие дальнего радиуса действия. Длинные и короткие копья и дротики, но уже с бронзовыми наконечниками разных типов относятся к оружию среднего боя. Древние воины их использовали как в дистанционном бою, так и в близкой схватке. Обнаруженные в Мингечауре наиболее простые наконечники копий изготавливались из листовой бронзы, свернутой в виде конусообразной втулки с продольным разрезом, длиной от 30 до 50 см, диаметр у основания составлял 3 см, крылья или так называемый лист копья был выражен слабо (ширина 2-2,5 см). По форме эти наконечники напоминали наконечники пик [2, с. 10].

Другая разновидность этих наконечников копий отличалась более развитой формой. Они были литые, имели широкий и относительно более короткий лист

и конусообразную втулку, снабженную у нижнего среза обычно одним или двумя отверстиями для крепления на древке. Общая их длина составляла 15 – 20 см, длины листа – 6 – 15 см, ширина около 5 см, диаметр втулки до 2 см. [2, с. 12]

В конце II – начале I тысячелетия до н.э. в копьях появляются узкоперые железные наконечники с бронзовыми обкладками во втулке, что свидетельствовала о появлении металлических доспехов. В это же время оружие ближнего боя уже классифицируется на колюще-режущее и ударное.

В первую группу входят **бронзовые мечи, топоры, кинжалы, боевые ножи и вилы**. Бронзовые мечи, обнаруженные на территории Азербайджана, в большинстве своем двухлезвийные, приспособленные для рубки. Исключение составляют так называемые «мечи-рапиры», обнаруженные в могильниках Талыша и Узун-тепе на Мугани, относящиеся к IX – VII вв. до н.э. Кроме того, один из трех бронзовых мечей, обнаруженных в Мингечауре, также предназначен и для колющего удара, поскольку имеет срезанное углом острие.

Большинство мечей имеет длину 70-90 см, что одинаково удобно как для пешего, так и для конного воина. Боевые ножи являются однолезвийным клинковым оружием, не имеющем перекрестия и с рукояткой более узкой, чем клинок.

Увеличение длины ножей привело к появлению нового вида оружия, промежуточного между ножом и мечом – кинжала, очень популярного в Азербайджане с древних времен. Кинжал, обычной длиной 20-40 см, был предназначен для колющего удара в близкой рукопашной схватке. Раннее появление в Азербайджане защитных поясов и доспехов со стоячим воротником наглядно свидетельствует о широкой распространенности в боевых схватках кинжальных ударов в горло и в живот.

Начиная с VIII в. до н.э. появляются железные кинжалы с бронзовыми рукоятками, а в последующем они целиком изготавливаются из железа.

Во вторую группу входят **палицы, булавы и шестоперы** с каменными, а иногда и с мраморными навершиями. Причем каждый из этих видов оружия имел многочисленные формы.

Наиболее распространенной формой боевого топора был одно или двухлезвийный топор-секира с полукруглой формой лезвия и с рукояткой полуметровой длины. Такая форма бронзового боевого топора полностью сформировалась в XIV– XIII вв. до н.э. и использовалась вплоть до X – начала VIII вв. до н.э. [2, с. 14]

Очень интересным видом наступательного оружия в Азербайджане в этот период являлся короткий искривленный меч с широким клинком и серповидная сабля, получившая название **секач –** далекий предшественник средневекового ятагана. Серповидная сабля представляла собой изогнутый широкий клинок, укрепленный на металлической или деревянной ручке.

История военного дела в Азербайджане, как и всего Древнего мира, показывает тесную взаимосвязь наступательного и защитного вооружений. Появление нового вида оружия неминуемо влекло за собой создание нового способа защиты от него.

Первые элементы защиты – **древнейшие панцири**, воины имели уже в эпоху мезолита. Они изготавливались из органических материалов – кожи убитых животных, войлока и т.п. Позже появляются панцири из более твердых материалов – дерева, рогов и металла. Эти твердые материалы нарезались в виде круглых, продолговатых или прямоугольных кусков и нашивались на мягкую основу.

Опыт скоро подсказал, что наиболее оптимальной формой этих бляшек является круглая, поскольку такая бляшка сохраняет гибкость доспеха, крепится одной заклепкой и позволяет покрыть одежду самой сложной формы, причем в самых неудобных местах. Археологические раскопки показали, что со второй половины II тысячелетия до н.э. и до первых веков I тысячелетия до н.э. подобные панцири получили широкое распространение. Богатая орнаментация найденных на территории Азербайджана такого рода чешуйчатых панцирей свидетельствует о том, что вначале их использовали вожди и военачальники древнеазербайджанских племен. Именно появление и дальнейшее широкое распространение этих доспехов положило конец использованию каменных наконечников стрел и «мечей-рапир» [2, с. 15].

Кроме того, в качестве защитного снаряжения использовались **щиты** с деревянной основой, а также пластинчатые бронзовые пояса, укреплявшиеся на кожаной подкладке. Подобные пояса обнаружены в Мингечауре, Кедабекском, Шушинском и Ханларском районах Азербайджана. На поясах имелись различные кольца, ролики, перстни, с помощью которых затягивались и крепились пояса и портупейные ремни. Лицевые стороны некоторых поясов были украшены красивыми узорами. Часть из пластинчатых бронзовых поясов была вывезена в Германию и в настоящее время находится в Берлинском государственном музее.

Начиная с X века до н.э. в Азербайджане начали использоваться новые виды **шлемов**, получившие название «скифо-сарматские» или «синд-меотсакские». Эти виды шлемов получили широкое распространение на обширной территории – от степей Восточной Европы до западных границ Китая. Обнаруженные при раскопках в Южном Азербайджане, в районе озера Урмия, эти шлемы, относящиеся к VI – V вв. до н.э., имели простую сферическую форму и прорези для глаз и были снабжены специальными ремнями для закрепления на голове.[3, с. 14]

Со второй половины II тысячелетия до.н.э. появились **пекторали** –бронзовые пластины для защиты горла и верхней части груди. Голову воина прикрывал шлем из кожи, меди, а затем и из бронзы [2, с. 15].

В начале I тысячелетия до н.э. с открытием железа появилась возможность вооружать большие массы людей. Являвшиеся наиболее крупными на Востоке, богатые месторождения железных рудников Дашкесана были освоены местным населением и в более ранние времена. Образцы различного вида вооружений раннего железного века, найденные археологами в древних поселениях Карабаха, Аррана, Ширвана

и Нахчивани свидетельствуют об интенсивном развитии в Азербайджане переработки железной руды и высокоорганизованного кузнечного дела [7, с. 63].

Это было связано также с тем немаловажным обстоятельством, что производство железа обходилось гораздо дешевле, чем производство бронзы. Самым же большим преимуществом железа над бронзой было то что железо, обладая высокой прочностью и вязкостью, более подходил для массового изготовления оружия и снаряжения. Железное оружие постепенно начинает вытеснять бронзовое и этот процесс в основном завершился к VII-VI вв. до н.э.

Важнейшим элементом в развитии военного дела в древнем Азербайджане явился процесс приручения **лошадей**. Еще в V тыс. до н. э., согласно выявленным при раскопках на поселении Аликомектепе в Джалилабадском районе костям прирученных лошадей, вероятно началось приручение лошадей. [9]

Как известно лошадь – одно из немногих животных, которые сыграли в истории человечества важную роль. История показывает, что лошадь была просто необходима человеку не только в хозяйстве, но и при ведении военных действий.

Наиболее вероятными очагами первоначального одомашнения лошади были степные просторы Азии и Восточной Европы. Весьма примечательно, что такие древнейшие государства, достигшие высокого уровня культуры, как Ассирия, Вавилон, Египет, лошади долгое время вообще не знали: ее там не было, примерно до начала второго тысячелетия до нашей эры. Лошадь в этих государствах появилась лишь за 2 – 1,5 тыс. лет до н. э. в результате соприкосновений с кочевыми народами, которые затем и завоевали эти древние государства с помощью лошади [10].

Очень рано люди поняли, какое огромное значение может иметь лошадь в военном деле, и начали культивировать ее для этих целей. Впервые лошадь в качестве боевого коня, запряженного в колесницу, появилась у кочевых народов, от которых этот способ применения лошади быстро и широко распространился в государствах Малой Азии, а затем и в Древней Греции и Риме. В дальнейшем военное значение лошади все более возрастает.

Уже позднее, в период 1000 – 500 лет до н. э., появляется конница с воинами, сидящими верхом на лошади, но еще без седла. Славились своей конницей – киммерийцы и скифы – кочевые народы, жившие на обширных просторах южнорусских степей и образовавшие в этот период на территории северного Азербайджана свое царство. Появление конницы еще более усиливало военное значение лошади [11].

Таким образом, уже в древнейшие времена, и в особенности в III-II тыс. до н.э., на территории Азербайджана военное дело находилось на достаточно высоком для своего времени уровне развития. Появление и совершенствование различных видов оборонительных и наступательных вооружений в Азербайджане в Древний период нельзя рассматривать в отрыве от эволюции военного дела всего Ближнего и Среднего Востока.

Список литературы

1. Azərbaycan tarixi. Ən qədimdən bizim eranın III əsri. Yeddi cilddə. I cild. – Bakı: “Elm”, 2007, s. 59-65.
2. Мамедов С.Г. История войн и военного искусства Азербайджана (очерки) (с древнейших времен до XVII века) Баку: изд. « Nafta-Press». 1997.
3. Azərbaycanın hərb işi tarixi. 1 cild (Ən qədim zamanlardan XX əsrin əvvəllərinədək) Bakı: “Hərbi Nəşriyyat”, 2006, s.4
4. Лук (оружие)// ru.wikipedia.org/wiki/Лук_(оружие)… (Дата обращения 10.06.2016)
5. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку.1959.
6. Azərbaycan Milli Ensiklopediyası. Azərbaycan. Bakı, 2007, s.161
7. Минбашы А.Н., Мамедов А.Ю.,Садыков Н.Г., Джавадов Ф.М. Историческое оружие Азербайджана. Баку: “Воениздат”. 2015.
8. Конные стрелки из лука – Скифы// e-reading.club/chapter.php/...(Дата обращения 10.06.2016)
9. Доисторический Азербайджан / Академик // dic.academic.ru› Википедия…(Дата обращения 10.06.2016)
10. Какую роль играли лошади в древности // lohadi.ru/istoriya-pro-loshadej/..;Следы лошадей в истории древнего мира //kobylitza.narod.ru/horse_history... (Дата обращения 11.06.2016)
11. Одомашнивание лошади и основные этапы ее истории, процесс... // zooschool.ru/horses/2.shtml (Дата обращения 9.06.2016)

С.И. Алиева

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ КАК СУБЪЕКТА РФ

Аннотация: Азербайджанская Республика поддерживает тесные экономические и культурные связи со всеми регионами России, в т.ч. с Республикой Ингушетией, что способствует укреплению азербайджано-российских отношений в целом, развитию экономического сотрудничества и взаимовыгодного партнерства.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Российская Федерация, Республика Ингушетия, Северный Кавказ

S.I. Aliyeva

THE STRATEGIC RELATIONS BETWEEN AZERBAIJAN AND RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF INGUSHETIA AS A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The Republic of Azerbaijan has close economic and cultural ties with all regions of Russia, including with the Republic of Ingushetia. This helps to strengthen the Azerbaijani-Russian relations as a whole, the development of economic cooperation and mutually beneficial partnership.

Key words: Azerbaijan Republic, Russian Federation, Republic of Ingushetia, North Caucasus

После распада СССР и в результате национально-демократического движения на постсоветском пространстве независимые Азербайджанская республика и Российская Федерация взяли курс на проведение самостоятельного социально-экономического и политического развития. С 24 сентября 1993 года Азербайджанская Республика ратифицировала соглашение о вступлении в Содружество Независимых Государств (СНГ), тем самым, восстановив связи с Москвой и с субъектами Российской Федерации. Азербайджанская Республика и Российская Федерация эффективно развивают экономическое сотрудничество по всем направлениям.

Нефтяная стратегия Азербайджанской республики позволила азербайджанскому руководству продемонстрировать себя полноправным собственником своих природных ресурсов и вступить в равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с иностранными партнерами.

Реальные достижения российско-азербайджанского сотрудничества были продемонстрированы 21–24 февраля 2006 года в Баку, когда проходила Российская национальная выставка «Россия и Азербайджан: стратегическое партнерство» организованная в рамках торжественных мероприятий, приуроченных к открытию Года Российской Федерации в Азербайджанской Республике (11).

Развитие межрегиональных связей субъектов Российской Федерации с азербайджанскими партнерами продолжает оставаться перспективным направлением сотрудничества между двумя этими странами в области экономики, производственной кооперации, научного и культурного обменов. Азербайджанские и российские власти заключили множество различного рода договоров. Азербайджан осуществляет региональные торгово-экономические, научно-технические, культурные и гуманитарные проекты со многими российскими регионами, в т.ч. с Республикой Ингушетия. Надо отметить, что визиты представителей официальных и деловых кругов Азербайджана и России, бизнес-форумы способствуют взаимообогащению и взаимодействию в развитии двусторонних связей и способствуют заключению инвестиционных проектов (9, с. 38-39).

В октябре 2011 года делегация, в состав которой входили глава Ингушетии Юнус-бек Баматгиреевич Евкуров и другие руководители регионов Северного Кавказа во главе с представителем Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе А.Хлопониным посетили Баку. В ходе визита были подписаны соглашения между Азербайджаном и Ингушетией. 25-30 ноября 2011 года состоялся ответный визит делегации правительственных и деловых кругов, включающих 45 крупных компаний Азербайджана во главе с министром экономического развития Ш.Мустафаевым на Северный Кавказ. Делегация посетила, в частности, Республику Ингушетию. Стороны обсудили инвестиционные проекты в сфере агропромышленного комплекса, транспорта, энергетики, промышленности, туризма, спорта и культуры.

Участники III российско-азербайджанского межрегионального форума «Российско-азербайджанский диалог 2012» приняли итоговую декларацию, в которой необходимость создания условий для «развития взаимовыгодной торговли, в усовершенствовании двусторонней договорной базы в сфере трудовой миграции, развитии производственной кооперации, интенсификации межобластного диалога в топливно-энергетической, промышленной, транспортной сферах, формировании конкурентных условий для экономических субъектов, расположенных на территории двух стран, сотрудничество в финансовой сфере» (13). Начальник Управления Президента России по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Владимир Чернов отметил интенсивность развития двусторонних отношений и подчеркнул, что товарооборот между двумя странами в 2011 году составил 3 млрд. долларов. А по оценке заместителя полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе Сергея Субботина, Азербайджан является стратегическим и важным партнером и Россия заинтересована в привлечении азербайджанского бизнеса к развитию туристического кластера на Северном Кавказе (15).

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев на совещании по итогам социально-экономического развития Азербайджана за три квартала года заявил следующее: «Азербайджан может вкладывать инвестиции в Северо-Кавказские республики России, особенно, если учесть, что обе стороны заинтересованы в этом… Это очень важный вопрос для российско-азербайджанских связей и новизна в наших отношениях. Это служит нашим экономическим интересам и, конечно же, станет вкладом в развитие экономики Северного Кавказа» (1; 2).

В августе 2014 года в азербайджанском городе Габале состоялся V Азербайджано-российский межрегиональный форум, по итогам которого было подписано 11 соглашений. Между Министерством экономики и промышленности Азербайджана и Министерством регионального развития Российской Федерации был подписан Меморандум о взаимопонимании. Документ подписали руководители двух ведомств Шахин Мустафаев и Игорь Слюняев. Между Азербайджанским фондом поощрения экспорта и инвестиций (Azpromo) и Российским инвестиционным

агентством «Инвестируйте в Россию» был подписан Меморандум о взаимопонимании.

В рамках Межрегионального форума Азербайджан-Россия было достигнуто более 10 договоренностей.

Накануне круглого стола «Сотрудничество в области инвестиций. Результаты, возможности и перспективы» на V Азербайджано-российском форуме «Межрегиональное сотрудничество: новые возможности роста» в Габале был подписан меморандум намерений о сотрудничестве между Азербайджаном и Ингушетией. Соглашение было заключено между Азербайджанским фондом поощрения экспорта и инвестиций и Министерством экономического развития Ингушетии. Глава Республики Ингушетия Юнусбек Евкуров заявил: «Мы хотели бы, чтобы наши специалисты брали пример с азербайджанских коллег. В Азербайджане очень развиты такие сферы, как экономика, туризм. Как партнеров нас это радует. Мы изучаем опыт развития экономики Азербайджана, являющегося стратегическим партнером России. Мы и впредь будем расширять связи» (7; 16).

Азербайджан получил возможность финансового вложения, строительства заводов и прочей промышленной инфраструктуры на Северном Кавказе, использования рабочей силы на стройках этого региона. Сотрудничество с Азербайджаном способствует развитию и подъему российской экономики в целом и Северокавказского региона в частности.

15 сентября 2014 года в Баку состоялось 14-е заседание азербайджано-российской МПК по экономическому сотрудничеству. Главной целью мероприятия являлось обеспечение продовольственной безопасности России, а также энергетическое сотрудничество между двумя странами. В рамках заседания была создана рабочая группа по координации деятельности в энергетической сфере. Была достигнута договоренность, что азербайджанская продукция заменит западные аналоги на российском рынке (3).

16 сентября 2014 года Президент Азербайджана Ильхам Алиев принял делегацию во главе с заместителем Председателя Правительства РФ, Сопредседателем Российско-Азербайджанской межправительственной комиссии Дмитрием Рогозиным. Глава государства, отметив динамичное и успешное развитие двусторонних отношений, заявил о наличии хороших возможностей для увеличения торгового оборота, еще большего расширения экономического сотрудничества (5).

Экономическое сотрудничество между двумя странами координируется на высшем уровне межправительственными соглашениями. Сотрудничество между Северным Кавказом и Азербайджанской Республикой развивается на рыночной и взаимовыгодной основе. Главную роль играет бизнес. Правительства двух стран уделяют этому повышенное внимание и всячески способствуют этому. Азербайджан, граничащий с Российской Федерацией, заинтересован в поддержании экономических отношений с прилегающим к нему Северокавказским регионом. За последние годы накоплен определенный опыт в азербайджано-северокавказских экономических связях.

После распада советской страны и появления государственной границы между нашими двумя странами нарушились прежние отлаженные механизмы экономического взаимодействия. Но в последнее время эпизодические экономические связи переросли в межгосударственные договорные отношения, скрепленные обязательствами на самом высоком уровне. Все это обеспечивает безопасность, качество и гарантии ввозимой и вывозимой продукции.

Наравне с экономическим сотрудничеством и тесными постоянными политическими и дипломатическими контактами, огромную роль играют научные и межэтнические связи между Азербайджанской Республикой и Республикой Ингушетия.

Вышедшая в мае 2011 года коллективная работа сотрудников Ингушского научно-исследовательского института имени Чаха Ахриева – «История Ингушетии» (Магас-Нальчик, 2011) получила рецензии и отзывы от ведущих специалистов Института Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана. Ведущие специалисты Ингушского государственного университета и Ингушского научно-исследовательского института имени Чаха Ахриева – профессор кафедры истории России, к.и.н Марем Долгиева и зав. отделом Этнологии к.и.н. Борис Харсиев активные участники международных конференций, проводимых Институтом Истории НАНА (2011-2016 годы).

23-25 октября 2014 года в столице Республики Ингушетия городе Магасе Правительство Республики Ингушетия, Государственная Архивная служба Республики Ингушетия, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева организовали международную научно-практическую конференцию «Россия и Кавказ в первой мировой войне 1914-1918 гг.: основные военные кампании, геополитические и социокультурные итоги», посвященную 100-летию начала Первой мировой войны и сформированию Кавказской Туземной конной дивизии (Дикая дивизия).

В конференции приняли участие ученые Института Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана: д.и.н. Севиндж Алиева, к.и.н. Фарах Хусейн, к.и.н. Шамиль Рахманзаде, к.и.н. Энвер Мамедов и к.и.н. Ширинбей Алиев. Тесные связи были продолжены после того, как в 2015 году Институте Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана был открыт отдел «История азербайджано-российских отношений».

Российская Федерация является северным соседом и стратегическим партнером Азербайджанской Республики. Основным направлением отдела является работа по раскрытию всей полноты азербайджано-российских исторических связей и укреплению основ многовековой братской дружбы народов двух стран; установление сотрудничества с российскими научными центрами и организациями по совместному изучению нашего исторического прошлого и пропаганде азербайджанского научного, исторического и культурного наследия в России.

Институт Истории им. А.А. Бакиханова Национальной АН Азербайджана под руководством директора, члена-корреспондента НАНА Ягуба Махмудова регулярно проводит международные конференции и мероприятия с участием российских ученых, специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Северного Кавказа, в т.ч. Республики Ингушетия.

Учитывая не только исторические связи с Россией, ее регионами, ее населением, руководство Института Истории НАНА посчитало необходимым восстановление научных связей с научными коллективами России. В рамках деятельности отдела «История азербайджано-российских отношений» проводятся мероприятия, посвященные проблемам совместного исследования истории взаимоотношений Азербайджана и России.

Это способствует не только восполнению пробела в историографии, но и улучшению взаимопонимания между нашими народами, укреплению как научных, так и общественных связей.

Стремясь к развитию дружеских азербайджано-российских отношений, принимая во внимание значительный взаимный интерес к всемерному развитию научного сотрудничества Институт истории НАНА подготовил соглашения о сотрудничестве с российскими региональными научными институтами и центрами (Москва, Санкт-Петербург, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Адыгея, Кабардино-Балкария, Татарстан и др.).

8 апреля 2016 года в рамках деятельности отдела «История азербайджано-российских отношений» в городе Шамахы азербайджанские ученые Института Истории им. А.А. Бакиханова Национальной АН Азербайджана совместно с коллегами, приехавшими из научных центров Российской Федерации: Москвы, Татарстана, Дагестана, Ингушетии, Чечни, Адыгеи приняли участие в работе Круглого стола на тему «Проблемы совместного исследования истории взаимоотношений Азербайджана и России». В этот же день директор Института Истории Национальной АН Азербайджана член-корр. НАНА, д.и.н., проф. Ягуб Махмудов подписал Договоры о сотрудничестве, в частности, с директором «Ингушского научно-исследовательского Института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Российская Федерация, республика Ингушетия, г. Магас) Ниной Мустафаевной Барахоевой;

В результате предварительных и достигнутых договоренностей, было принято решение об углубленном изучении братских азербайджано-ингушских связей во всем многообразии. Азербайджан и народы Северного Кавказа не просто соседи, но и близкие по своим ментальным характеристикам, духовности, культуре, языку народы. У нас одна судьба, общая история. Азербайджан и народы Северного Кавказа связаны не только историческими узами, у нас есть воля и стремление к сотрудничеству и сегодня. Именно перспективы научных и общественных связей стали предметом обсуждения ученых.

Как первый результат, профессор кафедры истории России Ингушского государственного университета, к.и.н. Долгиева Марем Белановна написала и представила на «Каспий-форум» статью под названием «Взаимосвязи Ингушетии и Азербайджана: история и современность».

Институт Истории НАНА и Майкопский государственный технологический университет договорились сотрудничать в научно-образовательной сфере: аспирантура, докторантура, стажировка и т.д. В мае 2016 года азербайджанские ученые приняли участие в научных конференциях в г. Магасе («Первая Мировая (Великая) война 1914-1918 гг.: основные военные кампании и русско-кавказское боевое содружество», 30 мая – 2 июня 2016 г., Ингушетия), Грозный («Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения), 1-2 июня, Чечня), Нальчик («Системы власти и права автохтонных народов Кавказа Российской империи, Советов: сравнительный анализ», которая состоится 1921 мая 2016 г. Кабардино-Балкария) и т.д.

Надо отметить, что двое ученых из Республики Ингушетия приняли участие в III международной научной конференции «Геноцид против тюрко-мусульманского населения Азербайджана и Восточной Анатолии в 1914-1920 годы», которая состоялась 7-10 апреля 2016 года в г. Шамахы. Помимо того, что в дни конференции историки обсудили важные проблемы исторической науки, актуальные вопросы, все участники конференции, в т.ч. российские ученые, приняли совместное обращение к мировой общественности с призывом о сохранении мира и стабильности в рамках установленного миропорядка и законности.

Сотрудничество с российскими научными коллективами способствует укреплению многовековых азербайджано-российских отношений.

Институт Истории им. А.А. Бакиханова тесно взаимодействует с научными коллективами не только России, но и Турции, Грузии, Средней Азии и т.д. При этом сотрудничество и партнерство с научными центрами и организациями Российской Федерации – одно из приоритетных и необходимых направлений. Наибольшее число публикаций азербайджанских ученых за границей приходится на долю российских рейтинговых журналов и сборников материалов конференций, наши специалисты имеют больше возможностей принимать участие в конференциях, проводимых на территории России. Азербайджано-российское научное сотрудничество способствует не только появлению широких возможностей исследования исторического прошлого Азербайджана и азербайджанского народа по архивам России, но и донесению до российской научной среды и общественности всей полноты реалий азербайджанской истории, пропаганде азербайджанской истории и наследия.

Стоит отметить, что в Ингушетии живут и созидают наши соотечественники. Они также заинтересованы в стабильности и сотрудничестве.

Многие азербайджанцы России являются российскими гражданами и в их паспорте нет национальной графы. При всех этих признаках, многие азербайджанцы продолжают себя идентифицировать азербайджанцами, владеют азербайджанским языком, соблюдают или хотя бы знают о своих народных

обычаях и традициях. Вместе с тем надо отметить, что если в советское время азербайджанцы растворялись в российской среде, то после 1991 года, большинство азербайджанцев в России идентифицировали себя как азербайджанские тюрки и как мусульмане.

Азербайджанцы надолго связали свою судьбу с Россией, ставшей поистине не только кормилицей, но и родиной для многих наших соотечественников. Более половины проживающих в России азербайджанцев – приняли российское гражданство, остальные надеются его обрести. Находясь в российском правовом поле, азербайджанцы, пройдя культурную и языковую адаптацию, на законном основании живут, трудятся и мирно сосуществуют вместе с другими народами многонациональной России. При этом они никогда не забывают о своих исторических корнях и родных очагах. Не только экономическая подпитка родственников в Азербайджане, но и духовные связи объединяют азербайджанцев России и Азербайджана. Это желание смотреть азербайджанское телевидение, слушать национальную музыку, говорить и читать на родном языке, хотя уже для многих азербайджанцев он второй после русского, проводить праздники и свадьбы с учетом национальных традиций. Самое главное – всех их объединяет беспокойство за судьбу своей исторической родины и стремление достойно представлять свой народ.

Развитие межрегиональных связей субъектов Российской Федерации с азербайджанскими партнерами продолжает оставаться перспективным направлением сотрудничества между двумя этими странами в области экономики, производственной кооперации, научного и культурного обменов. Надо отметить, что все большую и заметную роль играют набирающие силу и вес азербайджанские предприниматели и бизнесмены. Именно они стимулируют развитие совместного азербайджано-российского бизнеса и являются посредниками азербайджано-российской торговли. Процесс развития национального предпринимательства, формирования азербайджанской национальной «буржуазии» в условиях российского Северного Кавказа – тема отдельного исследования. Но уже сейчас можно сказать, что появление индивидуального бизнеса, малых предприятий и фирм, принадлежащих азербайджанцам поднимает статус азербайджанцев в этом российском регионе.

Азербайджанцы на Северном Кавказе – у себя дома. Кавказ – наша родина. Ведь Азербайджан и азербайджанцы издревле имеют исторические связи с Северным Кавказом и народами, его населяющими. Многие азербайджанцы на Северном Кавказе – достойные граждане, обладающие высокими культурными и моральными ценностями, высококлассные специалисты своего дела.

Азербайджанские общественные организации и общины Северного Кавказа ведут активную общественно-культурную деятельность и тесно взаимодействуют с местными и региональными властями.

Республика Ингушетия – часть Российской Федерации. А Азербайджанская Республика и Российская Федерация – стратегические партнеры. Взаимоотношения с регионами России способствуют укреплению азербайджано-российских отношений в целом, развитию экономического сотрудничества и взаимовыгодного партнерства, что еще больше сближает наши страны.

Ингушетия удивительно прекрасная земля, гармонично и успешно развивающееся государство. Азербайджанцы и ингуши имеют много общего. Нас объединяет духовное родство, наша общая вера, культура, историческое прошлое.

По итогам нашего посещения Ингушетии и встреч с нашими соотечественниками, могу с уверенностью констатировать, что к Азербайджану и азербайджанцам самое теплое и ровное отношение, нет никаких проблем. В ходе контактов с соотечественниками в Магасе выяснилось, что азербайджанцы гармонично вливаются в местную среду. В Ингушетии азербайджанцы заняты в основном в строительном деле и в ресторанном бизнесе. Помимо этого, они активно участвуют в общественной жизни. Главная забота всех азербайджанских организаций в России – объединить людей и не забывать исторические корни, культуру, держать связь с родиной.

В Ингушетии с сопереживанием и пониманием относятся к армяно-азербайджанскому нагорно-карабахскому конфликту. Доклады азербайджанских ученых из Баку: Ризвана Гусейнова – директора Центра истории Кавказа, научного сотрудника Института по правам человека НАН Азербайджана «Сумгаит-Гарадаглы-Ходжалы: чему нас научил февраль?», а также д.ю.н. Али Аскера (Карабюкский университет, Турция) и д.и.н. Севиндж Алиевой (зав. отделом Института Истории НАНА) «Безопасность Южного Кавказа во внешней политике Турции: на примере турецко-армянских отношений» были включены в программу и опубликованы в сборнике докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию II съезда Ингушского народа. (28 октября 2014 г.) (14, с. 183-199; 4, с. 138-174).

Эксперт-политолог из Ингушетии к.и.н. Анжела Матиева прокомментировала в интервью азербайджанскому ресурсу haqqin.az обострение ситуации на линии соприкосновения огня 2-4 апреля 2016 года так: «Хрупкий мир между Азербайджаном и Арменией нарушен. А война за Карабах – это война азербайджанцев за свою землю… Азербайджан – мирная страна... Будет ли конец этой войне когда-нибудь?» Анжела Матиева выразила надежду на то, что вмешательство России позволит остановить начавшуюся войну и установится перемирие (8).

Интеллектуальный и творческий потенциал многочисленной азербайджанской диаспоры направлен на укрепление дружбы и сотрудничества с другими народами Кавказа. Этот потенциал будет эффективно использоваться на пользу укрепления и развития межгосударственных отношений между Россией и Азербайджаном. Азербайджанские и российские власти заключили множество различного рода договоров. Некоторые субъекты РФ перешли к двустороннему сотрудничеству с Азербайджаном.

Азербайджанцы России надеются на сохранение и развитие азербайджано-российской дружбы и со-

трудничества. Стратегическое партнерство, усиление экономического взаимодействия, создание совместных предприятий и производства, расширение культурно-образовательных, научных, гуманитарных и спортивных контактов между Азербайджаном и Россией может только благоприятным образом сказаться на положении азербайджанцев, живущих в России. В этом направлении проявляется инициатива азербайджанских общин в регионах России.

Азербайджанцы Северного Кавказа разные по своему социальному и культурному уровню, однако, всех их объединяет этническая принадлежность и общность национальных интересов, связь с исторической родиной и тяготение к национальной, самобытной культуре и общению на своем национальном языке. Азербайджанские общины и организации Северного Кавказа все без исключения занимаются благотворительной деятельностью и стремятся влиться в региональную и общероссийскую среду, не отделяя себя от российского правового и цивилизационного поля. Вместе с тем, азербайджанцы продолжают осознавать и позиционировать себя азербайджанскими тюрками и сохраняют свой язык, менталитет и культуру.

От благополучия, безопасности и стабильности на Северном Кавказе зависит мир и устойчивость во всем Кавказском регионе.

В ходе последних договоренностей с Государственным Таможенным Комитетом сельскохозяйственная продукция Азербайджанской Республики поступает в Россию беспрепятственно. Во внешнеторговую деятельность с Азербайджанской Республикой вовлечены около 600 предприятий и организаций 71 из 83 субъектов Российской Федерации.

В условиях сложной геополитической ситуации в мире сама международная обстановка требует установления взаимоотношений между Азербайджаном и Россией на уровне стратегического партнерства и сотрудничества. Такого рода отношения основываются на длительных исторических, прогрессивных и взаимовыгодных двусторонних связях. Чтобы не ослаблять азербайджано-российские отношения на фоне ухудшения обстановки в мире, и в регионе в частности, Азербайджан и Россия должны стремиться с новым импульсом и энтузиазмом стремиться к созданию условий для интенсивного диалога и развития двухсторонних отношений. Внешняя и национальная политика Азербайджанской Республики ориентирована на сохранение национальной независимости и безопасности, партнерство и сотрудничество с региональными игроками, в том числе с северным соседом – Российской Федерацией.

В современных условиях при ужесточении позиции Запада и неуклонной позиции России отстаивать свои интересы на постсоветском пространстве, Азербайджанская республика стремится защитить свои национальные интересы и национальное достояние. Предсказуемость и последовательность политики Азербайджанской Республики создало атмосферу доверия в азербайджано-российских взаимоотношениях и уверенность в незыблемости защиты национальных интересов на мировой арене и построения последовательных партнерских связей со всеми соседями на основе равноправных, дружественных и братских отношений.

Список литературы

1. Азербайджан изучит возможности инвестирования в Северный Кавказ// http://www.radioazadlyg.org/archive/rus_news_in_brief/20111016/3356/3356.html?id=24370611;
2. Азербайджан позитивно относится к вопросу вложения инвестиций в Северо-Кавказские республики России// http://tass.ru/ekonomika/541134
3. Азербайджан. Связи с Россией и СНГ, 15 сентября 2014 № 1178895
4. Али Аскер, Севиндж Алиева. Безопасность Южного Кавказа во внешней политике Турции: на примере турецко-армянских отношений// Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию II съезда Ингушского народа. (28 октября 2014 г.). Магас, 2014-2015.
5. Газета «Азербайджанские известия», 12 сентября 2014 г.
6. Завершился V азербайджано-российский межрегиональный форум// http://www.aitf.az/2015/index.php?p=news__read&t=top&q=94&l=ru;
7. Ингушетия во многих сферах берет пример с Азербайджана – глава Республики// http://www.salamnews.org/ru/news/read/132037;
8. Ингуши поддержали Азербайджан// http://haqqin.az/news/67260
9. Интервью посла России в Азербайджане В.Дорохина Азербайджанскому государственному телеграфному агентству «Азертадж»// Исторические личности. Международный общественно-исторический журнал, февраль 2012, № 17.
10. Интервью с Севиндж Алиевой. В Ингушетии доброжелательно относятся к Азербайджану и азербайджанцам// http://www.gumilev-center.az/v-ingushetii-dobrozhelatelno-otnosyatsya-k-azerbajdzhanu-i-azerbajdzhancam/
11. Итоги Российской национальной выставки в Азербайджанской Республике // http://www.vvcentre.ru/news
12. Межрегиональное сотрудничество Азербайджана и России – хороший пример эффективного стратегического партнерства// http://www.vestikavkaza.ru/news/61737.html
13. Принята итоговая декларация форума «Российско-азербайджанский диалог 2012»// http://news.day.az/politics/340908.html; «Российско-азербайджанский диалог 2012»// http://ruy.ru/press/news/3655.html

14. Ризван Гусейнов. Сумгаит-Гарадаглы-Ходжалы: чему нас научил февраль?// Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию II съезда Ингушского народа. (28 октября 2014 г.). Магас, 2014-2015.

15. Российско-азербайджанский диалог-2012». Вчера в Баку прошел III российско-азербайджанский межрегиональный форум 29 июня 2012/ Т.Максутов http://www.echo-az.com/index.php?aid=21493;

16. Севиндж Алиева. В Ингушетии доброжелательно относятся к Азербайджану и азербайджанцам// http://www.gumilev-center.az/v-ingushetii-dobrozhelatelno-otnosyatsya-k-azerbajdzhanu-i-azerbajdzhancam/

Л.Я. Арапханова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДЕПОРТАЦИИ ИНГУШЕЙ: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ

Аннотация: В статье рассматриваются основные мероприятия, проведенные советским государством по организации и проведению массовой депортации ингушей в 1944 году в Среднюю Азию и Казахстан. На основе архивных документов проведен анализ причин депортации. Показана пагубность практики антигуманных проявлений со стороны государства против целого народа.

Ключевые слова: депортация, спецконтингент, спецпереселенец, причины, государственность.

L.Y. Arapkhanova

THE POLITICAL ASPECT OF THE PRACTICE OF PREPARATION AND CONDUCT OF THE DEPORTATION OF THE INGUSH: CAUSE AND EFFECT FACTORS

Abstract: The article considers the main activities undertaken by the Soviet state to organize and conduct the mass deportation of the Ingush in 1944 in Central Asia and Kazakhstan. On the basis of archival documents, the author analyzes the reasons for deportation. It is shown that the harmfulness of the practice inhumane manifestations of the state against an entire people.

Key words: deportation, special contingent, a special is a migrant, reasons, state system.

Постановление Совнаркома СССР, предусматривавшее комплекс мероприятий по депортации репрессированных народов и их расселении на территории Казахстана и Киргизии, вышло 14 декабря 1943 года. При его разработке вопрос о ликвидации национально – государственных образований депортируемых народов еще не был оформлен на уровне Президиума Верховного Совета СССР.

Речи о правовом содержании текста Указа, даже с позиции господствовавшей в стране юридической доктрины, не допускавшей объявления целых народов преступниками, конечно, здесь не могло быть.

План принудительного переселения окончательно определился в середине декабря 1943 года. Для поддержания порядка в новых местах поселений намечалось открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Но анализ нормативных актов показывает, что первые ориентировочные цифры по плановому переселению населения различных регионов СССР были заложены в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, по которому в Казахстан должны были переселить первых переселенцев до 10 тысяч человек еще в 1930 г. и до 50 тысяч человек в год с 1931 г.

В 30-х гг. началось расширение промышленной и продовольственной базы в восточных районах СССР, что потребовало перемещения трудовых резервов на Восток. В Казахстане еще сказывались последствия голода. Резко сократилось число сельского трудоспособного населения. Площади были огромными, урожай убирать не успевали. Вследствие этого с начала 30-х гг. постепенно нарастает миграционный прирост населения и уменьшение доли казахского населения в Казахстане [1, с. 148.].

До 1934 г. крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934 – 1944 гг. – трудпоселенцами, а с 1944 г. – спецпоселенцами.

С началом создания промышленности в Казахстан начал прибывать значительный контингент профессиональных рабочих и инженерно-технических кадров, сельскохозяйственных рабочих, который стал базой индустриализации в республике. Вторая половина 30-х гг. знаменуется резкой активизацией миграционных потоков, которые не просто стимулируются тоталитарным государством, осуществлявшим нередко оргнаборы рабочих на промышленные предприятия, но и прямо организуются и направляются заранее запланированные им депортации целых народов на территорию Казахстана. Масштаб заложенных по плану пятилеток в Казахстане промышленных предприятий военно-стратегического назначения был огромен и требовал трудового ресурса. Специально для закрепления и укоренения в Казахстане сотен тысяч спецпереселенцев были созданы в целинном крае 573 зерновых совхоза [1, с. 148].

Операция по выселению ингушей и чеченцев под кодовым названием «Чечевица» намечалась на 23 февраля 1944 г. Ее проведению было посвящено специальное решение СНК и Чечено-Ингушского обкома ВПК (б) «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в горных условиях» [2, с. 82].

В горные районы Чечено-Ингушской АССР были стянуты воинские формирования, войска НКВД, кур-

санты военных училищ. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых разрабатывались конкретные мероприятия для обеспечения операции. С той же целью проводились совещания работников исполкомов Советов и колхозников.

31 января 1944 года Государственный комитет обороны утвердил постановление о выселении ингушей и чеченцев в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД СССР, а 7 марта 1944 года – указ Президиума Верховного Совета СССР, как бы подводивший итог ликвидации Чечено-Ингушской республики.

20 февраля в специальном поезде в Грозный прибыл нарком внутренних дел СССР Берия и его заместители генералы Б. З. Кобулов, И. А. Серов, С. С. Мамулов. Через два дня, разумеется, не без их ведома, на места были направлены дополнительные силы для обеспечения операции. По сообщению секретаря Грозненского горкома ВКПГП Н. Музыченко только 21-23 февраля 1944 г. в такие районы, как Ачхой-Мартановский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Шалинский, Шатоевский, Галашкинский, Курчалоевский, Гудермесский, прибыло 6778 человек [3, с. 302].

Транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвозки выселяемых были использованы машины, поставленные через Иран по лендлизу из США. Они как раз прибыли в Грозный, в так называемый период первых эшелонов. По данным Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, выселение должно было затронуть 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей [4, с. 50].

В своем телеграфном сообщении Сталину Л. Берия 17.02.1944 г. сообщает, что подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 человек, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией, и в г. Владикавказе. На месте много проверяется состояние дел по подготовке переселения и принимаются необходимые меры.

При подготовке также предусмотрели и место выселения. Еще в конце января 1944 года ГКО СССР принял Постановление (№ 5073 «Совершенно секретно») «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». Безусловно, об этом постановлении не было известно в ЧИАССР. НКВД СССР поручалось переселить «в марте сего года в Казахскую ССР спецпереселенцев до 400 тысяч человек и Киргизскую ССР – до 90 тысяч человек» [5, л. 8-12].

В официальных правительственных документах причины выселения всех народов в 30-50-е годы объясняются стремлением «ослабить этническую напряженность» в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам, выступление против Советской власти, ликвидировать бандитизм.

Цифры из сводок НКВД и из сообщения народного комиссара внутренних дел существенно расходятся, документальные данные свидетельствуют о том, что обострение криминогенной обстановки было присуще значительной части регионов страны, а выдвинутые в официальных документах аргументы обвинения народов, что горцы сотрудничали с немцами, идет массовое предательство, звучат неубедительно. Бесспорно, эти нелепые, а подчас просто фантастические объяснения причин депортации были рассчитаны на среднестатистического советского человека и, кроме того, преследовали еще одну цель: скрыть истинные причины, завуалировать их. И что не удивительно для атеистического государства, при выселении народов Северного Кавказа не последнюю роль сыграли религиозные факторы. Все депортированные народы Кавказа, кроме немцев и армян Краснодара, исповедуют ислам. Следовательно, конфессиональный признак при выселении народов был не на последнем месте. Недаром Сталин на вопрос зарубежных дипломатов о репрессированных народах цинично ответил, что таким образом советское руководство выполнило вековую мечту этих народов воссоединиться с братьями по вере – мусульманами Средней Азии [6, лл. 5].

Печально, но даже в условиях растущей гласности и нравственного очищения целые нации и народности могут оказаться беззащитными перед чьей-то некомпетентностью. Пыхалов И.В. в работе «За что Сталин выселял народы?» в эпиграфе задается вопросом: «Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие?» и в ответ красной нитью проводит мысль о том, что первое обвинение, которое следует предъявить чеченцам и ингушам – массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную Армию [7].

Недостаточность научных, исторических знаний, ориентация на бериевскую «правду», (естественно, других документов, кроме обвинительных в адрес репрессированных народов и оправдывающих собственное поведение, у Берия и Сталина быть не могло) порождают в данном случае необъективные в адрес целых народов утверждения.

Подобного рода работы, тем более касающиеся целых народов, в данном случае по депортации ингушей, негативно отражают ситуацию в республике и не сопровождаются надлежащим научным комментарием, тем самым наносят огромный вред выработке и осуществлению правильной национальной политики России на Северном Кавказе.

Обозначив основные направления в интерпретации проблемы, мы можем перейти непосредственно к рассмотрению существующих в исторической науке представлений о реальных причинах выселения ингушей и чеченцев. Вариаций, как уже отмечено выше, имеется множество.

У многих исследователей «создается все-таки впечатление, что перечень высылаемых народов определялся и личными национальными симпатиями и антипатиями Сталина, сформировавшимися еще на Кавказе» [8, с. 128].

Эти слова являются ответом на статью, в которой выдвигалось предположение, что причинами депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны, в том числе ингушей, явилось языковое стро-

ительство, попытка создания однородной языковой среды [9, л. 173].

Это предопределило выселение их «не куда-нибудь, не в Сибирь, не на Колыму, а в тюркоязычную Среднюю Азию» [10, л. 12], в среду более многочисленных, сильных народов.

При анализе причин, приведенных в официальных правительственных документах, приходим к выводу, что выселение целых народов и обвинение их в коллаборационизме было необоснованным, так как Чечено-Ингушетия не была оккупирована и потому массового сотрудничества с врагом быть не могло.

В советской армии не было ни одного случая предательства со стороны солдат и офицеров ингушской и чеченской национальности и нет документов, подтверждающих предательство.

Особое внимание обращает на себя экономический аспект в причинах депортации, в чью пользу говорит проведенный анализ источников.

Депортация должна была повлечь за собой наращивание производственных мощностей Северного Кавказа без привлечения местного населения, а поскольку их пребывание на Северном Кавказе диктовало необходимость привлечения местных народов к процессу производства, то от них нужно было избавиться. При таком решении проблемы не было необходимости учитывать интересы местных народов.

По данным НКВД СССР получалось, что всего было отправлено 180 железнодорожных эшелонов, в которых было перевезено 493 269 граждан ингушской и чеченской национальности. За время операции было убито 50 человек. В пути следования умерло 1272 человека.

Одновременно сообщалось, что за период проведения чекистско-войсковых операций и непосредственного переселения удалось арестовать 2 016 человек антисоветского элемента из числа чеченцев и ингушей, изъято 20 072 единицы огнестрельного оружия и автоматов 479 штук [11, с. 18].

В апреле 1944 года на одном из закрытых заседаний сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП (б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей как о совершившемся факте. Однако акция эта продолжалась. Она охватила ингушей и чеченцев, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944 г.). По фронтам были изданы специальные приказы. В распоряжении, адресованном председателям фильтрационных комиссий, подписанном начальником войск НКВД 3-го Украинского фронта И. Павловым, предлагалось «всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР – в Алма-Ату» [12, л. 7].

19 мая 1944 г. Чернышов получил сообщение из Главного управления формированиями Красной Армии, что к 10 июня в 33-й запасной стрелковой бригаде (г. Муром) будет сосредоточена 1 тысяча военнослужащих (сержантов и рядовых) чеченцев, ингушей и карачаевцев. Все они подлежали увольнению из армии. В Костромской области в Галичском и Буйском леспромхозах находилось 1183 чеченца, ингуша и карачаевца, из которых, как сообщалось в октябре 1944 года в докладной записке начальника ОСП НКВД СССР Мальцева на имя Чернышова, 955 человек были демобилизованы из Красной Армии.

Всего по данным ОСП НКВД СССР среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было: офицеров – 710, сержантов – 1696, рядовых – 6488. А в целом в рядах спецпоселенцев (с учетом представителей всех переселенных народов) оказались 5943 офицера, 20209 сержантов и 13069 рядовых. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия [13, л. 22].

Переселение продолжалось еще в середине апреля 1944 года. Из Грузинской АССР было депортировано 2741 человек, 21 человек – из Азербайджанской ССР, 121 человек – из Краснодарского края (чеченцев). Численность ингушей, выявленных в соседних с ЧИАССР областях, краях и республиках, составила 52 человека. Все они также были депортированы к местам основного расселения контингентов ингушей и чеченцев.

1 марта 1944 года Нарком внутренних дел Союза ССР Л. Берия, докладывая председателю Государственного Комитета Обороны И. Сталину об общих итогах переселения чеченцев и ингушей, сообщал: «Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов» [14, л. 17].

24 февраля 1944г. А. Гриценко докладывал Л. Берия о готовности проекта постановления СНК Союза ССР «О районировании территории бывшей Чечено-Ингушской АССР». Далее следовали пояснения предполагаемого обустройства территории. Один из вариантов сводили как раз к созданию Грозненского округа в составе Ставропольского края. В Грозненскую область переходили 16 районов (13 – в существующих границах, 3 – с уменьшенной территорией). В область передавалось 238 колхозов и 45 тыс. дворов.

В состав Дагестанской АССР переводились 4 тяготевшие к этой республике района (переходило 88 колхозов, 20 800 дворов).

К Северо-Осетинской АССР отошли непосредственно прилегающий к городу Орджоникидзе Пригородный район, за исключением южной части, по территории составляющей примерно 30 %, полностью Назрановский район и большая часть Ачалукского района, составляющая примерно 70 % к нынешней территории (на территории района имелось 52 колхоза, 8 400 дворов).

К Грузинской ССР отводились северные склоны Кавказского хребта пяти районов бывшей ЧИАССР, в том числе Итум-Калинский, Шароевский наполовину, Галанчожский, Пригородный от 30% до 40% территории каждого. На территории 213 тыс. га располагались 40 колхозов и 8000 колхозных дворов.

Участвовавшие в совещании представители от Дагестанской республики (Даниялов, Алиев) обратились с просьбой присоединить к Дагестану восточную часть Гудермесского и Курчалоевского районов. Секретари обкома ВКП (б) Мазин (Кабардино-Бал-

карская АССР) и Кулов (Северо-Осетинская АССР) выступили с предложением присоединить к Северной Осетии Пседахский, Малгобекский, полностью Ачалукский и часть Сунженского районов [15, л. 2].

26 февраля 1944г. И.Сталину был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и проект постановления СНК Союза ССР «О заселении и освоении районов Чечено-Ингушской АССР».

Заместитель председателя СНК РСФСР Д. Дегтярь 27 февраля 1944 года предложил в представленный в СНК Союза ССР проект внести дополнения, включавшие необходимость перевода в Грозненскую область районов бывшей ЧИАССР и Кизлярского округа Ставропольского края. Это объяснялось тем, что Кизлярский округ больше тяготел в экономическом и культурном отношениях к Грозному, чем к Ставрополю. На практике срабатывал принцип экономического и культурного тяготения.

В проекте предполагаемого постановления СНК Союза ССР «О заселении и освоении районов бывшей ЧИАССР» намечалось переселить до 15 апреля 1944 г. по Ставропольскому краю – 8000 хозяйств, по Дагестанской АССР – 5000 хозяйств, Северо-Осетинской АССР – 3000 хозяйств, Грузинской ССР – 5000 хозяйств. СНК республик и крайисполком обязывались до 1 мая 1944 г. разработать мероприятия по дальнейшему заселению и освоению районов бывшей ЧИАССР и внести их на рассмотрение СНК Союза ССР [16, л. 8].

В соответствии с указанием И. Сталина Л. Берия подготовил 26 февраля 1944 года проект Указа о ликвидации ЧИАССР. Сталин выразил гневное несогласие с представленным проектом. 29 февраля Л. Берия направил второй вариант проекта на имя И. Сталина из Владикавказа. Сталин внес существенные поправки. И только 7 марта был представлен И. Сталину окончательный вариант с приложенной географической картой административно-территориального устройства бывшей республики [17, л. 15].

Указ был утвержден.

В 1944-1946 годах осуществляется «планомерное заселение» опустевшей Ингушетии. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. По разным данным, от 25 до 35 тысяч осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию. Переселение шло по «добровольно-принудительной схеме»: каждому осетинскому району, колхозу «спускались» наряд – задания на определенное количество желающих переселиться в «новые районы» семей. Помимо кнута, применялась и политика «пряника» – государство предоставляло в распоряжение переселенцев безвозмездно «казенные» теперь (то есть оставленные ингушами) жилье и скот. Пять лет работы в данном колхозе требовалось для того, чтобы жилье было передано в собственность переселенца [18, л. 127].

Одновременно с этими мерами проводилась замена названий ингушских и чеченских районов и селений. 8 мая 1944 года решение по этому вопросу принял Северо-Осетинский обком ВКП (б).

В справке о рождаемости и смертности спецпоселенцев за 1945 год число смертей депортированных с Северного Кавказа составило половину общего показателя смертности среди спецконтингента – 44 652 к 89 659 человек. Главной причиной была хозяйственная неустроенность.

К августу 1946 года по документам спецконтингент в Казахской ССР уменьшился на 104 632 чел., из них 73 тыс. чел. умерло от различных болезней. Всего, по данным отдела спецпоселений НКВД, из переселенных чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев за период с 1944 по 1948 год умерли 144 704 чел. (23,7 %), в том числе в Казахской ССР умерло чеченцев, ингушей и балкарцев 101 036 чел., в Узбекской ССР за 6 месяцев пребывания умерло 16 052 чел. (10,6 %), в 1945 г. – 138 83 чел. (9,8 %) [18].

Эти данные НКВД о смертности значительно занижены и не могут быть верными, поскольку в первые месяцы выселения, учитывая масштабы вымирания, регистрация и учет смертности населения представляли большую сложность.

Таким образом, получается, что за первые 20 месяцев ссылки погибло 62 579 спецпереселенцев из ЧИАССР. Однако и здесь можно с уверенностью говорить, что это также неверный подсчет.

Акция по принудительному переселению задержала развитие культуры ингушей и чеченцев. Многие исторические памятники этих народов уничтожались, в том числе и памятники героям революции и труда, была прервана работа по ликвидации неграмотности.

Был подорван авторитет государства и власти в глазах депортированного населения. Проведенные в 1920-е годы преобразования в национальной политике, в итоге завоевавшие доверие и признание масс, оказались попраны со стороны самого советского государства. Власть продемонстрировала очевидное пренебрежение к провозглашенным ею же принципам.

Кавказ, «очищенный» от коренного населения и заселенный специально подобранным контингентом, становился свободным для различного рода маневров зоной. Установление тотального контроля над нефтяной промышленностью при создании общих благоприятных условий для развития производства в целом позволяло в кратчайшие сроки реализовать поистине огромные потенциальные возможности региона превратить его в один из наиболее развитых экономических центров страны. Учитывая стратегическое значение его географии, при удачном стечении обстоятельств, приобретение могло быть бесценным.

Депортация имела массу негативных последствий. Она унесла тысячи жизней невинных людей, разрушила семьи, люди гибли целыми селениями, огромный ущерб нанесли генофонду горских народов. Серьезный урон понесла экономика всего северокавказского региона. Новые поселенцы не оправдали надежд и не реализовали план хозяйственного освоения территории бывшей ЧИАССР. Были забро-

шены горные селения. Была ликвидирована государственная автономия ингушей и чеченцев, во имя которой они трудились более 20 лет. Упразднены государственные институты, административные районы.

Список литературы

1. Козыбаев М.К. Принудительный труд в СССР. М. 1997.
2. Сталин И.– Берия Л.: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М. 1992.
3. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных наркомов». Москва. 1995.
4. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Москва. 1994.
5. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 200.
6. ГАРФ. Ф.А. – 385.Оп.17.Д.329.
7. http://modernlib.ru/books/pihalov_igor_vasilevich/za_chto_stalin_viselyal_narodi/read/
8. 40-50-е гг.: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД – МВД СССР) ИСТОРИЯ СССР. 1992.
9. ГАРФ. Ф.Р.-9479. Оп.1. Д.896.
10. ГАРФ. Ф. Р. – 9478. Оп. 1. Д. 62.
11. Д. В. Шабаев. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд. Доп. Нальчик. «Эльбрус», 1994.
12. ГА ПД Р Кыргызстан. Ф.56. Оп.4. Д.185.
13. ЦГА Р Казахстан. Ф.1137. Оп.18. Д.157.
14. ЦХСД. Ф. 3. Оп.58. Д.179.
15. Архив Президента Казахстана. Ф.708, оп.2. д.664.
16. ГАРФ. Ф.Р. – 9401. Оп.2. Д.234.
17. ГАРФ. Ф.Р. – 9401. Оп.2. Д.234.
18. ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп.1. Д.125.

Г.Н. Гасанов, Э.А. Магеррамов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ Г. ДЕРБЕНТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются данные, материалы и источники XIX века на русском языке, которые позволяют проследить историю Дербента в первой половине и середине XIX века.

Ключевые слова: Азербайджан, Россия, Дербент, Дагестан, Дарбах, Табасаран, Баб-Албан, Джарчы гапы.

H.N. Hassanov, E.A. Maharramov

FROM THE HISTORY OF SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE CITY OF DERBENT IN THE FIRST HALF AND MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Abstract: The article reviews the data and materials in Russian-language sources of the XIX century, which allow us to trace the history of Derbend in the first half and middle of the XIX century.

Key words: Azerbaijan, Russia, Derbent, Daghestan, Darbakh, Tabasaran, Bab-Alban, Dzharchy gapi

История Дербента, который еще со средних веков являлся северными воротами, форпостом на северных границах, неприступной цитаделью и значительным морским портом Азербайджана, с начала азербайджано-российских отношений привлекал к себе пристальное внимание российских политиков, военных, путешественников, исследователей различных областей и др.

Не случайно почти во всех в более или менее значительных источниках, в различных систематических изданиях XIX – начале XX века находим очень богатые и многосторонние материалы по истории этого города, о его социально-экономической жизни, о быте и традициях жителей и т.д.

В ряду этих ценнейших источников по истории первой половины и середины XIX века особняком стоят общеизвестные «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему соизволению», состоящее из 4-х томов [12; 13; 14; 15] и «Географическо-статистический словарь Российской империи» в 5-ти томах [4; 5; 6; 7; 8].

В «Описаниях» дается точное местоположение Дербентской провинции: «Она заключается между 65° 30′ и 65° 55′ восточной долготы и между 41° 40′ и 42° 10′ северной широты, имея пределами: к северу реку Дарбах, к западу – Нижний Табассеран и Кюринское ханство, к юго-востоку – реку Самур, к востоку – Каспийское море, омывающее провинцию на пространстве 45 верст. Она простирается в длину, от северо-запада к юго-востоку на 60, и в ширину от 10 до 20 верст, занимая всего около 680 кв. верст» [15, с. 151].

В этом источнике отмечается, что «Провинцию орошают реки Дарбах и Самур, составляющия границы ея; Гурьеньчай (Гюлен-чай – Э.М., Г.Г.), Косиньчай и Мюгаты-чай.

Всю Дербентскую провинцию составляют город Дербент и 11 деревень; из их числа 10 деревень, заключающие около 410 домов, по Высочайшему со-

изволению предоставлены в 1806 году во владение Шамхала Тарковского, а одна причислена к городу» [15, с. 152].

Здесь же приводятся очень ценные сведения об исторических названиях этого стратегически важного региона: «Узкий проход между второю отраслью гор и Каспийским морем, заслоненный крепостью Дербентскою, известен был в древности под именем *Албанских ворот* (pilae *Albaniae);* в средних же веках Дербент именовался у Арабов (Во всеобщей Турецкой Географии Гаджи Калифа) *Баб-уль-абваб*, т.е. главными воротами, или *Баб-ул-хадид*, т.е. железными воротами, а также *Баб-Албан*, или *Седд-Албан*; иногда называли его *Серил-ал-дагаб*, т.е. золотым престолом, от того, как утверждают, что султан Дербентский имел право сидеть на золотом престоле. Нынешнее же его наименование есть персидское – от *дер* и *бенд*, означающих узкий запертый проход; поэтому многие места носят название Дербента. У турок он известен под именем *Демир-капы*, или железных ворот [15, с. 153].

«Обозрение», говоря о Прикаспийском походе Петра I упоминает Имангулу бека Дербентского наиба-правителя, назначенного российским царем главой этой крепости; Фатали хана Кубинского-Дербентского (1758-1789), его сыновей Ахмед и Шейхали хана. Хотя год включения Дербента в состав Кубинского ханства (1759) в этом источнике указан неверно – 1766 [15, с. 154].

Совершенно интересны и уникальны сведения этого источника о территориальной структуре Дербента: «Нарын-кале, бывшая местопребыванием прежних властителей Дербента, а ныне занимаемая комендантом и местным управлением, сообщается с городом посредством одних только ворот, южная стена имеет пять ворот: 1) от цитадели называются *Кала-каписи* или крепостные вороты; 2) *Боят-каписи* – от имени Бялт, откуда вышли предки Алпана-бека и вывели с собою до 500 семейств; 3) Орта-капи или средние вороты; 4) *Енги-капи* или новые; 5) *Дубары-капи* – по имени не населенной части города. В северной стороне трое ворот: 1) *Джарчи-каписи* – от Джарчи, т.е. вестника, который близ них передавал приказания ханския; 2) *Кырхлар-каписи* – от сорока святых, почитаемых в исламизме и погребенных близ этих ворот; 3) *Дубары-каписи»* [15, с. 156-157].

Автор этих «Обозрений» – Василий Легкобытов высоко оценивает г. Дербент: «Вообще, город, не взирая на беспорядочное направление и тесноту улиц, есть один из лучших городов за Кавказом» [15, 161]. «Приморская часть города, называемая *Дубары*, не заселена, а занята садами и огородами. Для поливания садов и огородов и для напуска воды на мельницы устроен там большой резервуар, снабжаемый водою посредством канала, который проведен из реки Рубаса. Недостаток воды внутри города составляет весьма важную невыгоду, ибо чрез пресечение воды жители могут быть стеснены» [15, 162-163].

В. Легкобытов приводит очень пространные сведения о демографической ситуации в Дербенте во II половине XVIII и в начале XIX вв.: «О прежнем состоянии народонаселения в Дербенте нет достоверных сведений, и даже не известно, до какой степени оно простиралось при поступлении Дербента в подданство России. По мнению академика Гмелина, путешествовавшего по западному берегу Каспийского моря в средине второй половины 18 столетия, Дербент заключал тогда до 4000 домов, и в том числе 100 армянских. Гораздо вероятнее показание Броневского, что в 1792 году город этот состоял из 2200 домов. Известие Клапрота (Tableau du Caucase), что Дербент в течение минувшего десятилетия содержал 4000 семейств, основано на свидетельстве Гмелина. Гамба полагает население Дербента, в 1824 году, в 7 или 8 т. душ. По сделанному в 1832 году камеральному описанию, исчислено в Дербенте с форштатом и причисленною к городу деревнею *Сабнова*, 1,795 домов, заключающих 5,139 душ мужского пола.

Жителей Дербента можно подразделить на три разряда: на Беков и Дворян, Духовенство и Граждан, состоящих из людей, отбывающих повинности. Беков считается 66, Дворян Армянских 2, Ахундов 4, Муллов 39, и Азанчи, призывающих на молитву, 11, Сеидов 43, Армянского Духовенства 4; у Евреев 3 Раббина. Остальные жители делятся на три разряда, смотря по количеству взносимых повинностей: в 1-м платят по 5 руб. сер. с старшего в семействе и по 1 руб. сер. с души мужеского пола, не менее 18 лет от роду; во 2-м по 3 руб. со старшего и по 50 коп. с души не менее 18 лет; в 3-м по 2 руб. сер. со старшего и по 25 коп. с души не менее 18 лет. Число семейств 1-го разряда – 17, а платящих душ 25; во 2-м – 127 и платящих душ 139; в 3-м – 844 и душ платящих 532. Сверх того, два семейства обложены по 1 рублю серебром.

Между жителями города есть Туркоманы, Персияне, Евреи и Армяне. В общем числе заключается 130 семейств Армян и до 50 – Евреев.

Из Мусульман принадлежать к секте Сунни не более 1/10, а прочие Шии. Первые имеют 1 Эфендия и 9 Мулл, а последние 3 Ахундов и 34 Муллы» [15, с. 165-166].

Источник особо останавливается над описанием различных культовых сооружений г. Дербент: «В числе 17 мечетей главная останавливает на себе внимание огромностью и величием; здание это воздвигнуто в отдаленные времена, и, как некоторые полагают, было сначала Христианским храмом. В пользу главной мечети, кроме приношений от народа, поступают доходы с бани, соленого озера и пятнадцати лавок. Есть и еще две мечети, владеющая 6-ю лавками (в Закавказском крае редко мечети имели собственные недвижимые имущества).

Армяне имеют в городе одну церковь; Евреи отправляют богослужение в Синагоге. Должно однако заметить, что как Дербентские Евреи, так и другие в тамошних провинциях, придерживаются некоторых обрядов своей религии не в настоящем их виде, да и вообще учение их искажено и изменилось бы еще более, если бы не посещали их Раббины, приезжающие иногда из России и Персии» [15, с. 167-168].

«Обозрением» четко определяется этническая принадлежность основной части населения города: «Дербентские Мусульмане говорят языками Татар-

скими (азербайджанским – Авт.) и Татским, из коих первый – в большом употреблении, не только между Мусульманами, но даже между Армянами и Евреями, имеющими свои собственные языки.

Дербентцы мало отличаются от Мусульман, обитающих в прочих городах за Кавказом, особенно от Бакинцев, с которыми по всей вероятности имеют общее происхождение; но нисколько не сходствуют наружностью с их соседями-обитателями гор, – и всякого Горца легко отличить в толпе Дербентцев (разрядка – Авт.) [15, с.168].

Нравственными качествами Дербентцы ближе подходят к Кубинцам, будучи, однако менее грубы и не столь воинственны. В них заметно более общественности, единодушия и расположения к принятию полезных нововведений. Умышленные преступления между ними редки» [15, с. 168].

В этом источнике приводятся также сведения о 14 мусульманских школах [15, 169], о разведении марены, зерновых, огородных и др. культур, о внешней и внутренней торговле и торговых заведениях, о развитии ремесла и т.д.: «Дербент имеет три караван-сарая, из коих два весьма хороши, и более 420 (!!! – Авт.) лавок, принадлежащих 80 человекам» [15, с. 185].

Здесь же коротко, но четко отражена структура административного управления: «Управление Дербентское составляют *Городовой Суд*, в котором председательствует Комендант, и заседают два члена от общества Мусульман и один от Армян; *Комендантское управление* и *Квартирная Комиссия*, в которой заседают Кала-бек или полициймейстер, один из офицеров и два члена из Мусульман. В Дербенте, сверх того, находятся Таможенная застава и Казначейство» [15, 186].

Другой источник – «Географическо-статистический словарь Российской империи» [4; 5; 6; 7; 8], в этом отношении более скуп; но и здесь имеются очень ценные сведения о географическом месторасположении, об истории, об этнодемографической ситуации и т.д.: «Дербент, портовый город на западном берегу Каспийскаго моря, в 2,147 в. от Москвы и в 714 вер. от Тифлиса, под 42°4’ с.ш. и 65°33’ в.д. Г-д расположен узкою полосою вдоль моря в направлении от запада к востоку по скату горы, круто упирающейся в море и составляющей часть невысокаго хребта, отделяющая Дербентское градоначальство от Табасарани. Город обнесен с 3-х сторон стеною, с четвертой же стороны, т.е. восточной, вдается в море. На западной стороне города находится цитадель (Нарын-кале), обведенная также стенами и расположенная на высоте командующая над всем городом. Стены сложены из ноздреватаго известняка, содержащего в себе много раковин. С южной стор. г-да, за стеною, расположены виноградники вер. на 5 по направл. от с. к ю. Г-д возник, как кажется, в конце V или в нач. VI в. и построен вероятно персидским шахом Кабадом, из династии Сассанидов; сын же его Нуширван Справедливый докончил постройку стен и цитадели. Г-д должен был служить для ограждения персидских властей от набегов хозар. Место выбрано для города очень удачно, потому что он замыкает собою проход через узкую равнину, образовавшуюся между главным, Кавказским хребтом и морем. Самое название *Дербент* означает по персидски заставу, у арабов г-д был. известен под именем *Баб-эл-абваб* (главныя ворота) или *Баб-эл-хадид* (железныя ворота), иногда же его называли *Серил-эл-дагаб* (золотой престол); турки называют г-д *Демир-капыси* (железныя ворота). Во все время своего существования Дербент находился преимущественно во власти персидских шахов, но иногда был занимаем хазарами, аравитянами, турками, в последния же столетия им часто овладевали соседние ханы, напр. кубинские. При царе Ѳеодоре Иоанновиче персидский шах Эмир-Гамзе обещал уступить России Дербент за союз против турок, но обещание это не было приведено в исполнение. В 1722 г. Петр Великий, пользуясь смутами в Персии, овладел Дербентом, оставил здесь гарнизон и сделал наместником имама Кули-Бека, облекши его званием хана; но в 1728 г. Дербентом овладел Казикумыхский владет., впрочем не надолго, потому что г-д вскоре того был захвачен Надир шахом, оставившим здесь своего наместника. В 1760 г. Дербент был завоеван Фет-Али ханом кубинским, по смерти котораго управлялся братом его Шейх-Али ханом. При сем последнем в 1796 г. русския войска осадили Дербент с суши и моря и овладели им. Окончательно же Дербент присоединен к России в 1813 г. по гюлистанскому договору. В 1831 г. Дербент был без успеха осаждаем Казы-муллою. Ч. ж. в Дерб. (без войска) в 1861 г.» 11,289 д. об. п. (5,982 м.п.). Церквей: правосл. 1, армяно-григорианская 1, мечетей: суннитская 1 и шиитских 16, еврейских синагог 3. Дом. в г-де 2,141. Постройки г-да имеют характер восточный; дома двухэтажные с плоскими крышами, сложены из плитняка. Улиц в городе 12, площадей 3. Училищ 21 (2 каз., 4 евр., 14 шиит, и 1 суннитское). Вода в Дербент проведена из горы, прилегающей с с. к Нарын-кале (цитадели); проходя по каналу сперва в бассейн цитадели, она отсюда разливается по всему городу посредством каналов, выложенных камнем; в Дубары же проведена вода из р. Рубаса за 16 в. от города. В городе ест три базара, из них один посередине города; караван-сараев 4. Земли город. 7,292 десят. Главное занятие жителей: разведение марены и садоводство. Всех садов до 1,500; они находятся к ю. от города, в них разводятся виноград, персики, винныя ягоды, абрикосы, сливы, груши и пр. Из винограда армяне приготовляют вино и водку. Некоторые жители разводят шафран, огородныя растения, занимаются хлебопашеством и скотоводством, евреи сеют табак. Кроме того, жители приготовляют глиняную посуду, оружие, ткут шелков, и бумаж. изделия; шелк и хлопч. бумага получаются из Бакинс. г., материи же расходятся по Дагестану и вывозятся в Кизляр. Ремеслами занимаются до 392 человек. Торговля Дербента не маловажна и заключается преимущественно в отпуске марены и фруктов в Астрахань, а также шелка и хлопчатой бумаги, привозимой сюда из Бакинской г. Вывоз марены чрезвычайно усилился в последнее 15-тилётие, как видно из следующих цифр. В 5-ти-летие 1847 – 1851 г. вывозилось из Дербента марены средним числом ежегодно 60,987 пуд.

на 273,460 рублей, в 5-ти-летие 1852 – 1856 ежегод. 138,140 пуд. на 593,280 руб., в 5-тилетие 1857 – 1861 ежегодно 157 526 пуд. на 1,279,132 рублей. Кроме того, из Дербента вывозят табак и кожи в Баку. Купцы ведут также торговлю с горцами, доставляя им русския бумажныя изделия, сахар, чай, металлы и другие товары, взамен они получают сукна, бурки и др. Товары для Дербента привозятся из Астрахани частью морем, частью же сухим путем. Торговлею занято до 300 челов» [5, 36-37].

Хотя оба рассмотренные источники были составлены царскими чиновниками и служили, «в первую очередь», фискальным интересам российского государства, тем не менее отраженные и сохраненные до наших дней сведения и материалы до сих пор являются незаменимой кладезью информации для изучения многовековой истории этого изумительного исторического азербайджанского города.

Список литературы

1. Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 2, отд. 2. СПб. 1851.
2. Гагемейстер Ю.А. Закавказские очерки. СПб., 1845
3. Гагемейстер Ю.А. Новые очерки Закавказья. СПб., 1848.
4. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 1. СПб. 1863
5. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 2. СПб. 1865
6. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 3. СПб. 1867
7. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 4. СПб. 1873
8. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 5. СПб. 1885
9. Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 3.
10. ЖМВД, 1838. Т. 29.
11. Кавказский календарь на 1857 год. Тифлис. 1856.
12. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Часть 1. СПб. 1836.
13. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Часть 2. СПб. 1836.
14. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Часть 3. СПб. 1836.
15. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Часть 4. СПб. 1836.

Л.М. Гарсаев, М.М. Гарсаева, А.М. Гарасаев, Т.С. Шаипова

О РОЛИ И МЕСТЕ ВАЙНАХСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СУФИЙСКОМ БРАТСТВЕ КУНТА-ХАДЖИ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация: В статье освещены роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Великого Гуманиста, Миротворца, Устаза Кунта-Хаджи. Статья преимущественно построена на основе полевых исследований и личных наблюдений авторов.

Ключевые слова: Кунта-Хаджи, суфизм, Чечня, Ингушетия, тарикат, мюрид.

L.M. Garsaev, M.M. Garsaeva, H.-A.M. Garasaev, T. S. Shaipova

ON THE ROLE AND PLACE OF THE VAINAKH WOMEN IN THE SUFI BROTHERHOOD OF KUNTA-HAJI (SOME ASPECTS)

Abstract: The article highlights the role and place of women in the Vainakh Sufi brotherhood of the great humanist, Peacemaker, UstazKunta – Haji. The article mainly is based on field research and personal observations of the authors.

Key words: Kunta – Haji, Sufism, Chechnya, Ingushetia, tariqa, murid .

Религия Ислам отводит женщине очень высокое положение и предоставляет ей все возможности, чтобы прожить чистую благочестивую, содержательную жизнь, наполненную глубокими чувствами и эмоциональными переживаниями.

Женщина, с точки зрения Ислама, – это особое создание господа, требующее чуткого, сострадательного обращения, уважения и понимания.

Кавказовед Б.К. Далгат отмечал, что чеченцы и ингуши, как и все горцы Северного Кавказа, пережили так называемое язычество и частично христианство. Ислам не вытеснил полностью прежние религиозные верования и традиции [1]. Самым значительным пережитком остается культ святых. Поклонение святыням всегда оказывало огромное влияние на быт мусульман, его роль велика и в наши дни. Вайнахи в обиходной речи категорию божества не связывают только с арабским именем Бога Единого Аллах. Они могут употреблять имя своего древнейшего бога вайнахского пантеона богов – *Дал*, *Дела,* имея в виду все того же Бога Единого и Всевышнего.

В настоящее время этноконфессиональные отношения становятся важнейшей проблемой научных исследований в области кавказоведения. В этой связи

особое значение приобретает изучение деятельности суфийских братств на Северном Кавказе. История суфизма всегда находилась в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Однако суфизм на Северном Кавказе изучен гораздо меньше, чем, например, в Иране и других странах мусульманского мира. По этой тематике известны работы В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, И.А. Беляева, А.Е. Крымского, С.К. Бушуева, И.П. Петрушевского, Н.А. Смирнова, Н.Н. Дьякова и др. Безусловной объективностью отличались также труды таких дореволюционных исследователей, как А. Ипполитов, М.А. Казембек, Н.В. Ханыков и др. Многие исследования принадлежат перу ученых старшего поколения Северного Кавказа, таких, как А.Р. Шихсаидов, А.Д. Яндаров, В.Х. Акаев, Р.М. Магомедов, М.М. Мустафинов, С.Ц. Умаров, М.Ш. Шамилова и др. Здесь отрадно отметить и научные изыскания по данной проблеме относительно молодых ученых Чечни М. Солтамурадова, А.М. Гарасаева. Однако, несмотря на кажущуюся многочисленность трудов по суфизму на Северном Кавказе, назвать все эти работы объективными и строго научными, на наш взгляд, нельзя. При советской власти основной задачей для многих недостаточно профессионально подготовленных авторов являлась критика суфизма и ислама в целом.

«Разоблачению» подвергались как роль тарикатов в истории Северного Кавказа, так и богословская сущность суфизма. Основные недостатки многих советских работ по суфизму на Северном Кавказе – вульгарно атеистический подход к проблематике суфизма как к идеологии «враждебной» идеям коммунизма, создание образа врага в виде верующих вообще и суфиев в частности; необъективная оценка и всего явления в целом, и роли исторических личностей – предводителей и видных деятелей суфизма [2, с. 7-9].

Мы не ставили перед собой цели проанализировать весь комплекс проблем, представляющих не только научный, но и практический интерес, а решили сосредоточить наше внимание на роли женщины в чеченском суфизме. Представленный доклад преимущественно построен на основе полевых исследований и личных наблюдений.

Мистицизм в горской среде широко распространен; его исторические, социально-политические истоки, а также его типология и основные тенденции более или менее изучены сторонниками как идеалистических, так и материалистических взглядов. Для Чечни, Ингушетии и Дагестана характерно распространение ответвлений двух известных тарикатов – кадирийа и накшбандийа, которые и в наши дни сохраняются как живые и деятельные структуры.

Кадирийа – самое распространенное братство в мусульманском мире. Интерпретатором его идей на Кавказе выступил в 50 – 60-е годы XIX в. шейх Кунта-хаджи, отрицавший насилие, войны, гнев, тщеславие, за что его не любил и опасался Шамиль. Но народ, тяжело переживавший поражение движения Шамиля, прислушивался к шейху. Тем более, что Кунта-хаджи призывал помогать бедным и несчастным, осуждал роскошь и высокомерие, убеждал впавших в пессимизм утешаться мистическим познанием Бога, бурными ритуальными радениями и нравственным самоусовершенствованием в ожидании торжества справедливости [2, с. 7-9].

Главное в проповедях Кунта-хаджи – принцип ненасилия. Российский исследователь К.П. Борусевич отмечал, в частности, «смиренность, набожность и незлобивость» характера кунта-хаджинца. «Они не употребляют табака и алкоголя, уклоняются от ссор и конфликтов, вместо оружия используют палку». Кунта-хаджи выступал против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войн и кровопролитий. Их может ниспослать лишь всемогущий Аллах, а потому и следует положиться во всем на Всевышнего. «Не слушайте самозванных шейхов и имамов, призывающих вас к войне, – говорил он, – не проливайте людской крови. Не поднимайте оружия против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест, носите его. Ведь это лишь металл. Если прикажут посещать церковь – идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры затребуют для развлечений ваших женщин» [2, с. 7-9].

Надо отметить, что женщины в чеченском суфизме занимают достойное место. Они соблюдают все требования ислама и тариката, т.е. совершают все, что положено по *вирду* (т.е. ответвлению) своего *устаза* (учителя, наставника). Обычно жена соблюдает вирд устаза своего мужа. Во многих братствах в Чечне и Ингушетии браки, в основном, заключаются строго с приверженцами своего вирда. Исключение составляет братство Кунта-хаджи. Проповеди устаза Кунта-хаджи муридов разных вирдов не разъединяют, а наоборот, призывают к сплочению и согласию. Здесь допускается иметь двух устазов в семье, т.е. супругам можно соблюдать вирд разных устазов. Женщина, выходя замуж, в основном, переходит в братство мужа, но имеет право остаться и в своем братстве. Однако дочери могут быть членами только отцовских братств [2, с. 7-9].

Как правило, женщины в Чечне и Ингушетии не ходят в мечети. Они собираются дома поочередно у той или иной муридки. Почти у каждого мурида дома существует большая комната или зал для отправления религиозных предписаний, полы в которой покрывают коврами или национальными ковриками «истанг». В этих помещениях, которые называются *зератан ц1а* (в пер. с чеченск. «помещение прихожан»), имеются полки с книгами религиозного содержания. На самой верхней полке лежит Коран. Здесь проходят совместные молитвы *намазы-таравих* во время поста Рамадан, а также вечерние зикры по средам и по воскресеньям. На зикры собираются и мужчины, и женщины, но по отдельности, в разное время. Женщина в чеченском суфизме наравне с мужчинами участвует во всех обрядах, но в братстве

Кунта-хаджи женщины совершают зикр отдельно от мужчин. У женщин имеются свои *туркх* (вестники, собирающие на молитву) и *тхьамду* (старейшина). В зикрах участвуют и молодые девочки, приход которых приветствуется. Женщины принимают активное участие и в похоронных церемониях, совершая зикры отдельно от мужчин [2, с. 7-9].

Муридки кадирийи совершают малое паломничество *зийара* к мавзолею Хеди – матери своего устаза. Роль матери в системе воспитания и образования муридов трудно переоценить. Именно мать начинает объяснять ребенку в возрасте 5-7 лет, что Всемогущий Аллах – един, что пророк Его – правдив, что необходимо признать и слушаться устаза. Мать обучает своего ребенка обязательным молитвам – фатиха, ихлас, фалак, нас, или же отводит ребенка к мулле для изучения Корана и различных молитв. Мать первая приобщает своего ребенка к тарикату. Она объясняет ему смысл и значение принятия устаза и его вирда. После того, как ребенок осваивает все выше сказанное, его принимают в братство. Возраст при принятии в братство не ограничен. Приход детей приветствуется, ибо дети-мириды являются безгрешными.

Бывают случаи, когда подростка понемногу привлекают к братству. Тхьамда или туркх представляют муридам «новобранца», в честь его вступления в братство читают особые молитвы – мавлюд, *доа* и т.д. Место встречи в таких случаях – мечеть или дом «новобранца», иногда церемония представления может проходить в доме любого мурида перед проведением общего зикра [2, с. 7-9].

После вступления новичок должен после каждого намаза совершать вирд своего устаза, т.е. произносить формулу *«астаг-фиру-л-лах»* («Я прошу прощения у Аллаха») – 15 раз, затем совершить первый стократный зикр, т.е. он перебирает четки, произнося на каждом зернышке формулу *тавхида* – «ла *илахиилла* – (Нет Бога кроме Аллаха), пятикратную молитву *салават,* т.е. молитву благословения – *«аллахуммасалли ‘ала Мухамма-дин ва ‘ала али Мухаммадинвасаллим»* («О Боже, благослови Мухаммада и семью Мухаммада, и да пребудет мир над ним»). Затем воздаяние сказанного отправляется к пророку Мухаммеду, да благословит его Аллах и спасет, и к устазу Кунта-хаджи, да освятит Аллах его тайны. Затем совершают вторую сотню зикра, произнося формулу *тавхида,* и воздаяние (мел) этого зикра отправляют Мухаммеду, да благословит его Аллах и спасет, своему устазу, да освятит Аллах его тайны, а также отцу устаза – Киши, и матери устаза – Хеди, далее своему отцу такому-то и своей матери такой-то. Смысл отправления воздаяний к родителям устаза и к своим родителям заключается в том, что мурид верит и жаждет, чтобы души родителей устаза и его собственных родителей пребывали в раю вместе. Необходимо отметить то обстоятельство, что наравне с отцом принимаемого мальчика или девочки упоминается также и имя матери [2, с. 7-9].

Среди приверженцев братства Кунта-хаджи встречаются даже русские и немцы. Они считаются равноправными членами тариката, однако при совершении молитвы не упоминаются их родители, так как те не были мусульманами. Тем самым оказывается уважение их вере. Например, в нашем селе Элистанжи Веденского района жили Елена Чакаева и Валентина Маштакова. В настоящее время живет Яха Петирова. Эти женщины были замужем за чеченцами. Покойные Елена и Валентина были похоронены по обряду кунта-хаджинцев. А Яха Петирова и ныне живет в этом селе. Она глубоко верующая женщина. Уже сорок лет как она приняла ислам и вступила в братство Кунта-хаджи. Мы не помним ее русского имени. Мы все зовем ее чеченским именем Яха, что в переводе означает «Живи!». Нам довелось говорить с ней лично, поскольку она часто заходила к нашей покойной матери Санет. Она говорила нам о том, что она очень счастлива в братстве Кунта-хаджи. В зикрах, в молитвенных песнопениях *назмах* она находит удовлетворение, душевное спокойствие, нравственное очищение, она черпает в них силу и ловкость. Яха очень переживает за своих родственников в России, потому что, как она считает, они живут в неверии и заблуждении. Как активистка братства, Яха участвует во всех женских собраниях: в зикрах по случаю похорон и в еженедельных вечерних молениях по средам и воскресеньям. Вместе с другими муридами она совершает малое паломничество *зийа-ра* к мавзолею матери Кунта-хаджи – Хеди. Для кунта-хаджинцев Хеди – это светлый образ матери. Мириды, как мужчины, так и женщины, постоянно посещают ее усыпальницу. Ее роль в женском суфизме особенно велика. Ее почитают так же, как христиане Деву Марию [2, с. 7-9].

Полноправное участие женщины в жизни суфийского братства *(тариката)* характерно не только для кунта-хаджинцев, но и для представительниц других братств. Женщине на Кавказе традиционно отводится значительная роль, как в структуре семьи, так и в общественной жизни. Выдающийся грузинский писатель XIX века Александр Казбеги, хорошо знавший обычаи и нравы чеченцев, писал: «Чеченская женщина свободнее всех женщин и поэтому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчинами» [3]. Имея такой статус, она обеспечивает передачу культурно-бытовых и духовных традиций новому поколению. И поэтому проследить эволюцию чеченского суфизма можно, лишь тщательно проанализировав роль женщины в нем.

Женщина в Исламе считается первым педагогом и воспитателем в семье. Посланник Аллаха (с.а.в.с.) говорил, что родители, которые сумели вырастить и воспитать дочерей, получат вознаграждение от Аллаха: «Тот, кто сумеет вырастить и воспитать (двух или трех) дочерей, пока они не достигнут совершеннолетия, в День суда будет близок ко мне вот на столько – и показал два соединенных пальца» [4].

И это показывает, какое значение придает наша религия женщинам.

Список литературы

1. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008. 380 с.
2. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Роль и место вайнахской женщины в суфийском братстве Кунта-Хаджи // Ж. Рефлексия, Назрань, № 2-6 2012.
3. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1973.
4. Муслим. Т. IV. С. 2028.

Г.Д. Гумба

СОАНЫ СТРАБОНА

Аннотация: Противоречивость сведений Страбона о соанах является следствием использования Страбоном различных источников, отражающих разные исторические периоды. Сопоставительный анализ сведений Страбона и Леонти Мровели о соанах выявляет, что первоначально термином соаны древние авторы называли нахское государственное объединение Центрального Кавказа в середине I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Страбон, Леонти Мровели, Центральный Кавказ, соаны, асы, абхазы, абазины, дурдзуки, кавкасиани, осетины, балкары.

G.D. Guram

SOANY STRABO

Abstract: The inconsistency of the information of Strabo about soany is the consequence of using different sources, reflecting different historical periods. A comparative analysis of the information of Strabo and Leonti Mroveli reveals that originally the term soany ancient authors called the Nakh state unification of the Central Caucasus in the middle of the 1 st Millennium BC.

Key words: Strabo, Leonti Mroveli, the Central Caucasus, Soane, Abkhazians, Abaza, Kabardians, Balkars, Ossetians, Asy, Caucasians, Durdzuki

Страбон описывает население Большого Кавказа несколько раз. В начале он перечисляет племена Кавказа с запада на восток и согласно его данным, в горах выше колхов среди прочих проживают небольшие народности фтейрофаги (фтейрофаги отождествляются с древнеабхазским племенем мисимианами (мсымаа), обитавшим на обоих склонах Главного Кавказского хребта – в верховьях Кодора и Кубани) и соаны [16: XI, II, 14].

Далее, после описания Колхиды и Иберии, греческий географ вновь возвращается к соанам, но на этот раз они представлены уже как многочисленный народ, превосходящий окружающие народы своим могуществом: соаны «…самые воинственные и сильные из всех …господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, …они могут выставить войско до 200 000 человек» [16: XI, II, 19]. Для сравнения согласно тому же Страбону, сиракское объединение могло выставить всего лишь 20 000 воинов, многочисленные аорсы, занимавшие большие пространства, как об этом говорит Страбон, тоже могли выставить не более 200 000 человек, албаны – 60 000 пехотинцев и 22 000 всадников, Мидия – 40 000 пеших и 10 000 всадников [16: XI, IV, 5; XI, V, 8; XI, XIII, 2].

Эти противоречивые сведения Страбона о соанах исследователи относят к необъяснимым. Действительно, сложно объяснить причину превращения соанов из небольшой народности, занимавшей небольшую территорию в верховьях Ингури и Цхенисцкали, в многочисленный и могущественный народ Кавказа, превосходящий по своей военной мощи такие крупные объединения, как мидийское, албанское, сиракское и др. При этом Страбон не высказывает каких-либо сомнений относительно могущества соанов и их способности выставить двухсоттысячную армию. Учитывая критическое отношение Страбона ко всякого рода сведениям, не соответствующим с его точки зрения действительности, данное обстоятельство означает, что он не сомневается в достоверности своих сообщений о соанах.

При анализе противоречивых сведений Страбона о соанах следует иметь в виду, что в его «Географии» отражена обширная историко-географическая литература, созданная предшественниками автора, представлены различные мнения по многим принципиально важным вопросам, а также изложены его собственные суждения [2, с. 22]. Поэтому двойственность информации Страбона о соанах является, скорее всего, следствием использования различных источников, отражающих разные хронологические срезы. В той части своего труда, где соаны описываются как небольшая народность в горах выше колхов, Страбон ссылается на данные историков Митридатовых войн, т.е. речь идет о I в. до н.э. [89 – 63 гг. до н.э.] Сообщение же о соанском могущественном объединении, занимавшем уже обширные территории Центрального Кавказа, представлено в связке с информацией о Колхиде, разделенной на скептухии, подчиненные центральной власти царя [16: XI, II, 18]. Данная фаза развития Колхидского царства относится к VI–IV вв. до н.э. [12, с. 198; 6, с. 68], следовательно, к этому периоду следует относить и существование крупного объединения соанов. Поэтому, вероятнее всего, в отрывке, где соаны представлены могущественным народом, господствующим над окружающими народами, воссоздается период се-

редины I тыс. до н.э. (VI–IV вв. до н.э.), а в другом отрывке, где соаны являются всего лишь небольшой народностью – I в. до н.э.

В своих сообщениях античный географ подчеркивает, что соаны занимают горы (вершины Кавказа), возвышающиеся над Диоскуриадой, что воспринимается исследователями как факт, указывающий на расселение соанов в западной части Кавказа (выше Диоскуриады – Сухума). Однако это не соответствует данным Страбона. Дело в том, что Страбон дает противоречивые сведения о локализации города Диоскуриады, что также является результатом смешения данных различных и разновременных источников. Так, в отрывке, где соаны упоминаются в качестве небольшой народности, проживавшей выше Диоскуриды, Страбон описывает расселение племен Западного Кавказа от Азовского (Меотского) побережья до Диоскуриады, и здесь же, как он сам говорит, завершает сведения о Диоскуриаде [16: XI, II, 18]. В данном случае имеется в виду действительное расположение города Диоскуриады (совр. Сухум), соответствующее сведениям историков эпохи Митридатовых войн. Согласно этим данным, в I в. до н.э. в горах над Диоскуриадой, рядом с фтейрофагами проживала малочисленная народность соан.

Страбон далее, после рассказа о Колхиде, Трапезунте, Фарнакии, об укрепленном городке Фрикс на границе Колхиды с Иберией, вновь упоминает Диоскуриаду, но расположенную уже в устье реки Харес [16: XI, II, 18]. В этом случае географ называет Диоскуриаду самым восточным пунктом Черного моря и сообщает, что «эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом» [16: XI, II, 16]. Как видно, в данном отрывке Страбон размещает Диоскуриаду в Восточном Причерноморье, где-то на побережье современной Аджарии. Такая ошибочная локализация Диоскуриады объясняется тем, что Страбон использовал в данном отрывке сведения ионийских географов середины I тыс. до н.э. [7, с. 68].

Именно от Диоскуриды, располагаемой в рассматриваемом отрывке «Географии» на восточном берегу Черного моря (район современной Аджарии, а не от современного Сухума, как это представляется в историографии), Страбон направляет своих читателей к северным границам Колхиды и Иберии, в центральные районы Кавказа и далее приступает к изложению сведений об объединении соанов. Древнегреческий географ характеризует соанов как многочисленный народ и пишет, что в отличие от прочих соседних с ними народов, которые занимают скудные, непригодные для земледелия горные земли, они владеют обширными плодородными землями к северу от Колхиды и Иберии. Из соседних с соанами народов лишь иберы и албаны владеют такими же плодородными землями [16: XI, II, 19]. Совершенно очевидно, что плодородными землями, принадлежавшими проживавшему к северу от Колхиды и Иберии населению, могла быть только Центральнокавказская равнина.

Таким образом, согласно Страбону, соаны занимали всю территорию Центрального Кавказа к востоку от верховья Ингури и Кубани и занимали плодородные северокавказские равнины. Объединение соанов было столь значительным, что способно было выставить двухсоттысячное войско, возглавлялось оно царем и Советом страны, состоявшим из трехсот человек. Однако такое обширное расселение соанов (сванов) не увязываются с тем, что известно о местах их проживания в древности и позднее, в связи с чем эти сведения Страбона считаются неверными. Действительно, современные сваны – это малочисленная горская народность, принадлежащая к картвельской языковой семье и проживающая в верховьях рек Ингури и Цхенис-Цкали, т.е. к северу от Колхиды, и нет какой-либо информации, которая хотя бы косвенно подтвердила их распространение когда-либо по всему Центральному Кавказу или господство в этих местах.

В то же время «География» Страбона – это не единственный источник, в котором приводятся столь обширные границы соанских земель. Территория Центрального Кавказа от Дагестана на востоке до верховьев Ингури на западе названа *Суанети* и в «Картлис цховреба»: «…от Дидоети до Эгриси, которая суть Суанети» [15, с. 80], но это сообщение также считается не поддающимся объяснению. Однако в данном случае в поле зрения исследователей почему-то не попадает очень важное уточнение, имеющееся в древнегрузинском источнике, а именно то, что население Суанети составляют нахские племена – дурдзуки. Согласно Леонти Мровели, картлийский царь Саурмаг (III в. до н.э.) привел с собой дурдзуков – «половину рода кавкасианов …(и) посадил в Мтиулети – от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети» [15, с. 80]. Конечно, данное сообщение Леонти Мровели нельзя воспринимать в буквальном смысле, утверждая, что царь Саурмаг якобы мог осуществить в то время столь грандиозное переселение нахских племен – так, чтобы те за короткий период времени заняли территорию от Дидоети (Дагестан) до Сванети (верховья Ингура). Как отмечают исследователи, со стороны древнегрузинского историка здесь имеется попытка объяснить проживание кавкасиан-дурдзуков на южных склонах Кавказского хребта [13, с. 295]

Может быть, здесь и скрывается разгадка противоречивых сведений древних авторов о соанах, поскольку речь, возможно, идет не о грузиноязычных сванах, а о нахских племенах – кавкасианах-дурдзуках, проживавших на Центральном Кавказе. К такому выводу подталкивает и то, что территория соанского объединения Страбона – от фтейрофагов на западе до Дагестана на востоке, и Суанети Леонти Мровели – от Эгриси на западе до Дидоети (Дагестана) на востоке, практически полностью совпадают с территорией, на которой в I тыс. до н.э. проживали нахи, известные по другим источникам как нахаматеаны, кавкасианы, малхи//махли, мосхи//масахи [см.: 5, с. 75-78]

Однако вышесказанное не полностью устраняет противоречия в понимании сведений Страбона и Леонти Мровели о соанах: поскольку остается неясным, почему Страбон нахское объединение называет соанским, а Леонти Мровели территорию к югу

от Главного Кавказского хребта, где, согласно его же сообщениям, проживали кавкасианы-дурдзуки, именует Суанети. В качестве гипотезы можно предположить, что ответ, возможно, кроется в абхазском названии *соан (сван*) – *а-шануа* (*шьᵒуануа*: *шь* в слове *а-шьᵒуан* – свистящий звук абхазского языка *шьᵒ* (*ş*), в иной языковой среде звучащий как *с* (*s*), отсюда и *суан*, *соан*, *сван)*. Характерно, что именно форма *шуан* (*соан*, *суан*) сохранилась у Страбона и Леонти Мровели.

С абхазского языка *соан* (*сван)* – *а-шануа* (*шьᵒуануа*), переводится буквально как *люди страны* (*где ранее жили*) *ашьᵒы* (*асы*). По мнению исследователей, «в местах, занятых в настоящее время сванами, проживал в далеком прошлом некий народ *а-шьᵒуа*, название которого перешло на пришлые племена картвельского языкового корня» [9, с. 49].

Вопросы происхождения названия а*шьᵒы//асы* и этнической принадлежности его первоначальных носителей остаются до сих пор неясными и в кавказоведческой литературе относятся к наиболее сложным и дискуссионным [4, с. 35]. Исходя из того, что термин *асы* сходен с иноназванием ираноязычного народа осетин – *овсы (осы)*, и тюркоязычного народа балкаров – *асы*, истоки его происхождения ищут чаще всего за пределами Кавказа, среди кочевых племен Евразии (ираноязычных или тюркоязычных). Однако термин *ас* (*асы*) не был самоназванием тюркоязычных балкарцев – так их называют осетины, а факт использования его осетинами для обозначении балкарцев (*асы*) свидетельствует также и о том, что *асы* не являлось и самоназванием ираноязычных племен, предков современных осетин, поскольку, как известно, ни один народ никогда не называет другой народ своим собственными именем. А сохранившиеся осетинские названия *Ущелье асов* (*Асское ущелье*), *Асы кала* (*Асская крепость*) [18, с. 186] вообще исключают какие-либо сомнения в том, что кавказские асы (ашы) и ираноязычные осетины относились к различным этническим группам, поскольку и ущелье, и крепость могли быть названы по этническому признаку только от соседнего, чужеродного этноса.

Термин *ашы* (*асы*) нельзя также путать с грузинским названием осетин *овси* (*опси*, *оси*). Еще В.И. Абаев отмечал, что грузинское *ousi* (*овси*) вряд ли имеет какое-либо отношение к античным *ас* и *ас-ам*, *яс-ам* древнерусских источников [1, с. 80]. Более вероятным представляется существующее в научной литературе мнение, согласно которому форма *опси* (*овси*, *оси*, откуда и современные названия *Осетия* и *осетины*) – это не что иное, как грузинская передача абхазского названия ираноязычных племен − *уапшь* (*уапс*) (букв.: *рыжие*, *светлые люди*) [9, с. 48].

О том, что светлые, белокурые (рыжеватые) волосы являлись одной из отличительных особенностей внешнего облика кочевых ираноязычных племен, говорят почти все древние авторы [3: XXXI, 2, 21; см. также: 14, с. 221; 10, с. 171]. Вероятно, древние абхазы, соприкасавшиеся с ираноязычными племенами, называли их по внешнему облику – *уапшь* (*уапс*) (*светлые*, *рыжие люди*). Абхазское название ираноязычных племен *уапс* позднее было усвоено грузинами (*уапс – опс – овс – ос*), поскольку предки осетин по языку – ираноязычные племена сначала появились в западных районах Центрального Кавказа, в непосредственном соседстве с Абхазией, а оттуда постепенно продвигались на восток.

То, что термины *ашы* (*асы*) и *уапс* (*опси*, *оси*, *осетин*) имеют различное происхождение и их нельзя смешивать, подтверждается еще и тем, что абхазам – как в прошлом, так и в настоящем, были известны этнонимы *уапс/уапшь* и *ашьᵒуа* (*асы*), служившие для обозначения совершенно разных народов [9, с. 48-49]. Если термином а*шьᵒануа* (*шьᵒуануа*, *суануа*) абхазы называют картвелоязычных сванов, то слово *ашьуа* (*асуа*) – *«а-шьᵒы* (*асы*)» они употребляют для обозначения абазин и адыгов Центрального Кавказа (кабардинцев и черкесов) [8, с. 145].

Тот факт, что название *ашы* (*асы*) употребляется для обозначения сразу нескольких кавказских народов, относящихся к различным этноязыковым группам (абазины, адыги, балкарцы, сваны), возможно, объясняется тем, что ашы/асы являются одними из древнейших аборигенов Кавказа, сыгравших в процессе формирования перечисленных народов роль этнического субстрата и передавших им свое название. В связи с этим, следует обратить внимание на то, что в хеттских и ассирийских клинописных надписях урартская область на левобережье Евфрата Цопа (Цова, Цупани, Софена) называлась Isua (Ишьуа, Исуа). В древности Цопа славилась разведением лошадей и название области, вероятно, происходит от хурритского iśiya (ишьᵒиуа) – *лошадь*, ср. также, шумерское si (шьи) – *лошадь*. Учитывая, что Цопа (Цова) или Ишьᵒуа (Исуа) являлась исходным местом переселившихся на Кавказ племенных групп цанов (цова, цова-тушин), терков-турков и др. [5, с. 230-232], нельзя, наверное, исключать возможную связь населения приевфратской области Исуа (Ишьᵒуа с кавказскими асами (ашьᵒуами).

В то же время, тот же факт употребления *ашы* (*асы*) для обозначения сразу нескольких кавказских народов, может указывать и на географический характер данного термина и своим происхождением он, может быть, обязан какому-то признаку, характерному для региона, вне зависимости от этноязыковой принадлежности населения. В связи с этим обращает на себя внимание, что в абхазском языке *шы* (*шьᵒы*, *сы*) означает *черный* и применяется также для обозначения плодородной земли – *Черноземья*, т.е. *а-шьᵒуа* переводится с абхазского языка буквально *люди Черноземья* (Автор признателен доктору ист. наук, профессору В.Л. Бигуаа за консультацию по данному вопросу). Правомерность предложенной этимологии *шьᵒы*, *сы* удостоверяется и тем, что в родственном абхазском адыгском языке *шьᵒы* означает *земля*.

Отсюда, можно предположить, что термин *а-шьᵒы* (*асы*, *ашы*) употреблялся в географическом смысле для обозначения земледельческого населения северокавказского Черноземья. Обозначение же термином *ашуа* (*асуа*) жителей горной части Главного Кавказского хребта, в том числе и южных склонов, могло иметь место лишь в тот период, когда северокавказскую равнину и склоны центральной части

Главного Кавказского хребта населяла одна этноязыковая общность. К настоящему времени совокупность всего имеющегося разнохарактерного материала (археология, антропология, язык, топонимика, письменные источники и др.) дает веские основания полагать, что такой общностью в середине I тыс. до н.э. (в пределах кобанской культуры) являлась нахская этнокультурная общность [см.: 5, с. 122-123]. Следовательно, можно допускать, что термином *ашы//асы* первоначально именовали нахскую этническую общность Центрального Кавказа. Позднее термин *асы* переносился в название племен, оседавших в западной части Центрального Кавказа. Аналогичная ситуация наблюдается и на южных предгорьях западной части Центрального Кавказа, где проживавшие здесь нахские племена *ашьоы* (*асы*) были ассимилированы пришедшими грузиноязычными племенами, которые затем стали именоваться *шьоуануа* (*ашьоануа*, *суан*, *сван*) – *люди страны*, *где жили* (*ранее*) *ашьоы* (*асы*), отсюда – *Суанети*, *соан*, *сван.* Предлагаемая интерпретация сведений Страбона о соанском объединении отвечает также всему имеющемуся материалу, который свидетельствует о том, что предшественниками грузиноязычных племен, в том числе и сванов, на южных предгорьях Центрального Кавказа – от Сванети до Дагестана, являлись именно нахские племена. Все это позволяет предположить, что в сообщении Страбона о могущественных и многочисленных соанах, расселенных к востоку от фтейрофагов (в том числе и на плодородных северокавказских равнинах), и Леонти Мровели – о стране Суанети, занимавшей территорию от Дагестана до Эгриси и населенной дурдзуками, речь может идти о нахском объединении середины I тыс. до н.э.

Список литературы

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.1949.
2. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М.: «Наука», 1987.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: Алетейя, 1994.
4. Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: «Менеджер», 2003.
5. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.) Сухум.: Абгосиздат, 2016.
6. Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ. 1994. № 1.
7. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1961.
8. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. «Кавказский календарь» за 1862 г. // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
9. Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.
10. Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // «Древности Северного Кавказа». М. 1999.
11. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию // Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949.
12. Лордкипанидзе О.Д. Городище Вани в общеколхидском контексте // ВДИ. 1991. № 1.
13. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
14. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М. 1963.
15. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М. 1979.
16. Страбон. География. М. 1964.
17. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л. 1971.
18. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе. 1971.

М.А-А. Джанкёзова

ИСТОРИЗАЦИЯ СЮЖЕТОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПЕСЕН В ПОСТ-НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация: В статье исследуется карачаево-балкарский пост-нартский эпос, характеризующийся смещением акцентов от героическо-фантастического дискурса к реалистическо-бытовому. Феномен историзации эпического сознания рассматривается на материале двух карачаево-балкарских песен «Бийнёгер» и «Каншаубий и Гошаях».

Ключевые слова: фольклор, эпос, сюжет, мотив, песни, «Бийнёгер», «Каншаубий и Гошаях».

M. A-A. Dzhankozova

HISTORYSIZE STORIES KARACHAY-BALKAR SONGS IN THE POST-NART EPOS

Abstract: The article examines the Karachay-Balkar post-Nart epos characterized by the shift from heroic fiction to realistic discourse-household. The phenomenon of the historization of the epic consciousness is considered on the material of the two Karachay-Balkar songs «Binegar» and «Kanshaubii and Hosah».

Key words: folklore, epic, plot, theme, songs, «Binegar», «Kanshaubii and Hosah».

Развитие сюжетов карачаево-балкарских фольклорных песен в условиях формирования в Карачае и Балкарии феодальных отношений определяется постепенным движением от героико-фантастических мотивов к реалистическо-бытовым. В критике отмечается тенденция к «мельчанию», «сюжетому полицентризму и историзации», присущая нартскому эпосу позднего периода [12, с. 119]. Утверждается, что от нартского героического эпоса берет начало традиция песен о набегах, свидетельствующая о «непрерывности балкарского эпоса» и представляющая «следующую ступень развития эпического сознания балкарцев и карачаевцев после нартского эпоса» [12, с. 124, 141]. Соглашаясь в целом с мнением ученого относительно «непрерывности балкарского эпоса», мы не можем не возразить: специфику пост-нартского периода, на наш взгляд, определяют не набеговые песни, а фольклорные произведения, в которых органически переплетаются мифопоэтические и магиомифологические мотивы с изображением реальных исторических событий и героев.

Постепенное нарастание тенденции «перехода от мифологии к новым песням, героическим и лирическим» [5, с. 176], к «историзированным» сюжетам отчетливо прослеживается в цикле карачаево-балкарских песен: «Бийнёгер» («Бийнёгер»), «Къаншаубий бла Гошаях» («Каншаубий и Гошаях»), «Къубадийлары» («Кубадиевы») и др.

Характерные черты подобной трансляции мифологических образов, аккумуляцию их элементов в историко-героические сюжеты можно рассмотреть на материале песен «Бийнёгер» («Бийнёгер») и «Къаншаубий бла Гошаях» («Каншаубий и Гошаях»).

Архетипический сюжет о гибели охотника, пренебрегшего заповедями бога диких животных и охоты, имеет широкое распространение в устной словесности народов разных регионов [10, с. 47; 1, с. 19]. Песня «Бийнёгер», возможно, одна из древнейших в карачаево-балкарском фольклоре. На это указывает целый ряд факторов. Так, основной сюжетообразующий мотив песни восходит к нартскому эпосу. Ёрюзмек, занимающий «...центральное место в системе образов карачаево-балкарского эпоса» [13, с. 20], преследует белую лань, которая, превратившись в «белую княгиню», проклинает его: «А твои дни и ночи пусть недобрыми будут! // Сегодня целый день ты не давал мне покоя, не дал мне попастись, – сказала (она), говорят» [9, с. 349]. Дальнейшее развитие сюжета в нартской песне «Ёрюзмек и белая лань» связано с появлением мужа «белой княгини», одноглазого эмегена. Если в данном сюжете нартского эпоса налицо проявление оборотничества, то в песне «Бийнёгер» покровитель охоты и животного мира бог Апсаты и его дочь, противостоящие охотнику Бийнёгеру, принимают зооморфные черты. Новые реалии предопределяют изменение структурных элементов в песне «Бийнёгер»: вместо конфликта нартов с враждебными эмегенами появляется конфликт человека с природой, приобретающий конкретно-историческую и реально-бытовую основу.

На мифологические истоки песни «Бийнёгер» указывает также присутствие имен языческих богов в тексте. Так, в более полном издании песни Бийнёгера «не любят ни Тейри, ни Апсаты» [13, с. 72]. В поздних вариантах песни вместо языческого бога Тейри появляется имя мусульманского бога Аллаха.

«Язык повествования» связывает песню «Бийнёгер» с общественно-политическими, географическими реалиями средневековой Балкарии, приводит ее к «историзации». Очередной уход Бийнёгера на охоту объясняется не его ненасытностью, а моральной неудовлетворенностью: ему не дают реализовать социальный статус князя согласно традициям, сложившимся в горском обществе, не дают «бийства» (княжества), не оказывают положенных почестей во время весеннего языческого обряда Голлу:

Уллу Малкъарда эл табылмай, сен бийлик этерча,
Голлулада джер табылмай сен тёрге ётерча,
Бий улуна тёре хурмет бермейди,
Ачыуундан Бийнёгер да кийик уугъа кетеди.
[2: 1965, 43] .

В Большой Балкарии села не нашлось,
чтобы тебе княжить,
На Голлу нет места, чтобы ты с почетом сидел,
Княжичу тёре (народный парламент)
уважения не воздает,
От горя Бийнёгер уходит
на туров охотиться (Авт.)

В сюжете песни явно просматриваются признаки разложения родового строя в Балкарии, когда сельская община демократически выбирала наиболее уважаемого человека на княжение. К этому времени относится и расцвет языческого праздника Голлу. Через пренебрежительное отношение общества к Бийнёгеру просматривается нарушение традиционных устоев общества.

Герой сам тоже вносит лепту в этот разлад, уничтожая без меры диких животных, подвластных богу охоты Апсаты. Симптомы нарушения гармонии между человеком и обществом, человеком и природой проявляются и через судьбу старшего брата героя Омара. Он заболевает загадочной болезнью («ит ауруу» -буквально: «собачья болезнь», тяжелая форма заразной болезни, не имеющей точного медицинского названия), которую можно вылечить только молоком белой лани.

В последующем развитии сюжетно-повествовательных узлов песни реальные события переплетаются с магическими элементами. Бийнёгер получает предупреждения, имеющие символический смысл. Снаряжаясь в дорогу, чтобы найти средство для излечения больного брата, он разыскивает охотничью собаку, которая могла бы помочь в такой неординарной ситуации. Дяди по материнской линии отказываются дать ему щенка, с которым он хочет отправиться на охоту. В карачаево-балкарском языке есть фразеологизм «эгечден туугъан» («родившийся от сестры»), выражающий в высшей степени уважительное отношение к племяннику по женской линии. Об особом расположении к нему говорит и карачаево-балкарская поговорка: «Эгечден туугъан келсе, юйню ара багъанасы къымылдар» («Когда приходит племянник (сын сестры), то центральная опора дома покачнётся»). Вероятнее всего, такая обходительность свиде-

тельствует о пережитках матриархата, укоренившихся в сознании карачаево-балкарцев. С учетом данного обстоятельства отказ родственников по линии матери в данном эпизоде может означать одно – они хотят предотвратить беду.

Мифологическое пространство в «Песне о Бийнёгере» естественно перерастает в реальное. Перед охотником Бийнёгером появляется лань с тремя ногами, с золотыми рогами, «глаза ее как звезды светят, красота ее человеческие глаза слепит». Подобные мифологические образы, содержащие в своей семантике «отклонение» от нормального, берут начало в нартском эпосе карачаево-балкарцев. Так, конь Карашауая Гемуда рождается трехногим, чем мотивированы его летучие свойства [8, с. 437]. Дочь Апсаты Байдымат (в других версиях – Мёлехан, Фатимат) в облике белой лани, верная отцовскому наказу, заманивает Бийнёгера на уступ скалы, откуда он не может ни спуститься вниз, ни подняться наверх.

Замкнутое пространство, в котором оказался охотник, является наказанием магиомифологического ряда. Ведь согласно мифологическим представлениям, бытующим у многих народов, в том числе, у карачаево-балкарцев, душа умершего не найдет успокоения, пока тело его не будет предано земле.

Финал песни трагичен. Бийнёгер находится в каменном плену шестнадцать дней. Отсутствие возможности живым выбраться из каменного плена ставит героя перед сложной дилеммой: остаться на скальном выступе и умереть голодной смертью, или броситься вниз со скалы, чтобы избежать мучений.

Сказитель, изображая гнев бога Апсаты и его дочерей, апеллирует к карачаево-балкарской мифологии, поступки же героев, противостоящих им, носят реалистический характер. Реальность проявляется в «...точной обозначенности национальных, родовых признаков, личностной индивидуальности главного героя и его окружения: брата, возлюбленной, родственников: в географической обозначенности происходящего, в строгой детализированной завершенности, фабульности повествования, в его событийности» [6, с. 50]. Охотник Бийнёгер преследует белую лань по всем ущельям Балкарии: «Марал кетди Малкъар тауладан Холамгъа, // Андан ётдю Чегем, Бахсан таулагьа [7, с. 74] («Лань ускакала с гор Балкарии в Холам, // Оттуда перешла в горы Чегема, Баксана»).

Признаки «историзации» мифа о Бийнёгере проявляются в наличии этнографических элементов, а также исторического прототипа, реальных топонимов, связанных с именем героя. Так, в Черекском ущелье Балкарии называют имя прототипа Бийнёгера – Бегиева Бийнёгера Гезоховича (имя и отчество приводятся в песне без изменений). В местности Уштулу сохранились топонимы: «Камень Бийнёгера» («Бийнёгерни Ташы»), «Гора, в которой был заперт Бийнёгер» («Бийнёгер бекленнген къая») и др. В то же время следует отметить, что такие же «следы» Бийнёгера обнаруживаются и в других ущельях Балкарии [11 (б)].

В песне «Къаншаубий бла Гошаях» («Каншаубий и Гошаях») магиомифологическое начало выгражено значительно слабее, что свидетельствует о постепенном угасании его и нарастании реалистических, конкретно-исторических элементов.

Вопрос о времени, месте возникновения песни, ее этнической принадлежности рассматривается в скрупулезно проведенной изыскательской работе Ю. Асанова. Ученый отмечает, что персонажами песни являются «реальные лица, имена которых в связи с теми или иными имевшими место историческими событиями упоминаются в документах первой половины XVII века» [4, с. 97]. Нельзя не согласиться и с его выводом о том, что песня «...была создана в карачаево-балкарской этнической среде». Вместе с тем автор отмечает, что «те варианты песен и преданий о Ганшагаг, которые до недавнего времени широко бытовали у адыгов, следует считать адыгскими, поскольку в местной этнической среде они подверглись значительной фольклоризации, и в них был внесен особенный и довольно-таки значительный национальный колорит» [4, с. 113].

Фабула песни «Каншаубий и Гошаях» двучастна и представляет собой сплав эпических и лирических, реалистических и фантастических элементов. В первой части содержится завязка: старший сын князя Бекмурзы Камгут, прославившийся своими набегами для захвата невольников, замечает красоту девочки Гогнаях и похищает ее. Он привозит ее в свое село Эл-Журт и поручает молочной матери воспитывать, не показывая никому семь лет. Когда проходит условленное время и Гошаях исполняется семнадцать лет, Камгут женится на ней, но вскоре умирает. Герой песни Каншаубий, один из четырех сыновей князя Бекмурзы, влюбляется во вдову своего старшего брата. Нарушив обычай левирата, согласно которому невестка должна была выйти замуж за следующего по старшинству брата (Эльбуздука), Каншаубий женится на ней. Но этот брак, заключенный по взаимному согласию, приносит им обоим неисчислимые страдания. Причиной тому стала жена молочного брата князя Гюргока Хадаужукова (в русской транскрипции – Атажукина), с которым Каншаубий крепко дружил. Она пытается соблазнить Каншаубия, но верный своей дружбе и супружескому долгу, он отвергает возможность такого предательства по отношению к своим близким людям:

Сен мени эмчек уланымы къатыныса.
Сени бла мен ол ишни эталмам,
Гошаях бийчени къоюб,
сени бла кеталмам [2, с.57].
Ты жена моего молочного брата,
Не могу я на это дело пойти,
Покинув княгиню Гошаях, с тобой
уйти не смогу (Авт.).

Княгиня Хадаужукова попирает обычай куначества, нарушает одну из эпических добродетелей – верность. Вероломством, ложью она вносит дисгармонию в жизнь Каншаубия, разрушает его семейное счастье. Оскорбленная отказом героя, княгиня отравляет его, подав бозу (слабоалкогольный напиток, приготовленный из зерновых) с ядом.

В отличие от героя нартского эпоса Ерюзмека, прибегающего по совету супруги Сатанай к хитро-

сти, благодаря чему отравленное питье не попадает в его желудок, Каншаубий, чтобы не выглядеть трусом, пьет отравленный напиток. Мотив отравленного питья, типичный для эпической традиции, сочетается в песне с магическим его воздействием. Отравительница Хадаужукова в данном эпизоде выступает как «персонаж бытовой мифологии» [12, с. 194], обладающий магическими способностями. Загадочная болезнь Каншаубия является следствием колдовского средства, порчи, от которой никто не может вылечить. В поисках средства для излечения Каншаубий отправляется к знахарке в Дагестан. Знахарка берется вылечить его, но с условием, что он женится на ней. Чувства Каншаубия «раздваиваются», перед ним встает дилемма: ждать тяжелой и мучительной смерти от болезни, или ценою потери свободы, семьи спасти свою жизнь. Герой вынужден принять условия знахарки.

Во второй части песни «Каншаубий и Гошаях» эпическое, событийное начало уступает лирической стихии. Преобладающими в тексте являются элементы кюй (плача), не случайно заглавие, используемое практически всеми издателями песни, – «Плач княгини Гошаях». В монологе-плаче Гошаях выражается беспредельная тоска по мужу, звучат проклятия в адрес ненавистной соперницы. Смыслом жизни Гошаях становится поиск своего супруга в обозримом пространстве. Но где бы ни разыскивала героиня мысленно или реально следы своего мужа, только в плаче она может выразить свое безграничное горе. Плач в песне приобретает самые различные оттенки. Плачем выражает безутешная героиня всю силу безысходного страдания: «Джыла, джыла, джарыллыкь, // Джарлы Гошаях!» [7, с. 280] (Плачь, плачь навзрыд // Бедная Гошаях!). В плаче Гошаях рассказывает обо всей своей жизни, начиная с родословной, и заканчивая своей несчастной долей. Скорбь Гошаях так велика, что ее плач способен расколоть на две части гранитный камень.

Анализ песни «Каншаубий» позволяет сделать вывод об усилении в ней исторической основы и лирического начала. В повествовании о трагической любви Каншаубия и Гошаях отразились социально-исторические события, связанные с жизнью четырех братьев, князей Крымшамхаловых, их взаимоотношениями с князьями Большой Кабарды в первой половине XVII века. Персонажами песни являются реальные исторические лица из дворянских фамилий Крымшамхаловых, Хадаужуковых, Боташевых и других. В тексте воспроизведены природные и рукотворные памятники; камень в Эль Джурте, ручей в Верхней Кубани, склеп старшего брата Камгута (Камгут Кешене) и мавзолей Гошаях-Кала в Эль Джурте. Присутствуют в песне «Каншаубий» и другие исторические реалии. В частности, интересны факты, связанные с бытованием института аталычества. В песне сообщается, что в начале XVII века карачаевский князь Камгут Крымшамхалов воспитывался в доме абазинского князя Бибердова, а его родной брат Каншаубий, главный герой песни «Каншаубий» – в семье кабардинских князей Атажукиных. Персонажи песни низводятся с мифологических пьедесталов, теряют эпическую природу, приближаясь к облику человека, живущего в карачаево-балкарском обществе XVII века. Изменение обличья зла, где интрига жены князя Атажукина, соперницы-отравительницы, приходит на смену магической силе в песне «Бийнёгер», отражает реальный процесс развития социальных отношений в карачаево-балкарском обществе. В подобном конфликте содержатся признаки разложения родового коллектива, возникновения противоречий, ведущих к феодальным распрям и войнам.

Таким образом, отличительной чертой указанных песен, стадиально следующих за эпосом, является то, что их сюжетно-повествовательная основа имеет сказочное, магиомифологическое начало. В них органически переплетены архаические сюжеты борьбы героя с магическими силами и этика межличностных отношений в феодальном обществе («Каншаубий и Гошаях»).

Сюжет анализируемых песен представлен в двойном художественном преломлении. С одной стороны, в нем отражаются черты жизни карачаево-балкарского общества времени падения родовых авторитетов, соответственно поступки героя объясняются реальными причинами, а с другой – судьба героя предопределяется действием сверхъестественных магических сил («Бийнёгер»).

Носителем зла в песнях выступают не эмегены, как это было в нартском эпосе, а магические явления или мифологические создания. Соответственно божественная кара, магическая болезнь и исцеление от нее в буквальном и символическом смысле становится сюжетообразующим мотивом. В то же время локализация мифологического сюжета, его привязанность к общественно-политическим, географическим, этнографическим реалиям средневековой Балкарии приводит к «историзации» текста. Обобщенные, гиперболизированные образы эпоса сменяются изображением индивидуальной человеческой судьбы, конкретных героев, имеющих реальных исторических прототипов.

Список литературы

1. Аджиев А.М. Кавказский сюжет о гибели охотника (вопросы эволюции и межэтнической общности) // Проблемы Дагестанской и Северокавказской филологии в контексте диалога культур и времен. Махачкала, 2010. С. 9-37.
2. Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) // Сост. М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. Ставрополь, 1965. 425 с.
3. Антология балкарской поэзии (Малкъар поэзияны антологиясы). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 594 с.
4. Асанов Ю.Н. «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях». Нальчик: Эль-Фа, 1996. 125 с.
5. Джуртубаев М.Ч. Душа Балкарии // Сборник статей. Нальчик, 1997. 232 с.

6. Караева А.И. Устное народное творчество карачаевцев и балкарцев // Караванная звезда. Черкесск, 2002.

7. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия. Составитель Т.М. Хаджиева Нальчик «Эль-Фа» Басма ара, 1996. 592 с. (Подстрочные переводы фольклорных поэтических текстов выполнены автором статьи).

8. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. 170 с.

9. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Восточная литература. 1994. 654 с.

10. Теппеев А.М. Эпос о Бийнёгере // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. №6. С. 47-66.

11. Теппеев А.М. Бийнёгер уучуну баяны // Заман. 18 февр. 2006 г.

12. Урусбиева Ф.А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. М., 2003. 207 с.

13. Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Восточная литература. 1994. С.8-66.

З.Д. Джапуа

ПЕРВОЕ МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИКИ НАРТСКОГО ЭПОСА

Аннотация*:* Статья посвящена вопросам поэтики нартского эпоса, точнее – исследованиям видного ученого – фольклориста-нартоведа А.А. Аншбы в области изучения поэтического своеобразия нартского эпоса. Также кратко охарактеризована полевая работа ученого по сбору фольклорного, этнографического, языкового материалов. Особое внимание уделено монографии ученого «Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса» (Тбилиси, 1970), ее основным аспектам.

Ключевые слова: А.А. Аншба, исследователь, фольклорист-нартовед, филолог, литературовед, монография, абхазский нартский эпос.

Z. Dzh. Dzhapua

THE FIRST MONOGRAPH STUDY OF THE POETICS OF NART EPICS

Abstract: The article is devoted to the poetics of Nart epics, precisely to the studies of a prominent folklorist-nartologist A. A. Anshba in the field of the study of poetic peculiarities of Nart epics. There is also given a short characteristics of the scholar's fieldwork on the collecting of the folklore, ethnographic and linguistic materials. A special attention is put to the scholar's monograph "Problems of the poetics of Nart epics" (Tbilisi, 1970), to its main topics.

Key words: A. A Anshba, researcher, folklorist-nartoved, philologist, literary, monograph, Abkhaz Nart epic.

Артур Артемович Аншба (1936–1985) принадлежит к кругу первых абхазских профессиональных филологов, пришедших в науку во второй половине XX века. А.А. Аншба весьма успешно продолжил лучшие традиции классической филологии, творчески применяя их в исследовании абхазского материала. В теоретических разысканиях ученого гармонично переплетаются и сосуществуют традиционные формы анализа с новыми методологическими направлениями и подходами. Время его творческой деятельности можно характеризовать как самое активное в развитии абхазской филологии. В науке он отличался глубиной и принципиальностью, а в жизни – скромностью и бескорыстием. Говоря словами видного литературоведа и литературного критика В.Л. Цвинариа, «для него (А.А. Аншбы. – З. Д.) наука была самой жизнью, а суть его жизни заключалась в науке» [6, с. 89].

Рамки исследовательской деятельности А.А. Аншбы – фольклориста, литературоведа и литературного критика – весьма широки. Литературоведческие и литературно-критические статьи ученого посвящены жизни и творчеству ряда абхазских поэтов и прозаиков (таких, как Д. Гулиа, С. Чанба, М. Лакрба, Д. Дарсалиа, Б. Шинкуба, И. Тарба, Ш. Акусба, А. Джениа, Т. Аджба, С. Таркил и др.), проблемам текстологии литературы, лирике, рассказу, художественному переводу, истории абхазской литературы. Они отличаются теоретической обоснованностью, системной полнотой и творческой завершенностью.

Однако доминантой научной деятельности А.А. Аншбы стало изучение (запись, публикация, исследование) устной традиции абхазов, прежде всего, нартского эпоса. Судя по масштабу и глубине его трудов, можно утверждать, что в исследовании фольклора он обладал особым даром – в нем наиболее полно проявился талант ученого. (Сам весьма талантливо исполнял народные песни абхазов.)

А.А. Аншба рано ушел из жизни. Бог дал ему всего чуть более 20 лет творческой деятельности. Абхазскую фольклористику трудно представить в полной мере без фольклорных записей и исследований А.А. Аншбы.

Полевая работа фольклориста продолжалась с 1962 по 1980 год. В течение этого времени он встретился более чем с сотней информантов и стремился охватить репертуар каждого сказителя с максимальной полнотой, не ограничивал себя рамками одного жанра или одной тематики. Подтверждение тому – многообразие жанрового состава зафиксированных им полевых материалов. Из числа информантов, от которых фольклорист записывал материалы, по знанию фольклора и мастерству его передачи наиболее талантливыми оказались такие, как Миша Аргун (г.

Ткуарчал), Елзбар Ашуба (с. Джгярда Очамчирского р-на), Уахайд Гунба (с. Звандрыпщ Гудаутского р-на), Ясыф Бебиа (с. Джирхуа Гудаутского р-на), Уартан Бигуаа (с. Мыку Очамчирского р-на), Алексей Инапха (с. Бзып Гагрского р-на), Сергей Маниа (с. Кутол Очамчирского р-на), Джота Хециа (с. Калдахуара Гудаутского р-на), Матбей Хутаба (с. Блабырхуа Гудаутского р-на), Уасил Харазиа (с. Джирхуа Гудаутского р-на) и др.

Полевые материалы А.А. Аншбы с точки зрения жанрово-тематической классификации выстраиваются следующим образом: 1) трудовые песни; 2) мифолого-обрядовые песни и плачи; 3) заговоры; 4) пословицы и поговорки; 5) загадки; 6) сказания; 7) героический эпос; 8) сказки; 9) бытовые песни; 10) народная драма; 11) детский фольклор.

В жанре героического эпоса (52 текста) представлен героико-архаический нартский эпос, эпос об Абрыскиле, а также героико-исторический эпос [см. 4; 5]. Вопросам поэтики абхазского нартского эпоса нартовед А.А. Аншба посвятил две монографии [2; 3]. Первая – «Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний» – была опубликована на абхазском языке [2]. Полный вариант этого исследования, изданный на русском языке – «Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса» [3; 1], – первая в абхазском нартоведении попытка специального рассмотрения вопросов сюжетосложения, стиля, поэтического языка и традиции исполнения абхазских нартских сказаний.

Изучая жанровую природу эпоса, роли в нем мифа, сказки и истории, а также характер циклизации сказаний вокруг имен отдельных героев, исследователь приходит к выводу, что «главными и основными героями эпоса являются мать нартов Сатаней-Гуаша и нерожденный ею сын Сасрыква. <…> Существует фактически один законченный, завершенный цикл (цикл Сасрыквы), герой которого проходит почти через все сказания. <…> Образы Сатаней-Гуаши и Сасрыквы создавались в период наивысшего расцвета эпоса» [3, с. 111].

В то время, когда исследователи столь увлеченно занимались вопросами генезиса архаического ядра нартского эпоса, данная монография стала новым явлением в исследовании поэтики кавказкой Нартиады. До выхода этой книги поэтика ни одной из версий нартского эпоса народов Кавказа не изучалась столь основательно. «Это – серьезный и ценный научный вклад в изучение нашего эпоса в его наименее освещенном аспекте поэтики» (текст письма любезно предоставила мне сестра ученого Э.А. Аншба) – писал в поздравительном письме автору В.И. Абаев, хотя книга А.А. Аншбы во многом подвергала сомнению взгляды патриарха советского нартоведения В.И. Абаева на происхождение нартского эпоса. На исследование – в письмах, адресованных автору книги, – откликнулись также такие известные ученые, как К.В. Чистов и Б.Н. Путилов.

Монография состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении освещаются вопросы историографии, текстологии и датировки абхазского нартского эпоса.

Для выявления исторической обусловленности развития поэтико-стилевой системы проблемы поэтики ученый затрагивает и вопрос датировки абхазского нартского эпоса. Основываясь на данных эпоса, а также на сведениях, полученных абхазскими учеными в результате археологических и этнологических изысканий, автор приходит к выводу, что «нартский эпос абхазов можно датировать приблизительно концом III тысячелетия до н. э. – началом разложения первобытнообщинного строя и появления первых государственных объединений» [3, с. 18].

Первая глава исследования – «Сюжетосложение в абхазском нартском эпосе» – посвящена выявлению характера нартских сюжетов, принципов их построения и времени зарождения. Определяя жанровую природу нартского эпоса, фольклорист выделяет в нем сказочно-фантастические, мифологические (архаические и более поздние, религиозные), героико-исторические (в меньшей степени) и другие (песни, пословицы и т. д.) пласты. При выяснении характера объединения эпических сюжетов вокруг имен отдельных героев исследователь берет за художественную единицу сказания «событийную часть сюжета, а не простое перечисление фактов» [3, с. 21]. По мнению эпосоведа, в абхазском нартском эпосе, сказания, с одной стороны, объединяются вокруг главных героев, но, с другой стороны, и отдельные мотивы сказания в свою очередь стремятся к сюжетной завершенности.

Для определения исторической семантики основных сюжетных линий абхазского нартского эпоса ученый выделяет два основных этапа развития эпоса – ранний и поздний. Ранний этап развития эпоса, в котором особенно сильны мифологические мотивы, исследователь характеризует на материале цикла сказаний о Сасрыкуа и Сатаней-Гуаще. В этой части работы А.А. Аншба убедительно доказывает, что из всех форм имени основного (или одного из основных героев) нартского эпоса является **Сосрыко**, в том числе и в осетинской версии эпоса, где вместо **Сосрыко** встречается и **Сослан**. И это может подтвердить вторичность элемента **Сосл** по отношению к **Соср**. Рассмотрев сюжеты о *добывании огня, приручении коня, принесении вина и виноградной лозы, создании первой песни и первой свирели* и т. д., автор высказывает предположение, что все эти эпические явления восходят к древним мифологическим представлениям создавшего их народа.

Поздний этап развития эпоса, в котором отношение к нартам становится отрицательным и говорится о неизбежности их гибели в результате изменившихся социальных отношений в жизни людей, фольклорист показывает на примере сказания о *сватовстве Нарчхьоу к сестре нартов Гунде-красавице.* По мнению автора, мотив *героического сватовства* (который может быть древнейшим в эпическом творчестве других народов) в данном сказании является заключительной стадией развития абхазского эпоса. «Сюжет этот связан именно с появлением в обществе моногамной семьи» [3, с. 57]. Само это сказание фольклорист достаточно аргументированно считает оригинальным абхазским. Оно бытует у абхазов и у

убыхов – наиболее близких абхазам в этнокультурном отношении [3, с. 65].

Вторая глава данной работы – «Стиль и традиции исполнения» – посвящена анализу поэтического языка эпоса, соотношения стиха и прозы в нем и сказительского мастерства его исполнителей. Автор рассматривает изобразительные средства: эпитеты, различные повторения, общие места, сравнения, метафоры и гиперболу. Выделяет постоянные эпитеты – **Гуаща** (*Сатаней-Гуаща*), **красавица** (*Гунда-красавица*), **арпыс** (*Хуажарпыс*), **стальноусый** (*стальноусый Нарчхьоу*), **Нарт** (*Нарт Сасрыкуа*) и т. д., и подчеркивает, что «наличие постоянного эпитета не затрудняет употребление других поэтических определений, характеризующих предмет, явление, образ с разных сторон. Число постоянных эпитетов невелико в эпосе, и они не составляют главной характеризующей черты его. Напротив, постоянство это иногда противоречит уже изменившемуся образу, времени, обстановке» [3, с. 68]. Исследователь впервые охарактеризовал и другие разновидности нартской эпитетики: описательные поэтические определения, эпитеты, «растворяющиеся» с определяющим словом, эпитеты, указывающие, из чего сделан материал, оценочные эпитеты и т. д.

В работе А.А. Аншбы как основной способ изображения в нартском эпосе выделяется гипербола, которая проявляется и в других изобразительных средствах. Автор отмечает своеобразие гиперболы в характеристике основного героя эпоса – Сасрыкуа: «Преувеличены не столько размеры тела и физическая сила, сколько ум, смекалка, хитрость» [3, с. 78].

Подводя итоги проведенного исследования художественного языка абхазского эпоса, ученый пишет: «Наиболее ярким способом изображения в эпосе является гипербола. Слабее развит эпитет и почти полностью отсутствует метафора. Сравнение, хотя и часто встречается в эпосе, но не всегда является художественным приемом изображения. Словесные формулы, своеобразные клише (общие места) встречаются чаще в диалогах. Они иногда играют роль развернутых характеристик героев, своеобразных эпитетов-обращений» [3, с. 80-81].

В монографии А.А. Аншбы специальное внимание уделено анализу формы исполнения текстов. Выделяя три формы эпического повествования (песенная, прозаическая и прозаическая со стихотворными вставками), ученый обращает особое внимание на архаичность песни о матери нартов. Этот сюжет не имеет соответствий в прозаических текстах, он существует только в стихотворно-песенной форме; исполняется под специальную «нартскую мелодию», в сопровождении традиционного струнного абхазского инструмента **апхьярцы** (тогда как другие нартские песни чаще всего исполняются речитативом без музыкального сопровождения). Смешанные прозаическо-песенные тексты эпоса автор делит на четыре типа: краткое повторение прозаического изложения стихами, песенно-стихотворные партии как продолжение действия, излагаемого в прозе, прозаическое повествование с лирическим отступлением в стихах, вставка в прозаический текст поэтических строк, восходящих к различным жанрам фольклора.

Изучив размер и ритмико-интонационный строй песен о нартах, исследователь находит в них «систему тонического стихосложения, где, как известно, слова неотделимы от напева. Часто размер песен определяется напевом. Количество ударений в строке равно количеству ударений в напеве. Количество ударных слогов в строке меняется от двух до четырех, в зависимости от числа слогов в строке. Оно колеблется в довольно широких рамках (от 5 до 14). Отсутствие рифмы иногда восполняется рефреном, повторяющимся через строку. Рифма начинает появляться в тех народных стихах, где намечается переход к декламации и речитативному исполнению» [3, с. 112].

А.А. Аншба отмечает абсолютное преобладание в нартском эпосе прозаического повествования над другими формами передачи эпических сюжетов. Большинство нартских текстов передается именно в прозе, и многие из них не имеют песенных параллелей. В прозаической форме изложено значительное количество «из самых типичных, бесспорно исконных рассказов о нартах. Вместе с тем можно заметить, что рядом с такими сказаниями, органичными для нартского эпоса, имеются и другие, заставляющие думать о воздействии сказки на героический эпос. С одной стороны, наличие сюжетов сказочного характера объясняется большей (по сравнению с песенной формой) проницаемостью прозы. С другой – их нельзя не увязывать с историческими судьбами эпоса как жанра в позднейшее время, его постоянным забвением, ослаблением веры в подлинность описываемых событий и т. д.» [3, с. 93-94].

Частично соглашаясь с мнением Ш.Д. Инал-ипа, что абхазский нартский эпос в древности в основном пелся, А.А. Аншба все-таки допускает, что прозаическая форма изложения тоже имела место. Он предполагает, что в далеком прошлом граница между прозаическим и песенным изложением была более подвижной. Нартские песни без мелодического сопровождения звучат как ритмическая проза [3, с. 98].

В последнем параграфе второй главы книги исследователь освещает некоторые вопросы, связанные со сказителями абхазских нартских сказаний – главными хранителями эпоса. Как справедливо отмечает ученый, у абхазов не было профессиональной школы сказительства, однако абхазы всегда отличались ораторским искусством, мастерским знанием живой старины. «В Абхазии почти все население – сказители» [3, с. 99]. Автор приводит сведения о сказителях: Лумане Авидзбе, Кастее Арстаа, Маадане Саканиа, Сейлахе Бутбе, Леуа Цнариа, Симоне Анкуабе. По мнению А.А. Аншбы, большим подспорьем для изучения мастерства абхазских сказителей «могли бы послужить фольклористические очерки о наиболее выдающихся сказителях, а также специальный музыковедческий анализ нартских мелодий» [3, с. 108]. Однако для проведения подобного анализа необходимы специальные аудио– и видеозаписи и подробные сведения о сказителях, крайне редкие в абхазской фольклористике в те годы, когда А.А. Аншба занимался изучением абхазского эпоса.

Список литературы

1. Алиева А.И. Поэтика нартского эпоса [Рецензия на книгу: Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970] // Вопросы литературы. М., 1972. № 3. С. 229–231.
2. Аншба А.А. Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний. Сухум: Алашара, 1968 (абх. яз.).
3. Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса / Отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
4. Джапуа З.Д. Артур Аншба и книга его фольклорных записей // Абхазский фольклор: Записи Артура Аншбы / Сост., текстологич. упорядочение зап., предисл., примеч. и указатели З.Д. Джапуа / Научн. ред. В.Г. Ардзинба. Сухум: Алашара, 1995. С. 3–20 (абх. яз.).
5. Джапуа З.Д. Из истории издания полевых материалов (Записи А.А. Аншбы) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. XV: Стратегия и практика полевых исследований: Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. С. 192–200.
6. Цвинариа В.Л. Артур Аншба: Человек. Друг. Ученый // Алашара. Сухум, 1998. № 1. С. 86–96 (абх. яз.).

В.А. Дмитриев

МОНЕТЫ В ПАМЯТНИКАХ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация: Монеты являются частью материальной культуры народов Кавказа, представленной в собрании Российского этнографического музея. Они являются элементами украшений и предметов женской одежды, тем самым развивая свойство клада, присущее деньгам, и сохраняя функцию оберега, данную монетам в традиционной культуре. Полевые этнографические наблюдения свидетельствуют о самостоятельном использовании монет в различных ритуалах, направленных на защиту человека и дома, в жертвоприношениях, в состязаниях на праздниках и т.п. Такое использование монет не отражается в музейных вещевых собраниях, представляющих следующую стадию их бытования в народной культуре – включение их в искусственно созданные комплексы. По данным собрания Российского этнографического музея, выявляется зона особого использования монет в комплексах женской одежды и в украшениях, находившаяся в высокогорье Северо-Восточного Кавказа.

Ключевые слова: монета, традиционно-бытовая культура, музей, музейный предмет, оберег, предметы одежды, украшения, Северо-Восточный Кавказ.

V.A. Dmitriev

COINS IN THE CULTURAL REMAINES OF THE PEOPLES OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

Abstract: Coins are a part of the material culture of the Caucasian peoples, represented in the collection of the Russian Museum of Ethnography. They are elements of jewelry and women's garments, thus developing property of the treasure inherent in money, and saving function talisman given coins in the traditional culture. Field ethnographic observations indicate independent use of coins in various rituals, designed to protect people and homes, in sacrifices, in the holidays, etc. Such use of coins is not reflected in the museum collections of merchandise representing the next stage of their existence in the folk culture – including in artificial systems. According to the assemble of the Russian Museum of Ethnography, defined the special zone of use of coins in women's clothing and jewelry complexes, located in the highlands of the North-East Caucasus.

Key words: Coin, traditional culture, museum, museum objects, charm, garments, jewellery, North-East Caucasus.

В собрании Российского этнографического музея монеты редко представлены виде самостоятельного музейного предмета, но, представляя среду вторичного их бытования, являются представительным памятником народной традиционно-бытовой культуры. В этом значении они не столько представляют денежную систему того или иного региона, сколько отмечают часть материальной культуры, представляющую украшения, как самостоятельно существовавшие, так и входившие в состав костюма. В такой функции монеты развивали свое собственное свойство – при выходе из обращения обращаться в клад (накопленное и сохраненное богатство) и приобретали свойства обще-культурного и локально-культурного уровней.

Своеобразие функционирования монеты в кавказском регионе определялось источниками ее попадания в комплексы украшений и одежды. До середины XIX в. продолжалась чеканка местной монеты; с начала XIX в. обозначается доминанта монет российской чеканки, сменившихся в 1920-х гг. советскими монетами; постоянно происходило проникновение турецких и иранских монет из ближнего зарубежья и ввозились отдельные экземпляры монет из стран Европы и Азии. По истечении какого-то отрезка времени монеты входили в вещевые комплексы, но определить продолжительность данного отрезка времени не представляется возможным.

Отмечается специфика вхождения монеты в комплексы одежды и украшений в мусульманских районах Кавказа, в т.ч. в функции клада. Исламское право, известное проникновением на уровень быта, отмечало, что деньги в украшениях остаются деньгами и поэтому должны облагаться налогами. Однако, налогом не облагались изделия из серебра и золота, находящиеся в составе украшений, нашитых на женскую одежду. Драгоценные материалы в быту мужчин, напротив, считались богатством и облагались зякятом, ношение украшений из золота считалось предосудительным для мусульманина. Запрет ослаблялся, если золото не касалось тела или одежды мужчины, также не осуждалось ношение позолоченных серебряных поясов. Нормой для Северного Кавказа и Дагестана было ношение мужчинами кожаных поясов с серебряными накладками на внешней поверхности ремня, на Южном Кавказе принятым был тип пояса из обоймиц, надетых на кожаный ремень.

Интересно отметить также ряд проявлений особого отношения к монетам, связанного с исламом. Налогом не должны были облагаться монеты из золота и серебра, если они находились во владении меньше 11 месяцев. Не следовало поднимать с земли оброненную кем-то монету, т.к. она может пригодиться неимущим или должна быть возвращена владельцу. Всякое богатство должно быть возвращено, но сумма меньше дирхема богатством не считалась, как не считалось загрязнением пятно на одежде (например, пятно крови) по диаметру меньше золотого мискаля (около длины сустава пальца).

В ряду подобных установок, очевидно, находится ношение монеты как оберега, не делавшее ее заметной. Такое положение соответствует принципу ношения амулетов у народов Дагестана: амулеты на одежду взрослых нашивались скрытно, на одежду детей открыто [1, с. 42].

Особо важно понимание монеты еще до вхождения ее в вещевой комплекс как самостоятельно существующего амулета или предмета, задействованного в обрядовых действиях. Пониманием монеты как сильного оберега было вызвано стремление носить ее с собой для постоянной магической защиты. У горцев Дагестана принято было, отправляясь в дальний путь, брать с собой металлический предмет, а лучше монеты, т.к. считалось, что злые духи, способные нанести вред человеку, страшно боятся металла [1, с. 22].

У народов Дагестана, когда невеста приближалась к дому жениха, с крыши ее осыпали сладостями, зерном, мукой (у даргинцев), серебряными монетами (у аварцев), яйцами (у чамалалов), желая ей богатства в новом доме [2, с. 123; 3, с. 236; 4, с. 165-175; 1, с. 55;5, с. 193]. Осыпание монетами молодой имело место при обряде ее первого выхода за водой [6, с. 78]. Кайтагцы клали монеты в кувшин невестки в обряде первого выхода невестки за водой. Дойдя до родника, она высыпала монеты на землю, чтобы их затем подобрали дети. Монетой можно было откупиться от злого духа, бросив ее в воду.

Интересно использование названия монеты в определении предмета как амулета. Так, в словаре Брокгауза и Эфрона упоминается о том, что абазом (распространенное название восточной монеты) на Кавказе называли амулет в виде воскового шарика, носимый на шее [7].

Повсеместно было принято закапывать монету под порогом или в углу строящегося дома вместе с куском блестящего угля, слюдой (оберег отражением), обломком металлического предмета (оберег металлом), признаками рождения и раннего детства: последа и пуповины (чаще девочки) и крайней плотью мальчика, оставшейся после обрезания. На пороге дома роженицы клали изделия из золота и серебра и другие блестящие предметы [1, с. 62], но входить в дом с украшениями, особенно, золотыми, запрещалось, чтобы не сглазить ребенка. То, что монеты подкладывали под постель беременной и роженицы, а женщина и в таком состоянии не снимала своих украшений, в которые могли входить монеты, показывает то, что спасительными были только свои обереги, а чужие могли рассматриваться как вредоносные.

Сакральное значение монеты мыслилось как самостоятельное явление, обладание которым было присуще и людям и демонам. Так монета, наряду с гребнем считалась атрибутом зловредных демонических существ албасты. Если удавалось завладеть каким-то из этих предметов или волосом албасты, то эти существа можно было заставить служить человеку [8, с. 29]. Максимально связь монет с отрицательным миром нашла свое отражение в представлении о «черных монетах», таких, какие связаны с бедами и несчастьем или способны поглощать несчастье. У азербайджанцев в день Новруз Ахыр Чершенбе (последняя среда, среда четвертой недели, в целом посвященной огню, большой положительной силе) было принято, чтобы незамужние девушки ради грядущего счастья днем в кувшин с водой бросали «черные» монеты – знак несчастья – и вечером перед закатом солнца эту воду выливали вместе с монетами на улицу.

В ритуалах серебряная монета выступала самостоятельным сакральным предметом. Осетины, карачаевцы, балкарцы, горные адыги, а также абхазы оставляли монету в числе других предметов (пуля, пыж, кусок материи и т.п. – все части какого-то целого) в кучах набросанных камней около перевалов. То же делалось и у перекрестков дорог. Обычно жертвенник представлял собой углубление в камне [9]. Ни один горец, – по сведениям Ф. Торнау, не переходил через перевал, не совершив пожертвование [10, с. 148].

Монеты жертвовались святилищам, их либо оставляли сами молившиеся, либо передавали другим участникам моления, либо жрецам, обслуживавшим святилище [11, с. 36; 12, с. 376]. При молитве богу Аларды в Осетии резали барана и приготовляли *чъиритæ*; старик готовил серебряную монету, старуха – кусочек ваты и серебряную канитель, которые он затем клал на ветки священного дерева [13, с. 240]. В старину в составе жертвенного набора были наконечники стрел, позднее пули, а также «кусок белой материи в 1/4-1/2 аршина, в которой завернута серебряная 20-копеечная монета, несколько серебряных ниток и

клочок ваты». Близким по составу был залог невесте со стороны жениха при сватовстве [14, с. 43 – 44].

Монета как сакральный предмет могла быть использована при гадании, например, в период новогодних праздников. Так, у осетин при приготовлении обрядового печенья Ærтхурон (выпечка на день зимнего солнцестояния или сам праздник этого дня) было правилом класть в его начинку монету. Тот, кому достанется монета, гласило поверье, будет самым счастливым в наступающем новом году [15, с. 60]. У грузин-джавахов монета запекалась в новогодний хлеб, который хранили до Крещения [16, с. 40].

В горах Центрального и Северо-Восточного Кавказа: в Осетии, Ингушетии, Чечне, Хевсуретии, Тушетии и Пшавии монета использовалась в обряде заключения побратимства. Исследователями у хевсур, тушин, чеченцев и ингушей описан обряд «кушания серебра» побратимами как питье из сосуда с серебряной монетой [17].

Интересно использование монеты в моментах праздничного состязания. Так, в даргинских селениях Харбук и других, на празднике проведения первой борозды проводились скачки, призом победителю была голова хлебной куклы, бывшей в рост человека; в куклу все присутствующие втыкали монеты по своим возможностям, на эти деньги победитель устраивал угощение для сельчан [18, с. 55; 4, с.49]. Монета представляется важным предметом и в собственно спортивных состязаниях. Помимо использования в жеребьевке, она служила мишенью в стрельбе из ружей и пистолетов или была среди тех предметов, овладение которыми было признаком ловкости в джигитовке. Например, нужно было поднять на полном скаку с земли монету. У кабардинцев даже существует специальный термин *Абасэкъашътэ* – букв. «подхватывание абаза», в современной трактовке двадцатикопеечной монеты.

Этнографические источники указывают на особо широкое использование монет в украшении женской одежды. Е Н. Студенецкая, являясь наиболее авторитетным исследователем костюма народов Северного Кавказа, отметила отсутствие монет в уборе традиционной одежды женщин адыгских народов, карачаевцев, балкарцев и осетин [19, с.198 – 208]. По ее сведениям, на Северном Кавказе отмечается присутствие монет на одежде только в восточных районах Чечни, где женщины носили безрукавки с застежками, типичными для кафтанчиков северокавказского женского костюма, а на груди и спине нашивались монеты. Ею отмечается сходство данных безрукавок с теми, что носили поверх платья-рубахи аварки Гумбетовского общества. [19, с. 146]

Благодаря работам ряда исследователей: С.Ш. Гаджиевой [20, с. 52-53, 64, 98, 100, 101 – 102, 108 – 109, 111, 114, 116, 118, 119], Р.Г. Гаджихановой [21, с. 42 – 43, 45, 75, 78, 85, 87, 100, 101, 102, 124, 128], Г.А. Сергеевой [22, с. 99 – 100, 101, 102, 105, 106, 113, 114 – 115, 115 – 116, 117, 118, 122, 126, 128], Чиркова Г.А. [23, с. 240-241, 248, 251], складывается непростая картина бытования монет в украшениях и деталях одежды народов ядра дагестанской историко-этнографической области, представленная нами в максимально обобщенном виде. Женщины центрального Дагестана носили монеты в составе головного убора чухты в виде накладок на теменной части; накладок на височной части, сочетающихся с кольцами и другими украшениями; подвесок, обрамляющих лобную или вообще лицевую кромку чухты; в виде подбородочного украшения, когда монеты нашивались на ленту или свисали на цепочке; подбородочная подвеска могла продолжать полосы с монетами, свисающими в районе ушей; монеты нашивались на лицевую переднюю часть платья рубахи разрозненно: самостоятельно на ушках и центральных стерженьках или, в виде подвесок на цепочках; нашивались на одежде панцирной чешуей; монеты в виде панцирной чешуи нашивались на передники, надевавшиеся на шею: длиной до талии, длиной до подола (край подола всегда отделен от нижнего края украшения горизонтальными полосками ткани), нашивная накладка на груди может трансформироваться в вертикальные полосы монет. Создается такое впечатление, что на платье-рубаху монеты большего достоинства нашивались на часть ниже талии, меньшего на грудь. Имеется накладка на передник или нашивка на груди в виде сетки, когда монеты фиксируют точки пересечения цепочек – такой вид зафиксирован для Южного Дагестана. Оформление монетами разреза распашного платья встречается редко в силу редкости распашного платья по отношению к платью рубахе, но монетами отмечались разрезы на одежде.

В собрании Российского этнографического музея отсутствуют памятники, содержащие монеты, со всей территории Грузии, кроме аджарского региона и горных регионов Хевсуретии и Тушетии. Не представлены материалы и по тому ареалу Северного Кавказа, где отсутствие монет в костюме женщин отмечает Е.Н. Студенецкая. Монеты имеются в атрибутике женского костюма, армянок, азербайджанок, представительниц народов Дагестана и вайнахских народов. Исключение представляет только один мужской предмет – кулачный щит, украшенный прикрепленными на внешнюю строну монетами (РЭМ колл. № 6702-75). В отношении присутствия на нем монет он демонстрирует некоторую традицию, характерную для горского или кочевого мира, по крайней мере, известную у степняков-кочевников эпохи Средневековья – прикреплять к щиту монеты, добытые в дальних набегах [24, с. 55; 25]. Основная масса памятников относится к региону Северо-Восточного Кавказа.

В собрании РЭМ отмечается полное преобладание монет над их имитациями. Так, имитациями монет на артефактах в собрании РЭМ были только бляшки в накосной аварской подвеске (колл. № 2262-13), в серьгах каратинок (колл.№ 2034-493), в аварском браслете (колл. № 1886-30), что уступает количественно числу украшений с использованием настоящих монет.

Одним из видов украшений с использованием монет являются предметы одежды с монетными конструкциями, нашитыми на одежду. На лакском платье-рубахе цепочка с монетами в один ряд висит дугой, обрамляя снизу и с боков нагрудное украше-

ние, похожее на поясную застежку; ниже, на «чреве» закреплена подвеска – фигурная пластинка, на которую подвешен «передник» из монет, образующих сеточку в 6 рядов, в каждом ряду по 7 и более монет; «передник» доходит до шва, соединяющего рубаху и пришитый к ней часть юбки, соединение отделано цепочкой, к которой подвешены монеты; во всем комплексе монеты российской, восточной и западноевропейской чеканки. Подол платья отделан полосой с нашитыми ромбовидными бляшками (колл. № 10965-2).

К примерам дизайна грудной части одежды относится капучинский нагрудник в виде длинного куска ткани, по его вертикальной осевой линии даны несколько квадратных туморов во вторичном использовании, а все остальное пространство плотно заполнено разными монетами, пришитыми за напаянные колечки (колл. № 1887-3). В другом нагруднике той же этнической характеристики в центре пришит обломок серебряного предмета (колл. № 1821-16), на гинухском нагруднике та же плотность покрытия, но ряды мелких монет сочетаются с рядами перламутровых пуговиц.

На кубачинском детском кафтанчике (колл. № 11641-1) с оберегом в виде кистей рук есть разнообразные подвески в разных частях передней части одежды; две подвески с монетами под ними находятся на правой стороне груди и под правой подмышкой, под левой подмышкой цепочка с монетами; на рукавах по три полосы украшений, нижняя цепочка с монетами. На аварском кафтане полы у ворота скрепляет пряжка от пояса, с одной стороны пряжки, имеющей подвески снизу, подвешен «дууа» из трех блях, имитирующих монеты; на рукавах снизу и по обшлагу цепочки с подвешенными дутыми бомбошками.

Цепочки с монетами использовались в качестве приспособления для крепления передника (колл. № 6992-4, аварцы; 10568-3,4, цахуры).

Определенную часть собрания предметов с монетами по народам Дагестана составляют различного рода подвески, пришивавшиеся на одежду. Монеты прикреплялись к ним на цепочках, соседствуя с бляшками, бусинами, имитациями монет и т.п. Особый интерес может представлять гинухский амулет дууа (местное название *сабаб*), сшитый из кожи; он по периметру обрамлен подвесками разного вида, а в центре пришита через дырочку российская монета в 15 копеек 1862 г. (колл. 1977-19). Интересно то, что все эти детали находятся с изнаночной части амулета, т.е. как амулет монета выступает элементом «второй линии» защиты, более близкой к телу.

Встречаются монеты в дизайне височных подвесок и серег. О последних известно, что дагестанки ценили крупные серьги, которые из-за тяжести даже ранили уши, отмечена такая деталь, как дополнительное закрепление серег шнурком поверх ушей, что трактуется как предупреждение воздействия веса украшения [26, с. 549; 22, с. 124-127]. Предположим, что такой способ указывает на функциональную родственность ушных серег в Дагестане височным подвескам.

Отдельную категорию артефактов в собрании РЭМ представляют комплексы из монет в головных уборах. Разновидность головной повязки из лакского селения Вихли в виде ленты с монетами, обматывавшейся вокруг головы, представлена в РЭМ артефактом с пришитыми в середине ленты тремя треугольниками из ткани остриями вниз, на остриях треугольников закреплены бляшки, в середине центрального треугольника нашита иранская монета (колл. № 7425-37).

У дидойского головного убора *каз,* как отмечала Г.А. Сергеева, концы, обрамлявшие лицо и спускавшиеся на грудь, были украшены серебряными накладками с монетами внизу; в данном случае, три полосы плотного узора из горизонтально расположенных фигурных пластин, каждая из которых заканчивается монетами и подвесками сердцевидной формы (колл. № 1896-245).

Головной убор разновидности *думча*, распространенный в Дагестане (тляротинские аварки, цахурки, аварки и азербайджанки Закатал, население дагестано-азербайджанского пограничья и т.д.), т.е. чепец, плотно покрытый полосами из трубочек и колец [27; 28, с. 56; 22, с. 105-106], представлен в артефакте головного убора цахурки; на его нижних углах подвешено по одной монете с крючком и петлей для застегивания под подбородком (колл. № 8426-1).

В дагестанских коллекциях РЭМ есть артефакт, демонстрирующий магическую функцию закрывания руки у кисти – застегивающийся пластинчатый браслет с подвешенными монетами (колл. № 1896-269)

Костюм женщин Северо-Восточной Грузии в собрании РЭМ представлен хуже. В публикациях отмечается, что в верхнем платье тушинок *джуба*, или *убиани чоха*, был вырез, закрывавшийся вставкой *парага*, которую состоятельные женщины украшали серебром; (по данным фотоархива РЭМ можно сказать, что такими украшениями могли быть комплексы из цепочек, в состав которых входили крестики, серебряные монеты и другие предметы), на шерстяном платье-рубахе хевсурок *садиацо* нашивались на груди и спине аппликации с вышивкой бисером и пришитыми монетами, возможно монеты были в конструкции серег и в единичных экземплярах на головном уборе; наличие монет в костюме пшавок предполагается, исходя из формулы «медные и серебряные кресты, разноцветные простые камни и в особенности серьги необыкновенной величины составляли их единственное украшение» [29, с. 58-60].

В собрании РЭМ присутствует хевсурская женская рубаха, поздняя модификация традиционной, ее украшают советские монеты 15 и 20 копеечного номинала. Они нашиты на обшлагах рукавов, составляют некую имитацию ожерелья на вороте и нашиты на груди в шахматном порядке (5 по горизонтали, 7 по вертикали), т.е. воспроизводя тот же нагрудник сеткой, но без цепочек, по нижнему краю подвешены на колечках монеты (колл. № 7231-2).

О принадлежности Хевсуретии к ареалу использования серебряных монет в сложных композициях свидетельствуют молельная чаша из святилища, на

которой, как в археологическом слое, соединились несколько разновидностей предметов, ранее бывших ювелирными украшениями (колл. № 2614-1), и ритуальная бутыль в оплетке, на горлышке которой закреплена советская 10-копечная монета 1951 г. (колл. № 7960-14).

Южный Дагестан обладает культурной общностью с центральным и западным Дагестаном. Так здесь представлены нагрудные украшения из монет, но обращает внимание, что здесь представлен тип в виде ажурного (не сплошного) покрытия груди, когда монеты крепятся на точках пересечения цепочек. Субрегион отличается собственными культурными признаками и признаками, роднящими его с Северным Азербайджаном. Явная роль в этом сходстве принадлежит распространению этноконтактной зоны лезгин, татов и азербайджанцев на пространство по обе стороны пограничья Дагестана и Азербайджана. Общими чертами культуры Южного Дагестана – Северного Азербайджана являются ношение женщинами распашной одежды с нашивными шумящими украшениями, включая монеты по всем разрезам на одежде, украшений для крепления головного платка из монет, цепочек и крючков, поясов с массивными полупряжками и с кожаным ремнем, покрытым монетами. Применимыми для всего ареала являются описания женской одежды районов Кубы и Шемахи и южнее, объединенных по признакам наличия монет в комплексе. Монетами обшивались нижние края верхней рубахи и архалуха, подол такой рубахи был обязательно виден. Если носилась промежуточная юбка, то ее украшали главным образом по подолу, нашивая золотые и серебряные монеты, кружева, косую бейку из другой ткани, различные тесемки.

Свадебный или праздничный *чепкен* украшали, нашивая золотые или серебряные монеты, прикрепленные к тесьме; тесьма с монетами нашивалась от плеча вдоль всей груди. Края разреза рукава украшали золотой или серебряной цепочкой, на которой подвешивали дутые конусообразные подвески наподобие бубенчиков и мелкие монеты, украшался и подол *чепкена*. Женские пояса украшались тремя рядами серебряных монет разного достоинства, но встречались такие пояса, к нижним монетам которых подвешивались при помощи коротких и тонких крючков серебряные двугривенники. Они, свободно свисая, звенели во время ходьбы или пляски. Монеты носились на груди в комплекте подвески, входили в состав серег, ожерелий, браслетов.

В описании одежды азербайджанской этнической группы айрумов отмечается наличие на верхней распашной одежде *зывыны* медных и серебряных монет на тесьме, пришитой по краю пол или подвески в виде бутонов и пуговиц на груди, и монет, нашитых на подол верхней рубахи; женского головного убора с лентой под подбородком, на лбу нашиты металлические пластины; пояса с 3 рядами монет в 10, 15, 20 копеек. Достоинство монет возрастало сверху вниз, монеты также подвешивались под пряжкой и поясом, состоящим из пластин [30, с. 136-176].

Особо важно указание на то, что, во-первых, азербайджанские девушки, в т.ч. айрумы, не носили поясов до замужества, пояс надевал на невесту мальчик перед тем, когда она уходила из родительского дома; во-вторых, в обрядах сватовства пояс заменялся монетой, завернутой в платок, такой подарок со стороны жениха назывался *эьо келагай* [30, с. 159]. По общему же положению, пояса являлись обязательным подарком родителей невесты, одним из основных предметов приданого. По существующим обычаям девушки пояса не носили, но каждая девушка, выходящая замуж, имела пояс, чтобы носить его после замужества.

По азербайджанцам и народам Южного Дагестана в собрании РЭМ имеются пояса с тремя рядами монет на кожаном ремне: российскими (колл. №1735-51, горские евреи; 7103-19, 7456-11 – азербайджанцы), иранскими (колл. № 8470-3, 3705-12 – азербайджанцы). Есть пояс с четырьмя рядами российских монет (колл. № 11043-1, рутульцы).

На одном поясе присутствуют два ряда российских монет небольшого достоинства и три ряда бляшек (колл. № 10988-1– аварцы). На другом поясе (колл. № 8470-3 – азербайджанцы) имеются подвески под ремнем в виде двойного ряда монет, соединенных кольцами. Тип пояса с монетами на ремне с подвесками снизу и без них встречается и южнее, о чем свидетельствуют два курдских экземпляра (колл. № 2672-1 и 10779-1). О них также мы можем сказать, что они встречаются у мусульман и не свойственны культуре грузин и армян.

Поясная пряжка с обилием филиграни, явно вышедшая из мастерской профессионального ювелира и оснащенная подвесками из монет на двух кольцах сверху каждая, представлена в каратинской коллекции РЭМ, т.е. народа высокогорного Дагестана

В азербайджанском собрании имеется безрукавка с нашитыми на полы монетами раннесоветской чеканки, составляющими 7 горизонтальных рядов, полностью закрывающих полы. При данной его этнической атрибуции типологически артефакт принадлежит ареалу Северо-Восточного Кавказа.

Широкое распространение в Южном Дагестане (с выходом в Центральный Дагестан) – Северном Азербайджане имели приспособления для крепления головного платка, состоящие из цепочек и крючков с монетами на концах цепочек, в узлах связывания цепочек и др. Их бытование отразилось в присутствии таких артефактов в собрании РЭМ (колл. № 1735-36, горские евреи из Кубы; колл. № 10430-1, кубачинцы; 8040-9, таты; 6382-1). Такой тип украшения представлен и южнее, его интересная модификация: серьги (в виде незамкнутого кольца с фигуркой птички-двуглавого животного внутри и с тремя монетами внизу) с заканчивающимися крючками цепочками, на которых подвешены монеты, поступила в музей из района оз. Урмия (колл. № 1092-2 , курды).

Бытование в Южном Дагестане и Северном Азербайджане браслетов и ожерелий с монетами подтверждает коллекция РЭМ по горским евреям Кубы (колл. № 1735-35) и Дербента (подвеска с медалью вместо монеты на груди – колл. № 3704-10), по татам (колл. 8040-11), народам Дагестана (колл. 5241-1, азербайджанцам (колл. № 1743-42). В этом

ареале севернее типы, как ожерелья в одну низку, представлены в качестве периферии явления (колл. № 6992-6, аварцы;). В собрании музея присутствуют нагрудные цепочки с монетами или подвески в большим числом цепочек (колл. № 10568-5,6 цахуры; № 10567-1, азербайджанцы). В аварской среде был приобретен браслет с подвешенными имитациями монет (колл. № 1886-30).

Данная традиция браслетов, ожерелий и нагрудных цепочек, также имеет распространение южнее (колл. №№ 2859-38, 87623-15114, 15115, курды), в регионах Южного Кавказа и Малой Азии.

Локализация мест бытования предметов из собрания РЭМ, содержащих монеты, позволяет обратить внимание на горный ареал, включающий Чечню -Ичкерию, северо-восточную Грузию (Пшавия, Тушетия, Хевсуретия), район Закаталы, глубинный Южный Дагестан, северо-запад Азербайджана. Внутри него, возможно, выделяются следующие области:

- Зона использования монет в оформлении женских головных уборов типа чухты (конструкция типа комплекса из чепца и головного платка, предназначавшаяся для покрытия головы женщины – преимущественно западный Дагестан, аваро-андо-дидойские районы;
- Зона использования монет в покрытии груди чешуйчато-панцирным слоем монет, ношение платья-рубахи, безрукавки, нагрудника и передника с использованием монет, использования приема нашивания монет в разных композициях на груди – Ичкерия, Пшавия, Тушетия, Хевсуретия, аваро-андо-дидойские районы Дагестана;
- Зона поясов с кожаным ремнем, покрытым тремя рядами монет, а также комплекса с прикреплением монет на разрезы и проемы одежды (рукава подмышками и внизу, разрез на груди, подол), верхней женской распашной одеждой – предметы данного вида встречаются и в Западном и Центральном Дагестане, но преобладают в Южном Дагестане и Северном Азербайджане.

Список литературы

1. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Дагестана. М.: 1991.
2. Алиев К. Брак и свадебные обряды даргинцев. // Советская этнография. 1953, № 4.
3. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1985.
4. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX вв. Л., 1988.
5. Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование. XVIII – начало XX вв. Махачкала, 2002.
6. Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андадалальцев в XIX – начале XX вв. Махачкала. 2012.
7. Брокгауз и Эфрон. Абаз.
8. Басилов В.Н. Албасты. // Мифологический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия «Лада-Маком», 1992.
9. Чурсин Г.Ф. Осетины. // Юго-Осетия. Цхинвал. 1925.
10. Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера, 1835 год. Часть первая. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Торнау. Нальчик: Эль-Фа, 1999
11. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: 1957.
12. Миллер Вс. В горах Осетии. Владикавказ: “Алания”, 1998.
13. Калоев Б.А. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М. Глав. ред. вост. лит-ры, 1971.
14. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Том 1. М–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958.
15. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976.
16. Хаханов А. С. Празднование нового года у грузин // Этнографическое обозрение. 1889. № 3.
17. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе, 1842–1867: Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып.III / Под ред. Миллера. М. 1888.
18. Османов М.О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы // Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала. 1967.
19. Студенецкая Е. Н.Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М.: 1989.
20. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М.: Наука, 1981.
21. Гаджиханова Р.Г. Дагестанский костюм. Махачкала: ИД «Эпоха», 2010.
22. Сергеева Г.А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX – начала XX вв. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука. Том. VII.
23. Чирков Д.А. Женские серебряные украшения аула Тидиб. // Сборник трудов НИИ художественной промышленности. 1967. Вып. 4.
24. Маслова Е.А. К вопросу о функциях монетных находок эпохи раннего средневековья в системе погребальной обрядности // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: 2005.
25. Гутнов Ф. Северный Кавказ в золотоордынский период: основные проблемы экономики // Дарьял. 2011. № 4.

26. Дубровин Н. И. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: 1871.
27. Измайлова А.А. Женская народная одежда Закатальской зоны в конце XIX – начале XX вв. // Известия АН Азербайджанской ССР. 1974. №4.
28. Шиллинг. Е.М. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1950. Книга 9.
29. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX и XX веков: традиции и инновации. М.1982.
30. Каракашлы К.Т. Материальная культура азербайджанцев. Баку: 1964.

А-М.М. Дударов

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ РАССЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ

Аннотация: В статье проводится анализ динамики этнического расселения и миграции народов древнего и средневекового Кавказа

Ключевые слова: колхидо-кобанская культура, ономастика, бацбийско-кистинские языки, Ванское озеро, махли // махелоны, титул, Серир, аланы, Северное Причерноморье, осы, албаны, местные ученые.

A-M.M. Dudarov

ON THE QUESTION OF THE DYNAMICS OF THE POPULATION OF THE CAUCASIAN PEOPLES IN ANCIENT TIMES

Abstract: This paper analyzes the dynamics of the ethnic resettlement and migration of the peoples of ancient and medieval Caucasus

Keywords: Colchis-Koban culture, onomastics, Batsbiisko-Kistins languages, Lake Van, Mahli//mahelony, Serir, Alans, Northern Black Sea.

Кавказ издревле служил границей между Азией и Европой. Являясь перекрестком древнейших торговых путей, этот регион становился очагом возникновения самобытных культур народов, родственных по происхождению, однако сегодня уже разноголосых. Кавказ является объектом объединения всех проживающих здесь ныне народов под одним именем – кавказцы. Древний же период Кавказа говорит о едином антропологическом и этнокультурном массиве региона [1].

Этнический состав населения Кавказа в древности был сложным и на сегодняшний день он остается не до конца изученным. Это обусловлено скудностью материалов по данному вопросу. «Основным среди них все еще остается этнонимический, топонимический и ономастический материал, дошедший до нас в древневосточных (ассирийских и урартских), греко-римских, а также древнеармянских и древнегрузинских источниках». Не ощущается чувствительной помощи «в выявлении отдельных этнических групп» и со стороны археологии [2, с. 62]. Вместе с тем, ряд исследователей, на основе вышеупомянутых топонимо-этнонимических и ономастических данных, отмечает наличие отдельных протохеттских племен, прямо указывая их близость к носителям «абхазо-адыгейских и бацбийско-кистинских» языков в части областей вокруг «Ванского озера» [2, с.77].

«Абхазо-адыгейские, бацбийско-кистинские (нахские – Авт.) и дагестанские племена» по своей материальной культуре были тесно связаны с населением Южного Кавказа». Близость материальной культуры древнего населения Кабарды и Северной Осетии «с синхроничной материальной культурой Колхиды» «столь поразительна, что исследователи раньше даже объединяли эти культуры под названием “кобанской” или “колхидо-кобанской” культуры» [2, с. 220]. И.А. Джавахишвили отмечал, что в древности, как и другие народности, «северо-кавказские племена» «были распространены на большом пространстве в Северном Кавказе и Крыму, свидетельством чего является наличие в древней топонимике этих областей северокавказских элементов» [3].

Л.Ю. Маргошвили пишет: «В Тушети есть такие топонимы, этимологизация которых возможна только с помощью данных вайнахских… языков… На основании сохранившихся в Хевсуретии топонимов, Т. Очиаури отмечает: территория сегодняшней Пирикитской Хевсуретии в определенный промежуток времени находилась во владении народа чечено-ингушского происхождения… Данные дают основание заключить, что племена, говорившие на языке вайнахов (дзурдзуки, глигвы, кисты, двалы), населяли обширные грузинские территории» [4, с. 38-39].

При анализе вопросов, связанных с изучением таких фундаментальных направлений в кавказоведении, как кобанская культура, нартский эпос или аланское наследие, абсолютное большинство отечественных и зарубежных кавказоведов в своих исследованиях обходят стороной многие изыскания представителей местных научных кругов края. Подобное отношение создает тенденцию игнорирования исследований региональных ученых со стороны ведущих центров страны, а также зарубежья. Чаще всего это касается репрессированных в 40-е годы XX в. народов Кавказа, история которых в годы депортации или искажалась, или вовсе замалчивалась.

Повторное изучение многих античных, средневековых письменных источников, древнеармянской и древнегрузинской хроник, а также полузабытых современными алановедами части научных изыска-

ний XIX-XX вв., или беспристрасная трактовка общеизвестных и часто цитируемых работ других авторов (например, Миллера) свидетельствуют о том, что племена кавкасиан / махлиев / дзурдзуков / алан / албан / двалов покрывали ареал распространения кобанской и родственных ей других культур Кавказа, как в античный, так и в средневековый период.

Часть ученых прямо называют «мифом», «постулируемым в качестве бесспорной исторической истины» и «голословным утверждением» выводы некоторых исследователей о том, что «индоевропейские племена… создали самобытную Кобанскую культуру, датируемую XVI – IX веками до новой эры» и о том, что «…не стоит видеть этнических различий между скифами и кобанцами» [5, с. 50]. «После такого заявления напрашивается вывод об идентичности кобанцев скифам, то есть о распространении кобанской культуры на все Северное Причерноморье. Подобные построения, – как пишет об этом А. Ю Скаков, – не имеют ничего общего с исторической наукой».[5, с. 50] И не случаен вывод Ю.Ю. Карпова, характеризующего подобных исследователей, как авторов «чрезвычайно больших по объему и тенденциозных по содержанию (в научной, а равно и околополитической части) сочинений». [6. с. 13]

Кавказ издревле являлся первым рубежом противостояния кочевому миру. Ярким основанием этого являются исторические свидетельства, связанные с аланами. Доктор В.Б. Пфаф писал о значимости высокогорья для алан: «История алан – это постоянная война или кровавая борьба с наступавшими на них племенами. В этой борьбе, на плоскости, они по нескольку раз были поражаемы и потом спасали свое существование в глубоких ущельях Кавказа. Борьба эта довела алан до крайних пределов естественного состояния. Мужчины знали одну только войну, случалось даже, что и женщины в ней участвовали… Потерпевшие поражение на одной стороне Кавказа, они переходили на другую сторону, но, во всяком случае, они старались до крайности защитить ущелья, расположенные в среднем (т.е. Центральном) Кавказе, служившие им надежным убежищем на крайний случай» [7, с. 12].

Таким образом, наличие политических образований в географически разных местах Кавказа – будь то юго-восточная, центральная, западная его части, служило необходимостью в сопротивлении постоянным угрозам извне и в поиске себе политических союзников для противостояния. Это служит и дополнительным аргументом к версии об этнической принадлежности алан к автохтонам Кавказа. Общеизвестно, что нахские племена, наряду с абхазо-адыгскими и лезгинскими, были распространены как к северу от Главного Кавказского хребта, так и «в Закавказье и еще южнее», где «мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в (их – Авт.) среде». [8, с. 20] Часто современные исследователи пытаются обвинить древних авторов (как, например, Г.А. Меликишвили, в случае с сообщением биографа римского правителя Адриана (117-138) Элия Спартиана [2, с. 358]) в неверном употреблении ими этнонима *алан* в отношении к древним *албанам* Кавказа. Это делается для дальнейшего постулирования идеи выведения алан из орбиты автохтонных народов Кавказа и придания им иранских кочевнических корней.

Заметим, что этноним *махелоны* древних авторов иногда современные издатели исправляют на *макроны*. [2, с. 107] Подобное пренебрежительное отношение к древним текстам по истории Кавказа, где каждый этноним имеет свою историю происхождения, мы наблюдаем иногда и в других случаях.

В. Миллер не раз указывал на то, что нельзя ставить знак равенства между предками современных осетин и аланами. Он старался «показать, что под этим именем (алан – Авт.), столь же расплывчатым, как имя сарматов, должны были в числе других племен скрываться и иранцы, предки осетин». [9, с. 593] Из этого следует, что выводы многих кавказоведов об идентичности осов (как предков современных осетин) с аланами со ссылкой на В. Миллера неправомерны. Употребление В. Миллером собирательного термина «иранцы» говорит об ираноязычных племенах только как отдельной составляющей части в истории алан и Алании.

Более того, основываясь на некоторые данные средневековой хроники, В. Миллер писал: «Подобно тому, как у Прокопия (500-565 гг. – Авт.) название аланов прилагается ко всем северо-кавказским народам, так что аланы занимают на востоке территорию до каспийских врат, так и у арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственныя племена Дагестана и вообще северовосточнаго Кавказа, может быть, предки нынешних народцев Дагестана и Чечни». [9, с. 543] В другом месте он прямо указывает на то, что «едва ли с осами (предками нынешних осетин – Авт.) можно отождествлять тех аланов, о которых Масуди (ок. 896 – ок. 956 – Авт.) сообщает, что их царство граничит с Сериром (Дагестаном), что их цари носят титул Керкандадж, что столица их страны называется Маас и что царь аланский породнился с царем Серира». [9, с. 544] О языковой же принадлежности алан В. Миллер пишет, что «мы ничего не говорили о языке аланов, в виду того, что свидетельства об этом языке крайне скудны». Стараясь дать объяснение некоторым аланским именам из текстов латинских и византийских писателей с помощью осетинского языка, он приходит к выводу, что часть из них не поддается не только осетинской, но даже иранской этимологии, так как «под аланами могли скрываться народы разнаго происхождения». [9, с. 594]

Из сказанного можно сделать выводы о том, что аланы, упоминаемые у Прокопия и Масуди, предки в основном нахских народов; царь аланский, роднящийся в династическом браке с царем Серира, не имеет ничего общего с предками современных осетин; правитель аланов, имея титул Керкандадж, абсолютно независим, а столица Алании – «Маас», находится на территории проживания предков нахов. Сопоставляя данные разных средневековых авторов – Прокопия Кесарийского (VI в.) и Масуди (X в.), В. Миллер делает следующий вывод: «Таким образом, арабския, как и западныя, свидетельства об аланах

только отчасти касаются оссов (имеются ввиду предки современных осетин – Авт.), а частью могут относиться к другим племенам Севернаго Кавказа». [9, с. 545]

Список литературы

1. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность //Советская археология. 1964. №1.
2. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959.
3. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939. №4.
4. Маргошвили. Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси. 1990.
5. Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб. 2010.
6. Карпов Ю.Ю. Леонид Иванович Лавров – ученый и гражданин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб. 2010. Прим. 5.
7. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Магас. 2008. Крупнов Е.И. Материалы и исследования по археологии СССР, №23. М.-Л. 1951.
8. Моммзен Т. История Рима. М. 1949.
9. Миллер В. Осетинские этюды. М. 1881.

М.М. Картоев

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ИНГУШЕЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: В статье приводится информация о динамике численности ингушей в XIX – начале XX вв., на основе не опубликованных архивных документов, военно-топографических описаний и картографических источников, а также опубликованных статистических материалов

Ключевые слова: ингуши, Ингушетия, Галгаевское общество, Цоринское общество, Кистинское общество, Карабулакское общество, Назрановское общество, населенные пункты, численность жителей»

M.M. Kartoev

POPULATION DYNAMICS OF THE INGUSH IN XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract: This article provides information on population of the ingush XIX early XX centuries, based on unpublished archival documents, militari and topografical descriptions and cartographic sources, and published statistical materials

Key words: Ingush, Ingushetia, the Galgai district, the Tcori district, the Kist district, the Nazran district, the Karabulak district, settlements, the number of residents.

До 1858 г. включительно ингуши расселялись как в горах, так и в предгорьях, и на плоскостных землях, в небольших населенных пунктах хуторного типа, насчитывавших в среднем от 15-20 до 30-40 дворов. Многочисленные населенные пункты (юрт, ков – инг.) располагались по берегам рек – Терека, Сунжи, Камбилеевки, Ассы, Назранки, Фортанги, а также на их притоках, мелких речушках и ручьях.

Первые подробные сведения о наименованиях населенных пунктов ингушей и количестве их населения содержатся в рапорте Владикавказского коменданта полковника Широкого от 31 декабря 1838 г. [1]. Согласно представленным комендантом Владикавказской крепости сведениям, на 1838 г. в горной Ингушетии располагалось 64 селения («Джераховский народ, Кистинский народ, Дальногалгаевский народ»), с общим количеством дворов – 752, жителей обоего пола – 4046. При этом отметим следующий статистический факт, представляющий интерес для сравнительного анализа исторической динамики этнической карты горной Ингушетии. Несмотря на большее количество населенных пунктов, территория «Дальногалгаевского народа» (Галгаевское /Хамхинское/ и Цоринское общества, расположенные на р. Ассе и ее притоках) является менее населенной, чем территория «Кистинского народа» (в источниках XIX – нач. XX вв. фиксируется под наименованием «Кистинское общество», «Ближние кисты», «Мецхальское общество»; располагалось на р. Армхи и ее притоках). Если во втором (Кистинское общество) зафиксировано 380 дворов на 18 селений с общим количеством жителей – 2071 человек, то в первом плотность населения значительно ниже – всего 275 дворов на 40 селений, количество жителей – 1534. Причиной такого дисбаланса количества населенных пунктов и населения, по-видимому, является более активный характер миграции населения Ассинского ущелья на плоскостные земли, в том числе, за счет освоения в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. территории Назрановской долины.

В плоскостной и отчасти в предгорной части Ингушетии располагались общества Карабулакское и Назрановское. В рапорте Широкого они обозначены как Карабулакский и Назрановский народы. «Карабулакский народ» (сюда включено и общество Галашевское) состоит из 36 населенных пунктов,

расположенных на реках Сунже, Ассе, Фортанге и их притоках, с общим количеством дворов – 1141, жителей обоего пола – 6187. «Назрановский народ» состоит из 75 населенных пунктов, расположенных на Сунже, Назрановке, Камбилеевке, в том числе в ее верховьях, в Тарской долине и окрестностях Владикавказа. Общее количество дворов – 1872, жителей обоего пола – 9489.

Таким образом, согласно сведениям Владикавказского коменданта полковника Широкого, на 1838 г. на плоскости и отчасти в предгорьях (Галашевское общество, верховья Камбилеевки и Сунжи) Ингушетии расположено 111 населенных пунктов, в которых проживает 15676 человек населения.

Итого, согласно рассмотренному источнику, на 1838 г. на территории Ингушетии [2] располагалось 175 населенных пунктов. Численность населения составляла 19722 человек [3].

Однако необходимо учитывать, что, несмотря на подробный подсчет по населенным пунктам, эти данные не охватывают населения всех ингушских этнотерриториальных групп (в ведомость вошло лишь население, подведомственное Владикавказскому коменданту). Так, например, согласно информации таблицы «Народонаселение горских народов и закавказских провинций», помещенной на карте Кавказского края 1834 г., ингушей насчитывается 34 тыс. человек [4]. Близкие к этой цифре данные о численности ингушей присутствуют в ряде источников, относящихся к 1830 – началу 1840-х гг. В частности, «по свидетельству Волконского, в Ингушетию входили общества: назрановское, кистинское, галгаевское, карабулакское, галашевское, цоринское, аккинское и мереджинское, которые исчисляли в себе свыше тридцати тысяч душ» [5, с. 74]. Генерал-майор Менд в своем подробном обзоре политического состоянии Кавказа 1840 г. указывает численность ингушей около 38 тыс. чел. (назрановцы, галгаевцы, карабулаки, кистинцы ближние, галашевцы, джераховцы, кистинцы дальние). Те же данные, с небольшим уточнением – 38 500 человек, содержатся в документах личного фонда историка Кавказской войны Попко [5, с. 74, 75].

В «Списке населенных местностей Военно-Осетинского округа» за 1859 г. представлена первая, после укрупнения, информация о населенных пунктах Ингушетии и численности их жителей [6]. По этим данным, на 1859 г. на территории Ингушетии, входившей вместе с осетинами в состав Военно-Осетинского округа, располагалось 138 населенных пунктов. Из них на плоскости – 21 селение: в Назрановском обществе – 13 и в Галашевско-Карабулакском – 8. В горной Ингушетии – 117 небольших населенных пунктов, из них в Джераховском обществе – 7, в Кистинском – 31 и в Галгаевском, включавшем и ряд селений в предгорьях – 79. Общая численность ингушей, проживавших в Военно-Осетинском округе на 1859 г., таким образом, составляла 31322 чел., из которых в Назрановском обществе – 15757, в Галашевско-Карабулакском – 6856, в обществах горной Ингушетии – 8709 чел.

Как мы видим, количество населенных пунктов на плоскости в результате объединения их в большие селения сократилось от 111 (в 1838 г.) до 21 (в 1859 г.). Вновь образованные на плоскости достаточно крупные для Северного Кавказа того времени селения насчитывали от 68 (аул Ведзижева на р. Ачалук) до 500 (аул Экажева на р. Сунже) дворов. Общее количество ингушского населения, проживающего на плоскости, возросло к этому периоду еще на 6937 чел.

Список литературы

1. Согласно «инструкции», данной Владикавказскому коменданту командиром Отдельного Кавказского корпуса ген. Розеном в 1836 г. о предоставлении подробных сведений о населении округа.

2. Сегодня часть указанной территории находится в составе муниципальных образований Северной Осетии и Чечни.

3. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218. Л. 11-12, 15-25 об.

4. «Карта Кавказского края с пограничными землями, составлена при Генеральном штабе Отельного Кавказского корпуса» 1834 г. /РГБ. Ко 21 /VIII-62.

5. Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1972. Т. 9. Ч. 2. Вып. 1.

6. См. подробно в Приложении.

Приложение

Сведения о динамике численности населения ингушей в XIX – начале XX вв.

/Источники: военно-топографические описания, картографические и статистические материалы/

Дата	Численность населения	Дата	Численность населения
1834 г.	34300 [1]	1875 г.	33331 [12]
1838 г.	19722 [2]	1883 г.	44365 [13]
1840 г.	около 38000 [3]	1897 г.	47405 [14]
1842 г.	15505 [4]		
1851 г.	25108 36108 [5]	1902 г.	50371 [15]
1859 г.	31322 [6]	1903 г.	50971 [16]
1863 г.	31237 [7]	1908 г.	53258 [17]
1864 г. /янв. 1865 г.	33564 [8]	1911 г.	54097 [18]
1865 г.	26053 [9]	1914 г.	54097 [19]

1868 г.	29914 [10]		
1870 г.	32315 [11]		

Примечания к таблице:

1. Таблица «Народонаселение горских народов и закавказских провинций», помещенная на «Карте Кавказского края с пограничными землями» 1834 г. /РГБ. Отдел картографии; Те же сведения приводятся в «Ведомости народов обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к Правительству и образа правления» [1835 г.] /РГВИА. Ф. 13454. Оп. 13. Д. 70. В «ведомости» и в «таблице» ингуши отнесены к числу «чеченских племен», однако отмечено, что племена «Назрановцы – 11000 чел., Карабулаки – 15000 чел., Галашевцы – 2000 чел. и Галгаевцы – 4800 чел. известны под именем «Ингуш». К ним мы добавили не отнесенные в «ведомости» к ингушам (ингушские) общества – Цоринцы (1200 чел.) и Джерахи (300 чел.), последние отнесены к осетинам. Таким образом, на основе суммирования указанных сведений, выведена цифра – 34300 чел. Сведения носят оценочный (приблизительный) характер.
2. «Описание народов, обитающих в Кавказских горах разных племен по правую и левую стороны Военно-Грузинской дороги, принадлежащих к Владикавказскому округу и зависящих от управления Владикавказского коменданта». 1838 г. / РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218. Л. 15-25 об. Приводятся подробные сведения о населенных пунктах и численности их населения («Джераховский народ», «Кистинский народ», «Дальногалгаевский народ», «Карабулакский народ» и «Ингушевский народ»).
3. Информация из Обзора политического состояния Кавказа, составленного генерал-майором Мендом / Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1972. Т. 9. Ч. 2. Вып. 1. С. 74.
4. «Таблица числа душ обоего пола жителей Кавказского края с разделением их по религии и означением степени покорности Российскому правительству» помещена на «Карте Кавказского края» 1842 г. / РГБ. Отдел картографии. К «Племени Ингуш» отнесены: « Назрановцы, Галаши, Карабулаки, Галгай, Цори, Кисты ближние, Джейрах», их суммарная численность – 15505 чел. Среди отнесенных к «Племени Чеченцев» указаны «Дальние Кисты» (18000 чел.), которых в ряде других источников относят к ингушам.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. СПб, 1851. С. 134-143. К ингушам отнесены общества: Джерахи, Цоринцы, Кистины ближние, Малхинцы, Галгаевцы, Назрановцы, Карабулаки, населяющие Верхне-Сунженскую линию, Галашевцы и Дальние Кисты. Первая цифра – без учета Дальних Кистов, позже вошедших в состав Чечни, вторая – 36108 человек, с учетом приведенных данных о численности «Дальних Кистов».
6. «Список населенных мест Военно-Осетинского округа» 1859 г. Суммированы данные о численности населения плоскостных ингушских обществ: Назрановского – 15757, Галашевско-Карабулакского – 6856, и горной Ингушетии – Джераховского, Кистинского и Галгаевского обществ – 8709, всего – 31322 чел.
7. Численность населения Ингушского военного округа в 1863 г. // Кавказский календарь на 1865 г. Тифлис, 1864. Отд. III. С. 115.
8. «Перечневые ведомости о числительном народонаселении» в Ингушевском округе (Назрановский, Горский и Карабулакский участки, Акинское общество). По данным за 1864 г. – Карабулакский участок, и январь 1865 г. остальные участки /ЦГА РСО-А. Ф. 26. Оп. 1. Д. 33. Л. 13, 14, 23, 24.
9. Сведение о народонаселении Терской области по округам: Ингушевский округ //Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис, 1866. Отд. III. С. 318. Те же данные, в «Статистической таблице Кавказского края. Пространство, число жителей и плотность населения Кавказского края в 1865 году» с пометкой, что эти данные относятся к 1864 г. Однако, судя по цифре, не учтено население Карабулакского участка, упраздненного в 1865 г. в связи с выселением его населения в Османскую империю. Соответственно, эти данные предположительно относятся к 1865 г.
10. Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении //ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. Отд. 8. С. 6-8. (Назрановский, Горский и Пседахинский участки Ингушского округа).
11. Таблица «Административное разделение горских земель» на «Карте земель горского населения, находящегося в военно-народном управлении» 1870 г. / РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2997. Л. 1.
12. ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. Отд. IV: Горская летопись: 4) Численность и племенной состав горского населения Терской области. С. 55-56.: Ингуши (г. Владикавказ, Владикавказский округ).
13. Распределение народностей, населяющих Кавказ по губерниям и областям Кавказа: Ингуши. 1883 г. //Кавказский календарь на 1887 г. Тифлис, 1886. С. 220.
14. Численность людей, говорящих на ингушском языке / Распределение населения Кавказа по родному языку согласно переписи 1897 г. (Издание Центрального статистического комитета 1905 г.) //Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 538. По моим подсчетам, сделанным на основе данных переписных листов 1896 г. (апрель-июнь) – ингушей, только в Сунженском отделе, проживало 49153 чел.
15. Отчет Начальник Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1902 год. Владикавказ, 1903 г. С. 15; В то же время, в литературе приводятся и другие цифры: «<…> Ингуши живут во Владикавказском округе Терской области, в числе около 49 тысяч душ» /Этнологическая классификация кавказских народов (Заимствовано из статьи Л.П. Загурского, помещенной в Кавказском календаре на 1888 г.). Итоги исправлены приблизительно по 1902 г. //Кавказский календарь на 1904 г. Тифлис, 1903. Отд. III. С. 56.
16. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928. С. 5.
17. Население Назрановского округа на 1908 г. //Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 453.
18. Население Назрановского округа на 1911 г. //Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 184.
19. Общее количество коренного населения Терской области в 1914 г. / М.К. Ушков. Несколько цифр по земельному вопросу в Терской области. Статистические материалы по данным за 1915 и 1916 годы. Кисловодск, 1919. С. 11.

М.А. Кямиль

ПОДГОТОВКА И ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ РЕСКРИПТА ОТ 6 ДЕКАБРЯ 1846 Г. В СЕВЕРНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Аннотация: В статье рассматривается процесс подготовки и реализации указа Николая I от 6 декабря 1846 г. касающийся вопросов земельных прав высшего сословия.

Ключевые слова: рескрипт, земельные участки, высшее сословие Карабах, Северный Азербайджан

M. A. Kamil

PREPARATION AND IMPLEMENTATION OF THE EDICT OF 6 DECEMBER 1846 IN NORTHERN AZERBAIJAN

Abstract: The article considers the preparation and implementation of the decree of Nicholas I of 6 December 1846 on the issues of land rights of the upper classes.

Keywords: rescript, land, higher class, Karabakh, Northern Azerbaijan

Напряженность, сложившаяся в Северном Азербайджане в начале 40-х годов XIX века, вынудила русское самодержавие внести определенные изменения в политику, проводимую им в этом крае Российской империи. По решениям Совета Главного Управления Южнокавказского края от 13 февраля 1841 г. и от 24 марта того же года об отстранении землевладельцев округов Газах, Шамшаддиль и Борчалы Грузино-Имеретинской губернии и бегов Каспийской области от дела управления сел, они были лишены своих земельных владений «тиюль». Вскоре на Южном Кавказе вспыхнули восстания против правительства. Император Николай I (1825 – 1855), взволнованный ростом открытых выступлений против царской власти, для выяснения причин недовольства местного населения этими реформами, отправил военного министра, графа А.И. Чернышева и председателя Кавказского комитета, статс-секретаря М.П. Позена в Южный Кавказ.

Недовольство местных ага, бегских и ханских семей законами указанного типа, изданными царским правительством, подтолкнуло официальные круги Российской империи к той мысли, что следует подойти к проблеме подготовки аналогичных законопроектов с большим вниманием. В связи с этим в 1842 г. в Тифлисе приступил к работе комитет, занимающийся разработкой вопросов, связанных с личными правами ага и путями претворения их в жизнь. Перед этим комитетом была поставлена определенная ясная задача: создать в лице массы ага такого высшего мусульманского сословия, с помощью которого царское правительство в соответствии со своими намерениями смогло бы оказать влияние на местное население.

В 1842 г. два новых комитета сменили этот комитет. Первый комитет занимался определением «высшего мусульманского сословия». А второй комитет был занят отдельным вопросом об ага, потому что на основании рескрипта 1841 г. их земли были конфискованы царским правительством.

Работа этого комитета была под непосредственным контролем императора. В центре внимания комитета находились в основном 3 принципиальных вопроса: 1) земли на правах наследственной собственности должны были быть переданы в распоряжение бегов, на правах наследственной собственности должны были получить земли и ага; 2) жители должны были платить налоги и исполнять повинности в пользу бегов и ага; 3) беги и ага должны были получить право полицейского контроля над жителями и ограниченные судебные права [1, с. 180]. Однако комитет не смог решить этот вопрос.

Вопросы о земельных правах высшего сословия Северного Азербайджана и взаимоотношениях этого сословия с жителями нашли свое частичное решение после назначения М.С. Воронцова наместником Кавказа. М.С. Воронцов был назначен на этот пост в период, когда получила широкий размах война русских против горцев Северного Кавказа. Основную часть своего времени новый наместник тратил на войну. Поэтому по указу наместника подготовкой законопроекта, регулирующего отношения между имперскими властями и мусульманской элитой, занимался П.А. Ладинский. 9 марта 1846 г. законопроект, подготовленный П.А. Ладинским, и другие документы, собранные им, были отправлены наместнику Кавказа. 30-го марта 1846 г. этот законопроект обсуждался на заседании Кавказского комитета. После обсуждения законопроект вместе с замечаниями был возвращен автору. Законопроект подвергался серьезным обсуждениям. В этих обсуждениях участвовали даже нухинские и карабахские беги, приглашенные наместником Кавказа. Наконец, 30 ноября 1846 г. Кавказский комитет рассмотрел проект указа и положение, предназначенные М.С. Воронцовым для представления в Сенат. В проект указа был внесен ряд изменений и было дано разрешение на объявление проекта указа от имени наместника Кавказа. 6 декабря 1846 г. проект указа, состоящего из двенадцати статей, был утвержден Николаем I [2, с. 310-313; 1, с. 186-209].

Этим Высшим указом царь «дарил» бегам, ханам, и пяти христианским меликам нагорной части Карабаха и некоторым лицам земельные участки «за особые заслуги и подвиги». Наряду с этим, земельные участки, находившиеся у их предков до периода русского завоевания мусульманских провинций, и участки, которыми ныне они пользовались, утверждались в качестве их «наследственной собственности». Земельные участки, населенные жителями, а также земли, пустовавшие и конфискованные у ряда землевладельцев после 40-х годов XIX века не за совершенные преступления или же без судебного решения, а в административном порядке, возвращались прежним владельцам или наследникам этих владельцев. Земельные участки, населенные поселянами, или земли, пустовавшие и ранее принадлежавшие ага дистанции Борчалы, Газах и Шамшаддиль и их

наследникам, но конфискованные в 1841 г., возвращались прежним собственникам и их наследникам в качестве «особого помилования императора». Поселяне на территориях дарственных земельных участков, принадлежащих отдельным лицам на правах собственности или утвержденных в качестве их земельных участков, оставлялись на нынешних местах. Эти поселяне причислялись к сословию «государственных» («казенных»). Вместо названий «раият», «ранджбар», «халисе», «нукер» поселяне получили название «подчиненный помещику»» [2, с. 310-311].

Как все дворяне-помещики Российской империи, ага, беги и ханы Северного Азербайджана получили право использовать свои земли на основании общих законов империи, т.е. они имели право «продать, дарить, передать в наследство и приватизировать другими способами» свою земельную собственность. Российский император «заботился» о правах ага, бегов и ханов, т.е. на основании юридической сделки их поместья можно было передать только тем лицам, «которые принадлежали к высшему мусульманскому сословию Южнокавказского края», или лицам, «обладающим качествами, необходимыми для хозяйствования, управления населенными поместьями на основании общих законов империи» [3, с. 107].

По указу 6 декабря 1846 г., все земельные участки, переданные прежним владельцам на правах наследственной собственности, вместе со своими принадлежностями и хозяйственными объектами составляли полную собственность владельцев. Землевладельцы могли полностью пользоваться правами собственности над земельными участками на основании общих законов. Такие земли могли передаваться в наследство, их можно было дарить, продать или купить. При купле-продаже земельных участков жители, населенные на этих участках, сохранили старые взаимоотношения и с новым владельцем. При дележе поместий между наследниками наряду с имперскими законами, землевладельцам разрешалось соблюдать Шариат, обычаи, традиции, местные правила и закон [2, с. 312].

Слияние земель «тиюль» и «мюлк» в качестве единой категории феодальной земельной собственности стало новым этапом в развитии этого вида собственности, связанным с усилением земельных прав феодалов Северного Азербайджана. Это усиление проявлялось в первую очередь в факте отождествления тиюля и мюлком. Главное состояло в том, что рескрипт 1846 г. расширил права собственности бывшего тиюлдара над землей. Если ранее это право в основном ограничивалось правом получения ренты от зависимых феодальных поселян, то в новых условиях прежние тиюлдара превратились в собственников земель, получили права по собственному усмотрению использовать эти земли.

На основании 8-й статьи указа, поселяне за использование земельных наделов должны были исполнять ряд повинностей в пользу землевладельца. Кроме этого, землевладелец получил право контролировать правопорядок и спокойствие между жителями. Он получил также право полицейского управления поселян. Предусматривалось определение особых положений для регулирования взаимных отношений между землевладельцами и поселянами.

Этот указ совершил переворот во взаимоотношениях царизма и феодалов Южного Кавказа, в том числе Северного Азербайджана. Изданием такого рескрипта наместник М.С. Воронцов претворил в жизнь тонкое и хитрое мероприятие, направленное на урегулирование взаимоотношений между властью и местным высшим мусульманским сословием. Он таким путем смог переманить мусульманских феодалов на свою сторону, обеспечил усиление проросийской ориентации в Северном Азербайджане. М.С. Воронцов так оценивал этот государственный документ: «Лучшее утверждение состояния бегов и ага – укрепление за ними земель их и успокоение их на будущее время – более утвердят владычества наше в здешнем крае, нежели какой либо случайный, хотя и сильный успех в горах против самого Шамиля» [4, с. 92].

Проводники колониальной политики царизма на Кавказе с большой надеждой относились к этому рескрипту М.С. Воронцова. Собрано много сведений о процессе подготовки различных документов, аграрных законов, изданных в рассматриваемый нами период. Царский чиновник М.А. Корф, в течение длительного времени занимавший ответственные посты в государственном аппарате Российской империи, сыграл особую роль в сборе этих сведений. Он отмечал, что под влиянием этого указа «мусульмане больше приблизятся к России» [5, с. 31].

Таким образом, «рескрипт предоставил землевладельцам» Северного Азербайджана «право свободного пользования своими землями», указ создал определенные условия для превращения земли в товар. Однако феодальная земельная собственность пока не смогла превратиться в капиталистическую земельную собственность. А это обстоятельство было связано с тем, что право приватизации земли было сосредоточено только в руках господствующих феодалов над землей, обеспечил неприкосновенность земельного фонда феодалов, подытожил длительную борьбу бегов-тиюлдаров Северного Азербайджана за признание своих прав собственности.

Список литературы

1. Гасанов И.М. Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XX века. Баку; Изд.-во АН Азерб. ССР, 1957. 235 с.

2. Источники по истории Азербайджана. Баку; издательство Азербайджанского Государственного Университета, 1989. 328 с. (на азербайджанском языке).

3. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х годов XIX в. Ч. 2, Москва-Ленинград. 1937. 478 с.

4. История Азербайджана. В 3-х томах. Т. II. (От присоединения Азербайджана к России до февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Баку; издательство АН Азерб. ССР, 1960. 953 с.
5. Из записок М.А.Корфа // Русская старина, январь, 1900

Т.Х. Матиев

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ИНГУШЕТИИ В XX ВЕКЕ

Аннотация: Статья посвящена проблемам роли фактора образования и грамотности в общественном развитии Ингушетии прошлого столетия. В статье проведен анализ воздействия отставания в образовательном развитии региона на его политические и исторические судьбы в XX веке. Предпринята попытка обозначить взаимосвязь роста образования в среде ингушей с эволюцией национального движения и созданием Республики Ингушетия.

Ключевые слова и выражения: Ингушетия, образование, горцы, грамотность, репрессии, национальные движения, государственность.

T.H. Matiev

EDUCATIONAL ASPECT AS A FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT INGUSHETIA IN THE TWENTIETH CENTURY

Abstract: The article deals with the problems as a factor of education and literacy in the social development of Ingushetia last century. The article analyzes the impact of the lag in the educational development of the region in its political and historical destiny in the twentieth century. An attempt to identify the relationship of growth of education among the Ingush with the evolution of the national movement and the establishment of the Republic of Ingushetia.

Key words: Ingushetia, education, mountaineers, literacy, repression, national movements, statehood.

Вопросы, связанные с образованием и наукой, стояли для народов Северного Кавказа очень остро с самого начала XX века, в который они вступили еще в составе царской России. Количество учащихся среди детей школьного возраста в начале XX века составляла у осетин – 33 %, кабардинцев – 12,8%, народов Дагестана – 10%. Ингуши же вместе с чеченцами замыкали ряд как обладающие наименьшей средней грамотностью населения народы – 4% и 2 % соответственно [4, с. 511].

Ситуация воспроизводила себя самое: образование не развивалось, поскольку оно было невостребовано – не было экономической среды для активного приложения знаний образованного населения. А производство, в свою очередь, не развивалось ввиду нехватки образованных кадров. Этот замкнутый круг естественных причин мог разорвать лишь фактор внешний, активно направленный на внедрение образования в горскую среду безотносительно от объективных условий. Иными словами, необходимо было дать образование даже насильно, проведя реформы, подобные петровским. Но в дореволюционных условиях этот переворот не мог быть выполнен по ряду причин.

Прежде всего, в этом была не заинтересована сама администрация. Ей совершенно не требовалось распространение «чрезмерной» грамотности среди «сложного» с точки зрения лояльности горского населения. При этом руководящими мотивами были не столько национальные, сколько классовые. Не следует забывать, что власть и среди русского-то населения не спешила браться за всеобщую грамотность, всего за пару десятилетий до первой русской революции введя печально знаменитый циркуляр о кухаркиных детях, закрывавший путь к получению классического образования выходцам из низших сословий – в стране, первый академик которой пришел в столицу с рыбным обозом [8, с. 77]!

С другой стороны, и из самой ингушской среды не всегда было достаточно массового и упорного давления на власти с требованиями расширить образовательные услуги в Терской области и конкретно в Ингушетии, о чем с озабоченностью свидетельствуют и некоторые ингушские авторы местной прессы того времени. Пример соседней Осетии, где счастливо совпали оба элемента «образования извне» – когда и власти были заинтересованы в максимальном приобщении к русскому образовательному пространству изъявляющих высокую степень готовности интегрироваться в государственно-бюрократическую структуру империи осетин; и сами осетины раньше многих других горских народов уяснив громадный потенциал образования в широком смысле, настаивали на всяческом расширении сети школ в Осетии [4, с. 512] – не был применен к реалиям той же Ингушетии.

Таким внешним ликбезом стала революция (как известно, и внесшая само это слово в общественный лексикон). Образовательный прорыв, достигнутый Советской властью – ее главное и недевальвируемое несмотря на любые претензии и критику в ее адрес в целом достижение – в полной мере коснулся и горских народов Северного Кавказа. Разумеется, особенно заметным он стал для тех народов, которые, подобно ингушам и чеченцам, находились на нижних строчках рейтинга образованных этносов дореволюционной поры. Неслучайно, что в первой половине 20-х гг. количество образованных ингушей взлетело с менее чем 4 % в 1921 г до 22 % к 1927 г. при 75 тыс. населения [1, с. 60]

Однако и в данном случае этот показатель существенно отставал от уровня соседних народов, более благополучных в смысле образования и в царское время. Так, у тех же осетин процент образованных людей в первые годы Советской власти вырос неизмеримо больше [10, с. 82]. Причиной, конечно, была и своеобразная «фора», имевшаяся в той же Осетии по сравнению с соседними регионами в виде самой разветвлённой среди горских областей сети школ на 1917 г. и соответственно наибольшего среди горцев количества образованных людей. Однако если в случае с осетинами действовал, очевидно, импульс идеи получения образования как одной из важнейших ценностей, заданный предшествующей царской эпохой и в новых условиях получивший новый толчок, в случае с ингушами мы, видимо, имеем действие не импульса движения, а инерции застоя, тоже доставшейся от прежнего времени и которую сразу не смогли переломить даже революционные преобразования Советской власти. Ингушское общество показало себя гораздо более консервативным и дольше «раскачивающимся» перед восприятием новинок – будь то стиль одежды или выбор приоритетов в общественной позиции.

Слабость образованного слоя и ее значение в условиях острых политических пертурбаций первой половины XX века проявились особенно сильно. Речь идет об административно-территориальных преобразованиях– ликвидации Ингушской АО, включении ее в состав Чечено-Ингушской АО, а затем преобразованием в Чечено-Ингушскую АССР. Утрата промышленного, культурного и административного центра г Орджоникидзе (Владикавказ) также во многом стала следствием не только внешних воздействий на молодую ингушскую государственность, и внутренних изъянов ее общественного развития – в первую очередь слабого нарастания образованного слоя и отсутствия возможности опереться на сильное сплоченное интеллектуальное ядро национальной бюрократии в борьбе за отстаивание национальных интересов народа в рамках советской административно-командной системы.

Репрессии 30-х гг. и война с их отрицательным отбором (как всегда, гибли в первых рядах лучшие, наиболее интеллектуально развитые, обладающие собственной гражданской позицией – их в первую очередь «вырубали» в дни репрессий, они же первыми уходили на фронт в силу понимания гражданского долга), не говоря уже об обрушившейся в 1944 г. сталинской депортации, устроили почти двадцатилетний тупик образовательного развития народа, законсервировав его в лучшем случае на уровне достижений 20-х гг., а то и отбросив еще дальше назад. При этом многие представители интеллигенции как наименее приспособленные к суровым условиям выживания в первую очередь погибали в Казахстане, особенно в первые недели и месяцы ссылки, где в ту пору были гораздо более востребованы навыки физического труда и крестьянской оборотистости, а не интеллектуальный багаж, вынесенный первым поколением советской ингушской интеллигенции из университетов и институтов.

Тем не менее, свести на нет наличие интеллектуального слоя в ингушской среде инициаторам репрессий не удалось. Равно как и отбить охоту получать образование, в том числе и высшее. Чем ближе к концу сталинской эпохи и началу «оттепели» (пока еще не продекларированной), тем большее количество ингушских юношей и девушек стали получать всеми правдами и неправдами высшее образование, даже все еще находясь в казахстанской ссылке [3, с. 412].

Возвращение из депортации и восстановление ЧИАССР как никогда прежде подхлестнуло получение образования большинством ингушской молодежи. Но опять же заявляло о себе изначальное отставание, на которое наложился двадцатилетний «сталинский простой», когда речь шла об элементарном выживании и народ был отброшен к реалиями монголо-татарского нашествия. Эта разница не могла быть покрыта сразу же даже массовым притоком ингушских молодых людей в ВУЗы и СУЗы.

Еще одним фактором, не способствовавшим росту образованного слоя, была по-прежнему сравнительно низкая востребованность получателей высшего образования в районах компактного расселения ингушей. Какой-то процент их поглощался школами и другими учебными заведениями начального и среднего образования, мелкими производствами и др. Однако отсутствие объектов индустрии (за вычетом трех – четырех небольших предприятий, разбросанных по ингушским районам ЧИАССР) и иных крупных производств, объективно не давало возможности полностью трудоустроить молодых людей, окончивших ВУЗ. Выходом для выпускников была работа не по специальности (и то чаще всего на выезде – на т.н. шабашках, сезонных работах в центральных районах страны, на Севере, Сибири и др.), или, для меньшинства – попытка устроиться на работе по специальности в ближайших городских центрах, связанная с проблемами жилья, прописки и др. Итогом стало возникновение двух ядер ингушской образованной элиты в Орджоникидзе и Грозном, причём второе, будучи оторвано от основной территории проживания ингушей, стало частью грозненской русскоязычной субкультуры. Носители ее в культурном плане были гораздо ближе грозненским русским, армянам, евреям, чем назрановским и даже владикавказским ингушам (последние, примыкая территориально к ингушской сельской «большой земле», простиравшейся от Орджоникидзевской до Владикавказа, были гораздо более интегрированы в традиционную ингушскую среду).

Так или иначе, период середины 50-х – второй половины 80-х гг. дал как никогда большой процент образованных ингушей (и, как никогда до и после этого – высокий в среднем уровень полученного ими образования). В результате, именно люди, получившие образование в этот период, стали ядром ингушского национального движения конца 80-х – начала 90-х гг., которое в итоге привело к созданию Ингушской Республики и восстановлению самой ингушской государственности в составе России. В то же время нехватка общей и политической грамотности в

широком плане у многих представителей ингушского национального движения того периода, несомненно, сыграла не самую благоприятную роль в развитии ситуации в период становления республики – особенно в плане адекватной оценки складывающейся ситуации накануне и в ходе трагических событий 1992 г.

Налаживание системы образования, в том числе и высшего, стало одним из главных направлений деятельности новых исполнительных органов власти в республике. Уже летом 1993 г. начинается активное обсуждение вопроса об открытии первого ингушского ВУЗа, дискуссии о формах и сроках создания которого становятся одним из самых насущных вопросов образовательной сферы только что провозглашенной республике [9]. Уже в июне 1993 г. поднят вопрос об открытии филиала Российской академии наук в Ингушетии [7]. Тогда же ряд представителей научной интеллигенции, среди которых были такие известные деятели ингушской науки, как А.Х. Танкиев, А.С. Куркиев, И.А. Дахкильгов, А.М. Мартазанов обратились к Президенту Р. Аушеву с призывом добиваться создания в Ингушетии филиала Московского государственного университета [6]. Идея создания государственного университета в Ингушетии как не только высшего учебного заведения, но и одного из опорных столпов новой государственности, носилась в воздухе с момента провозглашения республики. Так, научно-практическая конференция «Государственность Ингушетии: история и современность», прошедшая 4 июля 1992 г. – всего через месяц после принятия Верховным Советом РФ закона об образовании Ингушской республики, и собравшая цвет ингушской науки, одной из главных своих рекомендаций Правительству (тогда еще не созданному) новой республики сделала пункт, в котором говорилось: «… приступить к созданию университета, который даст возможность объединить разные по направлению специальности, т.к. открывать многие отраслевые учебные институты не представляется возможным» [2, с. 89].

Создание уже в следующем 1994 г. Ингушского государственного университета по сей день рассматривается независимыми экспертами за пределами Ингушетии важнейшим и наиболее недевальвируемым с течением времени событием в новейшей истории молодой республики [5].

Вместе с тем, несмотря на такие судьбоносные события в истории государственности и образования Ингушетии, которыми были ознаменованы последние четверть века, ситуация в образовательной сфере, которая как никогда прежде серьезно влияет на все сферы общественной жизни в условиях информационного общества, вопросы повышения образовательного уровня молодежи остаются весьма острыми проблемами современной жизни Ингушетии. Это объясняется рядом факторов:

– ростом зависимости молодежи от Интернет-пространства;

– стремительной утратой роли книг (к которым ингушское общество так и не успело пристраститься в массовом порядке в «доинтернетовскую эпоху») как носителей информации;

– отсутствие традиций получения качественного высшего образования в массовом порядке подобно большинству окружающих народов, не подвергавшихся депортации;

– сохраняющейся недооценкой в национальном сознании и ценностной шкале образования как самоценности.

Все эти моменты слишком обширны и требуют отдельного исследования (и даже не одного), поэтому мы не имеем возможности рассмотреть их подробно в рамках настоящей работы. В то же время на основании проанализированного материала мы можем сделать ряд выводов.

Образовательный фактор оказывал самое непосредственное влияние на развитие ингушского общества и государственности на протяжении исторического периода и продолжает оказывать его на современном этапе. В силу ряда объективных и субъективных факторов возникло в период присоединения Кавказа к России отставание в образовательном уровне ингушей и чеченцев от соседних народов Терской области. Ситуация существенно изменилась в период первых лет Советской власти, когда был достигнут резкий рост количества грамотных, однако это не привело к кардинальным изменениям положения с образованностью, позволявшим бы сравниться с ушедшими в отрыв соседями. Тем более это стало ясно в середине прошлого столетия в условиях депортации и лишения собственной национальной государственности. Восстановление ЧИАССР и возвращение ингушей из ссылки опять же не привело к ликвидации образовательного отставания, хотя и сделало возможным его серьезное сокращение. Тем не менее, в драматических перипетиях новейшей истории Ингушетии образовательное отставание ее политической элиты стало одним из серьезнейших негативных факторов. Несмотря на достижение в последние десятилетия больших успехов в наверстывании возникшего на протяжении XX века отставания в образовательной сфере (включая создание государственного университета), проблема преодоления образовательного отрыва все еще остается одной из самых актуальных для современной общественной и государственной жизни Республики Ингушетия.

Список литературы

1. Гудиева Л.Х.-У. Развитие культурно-образовательного пространства Ингушетии (1920-1934 г.). Ростов-на-Дону, 2007. 189 с.
2. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Нальчик, 2007. 576 с.
3. Ермекбаев Ж. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2008. 506 с.
4. История народов Северного Кавказа с конца XVIII – 1917 г. М., 1988. 660 с.
5. Новые Известия. 8.04.2004.
6. Обращение к Президенту Ингушской республики Р.С. Аушеву // Газ. Сердало, 23.06.1993.

7. О филиале Российской академии наук в Ингушетии // Газ. Сердало, 23.06.1993.
8. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. М. 1983. 558 с.
9. Танкиев А. Какой ВУЗ нам нужен?// Газ. Сердало. 4.06.1993.
10. Шнирельман В. Быть аланами. М. 2006. 696 с.

А.М. Муртазалиев

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА ИМАМА ШАМИЛЯ ЗА РУБЕЖОМ. ЛИЧНОСТИ И СУДЬБЫ

Аннотация: В статье освещаются малоизвестные факты из жизни потомков имама Шамиля за рубежом.
Ключевые слова: Кавказская война, потомки, имам Шамиль, за рубежом, эмиграция, Османская империя, Турция.

A.M. Murtazaliyev

REPRESENTATIVES OF THE GENUS IMAM SHAMIL FROM ABROAD. PERSONALITIES AND DESTINIES

Annotation: The article highlights the little-known facts from the life of the descendants of Imam Shamil abroad.
Key words: Caucasian war, the descendants of Imam Shamil, abroad, emigration, the Ottoman Empire, Turkey.

Многолетняя Кавказская война в первой половине XIX века обернулась величайшей трагедией для населения горного края, особенно для ее непосредственных участников, в том числе и ее руководителей всех звеньев. Большинство из них погибло на полях сражений, другие стали калеками, третьи лишились своих близких и родных. Многие известные участники, идеологи и руководители национально-освободительной войны из Дагестана, как и из других областей Северного Кавказа, добровольно или под давлением обстоятельств эмигрировали за границу, в частности, в Турцию. «После поражения имама Шамиля многие активисты сопротивления из числа Дагестана и Чечни свое спасение и возможность продолжения дальнейшей борьбы против царизма за освобождение своей родины видели в Османской империи» [1, с. 19].

Среди них были идеолог и духовный лидер шейх Джамалудин Казикумухский, поэт и ученый Хаджи-Мухамад ас-Сугури, наибы Мухамад-Амин из Гонода, Даниял-султан из Илису, Кебед-Мухамад из Телетля, Галбац-дибир из Карата, Ибрагим из Гимры и многие другие.

Сполна познала горечь потерь, унижений и лишений и семья вождя национально-освободительной войны – имама Шамиля. Основная часть ее членов вместе с главой долгие годы пребывала в ссылке, а потом эмигрировала в Османскую империю, продолжив тем самым свой род на чужбине, а другие представители в лице второго сына Мухамада-Шапи остались в России, ставшей для них родиной.

Трагедия семьи Шамиля продолжилась и на чужбине, особенно в первые годы эмиграции. В течение десяти лет (с 1870 по 1880 гг.) вдали от родины в чужой земле нашли свой последний приют сам Шамиль (1871, Медина), его жены Загидат (1871, Мекка), Шуанат (1877, Стамбул), дочери Патимат (1871, Медина), Сапият (1870, Медина), Нажабат (1874, Стамбул), Баху-Меседо (1870, Стамбул). Однако, несмотря на все невзгоды и трагические обстоятельства, судьбе было угодно, чтобы дети имама Шамиля в лице его сыновей Газимухамада и Мухамада-Камиля продолжили свой героический род на чужбине, дав жизнь его новым поколениям.

Старший сын Шамиля Газимухамад во втором браке был женат на Хабибат, дочери известного оружейного мастера и ювелира из дагестанского селения Чох, своего друга Давудилава. В 1864 г. в Калуге у них родилась дочь Написат, прожившая совсем немного. Она умерла в 1873 г. в Стамбуле. В том же году у них родилась другая дочь Аминат-Написат.

В 1888 г. пятнадцатилетняя Аминат-Написат вышла замуж за маршала Османа Фарида-пашу Шхаплы, бывшего на тот период губернатором Мекки и Медины, убыха по национальности. У супругов была большая разница в возрасте – 29 лет. Тем не менее, их брак оказался крепким и счастливым. У Османа Фарида и Написат родились одиннадцать детей: сыновья Шамиль, Баракат, Арип, Газимухамад, Хамзат Осман, Абубакар и дочери Патимат-Саадат, Хабибат, Сапият, Зубайдат, Мелек. Из них в будущем семьи создали лишь четверо: сыновья Хамзат Осман, Абубакар и дочери Саадат и Зубайдат. Остальные семь детей: сыновья Шамиль, Баракат, Арип, Газимухамад и дочери Хабибат, Сапият, Мелек никогда в браке не состояли и потомства не оставили.

Хамзат Осман состоял в браке с черкешенкой Мелика-ханум, от которой имел четверых детей: трех сыновей (Айдын Осман, Осман, Акын) и дочь Гюнеш. Из них семьи имели лишь двое: сын Айдын Осман был женат на Жоан Райс, гражданке Великобритании, валлийке по национальности. У них дочь Рана-Написат, у которой сын Эмреджан. Дочь Гюнеш вышла замуж за турка Мехмет Турда Етиш. У них родились две дочери Хайрие-Мелек и Феза-Мелек. Хайрие-Мелек вышла замуж за Угур Коркмаса и родила двоих сыновей Али и Эмир. А Феза-Мелек от Османа Балджи имеет дочь Эилен Дениз. Другие дети Хамзат Османа – Акын и Осман в браке не состояли и потомства не оставили.

Другой сын Написат и Османа Фарида-паши – Абубакар был женат на чеченке Фатьма-ханум. У них

одна дочь Бедиа, которая от грузина Ильдер Токджана имеет дочь Ганже Алда.

У другой дочери Написат и Османа Фарида-паши Шхаплы – Патимат-Саадат, состоявшая в браке с египтянином абхазского происхождения Ахмедом Хайри Хуршидом, родился сын Махмуд Инал. Инал состоял в браке с немкой Надя Бранауэр, от которой родился сын Шамиль. Шамиль в настоящее время женат на турчанке Дилек Айдинджиоглу.

Долгое время замужем за ответственного работника министерства иностранных дел Египта Али ал-Амроусси была Зубайдат, четвертая дочь Написат и Османа Фарида Шхаплы. Но детей у них не было. Зубайдат умерла в 1979 году и похоронена в Каире.

Младший сын имама Шамиля – Мухамад-Камиль был женат на черкешенке Набия. У них родились трое детей: дочери Нажия (1899 – 1983), Наджават (1916 – 1983) и сын Мухамад Саид-бег (1901 – 1981). Дочери Мухамада-Камиля никогда замужем не были. Считалось, что никогда не было семьи и у Мухамада Саид-бега, единственного сына Мухамада-Камиля. Однако недавно выяснилось, что он состоял в браке со своей родственницей Хаддуч, младшей дочерью маршала Мухамада Фазиля-паши Дагестанлы. Но, как отмечает Тамара Дагестани, внучка маршала, этот брак был скорее формальным состоянием, нежели настоящей семьей, и потому он не оставил наследников.

Как видим, потомство имама Шамиля на чужбине с каждым поколением все хиреет, слабеет, растворяясь в инонациональной среде. В мужском колене продолжателей рода Шамиля за рубежом нет. Примечательно, что, начиная с дочери Газимухамада Написат, никто из потомков имама Шамиля не только не связал свою судьбу с аварцами, хотя их достаточно много в диаспоре, но и вообще с представителями дагестанского общества. При этом в их роду встречаются браки с представителями самых разных национальностей: арабами, турками, немцами, грузинами, чеченцами, американцами, англичанами и пр.

Стоит отметить, что представители рода имама Шамиля на чужбине – это высокообразованные, высококультурные личности, получившие блестящее образование и воспитание, успешно реализующие себя во многих сферах жизни: бизнесе, политике, науке, культуре, литературе, спорте и пр. При этом практически никто из них не избрал военную стезю, и неизвестен факт, чтобы кто-то из них стал религиозным деятелем.

В качестве примера приведем несколько набросков портретов наиболее ярких представителей рода имама Шамиля, родившихся и реализовавших себя за рубежом.

Шамиль Шхаплы, правнук имама Шамиля (1891 – 1957)

Родился в Медине в семье маршала Османа Ферида-паши Шхаплы, губернатора Мекки и Медины, и Написат – дочери Газимухаммада, сына имама Шамиля. Начальное образование получил в Медине, позже окончил французский лицей Святого Жозефа в Стамбуле. В Женевском университете изучал политические науки. Во время первой мировой войны был корреспондентом Османского Национального Агентства в Швейцарии. Одновременно в 1915 – 1919 годах представлял в Женеве интересы северокавказских организаций, таких как «Комитет освобождения Кавказа», «Северный Кавказ», «Комитет северокавказских мухаджиров в Турции».

После возвращения в 1920 году на родину Шамиль работал в Управлении морских линий в качестве служащего, контролера и инспектора. До самой смерти принимал участие в деятельности культурного общества «Кавказ». В разные годы в женевских и стамбульских журналах и газетах были опубликованы его материалы и статьи. Шамиль Шхаплы похоронен в Стамбуле на кладбище Эюб.

Хамзат Осман Эркан, правнук имама Шамиля (1898 – 1968)

Родился в Медине в семье маршала Османа Ферида-паши Шхаплы, губернатора Мекки и Медины, и Написат – дочери Газимухаммада, сына имама Шамиля. Начальное образование получил в Медине. Затем продолжил образование в Стамбульском лицее. В Женевском и Парижском университетах получил специальность экономиста и банковского работника (1913 – 1918). В годы первой мировой войны в составе отряда «Османские добровольцы», сформированного из выходцев с Северного Кавказа, участвовал в боях против англичан на иракском фронте. Был награжден медалью за проявленный героизм. После войны работал в различных армейских учреждениях в Стамбуле. В 1922 – 1927 годах был служащим Османского банка в Париже. В 1929 – 1935 годах был директором Парижского филиала вновь созданного Трудового банка (İş Bankası) Турции. В 1938 году был генеральным директором фирмы «Сельхозпродукты». С 1939 по 1960 год был депутатом Великого Национального Собрания Турции от различных партий. В 1958 году возглавлял турецкую делегацию в Рио-де-Жанейро на 47-й конференции Союза мировых парламентариев, где был избран ее председателем.

После военного переворота в Турции 27 мая 1960 года Хамзат Осман Эркан был арестован, приговорен к пяти годам тюремного заключения и вместе с другими государственными деятелями был сослан на остров Яссы, где содержался в тяжелейших условиях. В 1962 году был досрочно освобожден. Являлся одним из организаторов спортивного клуба «Бешикташ». Был вторым председателем, а затем и генеральным секретарем Олимпийского комитета Турции. В этой должности возглавлял национальные сборные команды на олимпиадах в Хельсинки и Мельбурне.

Под именем Хамзат Шхаплы в различных изданиях Франции и Швейцарии, а также в Турции опубликовал статьи и воспоминания на кавказскую и историческую тематику. Автор военных мемуаров «Горстка храбрецов» (Стамбул, 1946), «От Женевы до раскаленной пустыни. Военные и путевые записи» (Стамбул, 1947).

Мухамад Саид-бег, внук имама Шамиля (1901 – 1981)

Родился в семье младшего сына имама Шамиля Мухамада-Камиля в Медине (Аравия). Мать Набия – черкешенка. Образование получил в Стамбуле в Га-

латасарайском лицее. Юные годы пришлись на переломный период в истории Турции и Северного Кавказа. После объявления 17 мая 1918 года о создании Горской Республики, по приглашению ее лидеров Мухаммад Саид-бег посетил Дагестан, где находился с октября 1920 по март 1921 года. Принимал участие в вооруженной борьбе против советской власти в рядах повстанческих сил под руководством имама Нажмудина Гоцинского. После победы большевиков на Кавказе он вернулся в Турцию.

Мухаммад Саид-бег был признанным лидером северокавказской диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока. Он также является одним из инициаторов создания и руководителей Народной партии горцев Кавказа [2], первой и последней политической организации народов Северного Кавказа. Играл видную роль в политическом движении «Прометей», учрежденного эмигрантскими организациями Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии, Туркестана и Украины.

Долгие годы Мухамад Саид-бег прожил в Саудовской Аравии, был членом исполкома Всемирной исламской организации «Рабита» («Связь»). Наличие двойного гражданства – Саудовской Аравии и Турецкой Республики – значительно облегчало его жизнь, ведшего активную политическую деятельность. Во время второй мировой войны по приглашению министра иностранных дел Германии он посетил Берлин, где вел переговоры с германским правительством о будущем статусе Кавказа. Однако ввиду разногласий с немцами по данному вопросу, отказался от своих планов и вернулся в Стамбул.

В 1950 году вместе с Пшемахо Косоком, Тимуром Курбаном, Кадиржаном Кафлы и другими известными деятелями северокавказской эмиграции Мухамад Саид-бег учредил «Общество культуры и взаимопомощи северокавказцев». В 1978 году был одним из организаторов Образовательного и культурного фонда Шамиля. Оказывал финансовую помощь многочисленным журналам, печатным органам северокавказцев, которые издавались в период между двумя мировыми войнами во Франции, Чехословакии, Польше, Германии и на Ближнем Востоке. В них часто публиковался и он сам. Его статьи печатались также в бюллетенях, брошюрах, выпускаемых Народной партией горцев Кавказа на английском, русском и французском языках, в периодической печати арабских стран, в печатных органах различных эмигрантских организаций азербайджанцев, крымских татар, уйгур и т.д.

Мухамад Саид-бег обладал богатой библиотекой, которая, согласно его завещанию, была передана Образовательному и культурному фонду Шамиля в Стамбуле. Владел аварским, турецким, арабским, английским, французским языками. Мухамад Саид-бег является автором книг и брошюр «Горцы Кавказа» (Париж, 1930), «Разговор представителя Кавказа» (Дамаск, 1956), «Социализм и зарубежные тюрки» (Стамбул, 1971). В 1989 году Джафар Барлас собрал и издал на турецком языке сборник публицистических статей Мухамада Саид-бега Шамиля «Еврейский вопрос и проблема Палестины».

Зубайдат Шхаплы, правнучка имама Шамиля (1909 – 1979)

Родилась в Медине в семье маршала Османа Ферида-паши Шхаплы, губернатора Мекки и Медины и Написат – дочери Газимухаммада, сына имама Шамиля. Начальное и среднее образование Зубайдат Шхаплы получила в Женеве и Стамбуле, где она закончила американский колледж.

После окончания колледжа Зубайдат продолжила образование во Франции. Здесь она училась в Этнологическом институте, в Школе журналистов и в Высшем художественном училище. Завершив образование, в 1933 – 1936 годах Зубайдат стала работать парижским корреспондентом популярных турецких газет «Джумхуриет» и «Ла Република». Кроме того, она была внештатным корреспондентом и некоторых французских газет. В эти годы Зубайдат много ездила по миру. В частности, она побывала в Египте, Пакистане, Индонезии, ряде арабских стран. Здесь она публиковалась в местных газетах и журналах. Ее статьи, репортажи, интервью были посвящены политической, социальной и культурной жизни этих стран.

После путешествий своим постоянным местом жительства Зубайдат Шхаплы избрала Египет, где вышла замуж за ответственного сотрудника Министерства иностранных дел Али Фахми аль-Амраусси. Литературное наследие Зубайдат Шхаплы создано в основном на французском языке, хотя у нее есть отдельные произведения и на арабском, турецком языках. Главным лейтмотивом творчества писательницы является судьба северокавказской диаспоры, ее история, культура, прошлое Кавказа, в частности тема национально-освободительной войны народов Северного Кавказа под руководством имама Шамиля и пр. Книги Зубайдат Шхаплы изданы на арабском, английском, турецком и французском языках. Кроме того, она много публиковалась в газетах и журналах, издававшихся в Турции «Анализ Турции» («Les Annales de Turkuie»), «Вечер» («L'Akcnam»), «Единый Кавказ» («Birleşik Kafkasya»), «Северный Кавказ» («Kuzey Kafkasya») и Польше «Горцы Кавказа», «Северный Кавказ». В 1936 – 1937 годах в Париже, Варшаве, Стамбуле, Каире и Бейруте вышла серия статей Зубайдат Шхаплы об имаме Шамиле. Литературное творчество писательница сочетала с научной деятельностью. Она занималась исследованием истории, современной жизни, быта северокавказской эмиграции. Результатом этой деятельности стала монография «Черкесия» (1978), изданная в Лондоне на английском языке. Необходимо отметить также, что отдельные произведения писательницы в 90-х годах прошлого века на аварском языке в нашем переводе изданы и на ее исторической родине – в Дагестане.

Айдын Осман Эркан, праправнук имама Шамиля (1932 – 1998)

Потомок имама Шамиля в четвертом поколении. Родился в Стамбуле. Отец Хамзат Осман Эркан, мать черкешенка Мелика-ханум. Учился в английском колледже в Стамбуле. После его окончания (1953) продолжил образование в США, где учился в университете и получил квалификацию инженера – специалиста по сельскому хозяйству. По приезду в Турцию

Айдын Осман работал на различных должностях в государственных и частных учреждениях и фирмах, например, в Лондонском бюро Министерства туризма Турции. Еще в университетские годы он начал интересоваться историей народов Северного Кавказа, жизнью и деятельностью имама Шамиля. На эти и другие темы регулярно писал статьи в турецкие и зарубежные издания. В частности, в журнале «Алашара» опубликованы его статьи, посвященные истории, культуре и этнографии северокавказских мухаджиров, проживающих в разных странах мира. Перевел на турецкий язык книги «Путешествие в Черкесию» французского исследователя Толбота де Маригни (1996) и «Прогулки по Крыму и Черкесии» английского путешественника Э. Спенсера (1997). Айдын Осман также подготовил к изданию монографию «Кавказ в истории», которая была издана после его кончины в 2000 г. Айдын Осман Эркан трагически погиб в 1998 г. и похоронен в Стамбуле на кладбище Зинджирликой.

Несмотря на свое происхождение, положение в обществе, звания и регалии, успехи и состояние потомки имама Шамиля всегда помнили своего великого предка, гордились им и делали все, чтобы быть достойными его памяти, его героического наследия. Они бережно хранили и хранят семейные реликвии, личные вещи, книги, рукописи – все, что связано с историей их рода и его славными представителями. Так, благодаря потомкам сына Шамиля Газимухамада, жившим в начале XX века в Медине, сохранился один из авторских экземпляров хроники Мухамада Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых войнах Шамиля» [3, с. 6], подаренный им имаму лично.

И потому в свете изложенного вполне логичным является тот факт, что потомки имама Шамиля в лице отдельных внуков, правнуков и праправнуков посвятили свою жизнь исследованию проблем истории, культуры, этнографии народов Северного Кавказа, истории Кавказской войны, а также жизни и деятельности своих героических предков, в первую очередь имама Шамиля, Газимухамада, Османа Фарида Шхаплы. Эта тема всегда доминировала в их интересных научных исследованиях, мемуарных и художественных сочинениях, исторических и публицистических трудах.

В разные исторические эпохи потомки имама Шамиля проживали в различных странах: вначале в Османской империи, а после ее распада в Турции, Ираке, Сирии, Иордании, Египте и Саудовской Аравии. В настоящее время они постоянно живут лишь в Турции и представлены исключительно наследниками по линии Газимухамада, старшего сына Шамиля. Будучи оторванными от исторической родины, национальных корней и связав свою судьбу с представителями разных народов, потомки имама Шамиля сегодня ускоренно ассимилируются в инонациональной среде, что предполагает в ближайшей исторической перспективе исчезновение на чужбине представителей этого славного и героического рода.

Список литературы

1. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора. История и современность. Махачкала, 2001. 296 с.
2. Turan M.A. Kafkasya Dağlıları Halk Partisi: http://www.samsumbkd.org (Lata обращения: 13 мая 2016).
3. Muhammed Tahir ul-Karahi. İmam Şamilin Gazavatı. İstanbul: Gözde Kitaplar Yayınevi, 1987. 264 s.

А.И. Салсанова

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АХМЕТА БОКОВА

Аннотация. В статье говорится об образах ингушских женщин. О нелегких судьбах матерей, которые играют важную роль в становлении ингушского общества через произведения Ахмета Бокова.

Ключевые слова: дочь, мать, сыновья, семья, очаг, автор, повесть, роман, женщина, народ.

A.I. Salsanova

FEMALE IMAGES IN ARTISTIC WORKS OF AHMET BOKOVA

Annotation. The article talks about the images of Ingush women. On the difficult fate of mothers who play an important role in the formation of the Ingush society through works of Ahmet Bokova.

Key words: daughter, mother, sons, family, hearth, author, story, novel, a woman of the people.

Известно, что первые шаги в литературном творчестве А. Бокова наметились в 1956 году с появлением таких рассказов как «Райхьант», «Честь», «Трудный путь», «Бача и его жены» и др. [1]. Во всех своих прозаических произведениях Бокову удалось отразить яркие образы ингушских женщин.

Например, в повести «Райхьант» писатель рассказывает нам о судьбе ингушки. Основной сюжет произведения сконцентрирован на проблеме определения предназначении человека на земле. Надо сказать, что «Райхьант» – первая повесть на ингушском языке в ингушской литературе. Здесь на примере жизни Райхьант автор показывает не частную историю, ведает о судьбе множества ингушских женщин.

Основной проблемой повести является борьба с пережитками прошлого. Произведение построено на воспоминаниях главной героини. Райхьант вспоминает, как она в ссылке лишилась родной матери. Как отец не дал ей закончить среднее образование в школе. О том, как совсем молодой выдал ее замуж за непорядочного человека, который оскорблял и унижал ее.

Но Райхьант, не смирившись с этим, уходит от него. Отец предстает перед читателем как не довольный поступком дочери человек. Дочь оказывается намного сильнее всего, что с ней происходило и назло «всем ветрам» Райхьант поступает учиться в медицинский техникум, заканчивает его успешно и начинает работать медсестрой в больнице. Здесь судьба сводит ее с замечательным парнем Султаном. Который полюбил ее, полюбил сильно и открылся ей в своих чувствах. Райхьант любит Султана, но она не имеет права выйти за него, так как он молодой и неженатый парень, а она – разведенная вдова. Султан знает, на что он идет ради любимой женщины.

Автор повести утверждает, что сильнее всех преград то, что молодые люди любят друг друга. Он своим повествованием хочет сказать, независимо от того, мужчина или женщина, надо стремиться к своей цели. Главные герои повести твердо идут за своей мечтой. Именно таких героев выбрал для своей повести А. Боков. Это делает ее наиболее реалистичной.

Очень близка к повести «Райхьант» повесть «Трудный путь» автора. Основной темой повести является выселение ингушей в Казахстан и в Среднюю Азию. Кроме этого, затрагивается тема Великой Отечественной войны и труда [2].

Главная героиня повести Марем, так же как и Райхьант, прошла через многие жизненные трудности. Автор и здесь строит сюжет повести в виде воспоминаний девушки. Марем предстает перед читателем очень красивой, статной и умной молодой девушкой. Шла Великая Отечественная война. Отец девушки воевал. А всех ингушей сослали в Казахстан. Там они проживали в тяжелых условиях. Боков подробно описал испытания, через которые пришлось пройти ингушам во времена репрессии. Но в сердце Марем всегда жил образ отца – воина. Она каждый день мечтала о его возвращении. И он однажды вернулся. Война закончилась. Ингушей с войны отправляли к своим семьям в Казахстан и Среднюю Азию. Тяжело воспринимать картину, где героев войны отправляют в места ссылки, как врагов народа. Радость возвращения отца у Марем длилась недолго. Умар вскоре умер. Слишком тяжелые были раны, полученные во время войны. Да и тяжелые условия, в которых они жили, способствовали этому. Вслед за ним от горя умерла и мать Марьям. У Наси было больное сердце, да и не каждый выдержит такие испытания.

Вскоре Марем попадает в детский дом. Там ей помогают добрые и отзывчивые люди, которые окружают вниманием. Это воспитательница детского дома Зоя Сергеевна, помогавшая в те трудные времена ее матери. Из детского дома Марем забирает мачеха ее матери Заби. Заби случайно узнала от воспитанника этого заведения, что Марем находится в детском доме.

Судьба неоднократно сводила девушку с парнем из детского дома Идрисом. Он, как и Маремм, был сиротой. Но вот жизнь снова свела их уже во взрослой жизни, после возвращения на родину. Идрис устроил свою жизнь: был материально обеспечен, а так же имел двух дочерей Лизу и Лемку, которые к тому времени были уже замужем. Марем работала дояркой и ухаживала за больной Заби. Но мысли Идриса погружены в то, как помочь Марем устроить ее личную жизнь. Он заботится о ней, а главное, хотел соединить свою судьбу с ее нелегкой судьбой. И в конце повести герои соединяются.

С ярким женским образом знакомит нас Боков в эпической повести «Старый дом», которая была написана в 1971 – 1983 гг. Позже, по мотивам этой повести автор пишет пьесу «Мы вернемся, нани».

Повесть «Старый дом» посвящена братьям Боковым Хизиру и Умару, которые погибли, защищая Ленинград, во время Великой Отечественной войны.

Повесть начинается с описания старого дома, который стоит прямо у дороги: «Цхьа ц1а даг1а тха юрта, уллув г1олла т1ехвоалар шийна б1арахьежавеш». По словам автора, этот старый дом является свидетелем того времени. «Старый дом» является олицетворением всех страданий, перенесенных жильцами этого дома во время войны. А. Боков сравнивает старый дом с сиротой, который остался без родителей. Автор повести заставляет сопереживать читателя вместе с ним, внушает жалость к нему.

Композиция повести, как свойственно Бокову, построена на воспоминаниях обитателей старого дома, т.е. череда воспоминаний всех жильцов этого дома: мечты, чаяния, переживания и страдания. Это сыновья Усмана и Айши: Бек-Хан, Гирихан, Алихан. А. Боков в своей повести показал их как настоящих патриотов своей родины, а образ матери Айши – как мать героиню [3].

В повести кто-то вспоминает детей, которые лежат на зеленой траве и наблюдают за плывущими в небе журавлями… Здесь автор не случайно приводит слова из стихотворения Р. Гамзатова «Журавли»:

Мне кажется, порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей.
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

А. Боков в своей повести представляет перед нами яркую картину «Старого дома», т.к. он знает ее историю. Он сравнивает семью из повести с героями сказки «Об отце и троих сыновьях»: «Ты помнишь сказку: жили-были отец и три сына. В этом доме тоже жили отец и три сына. Правда, в отличии от сказочных персонажей они слишком рано лишились отца. Когда не стало отца, самый младший сын Айши только научился ходить. Усман предстает перед нами как любящий, заботливый отец семейства. Хотя в последнее время был чем-то сильно огорчен, говорит автор повести. Вскоре раненый на войне Усман погибает. Дальше читатель может проследить за тем, как тяжело женщине растить троих детей без супруга. Он пишет: «Это может знать только тот, кто прошел через это». Но, как говорится «мир не без добрых людей». В трудных жизненных ситуациях Айше всегда на помощь приходят односельчане. В частности, их сосед Абукар.

Всей душой переживает он за эту семью. Делает все, что в его силах, чтобы им помочь. Здесь А. Боков приводит читателю ингушскую народную пословицу: *«Гаьнарча вешал юхера лоалахо тол»* (Близкий сосед лучше далеко живущего брата). Потому что

Абукар всегда был готов помочь семье Усмана всем, чем может. Так же были настроены и односельчане. Они четко осознавали, что Усман был убит на войне, что он защищал общую родину от врага. И был достоин похвалы и уважения.

Сыновья Усмана пошли по стопам своего отца. Они мужественно отстояли свою родину. Этому свидетельствовали благодарственные письма, которые бережно хранила Айша в своем сундуке под замком.

В мирное время у семьи Усмана были свои мечты, планы на будущее. Ведь не зря говорят в народе: построй дом, посади дерево, вырасти сына. Усман посадил абрикосовое дерево у себя во дворе. Сосед Абукар позже вспоминал свое пожелание: многолетнее цветение дереву и долгих лет жизни Усману, который посадил это дерево. Но внезапно начавшаяся война разрушила все планы нашего героя. Сыновья Усмана тоже стоят у Абукара перед глазами как живые. Он хочет, чтобы подрастающее поколение росло на их доблестных поступках. Хотел сохранить их добрые дела. Призывал окружающих всегда помнить защитников своего отечества.

Очень трепетно относится А. Боков к образу Айши. Она очень добрая, трудолюбивая, хорошо относится к людям. Характер у нее мягкий, покладистый. Айша всегда любила детей и своих и соседских. Никогда на них не кричала, тем более не била. Она вырастила троих сыновей без отца. Автор показывает, как она воспитала их в ингушском духе [4].

Именно благодаря Айши, они с честью отстояли родину. Мать пристально наблюдала за своими сыновьями и четко понимала, кто на что способен. Например, старший сын Бек-Хан предстает перед нами как трудолюбивый, хозяйственный. А Гирихан любит учиться. Айша всегда ставила перед сыновьями их отца как истинный пример для подражания. Мать всегда советовала своим сыновьям быть честными, справедливыми, вежливыми по отношению к людям. Прослеживая дальнейшую жизнь Бек-Хана, мы видим, что он впитал в себя все, что говорила ему мать.

Автор в своей повести показывает героев в разных жизненных ситуациях. Например, отношением Бек-Хана к их бригадиру Солсбеку. Бек-Хан всегда говорит в лицо то, что думает. Читатель имеет возможность познакомиться с героем, воспитанным чисто в ингушских традициях. Он умеет отстаивать свою точку зрения. Смело выражать свои мысли. Это мы можем наблюдать там, где Бек-Хан борется за справедливость. Он не послушался совета матери, где она просит его оставить бригаду Солсбека и перейти в другую бригаду. Потому что не хотел порадовать Солсбека своим уходом из его бригады.

По-особенному создан образ другого сына Айши – Гирихана. Думается, что образ Гирихана – самый дорогой для А. Бокова. Гирихан – образованный, смелый, умный, но очень спокойный. Он продумывает каждый свой шаг, каждое слово. Любит читать, узнавать что-то новое. Гирихан, как любознательный человек всегда ставит перед собой вопросы, на которые пытается получить ответы с научной точки зрения. Например, Гирихана интересует, откуда произошли ингуши, как возникали аулы, села. Как создавались ингушские тайпы и многое другое. Но война разрушила все его планы. Гирихан, как достойный сын своей родины, уходит на войну добровольно. За ним уходит и Бек-Хан, оставив молодую жену Либи с младенцем. Перед уходом Гирихан сказал своей матери: «Кто выживет, тот вернется, а кто не выживет… когда-нибудь все равно умрем…».

Совсем одну со своей печалью оставляет мать младший сын Алихан, который тоже уходит на войну сразу же после смерти Бек-Хана. Айши была против этого решения сына. Она не хотела, чтобы война поглотила ее семью. Она умоляла Алихана передумать. Грозилась даже жаловаться. Но Алихан ответил матери: «Каждый мужчина должен воевать за себя». С его уходом на войну опустел их старый дом.

Надо сказать, что Айши до конца надеялась увидеть своих сыновей живыми, но надежды не оправдались. Им не суждено было вернуться живыми домой. Образ Айши является обобщенным образом – образом всех матерей, чьи сыновья уходили на войну, а порой и не возвращались оттуда.

Думается, что горе не согнуло ее даже после смерти сыновей. Айша занималась лечением раненых солдат. Писатель оставляет ей единственного внука как награду за все переживания. Как будто хотел оставить хоть какую-то надежду в жизни Айши. Через образы главных героев автор хотел показать дух народа, его мужество перед лицом смерти. Патриотизм, который закладывался с молоком матери. Но и конечно же, в образе старого дома А. Бокову удалось нарисовать картину глубоких ран и следов, которые оставляет после себя страшное явление – война.

Список литературы

1. Газгиреева А. В основе его произведений – судьба народа // Сердало. 2003
2. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Нальчик. 2007
3. Костоев А. Ореховое дерево. Москва. 2007.
4. Х1анзара г1алг1ай литература. Нальчик. 2011

Р.М. Султанбеков

СЮРГИНЦЫ В ИЗВЕСТИЯХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ XVIII – XIX ВВ.

Аннотация: В статье рассматривается проблема освещения основных вопросов социально-экономического развития и административно– политического устройства одного из крупных союзов сельских общин даргинцев – Сюрга в трудах русских и западноевропейских дореволюционных авторов. В целом сведения дореволюционных авторов о Сюргинском союзе немногочисленны, что связано с удаленностью Союза от основных транспортных и торговых магистралей, связывавших народы Кавказа с Россией.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, Сюрга, дореволюционные авторы, сельская община, дагестанский тухум, старшины, кадии.

R.M. Sultanbekov

SURGENCY IN IZVESTIA OF RUSSIAN AND WEST EUROPEAN PRE-REVOLUTIONARY АВТОРОВXVIII – XIX CENTURIES.

Abstract: The article considers the problem of coverage of the main issues of socio-economic development and administrative – political structure of one of the largest unions in rural communities Dargin – Surge in the works of Russian and West European pre-revolutionary authors. In General, information about pre-revolutionary authors Jurginskom Union are few, due to the remoteness of the Union from major transportation and shopping thoroughfares linking the peoples of the Caucasus with Russia.

Key words: Caucasus, Dagestan, Surge, pre-revolutionary authors, rural community, Dagestan tuhum, elders, Kadis.

Союзы сельских общин Дагестана, как особая форма территориально-политических образований, привлекали к себе внимание иностранных и российских исследователей, которые с разными целями побывали в Дагестане в разные периоды.

Особенно интенсивное изучение истории, этнографии, культуры и обычного права народа Дагестана приходится на XVIII – XIX вв., что связано с активизацией политики России на Кавказе и последующим вхождением Дагестана в состав России.

Приступая к освещению вопроса, отметим, что первым автором, который вообще писал о союзах сельских общин Дагестана, был участник похода Петра I в Прикаспий И.-Г. Гербер. В своей работе, изданной на немецком языке «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря», союзы сельских общин названы им территориями («territorium»), а в переводе на русский язык «уездами» [1, с. 76, 77, 84, 101, 112].

К сожалению, Гербер не говорит подробно о Сюргинском союзе как об отдельном территориальном союзе и самовольно включает его в уезд Карахайтак. Давая географическое положение Сюрга, он писал: «Выше хайтаков, между нижними горами, далее к весту (западу – Авт.) имеются высокие горы, за которыми живут кумыки (имеются в виду кумухцы – Авт.), к зюйду (югу – Авт.) протянется до Табасарани и Хасии кумыкам, а к норду (северу – Авт.) до Кубяша» [1, с. 84]. Судя по этим описаниям, сюргинцы проживали именно в пределах этой территории совместно с другими союзами сельских общин даргинцев (Муйре, Ганк, Гапш, Ицари). Неосведомленность И.-Г. Гербера объясняется тем, что сведения он получал от третьих лиц, не имея возможности самому побывать во внутреннем Дагестане.

Другой исследователь 70-х годов XVIII в. академик И.А. Гюльденштедт в своей работе, изданной посмертно, также уделяет большое место союзам сельских общин Дагестана. Он называет их «округами» [2]. Он также, как и И. Гербер, не выделяет отдельно Сюргинский союз, но называет ряд сюргинских селений (Цугнили, Куллетале, Угната) в составе Акуша-Дарго, что легко объясняется удаленностью описываемых мест от равнинного Дагестана.

Труд участника Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонова [3] содержит ценные сведения по хозяйству, занятиям жителей союзов сельских общин, административному устройству и управлению сельских общин, в том числе Сюргинского союза. В отличие от И.-Г. Гербера, он дает географическое положение Сюргинского союза. «Деревни принадлежащие: к Сиргской, – писал он, – лежащие в горах на вершинах речки Большого Буама» [3, с. 127]. В то же время он ошибается в локализации населенных пунктов.

С начала XIX в. появляется ряд работ, в которых уже в большей мере затрагиваются вопросы общественного устройства союзов сельских общин, союзы в них называются республиками, федерациями и вольными обществами. Один из авторов этого периода Ф.Н. Ртищев называет союз сюргинских селений – «дуеклинцами, которые составляют род республики» [4, с. 248].

Союзам сельских общин Дагестана посвящена 3-я часть работы П. Зубова. В разделе, которая называется «Лезгистан», перечислен ряд союзов сельских общин Дагестана. Среди них «Ахты, Рутуль, Сергинское и Даргинское», которые названы «вольными» обществами [5].

Говоря об устройстве Сюргинского союза, другой исследователь О. Евецкий называет его демократической республикой. В работе затронуты также отдельные вопросы хозяйства сюргинцев, в частности указывается на «отгонный характер скотоводства»[6]

В работе штабного русского офицера А.А. Неверовского говорится о некоторой зависимости акушинцев и сюргинцев от кайтагского умция потому только, что «их стада паслись зимой в нижнем Кайтаге».[6, с. 54]

Вопросы политического положения Сюрга в 40-50-е гг. XIX в. освещены в работе А. Берже [8]. Указав

на обособленное положение Сюргинского общества, он неправ, включая его в Казикумухское владение [8, с. 310].

Изучению союзов сельских общин Дагестана, в том числе и Сюргинского союза, посвятил ряд работ и А.В. Комаров [9, с. 79]. В одной из них он дает анализ адатному праву союзов сельских общин. Говоря о Сюрга, он отмечал особенности адатов сюргинцев, что «Сами женщины допускаются к свидетельской присяге только в Сиргинском обществе Даргинского округа» [9, с. 15].

В другой работе содержатся сведения по народонаселению, составу союзов, административно-политическому управлению, об их названиях и т.д. По Сюргинскому союзу также даются статистические данные, но они не совсем верные. Так, А.В. Комаров указывал, что в Сюргинском наибстве было 1916 дымов, с 8388 [10, с. 24-26] жителями, тогда как по данным более раннего периода число жителей союза составляло 16 тыс. чел. [11, с. 282].

Об административно-политическом устройстве и управлении союзов сельских общин Дагестана писал и известный кавказовед Е.Г. Вейденбаум, называвший союзы, в том числе и Сюрга, «вольными обществами под управлением родовых или выборных старшин» [12, с. 282].

Представляет интерес сведения Ф. Гене царского офицера, военного топографа по профессии. В его работе «Сведения о Горном Дагестане» имеются подробные сведения о границах союза, его соседях, природно-климатических условиях, занятиях жителей Сюрга.

Много вопросов по союзам сельских общин, в том числе и союза Сюрга, в частности, по их общественному устройству, роли тухумов в жизни общества, земельной собственности и т.д. содержится в капитальном труде М.М. Ковалевского [13], почти полностью посвященном Дагестану. Однако, как и его предшественники, М.М. Ковалевский приходит к ошибочному выводу, считая союзы сельских общин – «родовыми союзами» [13, с.151], а тухум – «родовой организацией», составляющей основу общественного быта дагестанских горцев [13, с.159].

Достоверные и ценные сведения по исследуемому союзу имеются в статье академика Д.Н. Анучина [14, с. 397-399], который совершил поездку по Даргинскому округу, в том числе и по Сюрга. Его работа содержит богатый материал по хозяйству, занятиям жителей, численности населения, административному управлению. Также содержится ряд сведений о земельных и социальных отношениях в Сюргинском союзе.

Сведения статистического характера о хозяйстве, численности населения, административном устройстве, имеющие отношения к Сюрга, содержат труды известного русского исследователя Е.И. Козубского [15, 16, 17].

Весьма ценная информация о политическом положении, административном управлении Сюрга содержится в статье С. Эсадзе [18, с. 169-181].

По союзам сельских общин имеются работы на иностранных языках. Из этих работ для нас наибольший интерес представляют труды Я. Рейнеггса, Ю. Клапрота, и Ф. Боденштедта [19; 20; 21], в которых охвачен широкий круг вопросов истории горцев. В работе Ф.Боденштедта имеются сведения о составе союза, его хозяйстве и занятиях жителей. Он указывал, что местоположение Сюргинского союза «большей частью гористое». Подчеркивая значение животноводства в хозяйстве сюргинцев, Ф. Боденштедт писал, что оно являлось «основным источником дохода» [21, с. 133].

Для большинства авторов досоветского периода характерно ошибочное утверждение о господстве примитивных родовых отношений, об отсутствии сословного деления и различия населения: они считали основой общественной структуры «родовые» союзы или тухумы.

Список литературы

1. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г. // ИГЭД. М. 1958.
2. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб. 1809.
3. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796г. // ИГЭД. М. 1958.
4. Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане.1813 // ИГЭД.
5. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.3. СПб. 1835.
6. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присавокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края на исходе XVIII в. и сравнение оного с нынешним. СПб. 1835.
7. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.
8. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис. 1857.
9. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып.1. Тифлис. 1868.
10. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Т 1. Тифлис. 1869.
11. Ведомость о состоянии народонаселения в Дербенсткой губернии // ВИД. Т.2. Махачкала. 1979.
12. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901.
13. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.2. М. 1890.
14. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Оттиск из ИИРГО. Т.XX. Вып.X. 1884.
15. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.

16. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904.
17. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура. 1895.
18. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: Тип. «Гуттенберг». 1907.
19. Klaproth J. Beschreibung des russischenProvinzenzwischendemKaspischen und SchwarzenMeere. Berlin. 1814. 1 map.
20. Reineggs J. AllgemeinehistorischGeographischeBeschreibung des Kaukasus. Gotha: St. Pbg. 1796
21. Bodenstadt F. Die Volker des Kaukasus und ihreFreiheitskampfegegen die Russen. Berlin,Verlag der DeskerschenGie-heimenoderHofbuchdruckerei. 1855.

В-Г.Х.Танкиев

К ВОПРОСУ О КАСПИЙСКОМ ПОХОДЕ ПЕТРА I

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа хода Каспийского похода Петра I, показаны его последствия для России и народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: поход, Петр I, Кавказ, Россия, Иран, Турция, Дагестан, Кабарда, политика России на Кавказе.

B-G. H.Tankiev

TO THE QUESTION OF THE CASPIAN CAMPAIGN OF PETER I

Abstract: This article attempts to analyze the process of Caspian campaign of Peter I, showing its consequences for Russia and the North Caucasus.

Key words: campaign, Peter I, the Caucasus, Russia, Iran, Turkey, Dagestan, Kabarda, Russia's policy in the Caucasus

В 2017 году исполняется 295 лет с начала похода Петра I на Кавказ. Историки часто называют его то Каспийским, то Персидским, то Восточным. Мы будем называть его Каспийским, так как такое название данного похода, на наш взгляд, наиболее соответствует теме данной работы.

Прошли столетия, но бурные дипломатические и военные события первой четверти XVIII века продолжают привлекать к себе пристальное внимание читателей как в России, на Кавказе, так и в других странах мира.

Интерес к проблеме обусловлен исторической значимостью результатов политики России в рассматриваемый период в данном регионе и усиления ее влияния на Кавказе в целом.

Актуальность данной проблемы определяется, прежде всего, тем, что политика Российской империи по отношению к народам Кавказа, в том числе и к ингушам, нуждается в дальнейшем осмыслении в условиях новой геополитической обстановки в России и в мире, так как тема Каспийского похода Петра I является частью истории Кавказа, России, Ирана и Турции и некоторых других стран Европы.

Прежде всего, следует отметить, что в начале XVIII в. народы Кавказа по-прежнему испытывали угрозу иноземного нашествия и даже поглощения.

Когда в Закавказье и на Северном Кавказе началось антииранское движение, этим попыталась воспользоваться султанская Турция. Наблюдалось усиление происков турецкой агентуры на Кавказе. И, чтобы привлечь на свою сторону народы Кавказа, Порта отправила в Ширван, Дагестан, Кабарду, Черкесию и в другие регионы своих эмиссаров. Более того, Порта устраивала набеги на Кавказ, которые приносили экономическое разорение и неисчислимые бедствия населению края.

При освещении темы мы должны иметь в виду географическое положение Кавказа, как связующего звена между Европой и Азией, стратегическую важность овладения этим регионом для господства на берегах Черного и Каспийского морей. Поэтому этот регион постоянно привлекал внимание крупных держав.

Кавказ, занимая территорию между Черным и Каспийским морями, играл важную роль в международной политике крупных держав.

Стратегическое и политическое значение Кавказа всегда выдвигалось на первый план и в политике России. В свою очередь, в борьбе с Россией Турция и Иран по прежнему важную роль отводили Кавказу.

Начать освещение проблемы хочется с краткого анализа историографии данной проблемы.

Тема Каспийского похода Петра I привлекала и привлекает внимание исследователей с середины XVIII в.

Некоторые аспекты проблемы были затронуты в трудах И.И. Голикова [1], В. Комарова [2], Ф. Туманского [3], Т.В. Мельгунова [4] и др.

Отдельные данные о внутренней и международной торговле на Кавказе, об экономическом соперничестве Англии и России в крае содержатся в сочинении С. Броневского [5]. Эти же вопросы получили определенное освещение в трудах М.Д. Чулкова [6], А.В. Семенова [7].

В сочинении П.Г. Буткова, написанном на основе большого количества источников, освещена политика России на Кавказе в целом и изложена история русско-кавказских отношений в первой четверти XVIII в. [8].

Разнообразный фактический материал по проблеме сосредоточен в фундаментальном труде крупнейшего историка России второй половины XIX в.

С.М. Соловьева [9]. В частности, показана политика России на Кавказе, освещены взаимоотношения России с Турцией, Ираном, а также с Грузией, Арменией и т.д.

Отдельные стороны проблемы связей России и Кавказа, а также соперничество Ирана и Турции в регионе получили освещение в трудах А.А. Цагарели [10], Г.А. Эзова [11], С. Эсадзе [12], А-К.А. Бакиханова [13], Г-Э Алкадари [14] и др.

Большой вклад в освещение политики Петра I в отношении Кавказа внесли советские ученые. На основе разнообразного фактического материала они подвергли критике взгляды дореволюционных историков в оценке политики Петра I.

Один из первых, затронувших проблему кавказской политики Петра I историк М.Н. Покровский [15] считал, что противоречия между Россией и Османской Турцией тесно связаны с историей Азербайджана [16], Грузии [17], Армении [18], Дагестана [19], Северного Кавказа [20] и с Россией в целом.

Различные аспекты проблемы освещены в трудах известных историков кавказоведов К.З. Ашрафяна [21], П.Т. Арутюняна [22], С.Б. Ашурбейли [23], Р.М Магомедова [24], М.М.Ихилова [25], В.Г. Гаджиева [26], А. Абдурахманова [27], Б.Абдуллаева [28], Г. Пайчадзе [29], Т.Д. Боцвадзе [30], Ц.П. Агаяна [31], С.А. Тер-Авакимовой [32], Л.И. Юнусова [33], М.Р. Гасанова [34] и др.

Некоторые вопросы темы были раскрыты в докладах Международной конференции «Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надиршаха» [35] и др.

Для глубокого освещения похода Петра I на Каспийское побережье наибольшую ценность представляют документальные материалы, извлеченные исследователями из различных архивохранилищ России и соседних стран.

Эти материалы хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в Архиве внешней политики (АВПР) МИД РФ, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в Государственном архиве Республики Дагестан (ГАРД), в Государственном историческом архиве Республики Грузия (ГИА РГ) и в других архивах.

Из опубликованных документальных источников наиболее ценными, на наш взгляд, являются: «Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)», «Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв.», «Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.», «Русско-дагестанские отношения в XVIII начале XIX в.».

С начала XVIII века Россия становится империей. Если до этого южные интересы сводились в основном к освобождению от Крымского ханства, то Петр I резко активизирует российскую политику в этом направлении. Уже тогда обозначилось явное стремление России продвинуться на юг, к теплым морям.

Надо отметить, что в конце XVII – нач. XVIII в. Кавказ оставался раздробленным. Дагестан делился на ряд феодальных владений. Политически раздробленной оставалась и Грузия. И у армянского народа не было своей государственности.

В начале XVIII в. вся территория, населенная народами Северного Кавказа, в том числе ингушами, состояла из целого ряда более или менее крупных феодальных владений и союзов сельских общин.

В конце XVII в. Русское государство развернуло военные действия против Османской империи. В 1696 г. русские войска взяли Азов и начали создавать морской флот с целью вытеснения Турции с Северного Кавказа.

В первом десятилетии XVIII в. военно-политическая экспансия Османской империи на Кавказе усилилась. И чтобы привлечь на свою строну местных владетелей, Порта направляла сюда своих эмиссаров.

В 1710 г. Порта развязала войну с Россией и, согласно Прутскому (1711 г.) миру, Россия уступила Азов. Создавшаяся обстановка благоприятствовала агрессивным планам султана.

В начале XVIII в. часть территории Восточного Кавказа, захваченная в период могущества персов, все еще находилась под их влиянием.

В приморских владениях Дагестана и Азербайджана сохранились укрепления с воинскими гарнизонами, воздвигнутые Сефевидами в период своего могущества. Эти крепости и укрепления препятствовали свободному передвижению населения и развитию торгово-экономических связей народов Кавказа.

Крепости и укрепления, являющиеся опорными пунктами Сефевидов на Восточном Кавказе, могли быть использованы персами для новых вторжений. Сефевидские шахи продолжали считать Восточный Кавказ своей территорией и вмешивались во внутренние дела феодальных владений.

Наместники Сефевидов и другие лица иранской администрации при сборе с местного населения податей произвольно увеличивали налоги.

Увеличение податного бремени, произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать законного протеста народных масс данного региона.

Таким образом, сефевидский Иран и в начале XVIII в. представлял для народов Северного Кавказа силу, угрожающую национальной независимости целых народов, в том числе ингушей.

Однако султанская Турция в начале XVIII в. делала все, чтобы изгнать Иран из Закавказья и Дагестана и не допустить роста влияния России на Кавказе.

Хорошо осведомленный в делах Кавказа влиятельный политик России А.П. Волынский советовал Петру I начать военные действия и присоединить к России прикаспийские провинции Кавказа. В свою очередь, дальновидный Петр I заявил: «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже ... турок тут допустить нам невозможно».

По мнению Сигаури, «В начале XVIII века происходят определенные изменения в российской политике по отношению к Кавказу, в том числе и Северному Кавказу» [36, с. 243].

Если до Петра I политика России в отношении северокавказских народов определялась в основном в ее противостоянии с Турцией, Крымом и в меньшей

степени с Ираном, т. е. вопросами геополитическими, то теперь на первый план выходят задачи чисто колониальные.

Именно Петр I дал сенату специальное предписание «горских народов к нашей стороне приклонить» [37, с. 144].

В обстановке захватнических устремлений ведущих государств региона феодальные правители Кавказа, исходя из своих интересов, ориентировались на Россию, на Турцию или Иран. Так, один из дагестанских шамхалов, которого персидские источники именовали «вали», т.е. правителем всего Дагестана, имел печать, на одной стороне которой он значился рабом шахиншаха Ирана, а на другой – холопом царя Московского.

О его двойном положении знали и в Москве и в Исфахане, и в Стамбуле, но относились к этому спокойно, понимая, что на самом деле представляло собой положение такого «двойного холопа».

В начале XVIII в. Россия в социально-экономическом и политическом отношении значительно окрепла, вырос ее международный авторитет.

Учитывая растущие экономические связи со странами Востока, русское правительство проявляло заботу о расширении судоходства по Волге и Каспию. В этой связи Петр I обратил внимание на Каспийское море, ибо здесь он видел «истинное средоточие или узел всего Востока».

Каспий издревле находился в сфере внешнеэкономических интересов стран его окружавших. Он издавна служил важнейшим перекрестком торговых путей между Востоком и Западом. Бассейн располагался в зоне Великого Шелкового пути, через него шло торговое освоение Персии, Индии и Китая.

В период правления Петра I была разработана обширная программа политических и экономических мероприятий по отношению к Каспию и ко всему Кавказу.

Для своей растущей промышленности Россия нуждалась в сырье, а для удовлетворения потребностей господствующей верхушки требовалось золото, серебро и другие богатства, которые предполагалось раздобыть путем завоевания новых земель.

Русская мануфактурная промышленность также нуждалась в источниках сырья, которыми располагал Кавказ. Он был богат значительным количеством шелка, хлопка, шерстью, тканями, винами, пряностями, украшениями, фруктами и т.д.

Попытки прибрать к своим рукам богатства Кавказа в это же время предпринимали и европейские страны. Они создавали торговые компании, проводили политику территориальных захватов на Востоке.

Значительная доля внешней торговли Ирана была захвачена голландцами из Батавской компании, англичанами из Бомбейской компании, португальцами из компании в Гоа (Индия).

Учрежденные в Исфахане английская и голландская торговые конторы посылали своих агентов в Шемаху для скупки шелка и отправки его в Европу через турецкие гавани Алеппо и Смирну.

Французские купцы имели право приезжать на своих кораблях в Персидский залив и вести торговлю с Ираном. Европейские торговцы нередко прибегали к посредничеству местных купцов-армян, грузин, турок, греков и др. Они по дешевке скупали в Закавказье шелк-сырец, и увозили его в порты Персидского залива и Средиземного моря для перепродажи европейцам.

Европейские колонизаторы пытались проникнуть также в районы Прикаспия. Это заставило царское правительство принимать энергичные меры для расширения торговли с народами Кавказа, с восточными странами.

Прежде всего, Россия стремилась утвердиться в районах Прикаспия, направить восточную торговлю по Волжско-каспийскому пути и создать русским купцам условия для свободной торговли во владениях Кавказа и в Иране.

В укреплении торговых связей между владениями Кавказа и Россией большую роль играли армянские купцы, которые обязались продавать шелк в России или транспортировать его через Россию, за что получали право монопольного торга шелком и ряд льгот в уплате пошлины.

Следует отметить, что в это время особо возросла роль Астрахани, которая вела обширную торговлю с народами и владениями Кавказа со стороны Средней Азии и Ближнего Востока. Город Астрахань являлся средоточием водных и сухопутных магистралей, соединявших Россию с этими странами.

Торговыми операциями в городе, наряду с русскими купцами, занимались армяне, татары, кумыки, азербайджанцы, грузины, индийцы, иранцы, бухарцы и др.

Взамен проданного шелка, восточных пряностей, изделий кустарного производства закавказские, северокавказские торговцы покупали русские товары – железо, полотно, пушнину и др.

Учитывая растущие экономические связи со странами Кавказа и Востока, русское правительство проявляло заботу о расширении судоходства по Волге и Каспию. На волжских верфях строились суда, пригодные для речного и морского плавания.

Связь Петербурга с Астраханью, Балтийского моря с Каспийским по водному пути создавала возможности для того, чтобы Россия стала посредницей в торговле между Западом и Востоком.

Но для этого России необходимо было овладеть удобными гаванями Каспия и укрепиться в таких крупных городах, как Дербент, Баку, Шемаха и Решт. В этих городах было сосредоточено множество рынков и караван-сараев, где совершались торговые сделки, в которых участвовали торговцы со всех концов Кавказа, России и других стран.

Однако укрепление России и усиление ее влияния на Кавказе беспокоило султанскую Турцию, которая в первой четвери XVIII в. начала новые агрессивные действия против народов Кавказа.

Еще в 1714 году кабардинский князь Бекович-Черкасский сообщал Петру I, что турки стремятся объединить под своей властью все кавказские народы, что посланцы крымского хана ведут агитацию среди горских владельцев за переход их в турецкое подданство, что кумыкский владетель склоняется на

сторону Турции, вследствие чего в его стране начались волнения.

В обстановке международного соперничества, прочное положение России на Черном и Каспийском морях, обеспечение свободных выходов в открытые моря и безопасность южных границ государства зависели от надежности позиций Русского государства на Кавказе.

Как отмечалось выше, Черное и Каспийское моря, куда впадали главные русские реки, были для России естественным продолжением путей в Азию и Южную Европу. Но на Черном море безраздельно господствовала Турция, которая стремилась укрепиться и на Каспии. «Обезопасить юг России от турецкой агрессии, – пишет О.П. Маркова, – добиться права мореплавания на Черном море и свободного выхода из него, т.е. прорубить «южное окно» в Европу и на Восток таково было решение восточного вопроса XVIII в. в его русской постановке» [38, с. 3].

С начала XVIII в. генеральное направление экспансии Российской империи неуклонно смещалось с Запада на Восток: Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток. Таким образом, во время правления Петра I политика царского правительства меняется и целью ее становится реальное присоединение южных территорий к России.

О целях и задачах Каспийских походов Петра I хорошо написал В.С. Бобылев: «Восточный Прикаспий интересовал правительство Петра не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения. Граничащие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Персия вели между собой многовековую борьбу за установление своего господства в Закавказье. Ожесточенные столкновения двух ведущих держав Передней Азии прямым образом сказывались на развитие русско-турецких отношений. Все это заставляло правящие круги России не выпускать из поля зрения состояние дел в этом регионе и, по возможности, оказывать на них свое влияние» [39, с. 154].

В ходе Северной войны Россия превратилась в великую державу, обеспечившую за собой не только растущее значение на северо-востоке Европы, но и большую роль в развитии международных отношений в Юго-Восточной Европе и азиатском регионе. Поэтому правительство Петра I устремило свои взоры на решение неотложных внешнеполитических задач на Кавказе.

О политике Петра I по отношению к Востоку С.М. Соловьев писал: «Он не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницей в торговом отношении между Европой и Азиею. Употребляя все усилия, чтобы утвердиться на берегах Балтийского моря, Петр рыл каналы для соединения его с Каспийским морем» [9, с. 336].

К началу 20-х годов XVIII в. для России на передний план выступила проблема всего Каспийского побережья Кавказа. Главной причиной изменения обстановки явилось восстание, начавшееся в 1710 г. в Южном Дагестане и Северном Азербайджане и охватившее к 1721 году уже весь Дагестан и Азербайджан.

В 1721 году в Россию прибыл представитель грузинского царя Вахтанга VI Баадур Туркестанишвили, который попросил Петра I послать в Грузию отряд из 5 – 6 тысяч человек, соорудить крепость на Тереке и пойти походом на прикаспийские области.

При дворе Петра I Туркестанишвили встретил сочувствие, т.к. именно в тот период Петр I собрался провести активную политику в отношении прикаспийских земель.

Вернувшись в Грузию, Туркестанишвили передал Вахтангу VI решение Петра I о походе в прикаспийские области и, вместе с тем, пожелание Петра I, чтобы Вахтанг принял в этом походе участие.

В 1721 г. после победы над Швецией и заключения Ништадского мира Петр I усилил подготовку похода на Кавказ. Политическая обстановка на Ближнем Востоке и на Кавказе благоприятствовала подготовке военных действий на юге.

О политике Петра I на Востоке Н.Н. Молчанов писал: «Основным мероприятием восточной петровской политики явился так называемый «персидский поход». Традиционное название способно ввести в заблуждение и создать впечатление, что целью России было завоевание Персии. А это совершенно неверно, ибо речь шла об установлении контроля над Каспийским морем и о предотвращении здесь турецкого владычества. Персию же Петр I стремился сделать союзником и другом. Он был заинтересован в сохранении и укреплении независимости Персии, в защите ее от турецкой экспансии» [40, с. 417].

Для завершения своих внешнеполитических задач Россия должна была также надежно утвердиться на юге, как она достигла этого на Балтике. Практически это означало в качестве программы – максимум установление южной границы по Черноморскому побережью и Кавказскому хребту и свободу плавания по Черному и Каспийскому морям.

Как известно, эта программа была осуществлена уже после смерти Петра I. Но она была реально намечена и к ее решению приступили, сделав первый и решающий шаг при Петре I.

Самой важной акцией в восточной политике Петра Великого был Каспийский поход 1722 г. Его осуществление коснулось и судеб народов Северного Кавказа и оставило заметный след как в их истории, так и в истории России в целом. Как отмечалось выше, в течение нескольких столетий Кавказ являлся объектом борьбы за овладение им между Турцией и Ираном. Соперничество двух держав приносило населению края неисчислимые беды.

Взоры на Восток Петр устремил, когда он отправил в Иран посольство А.П. Волынского. Официальная цель посольства была подтверждение «давнишней дружбы» с шахом.

Донесения Волынского, несомненно, оказали влияние на решение царя вторгнуться в закавказские владения Ирана.

А.П. Волынский был назначен астраханским губернатором и ему было поручено вплотную заняться подготовкой к Каспийскому походу.

Астраханский губернатор А.В. Волынский в донесении царю высказался за открытие военных действий в 1722 г. Петр I принял решение начать военные действия летом этого года с тем, чтобы предупредить вмешательство Турции и присоединить к России прикаспийские земли Кавказа.

15 мая 1722 г. Петр I отправился в Астрахань. Так начался сухопутный и морской поход Петра, занявший полтора года (1722 – 1723 гг.). Этот поход знаменовал собой начало глобального наступления России на политической арене Кавказа.

18 июля 1722 г. флот Петра I под командованием генерал-адмирала графа Апраксина вышел из Астрахани в Каспийское море.

За три дня до похода Петр I обнародовал манифест на местных языках и послал его в Тарки, Дербент, Шемаху и Баку, жителям прикаспийских областей. В манифесте указывалось, что подданные шаха – Дауд-бека и Сурхай-хана – восстали, взяли Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов, причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство как великой державы. Ввиду отказа Дауд-бека дать удовлетворение, «принуждены мы, – заявил Петр, – против предреченных бунтовщиков и всех злобных разбойников войско привести», а прочему населению гарантировалась безопасность.

Петр I тогда же отправил в Грузию князя П.А. Туркестанишвили с письмом к царю Вахтангу VI, которому предлагалось продвинуть войска к Каспийскому морю, чтобы встретиться с русскими войсками около Шемахи.

Закавказские народы полностью разделяли эти планы. Они намеревались с помощью русских войск освободить Закавказье от персидского и турецкого ига и в Восточном Закавказье создать грузино-армянское царство под протекторатом России.

После двухдневного плавания Петр I с флотилией прибыл к устью Терека. Он отдал флотилии распоряжение двигаться ближе к устью Сулака.

27 июля 1722 г. флот высадился на Аграханском полуострове и приступил к устройству укрепленного лагеря. Одновременно сюда двинулись сухопутные войска, шедшие по астраханским степям. Переправившись через реку Сулак, Петр I вступил в Дагестан.

Некоторые дагестанские владетели оказали сопротивление царским силам. Так, Эндиреевский владетель выступил против войск Петра 1. Однако войска под командованием полковника Наумова овладели аулом Эндири и превратили его в пепел. Владетели же Костековский, Аксаевский и шамхал Тарковский выразили свою верность России. И Шамхал Адиль-Гирей поспешил заверить Россию в своей благожелательности.

6 августа 1722 г. недалеко от Аксая Петра I встречали с подарками: шамхал Тарковский передал Петру I 1600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пищу войскам, трех персидских коней и седло, украшенное золотом [40, с.194].

Шамхал Адиль-Гирей заявил, что до сих пор служил русскому государю верно, а теперь будет «особенно верно служить» и предложил Петру I в помощь свои войска.

12 августа передовые части русского войска достигли г. Тарки, где шамхал встретил Петра I хлебом-солью. Верст за пять от Тарков Петр I раскинул лагерь, который был обнесен с трех сторон земляным валом и находился на том месте, где ныне находится г. Махачкала.

13 августа Петр I со своей свитой посетил шамхала в Тарках. Он в сопровождении трех драгунских рот ездил на прогулку на Тарковские горы, осматривал старинную башню и другие достопримечательности.

Услуги, оказанные шамхалом, и верная его служба были отмечены Петром. При шамхале был назначен русский почетный караул из унтер-офицеров, барабанщика и 12-ти рядовых [41, с. 237].

В это время грузинские и армянские правители, осведомленные о прибытии Петра I в Дагестан, готовились к встрече. Царь Картли Вахтанг VI отправился в Гянджу. В письме Петру I он сообщал, что прибыл туда для соединения своих отрядов с азербайджанскими и армянскими войсками. Гянджинское и карабахское ополчения, состоявшие из азербайджанцев и армян, вместе с грузинами готовились двинуться навстречу русским войскам, чтобы сообща выступить против турецких и иранских завоевателей.

Однако Петру I в том же году по ряду причин пришлось временно прервать свой поход: русская армия, сосредоточенная в Прикаспии, испытывала большие затруднения в снабжении продовольствием и фуражом. Кроме того, во время похода на юг возникла угроза возобновления войны со Швецией, что не могло не беспокоить русское правительство.

29 августа 1722 г. Петр I созвал в Дербенте военный совет, на котором было принято решение приостановить поход, и Петр I отдал приказ о возвращении части армии в Россию, оставив в покоренных областях гарнизоны.

7 сентября Петр I выступил к Астрахани. По указанию Петра I был сохранен гарнизон в Тарках, на реке Сулак была заложена крепость Святой Крест, комендантом которой был назначен подполковник Соймонов.

В результате Каспийского похода 1722 г. к России были присоединены: Аграханский полуостров, развилка рек Сулак и Аграхани (крепость Святого Креста) и весь приморский Дагестан, включая Дербент.

Занятие русскими войсками Дербента и Баку, а также переход под власть России всей прибрежной полосы Дагестана и Азербайджана заметно усилили влияние сторонников русской ориентации на всем Северном Кавказе.

Кабардинцы приветствовали успехи России в Прикаспии и по мере сил способствовали им. Кабардинские князья Эльмурза Черкасский (младший брат Александра Бековича) и Асланбек Келеметов явились во главе вооруженных отрядов в лагерь русских войск, высадившихся в Дагестане, и участвовали вместе с ними в прикаспийском походе Петра I [42, с. 164].

Крепость же, о постройке которой ходатайствовали через Волынского кабардинцы, была сооруже-

на по приказу Петра I на реке Сулак в Дагестане [43, с.165-166].

Вступление русских войск на Северный Кавказ оказало известное влияние на развитие и ингушско-русских отношений.

Осенью 1722 года перед отъездом с Кавказа Петр I заложил на реке Сулак крепость Святой Крест и побывал на территории современной Чечни и Ингушетии [44, с. 61].

Здесь он ознакомился с шелковым заводом Сафара Васильева, земли под который он подарил ему еще в 1718 г., инспектировал станицы гребенских казаков и осмотрел Брагунские теплые воды [45, с. 291].

В связи с походом Петра I освободительное движение закавказских народов против турецких и персидских поработителей принимает особенно активный характер. Народное восстание развернулось в Карабахе и Сюнике под руководством выдающегося армянского полководца Давид-бека.

Освободительная борьба закавказских народов сливалась со все более усилившимся в XVIII в. движением за присоединение к Русскому государству народов Северного Кавказа. Большую работу по сплочению закавказских народов вел Вахтанг VI. В Гяндже он встретился с гандзасарским католикосом Еган Асан Джалаляном, затем они вместе отправились в Тифлис и обсудили подробный план организации общего восстания против персидского владычества и освобождения Закавказья.

Вахтанг VI с грузинским войском и отрядами армян ждал войска Петра у Гянджи. Посланный им в Россию Туркестанишвили встретился с Петром I 19 сентября, когда тот уже возвращался из Дербента.

28 сентября Петр послал в Грузию вместе с Туркестанишвили подпоручика Ивана Толстого с тем, чтобы передать Вахтангу VI, что поход отложен на 1723 год [46, с. 418-419].

Однако Россия не отказалась от своих планов в отношении Грузии, Азербайджана и Армении. Это наглядно видно из письма, в котором Петр I заверял сторонников русской ориентации в Закавказье, что «зачав сия дело, покинуть не изволит». Отвечая на просьбы Вахтанга VI о помощи, Петр I писал: «Когда Баки взят будет и мы на Каспийском море укрепимся, то ему тогда в помощь войска наши, сколько потребно будет, прислать не оставим... Наш первый интерес, дабы основаться на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя» [47, с. 474].

Успехи России вызвали сильное беспокойство в Турции. Чтобы восстановить горцев против России, она пустила в ход самые разнообразные средства: подкуп, запугивание и прежде всего мусульманскую религию, стремясь вбить клин между мусульманами и христианами Кавказа.

Воспользовавшись уходом основной части русской армии, крымский хан и турецкий султан пытались поднять мятеж в Тарках и Дербенте. Шамхалу и дербентскому наибу были присланы письма, в которых сообщалось, что султан якобы отправил на помощь Дауд-беку войско с артиллерией и предлагалось наибу и шамхалу отстать от России и подчиниться Турции.

Султанская Турция после ухода Петра I заявила о своем намерении установить протекторат над Дагестаном.

Султанские войска, продвигаясь к Каспийскому морю, вплотную подошли к границам Дагестана. Крымские ханы и турецкие султаны стали открыто претендовать на Ширван, Дагестан и Кабарду.

Однако Петр I своим предписанием резиденту Неклюеву дал Турции ясно понять, что интересы России «отнюдь не допускают, чтобы какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась».

В связи с усилившейся реальной угрозой захвата Турцией западного побережья Каспия, Петр I предпринял дипломатические шаги и наметил кампанию на 1723 г. и план на последующие годы. В частности, были предприняты меры к усилению Каспийской флотилии и Астрахани – военно-морской базы на Каспийском море. В Дагестане наиболее важным мероприятием, направленным на закрепление завоеванных позиций, явилось укрепление крепостей Святого Креста и Дербента.

Вооруженное нашествие турецких захватчиков на Кавказ, сопровождавшееся страшными жестокостями, встретило упорное сопротивление грузинского, азербайджанского, армянского и дагестанских народов. Эта борьба народов Кавказа против султанских захватчиков поддерживалась Россией, ее армией, части которой находились в различных владениях Кавказа

Нашествие турецких войск на Кавказ крайне обострило русско-турецкие отношения. Турки, угрожая войной, требовали от России оставления всех владений на Кавказе.

Попытки турок прибрать прикаспийские области к рукам и оттеснить отсюда русские войска провалились.

В сентябре 1723 г. по предложению шахского Ирана, напуганного вторжением турецких войск на Кавказ, между Россией и Персией был подписан договор. По условиям Петербургского договора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Дагестанское побережье Каспия и Баку перешли во владение России. Таким образом, Каспийский поход Петра I завершился присоединением к России прикаспийских областей, в том числе и Дагестана.

«В результате незавершенного «кавказского похода», – писал Т.Д. Боцвадзе, – Россия достигла большего, нежели ожидала. Согласно договору, заключенному в 1723 году в Петербурге, шах Тахмасп «признал в вечном владении» России целый ряд областей, включая города Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран, Астрабад и другие, которые в основном были районами, производящими шелк » [48, с. 48].

Петр I придавал большое значение занятию Баку. Жители города ждали прихода сюда русских войск, о чем они сообщили Петру I.

Таким образом, присоединение приморской территории Кавказа к Российской империи объективно открыло перспективы для последующего социально-экономического развития Прикаспия; способствовало укреплению военно-политических отношений

России с остальными народами Кавказа и усилению здесь прорусской внешнеполитической ориентации.

Военно-политические последствия Каспийского похода Петра I как для России, так и для народов Кавказа бесспорны и очевидны. В результате была обеспечена безопасность юго-восточных окраин России и открывалась перспектива экономического и культурного развития края.

Упрочение позиций России на Каспийском море, энергичные меры, предпринятые правительством Петра I для развития промышленности и торговли, обусловили рост товарообмена, в первую очередь со странами Востока.

В этих условиях переселения выходцев из восточных стран в Россию, главным образом в Астрахань, приняли более широкие масштабы, чем ранее. Существенную роль в этом играла покровительственная политика русского государства по отношению к выходцам из восточных стран.

Она являлась важным пунктом обширной программы действий, которую правительство осуществляло в целях развития русско-восточных торговых и политических связей и укрепления позиций России на Кавказе и других регионах Востока.

Правительство рассчитывало, что поселение в таком крупном торговом центре, как Астрахань, значительного количества торговых и промышленных людей окажет положительное воздействие на рост товарообмена с Северным Кавказом, Закавказьем, Ираном, Средней Азией, Индией, другими странами и будет способствовать экономическому развитию страны.

Области Восточного Кавказа, присоединенные к России, находились в более выгодных условиях, чем те владения, которые попали под турецкое иго или продолжали оставаться под иранским гнетом. Этим следует объяснить тяготение населения края к России.

Несмотря на колониальные устремления царизма, присоединение прикаспийских областей к России явилось важным событием в истории населения края, в там числе и ингушей. Этот акт открывал перспективы для последующего социально-экономического развития Прикаспия.

Утверждение здесь Российской власти вселяло в азербайджанский, армянский, грузинский, дагестанские народы надежду на окончательное освобождение от ига турецких султанов и персидских шахов. Но в период похода Петра I эта надежда не оправдалась.

Вместе с тем, присоединение Прикаспия к России создавало предпосылки для дальнейшего развития политических и экономических связей между населением Восточного Кавказа и Русским государством, способствовало укреплению военнополитических отношений России с народами Кавказа и усилению здесь прорусской внешнеполитической ориентации.

Присоединение к России территории Прикаспия привело как к экономическому, так и культурному развитию края. Однако прикаспийские области Дагестана и Азербайджана недолго находились в составе России.

После смерти Петра I в 1725 г. русскому правительству стали в тягость Прикаспийские владения, т.к. для их удержания необходима была большая армия, требующая огромных средств. Кроме того, содержалась большая масса рабочей силы, используемой для постройки и укрепления крепостей.

Таким образом, проводя итоги изложенному, необходимо отметить, что, несмотря на то, что Россия не смогла удержать за собой завоеванные земли, присоединение прикаспийских провинций к Российскому государству временно оградило Дагестан от притязаний Ирана и Турции. Этот поход обеспечивал безопасность юго-восточных окраин России.

Свой поход в Дагестан Петр I считал лишь началом борьбы за овладение берегами Каспийского моря и установление протектората над Закавказьем. Поход Петра I содействовал оживлению освободительного движения закавказских народов.

Итоги Каспийского похода Петра I создавали предпосылки для дальнейшего укрепления военно-политических отношений России с народами Северного Кавказа и усилению здесь прорусской внешнеполитической ориентации.

В 1724 г. между Россией и Турцией был подписан договор (в Стамбуле), который определял сферу влияния этих государств на Кавказе. За Турцией закрепились Грузия и иранские провинции – Эриванская, Тебризская и Казвинская. За Россией закрепились уже занятые ее войсками приморские провинции с городами Гилян, Дербент, Астрабад, Мазендеран.

Таким образом, планы Петра были реализованы лишь частично. При этом препятствием этому явились не столько Иран и Турция, сколько сами северокавказские народы. Стоило российским отрядам отойти от побережья и углубиться в земли горцев, как они встречали здесь ожесточенное сопротивление и оказывались вынужденными быстро откатываться к своим крепостям на побережье [49, с. 246].

О боевых качествах северокавказцев, в том числе и ингушей, которых тогда во всех русских источниках именовали черкесами, писал российский посол в Иране А. П. Волконский: «Они все такие воины, каких в здешних местах ни обретается, ибо, где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот, и никто против них не стоит, и все от них трепещут» [50, с. 199).

Вместе с тем, Россия тогда еще не имела возможности для экономического освоения владений Кавказа и для надежной их обороны от внешней опасности. К тому же успехам политики России на Кавказе противодействовали враждебные ей западноевропейские державы, провоцировавшие Иран и Турцию на новые столкновения с Русским государством.

Утверждение русского влияния на берегах Каспийского моря имело важное значение для укрепления внешнеполитического положения и экономической мощи Российской империи.

Список литературы

1. Голиков И.И. Деяния Петра Великого.Т.VIII. СПб. 1789.
2. Комаров В.В. Персидская война. 1722-1725 (Материалы для царствования Петра Великого) // Русский вестник. СПб. т.68. №4.1867.
3. Туманский Ф. Описание похода государя Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям // Росс. Магазин. СПб. 1793.
4. Мельгунов Г.В Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник, т. 110.1874.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823.
6. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен даныне настоящего и всех преимущественных узаконении. В 7-ми тт. СПб. 1781 – 1788.
7. Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб. 1859.
8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 годы. СПб. 1869.
9. Соловьев С.М. Сочинения. Книга IX. История России с древнейших времен. Тома 17-18. М. 1993.
10. Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. СПб. 1891.
11. Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народам. Документы. СПб. 1898.
12. Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис.1913.
13. Бакиханов А.-К.А. Гюлистан и Иран. Баку. 1991.
14. Алкадари Г-Э. Асари Дагестан. Махачкала. 1994.
15. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М. 1920.
16. История Азербайджана. Т.I. Баку. 1958.
17. Бердзенешвили Н.А., Джавахишвили И.А. Джанашиа С.Н. История Грузии. Тбилиси. 1950.
18. История армянского народа. Ереван. 1951.
19. Очерки истории Дагестана. Махачкала Т.I. 1957.
20. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988.
21. Ашрафян К.З. Падение державы Сефевидов (1502 – 1722) // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М. 1951.
22. Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. М. 1954.
23. Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку (VII – начало – XIX вв.) Баку. 1964.
24. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. М. 1987.
25. Ихилов М.М. Значение персидского похода Петра I для Дагестана (1722 – 1723) Махачкала. 1954.
26. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965.
27. Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Иран. Баку. 1964.
28. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку. 1965.
29. Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси. 1970.
30. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси. 1974.
31. Агаян Ц.П. Вековая дружба народов Закавказья. Ереван. 1970.
32. Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода. Ереван. 1980.
33. Юнусов Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII века. Баку. 1988.
34. Гасанов М.Р. Из истории русско-дагестанских взаимоотношений. Махачкала. 2010.
35. Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надиршаха. Материалы Международной конференции. Махачкала. 2012.
36. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен до наших дней. Грозный. 1967.
37. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб. 1880.
38. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М. 1966.
39. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990.
40. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. Изд. 3-е. М. 1990.
41. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722 – 1723 гг. М.1951.
42. Ихилов М.М. Значение персидского похода Петра I для Дагестана (1722 – 1723). Махачкала. 1954.
43. Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в истории российско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа №2 – 3. 1995.
44. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т.II. М. 1957.
45. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М. 1967.
46. Ахмадов Я З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX вв. Грозный. 1981.
47. Равинский Н.А. Хозяйственное описание Астраханской и кавказской губерний. СПб. 1809.

48. Очерки истории Грузии. Т. IV, Тбилиси. 1973.
49. Боцвадзе Т.Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI – XVIII веков. Автореферат дисс… доктора исторических наук. Тбилиси. 1973.
50. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722 – 1723 гг. М. 1951.

М.Г. Цароева

СЛЕДЫ ХРИСТИАНСТВА У ИНГУШЕЙ

Аннотация: В статье проводится анализ выявления элементов христианской религии в ингушской культурной среде, прослеживается привнесенность в ингушские языческие верования некоторых внешних атрибутов христианства.

Ключевые слова: прозелитизм, ингушские пантеон, христианство, Грузия, синкретизм, языческие верования ингушей, Византия.

M. G. Tsaroieva

THE TRACES OF THE CHRISTIAN RELIGION IN THE BELIEFS INGUSH PEOPLE

Abstract: The article analyzes the detection elements of the Christian religion in the Ingush cultural environment, the author traces the introduction into Ingush pagan beliefs of Christianity some external attributes.

Key words: proselytism, Ingush pantheon, Christianity, Georgia, Byzantium, the syncretism, pagan beliefs of the Ingush people.

С периода своей христианизации Византией и вплоть до XVIII века Грузия пыталась распространить христианство среди предков ингушей. Однако каждая из сторон понимала этот прозелитизм по-своему. Христианизируя северных соседей, Грузия пыталась распространить свое влияние и расширить свои границы. Единый христианский бог, символ царской власти на земле, должен был подкрепить это влияние. Ингуши же принимали его как новое божество, пополнившее их языческий пантеон, став «клятвенным братом» местных божеств и гарантом стабильности двух народов в этом регионе частых войн. Ингушские божества издревле имели обычай принимать в свой пантеон божества других народов и «брататься» с ними, как это делали их приверженцы, принимая в свое общество новопришельцев. Иначе говоря, ингуши считали христианского бога одним среди равных, unusinterpares, в божественном семействе.

После того, как большинство чеченских обществ покинуло горы, спустившись на плато Ичкерии в XV – XVII веках, они были исламизированы соседями – дагестанцами и кумыками. Ингуши же продолжали оставаться в контактах с Грузией, являвшейся центром христианства на Кавказе. Поэтому они сохранили больше его следов в своей культуре.

В IX – XII веках грузинский прозелитизм был особенно активным в Ингушетии. Ингуши практиковали христианство наравне с политеизмом к 830 году, времени строительства христианского храма Тхаба-ерда. Эта дата указана на одном из его камней. Он сопровождался строительством храмов и миссионерской деятельностью представителей грузинской церкви, остававшихся часто жить среди предков ингушей. Об этом говорят захоронения при храмах и надписи на их стенах, оставленные после смерти грузинских проповедников. Прозелитизм был прерван в период нашествия татаро-монголов в 1223 году и затем Тамерлана в 1370 году. Ингуши вернулись к своим языческим культам и преобразовали построенные при содействии Грузии христианские храмы в языческие святилища. Однако они привнесли в свои языческие верования некоторые внешние атрибуты христианства, довольно легко уживавшиеся с их старыми культами. Они стали отмечать языческие празднества при христианских храмах. Процессия паломников возглавлялась жрецом, одетым в белое (‘ц1ай-барц1къаж’) и несущим белый священный флаг ‘ныч’, актуализирующий божество. Паломники делали три круга вокруг храмов, зажигали свечи и ставили их вдоль стен. Женщины пели гимн ‘Г1елой’, посвященный солнцу, мужчины кланялись храму, крестясь, сняв папахи.

Ингуши собирались также в июле около железного креста, инкрустированного в скалу недалеко от селения Кули, а также на горе Тездин-дук у селения Кост, где возвышался большой каменный крест. Они приносили жертвы, зажигали свечи, расставляли их вокруг крестов и молились богам послать им хорошие урожаи.

Как только появлялась возможность, Грузия возвращалась к своей миссии и посылала на Северный Кавказ проповедников и священные книги. Однако эти редкие проповеди на чужом языке не способствовали упрочению христианства среди ингушей, и они снова возвращались к своей простой и доступной религии [6, с. 26]. После захвата турками Константинополя в 1453 году и падения ее союзницы Византии для Грузии наступили трудные времена. Раздираемая участившимися вторжениями иранцев и турок и внутренними противоречиями в XVI – XVIII веках, она была вынуждена неоднократно обращаться к царям Московии с просьбой о помощи. Таймураз I, царь Кахетии (1606-1648 гг.) и Картли (1625-1632 гг.), многие годы боролся против вторжений Сефевидов. В надежде получить помощь от русского царя и обеспечить безопасность продвижения его послов, Таймураз I пытался в начале XVII века реанимировать

христианство у ингушей. С этой целью он сам лично побывал на Северном Кавказе, о чем уведомлял московского царя [11, с. 31-34]:

«А здесь близ Каракалканов [Дарьял. – Е.К.] и меж черкасских мурз пребывают народы кисти и оси и иные многие народы. А преж всего они были християне под областью государя иверского, а ныне они ни христьяне, ни турки. И покамест они не отпали, яко леки, и мы об них порадеем, чтоб их крестити в православную христьянскую веру, только о том будет твое царское произволение. А их есть больше 80 тысяч дворов». […]

«Сам я с боярами и войском отправился ради великой любви к царскому Вашему Величеству; пошел и открыл дорогу через Туские горы, по Псавским, Клегудским, Хевсурским и Кистинским, по которой дороге ни посол, ни древние иверские цари не проходили в эти горы. А с божьей силой и милостью в.ц.в. [жители] всех этих гор мне подчинились и принесли мне свои старые записи, и я их скрепил, и многие крестились, и теперь еще стоят церкви, иконы и колокола. Там, в Кисте, мы встретились с послами в.ц. величества, но я еще более трудился, целых два месяца, пока [открыл], очистил дорогу […], и божьею силою и милостью в.ц. величества подчинил горцев, так что они сделались моими рабами, так-то и сперва было во время Льва». [М. Полиектов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615-1640 гг.). Тбилиси, 1937, с. 118].

Евгений Крупнов пишет, что «приведенное заявление Таймураза о якобы достигнутых им успехах в покорении горцев и открытии им новой дороги военной силой находятся в явном несоответствии со свидетельством, содержавшемся в другом документе [уже русских послов], согласно которому «тое дорогу он, Таймураз, упросил у горских людей на время, только чтоб вам пройти к нему в Грузи (sic)»»[11, с. 34]. Таймураз I тщетно пять раз (в 1615, 1618, 1624, 1635, 1649 гг.) посылал в Московию своих представителей. В 1658 году он сам направился туда, но царь не ответил на его ожидания.

К концу XVIII и в начале XIX века Россия, под предлогом защиты закавказских народов от Персиии Турции, аннексировала сначала восточную Грузию, а затем, некоторое время спустя, ее западную и южную части. После войн с Персией, она аннексировала северный Азербайджан и восточную Армению. Приход России на Кавказ лишил Грузию влияния на горцев. Их верования представляли собой синкретизм языческих культов и христианских ритуалов, прослеживавшихся в течение всего XIX века. Жюль Клапрот писал в 1823 году [9, с. 420, с. 406]:

«Ингуши соблюдают великий пост греческой церкви; но это все, что они знают о христианстве. В настоящее время они ходят на молебен к святым местам. После сбора урожая они собираются у пещеры с железным крестом. У них много легенд, связанных с этими святыми местами, в частности, с каменным сводом, находящимся в долине Шалка. Говорят, что девять дверей ведут от него к подземному захоронению, где сохранились огромные львы, золотой канделябр, оставшиеся нетленными мужчина и женщина, а также шкатулка, наполненная драгоценностями».

К середине XIX века ингуши были готовы принять единобожие и стояли на перепутье, не зная, какую из религий выбрать: ислам или христианство. Со второй половины XIX века ислам начинает завоевывать позиции среди ингушей, хотя на его фоне продолжают сохраняться черты политеизма и христианства. К следам христианства, обнаруживаемым в XIX веке, относятся: уважительное отношение к храмам, почитание крестов, зажигание свечей, выпекание треугольных культовых пирогов с крестиками. Период с конца XIX века и даже до 1920-х годов характеризуется синкретизмом всех трех религий: ислама, политеизма и христианства, хотя и в разной степени их проявления. Исламизированные ингуши-горцы продолжали ходить молиться к христианским храмам, ставшим языческими. Н. Грабовский отмечал в 1878 году [7, с. 16-19]:

«Джераховцы, кистинцы и галгаевцы считают себя магометанами, но вместе с тем у них встречаются некоторые христианские и языческие обряды; особенно резко выдаются последние. Не знаю, как теперь, но в 1865 году еще можно было видеть тех людей, на которых лежала роль жрецов – исполнителей различных религиозных церемоний. […] Не пускаясь в исторические исследования […], можно, однако предположить, что весь этот религиозный сумбур возник от тех, по всей видимости, частых переходов от христианства к магометанству, которые выпадали на долю этих горцев в разные эпохи появления между ними иноплеменных пришельцев. Подобное предположение не окажется странным, если припомнить, что нынешняя военно-грузинская дорога, в соседстве с которой обитают джераховцы, кистинцы и прочие описываемые мною горцы, служила издавна чуть ли не единственным сообщением между Северным Кавказом и Грузией».

Следы христианства сохранялись у ингушей вплоть до XIX века наравне с их старыми религиозными верованиями. После того, как экономически и политически ослабленная Грузия, начиная с Таймураза I, призвала российских наместников на Кавказ, чтобы они оградили ее от беспокойных соседей, она попала в зависимость от царской России и утратила свою роль христианского центра Кавказа, превратившись в придаток русских проповедников [18, с. 89-101].

О крестах, обнаруженных в Ингушетии

Повсюду в горах Ингушетии – в ущельях Джераха, Салги (Чулхой), Мецхала, Тумхой, ГIалгIай, Цори, на перевалах Цей-лама – были обнаружены и обнаруживаются до сих пор тесанные из камня или кованые из железа кресты. Ряд из них был обнаружен и описан известным ингушским археологом Джабраилом Чахкиевым [19, 1, сс. 84, 101, 104, 119, 123, 131]:

– На перевале Цей-лама, «по краткому сообщению М.М. Базоркина, крупная позднесредневековая каменная стела в виде креста возвышалась на Цей-

Ламском горном перевале». К настоящему времени она не сохранилась.

– В 1,8 км севернее поселка карт, на отроге Цей-Лама, возвышается «крупный четырехконечный каменный крест, вставленный в специально сделанное в громадном валуне углубление. Форма креста грубо высечена из цельного каменного блока». Высота креста – 1,75 м, размах крестовины – 0,64 м. Крест примыкает к полуподземному склепу.

– В полу-километре западнее поселка Кели, на краю каменноящичного могильника, «высится сильноповрежденный крупный четырехконечный каменный крест периода позднего средневековья. Его форма грубо высечена из цельного каменного прямоугольного блока. Верхняя часть крестовины не сохранилась. В нижней части лицевой западной стороны это стелы искусно выбито еще одно изображение крупного креста». Общая высота сохранившейся части – 1,40 м; размах крестовины – 0,55 м.

– На юго-западной окраине поселка Верхний Лейми, «на громадном валуне, были устроены 2 позднесредневековых каменных столпа, имеющие в сечении четкую крестообразную форму и сланцево-ступенчатое завершение (3 крестовидные плитки с венчающим крупным конусовидным камнем)». В высоту столпы достигают 1,85 м. «Данные столпообразные кресты, находящиеся уже в полуруинированном состоянии, можно датировать XVII в. Они были открыты в довоенное время Е.М Шиллингом, а значительно позднее изучались В.П. Кобычевым, М.Б. Мужухоевым, Н.Н. Великой, Д.Ю. Чахкиевым».

– В ГIалгIайском ущелье случайно был обнаружен крупный позднесредневековый железный крест, кованный из цельного куска железа. Он упоминался П.С. Уваровой. «На его 3-х концах имеются ромбовидные утолщения, а 4-й (нижний) конец заострен. По-видимому, крест происходит из местного культового памятника».

Во второй половине XIX века на горе около селения Цори возвышался замшелый каменный крест. Некий Бехо, гид А. Зиссермана и его спутников, принимавший их у себя дома, поведал им, что данный крест был воздвигнут его предками Цорой, принявшими христианство, в честь победы над чужаками-мусульманами, пытавшимися их насильно исламизировать [8, с. 174]. Цоринцы того периода были язычниками, но одновременно исполняли некоторые христианские ритуалы, выращивали свиней, не работали по воскресеньям и уважали пустующие христианские храмы, как и ингуши, проживавшие в долине реки Асса, почитавшие сохранившиеся там остатки христианских храмов. Они называли своих предков ‘керастан’ и употребляли христианский счет дней недели [10, 1,с. 151-152].Названия четырех дней недели было заимствовано ингушами у грузин в начале христианизации [17, с. 218-220]:

– ‘оршот’ (понедельник), от грузинского ‘оршабат’, «первый шабат» ; название заимствовано из иудео-христианской религии;

– ‘пяраска’ (пятница), от грузинского ‘параскеви’, «день святой Параскеви-Прасковьи». После исламизации он стал у ингушей святым днем, как и у всех мусульман;

– ‘шоат’ (суббота), от еврейского ‘шабат’; название пришло из иудео-христианской религии через грузинский. У доисламских ингушей суббота быладнем поминания покойников. До знакомства с христианством он назывался, по всей видимости, ‘сини-ди’. Это термин сохранился в обозначениипоминального ритуала, посвященного душам умерших – ‘сини’. Каждую субботу хозяйки дома делали бескровное жертвоприношение, либацию, посвящая огню напитки (после исламизации – бульон) и небольшую долю поминального блюда, которое собирало за столом всех членов семьи. После исламизации ритуал ‘сини’ был перенесен на вечер с четверга на пятницу – ‘пяраска бийс’. Русское название субботы имеет тот же источник происхождения;

– ‘кирин-ди’, «день завершающий неделю», связанный с грузинским словом ‘квири’, «неделя». Воскресенье у ингушей считалось «днем Бога», что является намеком на их христианское прошлое.

На вершине горы Цей-Лам, недалеко от Джераха, возвышались три большие стелы-чурт с высеченными крестами, давшие название этой местности – «перевал Трех Обелисков (или перевал Трех Крестов)». Пожилые ингуши рассказывали, что эти стелы были установлены в память о Собрании Старейшин ингушских обществ, состоявшемся на этом месте и заключившем договор о взаимопомощи в случае опасности. Джабраил Чахкиев пишет [19, 1, с. 84]:

«На высшей точке Цей-Ламского горного перевала располагаются, примыкая друг к другу, 3 крупные и массивные каменные стелы позднего средневековья, обращенные на юг. В верхней части фасадной длинной южной стороны у каждой стелы отмечаются по одному изображению линейного креста. Согласно содержательным преданиям, записанным И.А. Дахкильговым и Д.Ю. Чахкиевым, стелы символизировали факт объединения в прошлом разных горноингушских обществ (племен), согласованный именно на данном месте. Эти стелы до недавнего времени пользовались особым почтением у всех ингушей»

С этой знаменательной даты перевал Трех Обелисков стал местом собраний представителей ингушского народа и соседних с ними обществ для обсуждения насущных проблем. Каждую весну около Трех Обелисков собирались также женщины на праздник богини-матери Тушоли, на который доступ мужчинам был запрешен. Один из подобных праздников был описан Идрисом Базоркиным в его романе «Из тьмы веков» [3, с. 254-307].Эти Три Обелиска были воздвигнуты в период религиозного синкретизма ингушей : мусульманские стелы-чурт несут на себе христианские кресты.В 1985 году этот памятник истории ингушского народа был уничтожен. Убрали его, чтобы проложить дорогу [15, с. 337-338]. Отныне он остался только в легендахи на редких фотографиях.

Многие ингушские пирамидальные башни местной архитектуры и солнечные могильники имеют на фасаде кресты, иногда стилизованные под «Гол-

гофу», как считают исследователи. Они выступали в роли оберега и одновременно выполняли функцию отдушин. Такие башни возвышаются в селениях Лейми, Макажой, Арзи и других.

Большое количество железных нательных крестиков было обнаружено в нишах христианских храмов, преобразованных впоследствии в языческие святилища. Все эти кресты датировались, согласно археологам, от XIII до XIX веков.

Христианские храмы, преобразованные в языческие святилища

В живописном ущелье Ассы в Ингушетии, связанном с Закавказьем многочисленными переходами, находится значительное количество культовых памятников, архитектурные детали которых напоминают грузинские храмы. Этот регион называют музеем под открытым небом древнего зодчества. К сожалению, время и трагические события в истории ингушей привели к исчезновению значительного числа храмов, пирамидальных башен, древних и средневековых солнечных могильников-каш. От многих остались только руины, как молчаливый упрек предков ингушей, строителей и зодчих, известных по всему Кавказу.

Во время первых археологических раскопок, предпринятых в горах Ингушетии в 1925-1927 годах, Леонид Семенов изучил несколько храмов и солнечных могильников. Они позволили расширить горизонты и углубить историю ингушей. Впервые древняя культура народа на основе артефактов была сравнена с фригийской культурой [14]. Кроме того, местный житель Х.-А. Ахриев рассказал Л.П. Семенову, что недалеко от покинутого селения Памет находился христианский храм, разрушенный в конце XIX века новообращенными мусульманами. На его месте была построена мечеть. Ингуши, по словам Х.– А. Ахриева, продолжали давать детям грузинские собственные имена, в несколько измененном виде [1, с. 139].

В ущелье Ассы, у слияния рек Азды и Асса, находился небольшой христианский храм верхнего средневековья. П.С. Паллас писал тоже, что в низовьях Сунжи и Камбелея, он видел очень почитаемый ингушами храм, при котором находился отшельник.

К северу от селения Карт находится место, которое глубоко почиталось ингушами. Это ‘Дяли-те’ («Возвышенность Дялы»), названное в честь верховного божества пантеона. Там возвышается храм XVII века с двускатной крышей, украшенный стилизованными крестами в виде «Голгофы» и называвшийся в народе ‘Далтер-элгыц’, «Храм возвышенности Дялы». Он подробно описан археологом Джабраилом Чахкиевым [19, 1, с. 104-105]:

«Весьма интересны по своим украшениям восточная и западная стены. В треугольнике этих стен помещены крупные кресты с «Голгофой». Кресты простые, прямые и образуются узкими щелями, выложенными плоскими камнями. Верхний левый и правый концы крестов заканчиваются небольшими квадратными нишами. Нижние части крестов стоят на «Голгофе», состоящей из пяти квадратных углублений. Выше крестов устроено по одному узкому окну с расширением вовнутрь. На гребне крыши храма еще в конце XIX в. возвышался огромный железный крест. Снаружи памятник был украшен многочисленными рогами оленей и быков, вделанными в его стены. [...]

Внутренняя часть постройки делится арками на 4 части. [...] В западной и продольной стенах устроены многочисленные ниши, расположенные в некоторых местах в три яруса. Некоторые ниши с боковыми ответвлениями, тайниками, в которых хранились кресты, чаши и иной церковный инвентарь. В глухих нишах некогда стояли иконы и свечи. Вдоль стен можно видеть каменные сиденья П-образной формы. [...]

Почти в центре восточной стены алтарной части высится каменный столп, имеющий общую кладку со стеной. Высота столпа – 2,47 м, ширина основания – 0,98 м, толщина – 0,18 м. [...] В лицевой стороне столпа 3 ниши. [...] В глубине [средней ниши], над самым верхом высечен простой крест. [...] Все три ниши носят следы копоти. [...]

Возведен храм-святилище тщательно, на известковом (с добавлением крупнозернистого песка) растворе. Кладка стен полигональная, приближающаяся к порядковой. В основании и углах размещаются «вперевязь» наиболее крупные и лучше обработанные прямоугольные каменные блоки. Снаружи у стен местами сохранилась светло-желтая штукатурка, а изнутри стены, арки и потолок аккуратно покрыты штукатуркой белого цвета.

К южной стене примыкала полуокруглая ограда, от которой сейчас прослеживаются только остатки каменной кладки на известковом растворе.

Предания сообщают, что одним из последних наиболее уважаемых жрецов Дялите был местный житель Ижи Долаков, обладавший высоким даром красноречия».

Российские путешественники и исследователи XIX века находили на горе Дялите железные кресты, воздвигнутые на открытом пространстве. Крылья крестов имели углубления для свечей.

Самые известные храмы Северного Кавказа, относящиеся к эпохе христианизации, находятся на территории Ингушетии. К ним относятся: Тхаба-ерда (IX век), Алби-ерда (XII-XIII век), Тумгой-ерда (XII-XIII век), Маго-ерда (XIII век) и, согласно Л.П. Семенову, Таргимский храм (XIII век). Эти культовые строения по размерам больше языческих святилищ. Следы фрески и архитектурные детали позволяют считать их производными от грузинской архитектуры верхнего средневековья.

История святилища бога вселенной, Тхаба-ерда, хорошо известна. Оно привлекало внимание путешественников, историков и археологов, начиная со второй половины XVIII века. Оно было исследовано Жюлем Клапротом, П.С. Палласом, Д.З. Баградзе, В.Ф. Миллером, Е.И. Крупновым, Г.Н. Чубинашвили, Л.П. Семеновым, Б.М. Мужухоевым, Д. Чахкиевым…

Тхаба-ерда представляет все характеристики местной и грузинской архитектуры. Во время путешествия на Центральный Кавказ Гюльденштедта,

Палласа и Клапрота в конце XVIII и в начале XIX века Тхаба-ерда функционировал как языческое святилище. Однако они обнаружили в нем священные книги, иконы и христианские манускрипты, очень почитаемые ингушами. Стены были украшены фреской, различными надписями на христианские темы. Во время пребывания Миллера в Ингушетии в конце XIX века, он уже не обнаружил в святилище ни священных книг, ни икон, ни манускриптов. Ему удалось записать со стен только некоторые надписи. От фрески остались только едва заметные следы.

В 1969 – 70-х годах параллельно археологическим раскопкам были предприняты работы по реставрации храма Тхаба-ерда. Новые археологические и архитектурные элементы способствовали более точной датировке памятника. Г.Н. Чубинашвили отметил в его конструкции три исторических периода: VIII – IX, X – XI и XV – XVI века.

Внутри святилища были найдены кончики стрел, копья, бусы из корналина и из стекла, курительные трубки, датирующиеся верхним средневековьем. Разбитый каменный крест и крестильная купель относятся к периоду его воздвижения – к VIII – IX векам. Вдоль стен были обнаружены пять захоронений, датируемые IX – XII веками.

В 1974 году, во время 4-й конференции, посвященной памяти историка и археолога Е.И. Крупнова, Г.Г. Гамбашидзе выступил с докладом об исследованиях по храмуТхаба-ерда [5]. На осколках черепицы и архитектурных деталях бордюров крыши им были выявлены изображения крестов и надписи на старогрузинском языке, асомтаврули. На одной из них было написано: «О, Христос, смилуйся над Арсением М.». Г.Г. Гамбашидзе считает, что речь идет об Арсении Мамадмт1арисаиса, грузинском католикосе Арсении II (955-980гг.). Все надписи относятся к X и первой половиной XI века. Эта эпоха совпадает с одним из периодов реставрации храма, предложенных Г.Н. Чубинашвили. Дата XII века была выдвинута историками прошлого, исходившими из легендарных сведений, утверждавших, что храм был построен «во время правления царицы Тамары» (конец XII-начало XIII века). Эпоха правления этой грузинской царицы, имевшее важное значение для истории всего Кавказа, была и до сих пор является точкой отсчета, от которой исходит рассказчик при передаче каких-то далеких событий, часто даже доисторических.

Имя католикоса Арсения II, высеченное на одной из стен храма Тхаба-ерда, позволило также Г.Г. Гамбашидзе предположить, что во второй половине X века правители Кахетии – Квирике (929-976 гг.), Давид II (976-1010 гг.) и католикос Арсений II – заложили строительство храма на месте более древнего языческого святилища, посвященного богу вселенной и хозяину Казбека Тха. После ослабления христианства месту и храму было возвращено прежнее название ‘Тхаба-ерда’ («дом бога Тха»).

Таргимский храм походил на Тхаба-ерду по своему внутреннему плану. Как и Тхаба-ерда, он имеет аналогии с архитектурой древних грузинских церквей. Внутри храма находилось подземное помещение, предназначенное для приема покойников. Несмотря на простоту архитектуры храма Албиерда, археологи относят его к тому же типу, что Тхаба-ерда и Таргимский храм. Он был исследован нашим современником Макшарипом Мужухоевым, датировавшим его XIII веком [13, с. 183]. По предметам, найденным в храме Албиерда, он действовал до XVII – XVIII веков как христианский храм, затем был окончательно преобразован в языческое святилище.

Арки средневекового храма Маго-ерда, бога магии и знаний, расположенного около селения Салги, имеют параллели с арками храма Тхаба-ерда. Над одной из них был вмонтирован крест. В отличие от всех христианских храмов, Маго-ерда обладал алтарем.

Святилище Матар-дяла, божества косьбы и покровителя мужчин, имел тоже на западной стене крест, напоминающий тот, что был обнаружен над аркой храма Маго-ерда. Старики грузинских горных обществ, гудамакаров и пхи, рассказывали П.Г. Буткову, что на границе с ними находилось раньше еще несколько христианских храмов. По своей архитектуре, ингушские храмы, как считал Л.П. Семенов, относятся к первым культовым строениям Северного Кавказа.

Старые христианские пергаментные манускрипты и псалтыри, обнаруженные в Ингушетии

Христианские манускрипты и псалтыри, находившиеся в храмах Тхаба-ерда и Маго-ерда, следы которых были утрачены, должны были представить большой интерес для истории религий Ингушетии. В 1893 году местные жители рассказали Г. Вертепову, что в храме Тхаба-ерда существовали священные книги, в том числе Евангелие. О наличии в храме священных книг упоминали в более ранний период исследователи и путешественники. В течение двух лет Г. Вертепов искал следы этих книг. Наконец, ему удалось найти одного местного ингуша, продавшего ему «за незначительную сумму» пергаментные страницы рукописногопсалтыря на старогрузинском языке.

Г.Г. Гамбашидзе считает, что манускрипты священнописаний, надписи на стенах и обломках черепиц Тхаба-ерды, надписи на стенах Албиерды и эпитафии на некоторых солнечных могильниках-каш, говорят о том, что ингуши эпохи интенсивных религиозных контактов с Грузией (IX-XIIвека) использовали грузинское письмо и что службы в храмах проходили на грузинском языке [11, с. 196]. Такого же мнения придерживался и Н. Яковлев. В 1920-х годах он обнаружил на штукатурке арки одного из древних солнечных могильников-каш ущелья Ассы надпись грузинскими буквами, передающую имя местного жителя Энолы и относящуюся к периоду христианства. Ибо рядом с ней был изображен крест грузинского (георгиевского) типа. «Значит, для того, чтобы писать на местном языке на Северном Кавказе применяли грузинский алфавит», заключает Н. Яковлев [20, с. 15]. При некоторых храмах были открыты школы для обучения детей грузинскому языку. После прихода России на Кавказ было запрещено преподавать ингушским детям грузинский язык.

В 1927 году Л.П. Семенов, в свою бытность старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института Ингушетии, передал Н.Я. Марру стра-

ницы манускрипта на пергаменте, обнаруженные Г. Вертеповым в 1893 году в Ингушетии. Н.Я. Марр переслал их А.П. Генко для более детального изучения. Форма букв манускрипта позволила А.П. Генко датировать его XI или XII веками [12, с. 66]. В настоящее время следы этого манускрипта затерялись. Однако до того, как его отправить Н.Я. Марру, Л.П. Семенов сделал копии трех страниц, переданных им впоследствии грузинской исследовательнице М.А. Шанидзе. Изучив их палеографические и редакционные характеристики, она датировала манускрипт X веком [4].

Страницы старого грузинского псалтыря, принадлежавшего храму Маго-ерда, были недавно обнаружены Г.Г. Гамбашидзе в Ингушетии, в Назрани, при помощи писателя Б.А. Чахкиева. Один пожилой ингуш по фамилии А. Элжеркиев, у которого находились эти страницы, рассказал им, что он нашел псалтырь в святилище Маго-ерда, покровителя его рода. Его он продал, но оставил себе два листка на память. Текст на этих двух пергаментных листках (15,5 x 7; 14,5 x 7,5), написанный на асомтаврули, располагался в одну колонку. Палеография текста позволила датировать его X веком. Его каллиграфия была близкой к каллиграфии текста из Тхаба-ерды. Оба манускрипта относились, следовательно, к одному культурному и религиозному центру, к Грузии, перед тем, как оказаться в святилищах Ингушетии [4]. Такоеиздание псалтырейбыло развито в Грузии в период деятельности Георгия Мтацминдели или Афонского (1009-1065 гг.), известного грузинского писателя, историка и религиозного деятеля. С XI века, как считают, этот псалтырь стал чем-то вроде Вульгаты.

О времени начала христианизации ингушей

Первыми ингушскими обществами, столкнувшимися с христианством, были предки г1алг1аев (Gargars), проживавшие в первые века н.э. на правом берегу Куры и в долине реки Каркарчай современной Грузии, а также предки Гелатхой (Gels или Gaels), проживавшие в ту же эпоху на левом берегу Куры. Эти общества были христианизированы в IV веке миссионерамицаря кавказской Албании, Урнаиром, принявшим в 313 году в качестве государственной религии христианство, связанное с Армянской апостольской церковью.

К северу от этих предков современных ингушей проживали дагестанские племена леки, являвшиеся предками лакцев, лезгин и цахуров. Все эти племена находились, следовательно, в ту далекую эпоху под влиянием Армянской церкви.

Часть гаргаров и гелов, не захотевших предать религиозные верования предков, по всей видимости, покинули свои прежние места проживания на берегах Куры и Каркар-чая и ушли на север, в горы. Согласно хевсурским легендам, собранным Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, племена гIалгIай жили уже в «эпоху царицы Тамары» в северной Грузии, в селениях Гаппи, Цоли, Някисте, Кайраке и др. Позже, под давлением хевсуров и пшавов, г1алг1ай вынуждены были покинуть эти земли и перебраться на северные склоны Центрального Кавказа, где их потомки проживали еще в XIX веке. Прибыв на северный Кавказ, они принесли с собой названия мест своего прежнего проживания: Гаппи, Цолой, Някъасте, Хайрак... Этим объясняется совпадение топонимов на северных и южных склонах Центрального Кавказа (Н.В. Волкова). Упрочившись на новом месте, эти общества начали постепенно занимать ведущие позиции. С течением времени этноним ‘гIалгIай’ стал обозначать всех ингушей и остался самоназванием этого народа. Чеченцы их называют также.

Археологические артефакты показывают, что, по всей видимости, Византия участвовала с V по IX век в христианизации предков ингушей. В конце XIX веканедалеко от Джераха, около российского укрепления, находящегося у слияния Терека и Армхи, были обнаружены «греческие золотые монеты». «Возможно, данные монеты являлись византийскими солидами» [19, 1, с. 8]. В 1933 году около селения Джерах одним из его жителей, Т. Цуровым, был найден византийский солид эпохи правления императора Анастасия I (491-518 гг.). Позже она была изучена и описана Л.П. Семеновым [19, 1, с. 14]. При раскопках в храме Тхаба-ерда, в одном из его пяти захоронений (под n° 3), была найдена монета эпохи деятельности византийского императора Михаила III (842-867 гг.).

Эти находки оказались, возможно, в горах Ингушетии с тех далеких времен, когда предки ингушей находились в контактах с греческими колониями. Легенды, собранные Чахом Ахриевым в 1860-х годах, упоминают об этом. Они сохранили этнонимы ‘джелты’ или ‘джилины’, отождествляемые с греками. Джелты или джилины «пришли на Северный Кавказ, настроили храмов и затем ушли, оставив закопанные клады», как повествуют легенды.

В ингушском языке сохранились религиозные термины, заимствованные из греческого непосредственно «в период доминирования Византии и Греции»: слово ‘элгыц’ и ‘килис’ («храм, святилище») от греческого ‘ecclêsia’ («храм, церковь»); ‘елсмале’ («рай») от греческого ‘elizium’. Слово ‘жожаг1ате’ («ад») заимствовано из грузинского языка. Современные ингуши называют церковь термином ‘кинис’, являющимся альтерацией от ‘килис’, формы, развившейся по закону прогрессивной ассимиляции. Этот термин был, вероятно, заимствован горцами Кавказа от византийцев, так как его рефлекс ‘килиса’ обнаруживается также у народов адыгэ, христианизированных Византией с 482 по 565 гг.

Таким образом, можно предположить, что христианство из Византии начало проникать к ингушам в ту же эпоху, что и к народам адыгэ, которые были их непосредственными соседями до прихода иранских племен в XIII-XV веках, вклинившихся между этими двумя автохтонными народами Кавказа. Византия продолжила свой прозелитизм до IX века при содействии Грузии и Армении.

К концу VII и в VIII веках, с ослаблением Армении, Кахетия (восточная Грузия) взяла на себя основную миссию по христианизации северо-кавказских народов. ГIалгIай и гелатхой находились с тех пор под влиянием христианства, идущего из Грузии.

Христианизация ингушей Грузией, прерываемая постоянными вражескими вторжениями, никогда не была завершена. Оказались бесплодными и попытки

колониальной России в XVIII и XIX веках реанимировать увядшее христианство среди ингушей [16, с. 92-112]. Действия русских военных по усмирению Кавказа способствовали тому, что ингуши выбрали ислам, пришедший к ним мирным путем, объединявший их с другими народами Северного Кавказа и ставший их единственной гарантией на выживание и на сохранение этнической идентичности.

Список литературы

1. Албогачиева М. С.-Г. Многоликая Ингушетия / Сост, М.С.-Г. Албогачиеав. – С.-Петербург, 1998. 304 с.
2. Ахриев Ч. Ингушевские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах, Т. 5. Тифлис, 1871. с. 1-16.
3. Базоркин И.М. Из тьмы веков. Грозный: Чеч.-Инг. книж. изд-во, 1989. 573 с.
4. Гамбашидзе Г.Г. Древнегрузинские церковные книги в Ингушетии» // V-е Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала. 1975.
5. Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века» // V-е Крупновские чтения поа археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
6. Грабовский Н. Ингуши (их жизнь и обычаи) //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. Манускрипт, 115 с.
7. Грабовский Н. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о Кавказских горцах, в. III. Тифлис, 1870. с. 1-27.
8. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе, 1842-1867. СПб.: А.С. Суворин. 1879. 425 с.
9. Klaproth, Julius von. Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris: C.Gosselin, 1823. 2 volumes, carte gravée.
10. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1890. 2 тома.
11. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. 207 с.
12. Мартиросян Г.К. Нагорная Ингушия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. В. 1. Владикавказ. 1929. с. 7-154.
13. Мужухоев М. Б. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. Москва: Наука, 1980. с. 177-183.
14. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 гг. Владикавказ: Инг. Ин-т Краеведения. 1928. 32 с.
15. Цароева М.Г. Пантеон ингушей. Москва-Париж: Триумф, 2016. 543 с.
16. Tsaroieva M.G. Peuples et religions du Caucase du Nord. Paris : Karthala, 2011. – 389 p.
17. Цароева М.М. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. Москва-Париж: Триумф, 2016. 320 с.
18. Tsaroieva M. G. «Tentatives du gouvernement russe pour restaurer le christianisme chez les Ingouches et les Ossètes (aux XVIII et XIX siècles)» // Slavica Occitania. Les Mutations religieuses en Russie et dans l'Empire russe : Conversion et sécularisation. Toulouse, 2015. p. 89-101.
19. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии: Научное издание, 1 / Автор-составитель Д.Ю Чахкиев. Назрань: Мин. культуры РИ. Т. I. 2003 (145 с.), Т. II– 2009 (95 с.).
20. Яковлев Н. Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия / Сост. М. С.-Г. Албогачиева. СПб.г: Айю, 1998. с. 5-36.

РАЗДЕЛ III
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВ КАВКАЗА

Б.М.Атаев, М.Б. Атаева

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Аннотация: Исследуются проблемы, связанные с языковой политикой и анализируются причины происходящего исчезновения бесписьменных языков. Рассматриваются этноязыковые проблемы Дагестана, изучаются необходимые условия для выживания языков малочисленных этносов с различным социальным статусом и перспективы их сосуществования с языками более многочисленных народов

Ключевые слова: языковая политика в Дагестане, сохранение и развитие языков малочисленных этносов.

B.M. Ataev, M.B. Ataeva

ETHNOLANGUAGE PROBLEMS OF THE PEOPLE OF DAGESTAN

Abstract: The problems connected with language policy are investigated and the reasons of the happening disappearance of unwritten languages are analyzed. Ethnolanguage problems of Dagestan are considered, necessary conditions for a survival of languages of small ethnoses with various social status and prospects of their coexistence with languages of more numerous people are studied.

Key words: language policy in Dagestan, preservation and development of languages of small ethnoses.

С этнолингвистической точки зрения Республика Дагестан представляет собой нетипичный для других регионов России полиэтнический феномен. Языковое многообразие, среда и малая территория, на которой представлено большое количество близкородственных и неродственных языков, характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе.

Здесь, на территории всего в 50, 3 тыс. кв. км с населением чуть более 3 млн. человек, проживают представители более 30 народностей со своими языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям. И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в Республике Дагестан, будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов – носителей этих языков и культур.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит еще и в том, что здесь, как в большинстве национальных образований РФ, нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственного языка согласно статье 10 Конституции РД обладают «русский язык и языки народов Дагестана».

Но не совсем понятно, какие именно языки по Конституции РД считаются языками народов Дагестана. Ведь по разным подсчетам в Дагестане насчитывается от 28 до 32 языков. В их число входят не только т.н. «младописьменные» (получившие статус литературных лишь в советское время) языки Дагестана (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, табасаранский, татский), т.н. «новописьменные» (т.е. языки, получившие письменность в 1990 г.), языки малочисленных народов (агульский, рутульский, цахурский), но и все бесписьменные языки Дагестана (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский).

Встает вопрос: считать ли государственными языками Дагестана дагестанские языки, представленные в другом государстве, например, в Азербайджане (будухский, крызский, удинский, хиналугский)? Является ли (согласно Конституции РД) государственным языком Дагестана, например, одноаульный гинухский язык? Или языки, по которым нет единого мнения в их соотнесенности к языку или диалекту (например, кубачинский, хайдакский, инхокваринский)?

Эти вопросы лингвистика, а вслед за ней и Конституция РД, пока оставляют без однозначного ответа.

Специалист может подтвердить, что в качестве государственного языка в полинациональной стране не может функционировать, например, бесписьменный язык малочисленного этноса. Никак не может быть государственным язык, насчитывающий всего 5 человек его носителей (например, багулальский, как это указано в материалах переписи населения РФ 2010 г.).

Кроме того, в силу некоторых причин политического характера Конституция РД не определилась также и с понятиями «дагестанский народ» и «народы Дагестана», «языки Дагестана» и «дагестанские языки». Все эти вопросы ждут своего ответа, и, возможно, мы их вскоре получим. Однако специалистам нельзя сидеть, сложа руки, зная, что без их участия могут быть приняты непродуманные решения. Языковеды должны сказать здесь свое веское, профессиональное слово.

Лингвисты и этнографы, опираясь на строго научные методы, могут объяснить, какая разница между понятиями «дагестанские языки» и «языки Дагестана». Здесь разница заключается только в одном: в понятие «дагестанские языки» входят генетически родственные (т.е. имеющие общее происхождение)

языки Дагестана, которые могут в настоящее время быть расположены и за пределами республики (например, будухский, крызский, хиналугский и удинский, расположенные в соседнем Азербайджане), а в понятие «языки Дагестана» включаются языки, расположенные на территории Дагестана, но не являются родственными по происхождению «дагестанским языкам» (например, кумыкский, ногайский, азербайджанский, русский…).

Задача науки заключается именно в том, чтобы точно сформулировать проблему и предложить пути ее решения. Но, к сожалению, решения не всегда принимаются наукой. На сегодняшний день, накануне принятия «Закона о языках народов Дагестана», перед нами стоит всего одна задача: выяснить, какой язык (или языки) в Республике Дагестан является государственным и, исходя из этого, предложить конкретные пути для решения языковой проблемы. Все остальные вопросы прямо вытекают из этого решения и не носят принципиального характера (т.е. общие фразы, типа «сохранить, возродить, развивать») само собой разумеются.

Сегодня никто не сможет отрицать, что только один язык – русский – успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. От фактов никуда не уйти, они, как известно, вещь упрямая. Так уж сложилась ситуация в Дагестане, что надо быть реалистами и, отбросив амбиции, трезво смотреть на факты. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию – быть государственным языком. Ни на одном из языков Дагестана в республике не говорит хотя бы треть населения. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет свыше 80% населения), не является языком, объединяющим все дагестанское общество. А ведь принципиальной целью языковой политики является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции. Другими словами, языковая политика состоит в воздействии на языковую ситуацию, подталкивая ее развитие в неком предпочтительном направлении, где вектор реальных изменений приближает ситуацию к некой идеальной картинке национального будущего. И этому критерию в Дагестане отвечает только один язык – русский. Он стал как бы «республикообразующим» языком, как бы это ни воспринималось многими квасными патриотами.

Не может быть государственным языком на всей территории Дагестана, например, гунзибский язык. Представьте себе ситуацию, при которой, например, рутульцу объявляют, что его государственным языком, является чамалинский язык. Или же, как будет выглядеть, например, чиновник–даргинец, приехавший в Ахвах и на русском языке объявляющий ахвахцам, что их государственным языком является агульский язык. Довольно абсурдная ситуация, которую можно еще скорректировать, внеся соответствующие поправки в готовящийся «Закон о языках народов Дагестана». Лингвисты Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра РАН разработали и внесли на рассмотрение в Народное Собрание Республики Дагестан свои обоснованные предложения по проекту «Закона о языках народов Дагестана» и твердо будут отстаивать научные профессиональные позиции, не принимая во внимание какие-либо идеологические и политические мотивы.

Видимо, все согласятся, что, объявляя какой-либо язык государственным, то, очевидно, что государственным языком надо элементарно владеть и на нем должна быть письменность. Не может быть государственным язык, не имеющий письменности и которым не владеет население. А овладеть всеми языками Дагестана просто невозможно, хотя бы в силу их многочисленности. И, чтобы исправить такое положение, предлагаем в «Законе о языках народов Дагестана» юридически закрепить фактическое положение русского языка в Дагестане в качестве государственного языка. (Впрочем, как государственный язык России, русский язык является таковым для всех субъектов РФ). Думается, что такое решение было бы и политически грамотным и научно обоснованным. А все четырнадцать письменных языков Дагестана, как нам кажется, следует признать «официальными языками Дагестана», с соответствующими полномочиями. При этом законодательно объявить их национальным достоянием, важнейшим элементом культуры, национального и гражданского самосознания дагестанцев, что, впрочем, и сказано в Конституции РД.

Известно, что для большинства народов Дагестана исторически было характерно многоязычие. Здесь издавна существовало несколько языков межнационального общения регионального типа. В различные периоды языковой ситуации в Дагестане на ее территории выделялось несколько регионов со сложившимися языковыми особенностями. Каждый регион обладал своей спецификой развития и характеризовался функционированием определенного языка общения. Так, в Южном Дагестане в качестве второго языка общения выступали азербайджанский и лезгинский язык. В Северном и Центральном Дагестане таким языком был кумыкский, в контактах андо-цезской группы этносов языком общения всегда выступал и выступает аварский язык.

По нашему мнению, поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация, для создания реальных условий для самобытного развития многочисленных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский «Закон», а такой «Закон о языках РД», который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана. В таком «Законе» должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. Но даже в этом, сугубо узкопрофессиональном вопросе до сих пор не консолидирована позиция ученых-языковедов.

В этом «Законе» должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Да-

гестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т.д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску.

Одновременно с этим, необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Но, прежде всего, необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с широчайшим привлечением всех заинтересованных специалистов и провести солидную конференцию для научного решения всех возникающих вопросов на эту тему. Видимо, не случайно Закон «О языках народов Российской Федерации» содержит упоминание о проведении «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

А.З. Гандалоева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье описываются структурно-семантические особенности паремиологических и фразеологических единиц в ингушском языке. Паремии являются одним из неисследованных проблем в ингушском языке. Этимология понятия «паремия и его происхождение» подобны притчам, т.е. сжатое многознаменательное изречение. Подтверждение этой мысли об определении паремий через притчу, значение которой синонимично понятиям «пословица» и «поговорка». Описывается проблема разграничения пословиц и поговорок, их структурно-грамматические критерии. Характеризуется проблема соотнесенности пословиц и поговорок с фразеологией, их структурно-грамматические отношения, основные критерии разграничения фразеологизмов от паремий.

Ключевые слова: паремиология, притча, аллегория, этимология, афоризм, логемы, дидактичность, мотивированность, экстенсионал, репрезентация знаний, трансформация пословиц и поговорок, пословичные трансформы.

A.Z. Gandaloeva

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAREMIOLOGICAL IN INGUSH

Abstract: This article describes the structural and semantic features paremiological and phraseological units in the Ingush language. Proverbs are one of the unexplored problems in the Ingush language. The etymology of the concept of «proverbs and his origins» are like parables, ie compressed mnogoznamenatelnoe saying. Confirmation of this idea on the definition of proverbs through the parable, the value of which is synonymous with the concepts of «saying» and «saying». It describes the problem of differentiation of proverbs and sayings, their structural and grammatical criteria. Characterized problem relatedness of proverbs and sayings from the phraseology of their structural and grammatical relations, basic criteria of differentiation of phraseology of proverbs.

Key words: paremiology, parable, allegory, etymology, aphorism, logemy, didacticism, motivation, the extension, the representation of knowledge and the transformation of proverbs and sayings, proverbs transforms.

В отечественной науке о языке особый интерес к паремиям наблюдался с конца XIX в., при изучении русских пословиц, поговорок и притч в сравнении с паремиями других народов мира.

Несмотря на большое количество научной литературы по паремиологии, среди ученых нет единого мнения в определении жанровой природы паремий, имеются некоторые «разночтения» и в области терминологии. Последнее касается, прежде всего, понятий паремия, паремика.

Паремии, бесспорно, относятся к числу общемировоззренческих жанров фольклора, который характеризует народную культуру исторического существования любого этноса.

Паремии уходят своими корнями вглубь веков. Многие из них появились еще тогда, когда не было письменности. Можно выделить такие основные источники возникновения паремий в любом языке: народное, литературное, религиозное, заимствование [2, с. 237].

В ингушском языке вопросы паремий относятся к числу неразработанных до сих пор проблем исследования. Необходимо отметить, что паремии являются одним из активных источников образования и пополнения ингушской фразеологии, т.к. они имеют в своем составе большое количество единиц с образным метафорическим значением.

Этимология понятия «паремия» связана с библиологической версией его происхождения.

Библиологическая версия происхождения термина «паремия» заставляет нас обратиться к духовной литературе. В ней значится, что слово «паремия» произошло из греческого языка и было связано с богослужебной практикой православной церкви. Оно означало чтение притч из книг Священного писания [28, с. 187].

Паремия как **притча** в церковном понимании является «истина», сжатое многознаменательное изречение, пророчественное, преобразовательное [28, с. 187].

Богослужебные чтения, известные под именем паремий, потому так и называются «пророчественные или преобразовательные», так как они указывают, подобно притчам, на лица или события, воспеваемые в той церковной службе [4, с. 120].

Можно сказать, что понятия «пословица» и «поговорка являются составными частями термина «паремия». **Пословица** и **поговорка** – краткое (т.е. сжатое), устойчивое иносказательное или образное народное изречение, которое может употребляться в переносном и в прямом смысле [7, с. 379, 389]. В них заключена истина народной жизни. Но эта истина предстает не всегда прямо, порой и иносказательно, скрыто. Скрытый смысл спрятан в них за **аллегорией**, наглядным картинным выражением отвлеченных понятий посредством конкретного образа [8, с. 37].

Иносказания применяются в разных случаях с разным смыслом, как в русском языке, так и в ингушском языке. Иногда смысл содержания совпадает в языках. Например: *Дешар – сердало, цадешар – боадо.* – Учение – свет, неучение – тьма. *Дешар – хьакъал ирдеш бола ков ба*. – Учение – напильник для заточки ума.

Иносказания применяются в разных случаях с разным смыслом. Их смысл носит пророческий характер, дар предвидения хорошего или плохого используется говорящими в качестве предостережений, советов или пожеланий.

Подтверждение нашей мысли об определении паремий через притчу, значение которой в широком смысле синонимично понятиям «пословица» и «поговорка», находим у И.И. Срезневского. В словаре древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского, пословицы и поговорки толкуются как притчи [11, т. 2, с. 91]. Отсюда видно, что слова «паремия» «пословица», «поговорка», «притча» употребляются как взаимозаменяющие друг друга синонимы. Это произошло вследствие движения семантики слова «паремия». Первоначально, будучи заимствованием из греческого языка, оно осознавалось как синоним «притча», «пословица», «поговорка» в их древних значениях. Указание на это можно найти в «Этимологическом словаре русского языка» [17, с. 206]. Однако в церковном обиходе семантика слова изменилась: оно стало означать не любое изречение, а особый тип изречений, выбираемый из Священного Писание для чтения при богослужении. Недаром в словаре В.И. Даля паремия определяется как «нравоучительное слово», т.е. текст назидательного характера [8, т. 3, с. 18]. Видимо, сближению в сознании носителей русского языка значений слов «пословица», «поговорка» и «паремия» способствовало вычленение в них признаков общезначимости и дидактичности.

Развитие филологического знания в 20 веке повлекло за собой определенное «размывание» содержания термина «паремия». Это было связано с политической обстановкой в стране и пропагандой социалистического строя жизни. Слово «паремия» стало архаичным. С 70-х годов 20 века научный интерес к термину «паремия» снова появился. Одни исследователи сводят его границы до родовидовых отношений, где паремия выступает родовым термином к словам «пословица», «поговорка». Другие, наоборот, расширяют и включают в его экстенсионал, кроме пословиц и поговорок, побасенки, загадки, анекдоты, приметы и присловье, афоризмы и даже сказки [13, с. 247-254].

Бесспорен тот факт, что религия формирует у носителей любого языка в рамках единой культуры определенный тип сознания и морали. Определенная часть морально-этических изречений того или иного народа имеет источником Священное Писание любой конфессии, где отражены постулаты морали в самом общем виде. В дальнейшем паремии стали широко использоваться в быту. Они используются как уникальный способ организации, хранения и репрезентации знаний народа в языке. Этому способствуют их свойства и признаки.

Одним из наиболее популярных направлений в паремиологии является изучение трансформаций пословиц и поговорок. В современной речи пословицы употребляются в трансформированном виде, в связи с чем, изучение этих трансформаций является одной из актуальных задач современной паремиологии [14, с. 270].

При сопоставлении современных пословичных трансформ с традиционными, народными пословицами можно заметить как их некоторые функционально-семантические различия, так и общность. С изменением уклада жизни, истории, культуры народа изменяется содержание и структура пословиц.

И.А. Дахкильгов отметил в своей работе «Мудрые наставления наших предков», что в пословицах и поговорках мы находим изображение ингушского народа во всей полноте и многообразии его характера, качеств, достоинств, недостатков. Так, например, осуждаются и отрицаются часто зависть, скупость, жадность, трусость, ханжество, лицемерие, упрямство, слобоумие и многие другие пороки. Например: *1овдалчо вехачоа никъ битаб.* – Слабоумный уступил дорогу пьяному. *Ший наьна сий лорадечо Даьхен сий а лорадерга.* – Кто чтит свою мать, тот будет чтить и Родину. *Хозача дешо лакха лоам бошабаьб.* – Красивое слово высокую гору растопило [6, с. 12, 13, 78].

Употребление таких пословиц является ярким стилистическим приемом, что придает речи особую окраску, делает ее более живой и выразительной, является одним из приемов языковой игры. Комплексное и системное исследование трансформаций паремий является крайне актуальным. Всем этим и обусловлена необходимость лингвистической оценки пословичных преобразований, определение и выявление их структурных и семантических типов, что в дальнейшем позволит прогнозировать развитие трансформационных процессов в сфере паремиологии.

Изучением структурно-семантических особенностей паремиологических и фразеологических единиц романо-германских языков занимались такие исследователи, так Е.А. Арсентьева, З.З. Гатиатуллина,

Т.Н. Федуленкова, Р.Г. Назарян. В вайнахских языках изучением этих единиц занимались И.Ю. Алироев, З.А. Юсупова, Ф.Г. Оздоева, С.У. Патиев, И.А. Дахкильгов, А.У. Мальсагов, А.О. Мальсагов.

Поскольку народы Кавказа в основном занимались земледелием и животноводством, в паремиях переданы логемы, определяющие значимость работы в весенне-летнюю пору. Например: *Ахканарча дено 1ан бутт кхоаб.* – Один летний день зимний месяц кормит. *Б1аьсти д1а ца дийнар – гурахьа чудахьаргдац.* – Весной не посеешь – осенью не пожнешь. *Мекъал – сага моастаг1а.* – Лень – враг человека [12, с. 76].

У лингвистов не существует единого мнения по определению терминов «пословица» и «поговорка». Каждый автор по-своему интерпретирует данные дефиниции, но большинство лингвистов рассматривают пословицы и поговорки как устойчивые словосочетания поучительного характера, отражающие особенности языковой картины мира того или иного народа. Они реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, передавая бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды [1, с. 4].

Пословица – образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое, ритмо-фонетическое оформление: *Хозал – сарралца, дикал – валлалца.* – Красота до вечера, доброта до смерти. *Са техача салтечох эпсар хиннав.* – Терпеливый солдат в офицеры выслужился [1, с. 4].

Поговорка – всегда конкретна, не содержит морали, используется для оценочной характеристики ситуации. В ингушском языке пословицы и поговорки имеют структуру предложения, но иногда поговорки имеют открытую структуру, т.е. выражаются инфинитивом глагола, и в этом случае имеют структуру словосочетания, а не предложения: *Ала йо1ага – хаза несийна* – Говорить дочери – слышать снохе. *Сих ма ле, виц мале.* – Не торопись и не забывай. *Наьха дикал – дукхал.* – Людей положительность – их многочисленность [10, с. 12].

Проблема разграничения пословиц и поговорок русскими языковедами решается, главным образом, со следующих позиций: на основе смыслового признака (В.И. Даль, И.М. Снегирев), структурно-грамматического критерия (М.А. Рыбникова, В.М. Мокиенко) и по наличию или отсутствии переносного значения (В.П. Жуков, А.А. Молотков).

Главными критериями разграничения пословиц и поговорок являются: соответствие пословицы в структурном плане грамматически законченному предложению; наличие переносного значения у пословиц (поговорка передает прямой смысл); наличие в пословице дидактичности (в поговорке дидактичность отсутствует); несоответствие в логико-предметном содержании, отделяющая пословицы от поговорок.

Пословица и фразеологическая единица – две самостоятельные единицы языка, состоящие из плана выражения и плана содержания, имеют много общего, очень тесно связаны в системе языка и постоянно взаимодействуют. В большинстве случаев фразеологические единицы образуются от пословиц. Поговорка является собирателем опыта и наблюдений народа, однако не лишена завершенного суждения и ее можно отнести к фразеологическим единицам [15, с. 36].

Исследователь фразеологии ингушского языка С.У. Патиев дает следующее определение фразеологизмам: «фразеологическая единица – это устойчивое и воспроизводимое словосочетание, состоящее из двух или более раздельно-оформленных словесных знаков и грамматически оформленное по имеющимся моделям словосочетаний или предложений» [15, с. 24].

В XX веке проблема соотнесенности пословиц с фразеологией решается с новых позиций. Вопрос о включении и невключении пословиц во фразеологию решается в зависимости от понимания ими сущности фразеологизма. С.У. Патиев относит пословицы и поговорки к коммуникативным фразеологическим единицам. Он обращает внимание на грамматическую модель, по которой строятся эти фразеологизмы, и выделяет их в особый класс фразеологических единиц [15, с. 76].

От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении, представляя собой законченные предложения.

Дополнительным аргументом в пользу невключения пословиц в фразеологический фонд языка может служить то, что значения отдельных слов, составляющих пословицу, никогда не сливаются в неделимое целое, как это происходит в идиомах.

Основными критериями разграничения фразеологизмов и пословиц и поговорок являются: различная степень мотивированности значения пословиц, различия в структуре, устойчивость комбинаций, целостность значения, эквивалентность слову, номинативность, структурное соответствие словосочетанию, постоянный порядок слов, невозможность исключения и включения составных компонентов и т.п.

Паремии являются одним из активных источников образования и пополнения ингушской фразеологии, т.к. они имеют в своем составе большое количество единиц с образным метафорическим значением.

Список литературы

1. Алироев И.Ю. Кувшин мудростей (Чеченские пословицы и поговорки). Грозный, 1990.
2. Аникин Я.В. Русские народные пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор. М., 2007.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004.
4. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии. М., 2007.
5. Дахкильгов И.А. Мудрые наставления наших предков. (Из ингушского фольклора). Нальчик, 2000.
6. Дахкильгов И.А. Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2012.

7. Даль В.И. Пословицы русского народа. 2-х т., М., 2008.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого велико-русского языка. 4 т., М., 2008.
9. Мальсагов А.О. Г1алг1ай кицаш / Ингушские пословицы. Грозный, 1962.
10. Мальсагов А.У. Ингушский фольклор. Магас, 2002.
11. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I-III. М., 2009.
12. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь. Нальчик, 2003.
13. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М., 2005.
14. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 2008.
15. Патиев С.У. Структурно-семантическая характеристика устойчивых сочетаний ингушского языка. Магас, 2007.
16. Русские народные пословицы и поговорки. М., 2008.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 2007.
18. Халидов А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения. Грозный, 2009.

Н.Т. Гишаев

ЗАВИСИМОСТЬ ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТ ВАЛЕНТНОСТИ ЕГО ЧЛЕНОВ

Аннотация: В статье ставится вопрос о возможном введении в лингвистику термина «структурообразующий член» для определения типологии. Для этого берутся конструкции эргативного строя адыгских языков – собственно эргативной с обязательными структурообразующими компонентами субъекта в эрг. п., ближайшего объекта в им. (абсолютном) п. и переходного глагола; номинативной (абс.) конструкции эргативной же системы с обязательными структурообразующими членами субъекта в абс. (им.) п. и непереходного глагола; инверсивной конструкции эргативного строя с обязательными структурообразующими членами логический субъект в абс. п., грамматический субъект в эрг. п. и непереходный глагол.

Ключевые слова: структурообразующий член, типология языка, валентность слова, эргативный строй, номинативный строй, зависимость субъектно-объектной функции от глагола.

N. T. Gishaev

THE DEPENDENCE OF THE PROPOSAL FROM THE VALENCES OF ITS MEMBERS

Abstract: the article raises the question of the possible introduction to the linguistics of the term «structural member» to define the typology. To do this, take design system Circassian languages ergativt is obligatoru with proper structure-forming components of the subject in the erg. p., the nearest object to them. (absolute) section and the transitional verb; nominative (abs.) construction ergative system with a mandatory structural members to abs. (im.) p. and intransitive verb; the inverse design system with a mandatory structural members of a logical subject in the abs. p., grammatical in erg. n. and the intransitive verb.

Key words: structure-forming member, the the typology of the language, the valence of the words, the ergative system, the nominative system, the dependence of the subject / objective functions from the verb.

В лингвистических работах по синтаксису, как обычно, выделяются *главные* (подлежащее и сказуемое) и *второстепенные* (дополнение, определение, обстоятельство) члены предложения. Это, может быть, справедливо внутри одного языкового типа и предложения. Однако, при рассмотрении различных типологических построений предложения этот подход недостаточен, ибо мы не можем таким путем определить тип предложения. Так, в любом типологическом построении предложения можно найти подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство и так далее, т. е. «главные и второстепенные», но они не определяют типологическое построение языка.

Как отмечал С.Д. Кацнельсон в своей монографии «Типология языка и речевое мышление», «в богатом репертуаре функций, присущих падежам, основное место занимают субъектно-объектные функции» [1, с. 43]. Однако «субъектно-объектные функции обусловлены содержательной валентностью глагола (точнее, глагольного значения, поскольку отдельные значения глагола имеют различные содержательные валентности)» [1, с. 47]. «Под содержательной валентностью, – С.Д. Кацнельсон понимал, – способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции» [1, с. 47]. Далее тот же автор подчеркивал, «что функции грамматических форм многообразны и не поддаются сведению к одному типу. Наряду с семантическими функциями грамматические формы выполняют и формальные, чисто структурные функции» [1, с. 91].

В свое время, рассматривая эргативный строй предложения, мы отмечали, что в различных предложениях эргативного строя (эргативном, номинативном (абсолютивном) и инверсивном) адыгских языков имеются индивидуальные обязательные структурообразующие члены предложения [2, с. 191]. Эргативную конструкцию образуют подлежащее в форме эрг. п., ближайшее дополнение в форме абсолютива и переходный глагол-сказуемое; номинативную конструкцию эргативной типологии образуют подлежащее в форме абсолютива и непереходный гла-

гол-сказуемое. При этом невозможно использование прямого (ближайшего) дополнения; инверсивную конструкцию образуют форма имени в абсолютном падеже в роли логического субъекта, форма имени в эрг. п. в роли грамматического субъекта-подлежащего и инверсивный глагол-сказуемое с непереходной семантикой. В номинативном строе предложения индоевропейского типа таких разграничений нет.

Выделение термина «**структурообразующий**» явилось результатом исследования синтаксического материала адыгских языков, т. е. спонтанным путем. Однако впоследствии выяснилось, что выделение структурообразующих членов в предложениях адыгских (адыгейском и кабардино-черкесском) и других кавказских языках с эргативным строем имеет большое грамматическое и логическое значение для определения типологической принадлежности того или иного построения предложения. Дистрибуция субъекта в эрг. п., прямого (ближайшего) объекта в абс. п. и переходного глагола, соподчиненные между собой в предложении адыгских языков, составляют структурообразующие члены собственно эргативной конструкции предложения, т. е. эргативная конструкция составляет трехчленное структурообразующее предложение. Таким же образом номинативная конструкция эргативной системы состоит из сочетания субъекта в абс. п. и непереходного глагола-сказуемого, т. е. из двух обязательных структурообразующих членов. Что же касается так называемой инверсивной конструкции эргативной же системы построения предложения, то такое предложение состоит из трех обязательных структурообразующих членов – логический субъект в абс. п.. грамматический субъект в эрг. п., и инверсивный непереходный глагол-сказуемое. Все эти разновидности объединяются **в эргативной системе** построения предложения, т. е. в эргативной типологии. Все три структурные составляющие эргативной системы имеют свои обязательные структурообразующие члены. Здесь необходимо подчеркнуть, что в языках эргативной типологии (напр., абхазском), где нет системы склонения, соблюдаются те же правила дистрибуции обязательных структурообразующих членов через глагольных личных и иных показателей.

В адыгских языках тип построения предложения можно определить двумя путями – через падежные формы субъектов и объектов и через расположение их показателей в глаголе. При этом те или иные субъекты и объекты могут отсутствовать в данном конкретном предложении, но в любом случае глагол-сказуемое определяет и устанавливает обязательный состав структурообразующих членов конкретного предложения. Это показывает и подтверждает координирующую роль главного члена предложения в языках эргативного строя предложения, т. е. главным структурообразующим членом любого предложения является глагол. Аккумулирующая, координирующая роль в предложении эргативного строя безусловно принадлежит глаголу. Причем глагол определяет не только состав обязательных структурообразующих членов предложения, но и валентный состав других факультативных, периферийных возможных членов предложения полисинтетического языка. Однако для нашей темы главнейшей ролью глагола следует считать определение валентности структурообразующего состава предложения эргативной типологии. Наличием обязательной связи между структурообразующими членами простого предложения определяется суть синтаксической конституции конкретной структурной единицы всех трех разновидностей предложений эргативной системы адыгского типа. Именно такое построение при координирующей роли глагола-сказуемого в предложении создает возможность использования различных по форме субъектов-подлежащих в зависимости от характера глагола-сказуемого, т. е. от переходности, непереходности, инверсивно-непереходности. В принципе это и создает особую типологию, называемую эргативной системой.

При наличии в предложении необходимых структурообразующих членов вполне можно определить степень логической завершенности и типологический строй того или иного предложения при финитных глаголах-сказуемых, а при инфинитных глаголах-сказуемых – типологический строй предложения при структурной полноте синтаксической конструкции, но при содержательной синтаксической незавершенности. Отсутствующие в конкретном предложении субъекты или объекты и их формы безошибочно могут быть восстановлены характером глагола-сказуемого. Узнаваемость обязательных структурообразующих членов предложения зависит от валентности и характера глагола. Однако валентность глагола может допустить в предложении другие члены предложения, являющиеся факультативными, второстепенными, находящимися вне основных структурообразующих членов предложения, иначе говоря, косвенные дополнения, определительные и обстоятельственные слова, обычно, лежат вне типологической системы предложения.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что для полной характеристики сути предложения в языках с эргативной типологией необходимо, на наш взгляд, включить в грамматику (или лингвистику) термин «структурообразующий член». Это позволит различать типологическое построение того или иного предложения и принадлежность языка к эргативной, номинативной или иной системе построения.

Список литературы

1. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград: Изд-во «Наука, 1972. 216 с.
2. Гишаев Н.Т. Вопросы эргативного строя адыгских языков. Майкоп: АНИИ ЭЯЛИ, 1985. 191 с.

Л.Р. Кафар-заде

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СЕФЕВИДОВ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Аннотация: В статье основное внимание уделено изучению причин искажения в англоязычной историографии этноязыковой принадлежности азербайджанской династии Сефевидов. В статье приведены неопровержимые доказательства тюркского происхождения и тюркоязычности Сефевидов.

Ключевые слова: государство Сефевидов, Азербайджан, «Саффат ас-сафа», тюрки, тюркский язык, англоязычная историография

L. R. Gafar-zade

ETHNO-LINGUISTIC SITUATION IN AZERBAIJANI SAFAVID STATE: MYTH AND REALITY (BASED ON MATERIALS OF ANGLOPHONE HISTORIOGRAPHY)

Abstract: The main attention in the article is paid to the research of the reasons of distortion of ethno-linguistic origin of Azerbaijani Safavid dynasty. There are shown irrefutable facts of the Safavids' Turkic origin and language in the article.

Key words: the Safavid State, Azerbaijan, "Safvat as-safa", the Turks, the Turkic language, Anglophone historiography.

Азербайджанское государство Сефевидов, наряду с Османской империей и государством Великих Моголов являвшееся одним из крупнейших азиатских государств средневековья, занимает особое место в истории азербайджанской государственности. Оно не только сыграло значительную роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа, Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока и др., явилось серьезной преградой османской экспансии в восточном направлении, но и сыграло существенную роль в этнической консолидации азербайджанского народа, ибо объединение южных и северных областей Азербайджана в пределах единого централизованного государства способствовало более тесному политическому, экономическому, культурному и этноязыковому сближению этих областей.

Хотя этническая и языковая принадлежность династии Сефевидов в отечественной историографии не вызывает вопросов и сомнений, т.к. ее тюркское происхождение и тюркоязычность научно доказаны, в англоязычной историографии данный вопрос является одним из дискуссионных. В англоязычной историографии Сефевидам, являвшимся тюркской династией, приписывают курдское, персидское и даже арабское происхождение. Ряду англоязычных исследователей свойственно «иранизировать» династию Сефевидов. К примеру, выдающийся ориенталист, автор фундаментальных исследований по Сефевидам Р. Сейвори пытается представить династию Сефевидов «иранской», всячески игнорируя приведенные в источниках неопровержимые факты и доказательства ее тюркского происхождения. Так, Р. Сейвори, хотя и указывает, что происхождение династии Сефевидов «непонятное», тем не менее, отмечает, что Сефевиды происходят из «аборигенного иранского рода», но не тюркского, как об этом иногда утверждают. Исследователь предполагает, что семья происходила из Персидского Курдистана, откуда позже переселилась в Азербайджан, где и переняла азербайджанскую форму тюркского языка, в итоге поселившись в XI в. в маленьком городе Ардебиле. К тому же, оценивая создание государства Сефевидов в 1501 г. как переломный момент в иранской истории, Р.Сейвори отмечает, что впервые со времен арабского завоевания Ирана, спустя 8,5 столетий вся территория, исторически являвшаяся сердцевиной Ирана, была воссоединена под властью одного персидского царя (шаха Исмаила I – Л.К.), хотя и говорившего на диалекте Азери тюркского языка. К слову, тот факт, что Исмаил I писал стихи не на персидском или каком-нибудь другом языке, а именно на тюркском, Р.Сейвори «объясняет» политической целью шаха – дабы сделать эффективнее проповедь сефевидской *da'wa* (пропагандистской идеи) для тюркманских племен – кызылбашей, он обращался к ним посредством своих простых стихов на их же родном тюркском диалекте. Более того, Р.Сейвори указывает, что восстановление Сефевидами иранского суверенитета в пределах традиционных границ Ирана естественным образом усилило иранское национальное самосознание или *Iranismus* [17:1999, с. 258-259; 18:1997, с. 186].

Выдающийся иранист Э. Йаршатер указывает, что Сефевиды, являвшиеся первоначально ираноязычным (курдским) кланом, впоследствии тюркизировались и переняли тюркский язык как свой родной [22]. Причем, как и Р. Сейвори, Э. Йаршатер пытается скрыть явный, неоспоримый факт тюркского происхождения и тюркоязычности Сефевидов «практическими целями» [23], хотя какими именно исследователь не указал.

Помимо Э. Йаршатера, концепции курдского происхождения Сефевидов придерживается и ряд других исследователей. Так, Р. Матти отмечает, что Сефевиды являлись персами курдского происхождения [11]. Дж. Перри же, хотя и не уверен в своем определении, но высказывает возможность того, что тюркоязычная Сефевидская семья из Ардебиля была тюркизированного иранского (по предположению исследователя, курдского) происхождения, которая захватила Иран и установила тюркский язык языком двора и военщины, языком широко распространенного общения, придав ему высокий общественный статус, в то время как персидский – язык высокой литературы и гражданской администрации – фактически остался не тронут по статусу и содержанию [13]. К. Босворт также отмечает, что, хотя Сефевиды и говорили по-тюркски, по происхождению они, вероятнее всего, были курдами [4, с. 172-174]. Идентичного

мнения придерживается Ф. Дафтари, ссылаясь на тот факт, что предок основателя Суфийского ордена Шейха Сефи ад-Дина в седьмом поколении – Шейх Фирузшах «Зерринкюлах» переселился в Азербайджан именно из Курдистана [5, с. 147].

Необходимо отметить, что основной причиной того, что династию Сефевидов в западной, в данном случае в англоязычной, историографии часто характеризуют курдской по происхождению, является тот факт, что иранский исследователь А. Кесрави, еще в 30-х гг. XX в. изучив агиографическое сочинение «Саффат ас-сафа», являющееся первым источником по генеалогии Сефевидов, в частности Шейха Сефи ад-Дина, пришел к выводу, что предок последнего – некий Фирузшах «Зерринкюлах», представленный в сочинении как «аль-Курди аль-Сенджани», является курдом. Причем, как утверждает А. Кесрави, нисба «аль-Сенджани» приведена неправильно, вместо нее должно было бы быть «аль-Сенджари» по одноименной области в Диярбекире. Однако ввиду того, что в самих средневековых источниках имеются сведения о нахождении в период средних веков области Сенджан недалеко от Мерва, а также в Азербайджане, у Дербента [подробнее см.: 1, с. 328-329], предположения А.Кесрави становятся научно не обоснованными.

В англоязычной историографии особое внимание уделено и вопросу арабского происхождения династии Сефевидов. Основной причиной появления в научной среде предположений о возможных арабских корнях династии Сефевидов являются приведенные в сочинении Ибн Беззаза «Саффат ас-сафа» сведения о родственных связях предков Сефевидов с шиитскими имамами, в частности с седьмым имамом Мусой аль-Казымом, и пророком Мухаммедом, о принадлежности их к роду сейидов. Однако тщательное изучение как оригинальной рукописи (составленной и завершенной Ибн Беззазом в 1358 г.), так и поздних версий данного агиографического сочинения показало, что именно эти части были сфабрикованы и «пришиты» к нему позднее «по заказу». Как известно, с приходом шаха Исмаила I к власти в 1501 г. одним из первых и приоритетных направлений внутренней политики стала именно религиозная политика, в частности возведение шиитского толка (исна ашара) ислама в статус государственной религии – событие беспрецедентное в средневековом исламском мире. Отметим, что данный шаг шаха был стратегическим ходом. Из «Саффат ас-сафа» видно, что раньше Сефевиды были суннитами, а кызылбаши, являвшиеся боевой, ударной силой, составившие основу азербайджанского государства Сефевидов и сосредоточившие в своих руках всю полноту политической и военной власти в государстве (из 72 поименно известных эмиров, общее количество которых составляло 114 человек, 56 были именно кызылбашами, а в целом тюркоязычных эмиров было 61), являлись шиитами. Следовательно, генеалогия и религиозные взгляды Шейха Сефи – основателя Суфийского ордена – стали несовместимы с образом государства Сефевидов. Перед сефевидскими шахами возникла необходимость «узаконить» свое право на власть. Выход из ситуации был найден в возведении генеалогии династии Сефевидов к шиитским имамам. Именно с этой целью шах Тахмасиб I (1514-1576) поручил Мирзе Ахмеду ибн Гаджи Кариму Тебризи «исправить» исходный вариант «Саффат ас-сафа». Так, в 1542 г. появилась новая версия указанного сочинения, где происхождение Сефевидов было существенно удревнено и привязано к седьмому имаму Мусе аль-Казыму, а в качестве «доказательства» новая генеалогия была дополнительно «подкреплена» тремя рассказами, хотя само их содержание противоречило поставленной шахом цели (к примеру, ни жена, ни 31-летний сын Шейха Сефи Шейх Садреддин не знали об их принадлежности к роду сейидов и т.д.) [1, с. 291-292].

Отметим, что в условиях геополитического соперничества великих империй стремления «сакрализации» происхождения правящей династии были свойственны не только Сефевидам. Так, Ш. Куинн отмечает, что османы возводили свое происхождение к Огуз-хану – легендарному герою-прародителю огузских племен, моголы же и вовсе – к Адаму, прародителю человеческого рода [15]. Кроме того, как отмечает Т.Светоховский, сделав шиизм официальной религией, шах Исмаил I прочно изолировал азербайджанцев от этнически и лингвистически схожих с ними османских тюрков, которые были суннитами [21, с. 104]. Как и Т. Светоховский, британский историк Э. Хобсбаум также указывает на этническую составляющую религиозной политики Исмаила I. Так, Э. Хобсбаум отмечает, что религия сыграла роль катализатора для национализма (о каком «национализме» может идти речь в средние века?! – Л.К.), в качестве же примера он приводит значение зороастризма при Сасанидах и шиизма при Сефевидах, внесших большой вклад в формирование иранского этно-национального определения [9:1992, с. 137].

Необходимо отметить, что большинство англоязычных исследователей, в частности таких как Р. Матти [11], Р. Сейвори [16], признает, что идея родственных связей Сефевидов с имамами, и, как следствие, их арабского происхождения, не что иное, как вымысел, фикция.

Тем не менее, большинство изученных нами работ позволяет нам сделать вывод, что все же в англоязычной историографии преобладают сторонники тюркского происхождения династии Сефевидов. Среди них можно указать таких авторитетных исследователей, как Р. Фрай, М. Маззаоуи, М. Прайс, Т. Сонн, Д. Айалон, А. Гольдшмидт, Л. Дэвидсон и др. [2, с. 109; 6, с. 143; 8; 12, с. 86-87; 19, с. 94; 14, с. 66].

В самом сочинении Ибн Беззаза «Саффат ас-сафа», на сегодняшний день являющемся первым источником, содержащим сведения о далеких предках Сефевидов, есть неопровержимые доказательства тюркского происхождения династии Сефевидов. Так, к примеру, при встрече Шейха Сефи со своими мюридами на земле персов Ширазе к нему обращались именно как к тюрку: «Эй, тюркский святой («*пир-и тюрк*»)…» [цитирую по: 24, с. 41]. К тому же, село Ардебиля, где жил Шейх Сефи, в сочинении характеризуется как «тюркское село» («*дех-и тюрк*»). Необходимо отметить, что, несмотря на внесенные по указаниям шаха Исмаила I и шаха Тахмасиба I тек-

стуальные изменения в поздние рукописи «Саффат ас-сафа», аналогичные факты тюркского происхождения династии Сефевидов есть даже в них.

Кроме того, считаем крайне необходимым подчеркнуть еще один факт тюркского происхождения династии Сефевидов. Прозвище предка Сефевидов Фирузшаха «Зерринкюлаха», о котором повествуется в «Саффат ас-сафа», в переводе с персидского означает «золотой головной убор». Очевидная аналогия с названием «кызылбаш» (означает «золотоголовые», «красноголовые», т.к. тюркские племена, составившие опору Сефевидской власти, носили чалму с 12 полосами в честь 12 имамов) позволяет предположить связь, преемственность, даже единое этническое происхождение предков Сефевидов с кызылбашами, ведь неслучайно государство Сефевидов называлось именно «*Девлет-и Кызылбаш*».

Тюркский язык на протяжении всего существования государства Сефевидов был не только разговорным языком членов правящей династии, придворной клики, военщины, но и дипломатической переписки, о чем свидетельствуют изученные как турецкими, венгерскими, так и отечественными исследователями письма шаха Сефи (1629 – 1642) к императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду II (1619 – 1639), шаха Султана Хусейна (1694 – 1722) – принцу Саксонии и королю Польши Фридриху Августу (1694 – 1733), шаха Тахмасиба I (1524 – 1576) – османскому принцу Селиму II (1566 – 1574) и английской королеве Елизавете Тюдор (1558 – 1603), русского царя Михаила Романова (1613 – 1645) – шаху Аббасу I (1587 – 1629), а также свидетельства европейских путешественников и послов (к примеру, Пьетро Делла Валле, Жан Шарден, Жан-Батист Тавернье, Адам Олеарий, Энгельберт Кемпфер и др.) [подробнее см.: 3, с. 184-185]. Известный немецкий тюрколог и филолог Г. Дёрфер утверждает, что с тех пор, как начиная с XVI в. Ираном стали управлять азербайджаноязычные правители и солдаты, около 1200 азербайджанских (тюркских) слов вошли в персидский язык, причем, азербайджанский язык исследователем причисляется к огузским тюркским языкам [7]. К тому же, шейх Сефи и шах Исмаил I писали стихи именно на тюркском языке (к примеру, «Диван» последнего). Как отмечают Х. Джавади и К. Буррилл, период правления Исмаила I и его сына Тахмасиба I считается самым ярким периодом в истории развития азербайджанского тюркского языка и литературы [10]. Х. Стейн отмечает, что в XVI – XVII вв. в Сефевидской Персии был засвидетельствован характерный тюркский язык, который европейцы часто называли персидским тюркским языком («*lingua turka agemica*»), являвшимся любимым языком двора и армии ввиду тюркского происхождения династии Сефевидов. Исходным названием языка был «*türki*», который может быть определен как средневековый азербайджанский язык [20, с. 228]. Вряд ли бы, будь основатель государства Исмаил I персом, движимым идеей «национализма», как о том утверждает большинство англоязычных исследователей, он стал бы говорить и сочинять стихи по-тюркски (тем более, в период, когда персидский язык был языком политики и показателем благовоспитанности в самой Османской империи и Индии), использовать в дипломатической переписке не свой родной персидский, а тюркский язык, и дал бы всю полноту власти в своем государстве тюркам, ведь общеизвестно, что тюрки и персы были несовместимы как «вода и масло». К тому же, единственным языком, на котором говорили и обучались *гуламы* – военный институт при шахе Аббасе I, – состоявшие из народов нетюркского происхождения, был именно тюркский.

Итак, изучение материалов англоязычной историографии показало, что в настоящее время среди англоязычных исследователей существует неоднозначное отношение к определению этноязыковой принадлежности династии Сефевидов, даже несмотря на наличие в самих источниках неопровержимых фактов их тюркского происхождения и тюркоязычности. Среди основных причин этого можно указать неумение англоязычных исследователей критически проанализировать средневековые источники, их незнакомство с результатами исследований отечественных ученых, а также, к сожалению, этнополитическая ангажированность некоторых англоязычных исследователей, главным образом персидского происхождения, выступающих с позиций паниранизма, под влияние которых нередко подпадают западные ученые, опирающиеся в своих произведениях на их научные труды.

Список литературы

1. Abbaslı M. Safevilerin kökenine dair // Belleten, C. XL, 19, TTK Basımevi, 1976, s. 287-329
2. Ayalon D. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. A Challenge to a Medieval Society. London: Vallentine, Mitchell & Co. Ltd, 1956, 154 p.
3. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar / S.S.Əliyarov və Y.M.Mahmudovun redaktəsi ilə. Bakı: Azərbaycan Universitetinin Nəşriyyatı, 1989, 328 s.
4. Bosworth C. The Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Handbook. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967, 268 p.
5. Daftary F. Intellectual Traditions in Islam. London, New York: I.B.Tauris, 2001, 272 p.
6. Davidson L., Goldschmidt A. A Concise History of the Middle East. 9th edition. Colorado: Westview Press, 2010, 555 p.
7. Doerfer G. Azerbaijan. VIII. Azeri (Āḏarī) Turkish. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-viii (дата обращения: 20.03.2016)
8. Frye R. Iran. V. Peoples of Iran. V (1). A General Survey. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/iran-v1-peoples-survey (дата обращения: 15.03.2016)

9. Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 206 p.
10. Javadi H., Burrill H. Azerbaijan. X. Azeri Turkish Literature in Iran. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-x (дата обращения: 22.02.2016)
11. Matthee R. Safavid Dynasty. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/safavids (дата обращения: 10.03.2016)
12. Mazzaoui M. Islamic Culture and Literature in Iran and Central Asia in the early modern period / Turko-Persia in Historical Perspective / Ed. by Robert L. London: Cambridge University Press, 2002, 78-103 p.
13. Perry J. Turkic-Iranian Contacts. I. Linguistic Contacts. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/turkic-iranian-contacts-i-linguistic (дата обращения: 15.03.2016)
14. Price M. Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook. California: ABC-CLIO, 2005, 376 p.
15. Quinn Sh. The Uses of Genealogy and Genealogical Information in Select Persianate and Bábí/Bahá'í Sources. A Preliminary Survey. URL: http://irfancolloquia.org/pdf/lights4_quinn.pdf (дата обращения: 25.02.2016)
16. Savory R. Ebn Bazzaz. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/ebn-bazzaz (дата обращения: 12.04.2016)
17. Savory R. Iran 1501-1629 / History of Humanity. Scientific and Cultural development. Vol. V / Ed. by Burke P., Inalcik H. London, New York: Unesco, 1999, p. 258-263
18. Savory R. Ismail I. I. Bibliographical and Historical / Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. IV / Ed. by. Bosworth C., Lewis B. Leiden: E.J.Brill, 1997, p. 186-187
19. Sonn T. A Brief History of Islam. 2nd edition. Singapore: Blackwell, 2010, 226 p.
20. Stein H. Traces of Turki-yi Acemi in Pietro della Valle's Turkish Grammar (1620) / Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case studies from Iranian, Semitic and Turkic / Ed. by Csato E., Isaaksoon B., Jahani C. London, New York: Routledge, 2005, p. 227-240
21. Swietochowski T. Azerbaijan. History / Eastern Europe, Russia and Central Asia 2003. 3rd edition. London, New York: Taylor & Francis, 2002, p. 104-108
22. Yarshater E. Azerbaijan. VII. The Iranian Language of Azerbaijan. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-vii (дата обращения: 27.03.2016)
23. Yarshater E. Iran II (2). Iran in the Islamic Period (651-1979). The Safavids (1501-1722). URL: http://www.iranicaonline.org/articles/iran-ii2-islamic-period-page-4 (дата обращения: 02.04.2016)
24. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку: Элм, 1981, 307 с.

З.Х. Киева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье рассмотрены фразеологические единицы ингушского языка, характеризующие человека как носителя национального менталитета. Проведена семантическая классификация фразеологических единиц, отражающих характер человека, его внутренний мир, что дает возможность выделить устойчивые сочетания с оценочным компонентом.

Ключевые слова: фразеологические единицы, ингушский язык, семантика фразеологических единиц, оценочный компонент

Z.H. Kieva

PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH, DESIGNATE A PERSON'S CHARACTER

Abstract: The article presents the results of the study of phraseological units of the Ingush language, which characterizes the person. Given a detailed semantic classification of phraseological units with the evaluative component that makes it possible to identify linguistic units expressing positive, negative and neutral evaluation of a person's character.

Key words: phraseological units, national character of the Ingush language, the semantics of phraseological units.

На современном этапе развития лингвистической науки заметно активизировались исследования, посвященные проблемам национально-культурной специфики фразеологических единиц, что обусловлено, главным образом, повышенным интересом к вопросам о взаимосвязи и взаимопроникновении языка и культуры различных народов в условиях глобализации.

Каждый язык отличается самобытностью, обусловленной жизнью народа, и в этом немалая роль отводится фразеологическим единицам как значимому фрагменту презентации лингвокультурной ментальности. В.Н. Телия отмечает, что «фразеологический состав языка – зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы навязывают носи-

телям языка особое видение мира, ситуаций» [4, с. 9]. Фразеологическая система с предельной полнотой показывает специфику образности речи того или иного народа, систему моральных, этических и эстетических ценностей, духовный исторический опыт.

Фразеологические единицы разных типов являются иллюстративной «формой выражения объективной реальности в сознании носителей языка, системных отношений самого мира реалий» [1, с. 45].

В.А. Маслова пишет, что фразеологические единицы передают от поколения к поколению культурные установки, эталоны и стереотипы носителей языка, фиксируя и отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа [2, с. 178].

Разностороннее изучение фразеологических единиц в первую очередь осуществляется на материале наиболее существенных для того или иного языка фрагментов языковой картины мира. К таким явлениям, имеющим немаловажное значение в плане отражения в языке особенностей менталитета народа, его лингвокультуры и национального характера, относятся фразеологические единицы, которые включают в себя обозначения реалий, связанных с человеком. Фразеологизмы, характеризующие человека, наиболее ярко отражают специфику познавательного и эмоционального опыта этноса, черты его материальной и духовной культуры.

По мнению В.Н. Телия, фразеологические единицы воспроизводят «характерологические черты народного менталитета» [4, с. 237].

Анализ материала показывает, что в ингушском языке функционирует значительное количество фразеологических единиц, неоднозначно характеризующих человека, которые, соответственно, неоднородны с точки зрения их семантики. Подобные фразеологические единицы по своему содержанию являются номинациями явлений, напрямую связанных с обозначениями действий и особенностей поведения человека, его качеств и свойств. Они дифференцируются в зависимости от значения, экспонируемого фразеологической единицей, накапливающей положительный, отрицательный или нейтральный компоненты содержания: одобрение, осуждение или отсутствие сильно выраженного отношения, констатирующих социально устоявшиеся оценки.

Фразеологические единицы ингушского языка, выражающие характер человека, могут быть дифференцированы по семантическим группам следующим образом:

1) фразеологические единицы, выражающие действия (процесс состояния), свойственные индивиду: *цхьан тхов кIал ваха* ‘жить под одной крышей’, *багара сискал яккха* ‘лишить куска хлеба’, *корта хьовзабе* ‘голову вскружить’, *ший моттиг ха* ‘знать свое место’, *кхеравенна са дIадахад* ‘душа в пятки ушла’, *лерг дилла* ‘прислушиваться, внимательно слушать’, *лерттIа лела* ‘хорошо вести себя’, *юхь Iаьржъяьй* ‘опозорил’, *вайна дIаваьннав* ‘как сквозь землю провалился’, *дог даха* ‘надеяться, любить’, *дог хьаста* ‘обрадовать’, *дог дохаде* ‘обидеть’, *юхь яга* ‘гореть от стыда’, *кий техай* ‘превзойти кого-либо’, *дог дилла* ‘потерять надежду’;

2) фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека: *хьаькъала корта* ‘умная голова’, *корта болх беш ба* ‘мыслит хорошо’;

3) фразеологические единицы, характеризующие речевую деятельность человека: *бага худар доаллаш санна* ‘будто во рту каша’, *ала йоIага – хаза несийна* ‘скажи дочери – услышь невестка’, *баге юхаоза* ‘держать язык за зубами’, *во мотт болаш* ‘со злым языком’;

4) фразеологические единицы, называющие и характеризующие различные движения человека в пространстве: *гIа баккха* ‘сделать шаг’, *бухь билла* ‘быстро’, *ког гIерттa* ‘сколько есть мочи’;

5) фразеологические единицы, характеризующие зрительное восприятие: *бIарг кхаба* ‘присматривать’, *бIарг кхета* ‘увидеть’, *бIарг тоха* ‘приглядеться, навестить’, *ча санна ийрча* ‘страшный, как медведь’, *карт санна хоза* ‘красивый, как картина’;

6) фразеологические единицы, характеризующие различные психофизические состояния человека: *са чукъувла* ‘терпеть’, *кер боаг* ‘волнуется, переживает’, *замеш тIабаьхкаб* ‘выйти из себя’, *дог дохаде* ‘обидеть’, *шахьа ваха* ‘взволнованный’, *вира хьоа биаб* ‘обезумел, сдурел’;

7) эмотивные фразеологические единицы: *дего тIаэцац* ‘душа не лежит’, *дег тIа кхера улл* ‘тяжело на душе’, *кертах цIи яьнна* ‘попасть в неприятность’, *оаз яхийта* ‘кричать’, *кер кIалтIабаьлча санна хувцавелар* ‘измениться в лице’;

8) фразеологические единицы, выражающие отношение к труду, работоспособность, деловитость, ловкость: *дошо кулгаш* ‘золотые руки’, *кулгаш хьалхьакха* ‘руки засучив’, *бIаргацIацкъам тохалехьа* ‘быстро’, *лийг санна* ‘будто лань’, *бIарга саьрг кхийттача санна* ‘трудиться не покладая рук’;

9) фразеологические единицы, выражающие красноречие: *дикача дешо лоам меттахьа баькккаб* ‘доброе слово гору с места сдвинуло’, *хозача дешо лакха лоам бошабаьб* ‘красивое слово высокую гору растопило’, дикача *дешо цIа хьалду – воча дешо дохаду* ‘хорошее слово дом строит – плохое слово разрушает’, *хабара шаьра* ‘разговорчивый’;

10) фразеологические единицы, характеризующие отвагу, удаль, стремительность, мужество: *берзал майрагIа* ‘храбрее, чем волк’, *лом санна майра* ‘храбрый, как лев’, *ша биа борз* ‘твердый, надежный’, *чIарх аьнна* ‘быстро’, *дог майра кIант* ‘не знающий страха’, ‘бесстрашный молодец’;

11) фразеологические единицы, характеризующие тепло, уют, радость: *дикалах дог дикъад* ‘стать счастливым’, *дикаца вIашагIкхеталда* ‘с добром встретимся’, *дикаца дукха вахалва* ‘живи долго в добром здравии’, *бIаргий селаIад* ‘радуга в глазах’;

12) символ помощи, дружественности, добра: *дика лоалахо – тешам, во лоалахо – эшам* ‘хороший сосед – доверие, плохой сосед – недостаток’, *дика хьаким – дуне, во хьаким – дохк* ‘хороший начальник – вселенная, плохой начальник – туман’;

13) фразеологические единицы, выражающие восхищение, восторг, радость, счастье, любовь: *лаьттах ког ца кхеташ* ‘обрадовавшись, радостно’, *безам болча – бала бац* ‘там, где любовь – горя нет’, *малх санна* ‘как солнце’;

14) фразеологические единицы, выражающие добрые пожелания, одобрение, любезность, вежливость: *модз эккха хьа бага* ‘пусть мед вольется в твой рот’, *беркат ма эшадолда шоана* ‘пусть благополучие не покидает вас’;

15) фразеологические единицы, выражающие огорчение, грусть, тоску: *кер чу сийна ала боаг* ‘душевное страдание, чувство тоски, жалости’, *дог лаз* ‘переживание, боль’, *бIаргех хий Iоухаш* ‘расстроенно’;

16) фразеологические единицы, выражающие насмешки, пренебрежение, презрение: *куралеи сонталлеи вала воаллаш* ‘умирая от амбиций’, *мотт бетта* ‘доносить’, *дог кхардар* ‘отвращение’, *йоахар дувца* ‘сплетничать’, *нахал ваккха* ‘опозорить’, *Iаьсашта юкъе баьнна уст мо* ‘ребячиться’, *юхь яйна* ‘без совести’, *гийга веха* ‘ненасытный’;

17) фразеологические единицы, выражающие негодование, возмущение, гнев: *сийна оарц дахьаш* ‘истерика’, *сигаленаш хьалъийеш, лаьтташ Iодетташ* ‘рассердиться, разгневаться’, *цIи йожа хьа белха* ‘возмутиться неудачей’;

18) фразеологические единицы, выражающие предупреждение, предостережение, угроза: *фе хила* ‘быть осторожным, остерегаться’, *урхаш дIа ма хеца* ‘управлять’, *дехке варгва хьо хьакха йшача санна* ‘угроза’;

19) фразеологические единицы, выражающие безразличие, равнодушие: *бе-башха доацаш* ‘все безразлично, не имеет смысла, все равно’, *сеца хий санна* ‘все нипочем, безразлично, никак не действует, не производит никакого впечатления’, *хьа валарга хьежжа да хьона деша яьси* ‘получить по заслугам’;

20) фразеологические единицы, выражающие жадность, скупость: *берза баге йолаш* ‘ненасытный, жадный’, *Iай дийхача лоа лургдоацаш* ‘зимой снега не выпросишь’, *ваха ваьннача хьаьшаца дика хиннав во фусамда* ‘с уходящим гостем плохой хозяин был ласков’, *фуъа чура чо боаккхаргболаш* ‘жадный, скупой’, *венначунна тIера мерчи доаккхаргдолаш* ‘небрезгующая жадность’, *чо шиъ боаккхаргболаш* ‘жадный, скупой’;

21) фразеологические единицы, выражающие зло, подлость: *мотт бетта* ‘доносить, наушничать, сплетничать’, *анаша гергволва* (проклятие) ‘пусть тебя радикулит скрутит’, *эгIазло лаца* ‘затаить обиду на кого-либо’, *тийшача белха ор даькккхар ше ор чу вахав* ‘копавший яму другому сам упал в яму’, *карта кIарг хьекхаш* ‘ничтожная месть’ и др. [3; 5].

Как показывает анализ, спектр фразеологических единиц ингушского языка, содержащих в себе характеристику человека, широк и многообразен. К группе фразеологических единиц, выражающих характер человека, относятся фразеологизмы с различными значениями: с положительным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения (например, одобрение); с отрицательным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения (т.е. осуждение); с нейтральным субъектно-оценочным компонентом (т.е. безотносительно к одобрению или осуждению).

Перечисленные фразеосемантические группы ингушского языка показывают, что с семантической точки зрения наблюдается квантитативно ровное функционирование фразеологических единиц, обозначающих индивида с положительной стороны (ум, трудолюбие, доброта, любовь, искренность, жизнерадостность, уважение, сдержанность, сопереживание, выносливость, отвагу, смелость), с отрицательной стороны (жадность, скупость, зло, коварство, глупость, равнодушие, пренебрежение, презрение) и с нейтральной стороны (отсутствие ярко выраженного отношения).

Таким образом, в семантике фразеологических единиц, обозначающих характер человека, отражается объективная реальность и субъективное отношение к ней самого человека как носителя определенного национального менталитета.

Список литературы

1. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения. Пермь, 1974. 296 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 208 с.
3. Патиев С.У. Структурно-семантическая характеристика устойчивых сочетаний ингушского языка. Магас, 2007. 134 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996. 288 с.
5. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь. Назрань. 2003. 131 с.

Ф.М. Костоева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИНГУШСКОГО И АШУЙСКОГО (АБХАЗСКИЙ, АБАЗИНСКИЙ, УБЫХСКИЙ) ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ взаимосвязи отраслевой лексики ингушского и ашуйского языков. На примерах лексических параллелей выявляются древние языковые связи отдельных народов, входящих в языковую общность.

Ключевые слова: лексические параллели, ингушский язык, ашуйский язык, нахские языки, сравнительное исследование.

F.M. Kostoeva

LEXICAL PARALLELS INGUSH AND AŠUJSKOGO (ABAZA, ABKHAZ, UBYKH) LANGUAGES

Abstract: In the article the comparative-comparative study of the interrelationship of industry vocabulary Ingush and ašujskogo languages. On the examples of lexical parallels identified ancient language connections of individual nations, members of the linguistic community.

Key words: lexical parallels, ingush language, language ašujskij, nakh languages, comparative study.

Как известно, ингушский язык – один из древнейших кавказских языков, образующий вместе с чеченским и бацбийским нахскую группу северо-восточнокавказских языков. В своем историческом развитии ингушский язык прошел длительный путь. Синхронно наличествует несколько научных взглядов о генезисе, истории, связи нахских языков с другими автохтонными кавказскими языками. Поэтому проведение сравнительных исследований ингушского языка с другими кавказскими языками также может результировать новыми гипотезами в свете решений этимологических проблем по нахским языкам. Как отмечает Г.А. Климов, положительное решение проблемы взаимоотношений всех групп кавказских языков «позволило бы на генетической основе объяснить происхождение по крайней мере части общекавказских структурных и материальных параллелизмов» [3, с. 127].

Исследование лексических параллелей ингушского языка с другими языками обусловлено отсутствием научных работ, систематизирующих отношение ингушского языка с современными кавказскими языками.

Сравнительно-сопоставительное исследование отраслевой лексики ингушского языка с другими северокавказскими языками, в частности западнокавказскими, можно считать одним из значительных вопросов в области изучения не только нахских, но и всех кавказских языков, генетическое родство которых, на наш взгляд, является доказанным фактом. Результаты, выявляемые при глубоком срезе и разностороннем анализе, могут оказаться общим для всех кавказских языков.

В абхазско-ингушских параллелях обнаруживаются общие основы, обозначающие наименования местностей, животных, зерновых культур и т.д.

Лексический материал из абхазского языка извлечен из дешифровки древнейшей письменности ашуйского (абазино-абхазско-убыхский) языка, датируемой XIX-XVI вв. до н.э. [7].

В силлабическом письме ашуйского языка большой интерес представляет слово *гъа*, являвшееся в древнеашуйском языке обозначением молодого ростка, выходящего из земли. Слово *гъа* (< совр. абх. *гъара* «всходы»), как нам представляется, соответствует в нахских языках словоформе *га* (ср. инг. *га* «дерево», чеч. *га* «ветка дерева»). В специальной литературе отмечается, что данное слово в абхазском языке первоначально имело звучание *гIьа* и употреблялось в значении «семя» [5, с. 90], звучащее в ингушском языке как *ги* в форме множественного числа в том же значении. Согласно Г.Ф. Турчанинову, в древнеашуйском языке слово употреблялось с семантикой «племя» [7, с. 13]. В данных примерах мы наблюдаем соответствия между смычными непалатализованными и палатализованными фонемами (гъ ≈ г; г´≈ г´) в ашуйском и ингушском языках.

Фонетический облик и произношение лексемы «лев» в сравниваемых языках является еще одним примером, подчеркивающим их общность (ср. инг. *лом,* абх. *лым (←лама), а / ы // о).* В ашуйском языке слово *лым* образовано путем сложения основ: *ла* «сила» и *ма* – первичная форма корня глагола «иметь», в результате редукции *ы* в корне первого слова. Относительно абхазо-адыгского звука ы (среднего ряда среднего подъема) Ю.Д. Дешериев отмечает, что он исторически представлял вначале позиционно-обусловленный фонетический вариант [а] [1, с. 519]. Из чего можно сделать следующий вывод – ингушская фонема [о] и ашуйская [ы] исторически восходят к одной фонеме [а], причем [ы] сохранилась лишь в абхазском языке. В ингушском языке употребителен глагол *мага* в значении «мочь», в котором, возможно, сохранилась первая часть древнего глагола *ма.*

Абхазское слово *амра* (ср. абаз. *амара,* убых. *мара*) «солнце» созвучно с нахским *малх* в том же значении (ср. древненах. *Ма* «солнце»), о чем свидетельствует ингушское выражение *Ма (Маг1о) ба дунен го боккхаш* «Ма (Маг1о) обходит Мир кругом» [2, с. 479].

Понятие душа в ашуйском языке обозначалось словом *цса* (→ *цсы*), коррелирующий в нахских языках с *са* «душа», но только без глухой свистящей аффрикаты *ц* (ср. чеч., инг. *са* «душа»).

Общенахское слово *ц1а* «дом», «род», как нам представляется, сопоставимо с ашуйскими параллелями в том же значении (ср. убых. *цуы* «дом», абх. *цу* «род»). Примечательно то, что в убыхском языке, в котором сохранилась в большей степени архаичная лексика древнеашуйского языка употребительно слово в значении, близком нахским языкам. Как видим,

в древнеашуйском языке глухой свистящей аффрикате *ц* в нахском языке соответствует абруптивная свистящая аффриката *ц1*. Такие же соответствия наблюдаются и в отношении гласных фонем: ашуйской гласной *уы // у* в нахских языках соответствует *а,* как отмечалось, являющейся более древней фонемой в названных языках.

В ингушском языке слово *ц1а,* как нам представляется, является соматическим наименованием (сравн. *ц1а* «утроба»), а термины, связанные с соматическими терминами, представляют интерес в связи с тем, что «обычно указанная группа слов стоит в ряду исконных для языка» [4, с. 257].

Относительно возникновения нахской лексемы *ц1а* в специальной литературе существует и другая точка зрения. Так, по мнению Х.Д. Ошаева, в основе данной лексемы лежит слово *цIи* (чеч. *цIе*) «огонь» − генетически общее во всех иберийско-кавказских языках. Х.Д. Ошаев относит *цIи* «огонь» к звукоподражательной основе (*цIе-цIе* – удар камней при высечении огня древним человеком) [6, с. 56]. Сказанное подтверждает общность северокавказского и западнокавказского языков в древний период развития носителей названных языков.

В современных абхазском и абазинском языке употребительно слово *ча* «рот», «внутри», известное в ингушском как *че* «нутро», «внутренность».

Ашуйское слово *ашьа* «брат» соответствует в том же значении ингушскому *воша (чеч. ваша)*, где в анлауте имеется классный показатель *в.*

Таким образом, фонологический и семантический анализ некоторых приведенных параллелей указывает на генетическую близость нахских и абхазо-адыгских языков с претензией на взаимосвязь между названными языками в древний период развития ингушского языка.

Список литературы

1. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1963. 555 с.
2. Тариева Л.У. Ингушско-русский словарь / Л.У. Тариева, Ф.М. Илиева и др. Магас, 2008.
3. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала, 2007. 248 с.
4. Колесникова В.Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
5. Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957–1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.)
6. Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавказский этнографический сборник (Очерки по этнографии горной Ингушетии). Тбилиси: Мецниереба 1968. Т.2. 127 с.
7. Турчанинов Г.Ф. Открытие и расшифровка древнейшей письменности. – М.: Ин-т языкознания РАН, Моск. Исслед. Центр абхозоведения, 1999. 263 с.

Л.В. Кубанова

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА АБАЗИН В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: В статье рассмотрены этноязыковые проблемы малочисленного народа Карачаево-Черкесской Республики – абазин. Абазинский язык является одним из государственных языков Карачаево-Черкесии. В статье рассмотрены меры, предпринимаемые как государственными органами власти, так и институтами гражданского общества по сохранению и развитию абазинского языка.

Ключевые слова: малочисленный этнос, абазины, абазинский язык.

L.V. Kubanova

ETHNOLANGUAGE PROBLEMS OF THE SMALL PEOPLE THE ABAZIN IN THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC

Abstract: In article ethnolanguage problems of the small people of the Karachay-Cherkess Republic – the Abazin are considered. The Abazin language is one of state languages of Karachay-Cherkessia. In article the measures undertaken both by government bodies of the power, and institutes of civil society on preservation and development of the Abazin language are considered.

Key words: small ethnos, Abazins, Abazin language.

В условиях многосоставного российского общества и федеративного полиэтничного государства как никогда усиливается роль регионального измерения этнополитики. Российские регионы в силу исторических и социокультурных особенностей приобретают этнополитически значимые характеристики, требующие специального изучения и анализа. За последние два десятилетия Российская Федерация прошла трудный путь по решению национального вопроса, который в политико-правовом аспекте определяется концептуальной эволюцией от Концепции государственной национальной политики Российской Федерации

(1996) до Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) [4].

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [6] среди основных вопросов, требующих особого внимания государственных и муниципальных органов, обозначены:

– сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;

– обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;

– создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

– поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией.

Основными принципами государственной национальной политики Российской Федерации являются:

– государственная поддержка и защита культуры и языков народов Российской Федерации;

– обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни;

– сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

– создание условий для обеспечения прав народов России в социально-культурной сфере;

– обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков народов России.

По данным переписи 2010 г. в Российской Федерации проживает 43 341 абазин. Наибольшая часть этноса проживает в Карачаево-Черкесской Республике. Абазины являются четвертым по численности народом в Карачаево-Черкесии, их численность по данным переписи 2010 г. составляет 36919 человек (7,8% от общей численности населения).

Абазины законодательно признаны коренным малочисленным народом. Законодательство о гарантиях прав народа абазин основывается на соответствующих нормах Конституции Российской Федерации, Конституции Карачаево-Черкесской Республики, признанных Российской Федерацией нормах международного права и состоит из Федерального закона от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7] и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации, а также Закона Карачаево-Черкесской Республики от 12 ноября 2001 года N 27-РЗ «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» [1] и иных нормативно-правовых актов Карачаево-Черкесской Республики.

В статье 1 Республиканского Закона «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» оговорено: «Коренной малочисленный народ абазин в Карачаево-Черкесской Республике – народ, проживающий в Карачаево-Черкесской Республике на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющий традиционные образ жизни, хозяйствования и промыслы, насчитывающий менее 50 тысяч человек в Российской Федерации и осознающий себя самостоятельной этнической общностью».

Абазинский язык является одним из государственных языков Карачаево-Черкесии. Его изучают в начальной, средней и высшей школе, а также на уровне послевузовского образования. Научное исследование проблем абазинского языка осуществляется на кафедре абазинской и черкесской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Алиева, а также в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований.

На абазинском языке издается газета «Абазашта», а также журналы «Абазги» и «Марамыз», художественная литература и книги для детей, учебники и учебные пособия для средней школы и вуза. Регулярно ведутся тематические телепередачи и радиопрограммы на абазинском языке Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Карачаево-Черкесия». Для сохранения и популяризации абазинского языка важное значение имеет активизация всех сфер национальной культуры, в том числе театра. В Карачаево-Черкесии функционируют Государственный республиканский абазинский драматический театр, а также Абазинский народный театр «ИНЖИЧ».

Однако существует ряд обстоятельств, которые сдерживают развитие абазинского языка, а иногда даже способствуют снижению его функциональной востребованности. По мнению ученого-филолога С. Пазова, изучение родного языка в республике осложнено отсутствием хороших учебников, программ, методических пособий, дидактических материалов. Недостаточно художественной и переводной литературы [3, с. 39]. В улучшении работы по изданию учебников по родным языкам и литературам усилия объединяют соответствующий комитет Народного Собрания (Парламента) КЧР, Министерство образования и науки КЧР и Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования.

В последние годы ситуация с выпуском учебников на родных языках улучшилась. Однако из года в год требования к учебникам и их изданию повышаются. Так, в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», все учебно-методические комплекты для начального, основного и среднего общего образования на родных языках должны быть переработаны или разработаны вновь, чтобы соответствовать новым стандартам. С 2015 года все учебники обязательно должны иметь электронную версию. Кроме того, все учебники должны быть включены в федеральный перечень учебников и учебных пособий, выпущенных уполномоченными на это организациями. Таким образом, в Карачаево-Черкесии в ближайшее время потребуется предусмотреть

значительные финансовые средства на разработку и издание региональных учебно-методических комплектов по родным языкам и литературам, в том числе электронных [2].

Развитие информационно-коммуникативных технологий открывает доступ к неограниченным объемам информации, что приводит к изменениям в подходах к обучению. В настоящее время использование Интернет-ресурсов может позволить повысить мотивацию к самостоятельному обучению родного языка. Поэтому необходимо поддерживать и развивать имеющиеся информационные ресурсы, в том числе электронные. На сайте Международного объединения содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» размещен международный журнал «Страна Абаза», в котором публикуются статьи по актуальным вопросам абазино-абхазской истории и культуры, очерки и зарисовки об интересных людях, аналитические исследования и многое другое. В разделе «Библиотека» выложено около 50 единиц художественной, научной литературы и словарей, а раздел «Музей» предоставляет возможность совершить виртуальную прогулку по этнографическому музею аула Эльбурган. На сайте «Абаза 26» размещен русско-абазинский разговорник, на сайте союза абазинской молодежи «Шарпны» размещен лингафонный курс абазинского языка.

В 2015 г. в Карачаево-Черкесской республике был проведен социологический опрос по проблемам этнокультурного образования, в ходе которого были опрошены родители учащихся общеобразовательных школ начальной, средней и высшей ступени образования, учащиеся школ и вузов республики, учителя школ и преподаватели вузов [5]. На вопрос: «Как Вам кажется, в ближайшие годы в Вашем регионе будет ли достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в школьном обучении своих детей родным языкам, помимо русского языка?» более половины (61%) экспертов ответили оптимистично. Пятая часть опрошенных экспертов (21%) считают, что в ближайшие годы не будет желающих изучать родные языки, чуть меньше (18%) затруднились с ответом на этот вопрос.

По мнению 45% опрошенных экспертов сокращение (или полное отсутствие) родных языков и этнокультурного содержания образования в школах может способствовать ассимиляции этнических групп. Не видят в такой ситуации потенциал этнической ассимиляции 34% экспертов, 21% затруднились с ответом.

Больше половины респондентов (63%) полагают, что сокращение (или полное отсутствие) родных языков и этнокультурного содержания образования в школах может стать поводом недовольства общественности в Карачаево-Черкесской Республике.

69,6% опрошенных школьников и студентов среди абазин в семье или при общении с друзьями и знакомыми используют родной язык. При этом 30,4% опрошенных не используют при общении абазинский язык. Среди причин, по которым опрошенные не общаются на абазинском языке, были названы следующие:

– не знаю родной язык (мало знаю родной язык) – 13,0%;

– окружающие не знают моего языка – 60,9%.

Данные опроса говорят о том, что в республике достаточно высокий запрос на изучение родных языков. Сокращение или полное отсутствие родных языков и этнокультурного содержания образования в школах может с большой вероятностью привести к ассимиляции малых этнических групп и стать поводом недовольства общественности в регионе.

2015 г. год в Карачаево-Черкесии был объявлен Годом русского и родных языков. В связи с этим в течение года в республике были проведены мероприятия, направленные на поддержку родных языков. В Общественной палате КЧР состоялся «круглый стол», на котором представители Министерства образовании и науки КЧР, национальных общественных организаций, ученые-филологи, учителя родных языков обсуждали необходимость увеличения количества часов занятий на родных языках народов КЧР в общеобразовательных организациях республики. Некоторые участники «круглого стола» высказывались за введение обучения детей на родных языках.

С целью повышения престижа профессии учителя родного языка, выявления и поддержки творческих учителей, реализующих в своей деятельности принципы двуязычия и диалога культур, направленных на сохранение единства образовательного и культурного пространства России, обобщения передового педагогического опыта в области преподавания родных языков на основе этнокультурной направленности и взаимосвязи родного и русского языков в Карачаево-Черкесии ежегодно проводится республиканский конкурс «Учитель родного языка».

В республике регулярно проводятся научно-практические мероприятия, на которых поднимаются актуальные вопросы сохранения и развития абазинского языка: проблема сокращения детей, владеющих абазинским языком; падение интереса к родному языку и этнокультуре в абазинских семьях; ассимиляция абазин, проживающих за пределами республики; нехватка квалифицированных специалистов во всех сферах функционирования абазинского языка; нехватка абитуриентов на отделениях абазинского языка в Педагогическом колледже и КЧГУ.

На ежегодных «Клычевских чтениях» прозвучали предложения о создании координационных советов по языковой политике при попечительстве Главы КЧР Р. Темрезова и ассоциации учителей родных языков. На международном круглом столе «Абазины и абхазы: перспективы сохранения и развития языков и историко-культурное наследие», прошедшем в марте 2015г., ученые, занимающиеся исследованием языка, обсудили вопросы сохранения и развития абазинского и абхазского языков, в рамках которых обсуждался вопрос создания единого абхазо-абазинского алфавита.

Реалиями национально-культурного возрождения стали рост этнического самосознания, локальная идентификация этнических меньшинств, активизация их движения к самоорганизации, создание национально-культурных сообществ. В республике

авторитет лидеров общественных организаций национально – культурной направленности традиционно высок. Общественные организации воспринимаются народами Карачаево-Черкесии как легитимные, представительные органы, выражающие интересы каждого из народов и способные инициировать решение проблем этих народов. В качестве основного вектора деятельности абазинские национальные общественные организации называют этнокультурное развитие народа, сохранение языка.

Абазинские общественные организации регулярно проводят массовые мероприятия, которые привлекают внимание общественности и средств массовой информации к культуре коренного малочисленного народа абазин, и направленные на сохранение абазинской культуры, в первую очередь, абазинского языка, такие как, ежегодный конкурс песни «Абаза», день культуры народа Абаза, и др.

Процессы глобализации могут привести к стиранию культурных различий, утрате самобытности культур малых народов. Решение проблем сохранения этнической самобытности народа, выражающееся, в первую очередь, в сохранении национального языка, культуры, исторического и культурного наследия требует консолидации усилий государственных органов власти и институтов гражданского общества при осознанно уважительном отношении к родному языку и культуре непосредственно самих представителей народа. Законодательных документов для поддержки абазинского языка, фактически являющегося языком этнического меньшинства, сегодня явно недостаточно. Необходимо разработать и утвердить специальную государственную программу сохранения абазинского языка.

Список литературы

1. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 12 ноября 2001 года N 27-РЗ «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике». URL: http://docs.cntd.ru/document/802053275 (Дата обращения 14.05.2016)

2. Об издании учебников абазинского языка и литературы. URL: http://alashara.org/ (Дата обращения 14.05.2016)

3. Пазов С.У. Абазинский язык: проблемы функционирования и развития на современном этапе // Сборник докладов Международного круглого стола Абазины и абхазы: перспективы сохранения и развития языков и историко-культурного наследие». Черкесск, 2015. С.36-41/

4. Савинов Л.В. Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского Федерального округа). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2013.

5. Социологический опрос проведен в рамках реализации государственного задания образовательным организациям высшего образования на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности на 2015 г. Проект № 3434: «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; исследование проблем зарубежных северокавказских диаспор, в т. ч. черкесской, в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России в Ставропольском крае и в Северо-Кавказском федеральном округе; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Северо-Кавказского федерального округа».

6. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf(Дата обращения 14.05.2016)

7. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: http://constitution.garant.ru/act/right/180406/ (Дата обращения 14.05.2016)

Д.М. Магомедов

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена сохранению языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет значительную роль в формировании личности, национального характера и этнической общности народа в целом.

Ключевые слова: самосознание, идентичность, дагестанские языки, культура, лингвострановедение, двуязычие, экология языка

D.M. Magomedov

THE PRESERVATION OF THE LINGUISTIC AND ETHNO-CULTURAL VALUES OF THE DAGESTANPEOPLES ASMEANS OF PRESERVING THE NATIONAL IDENTITY

Abstract: The article focuses on the preservation of the linguistic and ethno-cultural values of the peoples of Dagestan as means of preserving the national identity. A very important function of a language is that it preserves the

culture and transmits it on from one generation to another one.That is why the language plays a significant role in shaping the personality and in forming the national character and the ethnic community of the people on the whole.

Key words: identity, Dagestan languages, culture, linguistic and regional geography, cultural studies, bilingualism, language ecology.

Язык всегда был признаком, идентифицирующим нацию, отсюда и постулат «Нет языка – нет нации». Без него нет и культуры – все структуры национальной культуры пронизаны им, т. е. язык является способом существования национальной культуры.

Язык является необходимым условием существования и развития общества, элементом духовной культуры нации и важнейшим средством человеческого общения, особенно межкультурного. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений языкового сообщества о мире. Язык и культура тесно связаны и взаимозависимы. Культура, как комплексный человеческий опыт (национальный, этнический, религиозный и т. д.), находит свое отражение в языке, стиле общения, традициях, обычаях, верованиях, представлениях и ценностях общества.

Вопрос связи языка с культурой – это один из тех вопросов языкознания, изучение которого имеет действительно практическую пользу. Прежде всего, при изучении родного языка и его истории [1, с. 371]. Кроме изучения родных языков существует другой аспект не меньшей важности – изучение иностранных языков. Прежде всего, при изучении иностранного языка огромную важность имеет представление учащегося о степени глубины или достоверности связи тех или иных переводных эквивалентов. Без знания соответствующих коннотаций, присутствующих в иностранном языке, невозможно полностью понять весь смысл, заложенный в том или ином высказывании.

Одно из центральных направлений лингвистических исследований социальной и культурной обусловленности языка – лингвострановедческое направление. Лингвострановедение можно определить как изучение культуры страны параллельно с изучением самого языка. Предметом лингвострановедения служит культура, как она выражена на изучаемом языке.

Наиболее наглядно разнообразные функции языка проявляются в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена явлениями материального мира, социальными факторами.

Прежде всего, в лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа. Существование тех или иных лексических единиц объясняется как бы практическими потребностями. Например, жители Чукотки имеют до десяти названий снега, соответствующих его различным состояниям, а эскимосы различают даже до 100 различных оттенков снега, каждому из которых соответствует свое название. Арабы пользуются многочисленными названиями различных пород лошадей. В русском языке десятки названий рыб, а в дагестанских языках для передачи разнообразных видов рыб существует обобщенное название – рыба (в аварском языке – *ччугIа*, в кумыкском – *балыкъ, чабакъ*, в даргинском – *гъабш, бялихъ*, в лакском – *хIава, балугъ*, в лезгинском – *гъед*, в табасаранском – *чичI* и т. д.). Разумеется, что здесь нельзя ставить вопрос о бедности или богатстве того или иного языка. Некоторые языки бедны средствами выражения разных аспектов окружающей среды, но они гораздо богаче в плане выражения переживания или умонастроений, специальной, технической и научной терминологии. Поэтому простое сравнение лексического богатства или так называемой бедности разных языков – вещь не совсем корректная.

Наукой доказано родство дагестанских языков. Частично выявлен общедагестанский лексический фонд, установлены основныезвукосоответствия между родственными языками, сделана попытка реконструкции фонетической системы общедагестанского праязыка.

К лексическим единицам, унаследованным каждым дагестанским языком от дагестанского праязыка, относятся слова основного словарного фонда – многие названия частей тела и болезней, членов семьи и родственников, небесных тел и явлений природы, окружающей местности, некоторых растений, продуктов питания, домашних и диких животных, числительные (единицы, десятки), личные и указательные местоимения, глаголы, обозначающие самые необходимые действия, отдельные прилагательные и т. п., то есть те лексические единицы, без которых немыслимо функционирование даже самого неразвитого («примитивного») языка.

Все изменения, происходившие в сфере материальной и духовной культуры народа, находят свое соответствующее отражение в словарном фонде языка. В частности, еще в самый ранний период самостоятельного функционирования в лексике дагестанских языков появились такие слова, как «соха», «ярмо», «лемех», «коса», «молотильные доски», «мельница», «арка», «свод», «войско», названия материй, одежды, обуви и т. д. и т. п.

Например:

Соха – авар.*пуруцц*, ахвах. *гIебеце*, багв. *перусI*, годоб. *рецци*, карат. *бецце*, тинд. *бецци*, *берец*, чамал. *бийаца*, бежт. *боос*, гинух. *берус*, цез. *бирус*, дарг. *дурадз*, лак. *хъарас*, агул. *дуруц*, арч. *ганас*, будух. *диннаьр*, крыз. *динар*, лезг. *туьрез*, рут. *дылан*, таб. *цруц*, *цуруц*, удин. *пенцц*, хиналуг. *ынгаз*, цах. *вейца*.

Лемех – анд. *бесун*, ахвах. *кькьобо*, багв. *кькьоб*, ботл. *кькьулу*, карат. *кькьобе*, тинд. *кькьоба*, чамал. *кькьоб*, *кькьубу*, годоб. *бесун*, бежт. *хъоI*^{н}, ботл. *кькьулу*, гинух. *хъу*, цез. *хъаб*, лак. *мах* (букв. «железо», *хъурссул* мах букв. «сохи железо»), агул. *магъ*, будух.

говосун, крыз. *магъ*, лезг. *магъ*, рут. *магъ*, таб. *мукьу*, удин. *гавасен*, хиналуг. *къгу*, цах. *магъ*.

Зеркало – дарг. *даIхIимцIала*, лак. *дагьани*. арч. *дагьани*, *дахан*, цах. *наххвари*.

Ярмо – авар.*рукь*, анд. *рикьIо*, ахвах. *рукьье*, багв. *рукьь*, ботл. *рукььи*, годоб. *рукььи*, чамал. *вукьь*, бежт. *йукьо*, *рукьо*, гинух. *рокьу*, гунз. *рукьу*, хварш. *рикьа*, цез. *рекьу*, дарг. *дукI*, лак. *рукI*, агул. *уркагъ*, арч. *окьь*, крыз. *укар*, лезг. *вик*, таб. *йиркквагъу*, удин. *оIкъ*, хиналуг. *инг*, цах. *оIк*.

Ковер – авар.*тIанса*, ботл. *тIансса*, годоб. *тIансса*, карат. *тIансса*, дарг. *тIамса*, агул. *тIамыс*, цах. *тIамс*, лак. *ххютIа*, *хъа*.

Ключ, ***замок*** – авар.*кIул* «ключ», анд. *рекIул*, ахвах. *рикIалIи*, багв. *рекIул*, ботл. *рекIул*, годоб. *рекIул*, карат. *рекIул* «ключ», тинд. *рикIа* «ключ», *ражикIа* «замок», чамал. *йикIул* «ключ», «замок», бежт. *йига*, *рига* «ключ», гинух. *локи* «ключ», гунз. *рига* «ключ», хварш. *лека* «ключ», цез. *река* «ключ», лак. *кIула* «ключ», *кьункьула* «замок», агул. *эшлегв* «ключ», арч. *лъеремкIул* «замок», лезг. *ккуьлег* «ключ», рут. *гулег* «замок», удин.*бикIул* «ключ», цах. *мыкIей* «ключ».

Мельница – авар. *гьобо*, анд. *ихоб*, ахвах. *хваба*, багв. *гьваб*, ботл. *хваби*, годоб. *хваби*, карат. хабу, *гьоби*, тинд. *хваба*, чамал. *хваб*, *хваба*, *гьваба*, бежт. *гьабой*, гинух. *гъемер*, гунз. *гьабур*, дарг. *урхав*, лак. *гьарахъалу*, лезг. *регъв*, агул. *рахI*, рут. *рухI*, таб. *раIгъ*, цах. *йоIххIа*, хиналуг. *зах* и т. д.

Связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Большое число пословиц, поговорок отражают специфические национальные черты, корнями своими уходят в историю народа, его быт, обычаи, традиции. Язык – кладовая культуры. Язык хранит культурные ценности в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах и поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Сравним, например, аварские и русские фразеологизмы: *ЦоцIулбоце, анкьцIулкъотIе – Семь раз измерь, один раз отрежь*. *Вакъарасда г1орцIаравлъаларо – Сытый голодного не разумеет*. *Риидал тIимугъбосе, хасалобуртинабосе* («Летом шубу покупай, а зимой – бурку») – «Готовь сани летом, а телегу – зимой» и т. д.

Как доказывают многочисленные примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, а особенно в практике преподавания и изучения родного языка.

Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет значительную роль в формировании личности, национального характера и этнической общности народа в целом.

С развитием культуры общества словарный состав каждого языка пополняется новыми понятиями и терминами, некоторые старые термины получают новые значения, расширяется область специальной лексики. Вместе с тем, приток новой терминологии сопровождается исчезновением или оттеснением некоторых терминов, которые больше не отражают современный уровень развития наук.

Расширение функций литературного языка и распространение его среди широких масс населения вызывает необходимость установления единых орфоэпических и грамматических норм. Учитывая это обстоятельство в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН подготовлены к изданию нормативные грамматики академические словари по литературным языкам Дагестана. Конечно же, грамматический строй, а отчасти и словарный состав современных литературных языков изменяется гораздо медленнее по сравнению с грамматическим строем и словарным составом дагестанских бесписьменных языков (их в Дагестане насчитывается 18).

Развитие культуры естественно связано с усилением контактов с различными регионами страны и мира, имеющими своей целью обмен опытом в самых различных областях науки и техники, в связи с чем, возникает интернациональная терминология. Перевод технической и научной литературы неизбежно ведет к появлению в социальных сферах языка общих стилистических черт и особенностей.

Культура – основа здания общественной жизни. И не только потому, что она передается от одного человека к другому в процессе социализации и контактов с другими культурами, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе. По всей видимости, члены одной культурной группы в большей мере испытывают взаимопонимание, доверяют и сочувствуют друг другу, чем посторонним. Их общие чувства отражены в сленге и жаргоне, в любимых блюдах, моде и других аспектах культуры.

Общий язык также поддерживает сплоченность общества. Он помогает людям координировать свои действия благодаря убеждению или осуждению друг друга. Кроме того, между людьми, говорящими на одном языке, почти автоматически возникают взаимопонимание и сочувствие. В языке находят отражение общие знания людей о традициях, сложившихся в обществе, и текущих событиях. Короче говоря, он способствует формированию чувства группового единства, групповой идентичности. Вот почему руководители некоторых регионов остро ставят вопрос о защите единого национального языка, чтобы он активно распространялся среди граждан, понимая значение данного фактора для сплочения всей нации и борьбы с разобщенностью.

Осмысление проблем общения людей, принадлежащих к разным культурам и говорящих на разных языках, стало особенно важным в современных условиях, когда большинство государств имеет тенденцию к полиэтничности и многоязычию.

В Дагестане мы наблюдаем ситуацию, когда народы, живущие веками на сопредельных территориях и говорящие на разных языках, овладевают языком соседей. Представители малочисленных языковых общностей, находящиеся в окружении более крупных языковых групп, обычно осваивают язык крупного этноса (например, андо-цезские народы испокон веков владели аварским языком).

Хотя язык является могучей объединяющей силой, в то же время он способен и разобщать людей. Люди, использующие данный язык, считают всех, говорящих на нем, своими, а людей, говорящих на других языках или диалектах, – чужими. В каждом полиэтничном государстве для решения проблем межкультурной коммуникации возникает, развивается и функционирует язык-посредник. В условиях Дагестана таким языком стал русский язык, выступающий фактором единства народов Дагестана. Владение русским языком стало необходимым условием оптимальной реализации интеллектуального потенциала дагестанцев, 80 % которых сегодня свободно владеют русским языком и являются носителями национально-русского двуязычия.

Язык – наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре, универсальное хранилище национального самосознания, свойств характера в грамматических категориях.

Начиная со времен Византии, делались попытки заменить языковое многообразие одним или несколькими языками. Было создано около тысячи проектов искусственных языков, их целью было достигнуть всеобщего понимания для человечества. Самыми известными из них были **воляпюк** и **эсперанто.** Одним из ярких пропагандистов эсперанто в нашей стране является известный дагестанский журналист Абдурахман Юнусов.

Как известно, язык – явление социальное. Им нельзя овладеть вне социального взаимодействия, т. е. без общения с другими людьми. Хотя процесс социализации в значительной мере основан на имитации жестов – кивков, манеры улыбаться и хмуриться, – язык служит основным средством передачи культуры. Другой его важной чертой является то, что на родном языке практически невозможно разучиться говорить, если его основной словарный запас, правила речи и структуры усвоены в возрасте восьми или десяти лет, хотя многие другие аспекты опыта человека могут быть полностью забыты.

У всех народов язык тесно связан с чувством национального самосознания, с неповторимыми ассоциациями образного мышления, обусловленными особым семантическим наполнением каждого слова – культурными смыслами.

За истекшее историческое время человечество утратило тысячи языков и продолжает их терять. Исчезли не только древнегреческий, древнеперсидский, латынь, древнетюркскиеязыки, язык майя и множество других. В Дагестане сегодня мы равнодушно наблюдаем за процессом угасания не только бесписьменных, но и литературных языков. К сожалению, процесс этот продолжается. Поэтому в последнее время все больше лингвистов, этнологов, социологов поднимают вопрос о необходимости сохранения лингвистического многообразия и продвижения в общество идей «экологии языка», что свидетельствует о том, что в условиях развивающегося диалога культур перед нами встала острая проблема выработки новых стратегий языковой политики.

Фактически язык – не только философия мира, но и сам этот мир. Поэтому гибель любого языка – это гибель целого мира, неповторимого и оригинального.

Список литературы

1. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала, 2013. 558 с.
2. Магомедов М.И. Лексика – национальное богатство народа // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. Махачкала, 2014. 461 с.

М.И. Магомедов

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы сохранения, функционирования и развития дагестанских языков. Билингвизм во многом обеспечивает психологический комфорт в общении, воспитывает толерантное отношение к представителям другой национальности, способствует реальному диалогу культур.

Ключевые слова: дагестанские языки, двуязычие, бесписьменные языки, многоязычие, русский язык, билингвизм, социолингвистика.

M.I. Magomedov

THE PROBLEMS OF PRESERVATION, FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF THE DAGESTAN LANGUAGES AT THE MODERN STAGE

Abstract: The article deals with the problems of preservation, functioning and development of the Dagestan languages. Bilingualism largely provides a psychological comfort in communication, educates a tolerant attitude to the represents of other nationalities, promotes real dialoguebetween cultures.

Key words: Dagestan languages, bilingualism, unwritten languages, multilingualism, Russian language, sociolinguistics

Дагестан – многоязычный регион. Здесь – 14 письменных языков (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский и 18 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский,

багвалинский, бежтинский, ботлихский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, крызский, тиндинский, удинский, хваршинский, хиналугский, цезский, чамалинский).

Важность проблемы, связанной с преподаванием, сохранением, функционированием и дальнейшим развитием дагестанских языков и литератур, совершенствованием этнокультурного образования, не вызывает сомнений, поскольку от ее решения во многом зависят поддержание межэтнического согласия, ведение плодотворного межнационального диалога и равноправное развитие культур народов Российской Федерации. Именно двуязычие (или билингвизм) во многом обеспечивает психологический комфорт в общении, воспитывает толерантное отношение к представителям другой национальности, способствует реальному диалогу культур.

Состояние дагестанских языков следует охарактеризовать как критическое. На них оказывают воздействие рост социальной престижности родного языка и естественное желание билингвов, чтобы их родной язык вполне соответствовал уровню их духовного развития [1, с. 34]. При этом подобная адекватность недостижима. С одной стороны, звучат бесконечные призывы к изучению родного языка горожанами, не знающими его, с другой – реальная невозможность создать даже минимальные экстралингвистические условия, которые бы стимулировали желание или необходимость знать его. Забвение родного языка, как справедливо считают специалисты, озабоченные состоянием экологии языков малочисленных дагестанских народов, ведёт к отходу от культуры и традиций своих предков, к эрозии генофонда этноса. В то же время подобная критика не учитывает объективных обстоятельств утраты индивидом, семьёй или целой диаспорой своего родного языка.

Субъективных причин, драматизирующих языковую ситуацию, немало. В Дагестане, например, вызывает серьезную тревогу такое положение, когда многие начальные школы в сельских районах отказываются от программы для национальных школ, где обучение должно вестись на родных языках, и переходят на городскую программу обучения. Таких школ в 2015 году в Дагестане уже более пятисот. Не лучше обстоит дело с обучением родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся. Разумеется, здесь существенно сказывается роль урбанизационных и миграционных процессов [2, с. 78].

Уроки родного языка нередко становятся статьей дохода: ими восполняют чью-то нагрузку, поддерживают пенсионеров. Уроки родного языка и литературы в некоторых школах преподают учителя без соответствующей специальности. Такие попытки уже предприняты в некоторых районах. Это опасная тенденция, которая приведет к потере родных языков. Тут нужен особый, жесткий разговор.

Можно представить себе отношение к родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся. Разумеется, здесь существенную роль играют урбанизационные и миграционные процессы. К сожалению, даже национальная интеллигенция в Дагестане и в семье, и на службе, и на свадьбах, да и везде, общается между собой на русском – и не всегда чистом – языке.

Вместе с тем в организации изучения родных языков и литератур, в процессе достижения необходимого качества филологического образования имеется немало требующих решения проблем. С учетом того что наиболее оптимальным для овладения языками является ранний возраст, эффективное освоение родных языков должно начинаться в детских садах, обеспеченных надлежащим образом соответствующей материально-технической базой, педагогическими кадрами, методикой обучения и воспитания. В Республике Дагестан в сельских районах и поселениях республики, не говоря о городских дошкольных учреждениях, обучение и воспитание в дошкольных образовательных учреждениях не ведется на родных языках. Подобная ситуация, обусловленная во многом сложившимися традициями, социально-экономическими условиями, региональной образовательной политикой, может быть изменена в лучшую сторону, во-первых, расширением сети двуязычных детских садов; во-вторых, стимулированием изучения родного языка в виде надбавки к заработной плате педагогов за практическое применение в работе двух государственных языков. Существенные проблемы имеются и в системе школьного образования. В организации обучения школьников дагестанским языкам и литературам на первый план выступает вопрос кадрового обеспечения образовательного процесса.

К сожалению, в системе общего образования не решены вопросы должного обеспечения преподавания родных языков и литератур учебной и учебно-методической литературой. Например, в последние десятилетия не издаются в необходимом количестве учебники по родным языкам и литературам для дагестанских национальных школ. В связи с этим учащиеся, осмысливая лишь отдельные литературные явления, приобретают недостаточные знания о творчестве писателей и произведениях как элементах культуры (не определяется их место в ряду других), не получают целостного представления об историко-литературном процессе, закономерностях развития национальной литературы. Усугубляет сложившуюся ситуацию недостаток современных методических пособий для учителей по родным языкам и литературам.

Принятие нового Закона об образовании привело к еще большим проблемам. Если раньше учебники на родных языках рецензировались и рекомендовались к изданию Министерством образования того или иного региона, то сейчас должны проходить экспертизу и утверждаться на федеральном уровне. В соответствии с требованиями действующего Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в современной школе нельзя пользоваться учебниками, которые не входят в федеральный перечень. Ни один из учебников по родным языкам и литературам дагестанских народов в федеральный перечень, который определен на ближайшие три года, не вошел. Чтобы войти в него, необходимо пройти экспертизу на фе-

деральном уровне, при этом представить всю линию учебников с 5 по 11 класс, учебники в электронной форме и методические пособия для учителей.

В последние десятилетия ученые обращают внимание на размывание литературных норм дагестанских языков, сокращение числа говорящих на них, ухудшение качества владения национальными языками и целый ряд других неблагоприятных явлений, вызывающих по меньшей мере озабоченность.

Сегодня следует предложить иной ракурс обсуждения. Анализ происходящих языковых процессов показывает, что дискуссию необходимо вывести на более масштабный уровень. Настало время обратиться к проблеме «Язык – общество – человек» и осмыслить её в новом ракурсе – глобализационном.

Не менее важным представляется решение задачи создания на федеральном уровне единых примерных программ по родным языкам и литературам, которые будут служить ориентиром для составления рабочих программ. В них необходимо определить специфику учебных предметов и основное содержание с перечнем разделов, разработать рекомендации по оснащению учебного процесса, прописать личностные, метапредметные, предметные результаты изучения курсов, место в базисном учебном плане и формы контроля уровня образования. Речь идет о создании инструментария, которого не хватает для представления дагестанских языков в электронном виде: электронных словарей под открытыми лицензиями, систем проверок правописания, синтезаторов речи, поисковых систем, систем распознавания, необходимого информационно-методического пакета, обучающих компьютерных программ и электронных учебников, общедоступных хранилищ информационных материалов, пакетов образовательного программного обеспечения, локализованных на дагестанские языки.

Вполне осознаем, что решение поставленных проблем требует фи-нансовых и интеллектуальных затрат, однако без этого высокого качества образования добиться нельзя. В последние годы по причине малочисленности учащихся все чаще закрываются сельские школы. При этом случается, что дети из сельских школ попадают в школы с русским языком обучения и теряют возможность изучения родного языка и литературы.

В последнее десятилетия наряду с позитивными тенденциями в развитии системы образования в Республике Дагестан имели место отход от прогрессивных традиций в воспитании и обучении молодежи, определенный отрыв деятельности образовательных учреждений от насущных задач и долговременных перспектив социально-экономического развития. Особую тревогу и боль вызывает принижение роли родных языков как средства интеллектуального и духовного развития личности ученика. Забвение родных языков приведет нас к самым тяжелым и непоправимым последствиям.

Возрождение духовных и культурных традиций народов, использование их в процессе образования оказывают существенное влияние на формирование личности, позволяют глубже осознать общее и особенное в национальной культуре, выработать единую этнокультурную политику согласия.

Национальные школы призваны обеспечить передачу из поколения в поколение многовекового опыта дагестанских народов, их нравственных устоев, создать условия для приобщения учащихся к материальным и духовным ценностям и традициям, принять на себя важнейшие функции формирования у них этнического самосознания и достоинства.

Мы не выступаем за вытеснение одного языка другим, а за качественное овладение обоими языками. Именно в этом состоит смысл оптимизации двуязычия.

В духовном развитии народов Дагестана можно выделить две особенности. Во-первых, неминуемо усиливается размывание национальной определенности, самобытности, обычаев, традиций, языков, возникает и реальная опасность полного исчезновения некоторых из них. Во-вторых, и в связи с этим, нарастают тенденции активного конструктивного противодействия глобализации, растет понимание значения самосохранения национальных культур и языков, культурного наследия, как важнейшего достояния каждого народа [4, с. 362].

Перспектива быть одинаковыми, потерять свое лицо, раствориться в общей абстрактной массе не может быть идеалом ни для какого народа, ни для какой страны. Этот процесс не приемлем и для всего человечества. Ведь гомогенная, то есть однородная, общая культура означали бы не усиление ее, а тотальное и опасное обеднение. Вершины культуры вовсе не безлики, они воздвигаются национальными гениями. У народов Дагестан богатейшее духовное и художественное наследие. Нам действительно есть что терять и есть что беречь.

Угроза исчезновения как субъекта мировой истории, цивилизации и культуры стимулирует национальное самосознание народов, мобилизует защитные механизмы выживания, повышает ценность исторической идентификации, определенности, самобытности и своего языка. Как утверждал в свое время Черчилль, нации либо соблюдают свои традиции, либо вымирают. Глобализация до предела обострила такую общую дилемму, и каждый народ по своему откликается на принципиальные вызовы времени.

В «Красную книгу языков народов России» занесено 18 дагестанских бесписьменных языков: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, кубачинский, рутульский, гиндинский, хваршинский, цахурский, цезский.

В Дагестане многонациональность, многоязычие мы рассматриваем как большое богатство республики. Однако права наших языков оказываются ущемленными из-за их многоязычия. Так, ни на одном из дагестанских языков не ведутся новостные программы на телевидении. Национальные передачи на национальных языках ведутся всего лишь раз в неделю с продолжительностью в час. К сожалению, с каждым годом сужаются функции дагестанских литератур-

ных языков, а о бесписьменных языках говорить и не приходится. Статус дагестанских языков как государственных будет формальным до тех пор, пока они не займут надлежащего места в сферах культуры, образования и науки. Дагестан, к сожалению, остается единственным регионом в России, где до сих пор не принят «Закон о языках» Дагестана.

Ученые, выступающие за сохранение языков народов Дагестана, никогда не ставили своей целью монолингвизм и не отвергали русский язык как таковой. Напротив, они всячески пропагандировали и пропагандируют двуязычие, утверждая, что именно благодаря ему национальная культура может держаться на уровне современного развития. Наше основное требование состоит в том, чтобы языки народов Дагестана не рассматривались как «языки второго сорта» и были полностью уравнены в правах как государственные языки. В этом, как мы считаем, заключается для наших языков их единственный шанс выжить.

Наши наблюдения показывают, что гармоничное сочетание родного и русского языков в школьном обучении позволяет детям добиваться лучших результатов в учебе, развивает их интерес к познанию и способности к обучению. С самого раннего возраста дети должны получать поддержку при использовании родного языка в школе.

Послевоенная урбанизация и усиление миграционных процессов в Республике Дагестан привели к отчуждению всей воспитательной и образовательной системы от народа, его культурных корней и традиций. Исчезновение национального из школы, детского сада способствовало исчезновению национальной экологии из семьи. В результате родной язык потерял свои позиции, а в некоторых случаях исчез из семейно-бытовой сферы общения. А это привело к ослаблению позиций родного языка в духовной сфере. Так произошло нарушение естественных механизмов, этапов передачи родного языка из поколения в поколение.

В последние годы ряд государственных документов отражает необходимость изучения языка в культурологических аспектах. Нельзя изучать язык народа и его историю отдельно друг от друга. Важно показать, что язык – не только средство общения, а изучение языка предполагает изучение народной психологии, традиций, обрядов.

Только культура, обретенная в первую очередь через родной язык, остановит нравственное падение человека, огрубение его души. Язык, как форма культуры – необходимое средство человеческого мышления, познания и общения, должен усваиваться вместе с ней. Вот почему любой урок родного языка, в определенном смысле превращается в изучение культуры данного народа. Знакомство с культурой осуществляется на нескольких уровнях. Объектом изучения становятся слова, фразы с национально неповторимой семантикой: пословицы, поговорки, загадки, фразеологизмы, крылатые слова и изречения. Именно их осмысление формирует национально-культурный фон, необходимый для восприятия культуры.

Язык как зеркало народной культуры, народной психологии, философии во многих случаях как единственный источник истории народа и его духовного наследия активно используется культурологами, фольклористами, этнологами, историками в своих исследованиях.

Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Национальная картина мира, отраженная в фольклорных текстах, крайне сложна и многослойна, и ее нужно рассматривать не только с филологических, но и с философских, психологических, культурологических и других позиций.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он является главным хранителем устного народного творчества и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь важную роль в формировании личности, в формировании особенностей национального характера, этнической общности народа.

Ярче всего образ жизни народа отражается в произведениях устного народного творчества. Языки являются хранителями духовной культуры своих народов,которая передается от поколения к поколению.

Язык – живой, непрерывно функционирующий и непрерывно изменяющийся организм. Метафора «живые и мертвые языки» отнюдь не случайна. Все языки когда-то родились, и одни из них умерли давно, некоторые недавно, а некоторые умирают сейчас. Языки умирают, когда исчезает народ, говорящий на этих языках.

Таким образом, язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом духовной культуры. Национальный язык не просто средство общения людей, а духовное богатство народа, своего рода вместилище национального опыта и народного мышления, важнейший стержень национального самосознания и самочувствования.

В заключение позволим себе обозначить проблему формирования в условиях глобализации у детей и их родителей мотивации сохранения языковых и этнокультурных ценностей как средства становления национального самосознания. Пока, к сожалению, мы слабо ведем работу по повышению роли семьи в сохранении этнокультурных ценностей, национального самосознания молодого поколения, без чего дальнейшее развитие накопленного предшествующими поколениями опыта не представляется возможным.

Список литературы

1. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.

2. *Магомедов М.И.* Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала, 2013.
3. *Магомедов М.И.* Русский язык и языковая ситуация в Дагестане // Роль и место русского языка, литературы и культуры России в истории цивилизаций Востока и Запада. Самарканд, 2008.
4. *Магомедов М.И.* Функционирование дагестанских языков в условиях глобализации // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Нальчик, 2012.

М.М. Магомедханов

К ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые методологические проблемы изучения современной этноязыковой ситуации на Северном Кавказе. Автор подчеркивает актуальность апробации на северокавказских реалиях концептуальных моделей соотношения языка и этничности, языковой и этнической идентичностей, отмечает важность этнолингвистических и социолингвистических исследований, мониторинга этноязыковой ситуации.

Ключевые слова: ресурсы языка, языковое многообразие, двуязычие, словарный фонд, урбанизация, глобализация, правовые препятствия, индифферентное отношение к родному языку.

M.M. Magomedkhanov

BY THE STUDY OF MODERN ETHNO-LINGUISTIC SITUATION THE NORTHERN CAUCASUS

Annotation: This article discusses some of the methodological problems of the study of modern ethno-linguistic situation in the North Caucasus. The author emphasizes the relevance of testing conceptual models of the co-relation of language and ethnicity, linguistic and ethnic identities regarding to the North Caucasian realities, notes the importance of ethno-linguistic and sociolinguistic research , monitoring ethno-linguistic situation.

Key words: language resources, linguistic diversity, bilingualism, lexical fund, urbanization, globalization, legal obstacles, indifferent attitude of the to the native language.

В арсенале средств выражения мыслей и чувств язык занимает особое, интегрирующее, объемлющее все другие механизмы и способы коммуникации место. Языки располагают неодинаковыми демографическими и иными ресурсами, коммуникативными и функциональными возможностями. В самой природе народонаселения как бы заложена неравнозначность последствий эволюции этноязыковой сферы для народов, существенно отличающихся по численности населения.

В современную эпоху многие культуры все более утрачивают этническое своеобразие, ресурсы и способности самовосстановления. Ассимиляции культур, исчезновению малоупотребительных языков сопутствуют явления обратного порядка: этнический и культурно-бытовой партикуляризм, языковой национализм, религиозно-политический экстремизм и т.п. Одни сравнивают эти процессы с глобальным биоэкологическим кризисом и пытаются оказывать конструктивное влияние на правительства по части сохранения и возрождения этнических культур. Другие полагают, что в условиях глобализации «сильные» культуры все равно «поглотят» «маломощные» культуры, а потому считают бессмысленным противиться объективно неизбежной этнической ассимиляции, которая, к тому же, способствует кардинальному решению национального вопроса.

По замечанию авторов «Красной книги языков народов России», теории и суждения, одобряющие языковую ассимиляцию, представляют собой «попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида» [1, с. 6].

Сторонники сохранения языкового многообразия мира выражают тревогу по поводу хотя и естественного, но с их точки зрения аномального развития языковых процессов и предлагают предпринимать практические меры по оздоровлению экологии языка [2, с. 44].

Из принципиальных исследовательских ориентиров теории «экологии языка» следует выделить понимание языка и языковой среды как экосистемы, изучение которой предполагает классификацию языка по его внутренней структуре, по взаимосвязи письменной и устной традиций, по статусу и функциональной роли языка в сравнении с другими языками. В методологическом арсенале теории «экологии языка» – характеристика среды обитания пользователей языка, их демографической, социальной структуры, религии, других значимых социально-культурных параметров, а также выявление областей использования языка, изучение билингвизма, институциональной поддержки языка со стороны правительства, системы образования, частных организаций, изучение отношения к языку с точки зрения идентификации.

В соответствии с теорией «экологии языка» анализ этих параметров функционального состояния языка дает возможность определить «статус языка в типологии экологической классификации», выяснить, «на каком уровне развития находится данный язык, в каком направлении он развивается по сравнению с другими языками мира» [3, с. 38-39].

В современном мире государств, языковую структуру которых составляют 100 и более языков, – всего 22. В этих 22 государствах проживают носители 90 % от примерно 6 тыс. языков мира.

В числе многоязычных государств лидируют Папуа–Новая Гвинея (750 – 850 языков), Индонезия (300 – 726), Индия (350 – 387) и Нигерия (400 – 505 языков). Россия в этом ряду занимает центральное место.

В мире всего 1,3 % языков (примерно 80) с числом носителей 10 и более миллионов человек, но говорит на них три четверти населения мира. [4, с. 96]. Мега-языков, т.е. языков, на которых говорят более 100 миллионов человек, всего двенадцать. Это – английский, арабский, бенгали, испанский, китайский, малайско-индонезийский, немецкий, португальский, русский, хинди-урду и японский языки.

Сегодня едва ли не половина шестимиллиардного населения находится в состоянии двуязычия, а темпы исчезновения коммуникативно-депрессивных языков измеряются не столетиями и даже не жизнями четырех-пяти поколений, как в давние времена, а лишь десятилетиями. Ученые предсказывают, что через каких-нибудь полвека половина из ныне существующих в мире примерно 6500 языков исчезнет. Означает ли это, что носители тех языков, которым эксперты предрекают функциональную гибель в обозримом будущем, должны спокойно воспринимать пророчества о вымирании языков как некую фатальность, как независящее от воли людей явление природы?

Как в контексте этих процессов методология науки предлагает рассматривать, например, изменения словарного фонда, если заимствованная лексика в том или ином языке составляет более трети его активной части, а обогащение языка происходит за счет вытеснения его исконного словарного запаса? На каких основаниях, по каким признакам теория языкознания дифференцирует обогащение языка от его смешения и смещения? Каковы критерии определения взаимообогащения языков в тех случаях, когда языки-доноры (английский, русский, французский, испанский и др.) служат основным источником пополнения словарей языков – реципиентов, не испытывая при этом существенной обратной отдачи?

Неоднозначно также влияние на этноязыковые процессы урбанизации. Так, в Дагестане при относительно низкой доле городского населения влияние фактора урбанизации на динамику языковой и этнокультурной идентичности ощущается сильнее, чем в Чеченской Республике и Ингушетии, где большинство сельского и городского населения составляют соответственно чеченцы и ингуши. К тому же ни одна из национальностей, представленных в его этнической структуре Дагестана, не составляет и трети населения республики.

В Дагестане, несмотря на высокие темпы роста городского населения, абсолютная и относительная (около 60%) численность сельского населения не уменьшается. И это создает иллюзии о неисчерпаемом потенциале дагестанского села в смысле сохранения национальных языков, традиционных компонентов бытовой культуры.

Другая проблема видится в дефиците информации об ориентациях россиян на важнейшие, базовые признаки российской нации: гражданское и межэтническое единство, совершенное знание русского языка, освоение русскоязычной культуры, ощущение социально-психологической и культурной общности [5, с. 135-140].

Отсюда отсутствие в массовом сознании ясного понимания разницы между подавлением этнокультурной идентичности и борьбой с национализмом.

Правовые препятствия в части свободного развития национальных языков и культур Конституция России не предусматривает. Поэтому любые формы вытеснению национальных языков из сферы образования, культуры, общественного быта, государственных и муниципальных органов власти, являются нарушениями конституционных прав граждан и не могут быть оправданы ссылками на «установки из Москвы».

Исследования, посвященные функциональному взаимодействию национальных и русского языков, билингвизму, велись в республиках Северного Кавказа разрозненно, что существенно затрудняет их сравнительный анализ и выявление общей картины и перспектив динамики этноязыковых процессов в регионе. Поэтому дальнейшее комплексное (сравнительно-историческое, социолингвистическое, этносоциологическое, культурологическое) изучение этноязыковой проблематики позволит принять адекватные региональным реалиям и эффективные меры по гармонизации функционального взаимодействия национальных и русского языков.

Современные этнокультурные процессы отмечены сужением сфер функционирования традиционно-бытовой культуры, модернизацией быта, проникновением «массовой культуры». На Северном Кавказе, как и в России в целом, люди чаще всего характеризуют «культурность» народов не по степени сохранности этнографии быта, а по их материальному благосостоянию, по обладанию престижными, символизирующими мировой стандарт элементами материальной и духовной культуры. Есть среди них и уверовавшие в то, что перспективы развития национальных культур исчерпаны, что препятствовать отмиранию «непотребных» национальных языков бессмысленно и т.п.

Низведение социальных функций национальных языков до семейно-бытового уровня, трансформация этнокультурных свойств, качеств и характеристик потенциальных и реальных носителей этих языков становится предметом научных и бытовых дискуссий. Для многих из них связь собственной этничности с реально присущими им этническими свойствами и качествами, в том числе с соблюдением национальных традиций, знанием родного языка, становится, по большому счету, номинальной.

Русская или русскоязычная культура – это достояние русского народа и вместе с тем явление мировое, феномен транснационального и трансконтинентального масштабов, функционирование которого не ограничивается этническими рамками или государственными границами Российской Федерации. Важность полномасштабного функционирования русскоязычной культуры для интеграции и политической консолидации россиян в регионах России понимают не меньше, чем в федеральном центре. Опасения относительно угрозы культурно-языковой, а затем и политической дезинтеграции России как многонационального государства с русским культурным ядром,

представляется беспочвенными, так как русский язык стремительно выходит за пределы функций межэтнического общения и становится важнейшим средством натурализации нерусского населения страны.

Русский язык стал неотъемлемой частью культуры народов России. Применительно к Северному Кавказу это означает, что наиболее насыщенная этническим содержанием информация исторического, политического, публицистического, художественного и даже религиозного характера передается и потребляется через русскоязычные источники.

В таком многоязычном регионе, как Северный Кавказ, вопросы функционального состояния, сохранения и развития языков должны стать предметом фундаментальных социолингвистических, этнологических и прикладных исследований на междисциплинарном уровне. Речь идет об апробации на северокавказских материалах концептуальных моделей соотношения языка и этничности, языковой и этнической идентичностей, о необходимости конкретно-социологического исследования таких вопросов, как влияние на динамику этноязыковых процессов социальной мобильности, миграций, урбанизации. Необходима научная экспертиза рекомендаций и предложений по гармонизации этноязыковой жизни на региональном и федеральном уровнях. Для решения этой задачи требуются организационно и научно координируемые академическим центром этнолингвистические и социолингвистические исследования, мониторинг этноязыковой ситуации.

Наряду с объективными условиями развития этноязыковых процессов в направлении ассимиляции (ограниченный демографический, экономический, интеллектуальный ресурс функционирования языка, исключительное этническое смешение, коллизии национально-языковой политики и др.), следует отметить провоцирующее влияние на эти процессы индифферентного отношения населения к сохранению своих родных языков. Если начавшееся в советский период свертывание функциональных ролей национальных языков будет продолжаться и в дальнейшем, выход из употребления языков народов Северного Кавказа может стать вопросом времени.

Список литературы

1. Красная книга языков народов России. М., 1994
2. Haugen E. The Ecology of Language. California: Standford University Press. 1972
3. Мир языков. Обзор языков мира. Перевод с английского и ред. Н.С. Бадмаевой, Т.Н. Богрдановой, В.И. Колодько, Б.Э. Корнусовой. Элиста. 2006
4. Crystal D. Language Death. Cambridge: Cambridge University Press. 2000
5. Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М. 2005

С.С. Ситимова

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТОВ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Рассматриваются взгляды ученых об истории развития четверичной системы согласных. Выясняются взаимоотношения между диалектами адыгейского языка, адыгейского и кабардинского языков. Проанализированы глухие придыхательные звуки западных диалектов. Выявлены и описаны тенденции перехода от четверичной к троечной системе смычных согласных бжедугского диалекта, характерной для восточных диалектов. Установлена степень аспирации звуков бжедугского диалекта. Отражена специфика аспирированных согласных западных диалектов адыгейского языка.

Ключевые слова: четверичная система смычных согласных; троечная система; фонетическое различие диалектов; фонемный состав восточных диалектов; кабардинский язык; глухие смычные; абруптивы; полуабруптивы; преруптивы; аффрикаты.

S. S. Sitimova

TO THE QUESTION ABOUT THE PHONETIC HARACTERISTICS OF THE WESTERN DIALECTS THE ADYGHE LANGUAGE

Abstract: Discusses the views of scientists about the history of the Quaternary system of consonants. Turns out the relationship between the dialects of the Circassian language, Adyghe and Kabardian languages. Analyzed deaf aspirated sounds of the Western dialects. Identified and described trends in the transition from the Quaternary to troickoe system Smychnik consonants of the dialect of the soul, typical for the Eastern dialects. The degree of aspiration of the soul sounds of the dialect. Reflect the characteristic of aspirated consonants in Western dialects of the Circassian language.

Key words: Quaternary system Smychnik consonants; troechka system; the phonetic differences of dialects; the phonemic structure of the Eastern dialects; the Kabardian language; deaf occlusive; abruptly; palabrotas; preeruptive; affricates.

Система согласных бжедугского диалекта, как и шапсугского, по количеству значительно превосходит фонемный состав адыгейского литературного языка и восточных диалектов, что объясняется наличием в западных диалектах ряда специфических согласных звуков.

В западных диалектах адыгейского языка представлена, как это установлено в лингвистической литературе, четверичная система смычных согласных.

Глухие придыхательные звуки бжедугского диалекта отличаются от глухих придыхательных адыгейского литературного языка и восточных диалектов максимальной придыхательностью (придыхательность обозначим знаком – h): (бжед. д.) апhэрэ ун, (вост. д., адыг. лит. яз.) апэрэ ун «первый дом»; (бжед. д.) столым тhетh, (вост. д., адыг. лит. яз.) столым тет «стоит на столе»; (бжед. д.) ыгу етhыгъэу, (вост. д., адыг. лит. яз.) ыгу етыгъэу «внимательно»; (бжед. д.) чъhы, (вост. д., адыг. лит. яз.) сшы [чъы] «мой брат», а полуабруптивы бжедугского диалекта отличаются от глухих придыхательных литературного языка и восточных диалектов минимальной придыхательностью, но все-таки глухие придыхательные восточных диалектов акустически ближе к полуабруптивам, чем придыхательные бжедугского диалекта.

О близости придыхательных восточных диалектов и полуабруптивов западных диалектов профессор З. И. Керашева пишет, что придыхательные смычные восточных диалектов не совпадают ни с придыхательными, ни с полуабруптивами западных диалектов, но акустически ближе к полуабруптивам [1, с. 26].

К. Л. Аутлев в своей статье «Полуабруптивные смычные бжедугского диалекта» отметил: «Наблюдение же над реалиями живой речи адыгских диалектов показывает, что аспираты восточных диалектов и полуабруптивы западных по степени аспирации и по акустическим и физиологическим свойствам стоят гораздо ближе друг к другу, чем глухие согласные восточных диалектов и придыхательные типы западных» [2, с. 243].

З.И. Керашева говорит, что для уточнения вопрос о полуабруптивах требует специального исследования. В статье Т.Ш. Уджуху «Преруптивные смычные согласные западных диалектов адыгейского языка» даны результаты спектрального анализа каждого типа смычных согласных: звонкого, глухого, абруптива и полуабруптива. [3, с. 142].

Рассматривая рентгенограммы, мы приходим к выводу, что эксперименты, проведенные Т.Ш. Уджуху, подтвердили близость полуабруптивов и придыхательных в восточных диалектах.

Придыхание при произношении полуабруптивных смычных сведено до минимума. От аспират их отличает минимальная придыхательность, которая в транскрипции обозначается знаком ‘: (бжед. д.) пhагэ «гордый», (бжед. д.) п’анэ «колючка»; (бжед. д.) тhы «дари», (бжед. д.) т’ы «отец»; (бжед. д.) макъhэ «голос», (бжед. д.) къэлэм «карандаш».

От звонких смычных своего ряда полуабруптивы отличаются отсутствием голоса, но минимальная придыхательность их сближает как со звонкими, так и с абруптивными смычными согласными. Полуабруптивные смычные отличаются от абруптивных отсутствием дополнительной смычки голосовых связок [4, с. 273].

В связи с тем, что полуабруптивы бжедугского диалекта акустически и артикуляционно отличаются от звонких, придыхательных и абруптивных своего ряда смычных согласных, они являются самостоятельными фонемами и образуют четверичную систему.

зв. согл.	***перевод***	***гл.прид.***	***Перев.***	***полуабр.***	***Перев.***	***абруп.***	***Перев.***
бэ	много	пhае	для	п’анэ	колючка	пІастэ	каша
дэшхо	орех	тhэ щыІ?	где?	т’эрэз	правильно	тІэн	копать
джанэ	платье	чhатhэ	меч	ч’ылэ	аул	кІымаф	зима

Глухие смычные и аффрикаты, исключая абруптивы, представлены в восточных диалектах придыхательными с большей или меньшей степени аспирации, но эти звуки не являются фонемами и не обладают смыслоразличительной функцией.

Придыхательные чемгуйского диалекта не совпадают с максимально придыхательными западных диалектов, малопридыхательные тоже отличаются от минимально придыхательных, т.е. полуабруптивов западных диалектов. Как заметила профессор З.И. Керашева, сила придыхания малопридыхательных несколько больше, чем у полуабруптивов. И степень придыхания у придыхательных, хотя чуть больше, чем у малопридыхательных, но гораздо меньше, чем у аспират западных диалектов.

Следовательно, глухие придыхательные смычные и аффрикаты троечной системы чемгуйского диалекта состоят из двух звуковых вариантов, близких друг другу по степени аспирации, но из-за отсутствия функциональной нагрузки они объединяются в одну фонему.

Попытаемся показать степень придыхательности чемгуйских смычных и аффрикат на материале аула Джерокай, где согласные с большей аспирацией обозначены знаком ‘’, а с меньшей аспирацией – знаком’: (бжед. д.) тhаущтhэу? чем. д. (а. Джерокай) т’’ат’’у?/ тарэщт? (адыг. лит. яз.) сыдэущтэу? «как?»; (бжед. д.) мощтhэу, чем. д. (а. Джерокай) мот’’у/мырэщт (адыг. лит. яз.) мыщ тетэу «вот так»; (бжед. д.) цыпhитІу, чем. д. (а. Джерокай) Іап’акІитІу, (адыг. лит. яз.) къопитІу «два конца».

Таким образом, в бжедугском диалекте четверичная система согласных сохранилась на фонологическом уровне в отличие от абадзехского и чемгуйского диалектов, где придыхательные смычные и аффрикаты различаются по степени придыхания минимально, но уже перешла в троечную систему за счет утери максимального придыхания и сближения аспират с

полуабруптивами, т.е. из-за отсутствия функциональной нагрузки. И в результате перестройки четверичной системы получена троечная: звонкий, слабый придыхательный и абруптив. Примеры: (зап. д.) а**т'**акъэ, (вост. д.) а**т**акъэ, (каб.-черк. яз.) а**д**акъэ «петух»; (зап. д.) **п'ыт'**э, (вост. д.) **п**ытэ, (каб.-черк. яз.) **б**ыдэ «крепкий»; (зап. д.) **ц'**э, (вост. д.) **ц**э, (каб.-черк. яз.) **дз**э «зуб».

Придыхательным смычным бжедугского и шапсугского диалектов соответствуют в абадзехском и чемгуйском диалектах, а также и в говорах кабардино-черкесского языка придыхательные смычные, но с меньшей аспирацией: (зап. д.) тһын, (вост. д.) тын, (каб.-черк. яз.) тын «дарить»; (зап. д.) цһы, (вост. д.) цы, (каб.-черк. яз.) цы «шерсть».

Следовательно, придыхательным смычным адыгейского языка в кабардинских диалектах соответствуют звонкие лишь в тех случаях, когда в бжедугском и шапсугском диалектах имеются преруптивы, а глухим придыхательным смычным западных диалектов соответствуют в кабардинском тоже глухие придыхательные звуки.

В монографии Б.Х. Балкарова «Фонетика адыгских языков» говорится о первичности четверичной системы смычных в адыгейском и в кабардино-черкесском языках и о вторичности троечной. «Письменные памятники не только подтверждают, что кабардинскому консонантизму исторически были свойственны преруптивные взрывные, – пишет Б.Х. Балкаров, – они и сохраняют этапы перехода непридыхательных согласных в звонкие. В ногмовских трудах фиксируется этап, когда преруптивы произносили то как непридыхательные, то как звонкие, т.е. этап сосуществования преруптивов и звонких» [5, с. 234].

Итак, если наличие в прошлом преруптивов в кабардино-черкесском языке подтверждается письменными памятниками, то наличие преруптивов сегодня в западных диалектах подтверждается результатами спекрального анализа.

В бжедугском диалекте, как и в шапсугском, аспирированные согласные артикуляционно, акустически и функционально четко отличаются от остальных звуков фонемного ряда.

Попытаемся определить степень аспирации звуков бжедугского диалекта:

максимальная аспирация – h''; средняя аспирация – h'; незначительная аспирация – h.

Примеры: (бжед. д.) аɳһ''эрэу «первый раз», тһ''э укIора? «куда ты идешь?», ɳһ'эрытһ «передовик», щһ'атһ'э «сметана», джэнэтһ «рай», хэт? «кто?».

От степени аспирации зависит значение слов в бжедугском диалекте, например: (бжед. д.) чһ''агъэ, (чем. д., адыг. лит. яз.) чагъэ «потрескалось»; (бжед. д.) чһ'агъэ, (чем. д., адыг. лит. яз.) сщагъэ «я его отвез»; (бжед. д.) хэтһ'псым, (чем. д., адыг. лит. яз.) хэт псым «стоит в воде»; (бжед. д.) хэт?, (чем. д., адыг. лит. яз.) хэт? «кто?»; (бжед. д.) щытһ, (чем. д., адыг. лит. яз.) щыт «стоит»;

Интересным является и такой факт, что в конечной позиции, если смычные согласные средней аспирации, то, когда за этими согласными следует гласный звук, степень аспирации становится максимальной: (бжед. д.) хэтһ' осым, (чем. д., адыг. лит. яз.) хэт осым «стоит в снегу»; (бжед. д.) хэт h''а ыджии (осым)?! (чем. д., адыг. лит. яз.) хэта джыри (осым)?! «все еще стоит (в снегу)?!».

Усиление голоса в бжедугском диалекте, для придачи слову особой эмоциональной окраски, может привести к максимальной аспирации в последнем слоге слова: щытһ «стоит», щытһ'а? «стоит?», щытһ''ыгъ ара?! «стоял что ли?!».

Таким образом, дистрибуция звука имеет большое значение для определения степени аспирации, например при обращении: Нафсэтһ'', къэгъаз! «Нафсет, вернись»! Щһамсэтһ'', къэуцу сIуагъэба! «Щамсет, сказал же остановись»! Байзетһ'', аIорэм едэIу! «Байзет, слушай, что говорят»!

В глаголах повелительного наклонения бжедугского диалекта, которые требуют ясной, четкой артикуляции, встречаются глухие смычные согласные с максимальной аспирацией: щыгъэтһ''! – «перестань!»; щытһ''! – «стой!»; етһ''ыжь! – «отдай!»

Звук ɳһ в суффиксе отрицания – эɳһ' в финальной позиции произносится со средней степенью аспирации: кIуагъ-эɳһ' – «не пошел»; тхагъ-эɳһ' – «не писал»; Щамсэтһ''-эɳһ' – «не Шамсет».

Степень аспирации не зависит от позиции звука, например, в начальной позиции звук *nh* приобретает среднюю степень аспирации: ɳһ'агэ – «гордый»; ɳһ'ашъхьэ –«перед»; ɳһ'ылы – «слон»; ɳһ'арго – «рыба»; ɳһ'амэ –«нюхай».

Этот же звук *nh'*со средней аспирацией в этих же словах перейдет в максимальную степень аспирации, если мы произнесем эти же слова с каким-то усиленным голосом, требовательной интонацией в глаголах повелительного наклонения, или же перед ударным гласным звуком:

ɳһ'агэ – «гордый» – ɳһ''агэ пIуагъи! «гордый, говоришь»!

ɳһ'ашъхьэ – «перед» – унэ ɳһ'' ашъхьэми?! «перед домом?!» – логическое ударение на а *с удивлением (с вопросом).*

ɳһ'ылы – «слон» – ɳһ''ылэ къакIо! – «слон идет!» – *со страхом.*

ɳһ'арго – «рыба» – ɳһ''арго къахьыгъ! – «рыбу принесли!» – *с радостью.*

ɳһ'амэ –«нюхай» – ɳһ''амэ! «нюхай же ты!» – глагол повелительного наклонения с требовательной интонацией, логическое ударение на *а.*

При сравнении аспирированных согласных бжедугского диалекта с аспирированными согласными шапсугского очень легко заметить своеобразие бжедугского диалекта. Степень аспирации в речи бжедугов значительно меньше по сравнению с речью шапсугов.

бжед. д.	***шапс. д.***	***русский перевод***
еджэтэɳһ	егъэшһ'тһ'эɳһ'	не будет читать
тһ'екIыгъэɳһ	тһ''экIыыгъэɳһ'	не сошел

тһ’ес	тһ’’эс	сидит на
зэтһ’ефыгъэ	зэтһ’’эфыгъэ	разное
бЛэгъэ цІыкІоу столым тһ’етһ’э къысэтһ	Лэгъэ цІыкІо столым тһ’’этһ’’э къысэтһ’	«Маленькую тарелку, что на столе, дай».

Сравнивая два западных диалекта, можно сделать такой вывод: бжедугский диалект незаметно начинает вступать на путь перехода к трехчленной системе, т.к. в данном диалекте уменьшается сила аспирации глухих максимально придыхательных смычных и аффрикат. Вероятно, это связано с влиянием норм литературного произношения и русского языка.

Примеры: (бжед. д.) тыгупшысэтыгъ, (шапс. д.) тыгупшысэшһтһыгъ «мы думали»;

(бжед. д.) быбыгъэт, (шапс. д.) быбыгъэшһтһ’ «наверное, полетел»; (бжед. д.) атһекІуагъ, (шапс. д.) атһ’’экІуагъ «он их победил».

В бжедугском диалекте все меньше становится морфем с максимальной аспирацией. В основном аспираты бжедугского диалекта, несмотря на их позицию, произносятся со средней степенью аспирации.

Незначительная аспирация не всегда, но, в основном, наблюдается в бжедугском диалекте в финальной позиции.

Необходимо отметить, что в бжедугском диалекте уменьшается сила аспирации глухих максимально придыхательных смычных согласных и аффрикат.

Произношение аспират с незначительной аспирацией представителями младших возрастных групп свидетельствует о тенденции перехода от четверичной к троечной системе смычных согласных, характерной для восточных диалектов.

Список литературы

1. Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957. 146 с.

2. Аутлев К.Л. Полуабруптивные смычные бжедугского диалекта // Ученые записки АНИИ.Т. 12. Языкознание. Майкоп, 1971. с. 240-254. (Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).

3. Уджуху Т.Ш. Преруптивные смычные согласные западных диалектов адыгейского языка.//Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп, 1976. с. 135-156. (Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).

4. Рогава Г.В. О четверичной системе взрывных в кавказских языках. (Резюме) /Г.В. Рогава // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси. 1943. Т. IV. № 8. с. 273-279.

5. Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус. 1970. 234 с.

6. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. с. 28-29.

8. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.

9. Тхаркахо Ю.А. Чемгуйский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1993. 206 с.

10. Ситимова С.С. Бжедугский диалект в адыгейском языковом мире. Майкоп: ООО «Качество», 2004. 122 с.

М.М. Султыгова

ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОМУ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ БЫТЬ…? (ИЛИ К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИНГУШСКИЙ)

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам для современного состояния ингушского языка: анализу имени числительного как малоупотребительной части речи и проблеме сохранения исконной лексики ингушского языка, активно вытесняемой русским языком вследствие влияния последнего на языки младописьменных северокавказских языков. Представлена подробная история исследования этой части речи в нахских языках, определены теоретические основы разработки имени числительного. Несомненный интерес для актуализации указанных выше проблем представляют результаты научного эксперимента, проведенного автором статьи среди учащихся общеобразовательной школы, изучающих ингушский язык в качестве родного языка.

Ключевые слова: система исчисления, имя числительное, ингушский язык, звуковая речь, генезис числительных, особенности склонения имен числительных.

M.M. Sultygova

IS THERE GROUP DENOTING A NUMBER FROM THE INGUSH LANGUAGE? (OR THE QUESTION OF INFLUENCE OF RUSSIAN LANGUAGE TO INGUSH LANGUAGE)

Abstract: The article is devoted to topical problems of modern state of the Ingush language: analysis the name of the numeral as infrequent parts of speech and the problem of preserving the native vocabulary of the Ingush language, actively ousting the Russian language due to the influence of the latter on the minor languages of the North Caucasian languages. Presents a detailed history of the study of this part of speech in the Nakh languages, to define the theoretical bases of development name of the numeral. Of undoubted interest for updating the above-mentioned problems, present the results of scientific experiment conducted by the author among secondary school students studying Ingush language as a native language.

Key words: accounting system, enumerate, Ingush language, a sound, the Genesis of numerals, features of the declension of names of numerals.

Анализируя проблему исследования имени числительного как части речи, следует отметить, что данный вопрос относится к малоизученным не только в ингушском языке, но и в других младописьменных кавказских языках. Данная научная проблема актуальна как в теоретическом, так и в практическом аспектах для кавказского языкознания в целом.

Н.Я. Марр писал: «Люди еще не говорили звуковой речью, а умели считать, ибо без счета не могло происходить никакое производство, никакое общественное дело. Это обстоятельство надо признавать особенно постольку, поскольку человеческое творчество протекало уже независимо от природы или вернее в плане, выработанном в борьбе с природой, когда человек располагал искусственным орудием производства» [8, с. 4].

Касаясь вопроса значимости специального исследования числительного в кавказских языках, Т.М. Вагапова отмечает: «Актуальность данной проблемы обусловлена не только малоизученностью, но и необходимостью установления системы имен числительных как части речи, возросшим вниманием кавказоведов к числительным, особенно с повышением интереса к сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Изучение числительных дает богатый материал для установления не только генетического родства языков, но и генезиса отдельных числительных, истории их формирования» [4, с. 1].

Изучить числительные не только в ингушском, но и в нахских языках в их историческом развитии не представляется возможным в связи с отсутствием письменных памятников по этим языкам. Соответственно лингвистам приходится в качестве исторических сведений пользоваться в определенной степени скудными и фрагментарными сведениями не только собственно по числительным, но и в целом по ингушскому языку. В том числе и этим фактором обусловлено некое «прохладное» отношение лингвистов-наховедов к проблеме исследования имени числительного.

«С изучением числительных в чеченском и ингушском языках в современном их состоянии связан целый ряд вопросов: 1) формы числительных; 2) система числительных; 3) категории, характеризующие числительные; 4) отличие числительных от других частей речи» [9, с. 5]. Данная позиция ученого-ингушеведа является, по сути, планом для проведения исследования по имени числительному в ингушском языке.

Исторически числительные в ингушском языке входили в состав существительных, прилагательных и других частей речи. Свидетельствуют об этом особенности их образования и склонения, что должно было стимулировать научный интерес специалистов к числительному.

Одним из первых ученых, обратившихся в своих исследовательских работах к имени числительному нахских языков, является П.К. Услар, проанализировавший довольно поверхностно систему исчисления в чеченском языке. П.К. Усларом было уделено внимание вопросу образования числительных, принципам склонения числительных и их лексико-семантическим особенностям. Как разряды числительных им были выделены количественные, порядковые, собирательные, дробные и распределительные числительные. Параллельно им рассмотрены некоторые особенности употребления числительных в чеченском языке.

В результате проведенной работы он отмечает, что «… чеченцы следуют двадцатеричной системе счисления: четные десятки суть кратные двадцати, нечетные образуются присоединением десяти и т.д. к предыдущему четному. Таким образом, *тридцать* выражается через *двадцать десять*, *тридцать один – двадцать одиннадцать*, *сорок – два двадцать*, *пятьдесят – два двадцать десять*, *пятьдесят один – два двадцать одиннадцать* и так далее» [10, с. 37].

С аргументированным научным подходом было подвергнуто исследованию имя числительное в нахских языках Ю. Д. Дешериевым. Кроме определения некоторых разрядов числительных, таких как количественные, порядковые, собирательные, распределительные и кратные, им был проведен сравнительный анализ имени числительного в нахских и других кавказских языках. В частности, Ю. Д. Дешериев отмечает, что в бацбийском языке представлены древние и, соответственно, самые сложные по способу образования модели числительных, преимущественно в пределах от ста и выше, функционировавшие в бацбийском языке до периода активного влияния грузинского языка. Например, числительное 10001 обозначалось следующим набором математической терминологии: «***двадцатью пятью двадцатью двадцать и один***». Впоследствии, в результате агрессивного влияния грузинского языка, многие имена числительные были утрачены бацбийским языком при параллельном процессе заимствования. Так бацбийским языком были приняты в активный пласт языка чис-

лительные ***аси*** «сто», ***атаси*** «тысяча»» и другие [5, с. 13].

Интересным, на наш взгляд, является следующий факт: практически все исследователи числительного в нахских языках выделяют только некоторые (основные) разряды числительных. В частности, Г.А. Климов выделяет в нахско-дагестанских языках только количественные, порядковые, разделительные (дистрибутивные) и кратные числительные [6].

В учебном издании по современному ингушскому языку (авторский коллектив: Ахриева Р. И., Оздоева Ф. Г., Мальсагова Л. Д. и др.) для студентов высшей школы, изучающих ингушский язык, также не рассмотрены все разряды числительных, а даны сведения о количественных, порядковых, собирательных, неопределенно-количественных, распределительных и дробных числительных [1].

Аналогичная структура имени числительного дана И.А. Арсахановым, выделившим в аккинском диалекте чеченского языка шесть разрядов числительного: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, распределительные и кратные [2].

Определенный научный интерес вызывает работа Т.М. Вагаповой, рассмотревшей систему числительных в нахских языках в ее историческом развитии и особенности словообразования и склонения числительных, относящихся к основным разрядам числительных (количественные, порядковые и собирательные). Выявленные автором архаичные формы числительных еще требуют своего дальнейшего исследования и потенциально являются весьма интересными с этимологической точки зрения объектами для научного исследования [3].

В связи с указанным особо значимой является научная работа З.К. Мальсагова, предоставившего первые научные сведения собственно об ингушском языке. При этом автор выделяет такие разряды числительных в ингушском языке, как количественные, порядковые, собирательные, распределительные, кратные и дробные. К числительным, по мнению З. Мальсагова, относятся также следующие слова: ***цхьалха*** «единый», ***шолха*** «двойной», ***кхолха*** «тройной», ***шолхане*** «вдвое», ***кхолхане*** «втрое», ***диалхане*** «вчетверо», ***пхиалхане*** «впятеро», ***иттане*** «вдесятеро» [7].

Также имя числительное в ингушском и чеченском языках стало темой исследования И.А. Оздоева, который подробно рассмотрел практически все разряды имен числительных: количественные, порядковые, собирательные, дробные, кратные, приближенно-количественные, распределительные, неопределенно-количественные. Кроме того, автором дана подробная характеристика числительным с точки зрения их словообразовательной и семантической составляющей, а также выделены особенности употребления числительных в ингушском и чеченском языках. Особую ценность с научной точки зрения указанная работа представляет в сравнительном плане: в ней приведены общие данные по системе счета различных языков [9].

Надо отметить, что на базе данного исследования были определены теоретические основы разработки имени числительного в учебных и методических пособиях по ингушскому языку на начальном этапе развития ингушского литературного языка и первого опыта преподавания ингушского языка в школах различных уровней.

В разработанных для современной школы общеобразовательного уровня проектов учебник ингушского языка числительное довольно ограниченно рассматривается как разветвленная часть речи и член предложения, при этом, проводя классификацию нумеративных лексем, относящихся к системе числительного, приоритет отдается семантическим критериям и синтаксическим функциям единиц данной части речи. В разрядное разграничение выведены количественные числительные (к которым отнесены собирательные, дробные и неопределенно-количественные числительные) и порядковые. Здесь же подчеркивается, что ингушский язык располагает и другими видами числительных. Однако сказано в отношении этих видов числительных только то, что они выражают самые разнообразные значения и образуют различные части речи: существительные, прилагательные, наречия, глаголы и др.

Несмотря на то, что указанная работа представляется весьма значимой в связи с тем, что в ней впервые определены и представлены все разряды числительных ингушского языка, практически ничего не сказано об образовании числительных, кроме следующего положения: по своим образованиям числительные бывают трех видов: состоящие из одного корня простые числительные (***цаI*** «один», ***шиъ*** «два», ***пхиъ*** «пять» и т.д.), состоящие из нескольких основ сложные числительные (***шовзткъа*** «сорок», ***кховзткъа*** «шестьдесят») и состоящие из нескольких слов составные числительные (***ткъаь ялхайтта*** «тридцать шесть», ***бIаь ткъаь бархI*** «сто двадцать восемь», ***ши эзар ворхI бIаь кховзткъа кхоъ*** «две тысячи семьсот шестьдесят три».

Одним из последних научных работ, посвященных имени числительному ингушского языка, является исследование З.Х. Киевой и М.М. Султыговой, выполненное в качестве плановой работы за 2008 и 2010 гг. в отделе ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук, в котором была предпринята попытка определить практически все разряды числительных ингушского языка, с установлением основных способов их образования и особенностей их функционирования. Однако, несмотря на указанные научные работы, говорить сегодня о том, что числительное ингушского языка исчерпывающе исследовано, не представляется возможным в силу множества факторов.

Малоисследованность числительного в ингушском языке и малоупотребительность собственно числительных ингушами в живой разговорной речи вызвало проблему, и не только научную, перспектив дальнейшего развития этой части речи в ингушском языкознании. Можно сказать, что современная ингушская речь в сущности утрачивает числительные ингушского языка, вместо которых используют за-

имствованные из русского языка эквивалентные единицы. Не акцентируя внимания на процесс заимствования, следует отметить, что любые заимствования совершенно свободно и органично входят в систему ингушского словоизменения. Однако числительные русского языка такой адаптации поддаются с трудом и не до конца.

Показательно, что в ингушской речи заимствованное из русского языка название числа обычно за собой может «тянуть» и русское название исчисляемого предмета: двадцать штук, пятьдесят рублей, сто учеников и т.д. Именно в силу этой зависимости чрезвычайно актуально возвращение в научный обиход и в живую ингушскую речь исконных названий числительных ингушского языка.

Чтобы представить реальную картину частотности употребления и сохранности в целом этих единиц в живой ингушкой речи, нами был проведен эксперимент, с участием учащихся общеобразовательной школы с. Новое Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания (один из населенных пунктов компактного проживания ингушей). Учащимся среднего и старшего звена (5-11 классы) были заданы 3 вопроса на ингушском языке, на которые просили ответить также на ингушском языке:

1. Назовите год Вашего рождения.
2. Назовите номер личного мобильного телефона учащегося или одного из родителя (или законного представителя).
3. Назовите номер дома или квартиры, в котором Вы проживаете.

Из опрошенных 258 учащихся на первый вопрос смогли ответить – 0; на второй – 0; на третий вопрос правильно ответили 164 человека. Такая разница в результатах объясняется тем, что указавшие и назвавшие номер дома или квартиры справились с вопросом только потому, что цифры или числа, которые они называли, находились в пределах от 1 до 30.

Таким образом, представляется очевидной угроза, нависшая над именем числительным ингушского языка как частью речи и как частью большого и интересного организма под названием «Ингушский язык».

Список литературы

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д. и др. ХIанзара гIалгIай мотт (Современный ингушский язык). Грозный, 1972.
2. Арсаханов И.Г. Аккинский диаленкт в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
3. Вагапова Т.М. Имя числительное в чеченском языке // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.
4. Вагапова Т.М. Образование и склонение числительных в чеченском языке с учетом диалектных данных. Автореф. дисс… канд. филол. наук. – Тбилиси, 1987.
5. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.
6. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала, 2007.
11. Мальсагов З.К. Ингушская грамматика (со сборником ингушских слов). – Владикавказ, 1925.
12. Марр Н.Я. О числительных (к постановке генетического вопроса) // Языковедные проблемы по числительным. Т. I. – Л., 1927.
13. Оздоев И.А. Числительные в чеченском и ингушском языках // Известия ЧИНИИИЯЛ. T.V. Вып.2. Языкознание. Грозный, 1966.
14. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. II. Чеченский язык. Тифлис, 1988.

М.М. Султыгова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос продекларированного законом «О государственных языках Республики Ингушетия» юридического равноправия ингушского и русского языков. Выделяются сложившиеся проблемы реализации государственного статуса ингушского языка на практике, определяются ключевые направления по изменению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: государственный статус, язык, равноправие, родной язык, сужение сферы использования, терминотворчество, лексика, культура речи, ингушский язык.

M.M. Sultygova

REGIONAL STATE LANGUAGE: PROBLEMS AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS (ACCORDING TO THE ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF THE INGUSH LANGUAGE)

Abstract: In the article discusses the declared the law “On the state language of the Republic of Ingushetia” legal equality of the Ingush and Russian languages. Are allocated existing problems of implementation of the state status of the Ingush language in practice, identifies key directions for changing the situation.

Key words: state status, language, equality, mother tongue, narrowing the scope of use, terminotvorchestvo, vocabulary, culture of speech, the Ingush language.

Согласно закону «О государственных языках Республики Ингушетия» ингушский язык наряду с русским языком наделен статусом государственного языка Республики Ингушетия. Само понимание необходимости придания такого статуса многим региональным языкам обусловлено рядом факторов, основным из которых является чрезвычайная значимость сохранения родного языка. И без помощи серьезных и системных государственных мер в этом не обойтись.

Самое пристальное внимание требуется вопросу изучения родного языка в общеобразовательных учреждениях, без достаточного знания которого невозможно изучение родной культуры и традиций. Именно посредством родного языка ребенок обнаруживает возможность идентификации себя со всеми, кто на нем говорит. Исходя из этого становится понятными заинтересованность и пристальное внимание представителей этносов, независимо от социального статуса и иных особенностей, к проблемам языка, вопросу тенденции «незаметного» сужения сферы использования родного языка, а также их заинтересованность в его сохранении и развитии.

Но здесь сложилась своеобразная коллизия: с одной стороны, сохранив и развивая родной язык, мы сохраняем для потомков и культурной картины мира самобытную культуру конкретного народа, представляющую уникальный опыт развития народа. С другой стороны, устойчивая тенденция глобализации требует знания не только русского языка, но и наиболее распространенных европейских языков. И в этом процессе современному учащемуся нужен сбалансированный подход.

В Республике Ингушетия до настоящего времени не обеспечено активное овладение учащимися родного языка (не имею в виду единичные случаи); таким образом, следует признать, что процесс обучения родному языку далек от совершенства. Имеющиеся школьные учебники совершенно отстали от реалий сегодняшнего дня и застыли в советском периоде. Отсутствуют разработанная система построения учебников, действительно эффективные и апробированные курсы повышения квалификации учителей родного языка, нет лаборатории национально-регионального компонента, концепции национального образования, единого координатора в организации деятельности и взаимодействия всех задействованных в процессе государственных и общественных институтов. Уверена, что указанные проблемы в развитии титульных языков имеются практически во всех северокавказских национальных регионах.

Кроме того, архиважной является задача по урегулированию процесса сознательного вмешательства в вялотекущую языковую политику. Деятельность правительственных терминологических и орфографических комиссий сошла на нет: в принципе нет системной работы над упорядочением и использованием лексики ингушского языка, воссозданием и развитием его терминологии. Достаточно посчитать количество введенных в ингушском языке в оборот в последние годы слов, относящихся к общественно-политической жизни, или же слов, расширенных в своей семантике. А ведь выразительные способности исконного лексического пласта позволяют вести эту работу на достаточном уровне. К чести средств массовой информации Республики Ингушетия следует отметить, что они готовы и реально сотрудничают в этом направлении, дело только за вышеуказанными комиссиями.

Серьезную проблему создают якобы «научные» исследования дилетантов в области ингушского языкознания: это и историки, и этнографы, и просто люди, далекие от лингвистики. Не вынося результаты своего так называемого «исследования» за пределы Республики Ингушетия (на различных конференциях и симпозиумах надо отстаивать и аргументированно защищать свои позиции и научные выкладки и результаты, а для этого нужны истинно научные подходы и знания, методы современного языкознания), эти дилетанты распространяют свои труды, играя на национальных чувствах ингушей заявлениями типа «все языки мира произошли от ингушского» и «ингуши владели землями от Куры до Дона». Все это было бы смешно, если бы речь не шла о печатной продукции, которая остается после нас. Именно эти «ученые» стараются также испортить устоявшуюся орфографию современного ингушского языка, распространяя литературу, написанную на непонятном для современного потребителя печатной продукции литературу.

Все указанное вкупе привело к тому, что, несмотря на статус государственного языка, функциональная роль ингушского языка в настоящее время остается минимальной. Законодательно продекларировано равноправие на территории Ингушетии ингушского и русского языков, следовательно, предоставлены и равные возможности их реализации и равные их общественные функции. Однако, юридическое признание их равноправия – частичная мера. Повторюсь, необходима всесторонняя работа по выявлению функционального состояния терминологии ингушского языка, результаты которой будут способствовать дальнейшему его развитию и ингушского языка в целом.

Современное состояние ингушской отраслевой терминологии требует особого внимания к вопросу принятия неотложных мер по обеспечению перспектив ее дальнейшего развития посредством сознательного вмешательства в процессы терминотворчества. Реализация этой работы позволит обеспечить ингушский язык развитой отраслевой терминологией, закрепить литературные нормы единиц данной системы и улучшить культуру речи носителей ингушского языка.

Как показывает практика, даже в случае масштабной работы одних лишь административных мер недостаточно. Нужно активное участие всего общества по сохранению ингушского языка, всемерному расширению сферы его использования. А для этого следует, прежде всего, культивировать в себе и в детях любовь к родному языку. Именно это и должно стать национальной идеей. На мой взгляд, в этом заключается духовный смысл Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой Комитетом министров Совета Европы в 1992 году.

Р. Р. Хайрова

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье рассматривается несобственно-прямая речь в ингушском языке как одна из разновидностей чужой речи. Несобственно-прямая речь, кроме общих с прямой и косвенной речью признаков, имеет свои специфические особенности и служит важным сюжетно-композиционным средством в художественных текстах.

Ключевые слова: способы передачи чужой речи, несобственно-прямая речь, модальный план, синтаксическая конструкция, стилистический прием.

R.R. Hayrova

NOT ACTUALLY-THE DIRECT SPEECH AS A WAY OF TRANSFERRING SOMEONE ELSE'S SPEECH IN THE INGUSH LANGUAGE

Abstract: In article is considered not actually – the direct speech in the Ingush language as one of kinds of someone else's speech. Not actually – the direct speech, except the signs, general with the direct and indirect speech, has the specific features and serves as important subject and composite means in art texts.

Key words: ways of transfer of someone else's speech, not actually – the direct speech, the modal plan, a syntactic design, stylistic reception.

Структуры для передачи чужой речи играют чрезвычайно важную роль в любом языке.

В процессе общения в одних случаях становится важным передать не только содержание, но и форму чужой речи (грамматическую организацию, а также точный лексический состав), в других случаях – лишь содержание. Следовательно, в некоторых случаях дословное воспроизведение чужой речи строго обязательно, а в других – необязательно.

В соответствии с вышесказанным в языке выделяют три основные разновидности чужой речи: прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Данные способы передачи чужой речи представляют собой наиболее распространенную форму высказывания в художественной прозе и разговорной речи, являясь неотъемлемым компонентом лингвостилистического анализа художественного произведения, ядром описания языка и стиля писателя. Нередко именно эти конструкции становятся стилеобразующим средством в художественном произведении.

Однако, несмотря на такую значимость конструкций с чужой речью, в современном ингушском языке они практически не изучены, за исключением кратких сведений о прямой и косвенной речи, которые даются в школьных и вузовских учебниках по ингушскому языку. Что касается несобственно-прямой речи, то она вообще не выделяется как способ передачи чужой речи.

Как отмечает П.Х. Бекова, «в ингушском литературном языке имеются те же разновидности чужой речи, что и в русском: прямая, косвенная, несобственно-прямая речь. Разница же состоит в том, что степень разработанности каждой из модификаций в этих языках различна» [2, с. 55].

Между тем, современная ингушская проза с ее прекрасным языком и своеобразной поэтикой представляет интереснейший материал для изучения как чужой речи в целом, так и несобственно-прямой речи в частности.

Несобственно прямая речь – это своеобразные внутренние монологи в художественном тексте, при которых повествования о событиях и их эмоциональное восприятие героями сливается в единое целое, создавая неразрывное переплетение сюжетной линии произведения с изображением чувств, размышлений персонажей.

Несобственно-прямая речь характеризуется стилистической и синтаксической упорядоченностью и относится к числу сложных, интересных и оригинальных языковых образований. Она всегда двупланова, и эта двуплановость проявляется в органическом соединении двух речевых слоев, базирующемся на взаимодействии синтаксических особенностей прямой и косвенной речи.

«Объединение двух позиций (автора и героя), двусторонняя оценка одного и того же явления – создает семантически глубокую и структурно-простую форму передачи чужой речи» [1, с. 250].

Так как несобственно-прямая речь один из наименее изученных способов передачи чужой речи в любом языке, до сих пор не решен вопрос, к чему ее относить – к синтаксической конструкции или к стилистическому приему.

К примеру, исследователи несобственно-прямой речи Л.А. Соколова [8], И.И. Ковтунова [5, В.А. Кухаренко [6] считают несобственно-прямую речь стилистическим приемом; некоторые же, напрмер, Л.Ю. Максимов [7], Г.А. Чумаков [9] и др., уверенно называют ее синтаксической конструкцией, которая, однако, всегда представляет собой литературный прием введения речи героев в авторское повествование и которая является синтаксическим синонимом других способов передачи чужой речи.

На наш взгляд, несобственно-прямая речь в ингушском языке – один из способов передачи чужой речи, синтаксическая конструкция, которая, кроме общих с прямой и косвенной речью признаков, имеет и свои специфические особенности, что мы и покажем в данной статье.

В ингушской прозе широко применяются внутренние монологи в форме несобственно-прямой речи, что позволяет писателям проникнуть вглубь человеческой души, в самые сокровенные ее желания, передавать чувства и мысли персонажей.

В качестве анализа несобственно-прямой речи в ингушском языке взяты произведения ингушско-

го писателя Ахмеда Ведзижева, который мастерски умел показать различные проявления человеческой души во всей ее глубине в своих произведениях.

Несобственно-прямая речь занимает большое место в произведении, служит средством движения сюжета, развития интриги.

Прерывистость интонации, передающая поиск нового слова, додумывание мысли, выражаемая графически многоточием, характерны для речи персонажа и не свойственны авторскому повествованию, поэтому является признаком несобственно-прямой речи в ингушском языке: *Ший бера ха, нийсархой, хьалкхер, сесаг, бераш – уж сурташ духьалъайттар цунна. Х1анз?...Ве вуг-кх. Валар, ер хиннад-кх из даиман кхераме дийца валар. Ер-м кхераме а дац... Т1аккха? Фу хургда т1аккха?* «Свое детство, ровесники, взросление, жена, дети – эти картины предстали перед ним теперь. Теперь? Ведут убивать. Смерть, вот она смерть, о которой боялись говорить. Она и не такая страшная…Потом? А что будет потом?» [3, с. 249].

В приведенном отрывке из рассказа А. Ведзижева «На рассвете» внутренний монолог персонажа в составе объективного авторского повествования позволяет передать содержание напряженного внутреннего состояния героя из-за приближающейся смерти, а также переживаемые им чувства и размышления о загробной жизни.

Несобственно-прямая речь всегда отражает точку зрения персонажа, которая всегда уже, ограниченнее авторской. Персонаж не обладает всеведением: он не знает, какие события еще произойдут; персонаж в своем взгляде ограничен временем и пространством. В отличие от автора, персонаж субъективен и субъективно воспринимает окружающее. Наконец, ограниченность точки зрения персонажа обусловливается его более узким, чем у писателя, кругозором, меньшим объемом знаний, меньшим жизненным опытом: *Цу бусса наб кхетацар Тухана. Юха а, юха а дагаухар йи1ий т1ехьара дешаш…Фу ала г1ертар из цу дешашца? О, нагахьа Залинай дага фуд ховре! Сага дего болх мишта бу-м ховра лора, бакъда цхьаккха а 1илманна магац дега къайле йовза* [3, с. 300]. «В эту ночь Тухан не мог заснуть. Снова и снова вспоминал он слова девушки…Что она хотела ими сказать? О, если бы знать, что на душе у Залины! Врач знает, как работает сердце человека, однако никакая наука не сможет разгадать тайны человеческой души».

Вся несобственно-прямая речь в этом отрывке – поиск ответов героя на волнующий его вопрос. Перебирая в мыслях слова любимой девушки, герой пытается понять, что же на самом деле она чувствует. Таким образом, образуется сложный комплекс мыслительных процессов в виде скрытого диалога между автором и персонажем.

В несобственно-прямой речи сохраняются характерные черты прямой речи того или другого из персонажей художественного произведения (в области лексики, грамматики) при соблюдении строя косвенной речи. Иначе говоря, несобственно-прямая речь по содержанию – прямая, а по форме – косвенная, где окончания спрягаемых форм глагола и местоимения оформляются так, будто речь ведет автор, а не герой.

В ингушском языке можно выделить дифференциальные лингвистические признаки, по которым можно обнаружить несобственно-прямую речь в тексте. В авторском повествовании ее можно обнаружить по целому ряду признаков:

1. Смена временного плана глагола: *Шоллаг1ча дийнахьа ше наьнага каьхат яздарах Туханага х1ама* ***аланзар*** *цо. Сенна* ***оал*** *из? Нанас ловца боаккхаш письмо* ***юха яздергда***...[3, с. 309]. «Она ничего не сказала Тухану о том, что на второй день **написала** письмо матери. Да и зачем говорить. Мать **напишет** обратно письмо, поздравляя ее».

2. Изменение модального плана. Оно достигается следующими грамматическими средствами:

2.1. Смена наклонения глагола в авторском тексте и несобственно-прямой речи: *Далла хоастам ба, деррига дика* ***д1анийсделар****. Цу 1аьдала ги* ***йоахкийла*** *уж говраш!* [4, с. 256]. «Слава богу, все хорошо **закончилось**. **Пусть подавится** государство этими лошадьми!»

2.2. Наличие вопросительных предложений: *Тахан а ший аьттув хилча, ше леладаьр юха леладергдар цо. Советаш еций цун багара сискал яьккхар? Я. Т1аккха малаг1а машар хургбар цун царца?* [3, с. 30]. «При возможности он сегодня действовал бы так, как раньше. Советы ведь его оставили без куска хлеба? Да. Какая дружба тогда между ними может быть?»

2.3. Наличие восклицательных предложений: *О, уж т1ехьара дешаш! 1еттача шалта лазар ла аттаг1а хургдар Зайнапа уж хозачул* [3, с. 330]. «О, эти последние слова! Легче было бы Зайнап перенести боль от удара кинжалом, чем услышать эти слова».

2.4. Наличие слов, отличающихся на фоне авторского текста своей стилистической однородностью, принадлежностью к речи персонажа. В данном отрывке речь героини отличается стилистической окрашенностью: *Фу хьашт дар хинначоа т1а цунна кхы а бохам бе, човна т1а тух тассар мо х1ама хургдар цунах. Цудухьа маро ше хьа ца оале, цунга х1ама ца хьоахаде аьнна, соцадаьдар цо* [3, с. 164]. «Не нужно расстраивать его еще больше. Это было бы будто соль на рану. Поэтому она решила ничего не говорить мужу, пока он сам не расскажет».

2.5. Наличие неопределенных и указательных местоимений: *Дивана т1а хьанарваьнна атта улилга яр, наггахьа телефонагахьа д1а а хьожаш.* ***Цхьанне*** *телефон мукъаг1а тохаялар? Бакъда, телефон тохаш яц. К1иранди доландаь хургдар-кх* ***из*** [3, с.323]. «На диване удобно было лежать, иногда посматривая в сторону телефона. Хоть бы **кто-то** позвонил что ли? Но не звонят. Наверно, **это** связано с тем, что сегодня воскресенье».

2.6. Наличие междометий: *Цу дийнахьа гаргара нах болча йигар со нанас шийца.* ***О, маьржа-я1****, хьанна могаргдар цу дийнахьа са дага хиннар кхетаде* [3, с. 280]. «В этот день мать повела меня с собой к родственникам. **Эх**, кто бы мог понять то, что было у меня на душе в тот день».

3.Наличие интонации рассуждения, убеждения, которая отличается от авторского повествования: *Сийсара даь-сесагаца хинна къамаьл дага а деха,*

х1анз цун уйла еш уллар из. Фу бахьан нийсденнадте Абатецара из хийра вала? Нагахьа санна царна юкъера доттаг1ал х1анз а долаш дале, х1ана дора дав-сесага Абатех селла из 1охьокхавеш къамаьл? Шоллаг1а шу ма дий из дацца яха. Т1аккха цунна ца ха йиш мичай уж в1аший безаш хинна хилар [3, с. 267]. «Вспомнив вчерашний разговор с мачехой, он сейчас лежал и думал об этом. По какой причине Абати охладел к нему? Если дружба между ними до сих пор продолжается, почему мачеха говорила об Абати, так его унижая? Второй год ведь она живет с отцом. Поэтому она не могла не знать о том, что они любят друг друга».

Признаки несобственно-прямой речи в данном отрывке: наличие авторского ввода «уйла еш уллар», разговорной лексики «1охьокхавеш къамаьл дора», вопросительные предложения.

Как видим, в несобственно-прямой речи заложены широкие стилистические возможности, большая выразительность и яркость, эмоциональное богатство и образность. В ней сохраняются в той или иной степени лексические и синтаксические особенности чужого высказывания (подлинные выражения, порядок слов, интонация фразы), манера речи говорящего, эмоциональная окраска, характерная для прямой речи.

Таким образом, несобственно-прямая речь – способ передачи чужой речи, широко и многосторонне представленный в ингушской прозе. Следовательно, перед синтаксисом ингушского языка стоит сложная проблема, связанная с определением синтактико-стилистического своеобразия конструкций с несобственно-прямой речью.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. 270 с.
2. Бекова П.Х. Способы передачи чужой речи в русском и ингушском языках // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков. Грозный, 1985, с. 55-58
3. Ведзижев А.А. Метель в горах. Повести и рассказы. Грозный, 1986. – 336 с.
4. Ведзижев А.А. Остывший очаг. Роман. Грозный, 1983. 344 с.
5. Ковтунова И.И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1953. №2, с. 18-27.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
7. Максимов Л.Ю. Русский язык. Ч.2. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
8. Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск: Издательство Томского университета, 1968. 278 с.
9. Чумаков Г.А. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Высшая школа, 1975. 220 с.

РАЗДЕЛ IV
ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

С.И. Аккиева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОВЕРИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Аннотация: В статье проводится анализ институтов гостеприимства, куначества и аталычества в социальной жизни традиционного общества. Рассматривается их роль в формировании социального капитала доверия и доверительности в обществе. Автор выделяет функции данных институтов, как важных условий сохранения самобытности народа и добрососедских межэтнических отношений

Ключевые слова: доверие, дискуссионная проблема, традиционная культура, карачаевцы, балкарцы, институты, гостеприимство, куначество, аталычество, функции, условия сохранения самобытности народа

S.I. Akkieva

HISTORICAL BASIS OF TRUST IN THE TRADITIONAL CULTURE OF BALKARIANS AND KARACHAIS

Abstract: The article analyzes the hospitality institutes and kunachestva atalichestva in the social life of traditional society. Consider the role in the formation of social capital, trust and confidence in society. The author distinguishes the functions of these institutions, as a key element in maintaining the identity of people and ethnic relations of good-neighborly.

Key words: trust, problem discussion, traditional culture, Karachevtsev, Balkars, institutions, hospitality, kunachestvo, atalichestvo, functions, conditions of preservation of the identity of the people

Одним из важнейших факторов, обуславливающих характер не только межличностых, но и в целом социальных отношений, является доверие. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе» [1, с. 7]. Проблема доверия активно изучается психологами, экономистами, правоведами, социологами и т.д. Несмотря на повышенное внимание к феномену доверия, трактовка его природы и институтов доверия остается дискуссионной. Можно и нужно согласиться с мнением М.Н. Губогло, что в современном гуманитарном знании исследовательские стратегии феномена и институтов «доверия» практикуются в широком диапазоне в предметной области с весьма размытыми границами проблематики в этнологии, с рейдами и интервенцией в предметную область социальной психологии, истории, философии и культурологии» [2]. М.Н. Губогло, один из наиболее известных этносоциологов в нашей стране внес значительный вклад в изучение феномена доверия [3; 4; 5]. Обращаясь к традиционной культуре, он отмечает, что гостеприимство представляет собой наработанный веками социальный капитал [6, с. 4] и выделяет его как один из институтов доверия, воспитания доверия и межэтнической коммуникации. Разделяя его точку зрения, рассмотрим институт доверия у карачаевцев и балкарцев, который сохранил важное значение в социальной жизни народа до настоящего времени.

Гостеприимство карачаево-балкарского народа зародилось в глубокой древности, о чем свидетельствуют нартский эпос, пословицы и поговорки. В нартском сказании «Ёрюзмек и Ногай-коротыш» дан яркий пример роли гостеприимства. Так вождь нартов Ерюзмерк, принимает незнакомца как желанного гостя и затем по его просьбе отправляется с ним в дальний и неизведаннй путь, на борьбу с циклопами. В битве с ними гость Ёрюзмека погибает, а Ёрюзмек отправляется снова в путь, чтобы узнать, кто же был его гость и сообщить о его смерти его родным. После долгих поисков он находит мать своего гостя, которая и рассказала ему историю гибели своих двоих старших сыновей в битве с циклопами и о том, что младший, будучи в этой битве раненый, после выздоровления отправился мстить за своих братьев. Так Ёрюзмек узнает историю своего кунака и рассказывает матери Ногая про свой поход с ее сыном против циклопов (эмегенов), и затем «ее всем обеспечил , а затем к себе домой вернулся». [7, с. 347]

С незапамятных времен сформировалось отношение к гостю, как сакральной фигуре. По мнению А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, «Сакральностью гостя обусловлен целый ряд деталей гостеприимства, которым обычно не уделяется должного внимания. Такова, например, безымянность гостя. Во многих традициях не принято спрашивать незнакомого путника о том, кто он и куда направляется, какова цель его приезда. Через определенный обычаем срок он сам может рассказать об этом, но может так и уехать, не назвавшись» [8, с. 121].

В сказании «Шауай» Ёрюзмек наказывает своей жене Сатанай привечать всякого гостя. А причина такого поведения вождя нартов Ерюзмека было то, что он встретил одного отважного юношу «Шауая», за которого обещал выдать свою красавицу-дочь Агунду. Но Шауай насколько отважен и храбр, настолько и

загадочен и непредсказуем, в гости он может прийти в любое время, и постарается быть неузнанным. Потому жена Ёрузмека должна «прилагать все заботы, чтобы принимать лучше всякого гостя, какой только явися, кто бы он не был – богатый или бедный, оборванный или роскошно одетый [9, с. 76]».

Потому у карачаево-балкарцев с незапамятных, нартских времен повелось встречать любого гостя радушно, ведь никто не знает, кем мог оказаться гость, какого роду-племени и с какой целью он явился.

О значимости гостеприимства у карачаевцев и балкарцев можно судить по наличию в знаменитом четырёхязычном словаре Кодекс Куманикус (1303) слова «conaclarman», что означало, вероятно, гостеприимство, прием гостя.

О гостеприимстве карачаевцев и балкарцев писали все путешественники, побывавшие в Карачае и Балкарии. Путешествуя в конце XIX в. по Кавказу, В. Я. Тепцов, известный русский географ, в своих путевых записках рассказывает о том, что гостеприимство у карачаевцев и балкарцев является этической нормой, как и уважение к старшим, возведенное в ранг социальных институтов. Он приводит два примера гостеприимства, которое было им оказано в Карачае и Балкарии. В первом случае встретившийся им на пути карачаевец пригласил их в гости, мотивировав свое приглашение тем, ему будет стыдно перед людьми и перед своей совестью, если гости минуют его дом. Карачаевец сказал им, что таков обычай и «я желаю принять вас у себя как гостей, не гнушайтесь же мной и моей пищей, заверните в мою саклю» [10, с. 82-83]. Второй пример касается двух пастухов в Орусбиевском обществе, которые, видя уставших путников, предложили им отдохнуть и принесли им войлоки, чтобы они могли сесть, сметану, свежее масло, бурдюк кефира и три больших круга сыра, сметаны, кефир, масло, сыр и свежее масло. «Все предлагалось радушно, почтительно, с серьезным видом. Они как бы священодействовали. В манерах и речи их сквозило осознание исполняемого долга» [10, с. 82-83]. На предложение заплатить деньги за сыр и кефир, балкарские пастухи, которые к тому же находились в трауре по поводу кончины отца, ответили, что они не торговцы и продавать пищу не могут, они выразили сожаление, что не имеют возможности принять гостей достойно, но все, что у них есть, отдают в полное распоряжение путешественников и просят не осудить их за худой прием [10, с. 82-83].

Следует отметить, что у балкарцев и карачаевцев отношение к гостю было ровным, не делались различия в зависимости от социального статуса, веры, экономического положения.

В Карачае и Балкарии недостаточно ревностное исполнение правил гостеприимства считалось большим пороком и вызывало всеобщее осуждение, и наоборот, слава гостеприимства значительно укрепляла авторитет. Считалось, что уважительное отношение к гостю угодно богу, и человеку от него обязательно воздастся. Религиозный подтекст в отношении к гостю отражен в поговорке «Гость – посланник бога» (Къонакъ Аллахны келечисиди) [11, с. 37].

Гостеприимство было сопряжено со значительными материальными издержками и не все могли обеспечивать гостя всем необходимым (постелью, пишей и т.д.), как того предписывал обычай. В таком случае можно было обратиться за помощью к соседям и получить помощь. Человек, принимающий гостей в своем доме, нес материальные издержки, но повышал свой статус в обществе, обретал репутацию, уважение и почет, которые в той или иной форме компенсировали затраты [12, с. 49].

Гостеприимство базировалось на доверии между гостем и хозяином, убежденности в том, что гостю будет гарантирована безопасность. Обеспечение безопасности гостю был закон, который распространялся на всех, будь он враг или друг, богат или беден, представитель знати или простолюдин. Хозяин гарантировал безопасность гостю не только в своем доме, но и на территории всего общества, гарантией этой безопасности была репутация хозяина и его имя.

В результате многовекового развития института гостеприимства, в процессе которого он постоянно подстраивался под новые условия, в обществе сложились четко разработанные правила приема гостей, их прав, обязанностей хозяев.

Вообще гость мог либо обратиться к хозяевам с просьбой принять его, а при наличии кунацкой войти в нее без спроса. Кунацкая – специальное помещение для гостей – имела распространение повсеместно на Северном Кавказе. У карачаевцев и балкарцев кунацкая располагалась во дворе или же имела отдельный вход в общем доме. Убранство кунацкой учитывало потребности гостя и по возможностям хозяев украшалась как можно лучше. Устройство кунацкой вне территории усадьбы, как было у некоторых народов Северного Кавказа, у карачаевцев и балкарцев не практиковалось, так как не соответствовало этикетным нормам гостеприимства [13, с. 69; 14; 15, с. 220]. Комната для гостя (къонак отоу, которая была убрана, чтобы гость, когда бы он ни пришел, имел все необходимое для полноценного отдыха) просуществовала у карачаевцев и балкарцев вплоть до 80-х годов XX века. Нередко приезд гостя становился важным событием и в его честь хозяин дома устраивал къурманлыкъ (жертвоприношение), а порой и той (торжество). Приветствовать гостя приходили родственники и соседи.

На основе морально-эстетических норм гостеприимства развивался у карачаево-балкарцев и институт куначества. Название это, принятое в литературе, тюркского происхождения [16, с. 94,95], на что указывает то, что у карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев кунак в точном переводе обозначает гость. Институт куначества, несомненно, вырос из гостеприимства, но представляет собой установление длительных отношений между кунаками на основе взаимовыручки и взаимопомощи. Несмотря на то, что правила приема гостя вообще и кунака были в основном одинаковы, а сами они пользовались одними и теми же правами и привилегиями, тем не менее, были в них некоторые различия.

Для установления куначеских отношений нужно было, чтобы между гостем и хозяином возникли дру-

жеские, теплые, долговременные отношения. Если такие отношения возникали, то хозяин (къонакбай) становился кунаком гостя и в следующее посещение гость отправлялся гостевать в знакомый дом, к своему къонакъбаю. «Два лицае – писал В.К. Гарданов, – принадлежавшие к различным родам и даже племенам и народностям, вступали друг с другом в близкие дружеские отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту» [17, с. 308]. Ритуал приема гостя, а тем более – будущего кунака, т.е. того, кто в будущем мог стать из «чужого» «своим, носило сакральный характер [18, с. 384]. Наделение статусом кунака требовало проведения ритуала напоминающий ритаул побратимства. Вступающие в отношения куначества стороны брали чашу с бузой и поочередно пили из нее, произнося клятву в верности. После глубокого проникновения ислама ритуал побратимства проходил на основе исламской обрядности – обе стороны клали руку на Коран и клялись в верности. Система отношений кунаков напоминало понятие «побратимство». В более поздний период времени «куначество» рассматривалось как покровительство и защита.

Кунаки обязаны были не только принимать друг друга, обеспечивая защиту, помощь в делах и покровительство, но и родных и близких того, человека, с которым поддерживали куначеские отношения, если к нему являлся кто-либо от имени его друга – кунака [19, с. 268].

Понятие «кунак» вошло в научную терминологию как обозначение лиц, вступивших в долгосрочные дружественные отношения, возникшие в процессе гостеприимства и перешедшие в куначество с взаимными правами и обязательствами, признанием близости между собой по признакам искусственного родства.

При этом отношения куначества не возникали среди кровных родственников, односельчан, представителей одной общины, но они возникали у людей равных по социальному статусу: Къонакъ болсанг – тенг адамгъа (Если быть гостем – у равного).

Обычная форма гостеприимства у балкарцев и карачаевцев предусматривала вежливый, радушный прием, кем бы гость ни был, но не позволяла хозяину по своей инициативе интересоваться не только делами гостя и целью его визита. В отношении же кунаков отношения были более простыми, хозяин мог поинтересоваться тем, какие проблемы вызвали приезд кунака, требуется ли какая-то помощь и т.д. Кунаки могли быть заранее информированы о времени прибытия друг друга и быть готовы к встрече. Если кунаков связывали торговые дела или один из кунаков был человек, занимающийся торговлей, то он мог заранее сообщить, чтобы к его приезду были выяснены некоторые вопросы. Более того, к его приезду могли быть проведены какие-то переговоры, заключены частично сделки, чтобы по приезде, не теряя времени, решить дела.

Принимающий кунака вел себя, как самый близкий человек, проявлял повышенный интерес к его делам и намерениям, с готовностью принимал в них самое деятельное участие, одаривал дорогими подарками, все внимание уделял кунаку лично, вплоть до готовности защищать его, интересы, жизнь и репутацию ценою собственной жизни. Более того, принимая кунака лично, хозяин олицетворял отношение к нему всего этноса, на земле которого оказался кунак.

Обязательство кунаков помогать друг другу и защищать друг друга действовало вне пространственно-временных рамок, а не только тогда, когда один из кунаков находился в доме другого. Прибыв в населенный пункт, где живет его кунак, путник не должен был воспользоваться гостеприимством другого человека, минуя своего кунака, так как такое поведение воспринималось обществом, как тяжкое оскорбление, чреватое разрывом устоявшихся до того дружеских отношений кунаков… Къонакъбайын алышхан – башын ашха алышхан (Меняющий хозяина (гость) меняет свою честь на угощение).

Отношения между кунаками поддерживалось взаимными подарками или услугами. Стоимость подарка определялась материальными возможностями сторон и уровнем взаимоотношений. Кунаки дарили друг другу скот (лошадей, овец и т.п.), предметы конского убранства – «ат жер», оружие (кинжал, ружье), одежду и пр. По обычаю, получатель дара отвечал взаимностью, но старался дарить более весомые вещи. Обычай обоюдного одаривания был так широко распространен, что бытовала пословица: Къонакъгъа баргъан – саугъа бла, къонакъдан келген – саугъа бла – «В гости – с подарком, из гостей – с подарком».

Институт гостеприимства поддерживал высокий уровень достоинства и сохранял уровень доверия между гостем и хозяином, между своим и пришлым.

Принципиальное отличие кунака от гостя в общепринятом смысле заключалось еще и в том, что связь гостя с хозяином, принимающим его, носила временный и, по существу, случайный характер. Такой гость пользовался услугами хозяина и его кровом, находясь под защитой лишь в то время, пока проживал в данном доме, причем незнакомый гость мог остановиться и в другом месте данного населенного пункта, а покинув его, больше никогда сюда не возвращаться или поселиться при повторном визите у другого гостеприимного хозяина. Кунаки же были связаны между собой постоянными и нерушимыми узами дружбы, которой они должны были быть верны всю свою жизнь.

Куначеские связи складывались в результате взаимных посещений и передавались из поколения в поколение. Функциональная роль куначества состояла в том, что между кунаками устанавливались доверительные отношения на долгие годы. Куначество было тем институтом, по которым осуществлялись деловые, дипломатические, торгово-промышленные связи и взаимодействие народов Кавказа внутри и с внешним миром [20, с. 59].

Еще одним типом гостеприимства, наиболее широко развитым у представителей высшего сословия и ставшим своеобразной формой семейных отношений являлось аталычество (от слова «ата» – отец) – передача детей (мальчиков 7 – 10 лет, а иногда и младше) для воспитания в другие семьи. Ребенка отдавали только тому человеку, которому могли дове-

рять как самому себе (надежный человек – ышанган адам). В этой семье ребенок находился до тех пор, пока не подрастет и не научится владеть оружием. Принявший ребенка на воспитание назывался аталык, а кормилец –эмчек и приобретал право кровного родства с семейством своего питомца [18, с. 384]. Отношения между семьей воспитателя и воспитанника продолжались долгие годы и воспитанник оказывал покровительство семье своего воспитателя.

В XX веке многое поменялось в системе социальных отношений в Северокавказском регионе. И гостеприимство как социальный институт начал трансформироваться и терять свои позиции. Началось своеобразное разрушение сформировавшегося социального института гостеприимства, однако оно осталось как норма этики, традиция, обычай и современный кавказец не менее гостеприимен, чем его предки. И сегодня карачаевцы и балкарцы окажут приезжему внимание и, пригласят в гости и обеспечат ему комфорт и безопасность.

Таким обазом институты традиционной культуры, как гостеприиство, куначество и аталычество, совмещая в себе коммуникационные, психологические, экономические функции, способствовали сохранению доверия и доверительности, как важного условия сохранения самобытности народа и добрососедских межэтнических отношений.

Список литературы

1. Селигмен А. Проблема доверия / Перевод с англ. М., 2002.
2. Губогло М.Н. Антропология доверия (рукопись монографии). М. 2016.
3. Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014
4. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 года, М., 2001.
5. Губогло М.Н. Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты «Русского мира». М., 2016.
6. Грамматика Гостеприимства /Отв. ред. Губогло М.Н. М., 2015.
7. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
8. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л. 1990
9. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
10. Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып.14.
11. Аккиева С.И. Балкарцы и карачаевцы// Культура мира в традициях народов Северного Кавказа. Назрань, 2013.
12. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб., 1996.
13. См.:Дубровин М.А. История войны и владельчества русских на Кавказе. СПб., 1878. Т.1. Ч.1.
14. Ланге Б.А. Балкария и балкарцы // Кавказ. 1903. № 283, 288
15. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы: традиционная система жизнеобеспечения. М. 1989.
16. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1893.
17. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. XVIII – первая половина .XIX века. М., 1967.
18. Карачаевцы. Балкарцы // Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-А. Сабанчиев М., 2014.
19. Аккиева С.И. Традиции гостеприимства у карачаевцев и балкарцев: традиция и современность // Курсом развивающейся Молдовы. Сборник статей. Российская академия наук, Центр по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова; под общей редакцией М.Н. Губогло. М., 2009.
20. Агларов М.А. Дагестаны // Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа. Назрань, 2013.

С.Х. Анчек

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ АДЫГОВ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ДРУГИХ ЖАНРАХ, ИХ ФИЛОСОФСКИЙ ПОДТЕКСТ

Аннотация: Рассматривается функционирование пословиц и поговорок в произведениях нартского эпоса и сказках адыгов, анализируется контекст рассмотренных произведений или их частей, способствовавших появлению пословиц или поговорок, отмечается их глубокий философский подтекст. Используются методы жанрового, текстологического и описательного исследования произведения. Теоретическая и практическая ценность усматривается в возможности использования результатов исследования в спецкурсах по кавказским языкам.

Ключевые слова: пословица, поговорка, подтекст, контекст, эпос, сказка.

S. H. Anchek

PROVERBS AND SAYINGS OF THE CIRCASSIANS: FUNCTIONING IN OTHER GENRES, THEIR PHILOSOPHICAL SUBTEXT

Abstract: the article considers the functioning of Proverbs and sayings in the works of the Nart epos and tales of the Circassians, and analyzes the context of the reviewed works or parts thereof that contributed to the emergence of

the Proverbs or sayings, noted their deep philosophical subtext. Use methods of genre, textual and descriptive studies of the work. Theoretical and practical value is seen in the possibility of using research results in specialized courses on Caucasian languages.

Key words: proverb, saying, the subtext, the context, the epic tale

Понятия пословицы и поговорки в адыгских языках получили обобщенное название *адыг.* **гущыIэжъ**, *каб.-черк.* **псалъэжъ**, что буквально означает «старое слово», «мудрое слово». Некоторые ученые возводят к общеадыгскому единству термин *каб.-черк.* псалъэжъ [1, с. 46], а другие термин *адыг.* гущыIэжъ [2, с. 14].

Адыги всегда очень серьезно относились к слову, поэтому свою мысль они воплощали в слове не стихийно, а осознанно. Пословицы и поговорки адыгов являются изречениями, в которых дается обобщение их жизненного опыта. Они являются неотъемлемой частью речевого оборота адыгов и характеризуются своими специфическими особенностями, содержат глубокий внутренний подтекст, что и определило актуальность данной проблемы. Нами детально описаны языковые особенности пословиц и поговорок адыгов (фонетические, морфологические, лексические, синтаксические и стилистические) [3, с. 6-16], поэтому останавливаться на их рассмотрении не будем, а сразу перейдем к исследованию функционирования данного жанра в других жанрах фольклора адыгов.

Адыгские пословицы и поговорки универсальны, употребляются везде, в любой обстановке, в любое время, при любой аудитории. Они имеют самую тесную связь с языком, речью и речевой деятельностью человека, являясь своеобразной формой выражения мысли. «В виду своей четкости, лаконичности, мудрости они под руку говорящему, будь это молодой человек или седой старец, в мирной семейной беседе или в большом и серьезном споре, во время поездок и походов» [4, с. 79].

Подтекстом пословицы или поговорки может стать целое произведение или его часть. Контекстом пословиц и поговорок могут стать целые сказки, предания, произведения «Нартского эпоса». Например: *Шъыпкъэр Лъэпшъы дэкIожьыгъ* «Правда с Тлепшем ушла» [5, с. 48]. Нарт Тлепш никому не рассказал об известных фактах рождения Саусорыко. Правду он унес с собой в могилу. А мудрое изречение осталось. Все произведение можно рассмотреть как толкование семантики пословицы или как его философский подтекст. В VII-м томе «Нарты» дается целый раздел «Адыгские пословицы, посвященные нартам», где дается 112 пословиц, которые возникли из контекста данных произведений «Нартского эпоса».

Некоторые пословицы в произведениях «Нартского эпоса» приводятся сказителями в пример, как подтверждение действий героев: *Илъэс 21-рэ зэхъум зы щыкIьэ фипIоу ригъэжьагъ. Илъэс 27-рэ зэхъум хьэджашъо, щакIо кIомэ дищэнэу фигъэсагъ. Шъыда моущтэу зыкIишIыгъэр? СIыфмэ аIогъэ гущыIэжъым: «Щым – игъэрибгъу, хьам – игъэрищ, лIым – игъэщэкIь» – зэраIуагъэм рыгъозэгъэн фае* «Когда исполнилось ему 21 год, начала приучать жеребца для него. Когда исполнилось 27 лет – собаку, чтобы мог на охоту с собой брать. Почему так поступила? Наверное, руководствовалась народной пословицей: «В расцвете сил: коню – в девять лет, собаке – в три года, мужчине – в тридцать лет» [5, с. 34].

Пословицы и поговорки функционируют и в других жанрах. Иногда мудрый народ раскрывает семантику пословиц и поговорок на языке других жанров, иногда делает их выводом, иногда они становятся завязкой или развязкой каких-то событий. Например: сказка «АмкIышъэмрэ пылымрэ» (Соловей и слон) [6, с. 32-33] стала подтекстом пословицы *Узэгъусэмэ – улъэш* «Когда мы вместе – мы сила». Рассмотрим контекст сказки: «Слон раздавил птенцов соловья, обосновав свой поступок тем, что он большой, сильный, может победить любого. Соловей заплакал от бессилия, беспомощности, одиночества и объявил слона своим врагом. Он полетел к другим птичкам и попросил их помочь ему отомстить за гибель своих птенцов, объединиться и выклевать слону глаза. Они так и сделали. Затем он полетел к речке, куда слон ходил на водопой и попросил лягушек, чтобы те тоже объединились и, квакая, завели слона в трясину, чтобы тот утонул, пояснив, что *Узэгъусэмэ – улъэш, тызэгъусэмэ – тытекIощт!* «Когда мы вместе – мы сила, если объединимся – победим!». Птицы объединились и выклевали слону глаза, поэтому он будет слепо идти на кваканье лягушек…Они так и сделали. Слон утонул». Мудрый народ на языке сказки и пословицы пытается донести до бедных людей, что нужно объединиться, чтобы победить злых бессердечных богачей.

В сказке «Хымахьэр къихьи унахьэр рифыгъ» (Чужая собака пришла, хозяйскую собаку прогнала) [6, с. 166] пословица *Хымахьэр къихьи унахьэр рифыгъ* «Чужая собака пришла, хозяйскую собаку прогнала» стала и заголовком, и поучительным выводом сказки.

В сказке «ЛIыжъым иосыет» (Завет старика) [6, с. 112] пословица вплетена в сюжет сказки в форме завета отца: *Гъатхэм цу къолэниблкIэ жъо, бжыхьэ къэс унакIэ шIы* «Весной паши на семи разноцветных волах, каждой осенью строй новый дом». Семантику данной пословицы можно раскрыть посредством аналогичных пословиц: *Гъатхэм пасэу пшIэрэм бжыхьэм игъо мэхъу* «То, что ранней весной посадишь – осенью соберешь», *Гъатхэм хэмылъхьагъэр бжыхьэм бгъотыжьыщтэп* «Весной не посадишь – осенью не уберешь», *Гъатхэ мафэм илъэсрэ уегъашхэ* «Весенний день год кормит».

В сказке «ЛIыжъым ыкъо ахъщэ чIыфэр къызэрихьыжьыгъэр» (Как сын старика забрал долг) [6, с. 113] странник дает совет сыну старика: *УиIоф нахьыпэу хэгъэкI* «Сначала сделай свое дело». Среди адыгейских пословиц есть аналогичное изречение: *УиIоф пIалъэ емыт* «Не откладывай свое дело на время». Послушав совет, сын старика пришел к должнику своего отца. Тот пригласил его в дом, но сын ста-

рика ответил: «Сначала верни долг, затем посмотрю». Должник вернул долг. Юноша согласился зайти к нему в гости, но не успел зайти в дом. Хозяин упал в обморок и скончался. Возвращаясь домой, юноша опять встретил того же странника. Он поблагодарил за то, что тот посоветовал ему не откладывать свое дело».

В сказке «Тыгъужъ кIэныр Iэзэгъу» (Волчья бабка лечебная) [6, с. 62-64] хитрая лиса наказала волка за то, что тот донес на нее заболевшему льву. Лиса придумала рецепт лечебного супа, одним из ингредиентов которого является волчья бабка. Лев, долго не думая, приказал у волка вырвать одну бабку и положить в суп. Так волк пострадал из-за своего языка. А хитрая лиса пригрозила ему, что в следующий раз еще хуже сделает. Выводом сказки стала пословица *Гупшыси псалъэ, зыплъыхьи тIыс* «Говори – подумав, садись – осмотревшись».

Таким образом, пословицы и поговорки функционируют самостоятельно для выражения краткости чувств и эмоций в устной речи собеседников, для подтверждения мыслей и слов говорящих, обладают рядом языковых особенностей: фонетических, морфологических, лексических и синтаксических. Они наличествуют и в других жанрах фольклора. Целое произведение или его часть может стать подтекстом пословиц и поговорок.

Список литературы

1. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М. «Наука», 1985. 224 с.

2. Dumezil G. Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques. In: Instituto orientale di Napoli Annali. Sezionelinguistika.V. Roma, 1963.

3. Анчек С.Х. Языковые особенности пословиц и поговорок адыгов // Вестник науки АРИГИ им. Т.М. Керашева / ШIэныгъэгъуаз. Майкоп, 2014. С. 6-16.

4. Чуякова Н.М. Малые жанры адыгского фольклора. – Майкоп, 1999. – 166 с.

5. Нарты. Адыгский эпос. Том II. (на адыг.яз.) // Сост. А.М. Гадагатль. Майкоп, 1969. 344 с.

6. Адыгейские сказки (на адыг.яз.) // Сост. Ш.Х. Хут. Майкоп: Адыг.отд. Краснодарск. кн. изд. 1990. 232 с.

С.Т. Атажахова

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПОВТОРОВ В ПОЭЗИИ АДЫГЕЙСКИХ ПОЭТОВ

Аннотация: Повтор в поэзии, кроме функции усиления и актуализации смысла ключевого понятия или высказывания в целом, выполняет следующие функции: функцию гармонизации ритмом стиха, изобразительно-выразительную композицию (экспрессивную), рифмообразующую, смыслообразующую, а также участвует в передаче новой информации, выступает как средство языковой игры.

Для поэтического языка повтор является одним из наиболее характерных приемов. Несмотря на стабильный интерес к проблеме повтора, отмечается учеными недостаточная разработанность вопроса о нем как одном из элементов идиостиля поэта.

Ключевые слова: гармонизация, рифмообразующая, смыслообразующая, экспрессивная, повтор, идиостиль.

S. T. Atazhahova

THE PECULIARITY OF THE LANGUAGE OF REPETITIONS IN POETRY POETS ADYGEI

Annotation: Repeat in poetry except function strengthen and update the meaning of key concepts or words in general, it performs the following functions: the function of harmonization of verse rhythm, figurative-expressive composition (expressive) rifmoobrazuyuschuyu, meaning-and is also involved in the transmission of new information, acts as a means of language game.

To repeat the poetic language is one of the most characteristic techniques. Despite strong interest in repeating the problem, there is the question scientists Insufficient developed of him as one of the elements idiostyle poet.

Key words: harmonization, rifmoobrazuyuschaya, semantic, expressive, repeat, idiostyle.

Сопоставительное изучение различных видов повтора в адыгейской поэзии Х. Беретаря и М. Тлехаса как средство гармонизации их поэтического текста не являлось в адыгейском языкознании предметом системного компаративного анализа. Создание единой классификации повтора, выявление его функциональных особенностей в адыгейской литературе, несомненно, актуально. Особую значимость в поэтическом тексте приобретает ритмообразующая роль повтора. Повтор создает в лирике «впечатление эмоционального нагнетания, лирического сгущения переживании»[1, с.75]. Внутренняя соразмерность поэтического текста создается ритмом, а ритм создается на основе повтора.

Так как для поэзии наиболее характерно употребление приема повтора, следует начать наше исследование с анализа синтаксического стилистического повтора в поэтическом тексте. Поэзия, как словесное искусство, пользуется словом, т.е. средством, которое всегда является родственным выражению в понятиях. Лишь поскольку слова воздействуют на нас чувственно, поэзия является искусством.

Поэзия XX века обнаружила в повторе неисчерпаемые возможности, заключающиеся в выражении

тончайших нюансов смысла слова. Повтор способствует созданию многозначности, амбивалентности словесного образа.

Так, в некоторых художественных поэтических произведениях повторы используются в целях замедления повествования, придания особого характера сказу, и часто вызывается требованиями ритма.

В стихотворении Х. Беретаря «*Пылыуанхэр*» поэт использует такой прием повтора, как подхват: идет подчеркивание интенсивности действия, передается внутреннее движение мыслей и чувств автора, создается гармоническое единство отдельных элементов изображаемой картины, вносится в то же время определенная звуковая организация.

Чэщ зэрэхъоу, ***бжъэдыгъу шъофым****,*
Бжъэдыгъу шъофэу*, жъогъо нэфым*
Батыр Іушъхьэхэр щызэгокІых (н. 13)

В стихотворении идет повторение словосочетания *бжъэдыгъу шъофым,* который стоит в конце строки и затем тем же словосочетанием начинается следующая строка. Подхват слова в данном тексте способствует усилению единства высказывания и пониманию связи между его отдельными частями.

Лексико-синтаксический повтор словосочетания в следующем примере образует рамочную конструкцию, обладающую большой выразительной силой:

Джыри тэ тшІэрэп
ПкІэнтІэпсыр хэмылъмэ
Гъомылэм ІэшІугъэу ***иІэр****.*
Джыри тэ тшІэрэп
Нэпсым упхырымыплъмэ,
ЧІыгум шъоу ***иІэр*** (н. 95)

В следующем четверостишье можно найти широкий спектр синтаксических стилистических приемов:

О узфэдэр, узфэдэр*:чІышъхьэм утерэкІи,*
Тыгъэр огум къиуцон нэбэ-набэу.
О узфэдэр*:чэрэз чъыгым ІаплІ еорэщэкІи,*
Къэнэфэн ар бжыхьэ кІасэм,къэгъагъ фыжь быбабэу (н. 15)

В другом стихотворении слово *сэщынэ* использует как глагол – исполнитель, который доносит до читателя все, что происходит у него на душе и стихи читаются легко и непринужденно.

Сэщынэ*, сыцІыф дэхащэшъ,*
Нэ къыстрагъэфэнкіэ ***сэщынэ****.*
Сэщынэ*,сигъогу нэфынащэшъ,*
Іэябэ къекІункІэ ***сэщынэ*** (н. 32)

В данном стихотворении идет повторение слова *сэщынэ* в начале строки и затем тем же словом начинается следующая строка. Этот вид повтора Беретарь Х. довольно часто использует в своих стихах. В своем сборнике «*Іахь мыгощ*» поэт слово *нэпэмыкІ* употребляет не только как подхват слова, здесь они носят определенную смысловую значимость.

ОркІэ хыеу уигъусагъэр о къэпшІэжьэу
Чыжьэу щыІэп, ау зэгъашІэ – ***нэпэмыкІ****.*
НэпэмыкІых *игупшыси, игумэкІи,*
О пшІоигъом фэмыдэжьыр джы ишэн (н. 46)

В первую очередь хочется выделить, что в стихах Н. Куека часто повторяются существительные, которые стоят в определенной падежной форме и занимают в тексте особое место.

ЦІыфыгур *– Чъыгы,*
ЦІыфыгур *– Псыхъо,*
ЦІыфыгур *– Ошъогу къаргъу*
ЦІыфыгум *шъхьаджы*
ИчІыпІэ щерегъэнаф (н. 219)

Здесь *цІыфыгур* идет как подчеркивание интенсивности действия, передает внутреннее движение мыслей и чувств автора, создает гармоническое единство отдельных элементов изображаемой картины, внося в то же время определенную звуковую организацию в стихосложении.

Следует отметить, что повтор способствует также ритмической организации речи, поскольку он образует нагнетание сходнозвучных форм с одинаковым расположением ударений. Этот вид повтора прослеживается и у Х. Беретаря в стихотворении «Къэрэухэр». Например:

Къэрэухэм *гъусэ зыфашІэ.*
Къэрэухэр*,чъыІэр мэкІожьы,*
Къэрэухэр*,къэшъогъэзэжьы,*
Ау сэ сигъашІэ хэшъучыгъэм,
Сигъатхэ къыгъэзэжьыгъэп (н. 100)

И у М. Тлехаса в сборнике стихов «*ЖъогъоІапчъ*» встречается этот вид повтора. Напимер:

Мартыр *мэгъы,*
Мартыр *мэщхы.*
ИшыуанэпыутыкІыгъ… (н. 79).

Поражает и разнообразие частных фигур речи, основанных на повторе, использовавшихся поэтом. Создается впечатление, что он настолько свободно владел всеми богатствами адыгейского языка, что мог даже в «однообразном», в повторах, находить бесчисленное разнообразие, повторять – не повторяясь.

Сэ сызыфаер,
насып ***пстэуми анахь*** *лъапІ,*
СызыкІэхъопсрэр
шІулъэгъу ***пстэуми анахь*** *ІэшІу.*
СэркІэ насыпыр *–*
уаем сыхэтмэ, тыгъэм ифаб,
СэркІэ *шІулъэгъур –*
огъур хэмытмэ, мафэм иошІу.
Гъэтхэ къэгъагъэм
БгъэкІэ сыхэлъмэ –
СэркІэ насып*…* (Беретарь Х., н. 74).

Текст стихотворения представляет собой период, по структуре являющийся сложноподчиненным предложением с однородными придаточными частями. Повтор используется в первой части периода, в повышении (до точки и тире), и предопределен структурными особенностями периода как особой

синтаксической конструкции, активно встречающейся в художественной и публицистической речи.

На примере приведенного стихотворения видно, что поэт хорошо освоил особенности данной конструкции и блестяще использовал их в целях придания выразительности стихотворной речи. В анализируемом тексте один лишь случай повтора. По степени воспроизводимости повторяющейся единицы повтор 9-элементный (*сэркIэ насып*…). Повтор является совмещенным, лексико-грамматическим. В лексическом аспекте повтор 9– лексемный (повторяющиеся слова образуют блок из 9 единиц).

Заметим, что элементы повторяющихся слов занимают при каждом своем воспроизведении начальную, анафорическую позицию и, с одной стороны, выводит повторяющиеся слова на уровень ключевых слов текста, а с другой стороны, участвует в звуковой организации стиха (создается своего рода тавтологическая внутренняя рифма).

Переплетение нескольких видов повтора делает оригинальным текст в поэзии Х. Беретаря «*Шъыпкъэ закъор*»:

Ары шъхьаем ***шъыпкъэ*** *закъор къэшIэгъуае,*
Зилъэхъаным ежь ***ишъыпкъэ*** *тырегъакIо.*
Фэдэ шъыпкъэр*, хэти ешIэ,щэчыгъуае,*
Фэдэ шъыпкъэр *къыосэIо,сэркIи* ***шъхьакIо****…* (н. 168).

Повторы также служат для построения предложения в разной последовательности. Каким словом заканчивается первая строка, тем же начинается вторая.

Хочется выделить, что в поэзии у Т. Мугдина «Дэе мэз» также могут повторяться не только слова, но и словосочетания и целое предложение: Например:

Сыдэу дэгъу дунаим узэрэтетыр!
Сабыир хэкIукIы.
Сыдэу дэгъу дунаим узэрэтетыр!
Себэны шIункIым… (н. 116).

В качестве суффиксального отрицания в повторах при финитных формах глагола в рассматриваемой поэзии Х. Беретаря и М. Тлехаса служит – ***эп***: *сыIукIагъ-****эп*** «не встретил», *къэгужъуагъ-****эп*** «не задержался», *сыщыкIагъ-эп* «не нуждался», *щысыулъэгур-****эп*** «не растоптал» и т.д. Например:

Шъыпкъэ зиIэ
*Бзылъфыгъэ сыIукIагъ****эп*** *–,*
Шъыпкъэр мары:
*Тыгъэр къэгужъуагъ****эп****...*(Тлехас М., н. 53).
Мэзыжъы кIырхэм ахэлъы хабзэр
*Сэ цIыф псэукIэм бэкIэ къезгъэкIур****эп****,*
Ау чъыгы чIэгъхэр зэрэжьыкъабзэр
*СэшIэшъ, япкIашъэ щысыулъэгур****эп****…*Беретарь Х., н. 39)

Префикс отрицания – ***мы***:

Силэжьыгъацэ хэсэлъхьэ…
*ЛъысэIо:сы****мы****гъэлъаIу!*
Тхьэм фэдэу зэплъыжьрэ цIыфмэ
*СыIу****мы****гъахь япчъэшъхьаIу…* (Тлехас М., н. 5).
*Сыгум и****мы****лъэу,*
*Сыгум къэ****мы****кIэу*
Зы мэфэ закъуи
КъысфыхэмыкI…(Беретарь Х., н. 32).

Отрицательная частица – *мы* значительное место занимает в лексике у рассматриваемых поэтов и обычно придает тексту неуверенность, сомнение в том, что действие будет завершено.

Далее, мы находим широкое использование падежного окончания на – ***эу****,* который держит читателя в постоянном ожидании продолжения повествования:

Осыр къесы:Iасэу,шъабэу.
Жьым бырабэу зэрелъас,
Цы шъхьатехъор ащ къэтабэу
ТырехъыкIышъ,унэкIапэу
КъычIэщыгъэм зыфегъаз… Беретарь Х., н. 28).

В сбонике стихов М. Тлехаса «*Жъогъо Iапчъ*» суффикс – ***эу****, –* ***оу*** прослеживается по всему тексту и придает ему своеобразный характер.

ЗыкIэрыкIрэр фэгумэкIэу,
КIым ичъыIэ ипытагъэу,
Гумэхэныр имыдагъоу,
Гъусэ ашIмэ ашIоигъоу… (н. 62).

Одним из преимущественно бессознательных инструментов языковой способности при создании поэтического текста выступает звуковой повтор.

Благодаря звуковому повтору слово способно свободно «отыскивать» свои отражения и продолжения в других словах. Например, в сборнике стихов М.Тлехаса мы сталкиваемся в стихотворении «*Сыдигъу шъуIо ар къызежьагъэр?».*

КъыхэкIы *унэм зэдисми*
Яахъщэ зэхамылъхьажьэу.
Тыгубжмэ, ***къыхэкIы*** *илъэсми*
Ным ищагу тыдэмыхьажьэу…(н.69).

Такой звуковой повтор наблюдается и у Х.Беретаря. Например:

СимынэIуасэу пчыхьэм зы пшъашъэ
КъешIапIэ пчэгум къыщесэгъашIэ:
Дэнэфы шарфыр пшъэм щэIушъашъэ
Шъхьацы бырабэр плIэIум щэкIуашъэ… Беретарь Х., н. 19).

Повтор на фонетическом уровне языка в поэтических произведениях рассматриваемых авторов отличается большим количеством звуковых повторов. Часто встречаются примеры, когда слова объединяются на основе звуковой близости вне зависимости от их смысловых связей. Например:

– Ощхыр ***къещхы****...*
– Шъыпкъэ ***къещхы****...*
Укъысэплъышъ тIэкIу ***укъэщхы****,*
*Сыо****плъыжьы****шъ сэу****плъыжьы****,*
Мы гущаIэр сэублэжьы…(Х. Беретарь, н. 21)
ХэкIым хэкIы.
ХэкIым *сыкъы****хэкIы***

ХэкIым *хахъо,* ***хэкIы****.*
*Хахъозэ тыкъы****хэкIы*** (М. Тлехас, н. 10).

Наиболее продуктивными и ясными по составу в языке и в поэзии встречаются повторы с редупликацией [2, с.19].

1. Повторяется аффикс, присоединяясь к различным основам и создает звуковой повтор. Примеры: *мытхъэ-мылI* «жалкое существование», *нэмыз-Iумыз* «грустный, печальный».

АрышъхьакIэ сыд пай ***мытхъэ-мылIэу***
УщыIэна улъэIоным пай? (М. Тлехас, н. 23).

2. Повторяется одна из корневых частей сложного слова: *ныбэ-тIыб* «*рб*. полный живот», *къобэ-бжъаб* «ветвистый, сучковатый», *хъоо-пщао* «просторный, объемистый, вместительный».

Бгым тет мые лъащэр
*ШъхьапцIэ,****къобэ-бжъаб***
Онджэкъ фэбэ машэм
Жьыбгъэр къышIуеIаб (М. Тлехас, н. 86).

3. Редупликация создается посредством повтора какого-то согласного звука в обеих частях слова, притом значение одного из частей, а иногда и всех частей, в современном адыгейском языке не понятно. Например: *Цыкъ-цыкъ* «звук чего-то», *цIыр-щыр* «щебет» и т.д.

Бзыу щырми
ЦIыры-щырыр
Къыхадзэнэу
ЗаупэпцI (М. Тлехас, н. 78).

4. При образовании сложных слов используется и повторение одной и той же основы. Такие образования могут относиться к различным частям речи. Наречные: *шъэф-шъэфэу* «по секрету», *ежь-ежьырэу* «самостоятельный», *мэкIэ-макIэу* «помаленьку», *цIыкIу-цIыкIоу* «потихоньку».

ЦIыф цIыкIур ***ежь-ежьырэу*** *зэрэмышхыжьми,*
ПкIэнтIэпси лыузи тимымэкIэн. (Беретарь Хь., н.33)

Пщэс фыжьыр
МэкIэ-макIэу
Мэхъу плъыжьы (Тлехас М., н. 77).

5.Сложные слова, содержащие редупликацию определенного компонента. Повторяемые части слов иногда сохраняют свое лексическое значение. Например: *техьэ-текI* «изменчивый, непостоянный», *IэпцIэ-лъапцI* «неодетый, оборванный».

Ау етIани гур зэпыпкIэу,
УигущыIэ ***техьэ-текI*** (Тлехас М., н.113).
IэпцIэ-лъапцIэу*, шъхьац шIуцIэ жъгъыбэу,*
Сичэрэз чъыг цIыкIоу гъатхэм кIыгъэр! (Беретарь Хь., н. 15).

Если в художественных произведениях адыгских писателей можно встретить такой вид редупликации, когда первая часть сложного слова сохранила свое лексическое значение, а вторая часть – нет, то такое явление редко прослеживается в поэзии.

Кроме классификации повтора в поэтических произведениях Х. Беретаря и М. Тлехаса нами был проведен анализ количественного соотношения разных видов повтора в их поэтических текстах. Для анализа мы взяли по сто страниц из творчества Х. Беретаря и М. Тлехаса. При сопоставлении нами были использованы методы статистического и компонентного анализа. Подсчеты были проведены по результатам сплошной выборки и составили следующее соотношение: общее количество повторов в стихотворениях в творчестве Х. Беретаря (2001 г.) – 27 единиц, М. Тлехаса (1988 – 99 гг.) – 38 единиц.

Таким образом, у рассматриваемых поэтов более существенными оказались следующие особенности повторяющих единиц: частотность их употребления; порядок их употребления. Повтор у данных авторов является разноуровневым на всех этапах их творчества: на фонетическом; на словообразовательном; на лексическом.

Анализ повтора в произведениях взятых поэтов показал его как поэтический прием, в принципе имеющий универсальный характер.

Список литературы

1. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. 408 с.
2. Атажахова С.Т. Словообразование адыгейского языка и его стилистические ресурсы. Майкоп, 2006, 144с.
3. Беретарь Х.Я. Избранное. Стихотворения. Поэмы (на адыгейском языке). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. 2001. 328 с.
4. Тлехас М.И. Путь к звездам. Стихотворения (на адыгейском языке). Майкоп: Адыгейское книжное издательство. 1999. 120 с.
5. Тлехас М.И. Ореховая роща. Стихотворения (на адыгейском языке). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства. 1988. 24 с.

М.М. Биданок

РАЗНООБРАЗИЕ СТИЛЯ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ ХАЗРЕТА АШИНОВА

Аннотация: Публикация посвящена анализу специфической текстовой стилистики, имевшейся в прошлом веке прозы адыгского автора Хазрета Ашинова. Разнообразие стиля художественного текста как характерная авторская черта рассматривается в статье на примере регионального творчества с опорой на стилевую классификацию адыгских ученых, предполагающую бытовой-домашний, разговорный, иронично-шутливый и торжественно-изысканный стилевые варианты.

Ключевые слова: язык, стили, классификация, проза адыгская, Ашинов.

M.M. Bidanoc

THE DIVERSITY OF STYLE IN THE LANGUAGE OF PROSE HAZRET ASHINOVA

Abstract: The present paper is devoted to the analysis of a specific text style for existing in the last century, the Adyghe prose author Hazreta Ashinova. The variety of style of a literary text as the author's characteristic trait is considered in article on the example of regional creativity, drawing on stylistic classification of the Adyghe scientists, involving household-home, conversational, ironic and humorous and solemn and refined style options.

Key words: language, styles, classification, Adyghe prose, Ashinov.

В ходе становления отечественных литератур стилевая оформленность речи приобретала все большее значение. По мере развития и укрепления мастерства российских писателей в первой половине XX в. более отчетливо начинали проявляться стилистические вариации текста. Причем с учетом обрастания литературного языка постепенной оформленностью на таком лингвополе разграничения по стилю становились заметны. Они, как и полагается средствам выразительности, привлекали внимание и сосредоточивали акцент читателя на объекте. Способствовали, тем самым, художественности изложения. Причем первая половина советского века – это времена преобладающей распространенности официально-делового и документального стилей, когда пишущий в любой деятельностной среде обязательно старался соответствовать стандартам и просто боялся нарушить канон, утвержденный федеральной академией. Подобное нарушение расценивалось как «рассадник бескультурья» и наказывалось законом. А потому допускаемые авторами в языке высоко-приподнятые и экспрессивные компоненты являлись определенной смелостью в строгой литературе. Но, направленные в требуемое, патриотичное русло, они приобретали нужный пафос и авторы прощались, а порой и поощрялись. Такой язык запоминался читателям, удивлял, но привлекал их и оказывался в результате изысканным инструментом создания между отправителем и коммуникантом требуемой лингво-эмоциональной атмосферы. Данная тенденция продолжалась и далее. Именно покорение нейтрального стиля, подчинение его эмоциональному пафосу установилось в литературах второй половины XX века. Учрежденный партийным словотворцем, искренне воюющим с антиреволюционным врагом, идеологически обоснованный шаблон (излишне «нейтральный» и нормированный) оказался неработоспособным. При этом стилевая вариативность оказалась присуща большинству центральных литературных направлений (независимо от географии либо возраста): как городским, так и сельским авторам; как аксакалам, так и юношам. Аналогично и в языковом мире адыгов, в том числе и в предыдущие века, до приобретения письменности активно используемый и обществом, и личностью слог обладал разностилевой вариативностью. Признанные адыгской наукой языковеды выделяют в качестве системного критерия характер слога, а на этой основе различают стили (классификация Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой): «бытовой-домашний, разговорный язык, иронически-шутливый, применяемый в дружеских беседах, и изысканная устная речь, применяемая в более торжественных случаях» [4, с. 14].

Попытаемся далее проанализировать фрагмент имеющегося языкового материала в соответствии с данной классификацией Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой. На рассмотрение принят восьмистраничный пункт (п. 1) повести Хазрета Ашинова «Сочинители песен». Во-первых, приведем общую стилистическую статистику. Стили (в формулировке авторов «Грамматики») и с ними – общее (постранично приводимое) количество соответствующих им в восьмистраничном тексте (СС. 7 – 14) языковых единиц (слов и выражений) (см. Табл. 1):

1) бытовой-домашний (БД) (С. 7 – 5 ед., С. 8 – 6 ед., С. 9 – 6 ед., С. 10 – 7 ед., С. 11 – 8 ед., С. 12 – 8 ед,, С. 13 – 13 ед., С. 14 – 6 ед.), итого единиц бытово-домашнего стиля – 59. Слов среди них – 15, словосочетаний – 44.

2) разговорный (РЗ): (С. 7 – 6 ед., С. 8 – 6 ед., С. 9 – 5 ед., С. 10 – 6 ед., С. 11 – 6 ед., С. 12 – 7 ед., С. 13 – 8 ед., С. 14 – 2 ед.), итого единиц разговорного стиля – 46. Слов среди них – 8, словосочетаний – 38.

3) иронично-шутливый (ИШ): (С. 7 – 5 ед., С. 8 – 4 ед., С. 9 – 5 ед., С. 10 – 6 ед., С. 11 – 4 ед., С. 12 – 5 ед., С. 13 – 5 ед., С. 14 – 3 ед.), итого единиц иронично-шутливого стиля – 37. Отдельных слов среди них нет, словосочетаний – 37.

4) торжественно-изысканный (ТИ): (С. 7 – 8 ед., С. 8 – 10 ед., С. 9 – 5 ед., С. 10 – 5 ед., С. 11 – 3 ед., С. 12 – 7, С. 13 – 6 ед., С. 14 – 5 ед.), итого единиц торжественно-изысканного стиля – 49. Слов среди них – 2, словосочетаний – 47.

Таким образом, преимущественно здесь имеют место быть лексические и синтаксические конструкции (всего – 190), градируемые на отдельные слова и фразы, с явным количественным преимуществом вторых (166 ед.) над первыми (25 ед.). Причем в роли отдельных слов в анализируемом тексте выступают разные части речи (список приведен по частоте упо-

требления, с указанием в скобках стилей и их примеров из авторского текста [1, с. 7-14]):

1) существительные (БД – 9 (*мазанки, бедняга, детище, дурачок, мальчонка, растяпа, россказни, дуралей, дружище (к коню);* РЗ – 1 (*оболтус*));

2) глаголы (БД – 2 (*княжил, колотили),* РЗ – 2 (*не угодил, расхвастался*), ТИ – 2 (*постановили, уверяют*));

3) наречия (БД – 1 (*потихоньку*); РЗ – 4 (*запросто, вправду; вдобавок; будто)*);

4) прилагательные (БД – 3 (*задирист, никчемный, незадачливый)*);

5) причастия (РЗ – 1 (*подоспевшие)).*

Следовательно, как видно из приведенного материала, в числе отдельных слов преобладают существительные (10), глаголы и наречия примерно идентичны (5-6), на третьем месте – прилагательные (3), минимум – за причастиями (1).

Фразы и выражения в своем преобладании выступают разнообразными синтаксическими конструкциями, выражающие (см. Табл.2):

1. Отрицание (БД – 5 (*ста дворов не наберется; это самое несчастье; плохонький отец; этот пустомеля; бедный гнедой*), РЗ – 3 (*нет-нет да и стрясется; никто ничего не отнимал; шагу не ступит),* ТИ – 7 (*случилось такое несчастье; большое несчастье случилось; только бы сиротой не оставался; никогда не подумаешь; лучше которой нет во всем ауле; никому не позволял плохо отзываться о своем коне; у меня нет другого выхода),* ИШ – 8 (*несметный богач; не одна отара овец; не посчастливилось нажить; случилось непоправимое; как споткнется, потом всем кварталом не поднимешь; мол, не было такого фронта, где бы он не воевал; разве достоин; не сводишь с меня своих умных глаз (о коне)).* Следовательно, отрицание в виде отрицательных слов и частиц (*не, ни)* наиболее интенсивно применяется в ходе иронично-шутливого изложения, далее по интенсивности – торжественно-изысканная стилистика (видимо, в силу своей логической выдержанности), на третьем месте по частоте – бытово-домашнее повествование, и наименее активно – разговорный слог.

2. Предположение (допущение) (БД – 4 (*редко какой двор; каких-нибудь две-три версты; со дня этих событий; будто его давила какая-то тайная печаль),* РЗ – 8 (*чуть не каждый день; как бы там ни было; вы, верно, сами понимаете; видать, что-то забыл; разве осилю; ну и ладно, пусть и дальше так будет; надо надеяться; разгадал его намерение и потому так печален его взгляд (о коне)),* ИШ – 8 (*попадет в котел с кипятком; нелегкая бы взяла; видать, был парень не промах; если кто осмелится заговорить; для такого отличного коня двадцать лет разве старость; только и способен, что слушать; охваченный какой-то смутной тревогой; но ты ведь адыгейский конь*); ТИ – 3 (*скорее бы возвратилась; надо будет как-то повлиять; прости меня, если можешь).* Следовательно, предположение и допущение в весьма свободной форме (порой целыми предложениями, содержащими некоторое условное рассуждение) одинаково интенсивно применяется как в ходе иронично-шутливого, так и разговорного изложения, далее по интенсивности – бытово-домашняя стилистика, и наименее активно – торжественно-изысканное повествование (возможно, в силу своей нормированности и официальности).

3. Наречные модели (БД – 7 (*шагнул спросонья; порядком разорили; часто-часто стучать сердце; залихватски торчал; порядком обветшало; ребра наперечет; просто погостить),* РЗ – 9 (*прямо в пропасть; аллах здорово обидел; давным-давно; постоянно терся; заметно выше; настолько разъярился; если хорошенько подумать; только глянуть; смолоду был вспыльчив),* ИШ – 4 (*сиротливо жмутся усадебки; повезло ему (о погибшем); в таком деле скаредничать нельзя; чего только на свете не бывает; едва держится на ногах (о коне)*), ТИ – 11 (*разбился насмерть; впрочем, кто станет уверять; да, бесспорно; очень хотелось; сопровождал повсюду; совершенно строго по закону; торопливо шагает; почтительно взглядывают; нужно вознаградить; нередко обижал тебя; постарайся бескорыстно послужить*)). Следовательно, применение наречий в виде логических связок, вводных слов, средств преувеличения (преуменьшения) и усилителей выразительности более активно используется в процессе торжественно-изысканного изложения (вероятно, в силу его логической насыщенности), следует по частоте разговорное повествование, за ним – бытовой-домашний, и самый редкий в наречных моделях – иронично-шутливый стиль.

4. Стандартно распространенные обороты, шаблоны (БД – 13 (*рукой подать; солидный кусок жирной земли; верный мой гнедой; разная живность; авторитет в глазах аульчан; дородный старик; небезызвестный человек; буйный чуб; настоящий выродок; добрый конь; аллах наказал меня; заслужил, бедняга; мой бедный гнедой*), РЗ – 9 (*большей частью; чуть что; этот самый; львиная доля; деланное безразличие; «Аллах мой!»; что ни говори; не по сердцу; Валлахи*), ИШ – 3 (*драчливый петух; «Скажет тоже!»; должен найти в себе мужество (коню)*), ТИ – 9 (*вот, к примеру; как вы сами понимаете; кто прав, кто виноват; в свою очередь, доказывают; к сути дела; в то же время; достойным особого уважения; был верным другом и помощником (о коне); вот уж правда*). Таким образом, фразовая стандартизация более часто просматривается в бытово-домашнем повествовании, второе место по частоте разделяют разговорный и торжественно-изысканный стили, а наименее – иронично-шутливый (отрицающий какие-либо стандарты).

5. Глагольные обороты (ТИ – 13 (*и сокрушались; но, как утверждают; постигнет неудача; перешли во владение; прийти к нам на помощь; выполнить свой долг; слагают прекрасные песни; надо встретить с почетом; стал оглядываться по сторонам; песня превзойдет все; сумел прославить; отдал жизнь за родной аул; пришла пора расстаться*); БД – 10 (*обернется за час; кричали на всех перекрестках; забрались на холм; ринулись туда; лупить палками; придется зарезать курицу; в кого уродился; с охотой тянется; любой скажет; доводилось побывать*); ИШ – 8 (*бросаются, как злые псы; больше всех шу-*

мели; обратился с воззванием; готов кинуться хоть в огонь, хоть в воду; пришло на ум; будет щедро вознагражден; кто за него пойдет; все глупеет), РЗ – 8 (*аллах не простит; не сказать, чтобы из зажиточных; что поделаешь; ишь ты, что мелет; революция велит; знай – выхваляется; так и знай; обоим нам больно будет пережить разлуку).* Следовательно, выстраиваемые на глагольных формах выражения более присущи торжественно-изысканным текстам, за ними по частоте следуют бытово-домашние, далее – иронично-шутливые, и только в конце – разговорные (в силу своей мобильности и неприемлемости объемных конструкций).

6. Причастные и деепричастные конструкции (ИШ – 1 (*пригревшись на солнышке),* ТИ – 3 (*подтверждающие правоту; сцепившись краями, проплывают облака*); РЗ – 1 (*развесив уши, слушает).* Таким образом, данная форма изложения распространена мало, в бытово-домашней вариации ее вообще нет, в других – случаи единичны, что можно считать закономерной обусловленностью художественного текста, обязанного быть доступным и не отягощенным суффиксами, префиксами.

Таблица 1

№ стр.	Бытовой-домашний (слова/фразы)	Разговорный (слова/фразы)	Иронично-шутливый (слова/фразы)	Торжественно–изысканный (слова/фразы)
7	5 (2/3)	6 (2/4)	5 (0/5)	8 (0/8)
8	6 (2/4)	6 (1/5)	4 (0/4)	10 (2/8)
9	6 (0/6)	5 (0/5)	5 (0/5)	5 (0/5)
10	7 (2/5)	6 (3/3)	6 (0/6)	5 (0/5)
11	8 (1/7)	6 (1/5)	4 (0/4)	3 (0/3)
12	8 (4/4)	7 (0/7)	5 (0/5)	7 (0/7)
13	13 (4/9)	8 (1/7)	5 (0/5)	6 (0/6)
14	6 (0/6)	2 (0/2)	3 (0/3)	5 (0/5)
И.	59 (15//44)	46 (8//38)	37 (0//37)	49 (2//47)

Таблица 2

	Бытовой-домашний (слова/фразы)	Разговорный (слова/фразы)	Иронично-шутливый (слова/фразы)	Торжественно–изысканный (слова/фразы)	**И.**
Отрицание	5	3	8	7	**23**
предположение (допущение)	4	8	8	3	**23**
Наречные модели	7	9	4	11	**31**
шаблоны	13	9	3	9	**34**
Глагольные обороты	10	8	8	13	**39**
Причастные обороты	0	1	1	3	**5**
И.	**39**	**38**	**32**	**43**	

Либо достаточно часто выделяемые адыгским ученым Н.Т. Гишевым в его лингвистических работах архаизмы, устаревшие слова и выражения: «Такие слова придают национальный и исторический колорит произведениям, обогащают их содержание, усиливают», адыг.) [3, с. 313]. Следовательно, основываясь на вышеизложенном текстовом материале адыгского писателя Хазрета Ашинова вполне допустимо выделить современную тенденцию: энергично включаются в разговорный стиль характерные для народного и, порой, уличного слога обеты, мольбы, просьбы, сообщающие изложению психологизм и этно-окрас. Оригинальное комбинирование пафоса с компонентами бытового стиля в комплексе выступает эффективным и мобильным художественным приемом не только для предыдущих, но и для современных прозаиков.

Список литературы

1. Ашинов Х.А. Сочинители песен: Повести. М.: Советский писатель, 1976. 320 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
3. Гишев Н.Т. КIэрэщэ Тембот иновеллэхэм абзэ ехьылIагъ // Гишев Н.Т. Все об адыгах. Майкоп: Качество, 2002. 372 с.
4. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Адыг. отд-ние Краснод. кн. изд-ва, 1966.

Л.А. Борокова

ПРИМЕТЫ КАК МАЛЫЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЖАНР АБАЗИН: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье анализируется один из малых фольклорных жанров абазин: приметы и поверья. Дается определение приметам и поверьям. Раскрывается их функционирование и предлагается универсальный вариант систематизации примет.

Ключевые слова: приметы, фольклор, микрожанр, универсальная систематизация примет.

L.A. Borokova

SIGNS AS A SMALL FOLK GENRE ABAZA: EXPERIENCE CLASSIFICATION

Abstract: the article deals with one of the small folk genres Abaza: omens and superstition. Definition of omens and legends. Expands their operation and offers a versatile option of systematization.

Key words: signs, folklore, mikrožanr, universal systematization.

Изучение абазинского фольклора не представляется полным без исследования паремиологических жанров и присущих ему микрожанров: народных примет и поверий, обогащающих национальный язык, что вызывает определенный интерес для исследования на современном этапе.

Абазинские приметы – *анашанаква,* как результат многовековых наблюдений, участвуют в сохранении и передаче традиций и занимают особое место в современном обществе. Основные вводимые понятия *анашанаква*, *ауаг1а рпышва* (опыт народа) тесно переплетаются друг с другом и в то же время имеют свой неповторимый колорит.

В каждой культуре существует собственная система долженствований и запретов, предписывающая, как человек должен поступать в той или иной ситуации и указывающая на то, чего он не должен совершать при определенных обстоятельствах. «Народная примета… проверенное многократными наблюдениями или традиционно принятое и передаваемое из поколения в поколение предсказание событий…» [8, с. 78].

В приметах таится практическая мудрость наших предков, накопленная веками. В современной версии «Толкового словаря русского языка» В.И. Даля отсутствует определение приметы, но есть слово, примечать, которое означает «замечать, стараться приметить, обращать на что-либо внимание, чтобы помнить, удержать в памяти признаки… Приметливый, приметчивый – кто все замечает и помнит» [1,с. 383].

Приметы – явление или случай, который в народе считаются предвестием чего-нибудь…. **Поверье** – вера во что-нибудь сверхъестественное, таинственное, в предзнаменования, в приметы [1, с. 417].

Многие приметы основываются на суевериях. Согласно толкованию, содержащемуся в словаре Владимира Даля, этим термином обозначается «… некое ложное, пустое, ошибочное верование во что-нибудь» [1, с. 383].

Большинство примет построены на реальных фактах, они правдивы и научно обоснованы, что подтверждается их функциональностью. Одной из основных функций примет является прогнозирующая, что отличает примету от других малых жанров фольклора. Е.Г. Павлова утверждает: «Приметой мы называем паремию с доминантой прогностической функцией. Своим функциональным признаком – прогнозом – она отличается от всех других не прогностических народных паремий» [5, с. 294].

Приметы, обладающие функцией прогноза, призваны осуществлять кодификацию процесса повседневной жизни, действующей в данной этнической культуре: *Агъныла ажвг1ванд ддрыквын пша чвгьа г1асуашт.* – Если гром гремит зимой, то к сильным ветрам [7, с. 27]. *Агъныла ащтанч1в убарыквын анчва уызлайых1вауа г1аудах1вуашт1.* – Зимой увидел змею – проси бога, чего желаешь – желание исполнится [7, с. 28].

Другая функция примет – примечать и регулировать правила повседневной жизни, рекомендовать или запрещать определенные действия: *Адзыжвга ах1ба йаниздрауа амг1ала йзынадырхит1 – рх1вит1.* – Когда старшему подают кружку с питьем, её преподносят со стороны ручки [7, с. 29]; *Айшва, йалк1г1ата фач1вы аныкву, рыщт1ахь гьазынадырхум.* – Поворачиваться спиной к накрытому столу не хорошо [7, с. 30]; *Адзбылга адзы йтущрыквын ква г1аквушт1* – Окунешь коромысло в воду – к дождю [7, с. 29].

В основе народных примет, существующих в абазинском фольклоре, лежат понятия защиты, оберега и предостережения, которые выражаются в абазинском языке рядом конструкций с отрицанием, имеющими экспрессивные особенности: *йгьауашым* – нельзя*, йгьбзийым – нехорошо.* В контексте многих абазинских примет мы наблюдаем причины запрета: *Аджьык1а к1апсарныс, йа уахвынгылырныс йгьбзийым.*– Рассыпать соль и тем более наступать – нехорошо, не к добру; *Амара анташвауа мышвкъвара гьк1арпсум – йгьбзийым.* – После заката солнца мусор из дома не выносят – не к добру.

Каждая примета имеет свое собственное объяснение, и она тесно переплетается с поверьем: *Атдзы ауац1а йгьыг1внашвшвуам, йгьбзийым.* – В доме не свистят – нехорошо [7, с. 39]; *Атдзы уыг1внашвшврыквын аджв дпсуашт1.* – Если свистеть в доме, то это – к покойнику [7, с. 39] *Атдзы уыг1внашвшврыквын – йгъвасыртахит1, аунаг1ва ачвуашт1.* – Если свистеть в доме – он опустеет [7, с. 39]. Отношение к свисту в доме у абазин отрицательное. Свист в доме ассоциируется со свистом ветра, который может унести из дома деньги, добро, благополучие.

На сегодняшний день в жанровой квалификации примет нет ясности, дающей четкое представление о данном жанре и научной классификации примет.

Фольклористы предлагают различную классификацию примет. Т.С. Садова указывает, что «… одни фольклористы относят примету к народным паремиям бытового назначения, другие отождествляют ее с поверьями и суевериями, третьи полагают, что собственно приметы – лишь реальные наблюдения за природой» [6, с. 14].

М.И. Шахнович классифицирует приметы по видам магии «… производственные, охотничьи, рыболовецкие, земледельческие, скотоводческие, ремесленные, метеорологические и т. п.» [9, с. 114].

Некоторые ученые разделяют приметы природные и суеверные. М.И. Закиров различает эти две группы по использованию их в различных сферах человеческой деятельности: «… приметы отражают изменения погоды и виды на будущий урожай, то есть соотносятся с наивной метеорологией и сельским хозяйством. Поверья же, или суеверные приметы, как правило, охватывают все сферы жизни» [2, с. 36].

Мы склоняемся к тому, что в абазинском фольклоре жанр народных примет абазин можно разделить на два больших пласта: метеорологические (погодные) и бытовые.

Все, что связано с приметами, заложено в нашем подсознании. Именно поэтому мы вспоминаем их машинально, неосознанно. Они несут в себе характерные и порой едва уловимые признаки явлений природы: *Ажвг1ванд пыч1вта къабльала йддрык1вын асквш бзихушт1.* – Если первый гром грянет с юга, то будет урожайный год [7, с. 30]; *Ажвг1ванд йаг1амк1ва йддрыквын атшыг1вра гьауашым.* – Если гром гремит не в сезон – к неурожайному году [7, с. 30]; *Адаква ахъыц1ыруазтын ква г1аквушт1.* – Лягушки квакают – к дождю [7, с. 28]; *Акъаз апынц1а апхьанц1ыг1ва йыц1акъанач1вахуазтын – йхьтахушт1* – Если гусь прячет клюв под крылом, то будет холодно [7, с. 32].

Присматриваясь к повадкам животных, птиц, рыб и насекомых, человек примечал определенные закономерности и взаимосвязь в их поведении с явлениями природы: *Ацгвы агъьма щап1ыла «тшаджвджвузтын» – амш алап1ат1ушт1.* – Кошка «моется» левой лапой – к похолоданию [7, с. 41]; *Ацгвы аджъаргьан агъьгъьузтын – ква г1аквушт1.* – Кошка скребет циновку – к дождю [7, с. 41]; *Абабыщ адзы тшц1анаршвк1валуазтын, ква г1аквушт1.* – Утка ныряет – к дождю [7, с. 27]; *Аджъмаква абакъ тшыц1арпсузтын ква г1аквушт1.* – Козы прячутся под навес – к дождю [3] *Ахвымбырц1ак1ьа рыг1вара путшрыквын ква г1аквушт1.* – Разоришь гнездо муравья – к дождю[3]; *Акъаз асаба апны «тшак1вабузтын» – йхьтахушт1.* – Гусь «купается» в пыли – к стуже [7, с. 32]; *Ажвц1ква накъвыта йпссг1узтын – аква г1аквушт1* – Если ласточки низко летают, то будет дождь [3]. Эта народная примета имеет научное объяснение. Мошкара летит низко над землей, когда понижается атмосферное давление. Это происходит перед дождем, и поэтому ласточки летят низко с открытым клювом, чтобы захватить мошкару.

Немаловажное значение абазины придавали приметам, содержащим наблюдения за явлениями природы, от которых зависел будущий урожай: *Асы щардаздын атшыг1вра бажвхушт1.* – Если выпало много снега, то год будет урожайным [3]; *Амара къапщыта йг1ац1ц1уазтын – ква г1аквушт1.* – Если солнце восходит багровым цветом, то будет дождь [3]; *Амара асптх1ва йылата йташвузтын-йг1айуашт1 амш чвщхит1.* – Если при закате солнце затянуто облаками – это к пасмурной погоде [7, с. 33]. По приметам и поверьям достаточно точно прогнозировали погоду. Так по направлению ветра судили о предстоящем дне: *Анг1ара бг1адзара г1анагит1.* – Если западный ветер – то будет сырая погода [3]; *Ажхъвыжь г1асуазтын – амш бзихушт1.* – Если дует южный ветер – к теплой погоде [7]; *Абашто(у) г1асуазтын – уаг1вызлушт1.* – Если подует восточный ветер – к засушливой погоде [1].

«В приметах и поверьях четко подмечена суть происходящих процессов вокруг нас. Закономерности, происходящие в природных явлениях, народ объяснял сверхъестественными силами. До появления метеорологии, прогнозы погоды обосновывались на наблюдениях за атмосферными явлениями» [4, с. 189].

Следующий пласт – это бытовые приметы. Они затрагивают все, с чем соприкасается человек в повседневной жизни. Многие из нас с самого детства знают, что нельзя здороваться и передавать вещи через порог, возвращаться на полпути, зашивать на себе одежду и т.д. *Ачг1выча йуышвата йудзахныс, – йыгьбзийым, – уынасып йазарарп1.* – Нельзя зашивать на себе одежду, иначе отвернешь счастье [7, с. 43]. Как ни странно, эта примета, как и многие другие, часто сбывается.

Дом – самое важное и дорогое место в жизни человека. Этим объясняется наличие у абазинского народа множества примет, связанных с домом. По народному обычаю, нельзя переступать порог дома левой ногой *Атдзы йаннашылуа апхъа агъьма щап1ы г1внаргит1 – рх1вит1.* – Переступать порог дома нужно правой ногой [7,с. 39]. С детства приучали детей не забегать, а заходить в дом не торопясь. Иначе это может принести несчастье: *Атдзы йаннашылуа йгьыг1внапум – йгьбзийым – рх1вит1.* – В дом запрыгивать нельзя, не к добру [7, с. 39]. По народному обычаю, через порог не подают руку и не прощаются, не садятся на порог и не передают через порог ничего.

Приметы настолько влились в нашу жизнь, что мы не задумываясь, говорим: *Апщырх1а мцырата йг1аупылырквын – гьг1ауыдах1вашым.* – Если встретишь человека с пустым ведром – не к добру [7:2000,с.36]; *Ацгвы уымг1ва пнакърыквын – гьг1ауыдах1вашым.* – Если кошка перебежала дорогу, то не повезет [7, с. 41].

У абазин бытует немало поверий и примет, которые используются в различных сферах жизни. С особым вниманием относились к приметам, связанным с рождением детей, как всеобщей радости: *Атг1ачва апны ац1ай зымг1ва рацк1ыс дапхъап1.* – В семье самый главный – ребенок [3].

У абазин существовало поверье: чтобы уберечь ребенка от нечистых сил и злых духов его нельзя оставлять одного: *Асаби йхъазы атдзы данг1аг-*

1внаржьуа йаба йымъа агарахъа йхъадрышвит1. – Когда ребенка оставляют в доме одного, на рукоятку люльки накидывают пояс отца [3]; *Асаби йхъазы атдзы данг1аг1внаржьуа агара адзхъа г1вымсага аш1а ахъахьы йаъата йыдзхъадыргылит1.* – Когда ребенка оставляют в доме одного, возле люльки ставят веник ручкой вниз [3]. Считалось, что веник выполняет защитную функцию, оберегает от нечистых сил. *Асаби лапшы йыквымшвара ахъазла йхъапахь чуаншвшвыра ахьырщит1.* – Чтобы уберечь ребенка от сглаза, на лоб наносят сажу [7, с. 38]. Считалось, что чужой глаз может негативно отразиться на его состоянии. *Агара мцыра гьдрыц1ысуам, йгьбзийым.*– Нельзя качать пустую люльку [7, с. 27]. Данный запрет основан на том, что если качаешь люльку, то она уже, получается, занята кем-то и места будущему ребенку в ней нет.

По обычаю многих кавказских народов, хлеб – всегда признак богатства и благополучия любой семьи. Не принято выбрасывать хлеб – это считается большим грехом. Уважение к хлебу и бережное отношение к нему воспитывалось с детства. *Ач1ахъва ац1аблыра к1ауымрышвуата йуфарык1вын джьанат уцушт1.* – Если съесть подгорелый хлеб попадешь в рай [3]. Хлеб, как и любую другую пищу, надо обязательно доесть: *Уанчауа ч1ахъва тшытк1 г1анужьырк1вын, уынасып г1анужьит1, – рхвит1* – Если после еды оставить недоеденный кусок хлеба, то, говорят оставишь свое счастье [7, с. 34]; *Уанчауа ч1ахъва тшытк1 к1ашвазтын, асас дгвжважвит1.* – Если во время еды кусочек хлеба упал – говорят, гость спешит [7, с. 34].

Мы пользуемся приметами, не задумываясь о том, какие знания они таят в себе. Знания практические, проверенные, веками накопленные и ставшие надежным источником познаний о мире.

Приметы и поверья могут существовать, как отдельный жанр малого фольклора, бытующий в повседневной жизни. Наряду с этим приметы и поверья сосуществуют в тесной взаимосвязи со всеми жанрами фольклора, обогащая национальный язык и представляя интерес для научных исследований.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1981.

2. Закиров М.И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах: автореф. дисс… кандидата филологических наук: 10.02.01 Электронный ресурс http://disszakaz.com // konsept voda su v russkih I tatarskih narodhih primetah // (Дата обращения: 17.05.2006)

3. Информаторы: Аджиева (Капова) К. М., 1926 г.р., записано в а. Старокувинск, Адыге-хабльского района КЧР, в августе 2010г.; Кячева (Гумба) Н. Д., 1930 г.р., записано в а. Апсуа, Адыге-хабльского района КЧР, в августе 2010 г.; Тамбиева Л. И., 1933 г.р. записано в г. Черкесске, в июне 2015 г.

4. Ключевский В.О. История сословий в России: Курс, чит. в Моск. ун-те в 1886 г. / проф. В. Ключевского. Изд. 2-е. Москва: Типография П. П. Рябушинского, 1914. XVI, 276 с.

5. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. М.: Наука, 1984. с. 294-299.

6. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: автореф. дис… докт. филол. наук. СПб., 2004.

7. Табулова Н.Т. Абазинские загадки, приметы (учебное пособие на абазинском языке), Черкесск, 2000. 54 с.

8. Харченко В.К. Народная примета как феномен культуры // Исследование по лингвофольклористике. Курск, 1994.Вып.1., с.7-9.

9. Шахнович М. И. Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Л.: Лениздат. 1984.

У.У. Гасанова

КАЙТАГСКАЯ ВЫШИВКА – ИСКУССТВО ДЛЯ ЖИЗНИ

Аннотация: В статье анализируется вид вышивки, получивший свое распространение в Кайтаге, которую называют кайтагской вышивкой. Кайтагская вышивка является одним из уникальных видов Дагестанского искусства 17-19 вв. Она использовалась в декоративном убранстве дома (покрывала, накидки, панно, завесы для кроватей и т.д.). Ее использовали как для торжественных церемоний (свадьбы, сватовства, рождение ребенка), так и в церемониях погребения (накрывали тело усопшего).

Ключевые слова: кайтагская вышивка, панно, орнамент, культура народа, язык символов, национально-культурная лексика.

U.U. Gasanova

KAYTAG EMBROIDERY – ART FOR LIFE

Abstract. The article analyzes the form of embroidery, which got its spread in Kaitake, which is called the kaytag embroidery. Kaytag embroidery is one of the unique types of the Dagestanian art of 17-19 centuries It was used in

the decoration of the house (blankets, wraps, murals, hangings for beds, etc.). It was used for ceremonies (weddings, courtship, birth of a child), and in the ceremonies of burial (covering the dead body).

Key words: kaytag embroidery, murals, ornament, culture, language symbols, national and cultural vocabulary.

Вышивка является одним из оригинальных и древних способов украшения ткани. Вышивание требует от мастерицы большого терпения. Вид вышивки, получивший свое распространение в Кайтаге, называют кайтагской вышивкой. Кайтагская вышивка является одним из уникальных видов Дагестанского искусства 17-19 вв. Эти вышивки представляют собою панно с необычным и оригинальным узором. Кайтагская вышивка использовалась в декоративном убранстве дома (покрывала, накидки, панно, завесы для кроватей и т.д.). Ее использовали как для торжественных церемоний (свадьбы, сватовства, рождение ребенка), так и в церемониях погребения (накрывали тело усопшего).

Кайтагская вышивка не только красочна, но и разнообразна: в ней использовалось множество орнаментальных мотивов и богатые цветовые сочетания.

В древности стихийные бедствия и болезни приписывались действию злых сил, от которых люди пытались уберечься, нанося узоры на свою одежду. В наше время также можно встретить в кайтагских селах попытки уберечься от злых сил через одежду, к примеру, маленькому ребенку шьют тушлухъ (телогрейку, сшитую из разноцветных ярких лоскутков ткани; на него нашиваются монеты, бусинки), который как бы является оберегом от сглаза. Сегодня, дошедшие до наших дней, проявления такого рода своеобразной защиты можно отнести к отголоскам верований древнего кайтагца, передававшимся от поколения к поколению.

Множество тайн содержится в орнаменте вышивки. Древний человек обозначал различные события определенными знаками. Каждый знак имел свое определенное значение. К примеру, ромб обозначался как символ плодородия. Свастика – солнце (солярный символ): означало пожелание благополучия.

Имелись знаки, свидетельствующие о счастливой охоте, победе, удаче. К примеру, на панно с лошадьми изображены всадники, которые собрались в дорогу. Об этом свидетельствуют хурджины, полные стрел. О знатности всадников говорит их одежда: папахи, обвязанные красной лентой, кони хорошей масти, ухоженные, с колокольчиками на шее.

О том, что человек просил у Неба, Солнца и Земли удачи, творил заклинания, свидетельствует обрядовая поэзия Дагестана. Многочисленные песни по вызыванию дождя или солнца существуют у дагестанских народов и сегодня. «В обрядовых песнях проявляются сокровенные желания и стремления, а также художественное мышление человека. Обрядовые произведения сопровождали человека на всех ступенях его развития, они видоизменялись и приспосабливались к новым условиям при изменении общественной формации, культуры» [2, с. 7]. Происходящее в окружающем их мире мастерицы-вышивальщицы также повторяли в различных узорах вышивки. Это выполняло не только защитную функцию, но и служило связующим звеном между человеком и природой.

Вышивки характеризуют культуру народа. В этом контексте многие исследователи рассматривают их воплощением психологии древних людей. Язык символов передает нам отношение наших предков к природе. Преклоняясь перед природой, как бы прося у нее защиты, надеясь на её милость и покровительство, древние мастерицы выводили рукой своеобразные заклинания в виде орнамента. Отметим, что дошли до наших дней в основном те знаки, которые народом тщательно отобраны из множества других знаков. Можно предположить, что дошли до нас именно те, которые способствовали добру и изобилию. Вышивки аккумулировали в себе культуру народа, его представления о добре и зле, духовные ценности. Они особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны с осознанием человеком собственной сущности, закономерностей человеческого существования, с восприятием законов общества и осмыслением его традиций, с сохранением важнейших для человека ценностных категорий. В них образно, аргументированно и лаконично сконцентрировался целый комплекс культурных смыслов, накопленных народом в течение длительного периода своего существования. Через кайтагскую вышивку носитель языка представляет общее мнение народа, касающееся определенной ситуации. Они передают основные представления хайдакца об окружающем мире. В данном случае это отразилось на ментальном мире кайтагского этноса, определяющем их идентичность. Точно так же как, и язык этноса, язык символов отображает картину мира этноса.

«В процессе исторического развития человеческое общество пытается создать такие устойчивые знаки культуры, которые понимались бы однозначно всеми членами данной лингвокультуры. Для обозначения реальностей самого различного уровня недостаточно одних слов, поэтому создаются символы, которые аккумулируют в себе ценностные культурные смыслы. Во многих случаях они имеют национально-культурный характер. В вышивке сосредоточены ценностные представления, значимые для данного народа и сложившиеся на разных этапах культурного развития. Ценностные представления отбираются таким образом, что они не меняют своей значимости и оценки. Конечно, система ценностей, отраженных в вышивке, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая истина» [1, с. 123].

На вышивках запечатлелись в основном фигуры тех животных и птиц, которые, по мнению народа, являлись защищающими человека (собака, конь, олень, голубь и др.) Иногда вышивались деревья, знак жизни и плодородия; или – Мироздания (вечнозеленая ель – символ жизни, дуб – символ долголетия), цве-

ты, обладающие лечебной, волшебной, магической силой (гвоздика, ромашка, подорожник).

Через рисунок передаются не только характерные для языкового носителя образы и символы культуры, но и способ мышления, мировосприятия. Сравнивая разные предметы, явления, каждый народ видит их по-своему. Таким образом, и моделируются определенные моральные ценности. И в кайтагской вышивке мы видим именно то, что окружает кайтага: неописуемо красивая природа Кайтага, животные (лошадь, кошка, собака, олени и оленьи рога), растения, которые обитают и произрастают там. К примеру, ни на одной вышивке не изображена пальма, которая там не растет, также нет изображения павлина или других птиц и зверей, которые там не водятся. Здесь изображено именно то, что в кайтагском регионе произрастает и водится в лесах. Рисунки на кайтагской вышивке красноречиво говорят об этом. На многих кайтагских вышивках изображены папоротники и первоцвет, которые обильно произрастают весной в лесах Кайтага**.**

Известно, что мастерица садится за работу лишь тогда, когда у нее на душе покой и гармония. От этого ее психологического состояния и зависит многое в рисунке, в цветах. Все эти изгибы, крестики, овалы передают внутреннее состояние мастерицы. В состоянии сумбура, гнева и злости не сможет творить ни один мастер. Это подтверждают устные опросы, проведенные нами с вышивальщицами, ковровщицами и ювелирами.

Привлекает внимание также и поза животных, людей, расположение растений на вышивке. Это говорит о победе, удаче (на панно изображены всадники, а сидение верхом на коне – это успех; изображение резвого коня тоже означает праздник; о знатности всадников говорит их стать, одежда – (папаха, перетянутая красной лентой) и т.д.

Все эти символы из глубокой древности красноречиво говорят нам о высокоорганизованном обществе, о культуре и целенаправленности действий. Отсутствие хаоса и сумбура на вышивках подтверждает это. Не исключены также на ранних вышивках темы язычества, тотемизма. Большинство символов мы находим и в вышивках других народов, что позволяет считать, что ценностные представления разных народов во многом универсальны. Отличия можно наблюдать в тех ситуациях, когда рисунок репрезентирует специфические черты национальной культуры. Так, например, представленные широко в кайтагской вышивке орнаменты свастики или солярные мотивы, встречаются и в славянской вышивке. Они представляют часть жизни древнего общества и культуры в целом.

Следует также отметить, что некоторые узоры на кайтагской вышивке совпадают с узорами соседних табасаранских ковров. Например, тот же свастикоподобный орнамент часто можно увидеть на табасаранских коврах. Также известно, что в рисунках табасаранских ковров встречаются библейские мотивы. Здесь получила свое подтверждение мысль о том, что многие культурные реалии переходят от одного народа к другому в силу соседства или совместного проживания.

Взаимопроникновение культур и языков приводит естественным образом к различным заимствованиям. Роберт Ченсинер отмечал в орнаментах кайтагской вышивки заимствования из восточных культур, в особенности из персидской. Добавление небольшой детали или неожиданное продолжение сюжета на узоре порой дает уже другую картину, общее направление орнамента на вышивке меняется.

Происходящее в окружающем их мире мастерицы-вышивальщицы также повторяли в различных узорах вышивки. Вышивки характеризуют культуру народа. В этом контексте многие исследователи рассматривают их воплощением психологии древних людей. Язык символов передает нам отношение наших предков к природе.

Основные орнаментальные мотивы отображали элементы символики различных культов: верования древних кайтагцев, просьба о здоровье, добре, урожае, помощи в сложных жизненных ситуациях. Таким образом, человек пытался защитить себя от незнакомого влияния неопознанного. Для этого он использовали различные орнаменты и цвета. Вышивка являлась оберегом от злых сил. Здесь изображены загадочные цветы, растения, которые имели определенную защитную силу. С давних пор человечество сознательно привносило символы и знаки в свою жизнь. С их помощью аура вокруг людей структурировалась в желаемый способ, защищающий от злых сил потустороннего мира. Так, древний человек звал к сотрудничеству светлых, добрых духов. Каждый человек воспитывался в духе любви и уважения к природе. Как отмечают исследователи, обозначены четыре составных природы – стихии огня, воздуха, воды и земли. Эти стихии имеют также символические формы. По утверждению исследователей, знак воздуха – круг, воды – полумесяц, земли – квадрат, огня – треугольник. В кайтагской вышивке все эти символы наличествуют.

Национально-культурная лексика, связанная с кайтагской вышивкой, нашла отражение в лексике хайдакского языка. Данную лексику мы разделили на следующие лексико-семантические группы:

а) названия нитей*: ирх1ялла мурц1* «шелковая нить», *бамбагла мурц1* «хлопковая нить», *гарусла мурц1* «нити под названием Гарус», *буи мурц1* «тонкая нить», *буршу мурц1* «толстая нить».

б) названия узоров: *жужеллакъвяччи «*рисунок с цветами», *хвала къвяччи* «узор посередине», *кьвакь «*общий рисунок», *къирагъ* «окантовка».

в) названия предметов и приспособлений для вышивки: *ппереппа* «иголка», *буи ппереппа* «тонкая игла», *даргьилапперепа* «швейная игла», *даргьила т1уппук1ал* «наперсток», *бамбагла ч1янк1и* «хлопчатобумажная ткань*», ластик1* «сатиновая ткань*», душелла ч1янк1и «*льняная ткань».

г) названия одежды и деталей: *ккурттиннахьар* «подол платья», *хъявц1ар* «воротник», *дурканнабаъ* «манжета», *ашмаглабаъ* «кромка шали», *к1ана* «платок», *гутанна бяг1* «наволочка», *сирибяъкурган* «по-

крывала для люльки», *чухттанна дум* «кромка головного убора» и т.д.

Кустарное производство ритуальных вышивок у кайтагцев представляет собой большие прямоугольные куски домотканой материи (изо льна, конопли или хлопка), крашенные в темно-синий цвет и вышитые крупной гладью. Орнамент их стар по происхождению и дает солярные и спиральные мотивы, завитки, свастики и перекликается с древней дагестанской петроградикой, встречающейся в горных аулах. Основные места производства – это селения Кайтагского района Баршамай, Карацан, Джибахни и Г1явши. Вышивкой украшали занавеси на окна, покрывала, накидки.

До недавних пор в Кайтаге, на родине самобытного уникального вида народного рукоделия, Кайтагская вышивка практически была на грани исчезновения. В 90-е годы большинство изделий оказались вывезенными за рубеж. Многое находится в частных коллекциях Парижа, Лондона, Рима, Стамбула и др. Небольшая часть кайтагской вышивки хранится в музеях нашей республики.

В Музее изобразительных искусств и Историко-краеведческом музее Республики Дагестан представлены работы кайтагских мастериц. В Музее изобразительных искусств их количество составляет три экземпляра, а в Историко-краеведческом музее количество экземпляров кайтагской вышивки составляет 11. Все они представляют большую ценность. В настоящее время наиболее распространены вышивки в виде панно. Украшают кайтагской вышивкой женские сумочки, подушки, скатерти, манжеты, подолы платьев и т.д. Все они вышиты нитками из натурального шелка. Основу кайтагской вышивки также составляет натуральная ткань из хлопка, льна, шелка или тонкой шерсти.

О широком распространении кайтагской вышивки свидетельствуют выставки, проводимые в республике Дагестан, в самом Кайтаге, а также за пределами Российской Федерации. Кайтагская вышивка представлена во многих крупнейших музеях мира, ежегодно там проводятся выставки кайтагской вышивки. К примеру, в Италии в городе Порденоне ежегодно проходит выставка «Кайтаг, искусство для жизни». Побывавшие на выставке отмечают, что «в первую очередь бросилось в глаза оформление выставки – декорации, детали, не оставившие равнодушным, даже вход в виде огромной буквы «К». Все демонстрировало особый креативный подход и стиль».

Сегодня – в век компьютерных и нанотехнологий никого невозможно особенно удивить. Но кайтагская вышивка не оставляет равнодушным никого, кто хоть раз увидел ее. Эти вышивки представляют собою панно с необычным и оригинальным узором.

Список литературы

1. Гасанова У.У. Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка. Махачкала, 2011.
2. Юсупов Х.А. Обрядовая поэзия даргинцев. (Общее и локально-особенное). Махачкала, 2009.

Рис. 1 Вышивка Кайтаг – Драконы
(Фото из личного архива автора)

Рис. 2 Вышивка Кайтаг – Всадники
(Фото из личного архива автора)

Рис. 1 Вышивка Кайтаг – Толерантность
(Фото из личного архива автора)

Л. М. Гарсаев, Т. С. Шаипова, М.М. Гарсаева, А. М. Гарасаев

К ВОПРОСУ О ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Аннотация: В статье рассмотрены устоявшиеся нормы поведения, связанные с комплексом похоронно-поминальной обрядности чеченцев и ингушей.

Ключевые слова: Аллах, Дела, тезет, чеченцы, ингуши, До1а, Ясин, похоронно-поминальная обрядность.

L. M. Garsaev, T. S. Shaipova, M.M. Garsaeva, H.-A.M. Garasaev

TO THE QUESTION ABOUT THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF CHECHENS AND INGUSH

Abstract: The article describes the established rules of conduct related to the funeral complex – memorial rites Chechens and Ingush.

Key words: Allah, Dela, tezet, Chechens, Ingush, Do1a, Yasin, funeral and memorial rites.

Вайнахи, являясь мусульманами-суннитами Северного Кавказа, в течение столетий стремились к сохранению религиозных культов и обрядов. Среди чеченцев и ингушей, как и у других народов Северного Кавказа, проведение комплекса похоронно-поминальной обрядности неукоснительно требовало от родственников усопшего и от присутствующих соблюдения определенных устоявшихся норм поведения. Прежде всего, о смерти умершего сообщалось в иносказательной форме. Извещением занимались несколько человек (не обязательно близкие родственники), выделенные старшим со стороны покойного [1].

Одежда прибывших для соболезнования должна была соответствовать ситуации, т. е. быть скромной и неярких тонов. Согласно вайнахским традициям, появление на церемонии поминовения умершего с непокрытой головой представителям обоего пола строго запрещалось, хотя это почему-то позволительно чеченцам-мухаджирам, проживающим в странах Ближнего Востока. Рубахи на женщинах должны были быть длинными, а на мужчинах – с длинными рукавами. Вся одежда, особенно женская, должна быть свободной, не облегающей тело [1].

Пришедшему на тезет (похороны) по мусульманским канонам следует обратиться к присутствующим с традиционным мусульманским приветствием «Ассаламу 1алейкум!» (Мир Вам!). В некоторых случаях достаточно сказать: «Прочитайте До1а – прошение к Аллаху» (До1а дейша!). Затем мулла или в его отсутствие уважаемый в селе человек произносит До1а. После этого пришедший может выразить соболезнование (кадам бар). Слова соболезнования дифференцируются по возрастному признаку. Так, если умирает взрослый человек, то говорят: «Да помилует его (ее) Аллах! «Пусть грехи его (ее) отпустит Аллах!» (Дала гечдойла цунна!), «Пусть покойник будет почетным гостем в раю» (Дала ялсаманан хьаша в(й) ойла цунах); «Да одарит Аллах смиренным терпением вас и всех, кого касается это несчастье» (Дала иманца собар лойла шуна а, кхуьнца дакъа мелдолчунна а!)

Если умирает ребенок, говорят: «Аллах да сделает его (ее) полезным в загробном мире! (Дала эхартан пайден й(в)ойла иза!), «Пусть Аллах воссоединит Вас в раю!» (Дала ялсаманехь цхьана тохийла шу!) Принимающие соболезнования отвечают: «Да будет доволен Аллах!» (Дела реза хилда!). После этих слов мужчины (постарше) обмениваются рукопожатиями, при этом первым руку подает тот, кто выражает соболезнование, а кто помоложе – обнимается с родственниками умершего и после этого становится в стороне, соблюдая дистанцию от них по степени родства. По обычаю, пришедший с соболезнованиями должен находиться в среде родственников покойного до тех пор, пока они не разрешат уйти с места поминальной церемонии [1].

Как только соседи узнают о преставлении человека, они открывают свои ворота, отменяются увеселительные мероприятия и свадьбы. По улице не должны на скорости разъезжать и сигналить машины. Не должна быть слышна музыка и включен телевизор.

Тезет устраивается во дворе под навесом (чеч. паг1у к1елахь). С правой стороны сидят самые старшие по возрасту родственники усопшего во главе с религиозным авторитетом и уважаемыми старейшинами. Молодежь обычно стоит чуть-чуть в стороне, но родственники из них держатся поближе к старикам. Соболезнования обязательно принимаются стоя. Среди чеченцев и ингушей никогда не было принято оплакивать умершего мужчинами, это бытовало у кумыков и балкарцев [2]. У нас же плакали только женщины, иногда с причитанием (тийжар). В ходе похоронно-поминальных мероприятий вести посторонние разговоры считалось неприличным и небогоугодным делом. Это значило, что виновники этого оставались безучастными к людскому горю.

Оставаться в стороне от поминальных обрядов было нельзя. Каждый в меру своих способностей и возможностей должен был оказать поддержку понесшим утрату людям: религиозные авторитеты читают суры из Корана и молитвы, старики, умеющие собирать умершего в последний путь, омывают его и готовят к погребению, молодые копают могилу, несут носилки, засыпают могилу и т. д. [1].

Когда покойник готов к погребению, его выносят на носилках, покрытых буркой, в центр двора и над телом совершают намаз (докъа ламаз) все лица мужского пола. Затем мулла зачитывает вслух завещание (весет кехат) покойного. Далее желающие засвидетельствовать человеческие качества и добрые дела усопшего имеют возможность сделать это, но ни в коем случае нельзя кривить душой и давать в этот момент ложные свидетельства. И тем не менее,

в большинстве случаев люди хотят говорить об умершем только хорошее, так как о покойнике отзываться плохо в народе не принято.

Часть сочувствующих режут скот, варят в больших жертвенных котлах мясо. Помимо этой действенной помощи соболезнующие оказывают моральную и психологическую поддержку тем близким, кого постигла утрата, сопровождая их в период тезета и находя для них слова утешения и успокоения. Это благотворно на них влияет и помогает пережить стресс [1].

Обычно **тезет** длится 3 дня, есть отдельные случаи, когда он растягивается до 7 дней, после чего совершается обряд первого жертвоприношения (саг1а дакхар). Второе жертвоприношение происходит через 40 дней и последнее – через год. О проведении всех этих ритуалов объявляется **туркхом** по поручению сельского муллы после обязательного согласования сроков со старшим со стороны умершего. На всех этих ритуалах присутствуют не только близкие родственники, но и соседи, сослуживцы, знакомые и т.д. Они обязательно должны приобщиться к данному ритуалу «Саг1а», попробовать и поесть приготовленные к этому дню кушанья. Кстати, приверженцы накъашбандийского тариката в таких случаях в течение первых трех дней не кушают. В какой-то мере пришедшие на подобное мероприятие помогают хозяевам материально: они приносят сладости, халву, безалкогольные напитки, фрукты. Могут также помочь деньгами [1].

На кладбище покойника провожают только мужчины, женщины и дети к траурному шествию не допускаются. Прибывших на соболезнования из других населенных пунктов освобождали от участия в ритуале и не провожали их. Прощаясь с родственниками покойного, принято говорить: «Покойник пусть попадет в рай!» (Дала ялсамане кхача войла иза!), «Живым пусть Аллах дает здоровья и долгих лет жизни» (Буха бисанчарна Дала могшалла лойла, хан еха а йойла церан!) [1].

Во время траура этическую нагрузку несла и одежда.

Очень важным моментом в похоронно-поминальном обряде мусульман является омывание покойника. Теперь коротко расскажем, как это происходит.

Умирающего (обязательно лежащего на спине) поворачивают так, чтобы ноги его переместились в южном направлении, голову чуть приподнимают.

Умирающий перед смертью должен слышать слова: «*ла илах1а илла Лах1у*» (Нет божества кроме Аллаха). Его нужно успокаивать, повторять ненавязчиво, что все мы смертны, Бог простит его за грехи и он попадет в рай. Внушать, что смерть нужно принимать без паники, мужественно.

Из комнаты, где лежит умирающий, удаляют женщин с месячными, а также переживающих послеродовой период, пьющих, курящих и употребляющих насвай мужчин. Рядом с умирающим не должно быть неприятных запахов чеснока, лука. Удаляют из данного помещения громко плачущих или рыдающих родственников.

Над умирающим непрерывно читают молитвы (до1а), а «Ясин» (отходная молитва) читают вполголоса, тихо, чтобы не слишком его утомлять. Если уходящему не нравится громкое чтение, можно читать «Ясин» шепотом у изголовья. Как только человек преставился, чтение прекращается, даже если «Ясин» не дочитан до конца, а Коран находится рядом или на груди покойника.

После наступления смерти сразу же закрывают глаза покойнику со словами: «Бисмиллах1и ва биллах1и ва 1ала суннати расулиллах1и».

Подвязывают подбородок широкой полосой материи, чтобы не оставался открытым рот. Конечности покойного до наступления окоченения несколько раз сгибают и разгибают, чтобы легче было его обмывать. Затем укладывают на кровать, сняв прижизненную одежду. Если обмывание откладывается, на живот покойнику кладется тяжелый груз, чтобы не раздулся газами кишечник, и полностью закрывается тело простыней, подоткнув ее краями голову и ноги. Обмыть тело нужно как можно скорее. Для омовения покойника выбирают отдельную комнату без посторонних лиц. Здесь могут находиться два человека, обмывающие тело и близкий родственник (родственница), руководящий данным ритуалом, который должен быть очень добрым, милосердным человеком.

Во время ритуала постоянно должны произноситься слова: «Я Рахьман, Я Рахьим, Я Карим». Это три из имен Аллаха.

Тело кладется на доски для обмывания, верхняя его часть в области головы должна быть более приподнята. Обмывающий очень мягко, даже нежно, приподнимает покойника, как бы сажая его на доски. В то же время он, прислоняя тело к себе, правую руку кладет ему на лопатки, фиксируя большим пальцем затылочную часть, чтобы голова не падала из стороны в сторону. Одновременно спина покойника подпирается правым коленом обмывающего. Левой рукой, намылив живот, давящим движением проводят вниз по животу, чтобы вышло содержимое кишечника. После этой процедуры тело тщательно омывают, вытирают полотенцем. Ватой затыкают все отверстия покойника, включая ноздри. Затем оборачивают белым саваном. Лицо оставляют открытым, чтобы близкие могли во время прощания лицезреть его. Здесь следует отметить, что во время проведения этой процедуры Коран выносится из помещения.

Таким образом, похоронно-поминальная обрядность, все процедуры с ней связанные и предписанные Кораном должны неукоснительно соблюдаться мусульманами.

Список литературы

1. Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С., Гарасаев Х.-А.М. Похоронно-поминальная обрядность чеченцев и ингушей (некоторые вопросы) // Материалы всероссийской научной конференции «Народы Кавка-

за в пространстве Российской цивилизации: исторический очерк и современные проблемы. Ростов-на-Дону, 13-15 сентября 2011 г. С. 314-316.

2. Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – нач. XX вв.) Махачкала, 2007.

А.И. Капланова

ОТ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА К НРАВСТВЕННОМУ ИДЕАЛУ

Аннотация: Статья посвящена магическому слову в традиционных обрядах ногайцев, выявляется жанровая специфика детской обрядовой поэзии на анализе фольклорного материала, вводимого впервые в научный оборот.

Ключевые слова: фольклор, обряд, нравственность, благопожелание, колыбельные песни, поверья, суеверья.

A.I. Kaplanova

FROM CEREMONIAL FOLKLORE TO THE MORAL IDEAL

Abstract: the article is devoted to the magic word in traditional ceremonies as nogais, taped genre specificity of child ritual poetry on the analysis of the expedition for the first time-based material into scientific circulation.

Key words: folklore, ritual, morality, good wishes, lullabies, beliefs, suever′â.

Обрядовый фольклор – удивительное явление устного народного творчества. В нем нашли отражение многие стороны жизни ногайцев. Обрядовый фольклор давно привлекала внимание этнографов, искусствоведов, писателей. Чтобы читатель глубже понимал литературное произведение, авторы постоянно обращаются к значениям народных ритуалов, основанных на народных традициях. Обрядность – это не только факт этнографии, но и замечательное явление народной поэзии, пронизанное фольклорными текстами самых различных жанров, сопровождающие обрядовые циклы. Они исполняются во время обряда и по народным представлениям имеют магическое действие. Жить по заветам предков – часто повторяющийся мотив:

Кыз тувса да кыз болсын.
Аягы-колы туьз болсын.
Атайлардан ыз алсын.
Анайларга ырыз болсын [5].
Пусть родится девочка.
Пусть руки и ноги будут целыми.
От отцов унаследует традиции.
Для (пожилых) матерей станут честью (здесь и далее подстрочный перевод – А.К.).

Если в семье рождается девочка, поздравляющие произносят пожелание: «Кырк туварынъ хайырлы болсын» («Сорок скотов пусть будут удачными»). Женская доля нелегка, на ее плечах организация семьи, жить дружно с родственниками мужа, соседями, воспитание детей, ведение хозяйства, быть единым духом. Народ в воспитании подрастающего поколения возлагает большую надежду на женщин. Хорошему и вежливому человеку говорят: «Нрав, как у девочки» («Кыздай кылыклы») или «Девочка своим нравом заставит полюбить» («Кыз кылыгы ман суьйдирер»).

Путь к нравственному идеалу начинается с рождения. При рождении ребенка, «энекес анасы» (диалектная форма «эбии» – повитухи) произносит «Бисмиллях!» и отрезает пуповину, затем купают родившую [5]. Пуповина для ногайцев представляет символическую связь матери и ребенка. Существует иносказательное выражение: «Киндигинъиз бирме?» (У вас что, одна пуповина?»), где подразумевается кровное родство. Ногайцы хранят пуповину, она оберегает человека. Обряд сохранения пуповины у каждого народа выглядит по-разному. Так, у «калмыков пуповину высушивают, она хранится в семье долгое время. В дальнейшей жизни человека она выполняет роль оберега, ее носят в виде талисмана или зашивают в ворот рубашки» [4, с. 171].

Первую одежду, которую надевают на ребенка, называют «ийт коьйлек» («собачья рубашка»), ее шьют из белой материи, без воротника. Энекес анасы – повивальная бабка, надевая рубашку, обращается за помощью к Всевышнему, выражает просьбу и напевает:

Меним бебем тувыпты,
Ийт коьйлегин ювыпты.
Арыска элтеп илипти.
Байдынъ кызы коьрипти,
Басын шайкай кетипти.
Бийдинъ кызы коьрипти,
Бийий, бийий кетипти.
Ханнынъ кызы коьрипти,
Кан туькире кетипти.
Ярлыдынъ кызы коьрипти,
Яна – куье кетипти.
Кулдынъ кызы коьрипти,
Кулаз – ын шайнай кетипти [5].
У меня родился ребенок.
Собачью рубашку постирали.
Отнесли и на оглоблю повесили.
Увидела байская дочь.
Прошла и головой покачала.
Увидела дочь бия.
Пританцовывая, прошла.
Увидела ханская дочь.
Выплюнула кровь.

Увидела дочь бедняка.
Распереживалась.
Увидела дочь раба.
Ушко, прожевывая, прошла.

(Кулаз – ын – диалектная форма кулагын – ухо, ушко прожевывая прошла, имеется в виду – досада, что не сможет выйти за него замуж).

«Ийт коьйлек» одевали на ребенка все сорок дней. Во избежание инфекции, к ребенку заводили только здоровых гостей, так как организм ребенка еще слабый и беззащитный. Из-за множества людей ребенок может заплакать, быть беспокойным, лишь по истечении сорока дней организм ребенка начинает крепнуть, и его начинают выводить в людные места. Купание и одевание в новую одежду сопровождалось обрядами очищения и благословения.

Приговоры в процессе купания являются предметом женского творчества. Ежедневное купание ребенка укрепляет организм ребенка. Начинали мыть с макушки, произнося разные благопожелания. В течение сорока дней домочадцы наблюдают за физическими изменениями ребенка: «Кырк куьнге дейим, кырк кере туьрленер» («За сорок дней сорок раз переменится»). Часто брать на руки ребенка не рекомендовали, считали, что тело лишний раз травмируется («Эти эзиетленеди»).

После сорока дней эбия снимала «ийт коьйлек» и надевала на собаку. В этот момент много добрых слов и пожеланий звучат в адрес ребенка: «Яс замандагы авырувларын, коьп йылавын, ызалы мырылдавын ийт алып кетсин». («Плаксивость, капризность, болезни пусть собака унесет»). У Всевышнего просят: «Кайсы айван да авадынъ туьрленуьвине (исси, сувык), кайда да ятувга шыдамлы. Бала да бара – бара, оьсе – оьсе не затка да шыдамлы болсын» [5] («Животные приспосабливаются к климатическим условиям, и ребенок постепенно приспособится ко всему»). Дарение подарков сопровождалось благопожеланиями. В кратких заклинаниях и благопожеланиях отражены древние представления и верования ногайцев.

Когда ребенок учится становиться на ноги, напевали «Казай басады»:

Казай, казай, каз, балам,
Аягынъды бас, балам.
Казай турсанъ, каз соярман,
Ювырып юрсенъ, тай соярман [2, с. 3].
Казай, казай, стоит ребенок.
На ножки стань, мой ребенок.
Будешь стоять на ножках, гуся зарежу.
А начнешь ходить, зарежу жеребца.

Ногайцы всегда разводили много гусей и коней, мясо гуся считается полезным от простуды, а конина высоко ценилась, «в ней нет холестерина, считается диетическим» [6].

Ребенку, придерживая, помогают встать на ноги. По южную сторону прочерчивают линию, ее называют «сокпак сызыгы» («линия тропинки») и приговаривают: «Яшав йолы туьз болсын» («Пусть жизненная дорога будет ровной»).

До первого года жизни, чтобы ребенок начал быстрее ходить, проводят обряд прокатывания «калакая» (пресный хлеб круглой формы). В назначенный день выбирают женщину, чтобы испечь калакай. Она должна быть с «чистой душой», умная, красноречивая, трудолюбивая, уважаемая среди людей. Ноги ребенка обвязывают ниткой, произносят благопожелание, затем развязывают. Пока ребенок стоит, между ног пропускают калакай, просят у Всевышнего благополучия и желают добра. Калакай делят и раздают собравшимся. По поверьям, «покатывание калакая» способствует легкому передвижению ножке ребенка. За калакаем покатывают и фрукты круглой формы, дети их ловят и кушают. Ребенок в свою очередь пытается сделать первые шаги, его направляют для самостоятельного перешагивания. В это время радость и веселье царит в доме, звучит пожелание: «Калакай-дай тыгырып юрсин». («Пусть быстро ходит и катится, как калакай!»).

Аягынъ туьз болсын,
Табадай каты болсын [2, с. 3].
Пусть ноги будут прямыми,
Твердыми как сковородка.

Женщина, поймав калакай, произносит благопожелание:

Аягы юйрик болсын,
Коьк тулпардай болсын,
Табаны каты болсын,
Коьк боьридей болсын [2, с. 3],
Пусть ноги будут быстрыми,
Как у синего тулпара (мифический крылатый конь).
Пятки будут твердыми,
Как у синего волка.

Синий волк – мифический персонаж в фольклоре ногайцев**,** характеризуется, как быстрое, выносливое животное. В среде молодежи приобрел культовый образ.

Один из гостей поднимает ребенка и произносит благопожелание:

Аягынъды эркин коьс, балам,
Аьр куьн бир эли оьс, балам,
Ай сайын бир карыс оьс, балам,
Берермен сага ак тоьс, балам [2, с. 3].
Ноги свободно вытяни, мой ребенок.
Каждый день расти на один палец, мой ребенок.
Каждый месяц расти на одну пядь, мой ребенок.
Белое мясо буду давать тебе, мой ребенок.

(Белое мясо – грудинка курицы или другой птицы).

Ребенку в семь месяцев на пятки намазывают мед и водят, приговаривая: «Эки аягы берк болар, аяк астында кайгысы эрек болар».

(«Обе ножки будут крепкими, под ногами горе будет отдаляться»).

Для развлечения ребенка, во время игры напевали:

Тойды, тойды, тойды балам,
Ак шарыгын йойды балам,

Тапты, тапты, тапты балам,
Йолга шыгып шапты балам [3, с. 7].
Сытый, сытый, мой ребенок.
Белые тапочки потерял.
Нашел, нашел мой ребенок.
Вышел на дорогу и побежал.

Детские песни отличаются от колыбельных песен. В детских песнях, кроме развлечения, присутствует и воспитательная часть. Дети слушали репертуар взрослых и старались напевать на праздниках.

Ойна, балам, сен ойна,
Аьли ойнар шакларынъ.
Эркин ойна, эркин оьс,
Коьр дуныядынъ завкларын [3, с. 7].
Играй, мой ребенок, ты играй.
Время твое сейчас играть.
Свободно играй, свободно расти.
Прелести жизни узри.

По сведениям информантов, и мужчины могли сочинить колыбельную песню и передать их женщине. В этих песнях воспевали героев эпических песен, предводителей, народных певцов и т.д. При исполнении колыбельной песни мать имя ребенка не произносила, чтобы не сглазить. По поверьям, «сглаз матери» – один из сильных недугов.

Колыбельные песни носят и поучительную функцию. Дети, в свою очередь, старались за матерью их напевать, учились петь и сочинять.

Использованные в колыбельных песнях сравнительные приемы, выразительные средства усиливают поэтику произведения, делают их проникновенными и прочувствованными, что мы и наблюдаем в цикле колыбельных песен, собранных Т. Акманбетовым: «Медом помазанный, мой пряник», («Балга ийленген калашым»), «Души моей прекрасный» («Ян суьйген аьлеметим»), «Крылья моего ребра» («Кабыргамнынъ канаты»), «Мое сито для просеивания муки, ведро, приносящее воду» («Ун элеген элегим, сув аькелген шелегим»), «Головка моего топора» («Балтамнынъ басы») [1, с. 2] и т.д. В песнях могут описываться тамги и знаки данной семьи, их нравы, приметы и многое другое. Этот цикл песен несет в себе нравственные принципы.

Одним из значимых актов традиционных обрядов у ногайцев считается «Бас кетеруьв» (бритье головы), первое прикосновение острого предмета к ребенку, этот обычай характерен для детской обрядности многих народов. Обряд первой стрижки волос ребенка исполняет дядя по линии матери («нагаш акасы»). За оказанную честь «названный дядя» семье ребенка дарит крупный рогатый скот, а ему в ответ преподносят символический подарок – «бекидинъ аьдетин» – «в честь финки» (нож). В данном обряде финка приобретает культовый образ.

Много суеверий у ногайцев связано с волосами: «Проклятья человеку, который не прошел обряд бритья головы, исполняются», или же: «Стриженые волосы нельзя выкидывать, птицы их уносят и строят гнездо, а обладатель этих волос страдает головными болями». Такое же поверье существовало у кубанских казаков, у немцев. У гуцулов, живущих в Карпатах, птицы заменены мышами [7, с. 226].

Ножницам придавалось магическое значение. Так в обряде отрезания первых ногтей ребенка главная роль предназначалась незамужней девушке, у которой живы родители. Символ благословения этого этапа жизни младенца – это чистота незамужней девушки, выросшей в полноценной семье. Состриженные волосы, пуповина, ногти находятся «в симпатической связи с их владельцем». И калмыки считали: от того, в чьих руках и в каком состоянии находятся волосы, зависит судьба ребенка. Состриженные волосы, как и ногти, прятали, закапывали в укромном месте. В противном случае, через них уходила жизненная сила человека и счастье [4, с. 185].

Традиции и обычаи составляют основу культуры народа. Народ, потерявший свои культурные ценности, перестает быть самостоятельным этносом. Именно уникальные культурные традиции этноса, его духовная кладезь являются главным атрибутом любого народа. Важно сохранить духовное богатство нации – его культурные памятники. Жанры фольклора такие, как колыбельные песни и благопожелания, приметы и поверья, пословицы и поговорки, всегда воспитывали молодежь на трудовом и практическом опыте старшего поколения.

Таким образом, исполнение фольклорных произведений в традиционных обрядах способствует не только обогащению словесного искусства, но и сохранению духовных ценностей – это стремление к высшей ступени развития человеческого бытия.

Список литературы

1. Акманбетов Т.А. Туье оьркеш. (Верблюжий горб). Махачкала, 2014. 120 с.
2. Акманбетов Т.А. Юреги шоьлдей кенъ болсын. // Газ. «Ногай давысы» за 15 январь. Терекли-Мектеб. 2013 г. С. 3.
3. Акманбетов Т.А. Эс эм сес. // Газ. «Шоьл тавысы» за 23 август. Терекли-Мектеб. 2012 г. С. 7.
4. Борджанова Т.Т. Обрядовая поэзия калмыков // Система жанров, поэтика. Элиста, 2007. 590 с.
5. Полевые материалы Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Информант А.Д. Аджимурзаев, 1929 г.р. Запись А.И. Каплановой в с. Мирный, Шелковского р-на, Чеченской Республики в июне 2012 г.
6. Полевые материалы Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Информант М.С. Сатемиров, 1972 г.р. Запись Каплановой А.И. в а. Икон-Халк, Ногайского р-на, Карачаево-Черкесской Республики в апреле 2015 г.
7. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит., 1983. 704 с.

С.А. Кукаева

НАЗВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МУЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию важного пласта этнографической лексики ногайского языка – названий мучных изделий. Исследуемые лексические единицы рассматриваются в диахронном и синхронном аспектах.

Ключевые слова: ногайский язык, тюркские языки, традиционная пища, культура питания, мучные изделия.

S. A. Kukaeva

NAMES OF TRADITIONAL FLOUR PRODUCTS IN THE NOGAI LANGUAGE

Abstrsct: Article is devoted to research of important layer of ethnographic lexicon of the Nogai language – names of flour products. The studied lexical units are considered in diakhronny and synchronous aspects.

Key words: Nogai language, Turkic languages, traditional food, culture of food, flour products.

Земледелие – один из древнейших и важнейших видов хозяйственной деятельности человека. С развитием земледелия связано появление многих важных элементов материальной и духовной культуры, целых систем обычаев и обрядов, религиозных верований. Значимость земледелия как отрасли хозяйства отчетливо прослеживается в системе питания ногайцев. В повседневной, праздничной и обрядовой системе питания ногайцев продукты земледелия находят применение, как в чистом виде, так и в переработанном в крупу «*ярма*» или смолотым на муку *«ун»*.

В трехтомном словаре «Divanü lügat – it-türk» – «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари (XI в.) приводится большое количество названий злаков, которые с некоторыми фонетическими отклонениями и ныне встречаются в ногайском языке: *arpa (арпа)* «ячмень», *tary (тары)* «просо», *buydaj (бийдай)* «пшеница»; овощей: *qayun (кавын)* «дыня», *qabaq (кабак)* «тыква», *soyun (соган)* «лук», *samursaq (сарымсак)* «чеснок» и др. В словаре в качестве иллюстративного материала широко используются пословицы и поговорки: *Arpa – buydaj ač bolur, altun – kümüs tač bolur (Арпа бийдай ас болар, алтын-куьмис тас болар)* «Пшеница-ячмень это еда, а золото-серебро – это камень». *Sabanda sandïriš bolsa, örtgünda irtäs bolmas (ср.ног.Сабанда сырласпаган – ындырда ырылдасар)* «Если во время пахоты будут споры, то при уборке урожая споров не будет" [5: II, с. 218].

Важные сведения о земледелии у ногайцев содержатся в многочисленных путевых заметках и описаниях русских и иностранных авторов: Эль-Омари, И. Барбаро, А. Контарини, М. Меховского, М. Броневского, Э. Челеби, А. Олеария, П.С. Палласа, С.Г. Гмелина, К. Пейсонеля, И. Георги. С.В. Фарфоровского, А. Павлова и др.

Еще в конце XIV века арабский ученый Эль-Омари писал, что «чаще всего встречается у них (ногайцев) просо, им они и питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда их» [7, с. 30].

Из сообщений русских и иностранных авторов мы узнаем и о некоторых блюдах, приготовляемых из продуктов земледелия: «Очень любят вареное в молоке просо. Получается густая масса, её кладут на тарелку, посередине массы кладут свежее масло. Это называется боткъа», – писал Д. Шлаттер [4, с. 144].

Известный географ Гильом де Боплан отмечает, как пекут хлеб ногаянки: «Они приготовляют из муки лепешки, которые пекут в золе: вообще же обычную их пищу составляют пшено, ячменная и гречневая крупа, каковые сорта хлеба они сами возделывают» [6, с. 223].

Характеризуя пищу поволжских ногайцев в XVIII в., С.Г. Гмелин писал: «Пекут хлеб и приготовляют мучное кушанье, как вареное, так и жареное, азиатскую кашу, плов называемую, мучное кушанье, попросту лапша именуемое, тонкий пшеничный хлеб, чурек называемый, а особливо любят чай» [2, с 176].

А. Павлов пишет о ногайцах: «Во время обеда они не торопливы в еде, умеренны в употреблении пищи, чистоплотны» [9, с. 28].

Названия пищи нами условно разделены на следующие тематические группы: мясные *«эт ас»,* мучные *«ун ас»,* молочные *«суьт ас»*. Согласно существующей структурно-типологической классификации, блюда из зерновых рассматриваем в порядке исторической последовательности возникновения термической и механической обработки зерна: жарение – варение – печение и цельное зерно – крупа – мука, тесто.

Блюда из жареного зерна и муки: *соьк* «блюдо из предварительно распаренного, затем прожаренного зерна, залитое сметаной, молоком», *талкан* «блюдо из жареной просяной или кукурузной муки», *ент* «талкан, заправленный медом» и др.

Блюда из вареного зерна и муки: *уьйре* «суп из пшена или кукурузной муки», *ботка* «каша», *ламык* «похлебка», *баста* «крутая каша из пшена или кукурузной муки», *мамырса* «мамалыга», *алпама* «вареные кукурузные лепешки» и др. Распаренное зерно использовалось для приготовления напитков: *боза* «буза», *бал боза* «медовая буза», *сыра* «пиво» и др.

Блюда из теста, сваренного в воде, молоке или бульоне: *увмаша* «клецки», *лакса* «лапша», *салма* «вид лапши», *яйма* «блюдо из раскатанного теста, нарезанного квадратиками», *бесбармак* «бешбармак», *уьзбе* «вид галушек», *калжа* «вид лапши, обрядовое блюдо для роженицы» *инъкал* «хинкали» и др.

Из теста с начинкой: *сувбоьрек* «вареники», *иримшик боьрек* «вареники с творогом», *ералма боьрек* «вареники с картофелем», *касык боьрек* «пельмени» и др.

Мучные изделия из жареного и печеного теста: *оьтпек* «хлеб», *калакай* «лепешка», *малакай* «хлеб из

просяной муки», *алпама/атук* «жареные кукурузные лепешки», *бавырсак* «жареные лепешки из кислого теста», *катлама* «слоеная жареная лепешка», *йыпатак* «жареный, сладкий хворост», *куйма* «блины», *локым* «локумы», *шырлама* «оладьи», *таба боьрек* «пирог» и др.

Рассмотрим более подробно некоторые наименования данной лексико-семантической подгруппы.

Ун «мука» – общетюркское слово. Оно бытовало и в древнетюркском языке [3, с. 612]. Возводят к глаголу *ув* – «растирать» [11, с. 471].

Бийдай ун «пшеничная мука», *наьртуьк ун* «кукурузная мука», *тары ун* «просяная мука», *ийленген ун* «тесто».

Термени яман, уны ийги, атасы яман, улы ийги посл. «Мельница плоха, но мука хороша, отец плох, да сын хорош».

Туьй «пшено». В памятниках зафиксирован в форме *tög* [5: III, с. 229]. Не вызывает сомнений связь с глаголом *туьй* – «толочь», «бить». Позднее это слово параллельно с пшеном стало связываться с рисом, и это последнее значение затем в ряде языков осталось единственным [11, с. 459]. Из пшена готовят густой суп «*уьйре*»; крутые каши «*мамырса*», «*баста*».

Уьйим баска, *уьйрем баска* «я совершенно независим» (*букв*. дом отдельно, пшенный суп «*уьйре*» – отдельно);

Уьйресин яманлаган аштан оьлер (посл.) «Кому не нравится пшенный суп, умрет от голода».

Талкан «жареная кукурузная мука» (от *талкы* – «толочь», «мять» + афф. – *кан*). Продукт широко распространен у тюркских народов, особенно в качестве дорожной провизии. Исторические источники указывают на бытование *талкана* у тюрков в глубокой древности.

В XI в. жареная мука под названием *talqan* упоминается в словаре М. Кашгари со ссылкой на уйгурские тексты IX в., которые в свою очередь являлись переводами более ранних китайских документов о тюрских племенах Алтая [5: II, с. 189]. «Каждый из наездников берет с собой небольшой мешок, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда» [6, с.86].

Слово талкан широко употребляется в ногайском фольклоре: *Авызы йок, бурны йок, бир тостакай суьт ишер* (загадка) «Нет ни рта, ни носа, выпьет плошку молока» (отгадка: *талкан*).

Авызына талкан сугынгандай «молчит, будто в рот набрал талкан»; *талкантоьк* «расточительный человек».

Талкан ашаган йолда талмас (посл.) «Съевший талкан не устанет в пути».

Соьк «сладкое блюдо из жареного пшена» – прямое наследие кочевнического мира. Блюдо из отваренного, слегка подсушенного и прожаренного пшена «*туьй*», залитое молоком *«суьт»,* сметаной *«каймак»* и сахаром *«секер».* По распространению и значению кушанье занимало одно из первых мест в рационе питания ногайцев. Подобное блюдо готовили казахи, каракалпаки, башкиры, тувинцы, буряты. В настоящее время *соьк* – обрядовое ритуальное блюдо.

Талкан болса да, соьктей коьр, аз болса да, коьптей коьр (посл.) «Хоть и талкан, считай как *соьк*, хоть и мало, принимай как много (*досл*.).

Оьтпек «хлеб». Зафиксирован в древнетюркских памятниках в форме *etmäk* [3, с. 188], *ötmäk* [3, с. 393]. В различных фонетических вариантах встречается во всех тюркских языках: к.– балк. *етмек*, тур., кумык. *екмек*, тат., башк. *икмек*. *Оьтпек* возводят к глаголу *эт–* «делать» [10, с. 312].

Ак оьтпек «белый хлеб», *кара оьтпек* «черный хлеб», *оьтпек салув* «печь хлеб».

Куллыгынъ каты болса, оьтпегинъ таьтли болар (посл.) «Если работаешь от души, хлеб будет вкуснее».

У ногайцев распространено множество разновидностей хлеба-лепешек: *малакай* «просяная лепешка», *калакай* «лепешка», *кысыр оьтпек* «хлеб из пресного теста», *кабат оьтпек* «слоеный хлеб», *увыз оьтпек «*хлеб из молозива и муки» и т.д. Хлеб пекли в тандыре – обмазанной глиной яме с круглым глиняным куполом.

Эриншектинъ калакайы куьлден шыкпас (посл.) «Лепешка лентяя всё время в золе».

«Хлеб-пышку ногаянки приготовляют самым простым способом. Они готовят из муки тесто, положив вместо дрожжей сыворотку от кислого молока», – писал С.В. Фарфоровский [12, с. 10].

Во все времена ногайцы очень бережно относились к хлебу: считалось святотатством наступить на хлеб, повернуть хлеб вниз лицевой стороной, оставлять недоеденным или выбрасывать остатки хлеба.

Локым «локум», широко распространенное мучное изделие из раскатанного теста, нарезанного квадратиками и жаренного в масле. «Локум подается к чаю и берется в путешествие», – отмечал Д. Шлаттер. [4, с. 144]. Блюдо распространено у кавказских народов: к.-балк. *локъум*, каб.-черк. *лэкIуым*, абаз. *льакъвым*, чеч., инг. *локъам*, груз. *ликъани* [8, с. 43]. Считается арабским заимствованием.

Катлама «слоеная лепешка, жаренная в масле» (от *катла* – «слоить» + афф. *-ма*.). Блюдо распространено у тюркских народов: к.-балк. къ*атлама*, кирг., караим. *каттама* и т.д.

Бавырсак «жаренные в масле лепешки из кислого теста». Распространенное и популярное среди тюрских и монгольских народов изделие из жареного теста: монг., калм. *борцог*, алт. *порсох*, кирг. *боорсок*, казах., ккалп. *баурсак*.

Бавырсакка майы йок, байлап сояр малы йок (посл.) «Нет масла, чтобы пожарить баурсак, нет скотины – чтобы зарезать» (о бедном, нищем человеке).

Шырлама «оладьи». Название имеет звукоподражательный характер: «*шыр*» – звук, издаваемый при кипячении масла.

*Яйма «*мучное блюдо» (*яй*– «раскатывать» + афф. *-ма)*. Раскатанное тесто нарезают квадратиками, отваривают. Подают со сметаной, кислым молоком.

Увмаша «клецки» (от *ув*– «мять, тереть» + афф .*-ма* + афф. *-ша*). Блюдо распространено в национальной кухне татар и башкир, входит в число обрядовых блюд у узбеков, уйгуров [13, с. 101].У ногайцев *увмаша* являлся одним из повседневных блюд.

Кисиге лакса кескеннен, оьзинъе увмаша ув (посл.) «Чем чужим резать лапшу, лучше сделай для себя клецки».

Боза «буза». Древний напиток, готовили из просяной муки. В настоящее время готовят также из пшеничной, кукурузной муки.

Тур., гаг., караим., к.– балк., кум., казах., кирг., уйг. *боза*, тат., узб., башк. *буза*. Русс. *буза* «напиток из гречихи и овсяной муки» считается тюркским заимствованием. Предположительно, и реалия, и слово были принесены в Восточную, Центральную и Южную Европу с передвижением гуннов в IV в. [11, с. 463]. Знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби вспоминал, как он гостил в доме ногайского мурзы: «В просторном доме Арсланбека мы насладились кониной, бузой и талканом» [6, с. 266].

Процесс изготовления данного напитка ногайцами описал немецкий исследователь Д. Шлаттер: «Просо очищают от кожуры, слегка мелят на специальных мельницах. Варят в большом котле. Получалась каша коричневого цвета. Перед варкой заливали водой и оставляли для брожения на несколько дней. Варили после брожения. После варки кашу пропускали через сито, остатки на сите собирали и вновь делали бузу» [4, с.145].

Уьйинде боза куймаган, кисиге сыра куяр (погов.) «У кого дома нет бузы, тот нальет гостю пиво».

На протяжении своей многовековой истории ногайцы не только выработали свой ассортимент национальных блюд, правила приготовления и приема пищи, но и расширили его в результате экономических и культурных связей с соседними народами: *кышын* (к.– балк. *хычин*) «хычин», *мамырса* (каб.– черк. *мэрамысэ*) «мамалыга», *атык*//*хатук* (каб.– черк. *хьэтыкъ*) «кукурузная лепёшка», *инъкал* (авар. *хинкI*) «хинкали» и т. д.

«Пища и культура питания связаны с особенностями социально-экономической структуры общества, с исторически сложившимися традиционными формами хозяйства, с природными и экономическими условиями, обычаями, традициями народа» [1, с. 3]. Именно в пище, а в целом, в культуре питания наиболее ярко отражены национальная самобытность народа, этническая специфика, культурные традиции, эстетические вкусы. Благодаря малой подверженности национальной кухни влияниям извне, изучение особенностей пищевого режима, состава продуктов и способов их приготовления может дать ценный материал для характеристики быта народа не только в настоящем, но и в отдаленном прошлом.

Список литературы

1. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2003. 122 с.
2. Гмелин С.Г. Путешествие по России. Ч. II. СПб.: Имп. Акад. наук, 1777.
3. Древнетюркский словарь. – Л. ,1969. 678 с.
4. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. 231 с.
5. Кашгари М. Девону лугат ит турк. Т. I-III .Ташкент, 1960 – 1963.
6. Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов 15-18 вв. Махачкала, 1999. 415 с.
7. Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1973. 185 с.
8. Отаров И. М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик: Эльбрус, 1987. 95 с.
9. Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т.I-III. М., 1974 – 1980.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. V. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
12. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909. 34 с.
13. Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX-начале XX вв. М.: Наука, 1979.

Р.Ю. Нифталиев

ИЗ ИСТОРИИ ЗОРХАНА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Аннотация: В статье рассматривается процесс распространения и эволюции национальной борьбы – зорханы, относящейся к эпохе азербайджанского государства Сефевидов, выявляются исторические корни азербайджанского спорта.

Ключевые слова: национальная борьба, спорт, Азербайджан, характерные черты, Сефевиды, Исмаил Хатаи.

R.Y. Niftaliyev

FROM THE HISTORY OF AZERBAIJAN ZORKHANA

Abstract: The article considers the process dissemination and evolution of the national struggle – zorkhana relating to the period of the Azerbaijani Safavid state, identifies the historical roots of Azerbaijani sports.

Key words: national struggle, sports, Azerbaijan, the characteristics, the Safavids, Ismail Khatai.

Борьба – уникальное явление человеческой культуры, возникшее еще в период первобытнообщинного строя. Как показывает богатый историко-этнографический материал, собранный исследователями среди народов, до сих пор сохраняющих характерные черты первобытнообщинного строя и мышления, борьба всегда выделялась среди других видов деятельности. Уже на ранних этапах своего существования борьба приобрела характер многофункционального действия и выступала как состязательное единоборство, игровое развлечение, ритуально-обрядовый акт, а также служила средством физической и воинской подготовки. Более того, феномен борьбы можно рассматривать как сущность человеческого существования вообще, ибо как сказал известный французский романист XIX столетия Проспер Мериме, «жизнь есть борьба» [1, 7].

История спорта и физкультуры в Азербайджане уходит своими корнями вглубь веков. Результаты научно-исследовательских работ специалистов (археологов и этнографов) говорят о том, что еще при первобытно-общинном строе древние азербайджанцы, как и другие народы, занимались отдельными видами спорта. Большой интерес представляют древние наскальные изображения в Гобустане, который расположен примерно на расстоянии 60 км к югу от города Баку. На каменных глыбах изображены такие сцены, как стрельба из лука, метание копья, гребля, охота, групповые танцы и др. [2].

Наскальные изображения Гобустана в основном охватывают временной отрезок от мезолита (среднекаменного века) до средневековья. Необходимо указать, что первобытные люди отнюдь не воспринимали празднества как развлечение или отдых. Первобытный человек обожествлял все явления природы, которые он не мог объяснить. С появлением частной собственности на празднествах стали демонстрировать свою физическую силу, ловкость, и умение владеть оружием вожди племен, владельцы скота. На этих празднествах проводились состязания по перетягиванию каната, поединки по борьбе, кулачному бою, бою с применением дубины, копья, щита, лука и стрел.

Военное искусство и спорт неотделимы друг от друга. Ведь воин должен быть сильным, ловким, смекалистым и закаленным. Все эти качества достигаются не только ратным трудом, но и ежедневными занятиями физической культурой и спортом. Из атлетических состязаний следует назвать единоборство. Зародившаяся в Азербайджане и получившая широкое распространение борьба «гюлеш» была не просто забавой, а играла огромную роль в физической подготовке воинов. «Пехлеваны», как называют в Азербайджане богатырей, пользовались большим уважением в народе. Во время боя богатыри враждующих сторон сходились в поединках. Борец, одержавший победу в этом поединке, решал исход сражения. Этот фактор заставлял правителей уделять подготовке пехлеванов самое серьезное внимание [3, с. 32-33].

В многочисленных преданиях и сказках, созданных фантазией народа на протяжении веков и дошедших до нас, с гордостью назывались имена храбрых богатырей, бесстрашных борцов, искусных наездников, ловких охотникиов и акробатов. В этом отношении большой интерес представляет широко распространенный народный эпос «Деде-Горгуд». В нем с глубокой симпатией воспевается отвага и стойкость героя – пастуха Гараджа Чобана. В эпосе описывается сила и неутомимость этого пехлевана [4, с. 37-51].

В народе до сих пор живет светлый образ народного героя Короглу, как бесстрашного и непобедимого пехлевана, непревзойденного наездника на своем легендарном коне Гырат, грозного фехтовальщика и сильнейшего борца-джанбаза, не потерпевшего ни одного поражения [5].

Ценные сведения о национальном спорте сообщает нам в свих произведениях Низами Гянджави, Хагани Ширвани, Гатран Тебризи, Мухаммед Физули, Шах Исмаил Хатаи и др. Самое раннее упоминание о гюлеше встречается у поэта Низами Гянджеви еще в XII веке, который прославлял народных борцов – пехлеванов. В произведении «Семь красавиц» Низами Гянджеви, воспевая ловкость своего героя Бахрама Гура, изображает его и как искусного охотника на диких ослов – онагров. Бахрам научился этому еще в молодости [6, 81-86]. Другая героиня поемы – Фитне в результате длительных тренировок насколько окрепла, что с ловкостью поднималась по шестидесяти ступенькам замка с тяжелой ношей (быком) на плечах.

Распространение зорханы и развитие национальной борьбы относится к эпохе азербайджанского государства Сефевидов и связано непосредственно с именем его основателя Исмаила Хатаи. Время сплошных противостояний и непрекращающихся войн требовало смелых, выносливых и сильных людей. В военных действиях важную роль играли пехлеваны-силачи, и поэтому их подготовке уделялось особое внимание. Поэтому во всех военных лагерях страны были построены специальные залы для тренировок, именовавшиеся «зорхана», что означает место приложения физической силы, силовой борьбы. Так и в городах стали появляться своего рода спортивные клубы того времени – зорханы, где проводились постоянные тренировки.

В зорханах проводились спортивные упражнения, игры и различные состязания. Занятия проходили на высоком профессиональном уровне. Воины мерялись силами в соревнованиях «зор-гелмек» (применить силу), «зор-сынамаг» (померяться силой), «зенджир-гырмаг» (порвать цепь) и др. В борьбе применялись различные приемы, с помощью которых соперника захватывают, выводят из равновесия и бросают на землю. Борьба пехлеванов – это состязание не только в физической силе, но и в силе воли, духа. Поединки проводились под звуки зурны и барабана. Выходя на поединок, пехлеваны привязывали к коленям небольшие зеркала («айна»). Пехлевана, которому удавалось поставить противника на колени (зеркала при этом разбивались), называли «айналы-пехлеван». Пехлеваны, не имеющие поражений, именовались «устад», т.е. мастер. Звание пехлевана подтверждалось специальной грамотой, а сам пехлеван приглашался ко двору и пользовался всевозможными

привилегиями. К периоду правления шаха Исмаила Хатаи относятся книги, посвященные спорту, например, «Кюлкюшти» (описание борьбы) [7].

Устраивались соревнования, в которых каждый город определял своего пехлевана. Пехлеваны пользовались всеобщим уважением, приравнивались к государственным людям и даже получали жалованье. При Сефевидах наряду с должностями государственными служащих, таких как моллабашы – глава духовенства, мунеджимбашы – главный астролог, хазинедарбашы – главный казнечей, существовала и должность пехлеванбашей, т.е. главы силачей. Первым же европейским путешественником, описавшим зорхана, был француз Жан Шарден. Побывавший в городе Иревань Жан Шарден наблюдал его: «Место, где они проявляют себя в борьбе, они называют “Зурконе”, то есть “Дом силы”. Они имеются в домах великих лордов, и особенно губернаторов провинций, и служат для упражнения народа… они выполняют свои упражнения, чтобы развлечь людей» [8, с. 25].

Здания зорханы представляли собой своего рода дворцы спорта с ареной и амфитеатром для зрителей, с куполами, убранные коврами. Описание зорханы встречается в источниках XVIII века. Так, зорхана в Баку, вмещавшая 300 зрителей, помещалась в подвальном помещении с арочным перекрытием близ караван-сараев Молтани и Бухарского, рядом с «Верхним базаром». Вход был со стороны базара. «Всякий приходящий по произволению своему брал в обе руки гири различной тяжести и играл ими под такт музыки до совершенной усталости» [9, с. 250].

Артемий Араратский, прибывший в Баку в конце XVIII в., неоднократно посещал бакинские зорхана и был очевидцем многих состязаний. В своем сочинении он дает описание ряда зорхана в городе Баку: «В другом месте услышал я в некотором доме обыкновенную персидскую музыку; люди беспрестанно то входили туда, то выходили. Я полюбопытствовал о сем узнать, и мне сказали, что оный дом называется «Зор-Хана», что значит «сильный дом». Вошел в него, увидел я, что всякий приходящий по произволению своему брал в обе руки гири различной тяжести и играл ими под такт музыки до совершенной усталости» [10, с. 153].

Сохранились сведения о зорхане в Шуше, принадлежащей Джафар Кули хану Джаванширу, внуку Ибрагим Халил хана, любителя спортивных игр. Суфра здесь имела круглую форму, диаметром около 10 метров и глубиной в метр, засыпалась сначала сухой травой, затем золой, а сверху мягкой землей. Там могли тренироваться одновременно около 20-25 атлетов, которые были одеты в кожаные штаны, называемые танбан. Зрители наблюдали за сценой с трибун, расположенных вокруг суфры. Тут же на возвышенности сидел мияндар (муршид), который следил за ходом игры. Над ним висел небольшой колокол, который и оповещал о начале и завершении тренировки или игры. В случае нарушения правил мияндар ударом колокола мог остановить соревнование. Рядом с мияндаром стоял мангал, на котором жгли ароматические травы для освежения спертого воздуха в помещении. Все упражнения и состязания проводились под музыку думбака, гоша-зурны и тютека. В отличие от бакинских зорхана, в Шуше музыкальное сопровождение проводилось с участием тара и кяманчи. Исполняли обычно «гайтагы», «кероглу», «мирзаи» и другие народные мелодии, читали стихи и эпические сказания. Темп упражнений задавался ритмом музыки муршида [11, с. 167].

Очень красочен и живописен рассказ французского путешественника Гаспара Друвиля, побывавшего в 1812-1813 гг. в Иране и посетившего заведения зорхана в городе Тебризе [12, с. 51-57]. Он писал, что пехлеваны выступали в четырехугольных помещениях размерами 9х9 м и глубиной 180 см, по периметру которых находились галереи для зрителей. Полы и стены были оштукатурены и покрыты известью. Некоторые помещения зорхана кругом обиты матрацами, а полы покрыты кусками толстого войлока, плотно сшитыми и крепко натянутыми для того, чтобы нельзя было за них зацепиться. На пехлеванах были только кожаные шаровары, крепко застегнутые на бедрах и доходившие до колен. Внутри пояса пропущен кожаный ремень. Соревнования в зорхане проводились в несколько этапов. Сначала пехлеваны начинали разминку под музыку, исполняемую народными инструментами, при этом пехлеваны принимали различные сложные положения, имитирующие борьбу. Затем они совершали ряд упражнений, в том числе стойка на голове со скрещенными на груди руками. Постепенно увеличивая темп, спортсмены продолжали эти движения до тех пор, пока не падали, выбившись из сил. Пехлеван, который оставался на ногах дольше остальных, признавался победителем и получал награду, назначенную за эти упражнения. После некоторой передышки пехлеваны вновь появлялись на арене, держа в каждой руке по большой дубовой булаве – «миль». В течение более двух часов они вращали их в руках одну после другой во все стороны, меняя на все более тяжелые. Тот, кто вращал в руках самые тяжелые булавы, объявлялся победителем и получал награды от зрителей. В экспозиции Национального музея истории Азербайджана содержатся мили весом по 15 кг. Затем на арене появлялись борцы. Поединок продолжался до тех пор, пока один из атлетов не положит соперника на спину. После этого победитель начинал бороться с другим соперником. Тот, кто победил во всех встречах, получал награды и деньги.

Автор XIX века, описывая борьбу или гюлеш, писал: «Существующая теперь в Нухе (Шеки) труппа таких плясунов, состояла при ханах из 12 погливанов, силачей или борцов, и они освобождались от всяких податей и повинностей» [13, с. 257].

С уничтожением ханской власти труппа рассеялись. Но в статье из газеты «Кавказ» рассказывается, что «1846 году в Нухе жило еще семь человек таких погливанов. Люди эти, в самом деле обладали и значительною силою, и геркулесовскими мускулами. Выступая на сцену боя, они снимали с себя лишнее одежды, засучивали рукава и преклонялись долу во все время чтения молитвы, призывающей на них божественное благословение и затем по окончании молитвы прикладывали руку к земле и челу» [14].

При тихих и мерных ударах музыки, «погливаны берут огромные деревянные палицы, в роде больших кеглей, фунтов в 20 каждая, и окружают главного погливана, вооруженного луком, на тетиве которого насажены серебряные бляхи и погремушки. Потрясая гремящим луком, погливан-дирижер подает сигнал, и дубины, поднявшись над головами геркулесов, начинают вертеться в такт, сперва медленно, потом чаще, образуя разные условные фигуры; потом силачи, не переставая вертеть палицами, пляшут на малом пространстве с какою-то систематическою точностью; дирижер-погливан, своими знаками и гремящей тетивою ободряет усталых, и они становятся на колени, такт переходит из половинного в четвертной и наконец, погливаны, дойдя до совершенного изнеможения, прекращают пляску».

После краткого отдыха, они же начинают борьбу. Сперва двое выходят на арену, и будто бы пробуя силы, ударяются обеими ладонями и потом оба, склонившись головою, боком, сталкиваются затылками. Тогда один из присутствующих громким голосом произносит над ними следующую молитву: «Царь-Али, пособи! достойнейшему рая пособи! Когда раздастся крик раба твоего, то пособи!…» [13, с. 257].

При окончании молитвы каждого преклоненного долу ударяет по спине, как бы благословляя на предстоящий бой. Противники расходятся, при звуках музыки, в позиции гладиаторов, крадутся друг к другу, дразнят, испытывают знание, осторожность и вдруг с быстротою, один прядает к другому, старается захватить за какую-нибудь часть тела; но осторожный противник удаляет от его рук весь корпус назад, пропуская голову к плечу врага и позволяя ему сделать тоже. Тогда руки обоих борцов бороздят одни только напряженные мускулы голой спины; но если удалось кому-либо ухватить противника за ногу, или за пояс, то борьба скоро прекращается в пользу первого и тогда противники целуются, чтоб вражда не оставалась между ними. Иногда бои эти сопровождаются несчастьем. «В заключение, пехлеваны делают разные гимнастические упражнения, выказывающие необыкновенную силу и ловкость. Один становится по средине боком немного наклонившись, а прочие, на бегу, касаясь одною только рукою голову его, перевертываются на воздухе и становятся на ноги, а после и без всякой опоры делают эти воздушные обороты» [13, с. 258].

Н.Н.Муравьев-Карсский, побывавщий 23 июня 1819 г. в Елизаветполе (Гяндже), говоря о городской зорхана, писал: «Я зашел в зорхана или здешнее училище бойцов. Меня сначала ошибе тяжелый дух пота, текущего градом с 8-ми или 10 татар, раздетых на голо, подвязанных только платком и действующих важнейшим образом в глубокой яме. Ловкость, проворство и сила сих людей неимоверны. Я бросил им рубль серебром, и они порядком расходились. Учитель их, который у них в большом уважении, кричит, поправляет их в борьбе, показывает им правила, как наши фехтмейстеры в салдармах. После всякого наставления ученик кланяется ему в ноги и целует его руки. У них множество делалось престранных телодвижений, которыя описать трудно. Самое лучшее было, как под звуком бубен и барабанов, все схватили претолстые и тяжелые дубины, выточенные с рукоятками, и стали двигать оными над головами и за плечами, но так искусно, скоро и долго, что я удивился. Один или двое кричали во весь голос молитвы, в которых упоминали часто о Боге, Магомете и Али, другие пели песни. Все зрители в ладоши хлопали, барабаны, бубны, и один голый Диавол, который схватил огромный лук с железной тетевой, обвешанный кольцами и колокольчиками, начал кричать, плясать, ударять себя сим орудием, делая самое ужасное телодвижения. Уроки эти продолжаются 40 дней сряду. Говорят, что в Баку есть пять таких Зорханов весьма обширных» [15, с. 454-455].

В начале XIX века школу зорханы создал в Баку Шону Абдулла. Он посвятил искусству борьбы всю свою жизнь. В Бакинской зорхане тренировались и боролись известные пехлеваны. «По завершении игры зрители просили пехлевана сразиться с молодыми. Алтыайлыг (шестимесячный), Абдулали снимал папаху, желтую шелковою гаршагу и рубашку. Затем перед ним клали тюнюку. Молодые любители тоже раздевались. Алтыайлыг прыгал в суфре. Зрители со всех сторон аплодировали ему. Знаменитый ханэнде Гаджи Зейнал оглу Керим до их схватки читал в его честь пишро. Алтыайлыг был черноусым, высоким, широкоплечим и приветливым пехлеваном. Он с улыбкой клал руки на грудь и кланялся людям. Иногда сюда приходили знаменитые борцы из иранских городов Ардебиля, Сараба. Помню, как-то раз я увидел там одного индийского пехлевана. Были также пехлеваны родом из Ирана, живущие в Баку, такие как Шатыр Мамед, Канкан Рза, Геннаты Керим и другие», – так описывал бакинскую зорхану начала XX века известный азербайджанский театральный деятель Гусейнгулу Сарабски в своей книге «Старый Баку» [16, 71].

Закрытие Бакинской зорханы (где каждую ночь собиралось около трехсот зрителей) в 1893 было связано с тем, что чиновники царской России, опасаясь народных выступлений, стали запрещать общественные собрания. Со временем зорханы стали терять статус школ, обучающих военным приемам. Они превратились в памятники культуры, вызывающие восхищение и по сей день.

Накануне в Баку под председательством президента Азербайджана Ильхама Алиева прошло первое заседание Оргкомитета IV Исламских игр солидарности, принимать которые предстоит столице республики в 2017 году. Выступая на нем глава комитета, первая леди Мехрибан Алиева сказала: «В то же время, еще одной особенностью, отличающей данные Игры, станет проведение борьбы в нетрадиционном виде спорта – национальной игре «зорхана». В эти виды спорта входят легкая атлетика, гимнастика, борьба, бокс, дзюдо, таэквондо, тяжелая атлетика, теннис, настольный теннис, стрельба, плавание, баскетбол, гандбол, волейбол, футбол, карате и прочее».

Таким образом, исторические корни азербайджанского спорта являются одной из причин достижений современных борцов-азербайджанцев. Государственная забота, оказываемая спортсменам, дает

толчок развитию спорта, борьбы в Азербайджанской Республике. Все мероприятия, претворенные в жизнь в нашей республике, создали благоприятные условия для превращения нашей страны «в страну спортсменов».

Список литературы

1. Мандзяк А.С., Артеменко О.Л. Энциклопедия традиционных видов борьбы народов мира. Минск, 2010, 562 с.
2. Джафарзаде И.М. Наскальные изображения Кобыстана в Азербайджанской ССР // Материалы истории Азербайджана. Баку, 1957, 103-114.
3. Гурбанов Х. Национальная борьба гюлеш // Журнал «Ki», 1998, № 1.
4. Kitab-i Dədə-Qorqud. Bakı, "Öndər nəşriyyat", 2004, 376 s.
5. Koroğlu dastanı. Bakı, "Lider nəşriyyatı", 2005, 552 s.
6. Низами Гянджеви. Семь красавиц. Москва, 1959, 359 с.
7. Xətaişünaslığa hədiyyə. Bakı, 1997.
8. Şərden J. Səyahətnamə. Bakı, Elm, 1994, 96 s.
9. Ашурбейли С. История города Баку. Баку, "Абилов, Зейналов и братья", 2006, 682 с.
10. Жизнь Артемия Араратского. Москва, Наука, 1981, 224 с.
11. Каджар Чингиз. Старая Шуша. Баку, «Şərq-Qərb», 2007, 344 с.
12. Друвиль Гаспар. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах, содержащее в себе малоизвестные подробности о правах, обычаях и духовных обрядах Персии. Перевод с франц. Москва – СПб,1826, ч. II. 182 с.
13. Увеселения закавказских татар // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 61, № 243, 1846, с. 254-262.
14. Кавказ, 1846, № 12
15. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карсского // Русский архив, 1886, № 8-12, т. 91, с. 433-496.
16. Sarabski Q. Köhnə Bakı. Bakı, Azərb SSR EA-nın nəşri, 1958, 158 s.

З.Б. Рамазанова

ЭТИКЕТ ПИТАНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Аннотация: В статье на основе полевых этнографических материалов и специальной литературы по теме рассматривается понятие «этикет питания», раскрывается сущность особенностей традиционной бытовой культуры общения, символика пищи и т.д. Прослеживаются способы этнознаковой объективизации материальных и духовных форм бытовой культуры.

Ключевые слова: этикет питания, культура питания, ритуал, трапезы, обрядовая пища, система питания.

Z.B. Ramazanova

FOOD ETIQUETTE OF DAGHESTAN PEOPLES

Abstract*:* In the article the concept of "Food etiquette" is considered, the essence of the traditional everyday culture of communication, food symbolism, etc. is revealed on the basis of field ethnographic materials and special literature on the theme. Methods of ethno landmark objectification of the material and spiritual forms of everyday culture are traced.

Key words*:* food etiquette, food culture, ritual, repast, ritual food, food system.

Совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда) обычно называют этикетом. Этикет чаще всего понимается как набор предписаний приличного поведения. Действительно, практически в каждом обществе существует система норм, регламентирующих специальное поведение [1, с. 101]. Понятие «этикет питания» включает в себя систему правил поведения и ритуальных предписаний, которые связаны с процессами приготовления, хранения и потребления пищи, а также выражают отношение представителей данного этноса к этим процессам. Проникая во все сферы жизни, этноэтикет обуславливает специфическое отношение к элементам материальной культуры, в том числе и пище, а также к процессам ее приготовления и потребления. В пище любого народа отчетливо проступает его этническое своеобразие. Различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления и времени приема и т. д. [2, с. 252–253]. Б.Х. Бгажноков этноэтикет определяет как систему характерных для данного этноса предписаний ритуализированного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия [3, с. 8]. Будучи одной из сторон моральной, нравственной культуры этноса, национальный этикет связывает воедино форму (технику) и традиционное социальное содержание (мотив) общения. В ходе специализации, непременной составной которой является этнизация, у представителей того или иного этноса вырабатывается свое отношение к традиционно-бытовой культуре общения. В определенных ситуациях

взаимодействия оно преобразуется в установку на соответствующий тип поведения, исходя из этого, степень, в которой реализует себя традиционно-бытовая культура общения, всегда различна у разных людей, возрастных, профессиональных и других групп внутри этноса. Механизмом передачи этикета из поколения в поколение служит обычай в широком смысле слова (включая обряд и ритуал), являющийся опорой и основой всех этнических традиций. Этикет – «символическое поведение», система знаков, выражающая и транслирующая культурно-исторические нравственные принципы и нормы общения. В нем зашифрована биологическая, социальная, историческая, философская, психологическая, а также объединяющая их все и в тоже время стоящая как бы над ними этническая информация [4, с. 10]. В перечень традиционно-бытовой культуры общения входят ритуалы приветствий и прощаний; формы взаимодействия с противоположным полом, родственниками, гостями; а также средства и атрибуты общения, как жест, мимика, поза, символика одежды, пищи и т. д. Элементы культуры общения, такие как стандарты и атрибуты, служат особыми средствами передачи информации и организации согласованных действий не только внутри этноса, но и в межэтническом общении, отражают системные отношения социальной действительности, образуют своего рода ритуал, вокруг которого группируются социальные, психологические, технологические факторы общения. Особую роль в организации общения играют атрибуты общения, представляющие собой параметры социального поведения, которые в отличие от стандартов общения, не будучи непосредственно конституирующими единицами коммуникативной деятельности, включаются во взаимодействие людей в качестве вполне значимого, социально заданного фона, предполагающего, подготавливающего использование тех или иных стандартов общения [5, с. 112].

Этикет есть социальный ритуал. Ритуал непросто вплести в ткань обыденного поведения, так как он базируется на детально прописанных правилах и их пунктуальном соблюдении. Ритуал связан с символами, словами, жестами и знаками. Ритуал воплощает идеи целесообразности, полезности и благополучия. Все ритуалы суть церемонии и торжественные действия. Они обладают свойством становиться сакральными [6, с. 150].

В зависимости от цели, смысла и престижности выделяют повседневный, обрядовый и праздничный этикет питания. Повседневный этикет охватывает процесс приготовления пищи, подачи ее на стол, определенные правила организации и проведения будничной трапезы. К описанию традиционного этикета можно подходить с разных точек зрения, ибо его роль и функции в обществе широки и разнообразны. В данном исследовании мы делаем попытку охарактеризовать этикет питания народов Дагестана как часть традиционно-бытовой культуры этноса, вслед за рядом этнографов полагая, что именно в ней обычно сосредоточена основная этническая специфика народа. Наша наука практически всегда в первую очередь изучала этот слой культуры, обычаи, обряды, народное творчество, то есть компоненты, в которых наиболее наглядно проявляется этническая специфика [7, с. 6; 8, с. 160–169]. Этикет питания включает в себя свод определенных норм и стандартов поведения, ритуальных предписаний, связанных с приготовлением и принятием пищи, обладающих при этом этнической спецификой. В этикете питания народов Дагестана мы наблюдаем благоговейно-уважительное отношение ко всему съеденному, отраженное в благодарственных молитвах, возносимых к Аллаху перед началом и завершением потребления пищи, запретах, связанных с продуктами питания. Поэтому для рассмотрения этикета питания мы воспользуемся существующей в специальной литературе классификацией трапез. На наш взгляд, наиболее удачную классификацию трапез предложили С.А. Арутюнов и Ю.И. Мкртумян. Согласно их классификации, трапезы делятся по распорядку (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, общественные), по осмыслению и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные) [9, с. 14]. Из перечисленных способов деления трапез, на наш взгляд, наиболее существенно деление по осмыслению и престижности.

Применительно к поставленной задаче, опираясь на принципы классификации трапез в системе питания горцев, мы выделили два основных типа:

1) домашние трапезы;

2) общественные трапезы.

Домашняя трапеза делится на два подтипа: повседневная и гостевая.

Повседневная трапеза – это ежедневные обыденные трапезы членов семьи (завтрак, обед, ужин). В будничное время ели три раза в день: утром, в обед и вечером. «Пищу авары принимают три раза в день – рано утром, днем и вечером. Утром и днем подается сравнительно легкая закуска, а вечером, по возвращении с работ, подается горячая пища, настоящий обед» [10, с. 13], – отмечает Г.Ф. Чурсин у аварцев.

На завтрак ели хлеб, сыр, часто разогревали вечерний бульон и ели с толокном. В обед ели почти тоже самое: хлеб, сыр, толокно, вареную картошку и др. По свидетельству А.Т. Васильева, «Казикумухцы обыкновенно едят три раза в день. Едят не спеша, каждый своей ложкой, но из общей чашки; мужчины, женщины и дети отдельно. Порядок в кушаньях не соблюдается, подается все с одного раза. В присутствии гостей кази-кумухцы едят очень мало. Самым почетным угощением считается баран или бык, зарезанный в честь приезжего гостя» [11, с. 72]. Наиболее сытным бывал ужин, когда вся семья была в сборе. А. Омаров довольно подробно описывает вечернюю трапезу в своей семье: «Комната всегда освещалась нефтяным светильником (чирахом), который стоял на краю печки. Огонь из печки выгребывался в углубление перед печкою, и кругом этого углубления (вилах) бывали постланы ковры. На правой стороне сверх ковра лежала еще подушка, на которой садился отец, если только не бывало никого из гостей. Недалеко от него мать суетилась, приготовляя ужин. Когда бывал суп, она наливала его из котла в глиняную чашку: чашку эту она ставила на круглый медный невылуженный поднос, клала на него еще целый горячий

хлеб и ляжку баранины, сваренную в супе, потом клала несколько деревянных ложек и все это ставила перед отцом, который сидел в это время на своем месте. Я садился около отца, а мать напротив нас. Отец брал сначала хлеб и, произнося «во имя Бога», ломал его на куски, которые клали кругом подноса; потом, вынув из-под кинжала нож, разделял баранью ляжку всем. Первый кусок давал мне, а именно – предплечевую кость, а потом матери доставалась плечевая кость, а себе оставлял лопатку. Если бы он предложил ее мне или матери, само собою, мы бы не позволили себе отнять у отца почетный кусок. Это было бы против обычая. Точно так же, если бы кто-нибудь из них взял себе мою часть, то этим бы меня обидел. Я бы мог, пожалуй оскорбиться за такое нарушение моих прав, и, чего доброго, оставил бы себя без ужина, в отмщение родителям. Такой ужин, как я описал, считается у лаков роскошью, и хозяева не позволяют себе разоряться на подобные роскошные ужины без особенной причины как, например, не для гостя или не в праздничный вечер. Вообще, суп из риса считается лакомством, а баранина, сваренная для того, чтобы придать супу более вкуса, не съедается за ужином, а откладывается на другой день к обеду или завтраку» [12, с. 21]. У равнинных жителей при повседневной трапезе завтрак состоял из хлеба с сыром, творогом, иногда кислого молока, а обед – из хлеба с сыром, сметаной, яиц или яичницы. К ужину готовили сытные горячие блюда (суп, бозбаш, хинкал, долму, курзе, чуду разные) [13, с. 128].

Гостевая трапеза – это устраиваемая семьей в честь небольшого числа званых или неожиданно прибывших гостей. К гостевой трапезе, видимо, можно отнести угощения на небольших семейных торжествах, т.е. на днях рождениях, праздниках детского цикла и др., на которых присутствуют обычно близкие родственники, друзья, соседи. Гостеприимство характерно для всех народов Кавказа, не только дагестанцам. Гость, как говорится у горцев, «имеет в моем доме свою долю и вносит в дом изобилие», или как гласит народная мудрость: «гость от бога, кем бы он и был». Гость был окружен максимальным вниманием и уважением. Его встречали во дворе, где у него принимали лошадь, оружие и кладь. После обмена приветствиями его приглашали в дом. Перед едой гостю часто давали отдохнуть. У горцев гость бывал окружен заботой и уважением, его угощали престижными блюдами, а в знак безопасности его провожали до конца селения.

Еда, предназначенная для гостевой трапезы, отличалась более высоким качеством приготовления, что отвечало традициям гостеприимства. При приеме гостей именно вкусная и престижная еда занимала центральное место. К числу праздничных блюд у горцев Дагестана относятся хинкал с мясом (свежим или сушенным), пельмени с мясом, пироги (чуду) с разными начинками (с творогом, мясом, ливером и т.д.). Именно при гостевой трапезе наличествовали привнесенные извне блюда, как то: плов, чай, сладости всевозможные, долма и другие блюда, получившие широкое признание в повседневном питании и отвечающие вкусовым или иным традиционным нормам питания. Одним словом, при гостевой трапезе старались включить в меню блюда, более близкие по вкусу и структуре к традиционным дагестанским праздничным или престижным блюдам.

При гостевой трапезе в первую очередь учитывались близость по вкусу и структуре к престижной еде гостя. По этому поводу Абдурахман из Газикумуха писал о жителях аварского сел. Цельмес: «они угощают постороннего кунака едой из чистой пшеницы с мясом или сыром, или медом, или фруктами, а если гость из местных, тогда угощают своей повседневной пищей, т.е. хинкалами из бобовой муки, обсыпанных творогом, к хинкалу дают и кусок вяленого мяса. Эту разницу объясняют так – человек, который привык к пшеничной муке, не принимает хинкала из бобовой муки, т.к. эта пища груба, невкусна, плохо перевариваема, тяжела для желудка. А кто привык к такой пище – тот не страдает от нее, и такую еду они считают сытной и вкусной. Можно сделать вывод, что в каждом дагестанском селении есть свои особые обычаи и в еде, и в одежде. Поэтому опытный, много повидавший поэт говорит: «Все местности и города для меня дороги, но мое место и город – особенно дороги» [14, с. 136]. Все это необходимо было учесть, т.к. «пришлый, по замечанию проф. С.А. Лугуева, приезжий рассматривался джамаатом селения, в том числе и хозяином, где он остановился, представителем другого джамаата, союза общин, феодального образования народа. Уважение и радушие, оказываемое гостю, демонстрировали эти же чувства и расположение по отношению их представляемому им коллективу, группе, объединению коллективов, социуму. Обе стороны – и гость, и джамаат, где гость в данном случае находился, взаимно демонстрировали достоинства своих социальных коллективов: материально-имущественное если уж не изобилие, то по крайней мере благополучие, а также свойства, качества, вытекающие из сознания сословно-«кастовой» принадлежности к категории независимых, свободных, самостоятельных» [15, с. 78].

Сердцевина ритуала гостеприимства – совместная трапеза. Она имеет обязательный и принудительный характер, гость не может отказаться от нее, чтобы не обидеть хозяев. Накормить гостя – это обязанность хозяина, так он оказывает честь гостю и в то же время утверждает свою честь демонстрацией щедрости [16, с. 135].

Застольный этикет горцев Дагестана требовал при любой разновидности трапезы (повседневной, гостевой, общественной) соблюдения общих правил поведения, как то: бесшумное пережевывание пищи, поворот головы во время приема напитков, сильно не наклоняться к пище, а пищу преподносить ко рту, смотреть в свою тарелку, не ковыряться в зубах, одним словом – есть необходимо было аккуратно и умеренно, потому что у горцев обжорство осуждалось почти у всех народов Дагестана и Кавказа.

Рассмотрев домашнюю трапезу, которая распределяется на повседневную и гостевую, отметим, что именно в повседневной трапезе представлялся наиболее широкий ассортимент. Повседневная трапеза стремилась вобрать в себя максимум возможного на-

бора продуктов, отвечающих нормам традиционного питания. «Апробированные и отобранные таким образом в повседневном питании новые продукты и блюда включаются со временем в трапезы следующих уровней» [17, с. 91].

Блюда, предназначенные для гостевой трапезы, отличались более высоким качеством приготовления, что обусловлено традициями гостеприимства. При приеме гостей стараются приготовить наиболее вкусные блюда. Поэтому для меню гостевой трапезы характерны самые лучшие блюда традиционной кухни горцев Дагестана (хинкал с мясом, пироги (чуду), пельмени с разными начинками, сладости и т.д.).

Общественная трапеза делится на два подтипа: праздничная и поминальная. К праздничным относятся все массовые угощения, устраиваемые во время больших торжеств в честь радостных событий (свадьба, рождение сына и т.д.). К поминальным относится весь цикл похоронно-поминальных трапез [18, с. 70].

К общественным трапезам необходимо отнести трапезу, устраиваемую в честь проведения первой борозды. Известно, что у народов Дагестана началу весенних полевых работ предшествовал праздник «выхода плуга» [19], т. е. тот же праздник первой борозды с его обрядовой запашкой. Праздник первой борозды состоял из двух компонентов: 1) обрядовой запашки; 2) состязаний, игр и увеселений. Основа праздника – проведение символической борозды, направленной на обеспечение обильного урожая.

В таких случаях мужчины садятся вместе с женщинами за одним столом; сначала все мужчины занимают места, а потом около них садятся женщины. Завтрак состоит из пшеничного хлеба, мяса, сыра и бузы.

К ритуально-престижным трапезам, сопровождающим, так называемые праздники погоды [20, с. 176], относятся трапезы, устраиваемые во время проведения тех или иных сезонных ритуалов, отражающих отношение человека к природе и призванных обеспечить благоприятные погодные условия для ведения сельского хозяйства, в частности, земледелия.

Самое главное здесь то, что во всех этих обрядах фигурирует пища, так называемая обрядовая пища, которая являлась частью обычая в виде трапез. Отдельным видам пищи (сюда входят и остатки ритуальных трапез) приписывались сверхъестественные свойства.

В системе жизнеобеспечения народов пища, как правило, функционирует в составе трапез. Поэтому для данного исследования весьма существенным является изучение вопросов, связанных с их организацией и проведением. Замечено, что любая трапеза, будь то повседневная, праздничная или ритуальная, а также трапеза какого-либо иного порядка представляет собой «действо с определенным знаковым содержанием» [21, с. 191]. Совместная трапеза скрепляла узы дружбы, обеспечивала единство группы, застолье превратилось в особую форму социальной связи, она сближала и способствовала сроднению сотрапезников. По мнению ряда этнографов, совместная трапеза «имеет более или менее традиционно соблюдаемый и осознаваемый сценарий с определенным распределением ролей, с включением определенных знаковых форм поведения. Все это вместе взятое составляет общую совокупность этикета, церемониала, этических и эстетических нормативов трапезы» [22].

Та или иная трапеза различалась по набору блюд и именно благодаря этим наборам определялось смысловое звучание трапезы.

Таким образом, этикет питания народов Дагестана содержит немало уникального. Как при скромной семейной трапезе, так и при обильном коллективном застолье, обязательными были требования общего характера, совокупность которых объединяется в понятие «этикет питания». Обычаи и традиции, передаваемые из поколения в поколение, способствовали сохранению и закреплению свода норм и правил проведения будничного, обрядового и праздничного этикета питания народов Дагестана, сохранению менталитета.

Список литературы

1. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004. 217 с.
2. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. М., 1981. 390 с.
3. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. 167 с.
4. Там же.
5. Там же.
6. Кравченко А.И. Культурология. М., 2003. 250 с.
7. Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. №1. С. 3–18.
8. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 160–169.
9. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография 1981. № 4. С. 3–15.
10. Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995. 92 с.
11. Васильев А.Т. Кази-кумухцы (этнографические очерки) // Этнографическое обозрение. Т. 42. 1899. № 3. С.62–98.
12. Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1–46.
13. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Изд-во: Наука плюс, 2005. 244 с.
14. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Даг.кн. изд., 1997. 868 с.

15. Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX вв.). Махачкала: изд-во ДНЦ РАН 2001. 392 с.

16. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М.: изд-во РУДН, 2004. 348 с.

17. Бердыев М. С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни // Советская этнография, 1985, № 1. С. 88–97.

18. Рамазанова З.Б. Трапезы у лакцев (X1X-XX вв.) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1990-1991. Краткое содержание докладов. СПб., 1992. С. 70–71.

19. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. 388 с.

20. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. –281 с.

21. Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М.: Наука, 1981. 256 с.

22. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. 325 с.

Р.И. Сефербеков

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00038

Аннотация: В статье прослеживается влияние процессов модернизации на жилищно-хозяйственный комплекс народов Дагестана. Эти изменения коснулись строительных материалов, методов строительства, конструкции, планировки, интерьера, отопительной системы, освещения сельского и городского жилища дагестанцев. Современный сельский дом народов Дагестана ориентирован на городской образец с сохранением некоторых элементов традиционного жилища. Процессы модернизации приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного жилища.

Ключевые слова: материальная культура, жилище, народы Дагестана, типология, модернизация.

R. I. Seferbekov

INFLUENCE PROCESS OF MODERNIZATION ON THE EVOLUTION OF TRADITIONAL DWELLING OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD

Abstract: The article shows the influence of the processes of modernization of housing and economic complex of the peoples of Dagestan. These changes have affected the building materials, construction techniques, design, planning, interior design, heating system, lighting the rural and urban dwelling Dagestani. Modern country house of the peoples of Dagestan focused on urban sample retaining some elements of the traditional dwellings. modernization processes lead to the unification and the loss of most of the elements of a traditional home.

Key words: material culture, housing and the peoples of Daghestan, the typology of modernization.

Одним из элементов материальной культуры, наиболее тесно связанным с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом этноса является жилище. При описании жилища за основу для классификации обычно берутся следующие признаки: этажность, строительные материалы, тип крыши, комплекс хозяйственных построек и форма объединения их с жилищем и др. Традиционные постройки народов Дагестана подразделялись на жилые, хозяйственные и культовые. Жилищно-хозяйственный комплекс (далее – ЖХК) включал в себя жилье, хлев для скота и сарай для сена. Жилье и хлев для скота обычно объединялись в одной двухэтажной постройке (первый этаж – хлев, второй – жилье), а сарай для сена возводился или рядом с домом или за селением. Дагестанские жилища были в основном двухэтажные и в меньшей степени одно– и многоэтажные. Трех– и четырехэтажные дома принадлежали наиболее состоятельным горцам. Строительным материалом служили камень, глина и дерево. Кладка скреплялась раствором из глины. Для обмазки полов и стен применялась особая глина. Дерево при строительстве жилища использовалось и как конструктивный материал, и как декоративный элемент. Камни углов и фасада тщательно обрабатывались: им придавали прямоугольную форму, а на поверхность наносили насечку в виде «елочки». Камни фасада украшались солярными знаками, изображениями лабиринта, руки, глаза, всадника, животных, сюжетов «древо жизни», «засеянное поле», «бег времени» и др. Окна жилища были небольшого размера. Изнутри они закрывались деревянными ставнями. Эволюция окон связана с появлением оконного стекла. Оно появляется в окнах жилищ состоятельных горцев уже со второй половины XIX в. Наружные и внутренние двери имели массивные деревянные коробки. Створки дверей сколачивались из нескольких толстых досок. На ночь их закладывали жердями, которые вставлялись в специальные проушины. Эволюция дверей начинается с появлением филенчатых дверей [1, с. 62-63]. Окна и двери в домах зажиточных хозяев покрывались богатой орнаментальной резьбой [2, с. 26-28].

Основной формой перекрытия жилого дома была плоская земляная крыша, которую после схода снега и обильных дождей укатывали каменным катком и трамбовали тромбовкой. Широкое распространение в горной зоне получили центральный столб и арочные перекрытия.

Наиболее архаичным типом жилища дагестанцев было однокамерное жилище [3, с. 157; 4, с. 117; 5, с. 187]. Появление отдельных комнат связано с эволюцией дома, развитием общественно-экономических отношений. С появлением двухэтажного многокамерного жилища, старинное однокамерное помещение трансформируется в очажную или семейную комнату. Хозяйственная необходимость и соображения гигиены привели к тому, что одно из помещений стали выделять под хлев, который из-за земельной тесноты располагался под жилыми помещениями, на первом этаже.

Освещались комнаты светом лучин или бронзовых светильников *чираг*, которые заправляли смесью золы и нефти. С присоединением к России в быту появились керосиновые лампы. Важное место в жилище занимал очаг, служивший для отопления и приготовления пищи. Исключительно для отопления употреблялись камины [1, с. 63-66]. Во второй половине XIX в. у наиболее состоятельных горцев появляются русские печи [6, с. 92].

В советское время изменения в жилище происходили на основе старой типологии. Главные изменения заключались в раскрывании жилой и хозяйственных частей жилища, резком сокращении хозяйственного комплекса, внедрении открытого двора с навесами, некоторой дифференциации назначения жилых и хозяйственных помещений. Происходит эволюция отопительной системы: очаг – камин – железная или каменная печь. Уменьшается конструктивная и ритуальная роль центрального столба. Обогащается интерьер жилища. Преображается планировка жилища. Оно становится многоплановым и многоэлементным, максимально раскрытым, с большой дробностью помещений бытового и культурного назначения, удобной и практичной системой отопления, большими светлыми окнами, деревянными полами и потолками, стропильной кровлей, скатными крышами под шифером и кровельным железом [7, с. 125-126].

Наиболее активно инновации внедряются в жилище в 50-е годы XX века. Причины эволюции лежали в социальных условиях, в проникновении городской культуры. В жилищах этого времени повышаются высоты этажей, увеличиваются проемы окон и т.д. Наибольшее распространение получает дом с лоджией. Еще один новый элемент в архитектуре того времени – появление каменных кронштейнов балконов. Дома обращаются на улицу фасадом или торцевой частью, тогда как раньше в основном строились дома замкнутые, выходящие на улицу стеной [8, с. 204]. Народное искусство декора, при исчезновении на фасаде больших поверхностей дерева и и в связи с уменьшением спроса и трудоемкостью этой работы исчезает [9, с. 114].

Рубежом, когда традиционное жилище повсеместно стало заменяться домами новой планировки, построенных из новых строительных материалов, стали 60-70-е годы. Это было связано в основном с преобразованием большинства колхозов в совхозы, переселением части сел на равнину, а также землетрясениями 1966 и 1970 годов. Наиболее разительные перемены коснулись строительных материалов. Наряду с имевшимися, в 60-е годы повсеместно появляются цемент, кирпич, пиленый камень, шифер, кровельная жесть, краски, скобяные изделия, рубероид, в дополнение к которым в 80-90-е годы прибавились древесностружечные (ДСП) и древесноволокнистые (ДВП) плиты, картон, обои, линолеум, пластик и т.д.

Самое крупное новшество этого периода – постепенное вынесение хлева во двор, а оба этажа отводятся под жилье. Сельское жилище постройки 70-90-х годов – это в основном двухэтажное добротное и благоустроенное строение усадебного типа. Окна во всех домах однотипные: двустворчатые, на шпингалетах. Обычно окна обращены на улицу и во двор. Сохраняется традиции отказа от окон, если они выходят на чужой двор. Двери так же двустворчатые, филенчатые с металлическими скобами и ручками, запираются на врезной английский замок. Окрашиваются, как и окна, масляной краской. Как и прежде, фасад дома тщательно отделывается. Появляется новая символика: советская (пятиконечная звезда, серп и молот), связанная с космосом и авиацией (ракета, самолет), олимпийскими играми (кольца, мишка), религиозная (звезда и полумесяц). Стали также высекать дату постройки и имена мастера-каменщика и хозяина дома.

Плоские земляные крыши, бытовавшие до середины 70-х годов, ушли в прошлое: практически все перекрытия жилых и хозяйственных помещений стропильные, под шифером или кровельным железом. Крыши жилых строений четырехскатные, а хозяйственных – двускатные или прямые с уклоном. Претерпел изменения и потолок жилища. Раньше крыша и потолок составляли единое целое. С 60-х гг. потолок оштукатуривается или подбивается ДВП, фанерой, картоном и расписывается масляными красками. Полы в прежнем жилище были земляные, их обмазывали глиной и на них настилали паласы и ковры. С 60-х гг. полы в жилищах дощатые или из ДСП. Они так же окрашиваются. Традиция устилать полы паласами и коврами сохраняется. В некоторых домах, прихожую, коридор, кухню стали покрывать линолеумом, поверх которого настилали фабричные дорожки и паласы. Земляной пол в это время изредка встречался на первых этажах домов старой постройки или в кладовых. Стены комнат по-прежнему обмазывались глиной и белились. В последние три десятилетия их повсеместно стали обклеивать обоями – «не надо белить и стены не пачкаются». В отдельных домах применялись деревянные панели на метр от пола. В части домов комнатные стены в рост человека окрашивали масляной краской, а остальную часть стен и потолок белили известью. Наружные стены домов штукатурили цементным, известковым и реже глиняным раствором. К числу новых помещений, появившихся в жилище горца в 70-е гг., следует отнести прихожую и баню.

Произошли изменения и в способах освещения и отопления. Этому в немалой степени способствовала электрификация дагестанских сел, завершившаяся в основном в 70-е гг. Вплоть до 60-х годов горцы пользовались традиционными источниками отопления – очагом и камином. Затем в обиход широко вошли небольшие железные печи на дровах и угле. Их обычно располагали в помещениях верхнего этажа. С появлением железных печей камины постепенно исчезли. В 80-90-е гг. отдельные хозяева стали применять новый вид отопления – паровое отопление от печи на солярке.

Вплоть до 60-х гг. основным средством приготовления пищи и обогрева в горском жилище был очаг. Несмотря на то, что он сохранял свое название, это был не очаг, а своеобразный гибрид, сочетающий в себе элементы горского очага и русской печи. Складывали его обычно из огнеупорного кирпича, он имел колосники, духовку и был покрыт чугунной плитой с крышками. Дымоходом служила металлическая или асбестоцементная труба. Топливом были дрова и уголь. Кроме очага, для приготовления пищи использовались и другие приборы. В 60-х годах это были керосиновые печи, которых позднее заменили на электропечи. Но и они из-за пожароопасности и потребления большого количества электроэнергии не получили широкого распространения. С 70-х по 90-е гг. основным прибором для приготовления пищи в сельской местности была газовая плита с баллоном со сжиженным газом [1, с. 70-73]. С газификацией в 90-2000-х гг. большинства дагестанских селений ушли в прошлое прежние виды топлива (дрова, уголь, солярка), применявшиеся для приготовления пищи и отопления.

Особенно сильно с послевоенных лет изменился интерьер жилища. Этому в немалой степени способствовало появление в массовом порядке в жилищах горцев новой жилой и кухонной мебели, бытовой техники. Наряду с множеством нововведений, такой архитектурный элемент, как стенная ниша, устойчиво сохранился, вероятно, из соображений практичности. Многие хозяева, приделав к этой нише дверцу, превратили ее в своеобразный встроенный шкаф.

Сельское жилище 80-90-х гг. – это, как правило, дом с приусадебным участком. ЖХК продолжал подразделяться на помещения трех групп: жилье (оба этажа), во дворе – хлев и птичник, навес-кухня и сараи для сена, дров и др., а также приусадебный участок, обычно расположенный перед домом. Отделяла усадьбу от внешнего мира ограда. Наряду с традиционным плетнем и каменной стеной, применялся и новый материал для ограждения – металлическая сетка. Попасть во двор усадьбы можно через железные двустворчатые ворота с калиткой [1, с. 74].

В постсоветское время под влиянием процессов глобализации, предложения промышленностью многих видов современных строительных и отделочных материалов происходит дальнейшее изменение внешнего облика и интерьера жилища. При современном строительстве основное внимание уделяется уютному и комфортному виду жилища. Важнейшую роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Даже в самых высокогорных селениях горцы стараются строить комфортное жилье по городскому образцу с прихожей, кухней, ванной и туалетом. Основными средствами благоустройства интерьера жилого дома являются его оборудование и оснащение бытовыми приборами, меблировка современной мебелью.

Происходящие на протяжении последних 30 лет изменения в строительных материалах, методах строительства, конструкции, планировке, интерьере, отопительной системе, освещении жилища дагестанцев, погоня за комфортом, ориентация на городской образец приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного жилища.

Для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни [10, с. 22]. Городское индивидуальное жилище тоже заимствует некоторые элементы традиционного жилища. Это проявляется в планировке, этажности, устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, украшений фасада религиозной и иной символикой, разграничении комнат и их убранстве (ковры, паласы, тахта и т.д.).

Современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни. Эта проблема особенно актуальна в наши дни, когда каждая семья стремится иметь отдельный дом с приусадебным участком (или квартиру с дачей). Подобное жилище и в наши дни считается олицетворением благополучия и достатка.

Таким образом, как это видно, эволюция дагестанского жилища тесно связана с изменением политического строя, хозяйственно-бытового уклада и образа жизни сельского и городского населения Дагестана.

Список литературы

1. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Культура и быт табасаранцев в XIX-XX веках. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2004. 266 с.

2. Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. 238 с.

3. Материальная культура аварцев. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1967. 304 с.

4. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1967. 301 с.

5. Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000. 387 с.

6. Исламмагомедов А.И. Отопительные и печные сооружения у народов Дагестана в XIX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1984. С. 73-94.

7. Османов М.О. Жилище даргинцев в XIX – XX вв. (этапы развития и трансформации). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 276 с.
8. Хан-Магомедов С.О. Жилище табасаран // Советская этнография (СЭ). 1951. № 4. С. 202-210.
9. Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1977. 562 с.
10. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970-1980 гг.) // СЭ. 1991. № 4. С. 17-27.

Б. М.-Г. Харсиев

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИНГУШЕЙ

Аннотация: Существование больших семей или семейной общины – это исторически сложившийся обычай ингушей. Нераздельная семья, как характерный компонент семейной общины, пользовалась большим авторитетом в обществе. Многодетная семья была более трудолюбивая. В ингушской семье слово старшего, его замечания были для младших законом. Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу. В ингушской семье с большим уважением относятся к старику. Старший по возрасту здесь принадлежит не одному члену, а больше семейному совету. Ингушская семья – относительно устойчивая группа, объединенная общими интересами, ценностями, обычаями, сложившимися в рамках исторических форм существования самого ингушского народа

Ключевые слова: теория этноса, семейная община, патриархальная семья, устойчивая группа, общее имущество, жизненный цикл, обряды, традиции.

B. M-G. Harsiev

THE REGULATION OF FAMILY RELATIONSHIPS OF THE INGUSH

Abstract: The existence of a large family or a family community is historically custom Ingush. Indivisibility of the family, as a characteristic component of the family community, enjoyed great prestige in the society. The large family was more industrious. The Ingush family word senior, his comments were for junior law. The husband and wife were obliged to observe certain etiquette when children are equally immoral considered swearing, quarreling, or show excessive feeling of tenderness toward each other. The Ingush family with great respect for the old man. Senior age here belongs not one member, but most of the family council. Ingush family – a relatively stable group, united by common interests, values, customs, prevailing within the historical forms of existence of the Ingush people

Key words: Theory of ethnicity, family community, the patriarchal family, sustainable group, common property, life cycle, rites, traditions.

«Семья, как показала разработка общей теории этноса, является важной микроячейкой этнических процессов. Это тем более относится к такой их составляющей, как культурные процессы. При этом семья – не только своего рода зеркало культурного взаимодействия; она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя или замедляя их ход» [20, с. 100].

Исторически сложившийся тип семьи у народов Северного Кавказа в определенной степени влиял и на ее структуру, в частности, на характер взаимоотношений между ее членами, хотя имелись и свои различия, сложившиеся у отдельных народов региона в результате особенностей их конкретной истории, например, более глубокого влияния ислама на чеченцев и ингушей или постоянных репрессий со стороны властей. Но в то же время близость исторических судеб и динамичность семейной организации порождали значительное сходство в структуре семьи у всех народов и групп населения Северного Кавказа.

Наряду с экономическими в семейно-родственной группе сохранились общественные связи. Патронимия была коллективом людей, ощущавших свою особенно тесную близость и солидарность. Организационно это выражалось прежде всего в наличии общего главы, «старшего», с которым полагалось советоваться во всех важных случаях жизни семей данной группы. Члены патронимии были связаны круговой порукой. «В частности, именно из числа близких родственников избирались соприсяжники (либо часть их) ответчика или обвиняемого на суде»[6, с. 311]. Но еще важнее была семейно-родственная взаимоответственность при кровомщении и выплате компенсаций. Немалое значение имели также идеологические связи между семьями одной патронимии. В этом отношении были важны уже общепатронимическая генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы. Это был один из потомков предка-эпонима всей фамилии, оставивший большое мужское потомство или проявивший себя как-то иначе и поэтому давший начало данной патронимии.

Семейно-родственная группа не была замкнутым миром: она входила, с одной стороны, в более широкие образования, с другой – в сельские общества или соседские общины. Патронимии так же, как и соседской общине, в отличие от рода, свойствен дуализм частной собственности на сельскохозяйственный двор и скот и коллективной собственности на землю или хотя бы на некоторую ее часть. Семьи одной патронимии не были единым производственным коллективом, они только помогали друг другу. Но они были во многих отношениях связаны между

собой теснее, чем соседи-общинники, и, следовательно, можно говорить о количественном различии патронимических и соседско-общинных связей.

Всем этим определяется то особое влияние, которое оказывала в первую очередь именно семейно-родственная группа на уклад жизни каждой отдельной семьи и всех ее членов. Пользуясь постоянной материальной и моральной поддержкой со стороны близких родственников, горская семья сызмальства воспитывала детей в уважении к узам родства и мнению родни, особенно старшей. В норме ни один важный жизненный шаг не предпринимался без совета со старшими членами семейно-родственной группы и ни одно событие семейной жизни не обходилось без активного участия всех близких родственников.

Ни один обряд, связанный с хозяйственным или с жизненным циклом, повседневной жизнью или нарушением ее привычного хода в одной из семей патронимии, не мыслился без присутствия хотя бы представителей других семей. Такой же характер имела и роль, которая отводилась «старшему» в патронимии в решении практических вопросов и обрядовой жизни.

Особенности социально-экономического и исторического развития ингушского народа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности, политика царского правительства, консервировавшего общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в его материальной и духовной культуре, а также социальной организации – семьи. Приведем одну из характеристик быта ингушей в освещаемый нами период. «Живут горные ингуши по несколько семей в одном жилище. Каждая семья имеет особое помещение, отделенное от помещений остальных семей толстыми каменными стенами и выходящее в один общий коридор»[16, с. 72].

Во второй половине XIXв. и начале XX в. в Ингушетии существовали большие неразделенные и индивидуальные семьи. Женатые сыновья обычно жили совместно со своими родителями, хотя и строили для себя отдельные дома. По описанию Б. Далгата, «... в состав большой семьи ингушей, проживавших в горной и низменной части под одной кровлей, входили целые поколения: родители, дети, внуки и правнуки»[8, с. 350-351]. Наряду с большими семьями указанные авторы упоминают двухпоколенные и индивидуальные семьи в конце XVIII и начале XIX вв. «Развитие производительных сил ингушского общества предопределило процесс выделения из большой семьи малых семей» [11, с. 10].

Существованием больших семей или семейной общины народ соблюдал исторически сложившийся обычай. Нераздельная семья, как характерный компонент семейной общины, пользовалась большим авторитетом в обществе. «Она гордилась своей многочисленностью, в особенности большим количеством мужчин» [9, с. 32-33]. В таких семьях власть находилась в руках старшего – *цIен-да* (хозяин дома), считавшегося кормильцем семьи и главным хранителем морального кодекса *(эздел)* как в семье, так и за ее пределами в отношении всего общества. Моральный кодекс чести *эздел* являлся основой взаимоотношений и семьи, и общества. Главенство за *цIен-да* сохранялось и тогда, когда его собственные сыновья вырастали. «Сын до самой смерти слушается отца» [7, с. 344]. *ЦIен-да* и старший сын в основном осуществляли общее руководство и управление, средние и младшие члены семьи мужского пола занимались посевом, промыслом, охотой, уходом за скотом, заготовкой сена и дров. Снохи совместно вели домашнее хозяйство. Существовала строгая семейная иерархия подчинения младших старшим членам семьи.

Жена хозяина дома – *цIен-нана* (хозяйка дома) – являлась основной распорядительницей в доме. Хотя считалось, что «... жена (по адату) всецело переходит во власть мужа, родители ее не властны; однако за убийство ее мужем они мстят» [7, с. 344]. Жена ведала кухней, кладовыми. Ей подчинялись снохи, с ней считались и мужчины. Она участвовала в семейных советах, распоряжалась на свадьбах, праздниках и т.д. Отец считался патриархом, авторитет его непререкаемо поддерживался женой, сыновьями, дочерями и внуками. Все важные вопросы взаимоотношений с другими родами, общественного быта решались главой семьи. «В делах, касающихся дома, между мужчинами и женщинами было строгое распределение труда и обязанностей, мать, жена главы дома была полновластной хозяйкой. В доме вайнахов жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а хозяйкой» [13, с. 9]. Вмешиваться в функции хозяйки считалось предосудительным.

В обязанности женщин входили: приготовление пищи, обеспечение членов семьи одеждой, уход за детьми, уборка дома, доение скота, уход за птицей, прополка огорода. Хозяйка дома распределяла домашнюю работу также между несовершеннолетними детьми. Мальчики с 8-10 лет пасли овец, гоняли скот на пастбища, а с 12-14 – помогали отцу в полевых работах. Девочки с пяти с 5-7 лет учились рукоделию, шитью, ведению хозяйства. Они убирали жилые помещения, подметали дворы, выносили помет и навоз из земляного хлева, приносили воду, нянчили младших детей. «Девушка в семье обязана услуживать и подчиняться всем своим братьям, хотя бы она была старше некоторых из них годами, за исключением братьев моложе двенадцати лет. Еще ниже на этой иерархической лестнице стояла невестка, которая подчиняется сестре мужа, его племяннице, внучке» [20, с. 36].

С малолетства приучая детей к труду, старшие следили, чтобы они безоговорочно выполняли все поручения. Дети обычно соревновались между собой: кто чище и быстрее справится со своими обязанностями. Мать чаще была занята работами вне дома: полола кукурузу на поле или выделывала войлочные изделия, поэтому домашними делами приходилось заниматься детям. Они сами присматривали за собой, младшими сестрами и братьями. «Мать, воспитавшую хороших детей, уважали в обществе. При ее появлении в знак уважения вставали даже взрослые мужчины» [15, с. 178].

Многодетная семья была более трудолюбивая. Мать старалась внушить детям уважение к отцу. С

малых лет они видели в нем некое возвышенное, недосягаемое существо. То же самое они видели в отношениях их отца к своему отцу (дедушке). Эта традиция переходила от отца к сыну и постепенно внедрялась в семейный быт.

В ингушской семье слово старшего, его замечания были для младших законом, и никто не смел ему перечить. Это не означало, что старшие по возрасту – дедушка или бабушка – навязывали членам семьи свою волю. По традиции, младшие считали себя обязанными подчиниться слову старшего и выполнять его распоряжения.

«При рождении сына поздравляют родителей-супругов; и по адату, и по шариату (хакикат) через 3 дня по рождению режут барана, собирают девушек для танцев; имя также дают на 3-й день рождения» [14, с. 23]. «Отцы всегда радовались рождению сыновей, однако редко их ласкали, а брать их в руки при посторонних стеснялись, так как это считалось вовсе неприличным» [7, с. 344].

Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу. «За проступки жены отвечает муж; ее дела ведет он. Даже за убийство, совершенное женою, наказывается муж; женщина у ингушей неприкосновенна и наказанию не подлежит» [7, с. 341]. «Жена перед мужем и сын перед отцом поистине послушны и исполнительны в делах...; любовь, уважение, отзывчивость и сострадание отца к своему ребенку тихи и скрытны»[1, с. 7].

В. Итонишвили пишет: «В семье кистов, как бы немощен и стар ни был член семьи, молодой хозяин, управляя семейными делами, не позволял себе, не посоветовавшись с ним, решать какие-либо вопросы. Тем более недопустимым было невнимание к нему со стороны других членов семьи. Большое уважение к старшим является главным признаком семейных отношений как панкисских кистов, так и других горцев. Кистинский этикет требовал тщательного сохранения отцовских обычаев, уважения младшими старших как в семье, так и в обществе. В глазах киста недостойным членом семьи считался тот молодой человек, который вел неуважительный разговор с ним, был бесцеремонен и говорил лишнее и т.д.» [9, с. 172].

В присутствии старших членов семьи нельзя было пить крепкие напитки, курить, молодые обязаны были стоять и воздерживаться от лишних разговоров, неуместных реплик и смеха. Нельзя было спорить со старшими, не проявлять обязательного уважения и почтительности. Отец обычно не наказывал членов семьи, этим занималась мать. Отношения родителей и детей основывались на взаимопонимании и взаимных уступках.

З. Гулисашвили пишет: «В кистинской семье с большим уважением относятся к старику. Старший по возрасту здесь принадлежит не одному члену, а больше семейному совету, который иногда, ввиду неспособности принимать правильные решения, мог лишиться титула семейного патриарха и передать свои полномочия более молодому» [19].

К *цIен-да* и *цIен-нана* члены семьи (сыновья, дочери, невестки и внуки) относились с большим вниманием, согласовывали с ними все вопросы быта семьи. Больше всех работы по дому выполняли невестки.

Родство по отцовской линии ингуши поддерживали до тех пор, пока продолжается фамилия. Самыми почетными родственниками считались *ноана-хой* (родные матери) и *захал* (родственники невестки). Браки между родственниками по матери или отцу *(гаргал-нах)* категорически запрещались. Следует отметить, что обычаи, на которых строились отношения между людьми, носили законодательный характер. Например, запрещались браки между ближайшими соседями, если даже они были представителями разных фамилий, между приемными детьми и их новыми родственниками, строго соблюдался обычай побратимства. Дети побратавшейся семьи считались такими же братьями и сестрами, как и родные.

«В конце XIX – начале XX века большая семья сохранилась преимущественно в горных местах. Это объяснялось малым удельным весом требующего большого труда земледелия и альпийским скотоводством, строго регламентирующим перемещение скота на дальние расстояния от дома, которые требовали наличия большого числа рабочих рук и такой внутренней организации, которая была бы способна обеспечить распределение функций в этом сложном, многопрофильном хозяйстве. Такой и была большая семья у горцев» [18, с. 17]. «Если в горных районах больше семейная организация еще оставалась сравнительно распространенным явлением, то на равнине она уже в основном прекратила свое существование», – пишет Я.С. Смирнова [20, с. 185].

Господствующим типом семьи в большей части Ингушетии, особенно в плоскостных ее районах, стала малая, индивидуальная семья. Чаще всего она состояла из представителей двух поколений: родителей и детей, реже включала в свой состав представителей старшего поколения и боковых родственников мужа: осиротевшего племянника или овдовевшую сестру, тетю.

В отличие от большой семьи, для которой характерно половозрастное разделение обязанностей, в малых семьях, если дети еще не выросли, все виды работ ложились на плечи супругов.

Выделение женатого сына в самостоятельную хозяйственную единицу происходило обычно через полгода или год после свадьбы, в течение которого создавалась материальная база новой семьи. Создание новой хозяйственной ячейки общества сопровождалось не только изменением структуры большой семьи, но и трансформацией функций ее членов. Молодой хозяин приобретал права единоличного решения семейных вопросов. На нем теперь лежало бремя выполнения самых трудоемких работ по хозяйству: заготовка дров, сена, полевые работы, строительство и ремонт дома и т.д. Труд его приобретал более заинтересованный характер, чем в большой семье.

Заметно изменялось положение женщины в малой семье. Круг ее обязанностей также увеличивался: кухня, уход и воспитание малолетних детей, уход

за скотом, доставка воды, уборка помещений, двора, обмазка и побелка дома, помощь мужу в полевых работах и другие. Если в семье жила свекровь, то она брала на себя часть домашних обязанностей, в частности, помогала в уходе за детьми. Отличаясь большим трудолюбием, ингушки до глубокой старости не отстранялись от домашнего труда: готовили пищу, ткали сукно, шили суконную обувь, ухаживали за малыми детьми и тем самым высвобождали невестку для более трудных и ответственных дел.

До начала XX в. в Ингушетии господствовали полунатуральное хозяйство и патриархально-феодальный быт, в таких условиях каждая семья стремилась иметь большое количество детей, как потенциал рабочих рук, обеспечивающих ее существование. Счастливой считалась семья, где было десять и более детей. Иметь детей считалось большим счастьем, а не иметь – несчастьем и наказанием божьим. Особенным благополучием для семьи было наличие большого количества детей мужского пола. В семье, где есть мальчики, рождение девочек тоже было радостным событием. «Матери, не имеющей дочери, или сестре, не имеющей сестры, сочувствовали» [11, с. 17].

Рождение ребенка мужского пола было радостным событием в семье. Дети 7 – 10 лет при первом сообщении о появлении ребенка бежали, обгоняя друг друга, чтобы первыми сообщить приятную весть ближайшим родственникам и соседям. Маленьких «гонцов» вознаграждали за сообщение деньгами или подарками. Семья, в которую вселилось торжество, готовила званый обед для гостей, а в некоторых семьях проводили религиозный обряд – *мовлат*. Отдельные состоятельные семьи организовывали скачки с призами для победителей, в которых принимали участие все желающие наездники не только из села, но и со всей округи.

Наречению ребенку имени придавали большое значение, пытаясь подобрать имя человека, известного в селе или во всей Ингушетии. Считалось, что новорожденный должен быть таким же прославленным или храбрым, уважаемым в народе за добродетели. Кроме того, с введением мусульманской религии ингуши стали нарекать своих детей именами святых: Хасан, Хусейн, Мухаммед, Сайд, Петимат, Хава и др. По этому поводу Н.Ф. Грабовский писал: «У ингушей нет раз и навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, как, например: *Борз* (волк), *Оалхазар* (птица), *Наж* (дуб), *Тепча* (пистолет) и т.д. Затем ингуши охотно дают имена в честь каких-нибудь уважаемых людей, не исключая русских...» [4, с. 64].

Детям с раннего возраста прививали уважение к родителям. Народная мудрость гласит: «Выученное в молодости, как написанное на камне». Им внушали, что повышать голос на родителей и проявлять неповиновение – большой позор перед обществом и родственниками, большой грех. «Дети, как мужского пола, так и женского пола, несмотря на возраст их, находятся в полной зависимости от своих родителей, как от отца, так равно и от матери. Они должны во всех отношениях им повиноваться со смирением и глубочайшим почтением, принимать всякое от них приказание, безропотно исполнять их и без сопротивления терпеть всякое наказание от своих родителей» [12, с. 112], – писал Ф.И. Леонтович.

Образец поведения родителей, их семейный образ жизни, характер взаимоотношений между ними оказывают большое влияние на образ жизни молодых. Поэтому родители всячески поддерживают авторитет друг друга перед детьми. В случаях расхождения мнений родители выясняли отношения между собой без присутствия детей.

Многодетная семья считалась идеалом, а воспитательные функции были важнейшими функциями в семье. Трудовая деятельность в ингушской семье служила арсеналом воспитательных средств, а воспитание не являлось специальным процессом. Нормы поведения и взаимоотношений членов семьи определялись половозрастным признаком. Младшие члены семьи не должны были разговаривать со старшими сидя, если те стоят. Особенно это соблюдалось между членами семьи. В соответствии с этим в Ингушетии, как и вообще на Кавказе, самым большим уважением пользовались пожилые люди и прежде всего глава семьи. «В семейном быту вайнахов была характерной согласованность действий старшего с мнением совершеннолетних членов семьи» [10, с. 13-14], – читаем мы у В.Д. Итонишвили.

Таким образом, мы можем констатировать, что в конце XIX – начале XX вв. у ингушского народа основным типом семьи в плоскостной части Ингушетии была малая, двухпоколенная, индивидуальная семья – *дезал*, но в ней преобладали еще такие черты большесемейной общины, как приоритет мужчины, являвшегося главой семьи и распорядителем имущества. Особое положение мужского пола объяснялось, как отмечалось выше, тем, что они – кормильцы семьи, продолжатели рода, защитники страны. «Мальчик – будущий мужчина и боец, продолжатель рода» [2, с. 28], – писал А. Бергер.

Ингуши стремились дать всестороннее воспитание своим детям; умственное, физическое, нравственное, эстетическое, привить любовь к труду, хотя условия для такого воспитания были крайне ограниченными. Умным считали умудренного жизненным опытом человека, старшего в роду, семье или образованного в силу своих возможностей.

Одним из элементов системы воспитания в состоятельных семьях ингушей был обычай отдавать детей на воспитание в чужие семьи (аталычество). «Аталычество или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от Родины..., плоскостные ингуши и чеченцы заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам или кумыкам» [5, с. 52].

Также у ингушей практиковалась отдача одного из детей на воспитание или на постоянное жительство ближайшему родственнику, бездетному брату, дяде, сестре. В этом случае дети признавали своими родителями приемных отца и мать и становились продолжателями их рода. Усыновление и воспитание детей выполняли функции взаимопомощи, взаимо-

поддержки, коммуникации и воспитания.

Трудовое воспитание детей у ингушского народа являлось основой всех направлений воспитания. До 9-10 лет воспитанием мальчиков занималась мать, затем – отец, дедушка. Совершеннолетним юноша становился в 15 лет, ему поручалось выполнять трудоемкие работы, он мог носить оружие и, по адату, вступать в брак. Актом совершеннолетия являлся приезд его к матрилинейному дяде, который дарил ему обычно коня [19, с. 55-57]. «Для девочек этот возраст наступал раньше – в 14 лет. В этом возрасте ее можно было сватать. В доме, где имелась девушка на выданье, ворота двора до поздней ночи должны были быть настежь открытыми» [11, с. 22].

Ингуши придавали большое значение физическому развитию и воспитанию детей, особенно мальчиков. Этого требовали прежде всего необходимость защиты своего отечества, села, родичей, семьи, а также существующий обычай кровной мести. К физическому воспитанию относились: верховая езда, борьба, метание камней, дротиков, копья и т.д. Старшие в семье обучали младших верховой езде, владению оружием.

Часто устраивали различные соревнования, в том числе конные состязания. «Западного человека, прежде всего, у кавказца удивляет живость его нескованной ритмики, его пластическая подвижность, его любовь к борьбе, к конским ристалищам, к метанию дротиков, его умеренность в пище, любовь к свободе, к быстроте перемещений, его кочевые склонности обожествлять солнце и коня, самое быстрое в видимом им мире светило и самое быстроногое животное» [17, с. 18]. «Смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек... Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони» [3, с. 147]. Такие соревнования прививали мальчикам любовь к ездовому спорту, закаляли их, воспитывали мужество и волю.

Физическому воспитанию способствовали различные игры, такие как состязание в беге, фехтование на шашках и кинжалах, стрельба из лука, игра в мяч, катание на санках и коньках.

Большое внимание уделялось нравственному воспитанию детей. С малолетства детям прививали правила поведения дома и в обществе. Основными методами воспитания являлись личный пример, авторитет старшего в семье, построенный на выдержке, подражание поступкам былинных героев.

Неотъемлемой частью традиционного воспитания у ингушей был обычай избегания между родителями и детьми, в особенности между детьми и отцами. Поощрялась внешняя сдержанность между ними. Отец при детях не должен был пить алкогольные напитки, курить, а если ему за пятьдесят, он должен был вообще отказаться от того и другого. Зять не показывался родителям жены.

Избегание генетически не связано с патриархальной приниженностью младших членов семьи. Избегание выполняло определенную социальную функцию в пределах ингушского этикета. Оно напрямую связано с проявлением внутрисемейного и общественного уважения друг к другу в процессе общения, основанного на благочестии и скромности, сдержанности и терпении. Избегание как одна из форм традиционно-бытовой культуры ингушского народа сохранилось в своих основных формах и по сегодняшний день как составная часть *эздел* – ингушского кодекса морали.

Нравственно воспитанным считают того, кто не проводит свое время в праздности и излишней болтливости. «Безделье и болтливость детей решительно осуждались и осуждаются… [11, с. 25]. С детства родители и старшие требовали от детей быть верными данному слову, товарищеской дружбе. Детям прививали чувство чести и благородства, любовь к отечеству и уважение к обычаям. Большое значение придавали воспитанию у детей чувства взаимопомощи, взаимоподдержки, готовности выполнить поручение старшего члена общества.

Эстетический вкус ингуши старались привить детям обоего пола. Их с малых лет приобщали к музыке и танцам. Мальчиков привлекали к оформлению интерьера дома, ворот, сада и т. д., девочек – к оформлению одежды, убранству дома, художественной вышивке, ковроткачеству.

Женщина-ингушка во все времена пользовалась большим уважением и правами, «... хотя и была обременена большой долей труда» [4, с. 15]. Дочери в ингушской семье должны были быть во всем покорными родителям. Их могли отдавать замуж без их согласия. Отец «... содержит их, как знает, выдает замуж за кого хочет» [12, с. 177].

Конечно, было бы ошибкой считать, что все браки заключались без согласия девушек. Чаще всего девушка знала, кто ее сватает, и давала свое согласие. Девушка могла увидеться с молодыми людьми на свадьбе у родственников, соседей, в гостях и т.д., существовал специальный обычай шутливого сватовства – *зоахолол*, который позволял молодым людям общаться как в серьезном, так и в шутливом тоне, потанцевать вместе. Все это, конечно, проходило публично. Молодые люди могли видеться также у колодца или ключа, куда девушки приходили за водой.

«Выходить замуж без согласия родителей у ингушского народа считалось позорным» [11, с. 28]. Если девушка выходила замуж без согласия родителей, ее всеми силами пытались вернуть в отчий дом, и чаще всего под давлением родственников девушки ее возвращали. В этом случае родители без спроса могли отдать девушку замуж по своему усмотрению.

Из всех бед, которые могли постичь семью, худшей считалась, когда позор касался женщины. Поэтому честь женщины обязаны были оберегать все мужчины семьи и рода. «О женщине говорили: как много зависит от нее, она может сплотить семью, родню. Хорошая женщина из посредственного мужчины может сделать князя, а плохая – из князя – батрака» [11, с. 30]. «Несмотря на бесправное внешнее положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов» [5, с. 62], – писал Б.Далгат об ингушской женщине.

Анализ семьи и семейного быта ингушей в конце XIX – начале XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, основным типом семьи была малая, двухпоколенная семья, насчитывавшая в среднем от 6 до 8 человек. Наряду с ней бытовала семья, насчитывающая три поколения прямых родственников, и семья, включающая в свой состав нескольких родственников по боковой линии. Одновременно с ними сохранялись и так называемые большие семьи (семейные общины), порой состоявшие из 30-50 человек как прямых, так и боковых родственников, объединявшие поколение стариков (дед, бабушка), среднее поколение (женатые сыновья, их жены) и, наконец младшее (дети, подростки).

Во-вторых, вне зависимости от состава семьи ее главой являлся старший мужчина, осуществлявший все организаторские и управленческие функции. Разделение и кооперация труда в семье были основаны на традиционных, социально закрепленных нормах половозрастной иерархии.

Роль общества и общественного мнения в формировании подрастающего поколения была весьма заметной. Семейный быт и в этом отношении оставался под неформальным контролем широких родственных и общественных структур. Семейные отношения по своей форме носили патриархальный характер и основывались на взаимных обязательствах, закрепленных вековыми обычаями и имеющих силу адата.

На основе исследования семьи мы можем вывести дефиниции. Ингушская семья – это основанная на браке и кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и обязательственной ответственностью, управляемая одним патриархом (отцом). Семья является устойчивым подразделением, одним из элементов рода, общества. Ингушская семья – относительно устойчивая группа, объединенная общими интересами, ценностями, обычаями, сложившимися в рамках исторических форм существования самого ингушского народа.

Список литературы

1. Албуташвили М.О. Краткая биография. Тбилиси. 1939. С.7.
2. Бергер А. Чечня. М. 1928.
3. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. 1, 2.
4. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып 3. С.
5. Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. Владикавказ – Грозный, 1925.
6. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1926.
7. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.
8. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Изв. Ингуш. НИИ краеведения. Владикавказ. 1930. Т. II-III.
8. Итонишвили В.Д. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии // Кавказ. этногр. сб. Тбилиси, 1969. Вып. I-II.
9. Итонишвили В.Д. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1969.
10. Кудузова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991.
11. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I-II.
12. Мамакаев М. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.
13. Маргошвили Л.Ю. Кисты: Дис. ... канд. ист. наук. (рукопись). 1970.
14. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические отношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX вв. Тбилиси, 1990.
15. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа // Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. I.
17. Пасынков Л.П. Быт и игры кавказских народов. Ростов на Дону. 1925.
16. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Сов. этнография. 1978. № 2. С.17.
17. Смирнова Я.С. Детские и свадебные циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М. 1960. Т.VI.
18. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
19. Шакро (З.Гулисашвили). Панкисское ущелье // Иверии. 1887. № 21.
20. Харузин И. Заметки о краеведческом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888. Т. III.

Ф.Н. Хуако

ИСПОВЕДЬ И ЕЕ ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНГУШСКИХ И АДЫГСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.)

Аннотация: В статье рассматривается исповедальность как элемент, характерный для северокавказской прозы второй половины XX и начала XXI вв. Выделяя возможные художественные приемы, придающие тексту исповедальность, автор выстраивает блок соответствующих методик. Приходит к выводу о психологическом и лирическом насыщении северокавказской прозы данного периода с опорой на материал рассказов и повестей ингушских и адыгских писателей.

Ключевые слова: литература, проза, северокавказский, ингуш, адыг, исповедь.

F. N. Khuako

CONFESSION AND ITS VARIABILITY IN THE NORTH CAUCASUS PROSE (FOR EXAMPLE, THE INGUSH AND ADYGSKIH AUTHORS OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY)

Abstract: The article discusses the confessional as an element characteristic of the North Caucasian prose of the second half of the twentieth and beginning of the XXI century. Singling out the possible artistic techniques, giving confessional text, the author builds a block of relevant techniques. He comes to the conclusion that the psychological and saturation of the North Caucasian lyrical prose of the period based on material short stories and novels and Ingush, adyge writers.

Kye words: literature, prose, North Caucasus, Ingush, Circassian, confession

Порой творческая и социальная цель, предполагающая отображение обширного поля событий и лиц текущей (вчера, сегодня, завтра) реальности с помощью эмоционально-чувственных актов ведущего изложение рассказчика, является стержневой для литературы. Она была освоена не только отечественными вообще, но и целым рядом северокавказских (в частности, как ингушских, так и адыгских) писателей второй половины прошлого и начала нового веков. По нашему мнению, как было указано нами в одной из монографий 2005-го года, «К концу 80 – началу 2000-х гг. налицо несомненное усиление элементов лиризма в прозе – тенденция, которая отразилась на бесспорном укреплении позиций жанровой разновидности прозы – лирической повести. Пройдя эволюцию от лирико-социальной (конец 30 – начало 60-х гг.) к лирико-психологической и лирико-исповедальной (середина 60-х – начало 80-х), национальная повесть достигла в результате вершин лирико-философской прозы (середина 80-х – начало 2000-х), что, несомненно, отнюдь не исключает, а даже предполагает дальнейшие перспективы ее развития» [6, с. 222]. Одновременно, отмечаемая нами в монографии (касающейся лишь повести) тенденция может быть применима непосредственно ко всей прозе (не только средней, но и малой, и большой). Причем представители избираемых здесь для рассмотрения литератур, относимые к разным языковым группам, тем не менее, относятся к общей цивилизационной (северокавказской) категории, и потому весьма часты их национальные скрещивания. И именно подобные этнотерриториальные параллели, отражающиеся не только на менталитете, образе жизни и мышлении, но и на исповедальности, попытаемся рассмотреть далее.

Исповедальность авторского слога, насыщающая повествование, нередко пересекается и даже усиливается посредством мысленного обращения. Зачастую подобное обращение, содержащее в качестве отправителя типового, простого и доступного человека, в роли адресата предполагает некую высшую силу, мощную и виртуальную, но почитаемую. Подобная тенденция начала проявляться уже в советские 60-е – 70-е годы, тогда еще насыщенные обожествляемым реализмом и гордящиеся привитым повсеместно атеизмом. Однако в северокавказском социуме (не в официальной, а лишь в разговорной форме) сохраняются на протяжении всего века подобные божества и культивируется сопровождающее их поклонение. И оттого в момент некоторого «очеловечивания» отечественной литературы национальные авторы моментально вспоминают о вере предков, а кавказские горцы, – о том самом Аллахе. Так, в частности, считающие свои религиозные корни мусульманскими, ингушские авторы уже тогда, в советскую пору 60-х гг. вводят Всевышнего в условный круг общения рядового члена общества, а религиозную среду – в его рядовое бытие, наполняя соответствующей нотой исповедь рассказчика.

К примеру, ингушский писатель Ахмет Ведзижев в одном из своих рассказов («Как я был в аду», 1965) выстраивает целую череду коллективных обсуждений и личностных излияний по этому поводу. И, поспорив с земляками, с родственниками и близкими о том, кто есть и на что способен Аллах, кем он окружен и кто его сопровождает, главный герой в своих исповедальных абзацах напрямую обращается к божеству. Предлагая Аллаху исполнить собственную просьбу, говорящий не забывает также предложить всевышнему и свои услуги: «Если ты действительно существуешь, прошу тебя, сделай так, чтобы этот болтливый старик ушел! Я буду вечно благодарен тебе за это… Если хочешь, я готов достать для тебя конфеты с твоей любимой начинкой… Скажи, какая тебе больше нравится?» [5, с. 141]. И так, по сути, весь рассказ построен на усиливающихся и ослабляемых приближениях аульчанина к тому миру, на упрочении и разрежении его веры, так или иначе сказывающейся на судьбе и человеческих отношениях. Подобные, религиозно насыщенные эпизоды, кадры и персонажи, нередко отчетливо проступают именно в исповедальных фрагментах, усиливая личностный компонент.

Рассуждающий в лирическом изложении о происходящем рассказчик нередко напрямую взывает

и к гораздо более приближенным к нему образам, к кому-либо из других персонажей, рядом с ним заселенным в сюжет. Подобный прием позволяет ближе ознакомить читателя с ведущим повествование главным героем, а также одновременно приблизить к читателю персонажа, порой малоописываемого. И, к тому же, можно начать погружать второго во внутренний мир третьего посредством рассуждений первого. В частности, зачин повести сегодняшнего адыгского автора, Асфара Куека «Дубовый листок» (2007) также наполнен подобными исповедальными нотами. Сопровождают переживающего героя здесь два образа – девушка Сура и дубовый лист, связанные друг с другом, а также порой перекликающиеся своим цветом, созвучные печалью и душой. Меняющийся в цвете, могущий рассыпаться листок охвачен пламенем и насыщен отпечатками девичьих пальцев, живых и непосредственно родных для рассказчика. И тогда светлая печаль, присущая обоим образам, насыщает и героя, а с ним, – и читателя, который оказывается расположен и мысленно настроен на итоговый абзац зачина, непосредственно содержащий воззвание. Мысленно взывает здесь герой, он вступает в условный монолог, направленный на Суру, с обращением к ней на «ты» и с итогом в зачине «Ты далеко – ты рядом…» [2, с. 8]. А это позволяет автору нацелиться на последующее в главах повествование, уже несколько более описательное, но все же также достаточно исповедальное. Имеются здесь у А. Куека нередко, но частично подобные фрагменты мысленных обращений, как то: «Моя звезда сейчас одиноко блуждает, она не смогла тебя увлечь, не смогла осветить для тебя дорогу ко мне. Кто из нас виноват в том, что случилось?...» [2, с. 9].

Здесь уже не «прямым текстом» – исповедь, она нередко чередуется с фактическими деталями и подробными диалогами. Причем элементы диалога нередко содержат внутренние рассуждения говорящего. Обращаясь мысленно к своей собеседнице, детально описывая происходящее с ним, вспоминая их взаимообразные порывы и движения, рассказчик выстраивает мысленный диалог. Приводя в кавычках сказанное собеседницей, он здесь же мысленно реагирует на него, задает встречные вопросы, излагает встречные комментарии и делает встречные обобщения. Подобное изложение позволяет выстроить весьма объемную и психологизированную языково-речевую конструкцию, включающую суждения и чувства обоих героев: «Улыбаясь, полушутливо говорила мне: «Я люблю тебя, только ты существуешь для меня в этом мире, любимый мой…». А глаза твои были спокойны, они показывали, что ты существуешь, не шутишь» [2, с. 35].

При этом следует подчеркнуть, что аналогичные синтаксические тактики, развитые сегодня, в некоторой степени просматривались уже в выделяемый период лиризации северокавказской прозы (60-е гг. XX в.). Так, рассматриваемые рассказы ингушских авторов в некоторой степени, еще не часто, но уже содержат подобный компонент исповедального изложения. В частности, в тексте Хаджи-Бекира Муталиева «Анзор» исповеди рассказчика способны опереться на вопросительные обороты, а монологи говорящего в полной мере чередуются с вводимыми ветвями диалогов. К примеру, рассуждающий о происходящем в период революции 1917 г. персонаж, упоминая отношение собственной социальной группы к смене государственного строя, цитирует встающее на его пути, активное и настойчивое дерево, шепчущее: «Приди, сорви хоть одно яблоко!...» [5, с. 66].

Однако рассказчик признается в собственном равнодушии, явно кается в прохождении мимо и сознается в личной мечтательности, окутывающей его и попутчиков на берегу реки. А далее, уже опираясь на подобную восприимчивость, настигшие его мечты, он выстраивает исповедь, в которой семантическими носителями выступают вопросы, в не меньшей степени насыщенные той же нотой. Вновь и даже более эмоционально – об отношении к политическому строю своей социальной группы и себя лично, предположения и рассуждения: «Но примут ли нас? Не скажут ли: вы еще малы. Неужели большевики так думают и не возьмут нас в свой отряд? Обеспокоенные, мы вскакивали на ноги…» [5, с. 66].

И далее у Х.-Б.Муталиева, – о тех же переживаниях, реакциях и опасениях в той же вопросительной, а в конце рассуждения – в восклицательной форме, насыщавшей соратников. Причем самыми страшными перспективами они признают отторжение себя от происходящего: «… вдруг признают негодным!» [5, с. 66], что вполне объяснимо обязательной советской идеологией. Одновременно в аналогичной стезе, перемежающейся с диалогом, выстроена итоговая исповедь данного рассказа. Стержневой нитью здесь остается вся идеологическая тональность изложения, аргументируемая теми или иными замечаниями-цитатами: «С тех пор день, когда мы ходили встречать большевиков, стал для нас знаменательным. <…> Даже теперь, став взрослыми, мы, вспоминая, обязательно оговариваемся: «А ты помнишь, Идрис, как сорок лет назад, через две недели после того, как мы встретили большевиков…» [5, с. 72].

Причем выделяемый нами прием взаимного перемежения диалога с монологом в исповедальном изложении характерен не только для отечественных литератур советского времени. Северокавказские прозаические изложения достаточно активно сохраняют данную конструктивную форму уже и в период нового века. При этом в повести адыгского автора 2000-х гг. Амира Макоева «Натюрморт с чайкой» (2015) данная форма изложения весьма активна. Можно даже сказать, она преобладает. Повествование от имени автора постоянно перемежается диалоговыми вкраплениями (от имени персонажа, о котором идет речь). Все фразы, ожидаемые произносимыми от имен действующих лиц, смешаны с авторскими репликами. Они оформлены уже не как цитаты (что является более традиционным), а достаточно необычно, без кавычек. В рамках изложения от первого лица субъект изложения может неизменно чередоваться, даже в рамках одного небольшого предложения. Так, к примеру: «Лора поднимает руку в узких лоснящихся перчатках, грозит ему пальчиком (*1-е лицо – от имени автора*) – о, в таком случае он

опасный человек, от него надо держаться подальше (*1-е лицо – от имени Лоры*)» [3, с. 69]. Подобным образом могут перемежаться и лица объектов излияний рассказчика, в пределах одного абзаца: «И почему это семеро мужчин едва только управляются с таким же делом, и сколько разговоров, сколько криков! (*3-е лицо*) Вяжи крепче, ты возьмись с этого края, а ты встань (*2-е лицо*) … О чем это я? (*1-е лицо*)» [3, с. 152]. И далее текст излагается чаще в подобной (смешанной) форме, что весьма нетрадиционно и неизбывно привлекает внимание, возможно, несколько настораживает воспитанного на классике читателя, но никак не остается без интереса.

Царящие в умах и душах своих персонажей настрои писатели часто излагают с помощью такого художественного приема, как внутренний монолог. Данная форма изложения, частая для исповеди, отображает ход мыслей, складывающуюся картину раздумий, остающуюся во внутренней среде персонажа. Такая конструкция изложения начала активизироваться одновременно с обращением северокавказской литературы к личностному компоненту, а значит, также в 60-е гг. XX в., что имеет место быть и в прозе ингушских авторов. Так, в частности, в уже упоминавшемся выше рассказе А. Ведзижева есть исповедальные элементы, включающие мысленные монологи, перемежающиеся с вышерассмотренными нами мысленными обращениями и иллюстрируемые эмоциями: «Конечно, – думал я, закипая ненавистью, – ты пришел, чтобы прочесть мне лекцию о страшном суде… Ах, как интересно!» [5, с. 139]. Аналогично и у адыгского прозаика нового века Асланбека Псигусова часты мысленные монологи. Однако, в отличие от авторов второй половины века прошлого, наши современники вкладывают в такие фрагменты гораздо больше социально-политических и психологических тонов. Считая себя приверженцами демократической колеи, свободной и самостоятельной, они гораздо более вольны на уровне эмоций и политики, чего были полностью лишены их коллеги 60-х гг., лишь пытавшиеся тогда «изливать душу», но еще никак не касавшиеся государственного устройства. Так, в частности, присутствовавшую в очерчиваемом им государстве общественно-политическую обстановку А. Псигусов рисует уже в стартовых кадрах активно мыслящего и не устающего строить внутренние монологи слугу (Туцили). Будучи непосредственным исполнителем одного из религиозных руководителей, он при этом в течение всего срока службы неистово презирает начальника и, в общем, всю социальную группу, ее членов, у которых «всегда только одна правда, – правда для себя, чтобы оправдать свою сытую жирную жизнь. А кто хочет жить также безбедно и красиво, как они, тех называют грешниками, пугая местью богов» [4, с. 48]. Причем на протяжении выстраиваемого устами героя монолога проявляется и авторская точка зрения. Порой насмешливо, порой жестко задевая собственного персонажа, А. Псигусов осознает: преподносимое посредством такого монолога восприятие участником одной касты участников иной весьма вероятно в различные хроникальные периоды в различных странах. С помощью подобного хода писатель практически обеспечивает личную непричастность ко всем последующим идентичным размышлениям этого, а также иных сюжетных героев. Таким образом, автор старается преподнести изображаемый им активно действующий социальный механизм объемно. Он делает это не просто в неживых, строгих фактах, однако и в экспрессивных художественных деталях, сообщающих, тем самым, хронологическому, изначально повествовательному жанру романа столь нетрадиционный для него и оттого притягивающий психологизм.

В рассматривающем исповедальность исследовательском круге налицо преобладающее созвучие ученых, изучающих отечественную прозу, по проблеме имеющейся активности исповеди в художественных текстах прозы. Как с опасением говорила о данной тенденции еще советский исследователь З. Богданова, констатируя ее наличие, но сомневаясь в достоверности продукта: «В некоторых «исповедальных» произведениях как-то ощутима боязнь «вымысла» [1, с. 135]. Однако здесь же, в этом высказывании, она себя осаживает, причем весьма обдуманно: «Но полно, исповедальная повесть отнюдь не синоним автобиографии. Как-то Грэхэм Грин писал об одном своем романе (кстати, тоже написанном в форме исповеди!): «Разыскивать прототипы ‹…› было бы пустой тратой времени, они сделаны из материала, скопившегося у меня за тридцать лет писательской работы»» [1, с. 135]. И завершим рассмотрение проблемы собственным рассуждением по данному поводу, вновь обращаясь к одной из своих монографий, посвященных лирической повести: «Самоанализ лирического героя (и вместе с ним самого автора) ради обнаружения незнания даже самого себя; исповедь – ради очищения, преодоления собственных слабостей; откровенность – ради открытия, распахивания себя для других; самопознание – ради суда над самим собой, познания самого себя и своего места в жизни» [6, с. 148].

Список литературы

1. Богданова З. Новаторство и новации: Полев. заметки // Лит. газ. 1967. 5 апр.
2. Куек А. Танцы на рассвете: Повести, рассказы, эссе. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007. 360 с.
3. Макоев А. Возвращенное небо: Повести, рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2015. 208 с.
4. Псигусов А. Жизнеописания тридцати хеттских царей. Кн. 1-4. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
5. Рассказы писателей Чечено-Ингушетии / Сост. С.И. Чахкиев. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1965. 228 с.
6. Хуако Ф.Н. Двадцатый век: эпоха и ее художественное отражение в северокавказской лирической повести (монография). Майкоп: изд-во МГТУ, 2005. 270 с.

Ф.Д. Шаманова

АВТОРСКОЕ НАЧАЛО В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи фольклора и литературы, анализируется процесс становления авторского художественного слова на примере карачаево-балкарской поэмы «Каншаубий и Гошаях». Выявляются общие закономерности и национальные особенности формирования индивидуального личностного начала на традиционной фольклорной основе. Согласно содержанию поэтического произведения, её жанровой структуры и поэтики автор приходит к выводу, что в народной лирике карачаевцев отчетливо прослеживается индивидуальное авторское начало.

Ключевые слова: песенный фольклор, лиро-эпическая поэма, лирическое начало, индивидуально-авторская поэзия.

F. D. Shamanova

COPYRIGHT BEGINNING IN THE FOLKLORE HERITAGE

Abstract This article discusses the problem of the relationship of folklore and literature, examines the process of formation of copyright artistic expression on the example of Karachay-Balkar poem “Kanshaubii and Goshayah”. Identify common patterns and national peculiarities of individual personal beginning of traditional folklore basis. According to the content of the poetic work, its structure and Poetics of genre author concludes that in the lyrics clearly traced karachais individual copyright began

Key words: folk songs, lyric-epic poem, lyrical, individually-author’s poetry.

Поиск первоначал в области художественности, выявление генетических основ и закономерностей в развитии литературных жанров предполагает традиционное обращение к устной форме словесности, предшествовавшей письменной литературе. Процесс формирования жанровых форм литературы, становление национальных художественных традиций не могут решаться без участия этого наследия. Движение творческой мысли от эпического мышления к индивидуальному во многом определил становление национально-художественных традиций. Творческая задача по выработке концепции авторского начала в фольклоре карачаевцев осуществлялось в тесной взаимосвязи с традиционными особенностями национального образного мышления.

Песенный фольклор карачаевцев, включающий в себя обрядовую и внеобрядовую народную лирику: песни-плачи (кюу), любовные четверостишия (ийнар), песни-состязания (айтыш), историко-героические (тарих-джигитлик джырла), любовные (сюймеклик джырла) и колыбельные песни (бешик джырла), представляет традиционные стихотворные формы устной словесности. Наиболее архаичной формой стихотворной речи является песня. Пользуясь выражением Г.Н. Поспелова: «Когда у того или иного народа появлялась письменность, такие песни становились исходным моментом для возникновения литературной лирики, той ее основной формы, которую мы обычно называем стихотворением» [1, с. 235].

Личные переживания, сокровенность ощущений, образное мышление находят воплощение в стихосложении. Глубоко личная трактовка явлений окружающей действительности и сам процесс самопознания являются основной функциональной сутью поэзии. Эти компоненты творческого процесса вырабатывают специфические методы художественной выразительности. Из этого и вытекает различная классификация фольклорных и литературных поэтических жанров и их содержательная характеристика. В этом заключается и сила и слабость её позиции как способа утверждения личности поэта. Решающую роль здесь играет глубина поэтического мировоззрения, способность к синтезу лирической сути и художественной формы, без которой невозможно создание значительных художественных произведений. Одним из таких произведений, которое отличается своими высокими художественным достоинствам и колоссальной силой влияния на последующее развитие зарождающейся письменной карачаевской поэзии, является народная баллада, она же лиро-эпическая поэма «Къаншаубий бла Гошаях» («Каншаубий и Гошаях»). Вышеназванная поэма, существующая в нескольких вариантах «Къаншаубий бла Гошаях» («Каншаубий и Гошаях»), «Гошаях бийчени кюую» («Плач княгини Гошаях») стоит «особняком» в карачаево-балкарской традиционной культуре и литературе, она широко известна и узнаваема в народе. Поэмы были созданы в период становления художественных традиций устной словесности.

Здесь следует отметить, что национальная духовная культура карачаевцев и балкарцев на нынешнем этапе изучается в значительно обогащенном, откорректированном в результате значимых достижений в области смежных наук этногенетическом и историко-культурном контексте. Так, по результатам новых литературоведческих исследований, определившееся и устоявшееся в науке мнение об истоках, генезисе, эволюции национального поэтического мировидения, в настоящее время значительно корректируется. До последнего времени эти поэмы, как и некоторые другие ранние произведения, относили к фольклору. Но новые изыскания ученых, детальный анализ исторического, литературоведческого и текстологического аспекта приводит к выводу, что поэмы являются авторскими произведениями. Так, по результатам новейших исследований карачаево-балкарских литературоведов (Т.Ш. Биттировой, Н. М. Кагиевой) несомненное авторство принадлежит Гошаях.

Перечисленные герои и действующие лица поэмы (баллады) – известные исторические личности, отмеченные в документах XVII века. Это семья князя Бекмурзы из знатного рода Крымшамхаловых:

Бий Бекмырзагъа туугъан эди тёрт улан:
Тамадаларыны аты – Къамгъут бий.

Аны гитчесини аты – Элбуздукъ,
Аны кичисини аты – Къаншаубий,
Эм гитчелерини аты – Гилястан [2, с. 57].

У князя Бекмырзы родились четыре сына:
Старшего назвали – Камгут.
Сына родившегося за ним – Элбуздук,
Его младший наречен – Каншаубий,
Самого младшего имя – Гилястан.
(подстрочный перевод)

В документах XVII века, в отчете русских послов Ф. Елчина и П. Захарьева, посещавших места проживания карачаевцев и балкарцев в 1639-1640 годах, упоминаются Эльбуздук и его младший брат Гилястан. В основе сюжета лиро-эпических поэм «Каншаубий и Гошаях», «Гошаях бийчени кюую» лежат реальные события и упоминаются реальные села. По времени создания они относятся к позднему Средневековью, времени, когда в среде карачаевцев и балкарцев были популярны переводные поэмы о любви и вольные переложения на родной язык сюжетов из классики мусульманского востока («Тахир и Зухра», «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зулейха» и т.д.).

Художественные произведения «Каншаубий и Гошаях», «Гошаях бийчени кюую» (**«**Плач княгини Гошаях») стали самыми ранними образцами оригинальных сочинений, первыми лиро-эпическими поэмами о любви, подлинно вызревшими под непосредственным воздействием карачаево-балкарской народной лирики. В них выражена безмерная любовь Гошаях к своему мужу Каншаубию, мотивы социального протеста соединены с глубокими личностными переживаниями, сокровенными чувствами героини Гошаях. Чувства и мысли Гошаях, обостренные разлукой с любимым, драматически изложены с использованием традиционной поэтики и этнонациональной символики.

Кел, Къарачач, Къара ташха барайыкъ,
Джылай-джылай, Къара ташны
Узунуна джарайыкъ.
«Мен да джарылама, сен да джарыл,
Къара таш!» – деб джылайыкь [2, с. 56].
Пойдем, Карачач, к Черному камню,
Плача-плача, Черный камень
Вдоль слезами рассечем.
«Я раскалываюсь (надрываюсь от горя) и ты расколись,
Черный камень!» – скажем, плача.
(подстрочный перевод)

Гошаях в своей лиро-эпической поэме в отличие от фольклорных образцов песен-плачей (кюу) не идеализирует объект своей любви (Каншаубия), не приписывает ему особые качества. Его образ не характерен фольклорному описанию. Если ведущей стилистической фигурой в народной лирической песне была гипербола, порой образы обретали совершенно неземной характер, то в поэме «Плач княгини Гошаях» образ героя не изображается как исключительное и необыкновенное создание, объект излияния чувств автора предстает обычным человеком. Единственная фраза в поэме, характеризующая его внешние качества, сказана буквально в двух словах: «*Къаншаубийим ариу эди»* («Красив был мой Каншаубий»). Но роднит эту лиро-эпическую поэму с народной песней то, что образ описан немыслимо эмоционально с использованием традиционных художественных средств народной лирики: поэтики, стиля и композиции.

По сюжету поэмы Каншаубию не чужды некоторые человеческие слабости и несовершенства, он любит праздную жизнь, может угодить в плен или же тяжело заболеть. Его разлучает с любимой женой Гошаях именно это обстоятельство. Каншаубий заболевает и уезжает лечиться в Дагестан к известной знахарке, которая впоследствии также безумно в него влюбляется.

Манга Аллах буюргъан болур, – дейди,
Джыл кёзюне джетгенде,
Биягъы дарманны къабханма,
Мыйыкъларымы, алгъынча,
Эки къолума келиб табханма.
Ачыуланыб, мыйыкъланы
Къолумдан атыб, чачханма.
Дагъыда айланыб, биягъы
Дагъыстаннга къачханма [2, с. 60].

Мне Аллахом, наверно, так суждено,
Как завершился отпущенный мне срок
Опять пришел в прежнее состояние,
Усы свои, как раньше,
Обнаружил на своих руках (заболел).
Разозлился, усы
Скинул из рук, раскидал.
Затем развернулся, и снова в тот самый
Дагестан ушел (убежал).
(подстрочный перевод)

Обращение к миру интимных чувств и переживаний показано в поэме так исповедально, внутренний душевный мир настолько ярко выражен, что отвлекает внимание от самого предмета изображения, то есть событийность, и сам сюжет немного отходят на второй план. Основополагающим же становится чувство любви и способность лирического героя к тенденции самоуглубления и поэтического умения (автора) описать свои чувства, что и создает лирическую композиционную организацию поэмы.

Эмоционально насыщенные, пронизанные авторским чувством строки различных вариантов поэм («Каншаубий и Гошаях», «Плач княгини Гошаях» и др.) представляют собой цепочку переживаний автора, испытываемых ею чувств, любви и тоски. Монолог Гошаях полностью выстроен из непосредственного обращения к любимому, она неоднократно называет его имя: «*Къаншаубийим тас болгъанды*» («Пропал мой Каншаубий»), «*Къаншаубийими излей-излей*» («Каншаубия своего разыскивая-разыскивая»), «*Къаншаубийим, сен келсенг*» («Каншаубий мой, когда ты придешь»), «*Къаншаубийим сени ючюн, кёб къыйынлыкъ кёргенме*» («Каншаубий, из-за тебя много бед испытала») и т.д. Несмотря на то, что отсутствует героико-эпическая интонация, образы, усиленные психологизмом сюжета, следуя друг за другом по восходящей линии, обретают емкий и

содержательный характер. Таким образом, лирическое начало в произведении, своеобразный реализм чувств и переживаний обретают некий эпический размах. Эпический аспект присутствует наряду с лирической составляющей, однако лирическое начало обнаруживается как доминанта.

Художественные достоинства поэм отмечены не только литературоведами и фольклористами, они получили высокую оценку в народной среде и пользуются большой популярностью в народе. Следует отметить, что карачаевцы и балкарцы всегда связывали авторство поэм с самой Гошаях. Поэмы об истории любви княгини Гошаях были широко распространены в прошлом, сюжетную линию поэм хорошо знают и сегодня. Многие цитируют строки из нее и пересказывают драматические эпизоды.

Прослеживая пути развития авторской поэзии в системе взаимосвязей фольклор и постфольклор, отметим, что индивидуальные образцы фольклорных баллад появились на более поздней исторической стадии развития фольклорной эпической традиции, близкой к возникновению форм индивидуально-авторской поэзии и обретения устной словесностью художественных средств авторской поэтики. Со временем, с появлением таких художественных произведений, как рассмотренная нами лиро-эпическая поэма «Каншаубий и Гошаях», народнопоэтическое творчество от коллективного синкретического эпического образного мышления вычленяет ментальную основу авторской позиции. Эпос, по Гегелю, – это «только создание, а не творец», и далее: «... однако все выражающееся в поэме принадлежит поэту: он разработал это в своем созерцании, вложив в него всю душу и всю полноту своего духа. Великий эпический стиль заключается в том, что кажется, будто творение продолжает слагаться само по себе и выступает самостоятельно, как бы не имея за собой автора» [3, с. 4]. Все сказанное выше, вся суть дела заключена в двух словах Гегеля «кажется» и «как бы».

Путь от фольклора к авторской письменной литературе обеспечил непрерывное динамическое развитие художественной мысли. Здесь мы наблюдаем продолжение традиций карачаево-балкарских лирических плачей, восходящих к фольклорным и общетюркским литературным традициям, в свою очередь, являющихся основой современной национальной лирико-философской поэзии.

Список литературы

1. Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
2. Антология карачаевской поэзии. Ставрополь.: Ставропольское книжное издательство, 1965. 424 с.
3. Гегель Г.В. Ф. Эстетика, т. 3. М.: Искусство, 1971. 621 с.

Т.У. Яндиева

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО-БОГОСЛОВА УСМАНА МУЦОЛЬГОВА

Аннотация: В статье рассматривается жизнь и деятельность известного ученого – арабиста, авторитетного богослова и неформального лидера ингушского народа Муцольгова Усмана Охлоевича.

Ключевые слова: ученый арабист, духовный наставник, неформальный лидер.

T.U. Yandieva

THE LIFE AND WORK OF SCIENTIST-THEOLOGIAN USMAN MUTSOLGOV

Annotation. The article deals with the life and work of the famous scientist Arabist , an authoritative theologian and the informal leader of the Ingush people Mutsolgova Usman Ohloevicha

Keywords : Arabist scholar , spiritual mentor , the informal leader .

13 апреля 2013 года стал траурным днем для всего ингушского народа, ушел из жизни один из самых авторитетных богословов, ученый – арабист Муцольгов Асман (Усман) Охлоевич. Жители Республики Ингушетия в лице Усмана Охлоевича потеряли человека всеми любимого и уважаемого, человека принципиального, справедливого знающего основательно азы ислама. Он был неформальным лидером, к мнению которого прислушивались все верующие, в том числе и руководители региона. К нему обращались с любыми вопросами, касающимися их жизни не только жители республики, но и мусульмане других регионов. И связано это было с тем, что каждый был уверен, что он решит их проблемы правильно и честно в соответствии с канонами ислама. Ему было чуждым стремление к какой-либо славе.

В семье Муцольгова Охло и Оздоевой Заби было 3 сына, Усман был младшим сыном, он родился 1 июля 1892 г. (1909) в селе Сурхахи, Назрановского района. Еще до его рождения умер отец, мать воспитывала троих сыновей одна. Старший сын работал в сельском совете села, а второй ушел на фронт во время Великой Отечественной войны, где и погиб, защищая Родину.

Еще совсем ребенком, в шесть лет мать отдала Усмана в арабскую школу изучать основы ислама. Он был очень способным учеником, учился с интересом, так как учеба давалась легко. С семи лет он начал молиться, и с тех пор, то есть более 100 лет был предан молитве и Всевышнему.

Первым его учителем был Матиев Солсбик из села Ахки-Юрт. Впоследствии его учителями были

Шанхоев Муса, Балаев Увайс. В 30-е годы XX века толкованию Корана его учили Гагиев Терсмейл-Хаджи, Бацаев Солсбик-Мулла, Сапралиев Алах-Мулла и Богатырев Ахмед-Мулла, ученик Дititова Абдул-Вагапа-Хаджи из Таш-Кечу (г. Аксай). Всю его жизнь они являлись его основными духовными наставниками. В юности Усман-Мулла Муцольгов последовал тобу (направление, учение) Абдул-Вагапа-Хаджи и стал его мюридом. В то же время из-за того, что он был способным учеником, ему доверяли самостоятельное обучение молодых тилмизов (учеников). В 16 лет он усвоил товхид (единобожие), знал на высоком уровне нахву (арабскую грамматику), знал таржама (перевод), фикх (исламское право), сияса (современную политику), тафсир (толкование Корана). Также к этому времени на арабском языке постиг такие науки, как математика, география, астрономия, история и медицина. [1]

До выселения ингушского народа в Казахстан Муцольгов Усман был Председателем Шариатского суда и одновременно преподавателем в медресе, где обучал молодых людей основам ислама.

Во время ссылки в начале 50-х годов Зяудин Шейх Ибн Ишан Бабахан – Муфтий Средней Азии приглашал Усмана Охлоевича преподавать в Бухарский университет, но он отказался, сказав, что он нужен своему народу, так как среди ингушей мало людей, знающих основы ислама.

После того, как ингушский народ получил разрешение вернуться на Родину, в числе первых вернулся домой со своей семьёй Усман Охлоевич.

В 60-е годы его учениками были Муцольгов Зяудин, Аушев Ибрагим, Дакиев Султан, Измайлов Салангирей и другие. Все они стали известными алимами в республики. Среди его учеников было много и представителей других народов Северного Кавказа.

Муцольгов У.О. был известным ученым в исламском мире. В 1977 году его пригласили на Всемирную исламскую конференцию, которая проходила в Бухаре, но из-за состояния здоровья он не смог участвовать в конференции и он послал своих учеников Белхароева Ахмеда и Измайлова Абдул-Хамида. С ними он отправил приветственное письмо к участникам конференции. Это письмо сегодня как почетное приветствие и уважение к автору находится в городском музее Бухары.

В эпоху тоталитарного режима из-за религиозных убеждений Муцольгова У. преследовали власти. В 1975 году его решили изгнать с семьей из села. Но односельчане этого не допустили. Со времени возвращения из ссылки и до 80-х годов он был бессменным имамом села Сурхахи. Более 20 лет он преподавал в арабской школе в одной из центральных мечетей города Назрани.

В 1991 году совершил паломничество в Мекку для совершения Хаджа наземным транспортом. Его ученики Даурбеков Микаил, Гарданов Адам, Даурбеков Магомед-Сали, Шадиев Хусейн, Оздоев Абдула сегодня являются имамами в своих селах. Зурабов Хамзат обучается в университете в Аль-Азхара. Так же его учениками являются Евлоев Асхаб, Газдиев Илез, Аушев Илез, Леймоев Ибрагим и другие.

В 1990 году был избран первым Муфтием Республики Ингушетия, но по состоянию здоровья и из-за возраста ему сложно было занимать столь ответственный пост. И поэтому он не смог долго занимать эту должность, но до конца своей жизни был консультантом по всем вопросам шариата. Словом и делом помогал в создании и становлении нашей Республики Ингушетия. В этот сложный для ингушского народа период к его советам прислушивался весь народ. Неоднократно участвовал в переговорах с чеченской стороной по вопросам определения границ.

У Муцольгова Усмана Охлоевича большая, дружная, образцовая, истинно ингушская семья. Всего было двадцать детей, четверых из них не стало во время ссылки в Казахстане в маленьком возрасте. Десять сыновей, шесть дочерей и более семидесяти внуков сумел воспитать Усман Охлоевич, основываясь на национальные устои и лучшие ингушские традиции. Именно такие семьи должны являться основой ингушского общества. Все дети имеют светское и исламское образование. Как особенно талантливых в исламской науке, среди своих внуков Усман Охлоевич выделял Магомед-Эффендия – имама одной из центральных мечетей города Назрань, и Илеза. Пятеро сыновей Муцольгова живут в родовом селе Сурхахи, а остальные – в городе Назрань.

Тепло отзывается о свёкре сноха Радимхан, которая прожила с ними двадцать восемь лет. Она была ему не только снохой, но и лечащим врачом. Она говорит: «он для нас был как родной отец, никогда не разделял на снох и дочерей Несмотря на то, что у нас у каждого, казалось бы, есть своя семья, но мы никогда не чувствовали себя отдельной семьей. Отец употреблял в пищу только продукты со своего подсобного хозяйства. Для него это было подчеркнуто особенно важно» [2].

Муцольгов Усман Охлоевич прожил яркую, полную смысла и любви к своему народу жизнь. Потомки его будут помнить и чтить.

Список литературы

1. ПМА. Информатор: Муцольгов Батрудин Усманович, проживает в г. Назрань, ул. Муталиева, д. 34.
2. ПМА. Информатор: Муцольгова Радимхан, проживает в г. Назрань, ул. Муталиева, д.36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Агиева Лемка Тугановна, к. филос.н., ученый секретарь ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

2. Акиева Петимат Хасолтовна, к. и. н., в. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

3. Акиева Хава Магомедовна к. филос. н., доцент Ингушского государственного университета (Магас)

4. Аккиева Светлана Исмаиловна, д. и. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарии и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик)

5. Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, к. и. н., зав. отделом этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург)

6. Алиева Севиндж Исрафил гызы, д. и. н., зав. отделом «История азербайджано-российских отношений» Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

7. Алмазов Исса Геннадиевич, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», начальник отдела Государственного архива Республики Ингушетия. (Магас)

8. Алиев Нурулла Ариф оглы, д. и. н., профессор отдела «Адьюнктуры и Науки» Военной Академии Вооруженных Сил Азербайджанской Республики, капитан 1-го ранга в запасе (Баку)

9. Анчек Сурет Хазретовна, к. филол. н., в. н. с. ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (Майкоп)

10. Арапханова Лейла Якубовна, к. полит. н., доцент кафедры истории Ингушского государственного университета, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

11. Атаев Борис Махачевич, д. филол. н, профессор, гл. н. с. ФГБУН «Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

12. Атаева Марьям Борисовна, аспирант Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

13. Атажахова Сайхат Туркубиевна к. филол. н., в. н. с., ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (Майкоп)

14. Барахоева Нина Мустафаевна, д. филол. н., профессор, директор ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

15. Биданок Марзият Мугдиновна, к. филол. н., в. н. с. ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева». (Майкоп)

16. Борокова Лиля Арабиевна, с. н. с. РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (Черкесск)

17. Гандалоева Аза Закриевна, к. филол. н, доцент Ингушского государственного университета (Магас)

18. Рамазанлы Гасанага Х. – с.н.с. Институт Археологии и Этнографии Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

19. Гасанова Узлипат Усмановна, д. филол. н, профессор Дагестанского Государственного университета (Махачкала)

20. Гасанов Гаджи Нуру оглу, к. и. н., доцент, зав. отделом Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

21. Гарсаев Лейчий Магамедович, д. и. н., профессор Чеченского государственного университета, зав. отд. этнологии Института гуманитарных исследований АН ЧР (Грозный)

22. Гарсаева Марем Магомедовна, ст. преподаватель кафедры чеченской филологии Чеченского государственного педагогического университета (Грозный)

23. Гарасаев Ахмед Магомедович (Грозный)

24. Генко Галина Анатольевна, «Отличник разведки недр», сотрудник общества «Мемориал» (Москва)

25. Гишаев Нух Туркубиевич, д. филол. н., гл. н. с. (зав. отделом) ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева». (Майкоп)

26. Гумба Гурам Джотович, к. и. н., с. н. с. Абхазского института гуманитарных исследований Академии наук Абхазии, доцент Абхазского государственного университета (Сухум)

27. Джапуа Зураб Джотович, д. филол. н., профессор, Президент Академии наук Абхазии (Сухум)

28. Джанкёзова Марина Азрет-Алиевна, к. филол. н., с. н. с. РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (Черкесск)

29. Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, д. и. н., заместитель директора по науке ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

30. Дзуматова Зарета Рашидовна, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», ст. преподаватель Ингушского Государственного Университета (Магас)

31. Дмитриев Владимир Александрович, д. и. н., гл. н. с. отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

32. Долгиева Марем Белановна, к. и. н., профессор Ингушского государственного университета, зав. отделом «Новой и новейшей истории» ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

33. Дударов Абдул-Мажит Муратович, к. и. н., с.н.с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

34. Капланова Аминат Исмаиловна, к. филол. н., доцент, с. н. с. РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (Черкесск)

35. Картоев Магомед Мусаевич, директор Госархива РИ, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

36. Кафар-Заде Ламия Расим кызы, д. филос. по истории, н. с. Института Истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку)

37. Киева Зуфира Хаджибикаровна, д. и. н., зав. отделом ингушского языка ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

38. Костоева Фатима Мухарбековна, к. филол. н. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

39. Кубанова Лиана Владимировна, к. полит. н., с. н. с. РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (Черкесск)

40. Кукаева Сафият Алиевна, к. филол. н., доцент, в. н. с РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (Черкесск)

41. Кямиль Мирнаги оглы Адыгёзалов, диссертант Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

42. **Магеррамов Эльмар Али оглу,** к. и. н., доцент, зав. отделом Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

43. Магомедов Даниял Магомедович, н. с. ФГБУН «Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

44. Магомедов Магомед Ибрагимович, д. филол. н., профессор, директор ФГБУН «Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

45. Магомедханов Магомедхан Магомедович, д. и. н. зав. отделом этнографии ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

46. Матиев Магометбашир Адамович, к. филол. н., зав. отделом фольклора и литературы ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас), профессор Ингушского государственного университета (Магас)

47. Матиев Тимур Хусенович, к. и. н., в. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», доцент, и.о. зав. кафедры истории Ингушского государственного университета (Магас)

48. Муртазалив Ахмед Магомедович, д. филол. н., г. н. с. ФГБУН «Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

49. Нанаева Барият Балаудиновна, д. филос. н., профессор, зав. кафедры философии Грозненского государственного технического университета им. Акад. М.Д. Миллионщикова (Грозный)

50. Нифталиев Рамиль Юзахмед, д. филос. по истории, с. н. с. Института истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)

51. Рамазанова Зоя Буттаевна, д. и. н., в. н. с. ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

52. Ситимова Сара Саферовна, к. филол. н., с. н. с. ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (Майкоп)

53. Сефербеков Руслан Ибрагимович, д.и.н., в.н.с., ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

54. Солсанова Аза Исаевна, н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

55. Султанбеков Рабадан Магомедович, к. и. н., доцент Дагестанского государственного педагогического университета (Махачкала)

56. Султыгова Марифа Магомедовна д.и.н., в.н.с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», депутат Народного Собрания РИ, и.о. зав. кафедры ПМНО Ингушского государственного университета (Магас)

57. Танкиев Висин-Гири Хасанович, к.и.н., в.н.с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», Заслуженный деятель науки РИ (Магас)

58. Харсиев Борис Магомет-Гиреевич, к. филос. н., зав. отделом этнологии ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

59. Хайрова Роза Резвановна, н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

60. Хуако Фатимет Нальбиевна, д. филол. н., профессор, в. н. с. ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» (Майкоп)

61. Цароева Марет Гайсултановна, доктор по истории религий; доктор по этнологии, Лаборатория по изучению Монотеистических религий: Sorbonne-IV, EPHE, CNRS. (Париж, Франция)

62. Шавлаева Тамара Магомедовна, Grand PhD в. н. с. Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики (Грозный)

63. Шадиев Султан Арсамаковаич, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас), Член Союза писателей РФ (Магас)

64. Шаипова Тамара Сейтхасановна (Грозный)

65. Шаманова Фатима Дадашевна, к. филол. н., с. н. с. РГБУ Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (Черкесск)

66. Яндиева Тамара Уматгиреевна, ст. предподаватель кафедры истории Ингушского государственного университета, с. н. с. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» (Магас)

Научное издание

ИНГУШЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗА
(К 90-ЛЕТИЮ ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА)

Рекомендовано к печати Ученым советом
ГБУ «ИнгНИИ»

Технический редактор
Х.А. Накостоев

Компьютерная верстка Д.Я. Куштова

Сдано в набор 12.10.2016 г.
Подписано в печать 18.10.2016 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 70 г/м^2.
Гарнитура «Times». Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 114. Усл.-печ. л. 28,5.
Тираж – 200 экз.

Издательство ООО «Пилигрим»
386120, Республика Ингушетия,
с. Кантышево, ул. Джабагиева, 97.
E-mail: piligrim-K@list.ru

Отпечатано в типографии ООО «Пилигрим»
386102, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Чеченская, 5.